ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Под редакцией Кеннета О. Моргана

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Под редакцией Кеннета О.Моргана

Содержание

1. Римская Британия (около 55 до н. э. – **около 440 н. э.)** *Питер Сэлуэй*
Начала британской истории
Римское завоевание
Британия при Поздней Империи
Конец римского правления
2. Англосаксонский период (около 440-1066) *Джон Блэр*
Эпоха расселения
VII век
Верховенство Мерсии
Вторжение викингов и подъем Уэссекского королевского дома
Этельред и Кнут: упадок английской монархии
Конец Англосаксонского королевства
3. Раннее Средневековье (1066-1290) *Джон Гиллинхем*
1066 г. и то, что за ним последовало
Вильгельм I (1066-1087)
Вильгельм II (1087-1100)
Генрих I (1100-1135)
Стефан (1135-1154)
Генрих II (1154-1189)
Ричард I (1189-1199)
Иоанн (1199-1216)
Генрих III (1216-1272)
Эдуард I (1272-1307)
Уэльс и марки
Шотландия
Управление
Закон и правосудие
Церковь и религия
Экономика
4. Позднее Средневековье (1290-1485) *Ральф Э. Гриффитс*
Англия в войне (1290-1390)
Благосостояние, население и перемены в обществе
Затишье и продолжение войны (1390-1490)
На пути к нации
5. Эпоха Тюдоров (1485-1603) *Джон Гай*
Изменения в народонаселении
Генрих VII
Генрих VIII
Эдуард VI
Королева Мария
Елизавета I
6. Стюарты (1603-1688) *Джон Моррилл*
Общество и экономическая жизнь
Правительство и закон
Начало правления Стюартов

Гражданские войны
Республика и протекторат
Реставрация монархии
Интеллектуальная и религиозная жизнь
7. Восемнадцатый век (1688-1789) *Пол Лэнгфорд*
Революция и ее последствия
Возвышение «робинократии»
Промышленность и незанятость
Становление Англии среднего сословия
Политика протеста
Восстание и реформа
8. Революция и власть закона (1789-1851) *Кристофер Харви*
Размышления о революциях
Индустриальное развитие
Реформа и религия
Войны за рубежом
Овладение реформой
«Если только не Бог строит города…»
«Колокола перемен»
Политика и дипломатия: годы правления Пальмерстона
Объединение
9. Век либерализма (1851-1914) *Х.К.Д.Мэттью*
Свободный рынок: растущая индустриализация экономики
Изменения в составе населения: город и деревня
Массы и классы: городской рабочий
Клерки и коммерсанты – нижний слой среднего класса
Имущие классы
Пышность и церемониал
«Большие изменения в нравах»
«Вилла тори» – возрождение консерваторов
Ирландия, Шотландия, Уэльс: тщетные попытки добиться гомруля
Империалисты поневоле?
Реакция fin-de-sciècle: новый взгляд на государство
Старый либерализм, новый либерализм, лейборизм и налоговая реформа
Эдвардианская эпоха: скрытый кризис государства
«Лету в Англии конец»
10. Двадцатый век (1914-2000) *Кеннет О. Морган*
Первая мировая война
Двадцатые годы
Тридцатые годы
Вторая мировая война
Послевоенный период
От семидесятых к девяностым
Навстречу новому тысячелетию

Вступительное слово к русскому изданию

Великий русский историк Николай Михайлович Карамзин сказал об истории следующее – это «завет наших предков нашим потомкам… объяснение настоящего и пример для будущего».

Карамзин писал в то время, когда национальное государство доминировало не только политически, но и в культурном аспекте. Он писал российскую историю как «завет и пример» для российских читателей. Его философия заключалась в том, что российское настоящее должно принципиально учиться, а российское будущее должно принципиально черпать вдохновение у российского прошлого.

С тех пор мир продвинулся вперед. Культурные барьеры рухнули. Сейчас мы все осознаем, что у русской истории может поучиться не только Россия, но и Европа и остальной мир. Мы все, например, можем извлечь уроки из российского опыта построения коммунизма и осознания того, как трудно и опасно пытаться воплотить утопические идеи в реальную политику. И все мы можем испытывать восхищение перед тем решающим вкладом, который внесла Россия в победу во Второй мировой войне и разгром фашизма в Европе. В моей стране Великобритании все большее и большее число ученых, студентов и простых читателей проявляет интерес к российской истории, так как она может многое рассказать нам о России, Европе и о нас самих.

Что является справедливым в отношении российской истории, справедливо и в отношении истории Великобритании. Было время, когда наши историки, в числе которых можно назвать великих Хьюма и Маколея, писали британскую историю для британских читателей. Бытовало мнение, что наш путь развития, хоть без сомнения поучительный для граждан Великобритании, может представлять лишь ограниченный интерес, не говоря уже о том, чтобы находить применение за пределами нашей страны.

Однако и эта исходная посылка утратила свою жизненность. За последние несколько лет произошло бурное расширение связей между Россией и Великобританией. Растет объем торговли, туризма, все большее число россиян изучает английский язык, читает английскую литературу, смотрит британское кино и слушает британскую музыку. Неизбежно растет вероятность того, что те, кто находит привлекательной и интересной культуру Великобритании, заинтересуются и ее историческим прошлым.

Но я надеюсь, что приобщение россиян к британской истории не ограничится представлением о Британских островах как о живописном иноземном форпосте на противоположной от самой России стороне европейского континента. Я глубоко убежден в том, что моя страна явилась колыбелью ценностей, на которых учился весь мир, и ее пример оказал на мир благотворное воздействие. Не сложно рассказать историю Великобритании как историю становления свободы и демократии. Наш шестнадцатый век стал свидетелем возникновения Парламента, выражающего глас народа, с которым король или королева все больше и больше должны были считаться. Наш семнадцатый век в результате двух крупных восстаний стал свидетелем крушения монархической тирании, передачи политической власти Парламенту, становления эффективной независимой от политиков судебной системы и зарождения философии прав человека и свободы личности, призванной объяснить эти радикальные изменения. Восемнадцатый и девятнадцатый века на фоне динамичного социального развития в результате сочетания таких факторов, как ограничение функций правительства, диктатура закона и права личности, стали свидетелями превращения Великобритании в первую в мире индустриальную державу и первую европейскую массовую демократию, которая благодаря этому в двадцатом столетии сумела противостоять вызовам, грозящим ей тоталитаризмом и тиранией. Как британец я сегодня с некоторой гордостью могу смотреть на мир, доминирующие ценности и устремления которого – свобода, демократия, диктатура закона, права человека – в значительной мере сформировались на примере Великобритании.

Поэтому я весьма рад, что пришло то время, когда Оксфордская история

Великобритании впервые издается на русском языке. Я знаю, что эта книга расскажет российской аудитории не только о ярких случаях, событиях и особенностях характеров выдающихся людей, что, с моей точки зрения, делает историю такой привлекательной для чтения, но и о креативности и неутомимости британцев, позволивших им проложить исторический курс и сформировать для себя систему социальных и политических ценностей, которым решили следовать столь многие страны.

Эта замечательная книга, ставшая для британских читателей тем самым карамзинским «объяснением настоящего и примером для будущего», теперь станет тем же и для российских читателей. Как посол Великобритании в России я рад всему, что поможет сблизить наши страны. И я уверен, что книга сможет это сделать.

Сэр Энтони Расселл Брентон,
Посол Великобритании в Российской Федерации

Предисловие редактора английского издания

Исключительность, даже уникальность британцев долгое время воспринималась как нечто само собой разумеющееся и иностранцами, и внутри страны. Заморские гости – от вездесущих венецианских купцов конца XV в. и таких интеллектуалов, как Вольтер и Токвилль, до американских журналистов XX в. – все были уверены в особых качествах британского общества. В той или иной мере это положение разделяют и современные британские историки, даже если они придерживаются противоположных идеологических взглядов: и сэр Уинстон Черчилль, и Джордж Оруэлл – оба патриоты. Но о природе или сущности «британскости» британцев легче говорить, чем найти ее определение и тем более объяснить ее. Лишь очень немногие попытки так или иначе выкристаллизовать это свойство можно считать более или менее успешными. Одной из наиболее известных, обращенных непосредственно и исключительно к английскому народу, стала впервые опубликованная в 1926 г. замечательная обзорная «История Англии» Дж.М.Тревельяна. Автор сосредоточил свое внимание на ряде тем, которые, по его убеждению, обусловливают особый английский опыт на протяжении веков – географическая отдаленность от континентальной Европы с постепенным наращиванием морского могущества; широкая социальная мобильность, в рамках которой ранний переход от феодализма позволил создать новые индустриальные и коммерческие предприятия; плавная преемственность культуры с времен Чосера и Уиклифа до наших дней, а также тема, особенно любезная сердцу такого старого поздневикторианского либерала, как Тревельян, – продолжительная политическая и законодательная эволюция, выразившаяся в долговременности существования парламентских институтов и главенства закона. Уверенный в себе, живой, энергичный и прогрессивный остров сумел колонизировать и цивилизовать мир. Ни одну из тем Тревельяна нельзя исключить. В то же время ни одна из них не может быть воспринята однозначно в конце XX в. – в это мучительное, обуреваемое сомнениями время с твердо укрепившимся недоверием к национальным и расовым стереотипам. Задача попытаться ухватить самую сущность британского опыта все еще остается такой же насущной и привлекательной, как и раньше.

Цель данной книги – выделить и раскрыть основные элементы этого опыта на протяжении истории Британии, с раннего периода римского завоевания до конца XX в. Она не имеет отношения к постоянно меняющейся концепции «национального характера» – трудному и, возможно, неблагодарному предприятию, даже если рассматривать только англичан, и практически неосуществимому, если учитывать еще и совершенно особые традиции валлийцев, шотландцев и ирландцев. Книга скорее стремится раскрыть основные политические, социальные, экономические, религиозные, интеллектуальные и культурные особенности Британских островов в той степени, в какой они проявляли себя в тот или иной исторический период, и показать, как профессиональные ученые пытались их изучить. Поэтому проблема существования «британского национального характера» или

его отсутствия рассматривается здесь скорее подспудно, чем открыто. Читателю будет предоставлена возможность делать собственные выводы и составить собственную точку зрения. Это, что в таких случаях неизбежно, – коллективный труд, написанный в тесном сотрудничестве десятью профессиональными историками. Коллективный подход обусловлен тем, что эпоха, когда один универсальный ум, например такой, как у Тревельяна, имел возможность и полномочия одинаково легко справляться со всеми аспектами британской истории, возможно, умерла вместе с либеральной интеллигенцией где-то после 1914 г. Сегодня, когда титаны эпохи Возрождения исчезли с лица Земли, такой универсализм невозможен с практической точки зрения, да и нежелателен. Зато каждая крупная фаза истории Британии здесь глубоко изучена специалистом в своей области, а результаты исследований представлены в виде, доступном для широкой аудитории. Основной посыл этой книги заключается в том, что она посвящена истории Великобритании – двух отдельных мультикультурных островов, а не только преимущественно Англии, как раньше. Этому способствовало и то обстоятельство, что из десяти авторов трое – валлийцы, а двое – шотландцы! Географические и другие отличия Британии от континентальной Европы и остального мира складывались постоянно, но то же самое можно сказать и о экономических, интеллектуальных, культурных и религиозных связях, посредством которых Британия и заморские страны помогали друг другу в формировании собственного опыта. Потребность в динамичном освоении, колонизации и завоевании со времен Тюдоров до наших дней, приведшая в свое время к созданию величайшей в мире империи, также придает прогрессивность историческому развитию Британии. В этой книге Британия остается географическим островом, знакомым всем школьникам. Но это остров, чья физическая изолированность (со времен прибытия сюда первых римских легионов) всегда рассматривалась в широком контексте связей с континентальной Европой, а затем – с Северной Америкой, Африкой, Азией и Австралией.

Эти главы помогут показать, как в свете современных исследований разрушаются старые стереотипы. «Анархия» середины XII в., хаос Войны Роз, неотвратимость гражданских войн, спокойствие викторианской Англии, знакомые читателям «1066 и тому подобное», опадут, как осенние листья. К тому же представление о том, что британская история, в отличие от истории других, менее успешных наций, отличается особой плавностью и мирной последовательностью, как оказалось, нуждается в серьезном критическом анализе. История британского народа – это целый комплекс событий, иногда жестоких и революционных, в ней присутствуют и распад, и резкие перемены как темпа, так и курса. Идея спокойного, непрерывного эволюционного прогресса даже в Англии, не говоря уже о бурной, изломанной, даже шизофренической истории кельтских народов, предстает здесь не более чем мифом, пригодным лишь для исторической свалки, как и романтические истории о столетиях «золотого века» после времен короля Артура.

В Римской Британии, как показал Питер Сэлуэй, отмечались устойчивые, сменяющие друг друга периоды социального подъема и преобразований задолго до окончательного изгнания римлян в начале V в. Джон Блэр описывает династические беспорядки и значительный рост городов в англосаксонский период, окончательный и жестокий конец которому положила битва при Гастингсе. Джон Гиллинхэм описывает картину завоеваний в период раннего Средневековья, отмеченных частыми поражениями на французской и британской земле, а напряженность в обществе вследствие этих испытаний в конце XIII в. возросла до такой степени, что можно было подумать, будто страна находится на грани классовых войн. Хотя этого удалось избежать, в период позднего Средневековья, как пишет Ральф Гриффитс, вслед за продолжительными войнами во Франции в самой Британии XV в. последовали аристократические беспорядки; но одновременно страна восстанавливалась после эпидемий чумы и социальных потрясений. Эпоха Тюдоров, описываемая золотистыми красками в патриотических излияниях последующих поколений, как показал Джон Гай, на самом деле была отмечена значительным ростом населения, с которым не справлялись экономические ресурсы, религиозным конфликтом и угрозой

иностранного вторжения. Последующие политические и религиозные проблемы, доставшиеся в наследство династии Стюартов, проанализированы Джоном Морриллом в истории столетия, на протяжении которого – несмотря на явное прекращение внутреннего беззакония – две гражданские войны, казнь короля, установление республики, Реставрация и затем революция следовали друг за другом без передышки. Видимая внешняя стабильность, процветание и культурная экспансивность георгианской эпохи, как показал Пол Лэнгфорд, создали условия для бурного, невиданного в мировой истории роста промышленности, торговли и техники, а также для восприятия новых революционных импульсов, поступавших из североамериканских колоний и республиканской Франции. Так или иначе, образ Эдуарда Гиббона, автора истории Римской империи при Антонинах и их преемниках, спасающегося бегством из его любимой Франции от лютующих якобинцев, достаточно символичен. Вначале XIX в., как объясняет Кристофер Харви, революционной малярии, бушевавшей в других странах Европы, в Британии удалось избежать. Вместо этого новая эпоха принесла существенные перемены в социальное устройство и идею правового сообщества, а также ощутимое классовое разделение, что позволило Марксу считать Великобританию передовой линией революционного апокалипсиса. Конец XIX – начало XX в., как подчеркивает Х.К.Дж.Мэттью, быстро изменили ситуацию в стране от вежливой самоуверенности времен Всемирной выставки до тревожных настроений на рубеже веков (*fin de siècle*) с присущими этому времени социальными трениями, империалистическим неврозом и чувством национальной уязвимости. В годы после 1914 г., описанные автором этого предисловия, произошли две мировые войны, экономические кризисы 30-х и 70-х годов и насильное смещение Британии с занимаемых позиций. Таким образом, история Британии это не гармоничная последовательность, разворачивающаяся от события к событию и от статуса к договору, как это представляли себе викторианские интеллектуалы. Это драматическая, красочная, часто жестокая история многовекового общества и его культуры, вычленяемая из политической, экономической и интеллектуальной чехарды человеческого опыта. Британия во многих отношениях стала капитанской рубкой человечества.

И наконец, чтение этих глав может создать ясное представление о том, что чувство национального самосознания британцев, хотя его и трудно определить, сохранилось и в постримскую, и в постнормандскую эпохи. Некоторые элементы этого самосознания, не обязательно тесно связанные друг с другом, легко проследить на протяжении веков. В разное время это кельтско-христианское сознание, пережившее римское завоевание; расцвет искусства, наблюдаемый в скульптуре и миниатюрах позднего англосаксонского периода; централизованная государственная и церковная система, созданная нормандцами и анжуйцами; яркое чувство принадлежности к английской нации, отраженное в поэзии и, возможно, даже в архитектуре XIV в. В сумерках эпохи Тюдоров пьесы Шекспира подтверждают рост чувства национального самосознания, хотя присутствие вездесущего елизаветинского валлийца Джона Ди, автора амбициозного термина «Британская империя», указывает и на более широкие горизонты. Равным образом, интеллектуальные ценности, воплощенные в революции 1688 г. – известной маколеевской «Славной революции», – способствовали сохранению глубинной социальной и культурной преемственности в XVII в., в то время как на поверхности бушевали страсти высокой политики. Общественная стабильность на протяжении большей части XVIII и XIX вв., вкупе с повсеместным и одновременным развитием промышленности, транспорта и средств связи, и, возможно, демократические достижения нынешнего века – политические и социальные – вдохнули новые силы в эту ощутимую струю национального самосознания. Во все решающие моменты британской истории общество было скорее сплоченным, чем разделенным. Классовых войн в период позднего Средневековья на самом деле не было, хотя такое определение имеет место; пророчество Маркса о мощном революционном подъеме в новое индустриальное время, к счастью, тоже не осуществилось. То, что Британия смогла справиться с напряжением политической революции еще в XVII в., а с индустриализацией

– еще в XVIII в., в каждом случае задолго до других европейских наций, подтверждает наличие сильных корней у ее общественных институтов и ее культуры. Компромисс, в не меньшей степени, чем конфликт, играл центральную роль в нашей истории

В своих разнообразных формах этот глубокий патриотизм, охватывающий валлийцев, шотландцев и жителей Ольстера уже на протяжении веков, – хотя никогда не присущий южным ирландцам, – выдержал испытание временем и остался неисчерпаемым. Видимые, узнаваемые символы нашего патриотического чувства сохранились до сих пор – Корона, Парламент, законотворчество, легитимность империи, стремление к индивидуализму и частной неприкосновенности, коллективный энтузиазм в досуге и спорте. Но что действительно поражает – это патриотизм, присущий самым строгим критикам существующего порядка, несмотря на их альтернативные сценарии общественного развития. Левеллеры, Даниель Дефо, Уильям Коббетт, Уильям Моррис, Р.Г.Тони, Джордж Оруэлл – все они в свое время выступали как пламенные, свободолюбивые противники социального неравенства и политической нестабильности. В то же время у каждого из них было глубокое, почти религиозное чувство особой цивилизационной сущности своей страны, народа, истории и судьбы. Противопоставляя это чувство преемственности в национальном развитии повторяющимся на протяжении веков разрушениям и кризисам, историк, пожалуй, достигает наивысшего оправдания, сталкивая британцев лицом к липу с их прошлым и с самими собой. Мы надеемся, что широкие круги читателей с помощью этой книги поймут себя, свое общество, соседей и окружающий мир с большей ясностью, тонкостью, энтузиазмом и даже с любовью.

Кеннет О. Морган
Оксфорд, ноябрь 1983 г.
В этом просмотренном и исправленном издании
повествование доводится до 2000 г.
К.О.М.
Оксфорд, ноябрь 2000 г.

1. Римская Британия (около 55 до н.э. – около 440 н.э.)

Питер Сэлуэй

Начала британской истории

В римский период численность населения Британии была максимальной за Средние века. На протяжении четырех веков Британия входила в качестве составной части в единую политическую систему, охватывавшую территорию от современной Турции до Португалии и от Красного моря до реки Тайн. Ее связи с Римом установились еще до завоевания, начатого императором Клавдием в 43 г. н.э., и продолжали сохраняться некоторое время после окончательного крушения римской власти. Таким образом, рассматриваемый нами период британской истории занимает около половины тысячелетия.

Начало того, что позднее стало Британией, было положено гораздо раньше периода римского владычества. Характерные черты общества, с которым римляне столкнулись в Британии, начали складываться в эпоху неолита и ранней бронзы. Ко времени римского завоевания культура населения Британии насчитывала от полутора до двух тысяч лет предшествующего развития – хотя исследователи доисторического периода продолжают горячо спорить относительно различных аспектов его периодизации. К концу железного века в здешнем обществе сложилась форма организации, во многом напоминающая ту, что римляне встречали повсюду на северо-западе Европы; были усвоены те разновидности культуры и языка, которые мы неточно называем «кельтскими». Вне имперских границ в Британии они оставались в основном неизменными; внутри их кельтский субстрат существовал, ассимилируемый и усваиваемый Римом теми способами, которые в целом не слишком соответствуют применяемым в современных колониальных империях.

Тогда почему мы не начинаем нашу «Историю Британии» с доримского периода или не относим Римскую Британию к «доисторической эпохе», как это делают некоторые современные исследователи? Ответ заключается в качественном различии между римским периодом и эпохой, предшествующей ему. В утверждении о том, что изучение Римской Британии относится к «доисторической эпохе», есть много верного в том смысле, что в данном случае мы в основном опираемся на данные археологии – и это же можно сказать о раннем англосаксонском периоде. В то же время наши источники по Британии никоим образом не являются исключительно археологическими, и сам анализ материальных остатков не может быть изолирован от изучения письменных источников. Несмотря на то что количество письменных свидетельств, современных тому периоду или близких к нему, не так велико по сравнению с более поздними веками, оно достаточно, чтобы считаться значительным. Кроме того, в нашем распоряжении имеется очень много сохранившихся письменных памятников, созданных повседневной жизнедеятельностью общества с распространенной грамотностью, которые не претерпели неизбежных искажений, свойственных дошедшим до нас греческим и латинским литературным текстам, переписываемым от руки на протяжении веков. Конкретные примеры письменности, найденные в Британии главным образом в виде надписей на камнях, но также и в других формах, служат одним из основных первоисточников по истории римско-британского периода. Они включают в себя клейма изготовителей на произведенных товарах, небольшое, но постоянно увеличивающееся число личных писем и других документов, написанных на различных подходящих материалах, которые находят в ходе раскопок, и даже граффити – образцы письменности простых людей. Мы также не можем игнорировать такую специализированную и сложную, однако дающую множество ценной информации область, как исследование римской монетной системы, которая играла весьма важную роль в политике и экономике римского мира. Денежные знаки использовались правительством не только в качестве средства обмена; надписи и изображения на монетах служили мощным средством массовой пропаганды, своей навязчивостью напоминающим

телевизионную рекламу. Общепризнанно, что умение читать было более распространено в городах, чем в сельских районах Римской Британии; в армии оно было обязательным, а в ряде других видов деятельности – необходимым. Оно не было ограничено рамками небольшой или специализированной группы, как это было характерно для других эпох.

Главное различие между Римской Британией и тем обществом, которое существовало до нее, состояло в том, что население в римскую эпоху было грамотным, возможно, более грамотным, чем в любое другое время до конца Средневековья. Наряду и в связи с этим следует отметить тот факт, что над миром Римской Британии властвовало право, которое до мелочей регулировало отношения между человеком и государством, человеком и человеком, каким бы корыстным или неэффективным зачастую ни было его реальное применение. Поразителен контраст между Римской Британией, обществом, в котором все большую роль играли предписания и процедуры, зафиксированные в официальных документах, и той страной, которая была здесь к концу железного века. Тогда даже на вершине социальной иерархии, где импорт римских предметов роскоши играл заметную роль, письменность полностью отсутствовала, за исключением надписей на великолепных, но редких монетах – и даже они почти всегда были латинскими, а сами чеканщики часто были римлянами.

После того как экспедиции Юлия Цезаря 55 и 54 гг. до н.э. указали направление экспансии, стремление Рима завоевать страну стало в большей или меньшей степени неотвратимым. Римляне не признавали никаких ограничений на право распространять свою власть: они рассматривали его в качестве своей божественной миссии. Начиная с Цезаря, Британия занимала особое и значительное место в сознании римлян. Римский период является поворотным не в том смысле, что тогда на британской земле появились первые человеческие поселения, а в смысле перехода страны из доисторической эпохи в историческую.

Физическая география страны оказывает большое воздействие на жизнь населяющих ее людей, и Британия не исключение из этого правила. Самой бросающейся в глаза и неизменной характеристикой ее ландшафта является общее разделение между горной местностью и равнинами – приблизительно между севером и западом острова и его югом и востоком, – однако это различение в ходе исторического анализа может быть преувеличено. Кроме того, в Британии человек продемонстрировал незаурядную способность переделывать окружающий ландшафт, иногда намеренно, иногда ненамеренно, преследуя те или иные цели, например заготовку топлива. Следует сказать еще, что тот период был отмечен значительными колебаниями природных условий, в частности изменениями относительного уровня суши и моря, которые оказали серьезное воздействие на очертания береговой линии, а во внутренних районах – на уровень воды в реках. До какой степени причины, вызывавшие эти колебания, были обусловлены климатом или же геологическими сдвигами, до конца неясно. В общих чертах данные, которыми мы располагаем относительно римского периода, позволяют предположить, что климат в ту эпоху был схож с климатом современной Британии. За периодом, когда уровень моря был относительно высоким, последовало «отступление моря» в I в. до н.э., открывшее новые земли для обработки. В III в. н.э. данные о наводнениях во многих районах Европы, вызвавших серьезные проблемы в низинах, на берегах рек и в гаванях, свидетельствуют о наступлении более влажного климата. Таким образом, можно предположить, что климатические условия в рассматриваемый период не отличались постоянностью.

Предположение о том, что основная часть Британии была покрыта лесами вплоть до наступления англосаксонского периода, широко распространенное раньше, сейчас мало кем разделяется. Хотя ко времени римского завоевания все еще сохранялись большие массивы естественных лесов, численность населения Британии тогда уже выросла до уровня, который в целом сохранялся в период владычества римлян и был в два или три раза выше, чем в период правления Вильгельма Завоевателя (1066-1087). Соотношение лесов и открытого, заселенного пространства упало тогда до показателя конца Средних веков.

Начиная примерно с 1300 г. до н.э. на территории Британии начался классический железный век, появились характерные для этого периода укрепления на возвышенностях, отдельные дворы и группы дворов, которые иногда достигали размеров сельских поселений (часто имевших небольшие ограждения), увеличивались площади постоянно обрабатываемых полей, лесные насаждения, а также значительные участки пастбищ. В течение 600 лет, предшествовавших эпохе Цезаря, Британия обрела многие черты, характерные для последующих периодов железного века на территории континентальной Европы, хотя и не без местных особенностей. Данное обстоятельство вызвало продолжающийся до сих пор спор между исследователями доисторического периода относительно того, свидетельствуют ли эти последовавшие одно за другим изменения о каком-то значительном по масштабам иноземном вторжении, о появлении сравнительно небольшого числа имевших влияние или осуществивших завоевание чужаков (какими впоследствии стали норманны) или же об обмене идеями посредством путешествий и торговли. В любом случае Британия ко времени Цезаря достигла такого этапа развития, что племена, с которыми он столкнулся здесь в тех районах, куда он проник – на юге и на востоке, – были, по его собственным словам, весьма похожими на племена, встреченными им в Галлии. Правда, данные археологии свидетельствуют о том, что в Британии проживали и менее развитые народы, однако все они, как представляется, говорили на одной и той же британской разновидности кельтского языка и имели в широком смысле схожую культуру.

Имеется ряд оснований считать, что племенная система, которую мы обнаруживаем в Британии во времена Клавдия, при Цезаре развилась еще не в полной мере; кроме того, тот период отмечен рядом других важных изменений, которые мы рассмотрим позднее. В Южной Галлии местные племена в значительной степени перешли от правления королей к выборным должностям (magistracies) и племенным советам; однако в Северной Галлии во время появления там Цезаря королевская система власти была по-прежнему общераспространенной. В Британии она сохранилась до времен Клавдия, хотя имеются признаки, указывающие на случаи совместного или попеременного правления двух королей. Общество было разделено на военную аристократию и простых людей, занимавшихся в основном сельским хозяйством. Жрецы, или друиды, составляли третью общественную группу, чье положение и функции до сих пор остаются предметом дискуссий, хотя, по крайней мере относительно Британии, имеющиеся данные свидетельствуют не в пользу распространенного мнения, будто они играли значительную политическую роль. Кельтам приписывали драчливость, проявлявшуюся как внутри их собственного племени, так и в той легкости, с какой различные племена вступали друг с другом в войну. Только в редких случаях, перед лицом большой опасности, кельтские племена объединялись, для того чтобы избрать единого лидера. По крайней мере в Галлии сохранялась определенная традиция периодических собраний знати различных племен. У кельтов было очень мало или не имелось вовсе «национального» чувства.

Ко времени Цезаря между Южной Британией и Северной Галлией установились тесные связи. Данные археологии свидетельствуют о двух основных путях перемещения вещей и людей между двумя странами. Самый важный из них в то время пролегал от Бретани и Нижней Нормандии (в эпоху древности известных под общим названием Арморика) до Юго-Западной Британии, в особенности через порт Хенгистбери-Хед в Дорсете. Другой путь проходил от Верхней Нормандии и территории современных Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, землями между устьями Сены и Рейна, до Южной и Восточной Англии. Цезарь пишет, что «на памяти ныне живущих» власть галльского правителя распространялась также и на Британию. Он столкнулся не только с отрядами из Британии, воевавшими плечом к плечу с его галльскими противниками, но и с мешавшими ему беженцами, которые искали спасения от Рима у друзей или родственников по другую сторону Ла-Манша.

Для того чтобы понять, почему Цезарь оказался в Галлии и что могло побудить его

начать кампанию в Британии, необходимо вкратце осветить положение Рима в то время. Римская экспансия в III-II вв. до н.э., в ходе которой он из италийского города-государства превратился в величайшую державу Средиземноморья, была осуществлена в рамках сохранявшейся традиционной формы власти. Теоретически она являлась демократией, с народными собраниями и ежегодно избираемыми магистратами, но на практике общественные должности век за веком занимали представители сравнительно небольшого числа аристократических семей. Сенат, считавшийся совещательным органом, на деле стал играть доминирующую роль. В его состав входили магистраты и все те, кто ранее был избран на магистратские должности. Наивысшими должностными лицами в республике являлись два ежегодно избираемых консула, почти всегда происходившие из еще более ограниченной группы в рамках сенатского класса, и их семьи пользовались особым авторитетом. Религиозные и общественные взгляды, тесно переплетенные между собой, обусловливали очень высокую ценность почитания предков и сохранения семейной чести. Репутация человека, т.е. то, что равные ему по положению люди думали о нем, имела величайшую важность, это было одной из самых характерных черт мира классической древности. На римского аристократа постоянное воздействие оказывали сознание долга перед своей семьей и личные амбиции, побуждавшие его подражать своим предкам как в общественной деятельности, так и в стремлении занять самую высокую должность.

Репутация завоевывалась с помощью успеха в двух областях – в законодательной деятельности и в армии. Карьера сенатора обычно включала в себя посты в обоих видах деятельности. При этом доблесть, проявленная в военном деле, помогала добиться большего авторитета. Занятие ряда высших должностей, даже ниже консульства, давало право командовать армиями и управлять провинциями. Современник Цезаря – оратор, политик и моралист Цицерон со всей категоричностью определял область деятельности, дающую наивысший личный статус: расширение границ империи приносит больше славы, чем управление ею.

В Древнем мире завоевательные войны обычно приносили изрядную выгоду победителю. Громадное богатство, обретенное Римом входе завоеваний, а также те возможности и соблазны, которые предоставляла его средиземноморская империя, стали причиной невыносимого перенапряжения политической и социальной системы, соответствующей потребностям всего лишь небольшого италийского государства. К середине I в. до н.э. Римская республика переживала процесс распада. Старые обычаи правящего класса больше не отвечали сложившимся условиям. Стремление стать одним из немногих избранных сменилось неспособностью терпеть даже равных себе у власти и в славе.

Одним из видимых признаков авторитета крупного римского аристократа в течение продолжительного времени было число людей, зависевших от него. К его «клиентам» могли относить себя целые общины. Такой «патронат» был одной из черт римского общества, которая обрела большое значение в жизни провинций вроде Британии, находившихся вдали от центров власти. К I в. до н.э. старые армии, состоявшие из граждан, которые собирались для ведения конкретной войны, были заменены армиями, состоявшими из профессионалов. Сенат совершил фатальную ошибку, в результате которой вознаграждение за службу солдат этих новых армий, и в особенности имевшее для них первостепенное значение обеспечение всем необходимым после ухода в отставку, стало обязанностью командующих, а не государства. Тем самым были созданы условия для незатухающей гражданской войны, и Республика оказалась фактически обречена. В этот период сложились образы мыслей, образы действий и социальные отношения, определявшие судьбу Рима до конца его истории. Значение всего этого для Британии выразилось не только в судьбоносных событиях последующей истории империи, которые напрямую повлияли и на историю Британии, но также и в том необычайном успехе, которого римляне достигли в распространении своих ценностей среди покоренных народов, особенно среди местных правящих классов. Вместе с тем создание общей

культуры высших классов, являвшееся необходимым условием для нормального функционирования империи, во многом стало одной из главных причин ее падения. История Британия в римскую эпоху служит примером этого фундаментального правила.

Завоевание Галлии Юлием Цезарем нужно рассматривать в контексте борьбы за власть в последние годы существования Римской республики. Вероятно, мы никогда не узнаем точно, почему он предпринял две экспедиции в Британию (в 55 и 54 гг. до н.э.), как и то, планировал ли он само завоевание, – хотя здесь, возможно, можно провести параллель с его карательным походом через Рейн в Германию. Последствия этих экспедиций для будущего в данном случае играют более важную роль. Если рассматривать их непосредственно военные результаты, то они были скромными, хотя после них уже не было слышно о жителях Британии, сражающихся в Галлии. Так как положение в последней оставалось взрывоопасным, Цезарь не был в состоянии довести до конца свои победы и воспользоваться преимуществом капитуляции временной конфедерации британских племен. Римский историк, писавший в следующем столетии, даже приводил слова вождя одного из британских племен, который заявлял о том, что его предки дали «отпор» Цезарю.

Как бы то ни было, смелое предприятие Цезаря в отношении Британии оказало длительное воздействие на Рим. Британия была отдаленным, почти сказочным островом за «Океаном», пугающим морем для римлян, все еще не привыкших к приливно-отливному режиму вне Средиземного моря. Британия находилась за границами познанного мира. За две короткие кампании Цезарь поместил Британию на римскую карту. Сохранив свою загадочную ауру, она с того времени всегда служила предметом соблазна для тех, кто стремился реализовать свои военные амбиции, – Цезарь создал цель и прецедент для последующих членов семьи Юлиев. Кроме того, его опыт – он несколько раз попадал в весьма опасное положение благодаря не только британцам, но и своим солдатам – послужил практическим уроком для будущих командующих экспедиционными силами.

Цезарь создал также важные прецеденты для интервенции в Британию. Он принял капитуляцию одних влиятельных местных королей и наладил дружбу с другими. На остров была наложена дань, или ежегодный налог. Кроме того, Цезарь утвердил королем племени триновантов в Эссексе молодого принца, который затем бежал с ним в Галлию. Отец этого принца был убит Кассивеллауном, бриттом, которого избрала конфедерация британских племен, чтобы возглавить ее борьбу с Цезарем, и которому ныне было запрещено вмешиваться в дела триновантов. В результате Рим получил возможность претендовать в определенном смысле на статус высшего арбитра, а также на право сбора дани и защиты своих друзей тогда, когда он этого пожелает. (На деле Рим редко поступал подобным образом, если это не соответствовало его интересам: множество небольших государств, находившихся под его номинальной защитой, смогло в достаточной мере оценить этот основной факт жизни Древнего мира, с несчастливыми последствиями для себя.) Но прецеденты, как мы помним, были очень важны для римлян, и после Цезаря у них таковых было множество.

В течение двух десятилетий после Цезаря внимание римского мира было поглощено серией гражданских войн, положивших конец республике и приведших к власти Октавиана, приемного наследника Цезаря, позднее принявшего имя Август. Сам Цезарь не предпринял никаких действий, когда его прежний галльский друг Комм, которого он утвердил королем племени атребатов в Галлии, присоединился к большому восстанию в этой провинции. После поражения восстания Комм бежал в Британию, где ранее он был агентом Цезаря, и основал династию среди британских атребатов. Отсутствие в тот период римского интереса к делам в Британии вполне понятно. Между тем мы постепенно начинаем распознавать различные племена и прослеживать историю династий. Особенно показателен в этом отношении случай с тем же Коммом. Его власть над созданным римлянами «клиентским» королевством галльских атребатов и моринами, населявшими побережье Ла-Манша к северу от устья Сены, позволила ему контролировать значительную часть территории, через которую проходили пути от основных районов проживания *Be1gae* (белгов), живших

по берегам Мааса, до Британии. Как представляется, за некоторое время до Цезаря началось переселение из белгской части Галлии в Британию, которое, вероятно, усилилось после успехов в завоеваниях Цезаря, приведя по крайней мере к установлению родственных королевских домов в Британии.

В течение I в. до н.э. культура белгов стала доминирующей в Южной Британии, даже среди племен, которые не имели белгского происхождения. Образ жизни менялся. Разделение труда в обществе обретало более выраженный характер, по мере того как все больше видов деятельности, в частности таких, как гончарное дело, становились областью специализации ремесленников, а не практиковались в домашних условиях. Британское искусство достигло изумительной высоты, особенно в обработке металла, отличающейся круговыми мотивами и прекрасной эмалью, однако оно служило главным образом для экипировки военных вождей и украшения святилищ. В большинстве районов, испытавших влияние белгов, укрепления на возвышенностях начали уступать место большим поселениям на равнинных участках; иногда подходы к ним были защищены сплошными земляными валами. Их рассматривают как предшественников городов римского периода, хотя многие из них были скорее королевскими резиденциями, чем городами, типичными для Средиземноморья того времени. Однако с точки зрения будущего облика Британии наиболее интересным изменением является то, что в период от Цезаря до Клавдия (54 г. до н.э. – 43 г. н.э.) на всей ее территории начинает вырисовываться более устойчивая модель сельского землеустройства с постоянными границами земель, позволяющими делать вывод о наличии их более или менее постоянного владельца. В настоящее время все больше археологов склоняются к тому, что в данный период, возможно, зародилась практика размежевания земель, просуществовавшая до наших дней. Разумеется, люди, которые обрабатывали землю и которые владели ею, неоднократно менялись. Общие черты ландшафта, отвечающие этой весьма правдоподобной гипотезе, сохранились до настоящего времени.

За год до своего первого похода Цезарь в морском бою уничтожил флот бретонских венетов, корабли которых в то время контролировали морские торговые пути между Арморикой и Юго-Западной Британией. Археологические исследования свидетельствуют о том, что примерно в этот же период резко возросла важность маршрутов между белгской Галлией и южной и восточной частями Британии. С тех пор наибольшую важность приобрели морские пути от Сены до окрестностей Саутгемптона, короткие маршруты от Булони до Кента и путь от Рейна и Нидерландов (Low Countries) до устьев рек в Эссексе. Возможно, нет ничего странного в том, что эти области Британии были в то время средоточием богатства и знания. Ведь начиная с 12 г. до н.э., когда Август направил свои войска на завоевание Голландии и Германии, важность, которую недавно приобрели связи Британии с северными соседями Рима, скорее всего, еще более возросла.

Несмотря на то что в конечном итоге попытка Августа расширить границы империи до Эльбы оказалась неудачной, с этого периода большие по численности войска Рима обосновались на Рейне на постоянной основе. Британия продавала в империю зерно, кожи, скот и железо – все то, без чего Рим не мог обойтись в своей военной кампании. Недавние исследования показывают, что в Британии с ее технически эффективным сельским хозяйством по крайней мере зерна производилось значительно больше, чем было необходимо для нужд населения. Можно с полным основанием предположить, что перспективы, которые открывались в связи с потребностями стоявшей на Рейне армии и новых рынков – римских провинций по ту сторону пролива, – значительно повлияли, а возможно, и стали причиной роста благосостояния, общественных перемен и даже изменения характера сельского хозяйства Британии.

В самом начале правления Августа тяготила слава Цезаря; он остро осознавал необходимость утвердить свою репутацию как полководца. Еще до окончательной победы над Марком Антонием Август, видимо, планировал поход на Британию и по меньшей мере дважды пытался его предпринять. В обоих случаях более важные задачи заставляли

Августа повременить. Однако с 26 г. до н.э. он довольствовался тем, что поддерживал распространенное и способствовавшее упрочению репутации Рима мнение о том, что завоевание Британии лишь вопрос времени, развивая при этом дипломатические отношения, предпосылкой для которых могли стать переговоры о возможном пересмотре схемы налогообложения, введенной Цезарем, а они, как мы знаем, уже велись в тот период. При этом завоевание Британии по-прежнему считалось вопросом времени, и такое мнение благоприятно сказывалось на репутации Рима. Страбон, автор, писавший в поздний период правления Августа или при его преемнике Тиберии, утверждает, что бритты платили Риму высокие таможенные пошлины за ввоз и вывоз товаров. Похоже, он разделял точку зрения, оправдывавшую снижение интереса к завоеванию, заявляя, что, несмотря на всю легкость предприятия, Рим не спешил с захватом Британии, поскольку гораздо выгоднее было взимать налоги, не завоевывая ее. Бритты, авторитетно добавляет Страбон, не представляли военной угрозы.

Комма на британском троне сменил сын, Тинкомм, и около 15 г. до н.э. отношения Рима с этим столь важным для империи королевством, где заканчивались пути от Сены до Саутгемптона, по всей вероятности, изменились, обретя характер дружеских. Возможно, причиной стало усиление роли одного из племен бриттов, катувеллаунов, большинство представителей которого проживало в Хертфордшире. Неизвестно, появилось ли данное племя незадолго перед тем в результате слияния более мелких кланов или уже обладало заметным влиянием во времена Кассивеллауна, однако с этих пор и до завоевания Британии Клавдием экспансия катувеллаунов будет иметь определяющее значение для британской истории. Так или иначе, в то время Рим предпочитал не замечать подобных процессов. Даже изгнание Тинкомма и еще одного британского короля, которые впоследствии искали защиты у Августа, было воспринято в Риме как подтверждение притязаний Августа на фактическую власть над Британией, как пропаганду для внутреннего употребления. Действительно, катувеллауны старались по возможности не демонстрировать открытой враждебности. Такое равновесие соответствовало взаимным интересам правящих классов обеих сторон. Бриттские аристократы получали товары из империи, а из перечня поставляемых королевством товаров, которые один из римских авторов счел достойными упоминания, явствует, что бритты расплачивались за предметы роскоши не только тем, что было необходимо для нужд армии: значившиеся в конце списка золото, серебро, рабы и охотничьи собаки были товарами, пользовавшимися большим спросом как у самого императора, так и у состоятельных римлян. После сокрушительного поражения в Германии в 9 г. до н.э. Август и его преемник Тиберий возвели принцип ненападения за пределами империи в незыблемое правило – что было полной противоположностью линии, проводившейся Августом ранее. Тем не менее о пользе такой практики говорит то, что Кунобелину – шекспировскому Цимбелину, – в то время королю катувеллаунов, удалось избежать возмездия со стороны империи, даже когда он захватил территорию триновантов, старых «протеже» Цезаря, и сделал Колчестер центром своего королевства. Теперь именно он контролировал столь доходный путь к Рейну. На территории Британии он мог по собственному усмотрению пресекать подтверждение статуса других британских правителей; действуя различными способами, в том числе и захватнически, он все решительнее укреплял могущество и влияние королевства.

Римское завоевание

Отношения, основанные на взаимной терпимости, которые, несомненно, устраивали как Рим, так и катувеллаунов, были, однако, не по нраву остальным кланам бриттов. Они начали портиться, когда Тиберия сменил неуравновешенный Гай (Калигула). В определенный момент этого периода Кунобелин изгнал из страны одного из своих сыновей, который в конце концов нашел убежище у императора, официально став его подданным. Гай не только заявил о том, что Британия сдалась, но и отдал приказ о наступлении.

Впоследствии он отменил его, но особенно важно отметить, что сделано это было в самый последний момент. Уже была проведена «штабная работа», осуществлен весь сложный процесс развертывания сил для наступления, которое готовилось как серьезная операция, а не обычные маневры; римлянам напомнили о деле, давно ожидавшем завершения. Все было готово; нужна была только более твердая рука.

После убийства Гая на трон в обход всех формальностей взошел Клавдий, приходившийся убитому дядей; ранее императорская семья не принимала его всерьез, ошибочно считая слабоумным. В действительности же он обладал здравомыслием, его оригинальность граничила с эксцентричностью, он проявлял прямо-таки профессиональный интерес к истории и с глубоким почтением относился к римской традиции. Клавдий стал свидетелем серьезного военного мятежа, поднятого вскоре после его восшествия на престол, и он не мог не понимать, как важно утвердить свою репутацию в войсках и завоевать уважение в Риме. Такой человек, как Клавдий, просто не мог упустить шанс стяжать военную славу, который предоставляла ему Британия, и не только осуществить вторжение, от чего отказались Август и Гай, но и превзойти самого Юлия Цезаря. Ничто не могло послужить лучшим способом укрепления собственной и фамильной репутации.

Нашелся и соответствующий повод – такой, на который впоследствии можно было сослаться и который давал стратегическое обоснование нападению. К тому времени Кунобелин уже умер, и правление приняли два его воинственных сына – Каратак и Тогодумн. Таким образом, путь в Британию с востока был ненадежным. На юге из-за постоянных неурядиц от первоначального королевства Тинкомма остался лишь жалкий клочок на побережье; эта дорога тоже оказалась закрытой, после того как в результате внутреннего переворота был изгнан брат Тинкомма, Верика. Последний, следуя веяниям времени, тоже нашел убежище у императора. Казалось, вся Британия становилась враждебной к Риму, и под угрозой оказалась ее столь важная торговля с империей. Подобно Цезарю, Клавдий мог отозваться на просьбу о помощи со стороны одного из британских правителей.

Цезарь полагался на свой талант прирожденного полководца и преданность солдат, не один год прослуживших под его началом. Успехи новой постоянной армии, созданной Августом и его преемниками, хотя и зависели от полководца, но по большей части обеспечивались тщательным планированием и подготовкой, а также стабильностью основных компонентов этой армии. В то время легионы, представлявшие собой костяк армии, по-прежнему формировались исключительно из римских граждан; большинство солдат были жителями Италии. Однако постепенно колонии граждан, основанные в более старых провинциях вне Италии, тоже обязывались поставлять людей для военного дела. Каждый легион насчитывал чуть более 5 тыс. солдат, в основном тяжелой пехоты, усиленной небольшими группами кавалерии, катапультами и другими военными машинами. В состав легиона входили опытные ремесленники различных специальностей и административные работники. Кроме того, каждый легионер, от которого требовалось умение читать и писать, мог быть использован для решения целого ряда задач, стоявших перед правительством. В первой половине I в. н.э. «вспомогательные» подразделения из местных нерегулярных отрядов во главе с собственными вождями постепенно становились нерегулярными формированиями жителей провинций, в основном не римских граждан, но с римскими командирами. Эти формирования обычно состояли из 500 человек, пехотинцев, кавалеристов или тех и других, их статус и оплата были ниже, чем в легионах. В то же время как легионерам, так и участникам вспомогательных формирований была гарантирована крайне редкая в Древнем мире регулярная денежная плата, возможность карьеры и получения земельного надела после отставки. Образование, опыт и возможности самопродвижения, не говоря уже о самообогащении, делали армию одним из основных факторов социальной мобильности. Как действующие, так и отставные солдаты были влиятельными лицами в своих общинах. Участники вспомогательных формирований после

отставки автоматически получали римское гражданство, а их сыновья имели возможность стать легионерами. Таким образом, эти формирования обеспечивали непрерывный процесс превращения неграмотных варваров в грамотных римских граждан и служили важным элементом системы ассимиляции новых народов в рамках империи.

Военные силы, собранные для отправки в Британию в 43 г. н.э., состояли из четырех легионов и примерно такого же количества вспомогательных войск; в целом около 40 тыс. человек. Перед лицом дисциплинированной военной машины британские силы сохраняли свои прежние черты. Профессиональные воины являлись аристократической прослойкой. Их излюбленным видом вооружения была боевая колесница, которую они использовали для быстрого попадания на поле боя и ухода с него; в управлении колесницами их возничие проявляли необычайное искусство. Достоверно неизвестно, какое положение занимали воины-кавалеристы: вероятно, это были люди, способные содержать собственную лошадь, однако неясно, было ли военное дело главным занятием их жизни. Основную часть армий бриттов составляло ополчение, набранное из крестьян. В отличие от римлян бритты носили мало доспехов или не носили их вовсе, полагаясь на быстроту, стремительность и длинные рубящие мечи. Прежде чем они могли приблизиться к римлянам, стоящим в боевом порядке, они теряли множество людей под тучами римских дротиков; в рукопашной схватке их длинные клинки были в невыгодном положении против сомкнутых рядов и коротких колющих мечей пехоты противника. Упомянутые успехи кельтских отрядов против римлян обычно достигались благодаря внезапным нападениям, засадам и подавлению атакованного неприятеля простым численным превосходством. Они редко могли противостоять римлянам на равных в заранее подготовленных битвах, и римские командующие стремились выдавить их на открытое пространство или запереть в собственных укреплениях, где они могли быть уничтожены с помощью осадных орудий либо принуждены к сдаче путем осады. Однако, возможно, самым главным недостатком сил бриттов по сравнению с римлянами было то, что крестьяне-ополченцы могли участвовать в боях лишь в течение ограниченного времени. Если их не отпускали домой, население начинало голодать. Напротив, система снабжения римской армии позволяла ей вести военные кампании столько времени, сколько отпускала погода, а также предоставляла возможность сооружать укрепленные и хорошо снабженные лагеря, в которых войска могли переждать зиму. Подобная система позволяла вести войну год за годом, а кроме того, обеспечивала всем необходимым гарнизоны, требовавшиеся для постоянной оккупации занятых земель. Вызывает удивление, что перед лицом такого противника бритты сопротивлялись так долго и упорно.

Вторжение столкнулось с отчаянным сопротивлением некоторых британских племен. Другие, вне всякого сомнения не слишком опечаленные падением гегемонии катувеллаунов в Южной Британии, легко сдались или присоединились к римлянам. Кампанию увенчали капитуляция одиннадцати британских королей и триумфальное вступление императора в Колчестер, ради которого он присоединился к передовым частям своего войска, укомплектованным боевыми слонами. Внешним выражением его восторга служили возрождение древнего обряда, некогда исполнявшегося победителями в Римской республике, и горделивое провозглашение расширения империи, в котором вновь фигурировало «завоевание Океана» (это не было пустой похвальбой: поначалу армия отказывалась плыть).

К 47 г. н.э. войска Клавдия заняли британские земли вплоть до Северна и Трента. Началось преобразование Британии в настоящую провинцию. Должность правителя обладала высоким статусом. Этот пост приберегался для бывших консулов; обязанности правителя включали в себя командование весьма значительным числом легионов. В первые полтора века существования Британской провинции при назначении ее правителя предпочтение обычно отдавалось особо отличившимся мужам. Это была не только военная служба, позволявшая создать себе имя: хотя мы никогда не получим цифр, которые дали бы возможность сопоставить получаемые доходы с затратами на оборону и управление

Британией, данная провинция считалась средоточием природных богатств до самого IV в. И действительно, к 47 г. уже началась эксплуатация британских залежей полезных ископаемых, что было одной из основных целей победоносной кампании (с этого времени серебряные рудники в Мендипсе разрабатывались под государственным контролем). Рим избежал бы больших трудностей и убытков, если бы ограничил завоевание уже контролируемой территорией, хотя римляне вряд ли смогли бы надолго обуздать свои амбиции, даже если бы воинственные и беспокойные племена Севера и Уэльса не угрожали мирному развитию Юга. Однако события следующих двух или трех лет заставили римлян избрать другой путь.

В соответствии с обычной римской практикой большинство административных обязанностей в провинциях как можно скорее перекладывались на плечи преданных людей из местных жителей. Похоже, в намерения Клавдия входило как можно более широкое привлечение «королей-клиентов» – наиболее выгодный способ в тех местах, где на них можно было положиться. Значительная часть Юга, в том числе бывшее королевство Верики, оказалась в руках некоего Когидубна, который мог и не быть британцем по рождению. Ицены из Норфолка получили статус «союзников», а на границе римских территорий с владениями Картимандуи, королевы бригантов (объединение многочисленных кланов, которые занимали большую часть Северной Англии), было достигнуто взаимопонимание в вопросе обороны провинции от нападений с Севера. Одним из примеров успешности такой политики стала выдача Картимандуей Клавдию беглеца Каратака; другим – нерушимая верность Когидубна, оказавшаяся жизненно важной в ходе более поздних потрясений, происшедших в Британии.

Ожидалось, что управление оставшейся частью провинции возьмут на себя главным образом племена, реорганизованные в римские общины (*cititates*), из знати которых формировались советы и органы местного управления – фактически доморощенный вариант римского устройства, но зачастую с привлечением уже существующих общественных институтов. В придачу к этому на всю провинцию распространялись полномочия главного финансового секретаря Британии, именуемого *procurator provinciae*. Прокураторы провинции отчитывались непосредственно перед императором. Это было вполне естественно, поскольку они особо отвечали за земли Короны (император автоматически присваивал владения побежденных королей, а кроме этого, получал много земель по завещаниям или в результате конфискаций) и за государственные монополии; но они также надзирали за деятельностью правителей, императорских войск и судебных органов. Разногласия не были чем-то необычным и не всегда возникали без умысла.

Процесс, убедительно доказавший, что провинция не сохранится даже в пределах Юга, начался в 47 г. н.э., когда римляне ответили на набеги извне. В число предпринятых мер вошли не только ответные вылазки, но и разоружение британского населения провинции. Рано или поздно это должно было произойти, поскольку гражданскому населению империи запрещалось носить оружие, за исключением строго ограниченных случаев (красноречивое свидетельство безопасности повседневной жизни во времена Рима), но те, кто добровольно подчинился Риму, не ожидали, что эту меру применят и к ним. Ицены восстали и были жестоко подавлены: подлинное положение зависимых королевств сделалось очевидным. Следующим шагом стал вывод легиона, стоявшего в Колчестере, и замена его в 49 г. поселением римских ветеранов. Предполагалось, что город станет центром императорского культа – официального поклонения Риму и императорскому роду, отражающего лояльность провинции, – а ветераны призваны были служить защитой от возможного мятежа. Однако на деле Колчестер стал обычным городом, лишенным военного гарнизона. Видимо, в это же время был основан Лондон – в качестве порта. Возможно, с самого начала подразумевалось, что ему предстоит стать административным центром Британии. По всей вероятности, он возник в результате обдуманных действий, а не как случайное поселение торговцев (так полагали прежде). Теперь ведущая роль побережья Эссекса перешла к Темзе, было положено начало формированию системы расходящихся в разные стороны

дорог с центром в Лондоне, разработанной в интересах управления, но очень скоро сделавшей этот город и деловым центром провинции.

Пятидесятые годы н.э. были десятилетием бурного развития городов. Только сельская местность не претерпела особых изменений, по крайней мере на первый взгляд, да и процесс всеобщего привыкания к денежному обороту развивался медленно. Тем не менее к 60 г. н.э., при правителе Светонии Паулине, которому почти удалось покорить беспокойные племена Северного Уэльса, провинция, казалось, прочно встала на путь прогресса. Что же пошло не так? Почему жители провинции во главе с давними друзьями Рима – иценами и триновантами – превратились в свирепую орду, стремящуюся уничтожить все следы пребывания римлян?

В нашем распоряжении находятся только римские свидетельства, но этого достаточно, чтобы обнаружить злоупотребления властью – от простой халатности до явных преступлений. Тацит в общих чертах описывает нрав британцев так: «Они не уклоняются от наборов в войско, столь же исправны в уплате податей и несении других налагаемых Римским государством повинностей, но только пока не чинятся несправедливости; их они не могут стерпеть, уже укрощенные настолько, чтобы повиноваться, но еще недостаточно, чтобы проникнуться рабскою покорностью»* Вину за события 61 г. нельзя возлагать только на прокуратора, которому традиционно отводится роль злодея в этой трагедии. Правитель несет свою долю ответственности, но на этом останавливаться нельзя. Вряд ли можно напрямую обвинять молодого Нерона, только что взошедшего на трон, поскольку на него влияли его «добрые» советники – префект претория Бурр и Сенека, философ и драматург. Очень похоже, что из них двоих Сенеке, как минимум, было известно о том, что творится в Британии, так как он неожиданно, в своей обычной жесткой манере, потребовал вернуть крупные суммы, которые он ссужал вождям британцев под большие проценты. В поступающих из Британии отчетах могли быть сообщения о беспорядках, которые делали такие капиталовложения рискованными. Дальнейшие действия только раздули пламя. Существовало два источника недовольства, видные на примерах, соответственно, иценов и триновантов. На случай своей смерти одни из «клиентов», король иценов Прасутаг, муж Боудикки, отписал половину своих владений императору, ожидая, что это обеспечит безопасность его королевству и семье. Однако чиновники прокуратора и правителя расценили это как безоговорочную капитуляцию противника. Имущество короля было конфисковано, знать изгнана из своих поместий, а налоги увеличены. Тринованты страдали от иной несправедливости. На их знать легла вся тяжесть забот об отправлении императорского культа, призванного способствовать лояльности императору, в то время как римские колонисты, которых недвусмысленно поддерживали военные, захватывали земли знати и обращались с нею с презрением. Она (вероятно, как и аристократия других *civitates*) оказалась перед лицом разорения, и, когда сделанные Клавдием пожалования были изъяты, а Сенека потребовал назад свои займы, это стало для нее последним ударом. По иронии судьбы императорский культ, центр которого находился в храме божественного Клавдия в Колчестере, стал главным объектом ненависти британцев.

В ответ на протесты Боудикки ее выпороли, а над ее дочерьми надругались. Подняв свое племя и соседей-триновантов, увлекая за собой жителей других *civitates* (но точно не Когидубна), она пронеслась по Южной Британии, предав огню Колчестер, Лондон и Веруламий (близ Сент-Олбанса), подвергая пыткам всех римлян и сочувствующих им, кого только смогла захватить, и наголову разгромив немногочисленные римские отряды, оставленные в этой части страны. Правитель с трудом избежал полного развала провинции. После решающей победы, одержанной в бою, его возмездие было еще более суровым. Какое-то время казалось, что теперь Британская провинция парадоксальным образом будет разрушена руками римлян. И действительно, Нерон (предположительно ранее, но

---

* *Тацит Корнелий*. Жизнеописание Юлия Агриколы, 13 // Тацит Крнелий. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т.1, С.319.

возможно, что именно в тот момент) склонялся к окончательному уходу римлян из Британии. В конце концов провинцию спасли два фактора: вмешательство нового прокуратора провинции – Классициана, выдающегося человека галльского происхождения, и отзыв правителя в Рим.

В течение десяти лет после восстания Боудикки Британия приходила в себя – процесс воистину важный, но лишенный внешнего блеска. Есть некоторые свидетельства того, что при последнем правителе, назначенном Нероном, он начал ускоряться. Однако в 69 г. («год четырех императоров») на всей территории Империи разразилась гражданская война, которая воскресила призрак полководцев, сражавшихся за свое господство. Тем не менее положительным итогом войны стало появление сильной новой власти в лице императоров из династии Флавиев. Для Британии это означало возрождение провинции и усиление влияния Рима. Как сказал Тацит, «блестящие полководцы, превосходное войско, померкшие надежды врагов»[*].

Пока римский мир раздирала гражданская война, очередная усобица среди бригантов стоила Картимандуе ее королевства и привела к вмешательству римских войск. На севере Британии больше не было безопасно. Прежняя политика сохранения зависимых королевств, уже поставленная под сомнение восстанием Боудикки и предыдущими волнениями бригантов, окончательно изжила себя. Не прошло и нескольких лет, как даже Когидубн был, по-видимому, отправлен на пенсию в Фишборн, на свою роскошную виллу. К 83 или 84 г. сменяющие один другого первоклассные правители продвинули римские войска далеко на север Шотландии и разместили гарнизоны на подступах к Хайленду; процесс романизации шел полным ходом. Описывая деятельность своего тестя Агриколы, Тацит использует выражения, которые характеризуют эпоху Флавиев в целом.

«Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он частным образом и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превознося похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, общественных площадей и зданий (*fora*) и частных домов (*domus*). Соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение. Больше того, юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия, За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к помещениям для собраний (*porticus*), термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью»[**].

В определенном смысле эта урбанизация не достигла полного успеха при Флавиях. Основа более стабильного развития городов была заложена в 122 г. благодаря личному посещению Британии императором Адрианом; тогда возобновилось осуществление прежних проектов и начались новые масштабные работы. Однако в целом период между 70 и 160 гг. – это столетие, когда Британия действительно стала римской, и в ней появились устойчивые признаки, свойственные части Империи. Включение в римскую государственную систему сопровождалось более или менее повсеместной передачей забот о текущих делах местной аристократии, которая сменила королей-клиентов. Важнейшей целью подобной политики было завоевать расположение знати, доверие которой было катастрофически подорвано в правление Нерона, и именно в таком контексте следует читать Тацита.

Данные археологических раскопок позволяют увидеть полномасштабное развитие

---

[*] *Тацит Корнелий*. Жизнеописание Юлия Агриколы, 17 // Там же. С.321.

[**] Там же. С.324.

больших и малых городов Римской Британии в конце I – начале и середине II в. Административные центры общин (*civitates*) совпадали с гражданскими: форум и базилика обеспечивали место для рынка, суда, городских служб и совета; публичные бани служили средоточием общественной жизни и отдыха в римском мире; водопроводные сооружения; монументы в честь особо отличившихся лиц имперского и местного значения, а также во многих случаях театры и амфитеатры. Особое значение этим археологическим свидетельствам придает то обстоятельство, что в империи подобное благоустройство обычно оплачивали влиятельные местные жители (как члены местных советов либо индивидуально), а не государство или император. Сильный неофициальный покровитель со связями в округе мог помогать городу пожертвованиями или действовать в его интересах при Дворе. И только в редких, сулящих широкий отклик случаях участие в благоустройстве принимал император – лично или через своих представителей.

Рост городов не мог, разумеется, обеспечиваться только немногочисленной местной знатью, усвоившей римский образ жизни. Тот факт, что оживление городов сопровождалось появлением в сельской местности множества вилл – пока еще в основном скромных, но комфортабельных домов римского типа, часто заменявших туземные усадьбы, – указывает на то, что знать сохранила связь с землей. Вероятнее всего, она проводила большую часть времени в своих поместьях, а рядом с ними преуспевало множество обычных земледельцев. К тому же в этот период ветеранов, вышедших в отставку, селили в основном в нескольких городах, основанных специально для их размещения: Колчестере, Линкольне и Глостере. Расцвет городов в целом равным образом обусловлен, согласно хорошо подтвержденным источникам, формированием слоя горожан, который составляли чиновники, лица различных профессий, торговцы и ремесленники.

Некоторые из этих людей, особенно в среде ремесленников и торговцев, были переселенцами или гостями из других частей Империи, а многие чиновники служили в провинции лишь короткий срок. Тем не менее население Римской Британии оставалось по преимуществу кельтским. Ряды римской армии все больше пополнялись из числа жителей провинций, в которых квартировали подразделения; и так постепенно бритты, лишенные, как и большинство их собратьев, преимуществ римского гражданства, стали вступать в армию и потом имели право, как подобало ветеранам в отставке, получать гражданство и значительные привилегии, становясь тем самым заметной частью ядра возникающего романизированного общества. В городах хозяева вовлекали своих рабов в деловые предприятия, а распространенный римский обычай отпускать рабов на свободу или разрешать им выкупаться из рабства служил приумножению числа искусных работников и пополнению рядов предпринимателей. Каково бы ни было положение сельских тружеников, образованную и квалифицированную часть общества отличала социальная мобильность. В то время как большая часть рядового населения Британии оставалась на земле – и мы обязаны помнить о том, что ремесленное производство было в основном сосредоточено в сельской местности, – города Ранней Империи становились центрами общественной жизни, обмена и обслуживания для земледельческой округи, предоставляя широкие возможности для продвижения по социальной лестнице.

Возобновление угасших было начинаний Флавиев при Адриане имело, таким образом, большое значение. Но влияние Адриана на судьбу Провинции было велико и в другом смысле. Энергичный человек с сильным характером, он провел большую часть правления в разъездах по провинциям. Один из немногих императоров, он сознательно воспротивился традиции расширения Империи. Он не пользовался популярностью у римской аристократии, а многие из его предприятий удалось осуществить лишь отчасти, по вине ли оппозиции или из-за ошибок в расчетах – не всегда ясно. В Британии было, как минимум, три подобных примера. Стену Адриана возвели вдоль линии, за которую в течение тридцати лет (после того, как продвижение на Север достигло крайней точки) была поэтапно отведена римская армия – отчасти из-за того, что войска были нужны повсюду, отчасти по причине серьезных неудач местного значения. Такая политика соответствовала

присущей Адриану склонности к ограничению империи, а возведение Стены было блестящей и оригинальной идеей. Тем не менее тщательное изучение раннего периода ее сооружения обнаруживает ряд примечательных изменений в планах при Адриане, а затраты и время, которых потребовало ее завершение, во много раз превзошли первоначальные расчеты. Подобным же образом сельскохозяйственное освоение болот Фенландов в Восточной Англии повлекло за собой масштабные работы по мелиорации, и все же многие земледельческие хозяйства пришли в упадок всего несколько лет спустя. Лондон при Адриане также стал свидетелем сноса прочных форума и базилики, построенных при Флавиях, которые заменили на комплекс зданий вдвое большего размера. Адриан помогал городам в возведении общественных сооружений в Галлии и других краях. В Лондоне эти работы, вероятно, были связаны с его личным пребыванием там в ходе поездки в Британию в 122 г.; примерно в это же время они сопровождались возведением капитальных городских укреплений – событие, практически не имеющее параллелей в других городах Империи за пределами Рима. Но, когда в более поздний период правления Адриана по Лондону пронесся мощный пожар, серьезных попыток заново отстроить уничтоженные огнем районы сделано не было, а в последние годы II в. Лондон обнаруживает признаки надвигающегося упадка.

Пограничная линия, сооружения Адрианом от реки Тайн до Солуэй-Ферт, в общих чертах обозначает пределы, в которых располагалась Провинция на протяжении большей части ее истории. Тем не менее после Адриана были совершены один за другим еще три завоевательных похода на Север, двумя из которых руководили сами императоры, а римские гарнизоны еще долго стояли и за чертой Стены Адриана; эта территория находилась под определенным контролем. Более того, за месяц до смерти Адриана в 138 г. был готов план нового вторжения в Шотландию, а к 142 г. войска его преемника Антонина Пия, человека в целом не воинственного, совершили, подобно армии Клавдия, ряд важных завоеваний в Британии. В руках римлян оказалась Шотландия вплоть до залива Ферт-оф-Тей; началось создание новой, менее протяженной и более скромно отстроенной линии пограничных укреплений от Форта до реки Клайд. Искусно выполненные из камня барельефы, установленные вдоль укрепления, которое известно нам как Стена Антонина, служат свидетельством атмосферы уверенности, свойственной периоду, которому предстояло стать последним в беспрепятственном продвижении власти Рима.

В ранний период правления династии Антонинов развитие городов и сельской местности достигло своей первой вершины. Принято считать, что и Империя в целом переживала золотой век, наслаждаясь спокойствием и процветанием. Британия в полной мере освоила экономическую систему Ранней Империи, основанную на денежном обращении и развитой, полномасштабной торговле между отдаленными землями. В сфере культуры доминировали римские обычаи, классическое искусство и декоративное мастерство были восприняты повсюду. Вероятно, с точки зрения истории наиболее существенное культурное воздействие на британцев времен римского завоевания оказало введение новых видов изобразительного искусства, особенно скульптуры, фресковой живописи и мозаики; однако римские традиции сказались и во множестве более скромных отраслей искусства и Ремесла – в ювелирном и гончарном деле, производстве всевозможной домашней утвари. Лишь немногие из лучших произведений искусства Римской Британии сопоставимы с искусством, скажем, Южной Галлии, но существуют и такие. Тем не менее образцов среднего уровня довольно много, и совершенно очевидно, что изделия массового производства были широко распространены. В первую очередь именно они, а не несколько сохранившихся произведений искусства проливают свет на революцию в повседневной жизни, которая произошла по сравнению с доримскими временами, с железным веком. Одна только римская керамика указывает на существование «общества расточителей», в корне отличающегося от того, что было раньше или пришло на смену.

Однако наиболее красноречивым свидетельством ассимиляции римлян и аборигенов является религия, поскольку она затрагивает самые глубокие пласты сознания. В

религиозном отношении Римская Британия представляла собой настоящий калейдоскоп: от обрядов, официально отправлявшихся в римском государстве, – поклонения Юпитеру, Юноне и в особенности Минерве, – недавно введенного культа императоров и множества верований, завезенных из других краев, до местных кельтских культов. Люди, прибывшие из-за моря, часто сохраняли приверженность излюбленным обычаям: греческая жрица Диодора на своем языке посвятила алтарь в Корбидже полубогу Гераклу Тирскому; воины из Нидерландов возвели в Хаусстидз у Стены Адриана жертвенники в честь Аласиаги, Баудихиллы, Фриагабис, Беды и Фиммилены – богинь их родины. Но для нас особую важность имеет объединение, слияние римских и кельтских божеств. Это был трудный и ненадежный путь, поскольку представления кельтов о своих божествах были гораздо менее определенными, чем у римлян, но процесс шел повсеместно. То, что восприятие римского влияния не было всего лишь поверхностным, становится очевидным на примере, скажем, крупного комплекса в Бате, включавшего в себя храм и бани, – его алтарь был возведен в честь Минервы Сулис (местный дух горячего источника слился воедино с римской богиней мудрости) *гаруспиком* Луцием Марцией Мемором. В обязанности гаруспиков входило предсказание будущего по внутренностям жертвенных животных. Этот древний и глубоко почитаемый обычай восходит к наиболее ранним следам влияния этрусков на римскую религию, но здесь он имеет отношение к наполовину кельтскому божеству. На острове Хейлинг главная усыпальница доримского железного века – скорее всего, имеющая непосредственное отношение к правлению Верики – была постепенно перестроена с использованием римских материалов, архитектора же Когидубн, возможно, выписал из Римской Галлии. Это особенно яркий пример в ряду многочисленных пышных усыпальниц (известных археологам как «романо-кельтские храмы»), которые были обнаружены по всей Британии, Галлии и Римской Германии, и прекрасный образец того, как с помощью римских архитектурных приемов передаются более ранние представления, присущие кельтам. Их можно опознать с первого взгляда: обычно в плане они образуют квадрат, круг или многоугольник, напоминают коробку, окруженную несколькими рядами галерей, и часто расположены внутри замкнутой ограды, которая иногда могла служить защитой священной земли с доримских времен.

На гораздо менее официальном уровне мы обнаруживаем в Вирдейле офицера конницы, который благодарит Сильвана (кельтский сельский бог в римской личине) за «великолепного вепря, какого прежде никому не удавалось добыть», или двух дам, которые возвели в Грета-Бридж алтарь в честь местной нимфы. Искренняя вера в то, что в каждой местности есть свое божество, типична как для кельтов, так и для римлян. Римлянам не стоило никакого труда признать эти местные божества завоеванных ими земель. Более того, они кажутся всерьез озабоченными тем, чтобы выяснить их имена и оказать им почести – хотя бы в качестве меры предосторожности. Более мрачной стороной была вера в призраков и необходимость умиротворять их. Тут мы достигаем самой сердцевины римской религии, очень близкой бриттам, – анимистической веры в существование особых духов домашнего очага, дома, семьи, предков, мест и предметов за пределами дома, веры, которая восходит к временам гораздо более ранним, нежели официальное приятие классических богов Олимпа. Данные археологии указывают на элемент черной магии в виде письменных проклятий, иные из которых даже сейчас невозможно читать без отвращения. На свинцовой пластине из Клотхолла близ Бэлдока написано задом наперед (распространенный прием в магии): «Сим проклинается Тацита, и проклятие сие заставит ее гнить изнутри, словно испорченную кровь». Определенно не является простой случайностью то, что после раскопок храма в Ули (Глостершир) количество табличек с проклятиями, известными по всему римскому миру, почти удвоилось. Классические источники гласят, что бритты были поглощены соблюдением обрядов. Особенность римского влияния проявилась в том, что римляне ввели новые художественные и архитектурные приемы для выражения религиозного чувства и письменный язык, позволивший зафиксировать эти чувства в ясной и долговечной форме. Религиозные

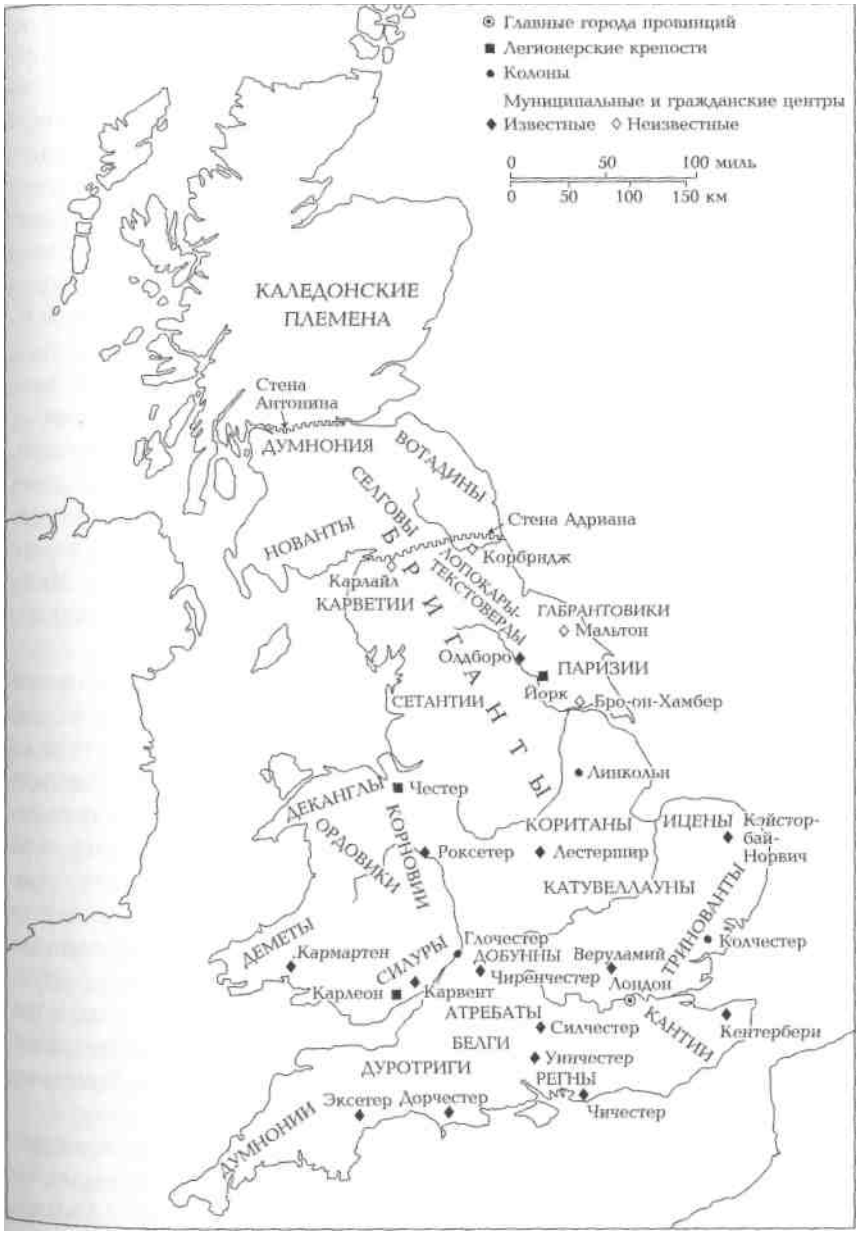
обычаи римлян, по духу схожие с римским правом, предусматривали точное исполнение каждого действия и слова. Дотошность, с которой романобританцы формулировали свои посвящения и проклятия, показывает родство и неразрывную связь новых возможностей – передача словесных формул на письме – с их собственными обрядовыми склонностями.

После вторжения в Шотландию Антонин Пий больше не предпринимал никаких военных действий в пределах римского мира, но с 60-х годов II в. ситуация начала меняться. Около 158 г. в Британии произошли какие-то тревожные события. Есть свидетельства того, что пришлось подавлять мятеж бригантов (вероятно, ставший возможным вследствие опрометчивого сокращения численности стоявших там войск ради оккупации Южной Шотландии); похоже, что даже Стена Антонина была на какое-то время утрачена. За кратковременной оккупацией Шотландии, вероятно в результате карательного похода (хотя хронология этого периода особенно туманна), последовало окончательное возвращение к Стене Адриана. В правление следующего императора, Марка Аврелия, давление варваров на границы Империи в целом стало по-настоящему серьезным. Инициатива ускользала из рук Рима, хотя он еще столетия не желал признавать это.

Путешественнику, приехавшему с континента, сразу бросилась бы в глаза одна характерная черта, резко отличавшая Британию от Северной Галлии, во многих отношениях развивавшейся параллельно с нею (если не брать в расчет того, что Британия находилась под властью римлян на сто лет меньше). Постоянное присутствие военных заставило бы его заподозрить, что первоочередной задачей британских правителей была оборона: здесь находились три легиона, два – на Западе, в крепости Честера и в Карлеоне (Южный Уэльс), и один – на Севере, в Йорке, а также многочисленные вспомогательные части, в основном поглощенные удерживанием номинально усмиренных племен по ту сторону цепи холмов на границе Провинции – с помощью сети крепостей и патрулируемых дорог. На Юге наиболее заметной особенностью были *городские стены.* Постройка этих стен не была (в отличие от других эпох) единовременной мерой, вызванной конкретной опасностью. Это был неторопливый процесс, начавшийся в I в. в таких городах, как Уинчестер и Веруламий, и все еще продолжавшийся в 70-х годах III столетия. К началу II в. в трех престижных колониях были стены, и дух состязания между городами, по-видимому, пробудился повсюду. Тем не менее должна была существовать достаточно веская причина, для того чтобы перевесить неохоту, с которой римские императоры давали разрешение на строительство укреплений, где могли обосноваться их враги или мятежники (за стены платили местные жители, но требовалось согласие императора); к тому же эта причина должна была иметь постоянный характер, чтобы процесс возведения стен продолжался даже после того, как британцы несколько раз бросали серьезный вызов властям. Отсутствие укреплений на виллах вело к беспорядкам в сельской местности и заставляло опасаться крестьянского восстания, Причина могла быть обусловлена тем же фактором, который заставлял держать легионы в Провинции, а вспомогательные части – там, где их поставили: осознание угрозы варварского вторжения извне и волнения в горных районах самой Провинции. Города, стоявшие на главных дорогах, представляли собой очевидную цель для варваров и военных отрядов на марше. В Древнем мире городские стены были более или менее неприступными, за исключением тех случаев, когда в дело вступало войско, оснащенное передовой боевой техникой и всем необходимым для длительной осады, или когда у нападающих были друзья в городе. Таким образом, городские стены служили превосходной защитой от диких племен, а их обилие в Британии показывает, что угроза с той стороны была гораздо более серьезной, нежели за рубежом, в Галлии.

Однако постройка стен занимала много времени, а порой нужно было быстро принять меры. Признаком надвигающегося кризиса было появление примерно во второй половине II в. *земляных укреплений* на подступах к множеству городов Британии. Например, в Сиренсестере земляной вал соединил уже построенные массивные каменные ворота и башни, словно необходимость заставила прервать неторопливое возведение укреплений по первоначальному плану и немедленно привести оборонительные сооружения в боевую

готовность. Среди многочисленных вариантов объяснения причин этого кризисного периода наиболее вероятным представляется восстание на Севере около 180 г., которое сопровождалось варварским вторжением через границу, повсеместным ущербом и гибелью римского военачальника. Менее правдоподобным объяснением кажутся претензии правителя Британии Клодия Альбина на императорский трон в 193-197 гг.



Британия II столетия

Эта попытка и сопровождавшие ее события того времени возвещают начало нового периода в истории Империи, который сказался на участи Британии гораздо более решительно, чем на соседней Галлии. Великие войны Марка Аврелия на Дунае, которые в итоге ознаменовали начало неослабевающего натиска варваров на Западе, могли бы, не помешай этому его смерть, привести к осуществлению его цели – покорению Центральной Европы к северу от Дуная. Вместо этого 180 год стал годом крушения системы объявления

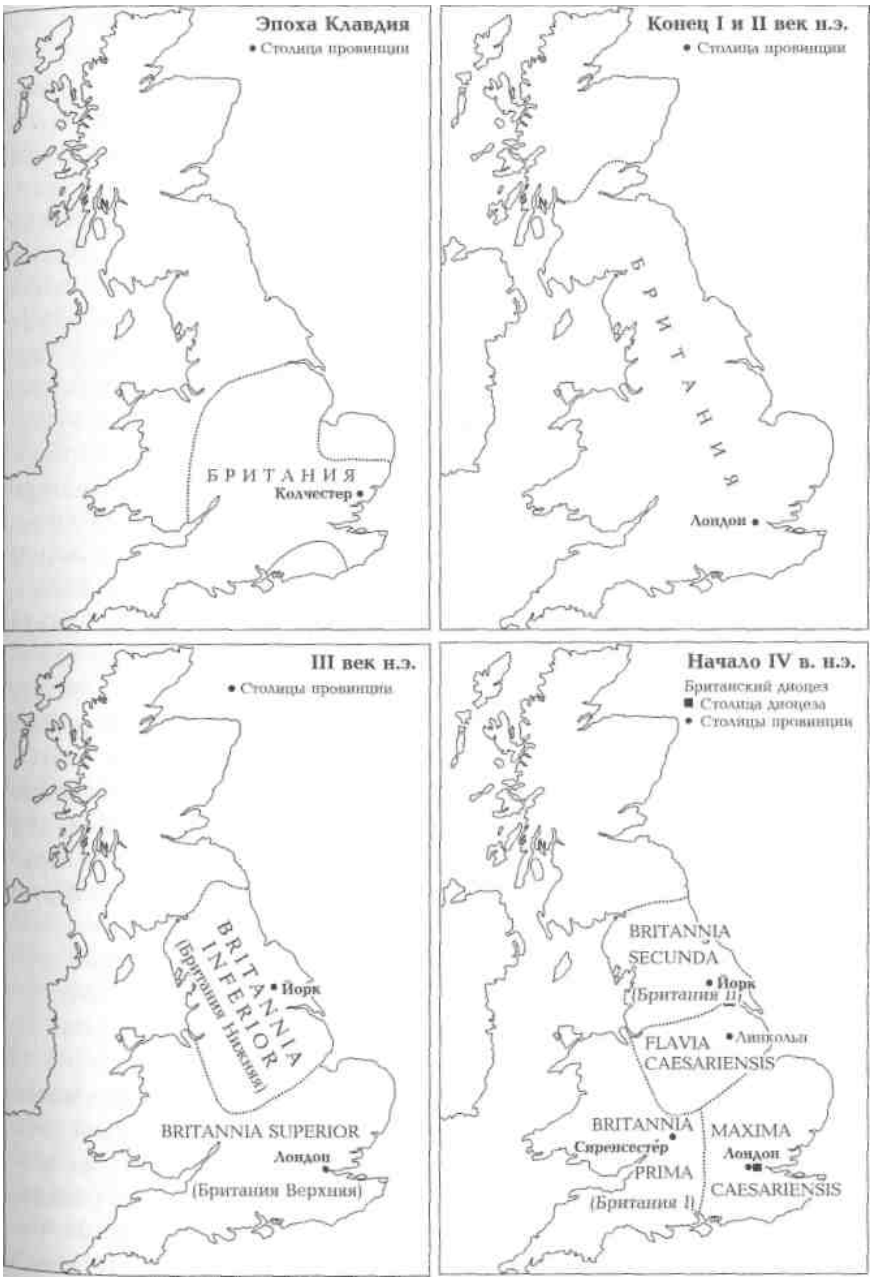
наследников императорского трона, которую породило столетие здравомыслящих и чрезвычайно одаренных императоров. Воцарение Коммода, ужасного сына Марка Аврелия, совпало с началом военных действий на Севере Британии, о которых говорилось выше. В Британии, как и везде, попытки укрепить дисциплину в римской армии имели парадоксальные последствия. С завершением короткого периода, когда императоров часто убивали и они быстро сменяли друг друга, когда возобновились гражданские войны, армия заняла гораздо более влиятельное положение в обществе, а в самой государственной системе произошли серьезные изменения. Победителем в конце концов стал несгибаемый Септимий Север, разбивший Клодия Альбина в Галлии. Но армия не вернулась к роли дисциплинированной и преданной вспомогательной силы, которую исполняла тысячу лет; напротив, Септимий Север, основной задачей которого было сохранение собственной династии, старался подчинить все интересам войск.

Императоры III в. уже не пытались делать вид, что правят с общего согласия. Сенаторы, которых императоры II в. старались, более или менее искренне, привлекать к управлению как в гражданской, так и в военной сфере, отступили перед военными, из числа которых поставлялись профессиональные офицеры, все более необходимые армии. Былое различие между римскими гражданами и провинциалами, не имеющими гражданства, уже таявшее по мере того, как последние завоевывали статус римлян, ныне совершенно стерлось, а на смену ему пришла новая классовая структура – перед лицом закона общество делилось на высших (*honestiores*) и низших (*humiliores*). Очень важно то, что воины попали в первую категорию. К середине столетия безудержная инфляция серьезно подорвала доверие к имевшей хождение монете; прежняя же экономическая система производственных центров, обслуживающих обширные регионы римского мира благодаря торговле, основанной на денежной экономике, постепенно сменялась промышленностью, сосредоточенной на местах.

В первой четверти III в. Септимий Север и его династия, казалось бы, вновь принесли с собой стабильность, пусть даже опорой ей служила военная аристократия. Но сама по себе она не являлась надежной опорой. В середине века на смену очередному убитому императору стремительно приходил его преемник, в зависимости от изменившихся предпочтений армии. Невозможно было справиться с давним и роковым слабым местом военачальников – личными амбициями – и с готовностью римского воина идти за своим командиром. И в тот момент, когда варвары атаковали Империю сразу и на Востоке, и на Западе, разразилась практически полная катастрофа. На Востоке войска собравшейся с силами Персидской империи захватили в плен императора Валериана, в то время как германцы, вновь и вновь совершая набеги, разрушили неукрепленные города Галлии и лишили Рим возможности защищать города и земли вдоль Рейна, постоянно держа там войска. К 260 г. положение в большей части Империи было плачевным.

До недавнего времени полагали, что Британия была подобным же образом разорена, когда Клодий Альбин предпринял свой безуспешный поход на континент против Септимия Севера, отозвав при этом войска из Британии и расчистив путь варварскому вторжению. Но данные археологии более не подтверждают этого предположения. Тем не менее в конце жизни Септимия Севера племена на северной границе представляли собой столь серьезную угрозу, что это дало ему основания избрать Британию объектом нового завоевательного похода. Римляне никогда не отказывались от своих претензий. Ныне главной их целью стало покорение Шотландии, чтобы завершить завоевание острова. И, по-видимому, заинтересованность династии Северов в Британии вновь вдохнула жизнь в Провинцию, которая пришла было в упадок. Вероятно, в связи с личным визитом императора Лондон был приведен в порядок и снабжен новыми общественными зданиями и самым обширным кольцом стен в Британии; также в период Северов его береговая линия волшебным образом обзавелась набережными, тянущимися более чем на полмили. Пока планировался военный поход, двор императора располагался, скорее всего, в Йорке. К этому времени уже были осуществлены большие работы за Стеной, в северных крепостях, многие из которых,

видимо, оставались заброшенными со времени поражения, нанесенного варварами в начале 80-х годов II столетия. Есть причины предположить, что Йорк воспринял некоторые административные функции, которые прежде были сосредоточены в Лондоне; возможно, это произошло после повторного завоевания Шотландии Антонинами, когда расстояние, на котором требовалось поддерживать связь, увеличилось. Приблизительно в начале III в. город, выросший бок о бок с римской военной крепостью, был удостоен почетного ранга римской колонии. Нет ничего удивительного в том, что Лондон и Йорк были избраны столицами-близнецами в тот не слишком четко установленный момент правления Северов, когда Британия разделилась на две провинции. Это отвечало новой политике сокращения числа легионов, находящихся в распоряжении у каждого правителя, и тем самым снижения риска мятежа.



Провинции Римской Британии

После смерти императора на его преемника оказали давление, и потому завоевание Шотландии было отложено, хотя уже были достигнуты значительные успехи. Тем не менее границы стали практически безопасными. Британия в целом, по всей видимости, избежала разорения, обычного для этого времени. Развитие замедлилось, но города сохранили свою активную роль, а сельские виллы пусть и не расширялись, но хотя бы поддерживались. Ремесло, что особенно хорошо видно на примере гончарного дела, только выиграло от тех трудностей, с которыми столкнулись конкуренты на континенте. Не были осуществлены некоторые общественные работы, которых можно было бы ожидать: например, по ликвидации последствий серьезного наводнения в Фенландах. Но оборонительные сооружения Британии постоянно подновлялись, а на южном и восточном побережье, в Бранкастере и Рекалвере, были возведены новые крепости, вероятно, чтобы контролировать пути на континент, – пока еще это не являлось указанием на непосредственную угрозу со стороны заморских варваров. В 260 г. германцы причинили немало хлопот в Галлии (хотя худшее в любом случае было еще впереди), а центральное правительство в Риме утратило власть. Германия, Галлия, Испания и Британия подчинялись своему императору, составляя «Империю галльских провинций» (*Imperium Galliarum*). Это образование зародилось при Клодии Альбине, а позднее возродилось в качестве важной части восстановленной империи. С этого времени обладание мирной и процветающей Британией, с ее сильным, сохранившим боевую готовность войском, почти легендарной ценностью в смысле пропаганды, должно было служить большим утешением для галльских императоров.

Британия при Поздней Империи

В 70-х годах III в., казалось бы, неминуемый, с нашей точки зрения, распад Империи был предотвращен. И тогда, и позднее римляне держали себя так, словно Рим не может пасть никогда. Императоры, претенденты на престол и «создатели императоров» не перестали убивать друг друга, но череда великих солдатских императоров на троне, тем не менее, добилась восстановления равновесия в вооруженных силах перед лицом варваров и усмирения соперничающих между собой должностных лиц, приступив к возрождению Империи в ее физическом и институциональном смысле. Успех был столь значительным, что Империя оказалась в состоянии просуществовать еще два столетия на Западе (а могла бы протянуть и гораздо дольше) и двенадцать веков на Востоке. В 274 г. император Аврелиан упразднил Галльскую империю и вернул Британию под центральную власть. Однако ближайшее будущее Британии оказалось иным, нежели у галльской части некогда независимого северо-западного государства. Города Галлии все еще оставались без укреплений в 276 г. – когда, как рассказывают письменные источники, в ходе самого тяжелого из варварских вторжений пятьдесят или шестьдесят городов были захвачены, а затем отбиты римлянами. В Северо-Восточной Франции данные археологии показывают, как в конце III в. одна за другой пустеют виллы, в регионе, который некогда отличался необычайно плотной сетью действительно больших сельских домов и прилегавших к ним поместий. Больше в этих домах никто не жил.

Британия представляет собой разительный контраст. В 50-70-х годах III в. можно отметить довольно скромные масштабы строительства, но никак не всеобщего упадка; все большее число новых построек, особенно вилл, археологи датируют временем около 270-275 гг., например виллы в Уиткомбе и Форчестер-Корте, на западной окраине Котсволдс. Выдвигалось одно любопытное предположение, согласно которому имела место «утечка капиталов» из Галлии в Британию. Веских доказательств этой теории пока нет, но с учетом небольших поправок она весьма привлекательна. Определенно не подлежит сомнению, что начало золотому веку римско-британских вилл, расцвет которого долго относили к IV в., было положено в 70-х годах III столетия. Тем не менее непохоже, чтобы землевладельцы могли извлекать капиталы из своих пришедших в запустение галльских поместий (другими словами, выгодно продавать их). Когда в конце века эти поместья были вновь заселены, они

представляли собой заброшенные земли, которые раздавали поселенцам, доставленным туда по распоряжению правительства. Излишне ограниченное представление о землевладельце, априорное убеждение в том, что типичный провинциальный землевладелец обладал единственным поместьем и большую часть времени проживал на вилле, обычно не обсуждается. Обладание более чем одним поместьем было распространенным явлением в верхних слоях общества римского мира, в котором земельная собственность (во многих частях Империи одновременно) служила одним из главных признаков благосостояния и статуса. В случае с Британией и Галлией того периода кажется вполне вероятным, что владельцы земель по обе стороны Ла-Манша решили перенести свои резиденции из галльских вилл во владения, которые в крайне опасную эпоху производили впечатление на удивление хорошо защищенных; самые осторожные могли приступить к переезду, когда Галльская империя еще существовала. Возможно, некоторым косвенным доказательством этого является тот факт, что после 276 г., когда города Галлии в конце концов были обнесены стенами, укрепления, хоть и весьма солидные (в противоположность британским), в основном имели небольшую протяженность, иногда больше напоминая мощные крепости, а не укрепленные города. Так и должно было получаться, если не находилось достаточного числа серьезно заинтересованных в этой местности магнатов, от которых можно было бы получить средства на оборону города.

С точки зрения архитектуры стены этих галльских крепостей очень похожи на те, что были построены в Британии примерно в то же время, но это не города. В Южной Британии возвели несколько новых прибрежных укреплений – однотипных, с очень высокими каменными стенами и выступающими из них массивными башнями, а более старые крепости, такие, как Бранкастер и Рекалвер, перестроили в той же манере. Гораздо позже, в V в., командующий «Саксонским берегом» распорядился составить их перечень; он упорно полагал, что они появились как линия обороны, разработанная против саксонских морских разбойников. Возможно, это анахронизм. Есть некоторые основания считать, что преемник Аврелиана, Проб, взял под жесткий контроль обе стороны Ла-Манша, заложив в Британии и Галлии однотипные цепи прибрежных крепостей; но первоначальная цель не оправдала себя. Тот факт, что Пробу не единожды пришлось подавлять серьезные выступления против своей власти в Британии, позволяет предположить, что «Саксонский берег» на том этапе имел больше отношения к политической безопасности, нежели к обороне границы. Британия была лакомым куском (а в этот период нужды – больше прежнего), но удерживали ее в основном ради контроля за Ла-Маншем.

Иллюстрацией к этому факту служит примечательный обычай. В 287 г. высокопоставленного римского офицера по имени Караузий, руководившего военной операцией по очистке Ла-Манша от пиратов, заподозрили в том, что он позволял пиратам совершать набеги и присваивал добычу, когда его флот, в свою очередь, завладевал ею. Предвидя наказание, Караузий поднял мятеж и установил контроль над Британией, которая вновь оказалась под властью местного императора. Этот эпизод подвергся сильной романтизации, но следует отметить то обстоятельство, что ни Караузий, ни другие римляне, претендовавшие на императорский титул до или после него, не рассматривали Британию как нечто самостоятельное. Поведение Караузия было типичным – он мягко настаивал на равноценности своей монеты и на братских отношениях со своими царственными коллегами, которые фактически держали остальную часть Империи и могли придавать его фиктивному положению характер совместного управления целым. Низвергнуть защищенный морем режим Караузия оказалось чрезвычайно сложно. Его сместил и убил Аллект, один из его людей, после того как Караузий потерял плацдарм на континенте в результате осады Булони в 293 г.; однако центральное правительство в Риме оказалось в состоянии осуществить успешное вторжение в Британию только через три года. Ла-Манш вновь доказал, насколько трудной преградой он является.

Даже если отвлечься от того, что и в плане искусства кораблевождения, и в смысле

благосклонности судьбы дело шло к поражению Аллекта (к тому же он, похоже, не вызывал никакого энтузиазма у части регулярного гарнизона Британии), к 296 г. мятежная администрация Британии оказалась перед лицом гораздо более грозной центральной власти. За эти несколько лет в римском государстве произошли важные перемены, которые открывают период, известный как «Поздняя Римская империя». Движущей силой преобразований стал император Диоклетиан. Подобно Августу, он опирался на более ранние прецеденты в истории Рима и своими реформами положил начало трансформации римского государства, продолжавшейся около полувека. Диоклетиан попытался справиться с хронической нестабильностью в сфере политики, создав систему двух старших императоров (*Augusti*, августы) и двух младших (*Caesars*, цезари), которые автоматически наследовали старшим. Размеры каждой провинции были вновь уменьшены; теперь они объединялись в «диоцезы», возглавляемые новой прослойкой гражданских чиновников, известных как *викарии* (*vicarii*), перед которыми отныне отчитывались правители (более не командующие войсками). Приблизительно удвоенные военные подразделения во главе с новыми командирами укрепили оборону границ. В качестве средства предотвращения внутренних заговоров или военных мятежей была предпринята тщательно продуманная попытка создания особой ауры вокруг императорских особ. Всестороннее повышение статуса гражданских служб было феноменальным. Не менее ярко проявилось и воздействие на искусство, моду и нравы.

Экономика претерпела в тот период чрезвычайно тяжелые потрясения. Проблема нехватки рабочей силы теперь решалась посредством введения строгого контроля за передвижениями работников и придания многим профессиям наследственного характера. В сельской местности эта проблема стояла особенно остро. Так, система поместий, которая во времена Поздней Республики благодаря войнам за рубежом могла рассчитывать на постоянный приток дешевых рабов, в период Ранней Империи все сильнее склонялась к передаче земель в краткосрочную аренду большому числу свободных держателей. Катастрофическое положение, в котором оказалась экономика III в., подстегнуло отток людей с земли. В ответ Диоклетиан своим законом фактически создал слой зависимого крестьянства – *колонов* (*coloni*). Инфляцию пытались обуздать (без особого успеха) с помощью детально разработанного ценового законодательства (например, на британские шерстяные накидки, ковры и пиво). Положение лиц, находящихся на государственной службе, становилось все более надежным благодаря частичной или полной оплате их деятельности. Воинов, которым раньше приходилось покупать себе вооружение за собственный счет, отныне снабжали всем необходимым государственные мастерские, а жалованье чиновников постепенно стало оцениваться так же, как довольствие военных. Налогообложение взлетело до небес, чтобы компенсировать затраты на проведение реформ; новой же четкой структуре общества предстояло стать еще более жесткой в ответ на попытки избежать уплаты некоторых специфических налогов, которыми облагались определенные классы в социальной иерархии.

В Британии новый порядок должны были ввести вскоре после повторного ее завоевания в 296 г. цезарем Запада Констанцием I, отцом Константина Великого. Своевременно избавив Лондон от нападения отступающих франкских наемников, состоявших на службе у Аллекта, он тем самым одержал огромную пропагандистскую победу. Это событие во многих отношениях стало провозвестием будущего.

По-видимому, наибольшему разорению подвергся Юг, где сосредоточилась кратковременная военная кампания, в результате которой Аллект потерпел поражение. На Севере данные археологии говорят об энергичном восстановлении оборонительных сооружений, предпринятом по инициативе Констанция, что больше походит на заботу о будущем, чем на ликвидацию причиненных врагом разрушений. Есть основания предположить, что длительный период мира сделал поддержание и укомплектование крепостей не самым главным из приоритетов. У Констанция были и другие планы. Более того, неубедительные опровержения современников только усиливают впечатление, что он

твердо решил, как только подвернется случай, начать еще одну из тех почетных кампаний в Шотландии, которые так много значили для честолюбивых римских императоров. Сделавшись Августом, он, не теряя времени, начал готовиться к войне, развязав ее в 306 г. Источники приписывают ему победу над пиктами (впервые противник в Шотландии назван по имени); а гончарные изделия этого времени, обнаруженные в Крамонде у восточного окончания Стены Антонина и в старой крепости Северов на реке Тей, позволяют предположить, что его план включал еще одну атаку – на восточную часть Хайленда. Как и Септимий Север, Констанций вернулся в Йорк и там умер. Как и Севера, его сопровождал его преемник.

Можно с уверенностью сказать, что Йорк стал свидетелем одного из поворотных пунктов в истории, когда армия короновала Константина Великого. Это предприятие было на удивление спонтанным, произошло во многом благодаря влиянию короля германцев по имени Крок, который сопровождал Констанция в качестве важного союзника, – и абсолютно противоречило духу установлений Диоклетиана. Оно положило начало цепи событий, в результате которых Константин стал единственным императором. Верховная власть оказалась в руках человека, который, в отличие от Диоклетиана, не слишком оглядывался на традиции прошлого, но, подобно ему, был в высшей степени способен и думать, и действовать. Нововведения Константина, опиравшегося на консервативные, но масштабные реформы Диоклетиана, на века определили дальнейший ход исторических событий.

Долгое время признавалось, что первая половина IV в. была своего рода золотым веком Римской Британии. Теперь мы видим, что начало этому процветанию было положено в предыдущем веке и некоторые устойчивые тенденции появились уже в 70-х годах III столетия. Период грандиозного процветания определенно продлился до 40-х годов IV в., а возможно, захватил и вторую половину столетия. И вполне правомерно предположить, что самая блестящая его фаза была, в частности, и заслугой Константина. Есть основания утверждать, что, подобно своему отцу, он также вернулся в Британию и добился там больших военных успехов. Мы точно знаем, что на одном из этапов своего правления Константин придал более высокий статус монетному двору в Лондоне, основанному Караузием. Вполне возможно, что именно на нем лежит ответственность за замену названия «Лондон» на «Августу»; и есть серьезные подозрения, что великолепные новые стены крепости Йорка, обращенные к реке, были сознательной демонстрацией могущества человека, которого короновали здесь и который разделял страсть Адриана к крупным архитектурным предприятиям.

Атмосферу той эпохи воплощают в себе крупные виллы Британии IV столетия. В социальном и экономическом плане для Поздней Империи на Западе характерно распределение богатства, а отчасти и власти между земельной аристократией, с одной стороны, и императором, Двором и армией – с другой. Эти силы периодически конфликтовали друг с другом, но постепенно склонялись к объединению. Между ними находились относительно немногочисленный по сравнению с прошлым городской средний класс и более мелкие землевладельцы. По большому счету именно члены местных советов (*curiales*) в наибольшей степени ощущали на своих плечах бремя перемен, оплачивая установление нового порядка в Империи. То, что некогда было знаком отличия, ныне превратилось в передаваемое по наследству ярмо, а законодательство постепенно перекрывало все пути к бегству.

В таком случае кем же были несомненно состоятельные обитатели более крупных римско-британских вилл? Некоторые из них могли быть богатыми горожанами, перебравшимися сюда откуда угодно. В случае если это были сенаторы или государственные чиновники соответствующего уровня, они освобождались от обязанностей *куриалов*. И все же необычайное упорство, с которым в речи образованных людей Британии сохранялись латинские формы изъявительного наклонения, тем не менее постепенно превращаясь на острове в диковинку, позволяет предположить, что местная

аристократия оставалась влиятельной общественной силой. Весьма вероятно, что, как ни удивительно, удар, нанесенный ей в предыдущем столетии, не был таким уж страшным. Это наводит на мысль о том, что Константин мог выказать по отношению к ней особую благосклонность.

Как и сельские поместья в Англии XVIII в., сопоставление с которыми во многих отношениях вполне правомерно, эти виллы различаются между собой планом, степенью сложности постройки и размерами. Некоторые черты присутствуют повсюду – все они были построены из прочных строительных материалов, там имелось центральное отопление (в виде системы подачи горячего воздуха; отопление осуществлялось дровами, иногда углем), остекленные окна, мозаичные полы и, очень часто, более или менее усовершенствованное помещение для купания. К вилле обычно примыкали сельскохозяйственные постройки; возможно, большинство из них, как и их сестры георгианской эпохи, граничили с земельными угодьями. Римская литература ясно показывает, что степень и важность хозяйственного использования каждой отдельной виллы сильно отличались в зависимости от личности владельца: вилла могла быть и основным источником дохода, и простым развлечением. Крупные дома, такие, как Вудчестер (Чедворт) или Норт Ли не стояли поодиночке, а красноречиво образовывали верхушку целой пирамиды вилл. Небольшие виллы, которые ранее образовались на основе хуторов времени железного века, сохранились и были усовершенствованы, или же их место заняли новые средние и маленькие виллы. Это является лучшим доказательством того, что в Британии сохранился значительный слой знати средней руки. Да, некоторые виллы исчезают, но это в порядке вещей и в более спокойные времена. Важно и то, что в данный период вилла становится, как минимум, весьма характерной чертой ландшафта.

Согласно сделанному наблюдению, основное оборудование вилл часто дублировалось. Это позволило выдвинуть своеобразную гипотезу, в соответствии с которой хозяйственным комплексом, по сохранившемуся кельтскому обычаю, сообща владели два семейства или два собственника. Более простое объяснение заключается в том, что в римском мире любой знатный человек путешествовал вместе с многочисленными слугами и друзьями и посещение поместий друг друга было распространенной практикой. Постоялые дворы пользовались столь дурной репутацией, что путник, располагающий связями, предпочитал передвигаться от одной виллы своих знакомых к другой. Похоже, что большинство римско-британских вилл сообщались с проезжими дорогами и располагались на расстоянии десяти миль (или около того) от города. Социальная связь виллы и города и тем более вилл между собой предстает, таким образом, столь же важной, как и их роль в хозяйстве.

Неизвестно, насколько развитие крупных вилл изменило облик сельского хозяйства. Уже во II в. становится заметным сходство в схеме взаимного расположения между виллой и деревней, а также домом владельца *манора* и деревней позднейшего времени. Возможно, что в Британии IV в. было относительно немного *колонов* (*coloni*) Диоклетиана – или эта перемена в области права не имела заметного влияния на ситуацию, сложившуюся в этом достаточно спокойном уголке Империи. Маленькие хутора местного образца по-прежнему преобладают, хотя есть и некоторые признаки их объединения в более крупные образования. Более существенные изменения претерпели различные ремесла, для которых снабжение вилл предметами роскоши стало толчком к развитию. Среди них наиболее известны местные «школы» мозаичистов – предприятия или группы предприятий с мастерскими, сосредоточенные в основном в Сиренсестере, Честертоне (Уотер Ньютон), Дорчестере (Дорсет), Броу-на-Хамбере и еще кое-где на Юге. Прочие ремесленники, имевшие дело с менее долговечными материалами, возможно, действовали подобным же образом – например, мастера фресковой живописи (сохранилось достаточно много образцов их работы, чтобы наглядно показать ее важность и уровень, которого она достигала), изготовители мебели и другие рабочие, поставлявшие все необходимое в состоятельные дома.

В древности сельскую местность использовали не только в сельскохозяйственных целях

и не только для развлечения богатых людей. Разрушение системы перевозок товаров на далекие расстояния способствовало развитию не одной отрасли британского ремесла, например масштабному производству глиняной посуды в Нин-Вэлли. Мы можем наблюдать, как в IV в. столь же многочисленная керамика из Хемпшира, производство которой было расширено в III в. (в основном в районе, который позднее стал королевским заповедником Элис Холт), успешно захватывает лондонский рынок и процветает на нем.

В эти ранние годы конца римского периода формируются новые особенности административной системы; им соответствовали и правители провинций нового образца. Наиболее важные указы могли исходить из Милана (который императоры некоторое время предпочитали Риму) или же, после 324 г., из Константинополя. Но со времени Констанция I центральное правительство, занимавшееся текущими делами, располагалось в Трире на Мозеле. Гражданскую администрацию Британии возглавлял проживавший в Трире галльский префект претория, перед которым отчитывался *викарий* (*vicarius*) британского диоцеза. В префектуру входили Британия, Испания, а также Северная и Южная Галлия. Резиденция британского викария, вероятнее всего, находилась в Лондоне. Ему подчинялись правители четырех провинций: *Maxima Caesariensis* (видимо, с центром в Лондоне), *Britannia Prima* (Чиренчестер), *Flavia Caesariensis* (Линкольн?) и *Britannia Secunda* (Йорк?); в каждой был собственный штат служащих. Наряду с занятием обычными гражданскими делами эта структура играла жизненно важную роль в военной сфере, обеспечивая снабжение, – она включала в себя новые государственные мастерские (например, есть запись о существовании в Британии ткацкой мастерской, на которой изготавливалась униформа для римской армии). Документ V в., в котором говорится о необычных знаках отличия британского викария, свидетельствует о том, что по крайней мере в это время под его командованием находились какие-то войска. Более важно то, что снабжение армии находилось в руках гражданских лиц, а это позволяло достаточно эффективно контролировать ее. В социальном плане верхушка новой администрации формировалась из образованных представителей среднего и верхнего слоев римского общества. Пост викария Британии мог служить важной ступенью карьерной лестницы, и среди известных нам людей, занимавших его, не было посредственностей. Установка, согласно которой на высокие должности не назначали людей из данной провинции, сохранилась до начала V в., и многие могли рассчитывать на то или иное место при императорском дворе.

Органы финансового управления провинцией сильно отличались от своих предшественников времен Ранней Империи. Хотя центр управления финансами вновь располагался в Лондоне, прежняя должность прокуратора провинции исчезла. Правители каждой из британских провинций отвечали перед викарием за сбор налогов, а от городских советов ожидался сбор средств с отдельных налогоплательщиков. Однако два других финансовых ведомства были независимыми от викария; каждое из них возглавлял чиновник от диоцеза, напрямую подотчетный секретарям императора. Одно из них собирало денежные налоги, контролировало чеканку монеты, управляло рудниками, а также исполняло некоторые другие обязанности. Другое отвечало за владения Короны в Британии; перед ним отчитывались местные прокураторы, которые несли за них личную ответственность. Зачастую эти два ведомства тесно сотрудничали и могли прибегнуть к помощи правителей провинций, поручив им непосредственное исполнение своих обязанностей.

Внутренняя структура армии более не соотносилась с провинциями. В то же время былое различие между легионами и вспомогательными частями сменилось новым делением на гарнизоны, или пограничные войска (*limitanei*), и мобильные боевые части (*comitatenses*), причем последние имели более высокий статус и получали большее вознаграждение. Многие из прежних подразделений сохранились в прежнем виде, особенно в Британии, где большая часть старых пограничных войск не претерпела существенных изменений, хотя общий характер подразделений стал иным. В то время войска, размещенные в Британии, относили к пограничным; это лишний раз говорило о том, что ее

рассматривали скорее как регион, нуждающийся в защите, нежели как край, откуда можно быстро выдвинуть полевую армию. Командующий пограничными войсками носил звание *dux* – таким был *dux Britanniarum*. А мобильными частями, в свою очередь, командовал *comes rei militaris*, имеющий более высокий ранг. При самом Константине существовала только одна централизованная полевая армия. Но при его постоянно воевавших сыновьях возникло несколько полевых армий большего размера во главе с командующими еще более высокого ранга. Некоторым из этих войск удалось добиться статуса постоянных; выделившиеся из них более мелкие оперативные группы находились под командованием упомянутых *комитов* (*comites rei militaris*).

Полевые армии включали как прежние подразделения, сохраненные или реформированные, так и множество новых. Значительную часть последних составляли люди германского происхождения, а в IV столетии в них появилось немало рекрутов из самой Германии. Примерно половина регулярной армии на Западе была германской, а другая – римской, включая и командный состав. Так, в 367 г. *dux Britanniarum,* который потерпел поражение от варваров, носил имя Фуллофауд. К концу столетия германские офицеры уже занимали высшие посты в армии. Хотя среди таких людей уже не считалось престижным принимать римские имена, они полностью усвоили взгляды на жизнь и амбиции своих римских сослуживцев. Несмотря на это, как социальная группа, армейские офицеры IV в. сильно отличались от гражданских чиновников соответствующего ранга. Между некоторыми из императоров и их офицерами, с одной стороны, и верхушкой гражданского чиновничества – с другой, складывались глубокие расхождения в культурной сфере (не будем называть это неприязнью и презрением); трения же между императорами, их дворами, новыми столицами и старой аристократией, которая все еще чего-то ожидала от Рима, превратились в социально и политически значимый фактор.

Последней составляющей государственной системы Константина была Церковь. Традиционные верования римского государства вполне отвечали потребностям общества, но мало что могли дать каждому человеку в отдельности. Одновременно с крушением мира, достигнутого Антонинами, и кризисом III в. все очевиднее становится общее стремление к более личностной религии, которая давала бы утешение в этой жизни, придавала ей смысл и сулила лучшую жизнь в будущем. Тесные связи с Востоком привели к распространению различных восточных «мистериальных религий», верований, которые предлагали мистические откровения и личный контакт с божеством. Адриан лично совершал обряды у древних гробниц во время Элевсинских мистерий в Греции; многие мистериальные культы были широко приняты и пользовались уважением. Персидский культ Митры завоевал популярность в военных и торговых кругах, поскольку присущий его приверженцам упор на честность, дисциплину и крепкое братство отвечал идеалам и интересам как торговцев, так и офицеров. В отличие от христианства культ Митры не вызывал подозрений политического характера и потому не подвергался гонениям. В Британии святилища Митры появились именно там, где стояли войска или сложилась влиятельная торговая община, – в Радчестере, Карраборо, Хауститдсе у Стены Адриана, а также в Лондоне. Слабым местом этого культа была его элитарность, закрытость для женщин и ограниченность рамками одного общественного класса. Его обряды были достаточно похожими на христианские, что могло вызывать у христиан впечатление богохульства, и существуют признаки (например, в Лондоне и Карраборо) возможных нападок на приверженцев культа Митры со стороны христиан в пору их верховенства; в течение IV в. культ Митры в основном угасает.

В последних исследованиях, посвященных борьбе христианства за выживание по окончании римского правления, выдвигается предположение, согласно которому христианство было более широко распространено и укоренилось глубже, нежели полагали до недавнего времени. Однако чрезвычайно важно не переносить черты, характерные для V и VI вв., на III и IV столетия. Все согласны с тем, что до IV в. христианство не пользовалось в Британии большим влиянием. В Британии III в. уже были свои мученики – св. Альбан в

Веруламии, свв. Юлий и Аарон в Карлеоне. Тот факт, что Британия входила в состав империи Констанция I (первой женой которого была святая Елена, мать Константина) и он не допустил, чтобы последнее великое гонение на христиан в этих краях пошло дальше разрушения церквей, мог помешать раннему возникновению сколько-нибудь значительного культа мучеников в Британии. С другой стороны, данное обстоятельство могло склонять состоятельных христиан к мысли о переселении сюда из более опасных частей Империи, понемногу увеличивая прослойку владельцев вилл.

Насколько известно, наиболее ранний комплекс церковных надгробий Римской империи (найденный вУотер-Ньютон), который с почти полной уверенностью датируется самым началом IV в., был изготовлен в Британии, а епископы появляются здесь всего лишь через год после обнародования «Миланского эдикта», узаконившего христианскую Церковь, причем их титулы указывают, что кафедры располагались в столицах четырех британских провинций. Эти факты привлекают наше внимание к коренным переменам, происшедшим при Константине Великом. В III в. усиление абсолютной власти императора периодически сопровождалось попытками ввести монотеистическую государственную религию. Со времени Константина основным фактором римской политики (а также все больше и частной жизни) сделалась идеология. Отныне, для того чтобы показать свою лояльность, недостаточно было формально соблюдать обрядовую сторону государственной религии: христианство, новая государственная религия, требовало веры. Отношение к языческим верованиям долго оставалось терпимым. Но терпимость постепенно исчезала, несмотря на мощное противодействие со стороны значительной части римской аристократии, которая видела в старой религии оплот Рима как такового и одновременно отождествляла с нею оппозицию при Дворе. Были даже короткие периоды, когда вновь появлялись императоры-язычники. Однако император Констанций II, объявивший обязанностью императора следить за единообразием доктрин, дал мощный толчок развитию внутри самой Церкви, которое сыграло огромную роль в будущем. С середины IV в. преследование еретиков на государственном уровне придало новое измерение политике лояльности.

Недавние исследования выявили высокий уровень христианизации Британии в IV в., но удивление должно вызывать не это, а то, что он не был еще выше. Сказанное побуждает пристальнее вглядеться в истинную природу британской церкви того времени. Былое представление о христианском городе и языческой сельской местности не находит подтверждений. Упоминания о епископах при Константине заставляет предположить, что существовали и городские общины. Необычная крошечная церковь, раскопанная за стенами Силчестера, и примеры гораздо более распространенных церквей (с кладбищами), построенных над могилами мучеников и других выдающихся христиан в Веруламии, Кентербери, подтверждают это. Но самые известные памятники римско-британского христианства IV в. связаны с виллами: например, мозаики во Фрэмптоне и Хинтон-Сент-Мэри или фрески из Лаллингстона. Расположение археологических находок свидетельствует о том, что сфера распространения христианства была весьма неоднородной. Кладбище в Дорчестере (Дорсет) говорит о существовании большой и состоятельной христианской общины, которую поддерживали окрестные виллы; в других местах подобные кладбища не имели к ним никакого отношения. Любопытная серия церковных купелей, изготовленных из свинца, использовалась не в городах, а в сельской местности либо в мелких поселениях – похоже, что за ними присматривали местные землевладельцы; значительная их часть была обнаружена в Восточной Англии, где есть доказательства существования по-настоящему крупных состояний в поздний римский период.

Константин нанес серьезный удар как по языческим культам, так и по городскому самоуправлению, когда передал сокровища и пожертвования из языческих храмов в христианские церкви и для той же цели изъял значительные суммы из городской казны. В IV в. богатство стремительно сосредотачивалось в руках наиболее крупных землевладельцев, с одной стороны, и государства с его институтами – с другой. Нет ничего

странного в том, что мы находим виллы на переднем крае наступления христианства в Британии, где они представляли собой столь яркую характерную черту того периода. Учитывая эти обстоятельства, не вызывает удивления и то, что свидетельства христианизации так разнородны. Коль скоро степень влияния христианства в округе зависела от того, был ли местный землевладелец убежденным христианином (либо честолюбивым политиком) или нет, это вполне объяснимо. Коль скоро строительство церквей и других христианских памятников зависело от деятельного городского совета, как ранее – попечение об общественных храмах и других гражданских постройках, соответственно попечение могло быть более или менее добросовестным. Очевидно, что на Соборе в Римини в 359 г. присутствовало намного больше епископов из Британии, но не сохранилось ни одного титула, поэтому неизвестно, в каких городах они располагались. Вероятно, показательно, что по меньшей мере некоторые из них испытывали определенные трудности со сбором средств на дорожные расходы. Если городские христианские общины были слабыми или пришли в упадок спустя более столетия после кампании Константина, то как выживало христианство после окончания римского правления? Отгадка, возможно, заключается в окончательном соединении христианства с классом землевладельцев по всему Западу, что имело параллели в Британии V столетия. В этот период, в отличие от IV в., мы видим практически единодушное принятие христианства сельскими жителями. Поскольку большая часть населения в любом регионе жила на земле, это позволяет ожидать присутствия там христианства, хотя бы в качестве субкультуры. И даже тот факт, что в позднеримские времена сельское духовенство, в отличие от своих городских собратьев, было относительно малообразованным и занимало неясное социальное положение (в деревне даже епископы могли мало чем отличаться от зависимых держателей земли при землевладельце), может говорить в пользу их близости с земледельческим слоем и служить дополнительным подтверждением того, что Церковь, равно как и вера, выживала, несмотря ни на что, вместе с хозяевами земли.

Насколько долго общество IV в., основу которого составляли сельские виллы, могло сохранять свое былое процветание, столь отличающее Британию от других частей Империи? Описывая череду набегов варваров на края, граничившие с Британией в 360 г., Аммиан, хорошо осведомленный историк того времени, сообщает, что в ту пору «провинции были охвачены страхом», и многозначительно добавляет: они «были уже разорены несчастьями прошлых лет», Более того, выдвигалось предположение, основанное на данных археологии, согласно которому около 350 г. с городами было «покончено» (позже нам придется рассмотреть это предположение). Если не вдаваться в подробности, картина сильно отличается от той, которую мы видели в начале века.

Есть веские основания считать, что золотой век не надолго пережил самого Константина. После его смерти в 337 г. Империя была с трудом разделена между тремя его сыновьями – Констанцием II, Константом и Константином П. Британия вошла в состав владения молодого Константина. Недовольный своей долей, он в 340 г. напал на Константа и потерпел сокрушительное поражение. Немало лет минуло с тех пор, как британская армия в последний раз сталкивалась с военной катастрофой. Вызванные этим слабость и, вероятно, разочарование в стране имели результатом необычное путешествие Константа через пролив в разгар зимы, закончившееся вторжением 343 г., сохранившиеся следы которого сосредоточены на северной границе Британии. В 360 г., к которому относятся процитированные нами слова Аммиана, пограничные проблемы, несомненно, обострились: скотты из Ирландии и пикты из Шотландии нарушили соглашение с Римом; при этом подразумевалось, что существовали более ранние договоренности, достигнутые дипломатическим путем (вероятно, обычным способом – с помощью золота). В 364 г. они возвращались вновь и вновь, на сей раз в сопровождении аттакоттов (возможно, тоже из Ирландии) и саксов. Таким образом, великое вторжение варваров 367 г., к которому мы приближаемся, представляло собой кульминацию долгого периода угроз извне. Но на территории, находившейся под властью Рима, положение было по меньшей мере столь же

скверным.

В 350 г. Констант погиб в результате дворцового заговора, и на трон взошел офицер германского происхождения по имени Магненций. Отныне западная часть Империи находилась в состоянии войны с восточной, которой правил Констанций II, последний из сыновей Константина. Правление Магненция, который был христианином, но терпимо относился к язычникам, продлилось три с половиной года и привело к катастрофическим последствиям. Костанций II, который, как мы видели, принял на себя обязанность бороться с христианскими ересями, ненавидел и язычников; он даже в очередной раз ввел смертную казнь за отправление языческих культов и шокировал Сенат, удалив из здания Сената в Риме древний алтарь Победы. Британия подверглась особенно тщательной проверке, после того как он окончательно взял верх. Основной целью некоего Павла, которого Констанций II назначил главой императорской канцелярии, была охота на инакомыслящих среди жителей острова. Горько шутя, его метко прозвали Цепью. Непосредственной задачей Павла являлся арест военных, поддержавших Магненция, но вскоре, никем не сдерживаемый, он создал настоящее царство террора, в котором решающую роль играли ложные доносы, наводившие ужас даже на самых преданных офицеров. Мартин, викарий самого Констанция в Британии, заплатил жизнью за неудачную попытку покончить с Павлом. Можно только догадываться, сколько видных семейств по воле случая оказались вовлеченными за полвека в этот водоворот в придачу к тем, кто имел отношение к политике. Император одобрял конфискации, ссылки, тюремное заключение, пытки и казни, не требуя никаких доказательств. Уже только конфискации имущества должны были оказать глубокое воздействие на систему землевладения Британии, в то время как душевное опустошение как среди горожан, так и в армии могло лишь ослабить их волю к сопротивлению варварам, которые надвигались на них теперь.

Бедствия достигли своего апогея в 367 г. В Британию вторглись пикты, скотты и аттакотты; франки и саксы совершали набеги на галльское побережье. Оба императорских главнокомандующих– сам император Валентиниан находился в Северной Галлии – и старшие офицеры, отвечающие за Британию, были застигнуты врасплох. *Dux*, руководивший постоянным гарнизоном Британии, был выведен из строя, а *comes*, отвечавший за оборону побережья, убит. Согласованные действия столь непохожих друг на друга варваров составляют наиболее примечательную особенность случившегося. Известно, что предательство местных уроженцев, служивших на границе, внесло свой вклад в ситуацию, но, если оценивать кампанию в целом, приходится предположить, что существовал некий неизвестный варвар – выдающийся военачальник и дипломат. Раздобыть подробные сведения о расположении римских войск и разобраться в римских способах ведения войны было не так уж сложно, учитывая, как много германцев было в армии Рима (хотя случаи, когда их можно заподозрить в сознательном вероломстве по отношению к Риму, крайне редки). В наличии у варваров одаренного лидера убеждает сам факт того, что нападения одновременно совершали представители столь различных культур, чьи родные края довольно далеко отстояли друг от друга, чьи цели разнились достаточно сильно; более же всего – сохранение полнейшей секретности. Римляне, разумеется, называли это сговором, и с ними трудно не согласиться.

Отряды варваров разбрелись по Британии, грабя, разрушая все вокруг, захватывая пленных или, если было на то желание, убивая. Сельская местность близ больших дорог должна была оказаться особенно уязвимой; похоже, выстоять смогли даже не все укрепленные стенами города. Военная и гражданская власть рухнули. Войска разбегались, причем некоторые неубедительно претендовали на звание демобилизованных. Политические оппортунисты не упустили такой возможности. Британия была местом почетной ссылки для правонарушителей высокого ранга, которые составили хорошо подтверждаемый документами заговор, пресеченный сразу после восстановления римского правления в Британии. Есть также некоторые свидетельства того, что одна из провинций британского диоцеза (который теперь делился на пять провинций) временно оказалась в

руках повстанцев.

Ответом императора Валентиниана на разразившееся бедствие была отправка небольшого, но мощного подразделения элитных войск, которое возглавлял *comes rei militaris* Феодосий, отец будущего императора Грациана и дед Феодосия Великого; его собственный отец служил *комитом* (*comes*) Британии при Константе. Использование таких отрядов особого назначения было обычной практикой в Поздней Империи, если возникали непредвиденные проблемы; подобная экспедиция уже отправлялась в Британию по меньшей мере однажды (в 360 г.) возможно, этот случай был не единственным. В то время подобные войска обычно состояли из *comitatenses*. С конца IV столетия в римскую армию все чаще включали военные отряды варваров, возглавляемые их собственными королями, а то и целые племена. Поэтому отряды особого назначения формировались из состава регулярных войск, которые оказывались под рукой, – из союзников-варваров, а иногда и только из варваров – в противоположность специально подготовленным кампаниям или операциям. С учетом будущего важно отдавать себе отчет в том, что в V в., по мере того как военное дело развивалось, утрачивая черты, присущие IV в., варвары были уже не враждебными пришельцами из ниоткуда, но привычным явлением повседневной жизни. Воинов-варваров часто нанимали против других варваров при подавлении внутренних распрей и использовали в ходе гражданских войн в Риме.

И военная кампания, осуществленная Феодосием, и последовавшее за ней восстановление Британской провинции производят впечатление тщательно продуманных блестящих операций. Эффектно освободили Лондон. Вновь созвали войска постоянной дислокации; дезертиры получили прощение, была создана боеспособная армия. Шайки варваров были разбиты одна за другой, саксы потерпели поражение на море. Украденное имущество возместили или возвратили. Административная власть была восстановлена под руководством нового викария (*vicarius*); захваченную повстанцами провинцию вернули и назвали Валенцией в честь Валентиниана и его брата (а также «коллеги» по правлению из восточной части Империи) Валента. Крепости отстроили вновь, разрушенные города восстановили.

Масштабная перестройка городских укреплений в Британии, сопровождавшаяся добавлением высоких башен, выступавших наружу, перестройка, археологически датируемая примерно серединой IV в., скорее всего, была инициативой именно Феодосия, хотя различия во внутреннем и внешнем устройстве наводят на мысль, что расходы и контроль вновь были возложены на местные городские советы. Тем не менее тот факт, что стены поддерживались в боевой готовности на всем их протяжении, сильно сказался на состоянии городов в середине и конце IV столетия. Невозможно было поддерживать столь обширные укрепленные площади только ради обеспечения отдельных стратегически важных пунктов или даже укрытия сельского населения на случай опасности. Существовало еще что-то, ради защиты чего не жаль было постоянных усилий. Что мы имели в виду, говоря, что с британскими городами было «покончено» примерно к 350 г.? Молчаливое убеждение в том, что города IV в. оставались теми же, что и во II в., явная ошибка. Разумеется, следует проявлять осторожность, чтобы не решить, будто во всех городах перемены были одинаковыми. Однако упадок и запустение общественных сооружений едва ли может удивлять, если центральное правительство расхищало муниципальную казну, а члены совета попадали в него против воли. Законодательство IV в. вновь и вновь пыталось препятствовать отъезду из городов представителей класса, для которого служба стала ныне наследственной обязанностью, в то время как более высокие слои общества были освобождены от муниципальных обязанностей. Вездесущая бюрократия стала новым элементом в обществе, и нам, вероятно, следует присмотреться в этом направлении. Пять правителей, их штат, домочадцы, отряды стражей и множество других связанных с ними людей надо было где-то размещать; существовало еще немалое число прочих чиновников, и для поддержания их раздутых аппаратов и образа жизни требовалось довольствие значительных размеров. Надежды каждой ступени иерархической

лестницы были обращены к блистательному и щедрому двору Поздней Римской империи. Огромные пространства вокруг столичных городов IV в., таких, как Трир или Арль, некогда обычных муниципиев, были отданы под дворцы и другие государственные строения. Нам следует ожидать того же и на более низком уровне, во многих британских городах. Действительно, археологические раскопки показали строительство больших городских домов в столь несхожих между собой местах, как Лондон и Кармартен, а также развитие городской жизни в Веруламии середины V в. и особенно в Роксетере. Незастроенные пространства в черте городских стен, выявленные при раскопках, вероятно, следует рассматривать как парки и сады государственных служб нового образца, а не как заброшенные городские участки, свидетельствующие об упадке. Периодическое присутствие самих императоров в Лондоне и Йорке тоже наложило отпечаток на археологические свидетельства.

Есть все основания полагать, что восстановление при Феодосии было исключительно успешным. Археологические данные говорят о том, что многие виллы продолжали оставаться обитаемыми, некоторые были даже расширены, а другие построены с нуля. Стену Адриана охраняли до самого конца римского правления, хотя отдельные гарнизоны и уменьшились по сравнению с прошлым. На северо-восточном побережье была размещена новая система сигнальных маяков. Развитие ремесел было прервано войной 367 г., но ряд новых черт, появившихся после войны, показывает, что они сохранили жизнеспособность и тенденцию к развитию. Некоторые языческие святилища исчезают, что неудивительно, но другие по-прежнему используются для отправления обрядов; в иных же к концу столетия появляются признаки того, что их приспособили к какой-то новой религии, отдельные, возможно, к христианству. Сорок лет после 369 г. не были столь благополучными, как начало века, но ситуация на острове не обнаруживает никаких свидетельств упадка и разорения, о которых писали историки 50-х и 60-х годов. Для того чтобы верно оценить происшедшее в 409 г., следует отдавать себе отчет в том, что конец IV столетия в Римской Британии отнюдь не ознаменовался стремительным регрессом.

В этот период было сделано еще две попытки завладеть императорским троном, используя Британию как базу. В 382 г. военачальник по имени *Magnus Maximus*, Магн Максим (Максен Владиг из валлийских преданий), одержал победу над пиктами; это сделало его столь популярным, что позволило ему провозгласить себя императором и в течение пяти лет править частью Римской империи – Британией, Галлией и Испанией. В это время некоторые крепости в Британии опустели, а Двенадцатый легион отозвали из Честера; но до сих пор остается неясным, какое влияние походы Максима и его гибель от руки императора Феодосия Великого оказали на боеспособность британских войск. Между 392 и 394 гг. Британия оказалась вовлеченной в другой дворцовый мятеж, в ходе которого Феодосий утратил контроль над Западной империей; однако более значительную роль в этой истории играла личность военачальника (в данном случае франка), затмившая собой нерешительного императора Запада. Смерть Феодосия в 395 г. закрепила новое распределение сил в Западной империи до конца ее истории. Совместное восшествие на престол двух сыновей Феодосия – Гонория на Западе и Аркадия на Востоке – открыло период, когда двойное управление двумя частями Империи стало основополагающим принципом. На Востоке власть оставалась в руках императора или его первого министра – лица гражданского. На Западе же могущественная землевладельческая аристократия, опираясь на свои поместья, боролась за влияние с профессиональными военными, которые командовали войсками. Спустя три четверти века обе партии пришли к выводу, что они в состоянии обойтись на Западе и без императора.

Конец римского правления

Успешному контролю над Западом, осуществляемому Флавием Стилихоном, вандалом по рождению и главнокомандующим последнего императора Феодосия, сопутствовали и

притязания на Восток. Заговор, ответный заговор и гражданская война между Стилихоном, Гонорием, сенатом Западной Римской империи и готами во главе с Аларихом сделали все возможное, чтобы обеспечить падение римского правления на Западе. В Британии за временными успехами в борьбе против пиктов, скоттов и саксов и восстановлением линии обороны под руководством Стилихона последовал, вероятно в самом начале V в., роспуск части войск. Мы не знаем, каковы были его масштабы, но прекращение ввоза вновь отчеканенной монеты в 402 г. может означать, что ни оставшиеся войска, ни гражданские чиновники более не получали средств из центра. Неудивительно, что это породило крайнее недовольство. В 406 г. британская армия приняла участие в первом из трех стремительно последовавших друг за другом дворцовых переворотов. В последние дни этого года многочисленные толпы варваров пересекли Рейн. Административный центр галльской префектуры был перенесен в Арль, а на британских узурпаторов ни у кого не оставалось времени.

Третий из узурпаторов, действуя по обычной схеме, захватил власть над Галлией и Испанией, и некоторое время император Гонорий неохотно признавал его своим законным соправителем. Нам вновь неизвестно, имело ли место тотальное сокращение британского гарнизона, но, похоже, роспуск регулярных частей продолжался. Тем не менее Северо-Западной империи Константина III предстояло стать последним государственным образованием такого рода, и еще до ее окончательного развала Британия перестала признавать власть императора в какой бы то ни было форме.

О том, как именно это случилось, нам известно до обидного мало, но кое-что можно сопоставить. В 408 г. большая часть армии Константина находилась в Испании, и он оказался не в состоянии отразить нападения варваров на Британию. В 409 г. в этой армии начался мятеж, возглавленный ее командующим, британцем по происхождению (причем он умело подстрекал и варваров в Галлии); одновременно на Британию вновь напали враги, в число которых входили саксы. В самой Британии – как и в некоторых частях Галлии – поднялось восстание, и администрация Константина была изгнана из страны. Натиск варваров-захватчиков был успешно отражен, и с тех пор Британия окончательно порвала с римским правлением.

Как именно британцы изгнали захватчиков и каково было на тот момент положение дел в стране – все это может быть разве что предметом научных умозаключений. Существуют слабые признаки стараний Стилихона и Гонория побудить местных жителей организовать систему обороны или оплатить ее. Вряд ли регулярная армия оставалась в строю, когда офицеры Константина были смещены, вряд ли в поддерживающую ее сложную административную структуру поступало достаточно людей и средств. При Поздней Империи землевладельческий класс упорно сопротивлялся как призыву в регулярную армию сельской рабочей силы, так и уплате налогов. В V в. части, финансирование которых прекращалось, распускались; люди разбредались либо оседали на земле. В самом деле, начиная с 455 г. процесс распада постоянной армии Запада, похоже, шел полным ходом. Весьма вероятно, что в Британии, оставшейся без управления из центра, начиная с 409 г. стали нанимать на военную службу отряды варваров, а некоторые из них могли иметь место еще при Константине III или даже при Стилихоне.

Нет никаких оснований полагать, что британцы когда-либо еще пытались избрать императора или восстановить какие-либо механизмы былой системы управления. Мало кто из них имел опыт подобного управления (в отличие от прежних чиновников, галлоримлян), но помимо этого если они разделяли взгляды, свойственные землевладельческому классу V столетия в целом, то вряд ли их обуревало желание вновь взвалить на себя бремя поддержания имперской администрации, от которого только что удалось избавиться. Убедить местную знать, что ей выгодно сотрудничать с Римом, – вот в чем заключался секрет успеха британских правителей I в., назначенных Флавиями. Нет причин считать, что события 409 г. подорвали положение класса землевладельцев. Тем не менее они утратили доверие к императору, бюрократии и армии как к самой надежной гарантии сохранения их

достатка и благополучия. И жестокие политические гонения в Галлии, которые учинили офицеры Гонория после смерти Константина III, никак не поддерживали этого доверия.

В *Notitia Dignitarum*[*] содержится полный перечень всех военных и гражданских постов в Британии – по крайней мере на бумаге; и это наводит на мысль, что в имперских ведомствах возвращение Британии считалось само собой разумеющимся – как это не раз бывало в прошлом. На деле же военное вторжение в Британию было реальным только однажды, в короткий промежуток времени между 425 и 429 гг. Но к той поре другие группы обеспеченных римских провинциалов, особенно на огромной галльской территории, уже начинали устраиваться относительно удобно, нанимая варваров, заключая с ними союзы или подчиняясь их власти.

Любой из этих вариантов устраивал знать больше, нежели прямое императорское правление, – при условии, что варвары останутся сговорчивыми. Но для ослабленного среднего класса и ремесленников, которые все сильнее зависели от армии, гражданских чиновников и городских церквей, способных предоставить им работу, покровительство и рынки сбыта, перемены должны были стать катастрофическими. Данные археологии подтверждают подобную картину в Британии. В начале V в. хорошо развитое производство керамики внезапно прекращает свое существование; к 420-430 гг. приостановилась регулярная чеканка монеты. В данном случае эти факты делают определение даты, когда римские поселения оказались покинутыми, гораздо более сложным, чем прежде. Тем не менее нет никаких свидетельств того, что с виллами было покончено насильственным путем. Свидетельства того, насколько долго в городах могла сохраняться активная жизнь, сильно разнятся по времени. В Линкольне мы обнаруживаем главную улицу, вновь замощенную в V в.; привозная средиземноморская керамика среди пепла в отопительной системе одного лондонского дома соседствует с другими признаками, доказывающими, что в начале V в. там продолжалась нормальная жизнь; форум в Сиренсестере поддерживали в порядке и после того, как прекратилось регулярное хождение монеты; а в Веруламии череде важных городских сооружений, сменяющих друг друга на одном и том же месте, ближе к середине столетия положила конец прокладка нового канала.

Есть свидетельства, что после разрыва с Римом британцы жили под властью *тиранов* (*tyranni*), или узурпаторов; согласно наиболее убедительному толкованию – могущественных местных уроженцев, которые заполнили вакуум, образовавшийся с исчезновением законной власти. Их происхождение разнородное: некоторые из них, вероятно, были землевладельцами, другие – военачальниками, римлянами или варварами, которые были приглашены, чтобы навести порядок или захватили власть. Богатое погребение воина в Глостере, по своему характеру скорее британское, нежели саксонское, могло принадлежать такому тирану, либо *кондотьеру*, находившемуся на жаловании у местных жителей. А претенциозные деревянные строения V столетия в Роксетере, быть может, являлись резиденцией подобного лидера.

В 429 г. св. Герман, выдающийся галло-римский епископ, вхожий в римские круги общества, посетил Британию ради борьбы с ересями и публично спорил в Веруламии с местными магнатами, «чрезвычайно богатыми, одетыми в роскошные платья и окруженными толпой раболепной прислуги». В 446-447 гг. он нанес следующий визит в Британию, хотя, по-видимому, при менее благоприятных обстоятельствах. И все же по крайней мере до 40-х годов V столетия в Британии сохранялись некоторые черты «постримского», или «постимперского», образа жизни, характерного для всего Запада.

---

[*] «Роспись званий» (лат.).

Англосаксонский период (около 440-1066)
Джон Блэр

Эпоха расселения

Источники, относящиеся к V и VI столетиям, столь немногочисленны, что их несложно перечислить, и столь ненадежны, что их слабые места видны невооруженным глазом. С одной стороны, мы располагаем археологическими данными, прежде всего находками из погребений на языческих кладбищах. Источники такого рода не лгут, но могут дать ответы только на очень ограниченный круг вопросов. С другой стороны, мы имеем небольшую группу текстов, анналов и различных отрывков. Наиболее содержательным трудом этого времени является трактат «О разорении Британии», написанный в 40-х годах VI в. монахом Гильдасом, целью которого было рассказать об ужасах своего времени наиболее устрашающим образом. В 731 г. Беда Достопочтенный, монах нортумбрийского монастыря в Ярроу завершил свою «Церковную историю народа англов». Это сочинение затмевает собой все прочие источники по истории VII – начала VIII в., и, хотя эпоха вторжения довольно далеко отстоит от времен Беды, он обеспечивает нас на редкость убедительными свидетельствами прежней традиции. Остальные письменные источники сводятся к отрывкам из хроник, сохранившихся в позднейших компиляциях, немногочисленным стихам и упоминаниям в трудах авторов с континента. Совершенно иное явление представляют собой позднейшие саксонские анналы, известные под общим названием «Англосаксонские хроники»: изложение событий в южных английских королевствах из года в год. Более ранние анналы не настолько заслуживают доверия, как относящиеся к последующим столетиям, а хронологические данные вызывают сомнения до самого конца VI столетия.

Таким образом, источниками англосаксонского происхождения, относящимися приблизительно к той эпохе, мы не располагаем. Причина вполне очевидна: в течение первых двух столетий своего обитания в Британии германские народы не знали письменности. Поэтому ранний этап их судьбы здесь возможно увидеть только глазами враждебных им бриттов и плохо информированных иноземцев, а также обратившись к их собственным позднейшим преданиям. Вплоть до VI в. обоснованные догадки вынужденно преобладают над историей.

Археологические данные показывают, что германские воины появились в Британии за годы до 410 г. На позднеримских кладбищах, в первую очередь в нижней части долины Темзы от Оксфордшира до побережья Эссекса, обнаружены захоронения с пряжками такого типа, какие носили франкские и саксонские наемники в римской армии. Если такие военные отряды осели в Британии, как это, несомненно, было в Галлии, то захватчики середины V в. могли присоединиться к своим сородичам, которые прибыли двумя или тремя поколениями ранее. Для английских поселений V-VI вв. характерны хижины с земляным полом и двускатной кровлей, опирающейся на столбы, и более двух сотен таких построек было обнаружено на огромном городище близ Макинга в устье Темзы. Предполагается, что этот комплекс населяли наемники, которых разместили там около 400 г. для охраны подступов к Лондону. Если это действительно так, то история англосаксонского переселения началась еще при римлянах.

Англичане последующих веков датировали появление своих предков несколькими десятилетиями позднее, а с 30-х годов V в. германские переселенцы, по всей видимости, начинают прибывать большими группами. Прежде чем приступать к анализу этого исключительно важного процесса, стоит задаться вопросом, кем же были захватчики и какими они были. На первый из вопросов дает ответ (почти столь же исчерпывающим образом, как его дал бы современный ученый) отрывок из неизвестного источника, процитированный Бедой:

«Они вышли из трех весьма могущественных германских племен: саксов, англов и ютов.

Жители Кента и обитатели острова Векта (Уайт) были из народа ютов, да и тех, кто жил напротив острова Векта, в той части королевства Уэссекс, доныне называют народом ютов. А тех, кто пришел из Саксонии, из того края, который сейчас известен как Старая Саксония, теперь называют восточными саксами, южными саксами и западными саксами. Кроме этого, из страны англов, которая находится на землях между королевствами ютов и саксов и называется *Angulus,* пришли восточные англы, южные англы, мерсийцы и весь народ нортумбрийцев (это те люди, которые обитают к северу от реки Амбер [Хамбер]), а также другие племена. Говорят, что *Angulus* так и остается обезлюдевшим с тех пор и до наших дней»*.

Данные археологии подтверждают рассказ Беды: предметы, найденные в английских погребениях, схожи с предметами из Северной Германии и южной половины Ютландского полуострова. Некоторые погребальные урны с кладбищ Восточной Англии V в. могли быть изготовлены теми же гончарами, урны работы которых найдены в Саксонии, а глиняная посуда и украшения из Кента напоминает находки из Ютландии; район на северо-востоке Шлезвига до сих пор называется Ангельном. К перечню Беды мы, возможно, можем добавить фризов, смешавшихся с саксами, которые, судя по всему, проникли в прибрежные поселения Фризии в начале V в. Даже утверждение Беды, что некоторые поселения на их родине оказались покинутыми, было подтверждено раскопками в Феддерсен-Вирде у горы Везер. Расположенная там деревня, застроенная большими деревянными домами, опустела примерно в 450 г. предположительно вследствие подъема уровня моря. В сочетании с плодородием земель низинной части Британии и свидетельством того, что ее обитатели охотно привлекали наемные войска, это затопление прибрежных поселений помогает объяснить причины переселения.

Однако схема расселения народов по королевствам у Беды выглядит, похоже, излишне четкой. Население Кента могло быть по преимуществу ютским, а другие племена могли называть себя «англами» или «саксами». Но данные археологии не указывают на существенные различия между ними, и до конца VI в., когда королевства выступают из тьмы на свет, их границы сильно размыты. Искусные кузнечные изделия из королевства восточных англов очень похожи на кентские, а их королевская династия, видимо, имела шведские корни. Заморский поход должен был ослабить внутриплеменные связи, стали складываться новые типы поселений и социальной организации, отвечающие потребностям колонистов-первопроходцев. Стоит отметить, например, контраст между большими прямоугольными усадьбами в Феддерсен-Вирде и бесформенными землянками, которые обнаружены на английских городищах. Важна принадлежность поселенцев не столько к англам, саксам или ютам, сколько к культуре Южной Скандинавии, Германии и Северной Франции. Наиболее ранние из их эпических поэм включают в себя мотивы героических легенд Дании и Фризии; в начале VII в. король Восточной Англии владел шведскими и галльскими сокровищами, а христианство достигло Англии благодаря женитьбе короля Кента на франкской принцессе. Британия сменила Римскую империю на другую, хотя и весьма несхожую с ней общность различных народов.

Какими были эти люди? Несомненно, они находились на гораздо более низкой ступени цивилизации, нежели римляне, но у них существовали собственные общественные институты, которые показали себя на удивление устойчивыми. Многое из того, что историк I в. Тацит написал о германцах (*Germani*), относится и к их далеким потомкам в Англии. Как и у *Germani*, наиболее прочными общественными связями на протяжении всего англосаксонского периода были узы родства и преданность вождю.

Родовые группы представляли собой тесные объединения на своей изначальной родине и остались такими же в Англии. Члены семейств и потомки одного человека могли порой селиться вместе, коллективно пользуясь природными ресурсами и землей. Влияние такого рода связей на тип поселений отразилось в многочисленных названиях, оканчивающихся,

---

* *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов, I, XV. Спб., 2000. С.21-22.

на *-ing*, *-ingham* и *-ington*. Название Гастингс означало «родичи Хасты», Рединг – «родичи Реды», Уокингем – «хозяйство родичей Уокки» и т.д. Хотя сегодня полагают, что не все подобные названия относятся к первой фазе расселения, многие из них очень ранние, имели большое значение и относятся к обширным земельным угодьям. Они указывают, что, когда настало время как-то обозначить территории, названия часто соотносились с населявшими их родственными группами. Общество развивалось, но семейные связи оставались жизненно важными. Человек чувствовал себя защищенным, поскольку знал, что родичи отомстят за его смерть, а пренебрежение местью покрывало несмываемым позором. Тем не менее уже во времена Тацита требования чести могли быть удовлетворены *вергельдом* (*wergild*), платой, которую убийца приносил роду своей жертвы. Англосаксонские законы содержат перечень размеров вергельда в зависимости от общественного положения жертвы, и короли все больше и больше поощряли такой ненасильственный способ улаживания конфликтов.

Тацит особо отмечает также преданность *Germani* своим вождям. У них существовала и королевская власть, переходящая по наследству, но в бой их вели избранные ими вожди. «Выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать… – первейшая их обязанность»[*]. Девять веков спустя, в 991 г., викинги разбили армию англосаксов у горы Мэлдон на побережье Эссекса. К тому времени Англия уже была цивилизованной страной, давно обращенной в христианство; тем не менее слова, которые поэт – современник битвы приписывает одному из защитников после гибели его вождя, отчетливо перекликаются с рассказом Тацита.

Честью своей ручаюсь, не чаю уйти отсюда
Но, пяди не уступая, вспять не двинусь,
Местью воздам за смерть вождя и вместе друга.
Стыд мне, коль станут у Стурмере стойкие воины
Словом меня бесславить, услышав, как друг мой сгибнул,
А я без вождя пятился к дому,
Бегал от битвы; убит я буду
Железом, лезвием[**].

Несомненно, верность вождю могла противоречить преданности роду. В интересах поддержания порядка и собственной власти позднейшие короли ставили вождя на первое место: так, в законах короля Альфреда говорится, что «человек может сражаться за своего родича, если на него беззаконно нападают, против всех, кроме своего господина, ибо этого мы не дозволяем». Но в любом случае англосаксонское общество всегда придавало большое значение верности и соблюдению клятв.

Главными богами англосаксов были персонажи более поздней северной мифологии: Тиу, Воден и Тор. Память о них сохраняется в названиях дней: *Tuesday* – «день Тиу», вторник; *Wednesday* – «день Водена», среда; *Thursday* – «день Тора», четверг, а также в нескольких топонимах: Тьюсли (*Tuesley*) (Суррей), Уэнсбери (*Wednesbury*) (Стаффордшир), Торсли (*Thursley*) (Суррей), которые предположительно указывают на соответствующие культовые центры. Даже будучи обращенными, англы назвали один из важнейших христианских праздников по имени своей старой богини Эостры (*Easter* – Пасха). Погребения, как и у германцев, располагались в удаленных местах, в рощах или на холмах: частицу *hearg* (гробница) содержат несколько топонимов, такие, как Пеперхэрроу (Суррей) и Хэрроу-он-зе-Хилл. Так как позднее поклоняться «камням, лесам, деревьям и родникам» было воспрещено церковными соборами, можно предположить, что языческие верования англосаксов включали и подобные обряды. В общих же чертах их религиозные обычаи не слишком отличались от местных языческих культов Римской Британии.

---

[*] *Тацит Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии, 14 // *Тацит Корнелий*. Соч.:В 2-х т. М., 1993. Т.1. С.343.

[**] Битва при Мэлдоне, 246-253 // Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

Письменные сведения о событиях до 600 г. довольно скудны. По словам Гильдаса, измученные набегами пиктов и скоттов бритты во главе с «надменным тираном» Вортигерном призвали первых саксов для защиты восточного побережья. Беда и другие источники добавляют, что саксами командовали братья Хенгист и Хорса, которые основали свое королевство в Кенте, а также приводят дату их высадки – около 450 г. Хотя названо достаточно позднее время, это сказание хорошо подтверждается археологическими свидетельствами: если германские наемники обосновались в Британии еще при римлянах, их преемники вполне могли продолжить эту практику. Затем, согласно Гильдасу, наемники взбунтовались и напали на своих хозяев; за этим последовала многолетняя затяжная война, кульминацией которой стала блестящая победа бриттов в неустановленном месте, называемом *Mons Badonicus*, около 500 г. Тем не менее «Англосаксонские хроники» говорят о высадке на южном побережье других вождей, полулегендарных предков королей будущего: Эллы – в Суссексе в 477 г., Кердика и Кинрика – в Уэссексе в 495 г.

Одно из действующих лиц тех лет известно каждому – это, разумеется, Артур. К сожалению, доказательства его реального существования весьма туманны. Два или три вероятных отрывка изначального предания, в которых упоминается его имя, записаны века спустя, а легенды, связанные с его именем, – это романтические измышления XII в. и последующих столетий. Мы можем сказать только, что сохранились воспоминания о военном вожде бриттов Артуре, имя которого ассоциируется с битвой у *Mons Badonicus* и дальнейшими сражениями. Вероятно, такой вождь или даже правитель был на самом деле: последний, кому удалось объединить бывшую римскую провинцию, перед тем как она окончательно превратилась в лоскутное одеяло бриттских и англосаксонских государств. Однако наше неведение относительно важнейших политических событий того времени настолько велико, что нет смысла продолжать строить умозаключения.

Гильдас сообщает, что мир, достигнутый в результате битвы у *Mons Badonicus*, продлился пятьдесят лет, вплоть до его времени, когда сложилось пять бриттских королевств, управляемых жестокими тиранами. Можно только догадываться, насколько далеко простиралась их власть над землями будущей Англии, но заново укрепленные поселения на юго-западных холмах наводят на мысль о многолетних беспорядочных стычках. Археологические раскопки кладбищ того времени показывают, что захватчики упорно продвигались в глубь острова, вверх по долине Темзы, на запад от Восточной Англии и на север от Уэссекса. «Хроники» сообщают, что саксы из Уэссекса в 50-х годах VI в. проникли в Уилтшир, в 571 г. захватили значительную часть Южного Мидлэнда и одержали победу в решающем бою при Дирхеме (Глостершир), которая в 577 г. позволила им занять Глостер, Сиренсестер и Бат. Между тем и другие королевства выходят из тени: восточные англы и восточные саксы, мерсийцы и нортумбрийские королевства Берниция и Дейра. К концу столетия мы уже опираемся на некоторые достоверные факты и видим, что под постоянным контролем захватчиков оказалась половина острова.

Что происходило с местным населением? На территории Шотландии в VI в. по-прежнему обитали в основном пикты, хотя из поселений ирландцев (будущих «скоттов») на западном побережье сформировалось королевство Далриада. Спустя несколько столетий король Далриады положит начало формированию единой Шотландии. На Севере находились еще три королевства бриттов: Стрэтклайд с центром в Думбартоне, Регед близ залива Солуэй-Ферт и Элмет в районе Лидса. Попытки Нортумбрии захватить земли пиктов закончились сокрушительным поражением в 685 г., и отныне владения англосаксов расширялись в основном за счет территорий, населенных бриттами. Стрэтклайд отстоял свою независимость, но Регед и Элмет были поглощены Нортумбрией в конце VI – начале VII столетия.

Основным анклавом бриттов стал, разумеется, Уэльс. Беженцы с востока, без сомнения, влились в его население. Христианство устояло, а с ним – и некоторые остатки римской культуры. В течение VI в. было основано множество, чуть ли не сотни, маленьких монастырей, а грамоты из Юго-Восточного Уэльса показывают, что поместья римских

времен продолжали хозяйственную деятельность. Королевства Гвинедд, Дифед, Поуис и Гвент просуществовали до 550 г., а еще несколько менее значительных королевств– до конца столетия. По меньшей мере двое из перечисленный Гильдасом тиранов правили в Уэльсе: Мадлокун (Маэлгвин), «первый во грехе, многих превосходящий и могуществом, и злобой» – в Гвинедде и Вортипор (Гвиртефир) – в Дифеде. Памятник Вортипору все еще стоит в церковном дворе Дифеда – подтверждение того, что напыщенные слова Гильдаса не лишены оснований:

«Уже и голова твоя седеет, пока ты восседаешь на троне, преисполненном вероломства и запятнанном сверху донизу убийствами и развратом, дурной сын доброго короля… Вортипор, тиран Деметы. Конец твоей жизни все ближе; почему ты не насытился столь бурными морями греха, из которых ты пьешь так жадно, словно это доброе вино, – или скорее позволяешь им засасывать себя? Отчего, дабы увенчать свои злодеяния, ты отяготил свою порочную душу бременем, которое не можешь не замечать, – насилием над бесстыжей дочерью после изгнания и достойной кончины твоей супруги?»*

Корнуолл, Девон и Сомерсет оказались в составе бриттского королевства Думнония. Ее король, по словам Гильдаса, был не лучше прочих: «тиран Константин, отродье развратной львицы Думнонии». Обитатели этого королевства медленно отступали перед англосаксами в течение VII-VIII столетий, в то время как Корнуолл выстоял до 838 г. Благодаря тому что его захватили относительно поздно, многое сохранилось. Результаты раскопок позволяют предположить, что в некоторых старых городах, особенно в Эксетере, Дорчестере (Дорсет) и Илчестере, жизнь бурлила в течение V и VI вв. Многие из главных церквей в этих графствах – кельтского происхождения: раскопки в Уэллсе (Wells) в 1978-1980 гг. выявили существование сменявших друг друга культовых сооружений, начиная с позднеримского мавзолея и заканчивая англосаксонским кафедральным собором. Здесь, как и в Уэльсе, историю маленьких церковных общин можно проследить до кельтского монастыря (*Пап*) или до кладбища вокруг могилы мученика (*merthyr*).

Труднее всего судить о судьбе оставшихся в живых бриттов, когда речь идет о территориях, которые к 600 г. бесповоротно попали под власть англосаксов. Исходя из того что в 1086 г. население Англии сократилось более чем наполовину по сравнению с позднеримскими временами (и это учитывая прирост населения в X-XI вв.), мы ясно видим, что в V и VI вв. страна просто обезлюдела. Многие бежали на Запад или в Бретань, свою роль могли сыграть и эпидемии. В целом романизированные бритты разделили судьбу любого общества в состоянии распада; уменьшение численности является, вероятно, самым ярким признаком того, что общество воистину развалилось. Нельзя сказать, что никого не осталось в живых: есть свидетельства того, что бритты составляли значительную прослойку населения, особенно на Севере и Западе. Иногда (например, в раннем кентском законодательстве) они появляются в качестве крестьян или полусвободных работников в поместьях – что помогает нам объяснить, каким образом элементы римской системы землепользования могли проникнуть в английское общество. Показательно, что английское слово *Wealh* («валлиец», т.е. бритт) приобрело значение «раб», так что стало нелегко разобраться, означает ли топоним Уолтон (*Walton*) «поселение бриттов» или «поселение рабов». Но, какими бы многочисленными они ни были, они находились в подчиненном положении: англосаксы мало что усвоили из их культуры и почти ничего – из их языка.

Первые англосаксы не были городскими жителями: важные для них населенные пункты считались важными не по экономическим соображениям, а по иерархическим. Но представление о том, что разрушающиеся римские города не вызывали у них ничего, кроме суеверного страха, является, преувеличенным. Англы знали, что такое *ceaster*** (слово использовалось на удивление часто), а нередко им были известны и римские названия городов: *Mamucion* превратился в *Mame-ceaster* (Манчестер), *Venta* – в *Ventan-ceaster*

---

* *Гильдас*. О разорении Британии, III, 31.

** От *costrum* (лат.) – военный лагерь, укрепление.

(Винчестер) и т.д. Города служили узловыми пунктами в системе дорог, и стены их были прочными. Военачальники считали их подходящими местами для своих ставок; некоторые из городов так и не утратили своих функций в местном управлении. Но это нельзя назвать городской жизнью: римские города не были полностью покинуты, но перестали существовать *в качестве городов*.

Почему Римская Британия, в отличие от Римской Галлии, исчезла полностью? Одна из причин заключается в том, что пришельцы здесь были иными: франки и вестготы знали о римском образе жизни во много раз больше, чем англы и саксы. Но правда и то, что сами бритты сильно изменились за время между началом V и серединой VI в. В ранних валлийских стихах их общество предстает на удивление похожим на саксонское: они так же почитали верность, так же придавали большое значение сокровищам, раздаче даров, содружеству воинов в хоромах их вождя. Если бы даже на землю Британии никогда не ступила нога сакса, римская цивилизация все равно могла бы оказаться слишком непрочной, чтобы сохраниться надолго.

VII век

На первый взгляд кажется, что Англия VII в. разделена на несколько больших королевств: Кент, Суссекс (королевство южных саксов), Уэссекс (королевство западных саксов), Восточную Англию, Эссекс (королевство восточных саксов), Мерсию (в состав которой входили земли центральных англов) и Нортумбрию (включающую Берницию, Дейру и, чуть позже, Линдсей). В действительности деление не было столь четким. Королевства возникали из хаоса постепенно: например, Миддлсекс, вероятно, представляет собой остаток гораздо более крупного образования саксов в средней части Англии, которое развалилось еще до того, когда о нем могли появиться письменные упоминания. Существовали в неопределенном количестве и более мелкие племена, чьи земли лежали между большими королевствами или были поглощены ими. В некоторых из них, как в Хвикке в Вустершире или Магон-Сетане на валлийской границе, были собственные короли, которые постепенно оказались в подчинении у более могущественных правителей в качестве «субкоролей», или «олдерменов». Таких случаев могло быть гораздо больше: в 70-х годах VII в. в Суррее был свой «субкороль» по имени Фритвольд, и вполне возможно, что его предки были правителями независимого королевства. Есть даже свидетельства проявлений местного сепаратизма и сопротивления давлению со стороны более сильных. Беда Достопочтенный рассказывает, что в 643 г. некий монастырь в Линдсее отказался принять тело короля Нортумбрии Освальда по той причине, что хотя они его и знали как святого человека, но «он пришел из другой провинции и захватил власть над ними». Возможно, в 600 г. насчитывались дюжины английских королей.

Даже в крупных королевствах баланс сил был неустойчивым. Беда и другие источники упоминают нескольких верховных королей (такого короля называли «бретвальд» [*Bretwaldas* или *Brytenwaldas*]), которые были уроженцами разных королевств, но успешно осуществляли контроль над большинством англосаксонских земель. Независимо от того, означало ли слово «бретвальд» официальный титул (что представляется сомнительным), очевидно, что один король вполне мог занять, пусть и ненадолго, доминирующее в политическом плане положение. Первые из названных Бедой верховных королей – Элла Суссекский, Кевлин Уэссекский и Этельберт Кентский правили в 20-х годах VII столетия. Мы не можем сказать, какой властью они располагали за пределами своих королевств, хотя известно, что в 616 г. Редвальд провел свои войска через Мерсию и нанес поражение нортумбрийцам на их собственной границе. Пятым и шестым верховными королями были правители Нортумбрии Эдвин (616-632) и Освальд (633-642). Для Беды они были героями и образцами победоносного христианского короля. Именно в связи с ними мы впервые получаем ясное представление о взаимоотношениях английских королевств.

Расширение границ Нортумбрии в западном направлении побудили Мерсию искать

союза с Уэльсом. В 632 г. Кадваллон, король Гвинедда, бритт и христианин, и Пенда, король Мерсии, англосакс и язычник, одержали кратковременную победу над Нортумбрией, но на следующий год Освальд восстановил свои силы, а Кадваллон погиб. Валлийцы продолжали поддерживать Пенду, и в 642 г. Освальд был убит в Освестри, далеко от дома. Этот факт, а также мимолетное упоминание о его отношениях с королем Уэссекса показывают, что власть и военные интересы Освальда простирались далеко за пределы Нортумбрии. Раннесредневековые валлийские стихи позволяют увидеть эту историю с другой стороны, нежели Беда: его герои были для них захватчиками. В плачевной песне по Киндилану, человеку благородного происхождения, который, видимо, погиб на службе у Пенды, мы смотрим на нортумбрийцев глазами бритта: «Защищая Трен, разграбленный город, мои братья Кинан, Киндилан и Кинрет погибли, сраженные»; «Полю привычнее была кровь, чем пахота или пар»; «Потемнела кровля зала Киндиллана, с тех пор как саксы сразили Киндилана и Эльфана из Поуиса».

Англия около 600 г.

В 655 г. Пенду разбил в бою и убил нортумбриец Осви, седьмой верховный король из перечня Беды, который впоследствии пользовался большим влиянием во всех остальных королевствах. Но тем не менее уже восходила звезда Мерсии. Мерсийская знать вскоре изгнала Осви и избрала своим королем сына Пенды – Вулфхере. К началу 70-х годов Вулфхере, похоже, контролировал южные королевства, а в 679 г. его преемник одержал победу на Тренте, которая положила конец стремлениям Нортумбрии к расширению своих границ. Однако на юге влиянию Мерсии положил конец Кэдвалла, король Уэссекса,

который в течение своего краткого правления в 685-688 гг. присоединил к своим владениям Кент, Суррей и Суссекс. Кэдвалла и его преемник Ине прочно утвердили свою власть в Уэссексе, которому предстояло определить судьбу Англии два века спустя.

В мире политики VII в. возможно было добиться значительной власти, но было трудно надолго ее удержать. Почему короли поднимались на сцену и исчезали с нее столь стремительно? Одна из причин заключалась в том, что власть и возможность завоевывать новые земли зависели от вооруженных сил; воинов нужно было привлекать подарками; для того чтобы дарить подарки, нужно было богатство; а богатство, в свою очередь, добывалось при помощи власти и завоеваний. Общество раздирали усобицы, принцип наследования королевской власти в нем был текучим и неопределенным; многие знатные люди, даже королевской крови, покидали своих родичей и искали себе щедрого и близкого по духу властителя. Освин, король Дейры, был, по словам Беды, «высоким и красивым, приятным в разговоре, любезным и одинаково щедрым и со знатью, и с простым народом; поэтому… знатные люди почти изо всех королевств стекались, чтобы служить ему». Такая система вряд ли могла быть устойчивой: когда король слабел, беднел или становился скупым, его свита рассеивалась, а его наследники, если они были, становились королями низшего ранга или шли на службу к новому господину.

В 1939 г., после раскопок большого королевского захоронения в Саттон-Ху на побережье Восточной Англии, стало ясно, какого размаха могла достигать пышность королевского двора. Относящееся, по всей видимости, к 20-м годам VII в., оно может быть погребением короля Редвальда, четвертого из верховных королей, названных Бедой. Его похоронили в корабле под высоким курганом вместе с его доспехами, оружием и множеством изумительных сокровищ. Золотые ювелирные украшения, найденные там, являются, возможно, наиболее изысканными предметами такого рода во всей Северной Европе; не менее примечателен и перечень краев, откуда происходили находки из кургана. Необычный церемониальный точильный камень, по всей вероятности, был не чем иным, как скипетром. Судя по Саттон-Ху, поэтические описания королевских богатств ничуть не были преувеличением: ради таких сокровищ завоевывали и теряли королевства.

Английское общество с самого начало включало также военную аристократию, возможно имевшую и земельные владения. Но в первые века спутники, или *таны*, короля были привязаны к нему гораздо сильнее, чем к своим поместьям. От них требовалось сопровождать его, участвовать в публичных церемониях, жить в его чертогах, а если необходимо – сражаться и умереть за него. Жизнь знати носила ярко выраженный коллективный характер: образ зала, где царит веселье, земного рая среди полного опасностей мира очень распространен в англосаксонской литературе. Беда лучше всех обрисовал его в знаменитой речи, вложенной в уста знатного нортумбрийца, который побуждает короля Эдвина принять христианство:

«Вот как сравню я, о король, земную жизнь человека с тем временем, что неведомо нам. Представь, что в зимнюю пору ты сидишь и пируешь со своими приближенными и советниками; посреди зала в очаге горит огонь, согревая тебя, а снаружи бушуют зимний вечер и вьюга. И вот через зал пролетает воробей, влетая в одну дверь и вылетая в другую. В тот краткий миг, что он внутри, зимняя стужа не властна над ним; но тут же он исчезает с наших глаз, уносясь из стужи в стужу. Такова жизнь людская, и неведомо нам, что будет и что было прежде»*.

Дружина в чертогах короля или знати была аудиторией для литературы, отразившей эпоху, – героических песен, исполнявшихся профессиональными бардами. Среди сохранившихся отрывков этих песен выделяется «Беовульф», большая эпическая поэма. То, чем мы располагаем сегодня, является относительно поздним вариантом, который подвергся литературной обработке и был, возможно, предназначен для церковных кругов. Но он открывает перед нами героический и языческий в своих основах мир знати VII в.,

---

* *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов, II, XIII. Спб., 2001.

который христианство изменило, но не уничтожило. Герой поэмы, Беовульф, – изгнанник, который предлагает свою службу Хродгару, королю данов. Хродгар щедро раздаривает драгоценности и великолепное оружие и привлекает к своему двору знатных воинов, которые обеспечивают его могущество. Но мир политики в поэме оказывается неспокойным и полным насилия; утративший поддержку король быстро погибает, а с ним – и его королевство. Основными лейтмотивами поэмами служат верность и междоусобная борьба. «Лучше для каждого отомстить за друга, чем долго оплакивать… Пусть тот, кто может, добудет славу перед смертью». Беовульф сражается с чудовищами и драконами, обитателями мира дохристианских представлений. Когда он погибает, соратники хоронят его вместе с богатыми сокровищами в кургане, который далеко виден с моря, так же как восточные англы похоронили своего короля в Саттон-Ху.

Вождю воздали последнюю почесть
Двенадцать всадников высокородных, –
Объехав стены с обрядным пением,
Они простились с умершим конунгом,
Восславив подвиги, и мощь державца,
И мудромыслие, – так подобает
Людям, любившим короля при жизни,
Хвалить, как прежде, и чтить правителя

Провозглашая: среди владык земных
Он был щедрейший, любил народ свой
И жаждал славы всевековечной*.

Но жизнь англосаксонского общества не сводилась к войнам, свирепым проявлениям преданности и выставлению напоказ своего богатства. В некоторых отношениях этот мир был на удивление четко организован. Общественные институты, которые придавали английскому государству такую стабильность в эпоху Высокого Средневековья, уходили корнями в VII в., а то и в более ранние времена: эффективность местной системы управления являлась важной причиной того, что новые правители смогли так быстро утвердить свою власть. До X в. английские графства в административных и судебных целях были разделены на сотни (hundreds, округа). По крайней мере в нескольких из ранних королевств сотни сложились на основе более крупных административных районов, примерно одинаковых по размеру, включавших в себя от пятидесяти до сотни квадратных миль и, по-видимому, встречавшихся уже в VII в. Их существование в Кенте общепризнанно, но недавние раскопки позволили обнаружить следы подобного деления в Нортумбрии, Мерсии, Уэссексе, Суссексе и Суррее. Происхождение этой на удивление всеобъемлющей системы административного деления сельской местности представляет собой один из серьезных нерешенных вопросов по истории Англии раннего Средневековья. Было ли оно, как полагают многие, римско-кельтским наследием? Или его установили загадочные *Bretwaldas* в V в.? Может быть, оно возникло само собой в разных королевствах, отражая схожие черты в общественном развитии поселенцев? Каков бы ни был ответ, сотни остаются на удивление стабильной основой нестабильного в политическом отношении мира.

Сердцем каждого сельского района было королевское поместье – *манор*, или *тун* (tun), более или менее регулярно посещаемый королем и его свитой. В каждом современном графстве можно найти следы существования такого поместья, что отразилось и в названиях, таких, как Кингстон и другие, не столь очевидные. Эти центры, а не города или

---

* Беовульф, 3169-3176, 3180-3182 // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

даже деревни и были основными узловыми пунктами в саксонском обществе на ранней и зрелой стадиях его развития. В глазах разобщенных обитателей округи королевские хоромы и окружающие их строения были средоточием закона и правосудия. Сюда они вносили свои подати, здесь исполняли остальные общественные обязанности в соответствии с общей системой повинностей. Пахотную землю делили на гайды (hides), под которыми подразумевались участки, способные прокормить свободного земледельца и его семью. Повинностями облагали именно гайду, а гайды объединялись в группы из двенадцати и более единиц, которые несли определенного рода повинности. Представитель короля в маноре взимал с одной группы гайд подати зерном, с другой – телятами или жеребятами, с третьей – обычным или питьевым медом и менее существенными припасами – с прочих.

Это раннее административное деление было сформировано в равной мере и для эксплуатации земли, и в судебных целях. Система специализации сельскохозяйственных районов соответствовала слаборазвитой сельской местности, с ее ярко выраженными географическими особенностями и обширными пространствами невозделанных пастбищ, находившихся в общем пользовании. Неудивительно, что, когда саксонские короли жаловали землю, границы этих древних «маноров» часто соотносились с уже сложившейся внутренней структурой соответствующего района. Отсюда пошли «составные поместья», объединения обособленных «вилл» или местечек, связанных с манориальным центром, которые были все еще различимы в XII-XIII вв. В последнее время некоторые историки подвергли сомнению кельтское происхождение этого типа объединений (который, по всей вероятности, напоминает древневаллийский). Существование некоторой преемственности в организации сельской жизни вполне вероятно, но в смысле столь широком, что это уже не имеет большого значения. «Составные поместья», возможно, отжили свое в результате не завоевания, а развития и социальных перемен. Учитывая, что не все крестьяне-бритты были вытеснены, а их образ жизни, видимо, не так уж отличался от образа жизни захватчиков, было бы странно, если бы модель, соответствующая имевшимся в наличии ресурсам, не продолжила свое существование.

Подобная модель соответствовала и образу жизни крестьянства, которое было разобщенным, неорганизованным и относительно немногочисленным. В ранних источниках наибольшее внимание обращает на себя фигура фермера, или *керла* (*ceorl*) (совр. англ. *churl* – «деревенщина», но лишенное уничижительного оттенка) – свободного крестьянина, который обычно возделывает одну гайду земли. Это не означает, будто все крестьяне VII-VIII вв. были настолько «свободными», что над ними не было господина, кроме короля. После обращения в христианство короли жаловали земли церквам, как ранее жаловали ее своим соратникам-мирянам (по крайней мере во временное пользование). Происхождение манора как негосударственного юридического и налогового центра неясно, но некоторые историки относят его ко времени возникновения английского общества. Средневековое деление поместий на *домены* (*demesne*, которые эксплуатировались непосредственно землевладельцем) и крестьянские земли в письменном виде зафиксировано в конце VII в., а маноры обеспечивались рабочей силой по большей части за счет рабов. Однако похоже, что на начальном этапе землевладельцы, подобно королям, взимали подати с мелких держателей, не внося больших перемен в их образ жизни и хозяйственную деятельность. Мы не располагаем доказательствами существования в иерархии общества группы полностью зависимых держателей земли, которая появилась к X в., а также организованной сельской общины, которая в XII и XIII вв. приобретает столь прочную связь с сильной властью землевладельца (lordship). Данные археологии позволяют предположить, что большинство фермерских хозяйств в англосаксонской Англии были обособленными или объединялись в небольшие группы; даже в поселениях деревенского типа отсутствовали следы регулярных улиц, пастбищ, огороженных наделов земли, которые знакомы нам по более поздней топографии деревень. Сегодня считается вероятным, что средневековая система общих полей, на которых держания перемежались друг с другом в виде разбросанных полос, возникла в результате нескольких веков

эволюции. Для Англии VII в. объединенная сельская община была далеким будущим.

В 597 г. это глубоко традиционное общество королей, воинов и крестьян подверглось воздействию извне– со стороны христианской Церкви. Начало обращению Англии положил папа Григорий Великий, который, согласно преданию, однажды увидел в Риме юношей-англов и назвал их «не англами, но ангелами». Григорию было известно, что король Кента Этельберт женат на христианке, поэтому свою первую миссию во главе с римским монахом Августином он направил именно в Кент. Этельберт, поколебавшись, обратился в христианство, а Августин основал монастырь в Кентербери. Составив неверное представление о римско-британском наследии, Григорий собирался учредить архиепископства с центрами в Лондоне и Йорке, но пришлось учитывать политические реалии Англии, и в 601 г. Августин стал первым архиепископом Кентерберийским. Поначалу успех стремительно развивался. В 604 г. появилось епископство Рочестерское; были обращены восточные саксы, и для них в Лондоне построили собор, посвященный св.Павлу. Тем временем в Кенте было построено несколько монастырей, причем их церкви строго соответствовали римским образцам.

Однако поверхностное обращение королей и их дворов представляло собой по меньшей мере шаткое основание. Восточные саксы вскоре вернулись к прежним верованиям и изгнали своего епископа. По словам Беды, король восточных англов Редвальд, несмотря на свое крещение, одновременно содержал и церковь, и языческий алтарь. В Нортумбрии сложилась схожая ситуация. В 627 г. король Эдвин принял римского миссионера Паулина и крестился вместе со своими танами, но пятью годами позже, после его поражения и смерти, его преемники стали отступниками, а Паулину пришлось бежать. Церковь быстро приобретала вес при королевских дворах, но ей требовалась более обширная база, для того чтобы не зависеть от отливов и приливов в политической жизни.

Как ни удивительно, наибольших успехов достигла не миссия Григория Великого, а более простая и изолированная кельтская церковь. Христиане из Уэльса и Корнуолла пользовались некоторым влиянием в Англии, но вряд ли оно было значительным. Августин, который, похоже, был человеком надменным и лишенным чувства юмора, оскорбил валлийских епископов, отрезав путь к совместной деятельности. Миссионеры, которые добились столь многого в северной Англии, скорее всего, прибыли из Ирландии в Шотландию, а оттуда в Нортумбрию.

Благодаря св.Патрику и его последователям Ирландия в начале VI в. уже была в основном христианской. Число монастырей все умножалось, поэтому структура ирландской церковной организации опиралась на монастыри. Центрами церковных «провинций» были монастыри, а управляли ими аббаты; епископы выполняли свои обычные духовные обязанности, но были лишены диоцезов и находились под началом у аббатов. Поэтому типичный ирландский миссионер был странствующим епископом, который дома нес пастырские обязанности в своей общине. Ирландским монастырям удалось достигнуть такого уровня благосостояния и развития, который оставил далеко позади их валлийских собратьев, и уже в VI и VII вв. они отправляли миссионеров в Галлию, Германию, Шотландию и Англию. Один из них, по имени Колумба, прибыл в Шотландию, обратил в христианство северных пиктов (южные пикты уже были христианами) и около 563 г. основал монастырь на острове Айона. Когда король Освальд, христианин, получил власть над Нортумбрией, для него было вполне естественным обратиться на Айону за миссионерами, поскольку, находясь в ссылке, он жил среди ирландцев в Западной Шотландии.

Простой образ жизни, который вели бродячие ирландские епископы и монахи, позволял им легко вступать в контакт с людьми. Эйдан, епископ Освальда, обладал качествами, необходимыми для того, чтобы навсегда обратить Нортумбрию в христианство. Основав монастырь на острове Линдисфарн, он построил в каждом королевском поместье по церкви, где читали проповеди жителям окрестностей. Беда сообщает, что он всегда путешествовал пешком, встречаясь с другими путниками на равных. Было основано еще

несколько монастырей, и вскоре Церковь Нортумбрии стала достаточно сильной, чтобы обратить свой взор за пределы королевства. В Мерсии Пенда остался язычником, но позволил миссионерам с Линдисфарна трудиться в своем королевстве, а его сын Пеада в 653 г. крестился. Верховенство короля Освальда, а затем и Осви способствовало расширению влияния Церкви в Нортумбрии. В 635 г. Кинегилс Уэссекский по настоянию Освальда принял крещение от миссионера по имени Бирин, который стал первым епископом. Благодаря Осви восточные саксы вновь обратились и приняли из Нортумбрии епископа по имени Кедд, который обучался в Ирландии. К 660 г. только жители Суссекса и острова Уайт оставались язычниками, но вскоре и они были обращены.

Религиозное рвение ирландских миссионеров способствовало значительному успеху их деятельности; но Римская церковь претендовала на большее. Если бы цели, поставленные Григорием Великим, были достигнуты, кельтской церкви пришлось бы принять римские порядки. Главным камнем преткновения оказался вопрос, который сейчас кажется тривиальным, – в какой день следует праздновать Пасху? Длительная изоляция привела к тому, что кельты усвоили систему расчетов, отличавшуюся от римской. Когда обе церкви встретились, положение стало затруднительным: случалось, что при дворе Нортумбрии король Осви, которого наставляли ирландцы, праздновал Пасху, в то время как его супруга, воспитанная в Кенте, все еще соблюдала Великий пост. Вопрос имел огромное религиозное и символическое значение; ради будущего английской церкви было чрезвычайно важно разрешить его. На церковном соборе в Уитби (664) король Осви встал на сторону римской партии, а несколько крепких орешков из числа кельтов вернулись на Айону. Это событие стало поворотным пунктом: отныне Церковь во всех английских королевствах стала единой силой во главе с одним архиепископом.

Тем не менее в 60-х годах VII в. Церковь со всех сторон осаждали проблемы. Ее организация носила случайный характер; епископов все еще было слишком мало, а некоторые из них не были посвящены должным образом. Другие скончались от чумы в 664 г., которая вновь толкнула восточных саксов к вероотступничеству. Но в 669 г. папа прислал нового архиепископа, уроженца Малой Азии по имени Теодор. Эта неожиданная кандидатура (выбор на которую пал только после того, как несколько человек отклонили предложение) оказалась как раз тем, что и требовалось: решительным администратором. В течение своего тридцатилетнего правления он усовершенствовал структуру диоцезов, которая повсюду была неопределенной, а в королевствах, обращенных выходцами из ориентированной на монастыри Ирландии, практически отсутствовала. Епископы, посвящение которых не имело законной силы, были наставлены на путь истинный, а их вызывавшие сомнения полномочия либо ратифицированы, либо аннулированы: например, были объявлены недействительными все указы епископов Уэльса. Собор, состоявшийся в 672 г. в Хертфорде, принял первые и основные нормы церковного управления.

Большинство духовенства охотно согласилось с решениями Теодора, но не грозный Уилфрид, епископ Рипонский, а затем Йоркский. Уилфрид, непоколебимый ортодокс, добился принятия римской Пасхи в Уитби, но сопротивлялся любым посягательствам на свою власть в нортумбрийской церкви. История его бурных взаимоотношений с Теодором и несколькими наследовавшими друг другу королями включает в себя два изгнания, два обращения в Рим, ссылку и тюремное заключение. Одновременно он успевал читать проповеди фризам, обращать Суссекс и учреждать монастыри в Мерсии. Окруженный свитой и обладающий огромным богатством, Уилфрид производит впечатление удивительного сочетания святого и светского аристократа. Только юная и по преимуществу аристократическая церковь могла породить такую фигуру.

Правление Теодора стало золотым веком монастырей. С одной стороны, крупные кельтские обители, такие, как Линдисфарн и Уитби, подвергались все более сильному римскому влиянию, хотя живы были и старые ценности: в монастыре Св Кутберта уединение и аскетическая набожность ирландских миссионеров сочетались с римским подходом к образу жизни и дисциплине в монастыре. С другой стороны, многие новые

обители, основанные в эти годы, столетиями будут числиться среди величайших в Британии. В некоторых отношениях наиболее важными из них были Вермут и Ярроу, основанные Бенедиктом Бископом, знатным нортумбрийцем, принявшим монашество. Бископ пять раз побывал в Риме, и его монастыри-близнецы привнесли в Нортумбрию культурное воздействие средиземноморской церкви. Наиболее прославленный член этой общины, сам Беда, описывает, как Бископ получил церковь, построенную галльскими каменщиками «по римскому образцу, который он всегда любил», заполнил ее роскошной живописью, предметами обстановки и заложил огромное собрание книг с континента.

Какими бы впечатляющими ни были эти успехи Церкви, требовалась еще какая-то постоянная база для ее деятельности в сельской местности: трудно поверить, что обращение крестьян в новую веру было не более чем поверхностным. Многим покажется удивительным, что и в этом деле первые шаги были сделаны монастырями или организациями монастырского типа. Сейчас считается, что миссионерская деятельность и исполнение обязанностей пастыря – это работа для священников, а не для монахов. Но в VII-VIII вв. различие не было столь четким даже за пределами кельтской церкви. Английское слово *mynster* («монастырь») использовалось для обозначения широкого круга церковных учреждений: от обителей, живущих по уставу св. Бенедикта, до мелких и неорганизованных сообществ священников. Их правила сильно варьировались (так, епископ составил собственный устав для Ярроу), это относилось и к нормам поведения; так что мы имеем смутное представление о том, как протекала жизнь в большинстве монастырей, за исключением самых крупных. Но очевидно, что к 750 г. в Англии существовали сотни маленьких монастырей, обеспечивших то, что можно было бы назвать началом приходской структуры Англии.

«Старые монастыри», как их постепенно стали называть, были древнее, чем большинство сельских церквей, и охватывали гораздо большие территории. Большинство источников – более поздние – рисуют их почти полностью обособленными учреждениями, власть которых распространялась только на своих обитателей. Поэтому мы плохо осведомлены о том, какова была их пастырская деятельность, за исключением того, что она имела место. Похоже, члены коллегии священников или монахи странствовали по территории определенного «прихода», молясь и читая проповеди в местных общинах. «Прихожане» монастыря должны были платить десятину, а также приносить туда своих детей для крещения и мертвых – для похорон. Столь сложная система не могла развиться так быстро без поддержки со стороны королей. Паулин и Эйдан проповедовали в поместьях своих королей, поэтому не вызывает удивления, что многие монастыри располагались в королевских тунах. Десятина, вероятно, взималась в числе принятых повинностей, а некоторые из королей в политических целях основывали даже несколько монастырей, как король Нортумбрии Освиу, видимо, поступил в 655 г. Короли располагали организованной системой местного управления; Церковь следовала их примеру. Постепенно монастыри были вытеснены тысячами ими же порожденных маленьких церквей, но монастырские «приходы» послужили шаблоном для будущего развития церковной организации в английской сельской местности.

Как короли поддерживали Церковь, так и Церковь помогала им повысить свой статус. Внуки военных вождей-язычников начинали смотреть на себя как на избранников Божьих; спустя несколько поколений церемония коронации уподобилась церемонии посвящения епископов. Вместе с христианством пришла и письменность: короли смогли переработать и записать в виде четких формул обычное право своего племени, уподобив его законодательству цивилизованного мира. Этельберт Кентский, по словам Беды, составил свои законы «по римскому обычаю». Кодекс Этельберта и более поздние кодексы VII в. из Кента и Уэссекса представляют собой сплав местных традиций с заимствованиями из континентального законодательства. Какова бы ни была их практическая значимость (в чем есть сомнения), издававшие их короли со всей очевидностью желали казаться цивилизованными – законодателями в классическом смысле этого слова. Поскольку

королевства становились все более и более открытыми влиянию Рима и Галлии, менялась сама природа королевской власти. Теперь правитель должен был заботиться о правосудии и думать о судьбах своего королевства, а не только выигрывать битвы. Даже в кодексах VII в., с их длинными перечнями пеней и наказаний, подразумевался внушительный вес королевского авторитета.

Одновременно с первыми английскими церквами мы начинаем замечать и первые английские города. Правители VI в., вероятно, устраивали свои ставки в римских городах и крепостях; короли VII-VIII вв., несомненно, покровительствовали им, потому что там располагались епископские кафедры и монастыри. Кафедральные соборы Кентербери, Йорка, Винчестера и Вустера были построены в пределах римских укреплений, а в 635 г. первому епископу Уэссекса предоставили для основания кафедры римскую крепость в Дорчестере на Темзе, которую Беда называет *civitas*. Королевские чертоги и церкви, возведенные на заброшенных руинах, сами по себе не были городами. Тем не менее в ту эпоху кафедральные соборы и монастыри располагали наиболее четкой организацией; к их воротам стягивались ремесленники, торговцы, слуги и нищие. Неслучайно первые признаки оживления городов оказываются связанными с церковью, идет ли речь о римских городах или о более многочисленных поселениях, не имевших доанглийских корней. Самые ранние археологические свидетельства существования англосаксонского поселения в Кентербери лишь чуть младше основанной тут кафедры Августина. А недавние раскопки в Нортгемптоне показали, что зародышем города был монастырь VIII в. с церковью и сопутствующими постройками. В конце IX в. термин Беды *urbana loca* вопреки ожиданию переводили не как «города», а как «монастыри». Многие английские города начинались с монастыря и примыкающего к нему поселения мирян.

Верховенство Мерсии

Вначале VIII в. Англия была более цивилизованной, чем в начале VII столетия. До единого английского королевства было еще далеко, но англичане начали осознавать свое этническое и культурное единство. Беда, возможно, ощущал это острее, нежели кто-либо другой: не следует забывать, сколь многозначительно само заглавие его основного труда – «Церковная история народа англов». Он видел, как в объединении английской церкви проявилась общая судьба его соотечественников, и потому оказался в состоянии думать о них как о «народе англов». Существуют ли какие-то признаки того, что светская власть тоже становилась все более всеохватывающей? Это вопрос, ответить на который трудно, не в последнюю очередь потому, что источников стало больше. С одной стороны, сложившиеся общественные институты и комплекс идей, которые показывают королевскую власть VIII в. с сильной стороны, могли быть не новыми – просто в это время они впервые были зафиксированы в письменном виде. С другой стороны, династическая неразбериха, которая демонстрирует слабую сторону этого строя, тоже могла быть не новой: возможно, Беда и его современники просто умолчали о подобных явлениях. По крайней мере можно сказать одно: как *Bretwaldas* мерсийские короли VIII в. были столь же могущественными, как и их предшественники; но они жили в мире, где большее место занимали письменность и законность, где упрочилось представление о правах, и это делало их власть более устойчивой и открывало дополнительные возможности для развития.

Король Мерсии Этельбальд (716-757) сохранил все влияние, завоеванное Вульфхере. Появляется значительное количество хартий с королевскими пожалованиями, поэтому теперь мы можем видеть, как короли предпочитали именовать себя. Титулы Этельбальда производят сильное впечатление, хотя и не являются совершенно новыми. Одна из хартий называет его «королем не только мерсийцев, но и всех провинций, которые известны под общим названием "Южная Англия"». Степень вмешательства короля во внутренние дела Кента и уровень контроля над Лондоном, которые показывают хартии, подтверждают эти претензии. Но Уэссекс сохранил свою независимость, как и Нортумбрия, которою правил

покровитель Беды король Кёлвульф: верховная власть Мерсии никогда не распространялась на север дальше Хамбера.

Преемник Этельбальда, Оффа (757-796), стал наиболее могущественным из английских королей до Альфреда Великого. Однажды обеспечив себе это положение (что потребовало нескольких лет), он держался по отношению ко всем королевствам (за исключением Нортумбрии и Уэссекса) скорее как непосредственный правитель, нежели как далекий верховный король. Его предшественники брали верх над слабыми династиями, Оффа одолел самых сильных. Он полностью подчинил себе Кент (за исключением краткого перерыва в 70-х годах VIII в.) и обращался с его королем как со своим слугой. Однажды он аннулировал пожалование, сделанное королем Эгбертом Кентским, «заявив, что неправильно, чтобы его служитель осмеливался раздавать земли… без его ведома». В результате неудачного выступления против преемника Оффы в 798 г. древняя династия Кента навеки исчезла. Последний из королей Уэссекса появляется в числе *duces* Оффы; в Суррее, который был западносаксонской территорией, мы обнаруживаем дарственную знатного мерсийца, подтвержденную Оффой. В Восточной Англии (хотя здесь династия позднее объявилась вновь) «Хроника» за 794 г. скупо говорит: «В этом году Оффа, король Мерсии, приказал отрубить голову [королю] Этельберту». В Уэссексе королевская власть и традиция оказались сильнее: королевство признало власть Мерсии только между 786 и 802 гг., но даже тогда власть, кажется, имела более неопределенный характер, чем в Кенте.

Оффа был первым правителем, в хартиях которого использован простой и внятный титул «король англов». Его статус подчеркивается знаменитым посланием, которое отправил ему Карл Великий, король франков. Карл обращается к нему как к равному, «своему дражайшему брату», и упоминает «различные епископские кафедры в вашем с Этельредом королевстве», как будто бы в Англии больше не было королей, кроме Оффы Мерсийского и Этельреда Нортумбрийского. Связи с Франкским государством чрезвычайно важны (хотя, вероятно, одному документу придается слишком много значения: контакты между Галлией и Южной Англией всегда были многочисленными). Несомненно, Оффе должно было нравиться, что его сочли вторым Карлом Великим, и, какова бы ни была его власть на деле, его статус, несомненно, повышался, по мере того как развивались события за границей. В 787 г. Оффа произвел своего сына Эгфрита в короли Мерсии на торжественной церемонии, которую спустя девять лет скопировали нортумбрийцы; королевская власть все более приобретала сакральный характер.

Однако династии не стали более устойчивыми. Схема наследования власти была нечеткой: через много лет после Оффы королей все еще выбирали из людей королевской крови. Любой кандидат, располагая сколько-нибудь законными основаниями и достаточными силами, мог претендовать на трон, и Мерсию, Уэссекс и Нортумбрию в VIII в. раздирали династические усобицы. Стараясь обеспечить преемственность своей власти, Оффа был так же безжалостен с родичами, как и с соседями. Когда вскоре после смерти самого Оффы умер и его сын Эгфрит, ученый монах-нортумбриец Алкуин увидел в этом суд Божий. «Кара за кровь, пролитую отцом, ныне настигла и сына; ведь вам хорошо известно, сколько крови пролил отец, чтобы сохранить королевство для сына».

Многое заставляет видеть в Оффе жестокого дикаря, но именно при королях Мерсии началось формирование некоторых чрезвычайно важных общественных институтов. Положение Церкви стало более прочным благодаря приобретению земель и привилегий. Этельбальд и Оффа часто принимали участие в работе церковных соборов, иногда председательствовали на них, а их должностные лица и таны заверяли принятые на соборах решения. Церковь действовала таким образом, чтобы наверняка придать больше веса представлению о законности и существующим прецедентам. Хотя на соборах речь шла о церковных делах, такие совещания во многом способствовали превращению *ad hoc* (*по данному случаю*, лат.) собравшихся воинов при короле VII столетия в *Witan* (*мудрый*, англосакс.), или «большой совет», который мы обнаруживаем в позднесаксонской Англии.

Приняло определенный вид такое явление, как *бокленд* – земля, право на владение

которой подтверждалось особой грамотой. Большинство хартий VIII в., по крайней мере из сохранившихся, содержат пожалования церквам, но они отражают положение вещей в обществе, в котором личное право на землю и местные интересы стали вытеснять в сознании людей традиционные ценности. Знать VIII в. больше напоминает сельских помещиков, а не воинов; появляются доказательства существования родовых гнезд и домашних церквей. О подобных домах известно немного, хотя один из них был раскопан в Голто в Линкольншире: укрепленный двор середины IX в., зал, кухня, спальня и хозяйственные службы. О церквах известно больше: в источниках VIII в. часто упоминаются «частные» монастыри, из поколения в поколение опекаемые знатным семейством. Все это верно и по отношению к наиболее могущественному из владетелей. У прежних королей были королевские виллы, но Оффа, похоже, пытался превратить свою резиденцию в Тамворте в подобие столицы государства. Неподалеку от Тамворта находился кафедральный собор в Личфилде, который Оффа через несколько лет превратил в центр архиепископства. Это было сделано отчасти в политических целях – церковная метрополия должна была находиться рядом со «столицей» Оффы.

Обязанность землевладельцев участвовать в строительстве мостов и укреплений впервые появляется в документе 749 г. и обычно оговаривается в более поздних дарственных на землю. Это имело большое значение в эпоху, когда были осуществлены масштабные общественные работы, как минимум, двух типов: один получил широкую известность, смысл другого поняли совсем недавно. Первый – это Вал Оффы, названный так в соответствии с древней и, видимо, правдивой традицией. Недавние раскопки позволили предположить, что эта гигантская земляная насыпь представляла собой барьер между Англией и Уэльсом, протянувшийся от моря до моря. Известно, что Оффа совершал вылазки в Уэльс, но вал должен был служить в большей степени оборонительным, чем наступательным целям: его возвели, чтобы остановить ответное нападение валлийцев, когда от планов завоевания по эту его сторону уже отказались. Но сам факт существования вала является веским свидетельством огромных ресурсов, которыми располагал Оффа.

Упоминания о «фортификационных работах» в хартиях относятся скорее к укрепленным опорным пунктам, а не к валам. Хорошо известно, что Альфред и его наследники создали сеть крупных государственных крепостей, или *боро* (*burhs*), чтобы защитить Уэссекс от викингов. Свежие данные археологии позволили предположить, что некоторые *боро* старше на столетие или более того, и их могли основать ради обороны Мерсии в годы ее величия. В большинстве случаев (в том числе в отношении Бедфорда, где, как считается, похоронен Оффа) доказательства все еще основываются на топографии, а потому не имеют решающего значения. Но раскопки в Херефорде выявили существование укрепленной окружности VIII в., более старой, чем позднейшие саксонские пристройки; менее весомое доказательство оборонительных сооружение времен Оффы было обнаружено в Тамворте. Происхождение нескольких *боро* конца X столетия в Уэссексе также может быть более ранним; некоторые, такие, как Уоренхем (Дорсет), Дорчестер (Дорсет) и Оксфорд, несомненно, расположены в местах, которые имели большое значение в VIII в. и ранее.

Мы уже упоминали два фактора, способствовавшие возникновению городов, – церкви и крепости. Третьим, и наиболее долговечным, была торговля. Оффа жил в эпоху развития внешней и внутренней торговли. Наиболее явным признаком этого является регулярная чеканка монеты. До 600 г. в Англии имела хождение только иностранная золотая монета. Грубые серебряные монеты, выпускаемые королями VII-VIII вв., не вызывали доверия и обычно использовались только в пределах данной местности. Новые серебряные монеты франкского происхождения стали образцом более совершенной чеканки, и короли Восточной Англии, похоже, начали применять такую чеканку незадолго до Оффы. Но красивые пенни Оффы, едва появившись, вытеснили из обращения более старые образцы монет и завоевали более широкий круг хождения, чем какая-либо другая монета со времен римлян. Возможно, наиболее интересным является тот факт, что мы находим монеты Оффы не только в виде крупных кладов, но и по отдельности, небольшими, разрозненными

кучками. По всей видимости, они использовались при расчетах за мелкие сделки на местном уровне: деньги приобретают большое значение в английской экономике.

Размолвка с Оффой в 789 г. заставила Карла Великого закрыть франкские гавани для английских торговцев. Отсюда следует, что обычно английские купцы пользовались этими портами: империя Карла Великого и королевство Оффы входили в формирующуюся систему международной торговли. Центры торговли возникают по всей Северной Европе. При раскопках крупных поселений в Хедебю (Дания) и Бирке (Швеция) были обнаружены предметы, позволяющие предположить, что в VIII в. и Англия, и викинги принадлежали к одному и тому же международному торговому сообществу. В Англии поселения торговцев такого рода часто были связаны с уже существовавшими государственными и церковными центрами, а их названия часто содержат частицу *wic* (лат. *vicus*). Хэмвич был предшественником современного Саутгемптона. Он располагался на стыке Теста и Итчена, близ королевской виллы, носившей название Хэмптон, и само это название указывает, что *Ham-wic* ассоциировался с *Ham-turn*'ом. Раскопки обнаружили здесь поселение, которое занимало минимум 30 гектаров и было основано приблизительно в 20-х годах VIII в., а найденные в нем предметы свидетельствуют о широких контактах с Европой. Вероятно, такими же были Ипсвич (*Gips-wic*), крупный центр гончарного производства, Сэндвич и Фордвич. Римские города начали вновь обретать экономическое и общественное положение. В Йорке сложилось торговое предместье (*Eofor-wic*), и есть письменные свидетельства проживания там купцов-фризов; при раскопках в Кентербери были обнаружены дома VIII в., а местный рынок упоминается под 786 годом. Наибольшее значение имел Лондон, который Беда в 730 г. описывает как «*emporium* [*Эмпорий*, торговый город] с множеством людей, прибывающих по суше и по морю». Найти эту зону торговли оказалось непросто, хотя ныне считается, что в римском и средневековом портовом районе Биллинсгейт была глинобитная набережная саксонских времен. Где бы она ни располагалась, набережная должна была занимать большую площадь и иметь немалое значение: *Lunden-wic* упоминается в конце VII в., а источники VIII в. сообщают о пошлинах и сборщиках податей в этом порту.

Для английской церкви VIII век оказался достаточно беспокойным. Мирская жизнь и попечение о священниках приносили новые проблемы. Наследственный интерес не обязательно был злом: в руках ответственного семейства монастырь мог обрести и безопасность, и процветание. Но не все хозяева были ответственными, а некоторые монастыри, если верить Беде, служили обычным прикрытием для уклонения от уплаты налогов. Не только Беду беспокоило отсутствие общепринятых правил. Этельбальд, Оффа и его преемник Кенвульф (796-821) приняли участие в ряде соборов, посвященных столь необходимым реформам. Монахам воспретили вести образ жизни, привычный для светской знати; строгому запрету подверглось исполнение светских песен и злоупотребление вином в монастырях. В 786 г. Оффа созвал единственный за весь англосаксонский период собор, на котором присутствовали папские легаты. Но если усиление Церкви способствовало увеличению авторитета королевской власти, то одновременно росли и притязания епископов. Отношения между Церковью и государством не всегда были ровными, особенно при таких королях, как Этельбальд, который сочетал реформирование монастырей с разграблением обителей и совращением монахинь. Трения между королем и архиепископом Кентерберийским усугублялись сильными антимерсийскими настроениями в Кенте. Архиепископ Янберт был возмущен тем, что Оффа возвел Личфилд в ранг архиепископской кафедры; и после смерти короля об этой затее предпочли забыть под предлогом того, что она порождена враждебными чувствами к жителям Кента.

Однако была и позитивная сторона: английская церковь дала выдающегося ученого Алкуина. Питомец кафедральной школы в Йорке, он стал весьма заметной фигурой при дворе Карла Великого и сыграл решающую роль в процессе возрождения классической науки и образования. Очень важно, особенно в контексте письма Карла к Оффе, что интеллектуальным лидером в Европе конца VIII в. был англичанин. Но следует помнить и о

том, что Алкуин, как и Беда до него, был уроженцем Нортумбрии: о культуре Мерсии известно крайне мало. Возможно, это означает, что многое было утрачено. В Мерсии не оказалось своего Беды, который написал бы ее историю, а величайшие из ее монастырей разрушили викинги. Образцы декоративного искусства, подобные скульптурам обители в Бридоне, создают впечатление роскошного физического окружения. Превосходным памятником эпохи Этельбальда и Оффы является большая монастырская церковь в Бриксворте (Нортгемптоншир). Она отчетливо показывает, сколь многого мы не знаем, – монастырь не упоминается в документах раннего Средневековья, если это не загадочный *Clofesho*, где проводились церковные соборы Мерсии.

В истории английской церкви VIII в. наибольшее впечатление производит тот факт, что теперь англичане несли христианство на континент, на свою историческую родину. Как ни странно, миссионерская деятельность началась со ссоры св. Уилфрида с архиепископом Теодором. Чтобы изложить свое дело, Уилфрид в 678 г. отправился в Рим через языческую Фризию и провел там год, проповедуя. Англичане знали о жителях Фризии от своих купцов, а Уилфрид открыл путь более целеустремленным миссионерам. В 690 г. во Фризии высадилась группа нортумбрийцев. Среди них был и Виллиброрд, который взял на себя руководство и в 695 г. был посвящен в архиепископы Фризии. Он основал кафедральный собор в Утрехте, и развитие церковной организации во Фризии пошло быстрыми темпами. Труды Виллиброрда дополнялись миссией в Западной Саксонии во главе со св. Бонифацием. Между своим прибытием сюда в 718 г. и смертью от рук язычников в 754 г. Бонифаций проповедовал среди фризов, германцев и франков, основав епископскую кафедру в Майнце. Он пользовался большим влиянием не только на новообращенных территориях, но и во франкской церкви в целом, способствуя ее упорядочению и подчинению папе. На протяжении всей деятельности Бонифация Англия снабжала его книгами, помощниками и советами; сохранилась его обширная переписка с английскими друзьями. Англичане, мужчины и женщины, сыграли важную роль в превращении стагнирующей франкской церкви в процветающую Церковь эпохи Каролингского Возрождения.

Вторжения викингов и подъем Уэссекского королевского дома

Могущество Мерсии не надолго пережило Оффу. Его преемник Кенвульф удерживал Кент и Суссекс и даже распространил свою власть на новые территории в Северном Уэльсе, но в 802 г. Уэссекс ускользнул у него из рук. Едва не сложилась новая династия верховных королей, на этот раз из восточных саксов. В 825 г. король Уэссекса Эгберт одержал решающую победу при Суиндоне, изгнал мерсийского верховного короля из Кента и присоединил к своим владениям Кент, Эссекс, Суррей и Суссекс. Четырьмя годами позже Мерсия также оказалась под властью Эгберта, и даже Нортумбрия признала его верховенство. Этот впечатляющий поворот событий показывает, что династия Оффы мало что сделала для стабилизации политической жизни Англии. Этого не смог достичь и Эгберт: после его смерти в 839 г. Мерсия вновь стала независимой. Казалось, что привычная чехарда правящих династий затянется надолго. Но в «Англосаксонской хронике» под 789 годом содержится роковая запись о прибытии в Уэссекс трех датских кораблей. То было первое предвестие урагана, которому предстояло смести всех соперников королей Уэссекса, а вместе с ними и некоторые из высочайших достижений английской цивилизации:

«В том году Беортрик [король Уэссекса] взял в жены Эдбур, дочь короля Оффы. И в его дни прибыли три первых норвежских корабля из Хортланда; и управляющий поехал туда и попытался заставить их явиться в королевский манор, ибо он не знал, кто они такие; и затем они убили его. Это были первые корабли данов, что приплыли в Англию».

Этот набег викингов был всего лишь незначительным инцидентом, хотя вскоре появились другие упоминания о нападениях «морских язычников» на южное побережье.

Более серьезными были набеги с Севера, в ходе которых были разграблены монастыри в Линдисфарне (793), Ярроу (794) и обитель на острове Айона (795). В течение двух столетий Англии не угрожало нападение извне, поэтому можно представить себе, какое впечатление произвело на современников внезапное осквернение трех наиболее святых для них мест. Тем не менее это были отдельные нападения; викинги стали серьезной угрозой только для следующего поколения. Но большой набег на Кент в 835 г. положил начало трем десятилетиям, когда нападения происходили почти ежегодно, увенчавшись полномасштабным завоевательным походом.

Набеги на Англию и Ирландию были частью общеевропейского процесса экспансии норвежцев и датчан. В это процесс были вовлечены два народа (название «викинги» – «пираты» – придумали их жертвы; оно относилось к обоим), и у него было несколько причин. Норвежцы и датчане не были варварами в полном смысле этого слова, а к 40-м годам IX в. уже несколько их поколений активно занималось торговлей. Именно торговля позволила им установить постоянные контакты с народами Запада и Юга. Численность народонаселения росла, устроить свою жизнь на родине стало непросто. Многим искателям приключений доводилось слышать рассказы о плодородных землях и о монастырях, полных легкой добычи, поэтому удивительно, как набеги не начались еще раньше. Падение датской королевской династии в 854 г. создало вакуум власти: не было сильного короля, который сплотил бы воинов и не позволил им разбрестись по далеким странам.

Эти факторы помогают объяснить, почему начиная с 50-х годов IX в. викинги высаживаются в странах Европы в таком количестве и почему грабеж от случая к случаю уступил место политике завоевания и заселения земель. Похоже, существовало два основных маршрута: один – вокруг Северной Шотландии к островам на западе, а оттуда на юг; другой – к восточному и южному побережьям Англии и в Галлию. Поэтому набеги и поселения в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и Корнуолле были по преимуществу норвежскими, а в английской и франкских землях – в основном датскими.

В 865 г. «Великая Армия» датчан во главе с Хальфданом и Иваром Бескостным высадилась в Восточной Англии. После нескольких месяцев передышки она двинулась на север, в Нортумбрию, которую раздирала борьба за корону, а в 867 г. захватила Йорк. Оба претендента на корону погибли, а даны посадили на трон Нортумбрии своего ставленника. Затем войско двинулось в Мерсию, но, столкнувшись с сопротивлением, отступило без боя, а в 869 г. вновь спустилось в Восточную Англию. Ее обитатели потерпели поражение в бою, а их король Эдмунд (которого вскоре стали почитать как святого мученика Эдмунда) стал жертвой ритуального убийства. В течение трех лет некогда великие королевства Нортумбрия и Восточная Англия прекратили свое существование.

В 870 г. датское войско разбило лагерь в Рединге и стало готовиться к вторжению в Уэссекс. Но здесь сопротивление было организовано лучше. После смерти Эгберта западными саксами правил его сын Этельвульф, человек не слишком честолюбивый, но одаренный. Основным достижением Этельвульфа кажется то, что он сумел избежать междоусобной борьбы, которая погубила другие династии: четверо его сыновей мирно наследовали один другому в порядке старшинства. Во время нападения викингов на троне находился Этельред, его третий сын; имя его брата и наследника, Альфреда, сделалось одним из величайших в англосаксонской истории.

На холмах Беркшира данов встретили объединенные силы под командованием короля Этельреда и его брата Альфреда, которые нанесли им первое серьезное поражение. Но успех англичан был кратковременным. Даны отступили к Рединگу, но почти тут же вновь пошли в наступление и разбили Этельреда и Альфреда при Безингстоке. В апреле 871 г. в Англии высадилось новое датское войско. Вторжение, в Уэссекс казалось неминуемым, а его защитникам некуда было обращаться за помощью. В разгар кризиса Этельред умер, а его брат стал королем западных саксов.

Альфред Великий (871-899) известен как король, который спас Англию, когда положение казалось безнадежным. В глазах современников ситуация выглядела несколько

иной. Им мало что говорило название «Англия». Первым писателем, который использовал слово *Angelcynn* (букв. «[земля] народа англов») считается сам Альфред, а название *Englaland* появилось только в следующем столетии. Вовсе не было само собой разумеющимся, что другие королевства подчинятся верховной власти восточных саксов или хотя бы предпочтут их данам. У них могли быть собственные короли, и всегда существовала опасность того, что отвергнутые претенденты, изгнанники и целые группы недовольных могут заручиться поддержкой викингов. Падение других династий само по себе не делало Альфреда королем всей Англии; он и его наследники добились этого с помощью военных успехов, искусной дипломатии и везения.

Правление Альфреда началось при тяжелых обстоятельствах: после года менее серьезных поражений он вынужден был откупиться от данов. Они оставили Уэссекс в покое на пять лет, в течение которых вторглись в Мерсию, изгнали короля Бургреда и посадили на его место своего ставленника: пало еще одно древнее королевство. Теперь Великая Армия разделилось надвое. Одна половина, во главе с Хальфданом, повернула на север и начала делить между собой земли Йоркшира, чтобы поселиться там. Другая, которой командовали Гутрум, Оскитель и Анунд, двинулась на юг и в 875 г. предприняла еще одно нападение на Уэссекс. Поначалу их успехи были скромными, и в 877 г. они отступили, чтобы начать делить земли Мерсии; еще одна группа откололась от них и отправилась заселять Линкольншир, Ноттингемшир, Дербишир и Лестершир.

В третий раз, в 878 г., Уэссекс атаковали значительно сократившиеся силы. Тем не менее внезапное нападение на Чиппенхем дало им преимущества; им покорились большая часть Уилтшира и Хемпшира, а Альфред вынужден был искать убежища в болотах Сомерсета. Положение казалось безнадежным, но Альфред не тратил времени зря и успел собрать войска. В начале мая, выражаясь словами младшего современника – автора «Хроники», «он поехал к *Ecgbrihtesstan*'у (Камню Эгберта)… и прибыл туда, чтобы встретиться там со всеми людьми из Сомерсета и Уилтшира и части Хэмпшира… и они возрадовались, увидев его. И днем позже он двинулся из этого стана к Или-Оук, а еще день спустя – в Эдингтон; и там он сразился со всем войском противника и обратил его в бегство».

Победа была неожиданной, но имела решающее значение. Датский вождь Гутрум принял крещение вместе с несколькими своими военачальниками, и короли заключили между собой мирный договор. Его условия признавали датское завоевание значительной части Англии как *fait accompli* (*свершившийся факт*, фр.). Границу наметили с севера на запад, от Лондона к Честеру; Гутрум обязался отвести свои войска за эту линию, где он был признан королем независимого королевства. К осени 880 г. даны оставили Уэссекс и начали планомерное расселение по Восточной Англии. Это не означало окончания конфликта. В 886 г. Альфред занял Лондон, по всей видимости сначала одержав победу над датским гарнизоном. В 893 г. большое датское войско высадилось в устье Темзы и грабило Англию в течение следующих трех лет, но на сей раз Уэссекс оказался почти незатронутым. Альфред был занят обеспечением безопасности собственного королевства и объединением под своей властью других земель к востоку и к югу от датской границы. Его первоочередной задачей стало усовершенствование армии и флота. Короли обычно созывали ополчение, которое собиралось с определенного числа гайд земли. Реорганизация, осуществленная Альфредом, согласно которой только половина войска находилась на службе единовременно, предвосхитила более поздний созываемый *fyrd*, или «ополчение»: это позволяло собрать меньшее по размеру, но более дееспособное войско. Было очевидно, что для борьбы с морскими разбойниками потребуется больше кораблей, и Альфред, как считается, построил корабли на шестьдесят и более весел, гораздо крупнее, чем у викингов.

Альфред стал первым основателем городов в Англии, это был наиболее важный пункт плана его реформ (который, несомненно, избавил Уэссекс от дальнейших набегов извне). К концу 80-х годов Уэссекс был покрыт сетью крепостей, причем некоторые из них, с правильными улицами, нельзя назвать иначе, чем укрепленными городами, построенными

по определенному плану. Документ под названием «*Burghal Hidage*» содержит перечень тридцати таких городов – *боро* – и еще трех, которые могли быть добавлены позднее. Наверное, набольшее впечатление среди них производит Винчестер, где внутри римских стен появилась новая сеть улиц, игнорирующая прежнюю римскую. Подобная схема заметна также в Оксфорде, Чичестере, Уоренхеме и других городах. Планирование было на удивление систематическим, и похоже, что землемеры, прокладывая улицы, пользовались стандартной 66-футовой мерой. Более крупные *боро* были не только крепостями: они вскоре стали играть важную роль в местном сельском хозяйстве. Обязанность снабжать города боевой силой возлагалась на окрестных землевладельцев, которые могли использовать находящуюся под защитой города территорию в своих целях. Они часто строили в *боро* мастерские, чтобы производить товары на продажу: в «Книге Страшного Суда» есть упоминания о связях городских строений с сельскими поместьями. Затем в город приходили торговцы и ремесленники, и крепости конца IX-X в. становились обычными городами. Потребности обороны совпали с нуждами развивающейся экономики; таким образом Альфред оставил по себе долгую память в виде дорожной системы нескольких городов.

Одной из важных причин долговременного успеха, достигнутого Альфредом, стала осторожность, с которой он обращался со своими соседями. В Мерсии было особенно опасно ранить местную гордость. Здесь Альфред оставил дела в руках старого Королевского совета во главе со знатным мерсийцем Этельредом, который стал его зятем, а взяв Лондон в 886 г., он немедленно передал его под контроль Мерсии. Благодаря подобному обхождению Этельред стал преданным сторонником Альфреда, а после смерти последнего он и его жена Этельфлед руководили походами мерсийцев против данов. Если Альфреда и можно назвать «королем Англии» с большими основаниями, чем кого-либо до него, то этим он был обязан не только военной силе и не тому, что у него не осталось соперников: люди охотно подчинялись ему, поскольку знали, что он и его семья будут справедливыми и заботливыми правителями.

Оставалась нерешенной проблема данов и причиненного ими ущерба. Далеко не все возможно было восстановить: что бы ни происходило теперь, мир Беды и Оффы ушел навсегда. Можно спорить о численности датской «Великой Армии», но нельзя отрицать факт уничтожения трех королевств, разорения множества диоцезов, ограбления бесчисленных монастырей, почти полную утрату хартий и других документов в Восточной Англии. Разрушение монастырей, возможно, имело наиболее серьезные последствия, поскольку большие обители были также и очагами образования и культуры, в то время как маленькие отвечали только за духовную опеку окрестного населения.

В Денло (Danelaw) (как стали называть регион, отошедший Гутруму) датские воины вскоре создали свое общество с собственными законами. В Йоркшире, Линкольншире, Лестершире и в меньшей степени в Восточной Англии множество названий оканчиваются на *-by* и *-thorp*, а также включают в себя другие скандинавские элементы. Степень влияния поражает: это показывает, как велико было войско и как широко оно расселилось по стране. Даже когда регион Денло обратился в христианство и подчинился английскому правлению, он сохранил ярко выраженные особенности: собственную систему манориальной организации и землеустройства, свои законы и социальную дифференциацию. Королям X в. пришлось приложить немало усилий, чтобы примирить требования, предъявляемые объединенным королевством, с обычаями, столь отличающимися от английских.

Англия отчаянно нуждалась в возрождении культуры и образования, и этой задаче Альфред посвятил последние десять лет жизни. Подобно Карлу Великому, он осуществил собственную программу образования с помощью придворного кружка интеллектуалов. В некотором смысле его вклад в это начинание является наиболее замечательным из всех достижений Альфреда. Он единственный из английских королей до Генриха VIII, кто писал книги. Зная о гибели рукописей и упадке монастырского образования, он выучил латынь и переводил латинские сочинения на английский язык для своих подданных. Среди

множества переводов, выполненных людьми его круга (которые включали и «Церковную историю» Беды), три, вероятно, принадлежат самому Альфреду. Полагают также, что «Англосаксонские хроники» первоначально были составлены при дворе Альфреда. Для священнослужителей хорошее латинское образование вновь стало условием получения высокого сана. Выяснить, насколько успешным было возрождение времен Альфреда Великого, нелегко, но благодаря ему священники стали более образованными, а миряне более грамотными: хорошая база для монастырской реформы, которая последовала через два столетия. На счастье Альфреда, будущее позволило очень многим из его разнообразных начинаний доказать свою плодотворность. Но даже если не принимать этого во внимание, он остается выдающейся фигурой в истории раннесредневековой Англии.

Правление Эдуарда Старшего (899-924), Этельстана (924-939) и Эдмунда (939-946) прошло под знаком отвоевания Денло. Эти полвека имели определяющее значение для формирования национального королевства. Династические раздоры были забыты, отчасти благодаря тому, что Альфред вовремя позаботился о наследовании, отчасти из-за благоприятного стечения обстоятельств. В 902 г. раскол был предотвращен только потому, что кузен Эдуарда, который обратился за помощью к данам, чтобы заполучить корону, погиб в бою. В 924 г. Этельстан взошел на престол, не встретив противодействия, поскольку он был законным наследником в Уэссексе и при этом воспитан у своей тетки в Мерсии. К середине столетия возвращение к прежним королевским династиям сделалось невозможным как для Мерсии, так и для более слабых королевств. Королевский дом Уэссекса стал королевским домом Англии.

Военные кампании в правление Эдуарда проходили, как правило, под командованием самого короля и его сестры Этельфлед, «Госпожи Мерсии». Наступление англичан началось после успешного отражения датского набега на Мерсию в 910 г. В следующие восемь лет Эдуард продвинулся на территорию Денло, в то время как его сестра удерживала данов на границе с Мерсией. Теперь Этельфлед угрожали сразу с двух сторон, поскольку норвежские викинги из Ирландии совершали набеги на западное побережье. Главным ее достижением было строительство новых *боро* в Мерсии: на восточной границе, для защиты от данов, на западной – от валлийцев и на северо-западе, чтобы сдерживать натиск норвежцев от Тамфорта до Ди и Мерси. В 917 г. Этельфлед взяла Дерби, дав своему брату возможность вторгнуться в Восточную Англию, пока она отвлекает врага. К 918 г. Южное Денло оказалось под властью Эдуарда, а датские войска в Стамфорде, Лестере, Ноттингеме и Линкольне были отрезаны друг от друга. Лестер подчинился Этельфлед, но ее смерть вскоре заставила Эдуарда свернуть кампанию и переключить внимание на защиту Мерсии. На обратном пути он взял Стамфорд, Ноттингем и Линкольн, и к концу 920 г. английская граница проходила уже по реке Хамбер.

Одновременно Эдуард старался наладить отношения со своими неанглийскими соседями. В 918 г. он принял присягу от валлийских государей королевств Гвинедд и Дифед. В 923 г., сообщает «Хроника», «король скоттов и весь их народ признали его своим отцом и повелителем: то же сделали Рагналл, и сыновья Эдвульф, и все обитатели Нортумбрии: и англичане, и даны, и норвежцы, вместе с королем Стратклайда и всеми его подданными». Это было началом целой череды таких же покорений, которая достигла своего пика в 973 г., когда восемь «британских королей» присягнули на верность Эдгару, внуку Эдуарда, на реке Ди.

Однако следует подчеркнуть, что это выражение покорности представляло собой личный поступок короля и означало признание верховной власти и защиты, но не капитуляцию и не потерю независимости. На деле Шотландия и Уэльс двигались в направлении создания собственных единых государств. Около 850 г. король скоттов Кеннет Мак-Альпин присоединил королевство пиктов к своим владениям; в течение следующих двух столетий Шотландия находилась под управлением скоттов (в противоположность пиктам). На политическую жизнь Уэльса оказало влияние стремительное покорение Гвинедда в конце IX в.; из мелких независимых королевств остался только Дифед.

Англосаксы так и не завоевали Уэльс и Шотландию, и к 1066 г. каждое из этих государств управлялось местными силами. Тем не менее Уэльс испытывал сильное воздействие как Англии, так и викингов.

Среди тех, кто боролся за британские земли в X в., появилась новая сила – норвежцы из Ирландии. Они не питали никаких родственных чувств к данам, и их основной целью было установление контроля над севером Денло. В 918 г. войско во главе с Регналлом вторглось в Шотландию, обосновалось в Нортумбрии, а на следующий год захватило Йорк, где произошла коронация Регналла. Это северное королевство просуществовало с перерывами тридцать лет, в течение которых развивалась торговля, а северные города-близнецы Йорк и Дублин быстро росли. Раскопки в Йорке обнаружили целые улицы деревянных домов и лавок, разрушенных данами и восстановленных преемниками Регналла. В правление Этельстана и Эдмунда врагами англичан были скорее норвежцы, а не даны.

В 920 г. Эдмунд принял присягу у Регналла и тем самым признал его статус. Но когда в 926 г. новый норвежский король посягнул на его наследственные земли, Этельстан осадил и взял Йорк, разрушил его укрепления и принял капитуляцию королей Шотландии и Стратклайда. Шесть лет спустя отношения между Этельстаном и скоттами вновь прервались. Опасаясь вторжения, соперники англичан заключили между собой союз. Но в 937 г. английское войско во главе с Этельстаном разбило объединенные силы норвежцев, скоттов и Стратклайда. Этельстан находился теперь на вершине могущества, став королем англичан и данов, а в некотором смысле также верховным правителем всех британцев. Он пользовался уважением и за рубежом, вступив в родственные отношения с королевскими домами Германии и Франции. Из хартий Этельстана видно, что валлийские принцы регулярно бывали при его дворе; Хьюэл Дда, король Дифеда во времени Этельстана, копировал английские серебряные пенни и учреждал законы по образцу английских кодексов.

Однако слишком многое по-прежнему зависело от личности короля. Вскоре после смерти Этельстана в 939 г. норвежское войско явилось опять во главе с Олафом Гутфритсоном. Эдмунд, новый король, был вынужден признать Олафа королем Йорка. В 941 г. Олаф умер, и в течение следующих четырех лет Эдмунд восстановил свою власть над Северным Денло и разорил Стратклайд. Особенно любопытно стихотворение той поры, в котором Эдмунд изображен защитником данов от их угнетателей-норвежцев: правнуки недругов Альфреда отождествляли себя скорее с подданными английской короны, нежели с родственными им скандинавами. Однако в 947 г., через год после смерти Эдмунда, Йорк опять оказался в руках короля Норвегии – Эрика Кровавая Секира. Следующие шесть лет были посвящены борьбе между Эриком, новым английским королем Эдредом и норвежским соперником Эрика – Олафом Сихтриксоном. В 954 г. Эдред вторгся в Нортумбрию, на сей раз успешно, и последний король Йорка был низложен и убит.

В ходе почти пятидесяти лет постоянных войн королевский дом Уэссекса проявил себя блестяще. Мирное правление Эдгара (959-975) служит доказательством того, что было достигнуто не только военное превосходство. Эдгар не был завоевателем: один историк некогда написал о нем, что «его роль в истории сводилась к сохранению мира, достигнутого прежними королями Англии». Но это, без сомнения, немаловажное достижение: государство было молодым, и именно при Эдгаре окончательно сложились наиболее важные стороны позднесаксонского строя в Англии.

Начиная с Этельстана, короли все чаще учреждали законы, более тщательно разрабатывая их. Поддержание мира и порядка, преследование воров, церковная иерархия, торговые дела и проведения ярмарок и т.д. – они охватывали все более широкие круги подданных. Упор делался на единообразие: законы Эдгара допускают существование местных обычаев, особенно в Денло, но настаивают на том, что «у каждого народа должно наилучшим образом учредить мирские законы». К началу XI в. право преследовать за наиболее серьезные преступления стало прерогативой Короны; оформилось понятие всеобщего мира, защита которого была обязанностью и правом короля. Король Англии

располагал в X в. большим объемом власти, нежели король любой из европейских стран примерно той же величины.

Законы и хартии утверждались на собраниях *Уитана* (*Witan*) – Королевского совета. Ход его развития можно проследить, изучая списки свидетелей, которые прикреплялись к хартиям. В X в. он стал более многочисленным и более официальным, нежели советы прежних королей; в него входило множество людей, которых называли «министрами» или танами. Некоторые историки XIX в. излишне усердно пытались увидеть в «Уитане» «протопарламент»: он ни в коем случае не был демократическим образованием и не налагал «конституционные» ограничения на королевскую власть. Но его роль была важной. На заседаниях «Уитана» выбирали новых королей, утверждали законы общегосударственного значения, обсуждали текущие дела. В него входила знать, епископы и многие люди, пользовавшиеся влиянием на местах. Начиная со времени Этельстана расширенный «Уитан» стал силой, с которой приходилось считаться.

Власть короля осуществлялась с помощью значительно улучшенной системы местного управления. В течение X в. территориальные образования разного рода были постепенно превращены в единую сеть *широв* – графств. Некоторым из них насчитывалось уже более столетия, а границы других были еще более древними. Но именно при Эдгаре английские графства приняли тот вид, в котором они просуществовали до 1974 г. – в течение целого тысячелетия. Управление ширами было вверено группе магнатов-олдерменов. В Уэссексе IX в. в каждом шире был свой олдермен, но в результате процесса, начавшегося при Этельстане, число олдерменов сократилось, а их статус стал более высоким. В правление Эдгара олдермен похож скорее не на местное должностное лицо, а на эрла XI в. Но он все еще регулярно отчитывается перед центральным правительством за положение дел во вверенном ему шире.

В административных целях ширы были поделены на более мелкие единицы, которые в большинстве графств назывались сотнями (hund-reds), а в Северном Денло – wapentakes (от англ. *take weapon* – браться за оружие). Каждая сотня (округ) имела свой суд для решения дел местного значения и сообща выставляла положенное количество воинов и гребцов. Но и сотня не была низшей ступенью административной лестницы: ради укрепления законности население объединялось в группы из десяти хозяйств (tithings), связанных круговой порукой. Авторитет королевской власти достигал каждого крестьянина с помощью детально разработанной модели управления. Сложно сказать, что именно было новшеством X в. Принцип сотен упоминается и в более ранних сборниках законов, причем похоже, что позднесаксонские сотни часто базировались на основе прежних территориальных единиц. Однако преемники Альфреда усовершенствовали эту систему, и при Эдгаре она появляется в развитой форме.

Другим признаком усиления королевской власти была чеканка монеты. Еще перед воцарением Альфреда короли Уэссекса и Мерсии и архиепископ Кентерберийский заключили договор о чеканке серебряных пенни по единому образцу. В постановлениях Этельстана (между 924 и 939 гг.) говорится, что «по всей стране должна ходить одна монета». Он и его преемники сумели успешно обеспечить единообразие чеканки; все монеты чеканились в *боро* под строгим контролем. Около 973 г. Эдгар выпустил пенни нового образца, которые оставались основной используемой монетой и спустя много лет после Завоевания. Превосходное качество монеты говорит о чрезвычайно строгом контроле за ее выпуском, что также можно считать уникальным для Европы того времени.

Еще одним важным достижением Эдгара стало поощрение монастырской реформы. В начале X в. подлинное бенедиктинское монашество, казалось, практически исчезло. Несколько крупных и бесчисленное множество мелких монастырей было разрушено данами, а сохранившиеся все больше втягивались в беспорядочный, мирской образ жизни, который задолго до того порицал Беда. Группы монастырских священнослужителей жили в отдельных домах с женами и детьми; в своей повседневной жизни они были ближе к кафедральным каноникам, чем к монахам. Для успешного возрождения английской церкви

требовались новая модель монашеской жизни и средства на постройку новых обителей. Первая проблема решалась в ходе общеевропейского процесса монастырской реформы, составной частью которого стала английская реформа; Эдгар и его знать предоставили средства. Зачинателями реформы стали три великих церковных деятеля: св. Дунстан, св. Этельвольд и св. Освольд.

Англия в X столетии

Монастырская реформа началась в Англии в начале 40-х годов X в. под покровительством короля: Гластонбери, переданное Дунстану королем Эдмундом, и

Абингдон, который король Эдред вручил Этельвольду, стали первыми монастырями «нового» типа. Эдмунд и Эдред относились к церковным делам с благожелательным равнодушием, в то время как следующий король, Эдвиг, питал личную неприязнь к Дунстану. Это имело плодотворные последствия, поскольку Дунстан был изгнан за границу и получил возможность досконально изучить монашескую жизнь в Европе. Времена изменились с восшествием на трон Эдгара в 959 г.: Дунстан стал архиепископом Кентерберийским, а Этельвольд епископом Уинчестерским. Освольд, самый молодой среди них, провел некоторое время во франкском монастыре во Флери. Дунстан убедил Эдгара дать ему епископство Вустерское, а вскоре после этого Освольд построил монастырь в Уэстбери-на-Триме. В следующие полвека было основано и восстановлено около пятидесяти обителей по образцу Гластонбери, Абингдона и Уэстбери.

Монахи в новых монастырях следовали образу жизни, основанному на уставе св. Бенедикта, с дополнениями, внесенными в обряды и распорядок дня в соответствии с континентальной практикой. Около 970 г. все варианты устава были сведены воедино в «*Regularis Concordia*», собрании правил, общих для всех английских монастырей. Эдгар сыграл решающую роль в этом процессе: его авторитет придал вес реформаторскому движению, а все новые монастыри оказались под его непосредственным покровительством. Без королевской поддержки было бы непросто осуществить изгнание из старых обителей белого духовенства, чтобы освободить место для монахов, как это впервые произошло в Уинчестере в 964 г. Эдгар не скупился на пожертвования и от других ожидал того же: к 70-м годам X в. появляются признаки того, что знать возмущена расходами. Тем не менее основание монастыря вновь стало вопросом престижа.

Новые монастыри были богатыми, почитаемыми, их одаривали сокровищами и строили для них красивые здания. Литературные источники показывают, насколько расцвело английское искусство при Эдгаре. Сохранилось некоторое количество богато иллюстрированных книг, всего лишь несколько образцов эмали на золоте и изделий из слоновой кости, и почти ничего из строений. Судьба оказалась неблагосклонной к англосаксонской архитектуре, поскольку все крупные церкви были перестроены после Завоевания. В X в. старый собор в Уинчестере расширили, так что он стал занимать 250 футов в длину и приобрел боковые часовни, изящные западные башни и резные раскрашенные фризы. Но следует отметить, что это духовное и материальное оживление затронуло только один сегмент (приблизительно 10%) прежнего церковного сообщества; остальные продолжали вести прежнюю жизнь. Таким образом, перед Нормандским завоеванием бенедиктинские монастыри сосуществовали с мелкими светскими обителями – уцелевшими церквами, построенными еще до эпохи викингов.

Новые монастыри были многим обязаны Европе, но характер их взаимоотношений с государством и обществом сложился типично английский. К 1000 г. большинство епископов было монахами; епископы и аббаты наравне со светскими магнатами участвовали в заседаниях «Уитана». Представители высшего духовенства являясь наиболее влиятельными советниками последних англосаксонских королей. Церковная реформа равным образом добавила блеска и королю, который придавал сакральному характеру своей власти больше значения, чем кто-либо из его предшественников. Коронация Эдгара в 973 г. откладывалась до тех пор, пока он не достиг тридцатилетия, минимального канонического возраста для рукоположения в священники. Центральным событием церемонии стала не коронация, а помазание святым елеем, которое ставило короля выше людского суда, делая его отчасти священнослужителем. Как говорится в сборнике проповедей Эльфрика из Эншема, «никто не может сделать себя королем, но люди имеют право свободно избрать королем того, кто больше им нравится. Однако, став королем, он получает власть над людьми, и они не должны пытаться сбросить ярмо со своих плеч». На фронтисписе хартии об основании нового монастыря в Винчестере Эдгар предстает таким, каким он хотел себя видеть: коронованный, он стоит между двумя святыми и преподносит свой дар Царю Небесному, волею которого правят земные цари.

Этельред и Кнут: упадок английской монархии

История следующих двух правлений показала, что еще существовали значительные препятствия для формирования национальной монархии. Новый король не мог рассчитывать на верность подданных, пока не завоюет ее, что доказывают события после 975 г., когда Эдгар умер, оставив после себя двух несовершеннолетних сыновей. Старший, Эдуард, не был популярен, и многие знатные люди предпочитали ему его брата Этельреда. Эдуард был коронован, но четыре года спустя его убили в Корфе. Вряд ли можно усомниться в том, что ответственность лежала на сторонниках Этельреда; убийство положило начало его несчастливому правлению. Этельред Неблагоразумный (979-1016) всегда пользовался дурной славой (хотя его знаменитое прозвище утратило свое изначальное значение, которое подразумевало игру слов *Ætelræd Unræed* – «неблагоразумный добрый совет»). Вероятно, он был лишен качеств, и поныне очень важных для короля – умения определять достойных доверия и способности завоевывать доверие. С другой стороны, в его правление закон и правосудие продолжают развиваться под руководством ученого архиепископа Вульфстана. Если бы не новая опасность – возвращение викингов, английское государство продолжало бы существовать столь же успешно, как и при Эдгаре.

Новые участники набегов были даже более опасными, чем их предшественники IX столетия. К 70-м годам X в. датский король Харальд Синезубый, под контролем которого оказались Дания и Норвегия, создал огромное войско, состоящее из превосходно обученных профессиональных воинов. В 988 г. Харальд был низложен собственным сыном Свейном, который сохранил войско отца в боевой готовности и построил большие крепости для его размещения. Археологи раскопали одну из них в Треллеборге в Дании. Она представляла собой земляной вал в форме окружности, внутри которого располагались группы больших строений в форме кораблей – все спланированные с математической точностью. И Треллеборг, и датские саги указывают на высокий уровень координации и дисциплины, тягаться с которыми английской армии было непросто.

Нападения начались за год или два до воцарения Этельреда. Поначалу их масштаб был скромным, но в 991 г. большое датское войско разбило олдермена Биртнота и эссекское ополчение при Мэлдоне; потребовались большие суммы, чтобы откупиться от него. Эта же схема повторилась в ходе набегов 994, 997 и 1002 гг. Необходимость постоянно откупаться обеспечила правлению Этельреда дурную славу. В Скандинавии были обнаружены огромные клады, состоящие из английских пенни, а надписи на некоторых шведских надгробных плитах говорят о наемниках, которые отправились в Англию и там разбогатели. В 90-х годах X в. благополучие Англии находилось в такой же опасности, как и в 1066 г.

Как Этельред мог справиться с этим? Одной из мер могло стать противодействие гостеприимству, которое оказывали викингам соседи Англии; наиболее удобное географическое положение в этом отношении занимало герцогство Нормандское. Только несколько поколений отделяли нормандцев от их предков-викингов, поэтому они часто открывали свои гавани перед морскими разбойниками, возвращавшимися из Англии. Однако в 991 г. король Этельред и герцог Ричард заключили договор о взаимопомощи против врагов, а десятью годами позже Этельред женился на дочери герцога. Так зарождались ставшие роковыми связи Нормандии и Англии.

Внутренняя политика короля, похоже, не слишком отличалась от политики его предшественников. К нему перешла по наследству могущественная аристократия, и, судя по его ранним грамотам, Этельред добивался ее преданности с помощью земельных пожалований, так же как Эдвиг и Эдгар до него. Однако начиная с 1002 г. угроза со стороны викингов внезапно сделалась более серьезной и обнаружила самое уязвимое место королевской власти. Земли короля по-прежнему были сосредоточены по преимуществу в

Уэссексе, там же разворачивалась и большая часть его деятельности. Ресурсы, с помощью которых он мог купить поддержку на Севере и Востоке, были очень ограниченными, а именно в этих районах ему особенно требовалась поддержка. Там все еще существовали сепаратистские тенденции, и оставалось много людей, которые помнили о своих датских корнях. Поздние грамоты Этельреда демонстрируют его старания укрепить свою власть над Мидлендом и Восточной Англией; влияние здесь приобрели новые люди, родом не из Уэссекса. Король боролся за сохранение единства Англии и ее обороноспособности. Возможно, эта задача стала еще сложнее из-за бездарности короля, но никто не нашел бы ее простой.

О давлении, которому подвергалось правительство, можно судить по тому, что в 1002 г. Этельред и его совет подали сигнал к началу массового избиения всех данов, живущих в Англии. Это из ряда вон выходящее распоряжение не могло быть полностью навязанным снизу, поскольку в некоторых районах Англии население было в основном датским, но оно говорит о существовании настроений, близких к национальной истерии. Это явственно обнаружилось в Оксфорде – когда даны укрылись в церкви монастыря Св. Фридсвиды, горожане сожгли церковь. Причиной датского вторжения в следующем году, возглавленного самим королем Свейном, почти наверняка стала эта резня. Свейн разграбил Норвич, но понес большие потери в Восточной Англии и в 1005 г. вернулся в Данию. На следующий год он вернулся, провел свое войско через Беркшир, Уилтшир и Хемпшир и заставил выплатить большую сумму в качестве отступного. Во время этой передышки правительство построило новый флот, но в начале 1009 г. восемьдесят кораблей были сожжены из-за предательства английского капитана. В довершение всего в Англии высадилось еще одно датское войско во главе с Торкиллем Высоким и Хеммингом. В 1010 г. они сожгли Оксфорд, а затем двинулись в Восточную Англию, откуда в следующем году перебрались в Кент. Кампания неожиданно закончилась в 1012 г., когда Торкилль, возмущенный тем, что даны жестоко убили архиепископа Эльфе, перешел на сторону противника. В результате в распоряжении Этельреда оказалось сорок пять кораблей, а остальное войско покинуло Англию.

Неспособность Англии к обороне теперь стала очевидной для всех, и, когда в 1013 г. Свейн вернулся, его целью было уже завоевание. Жители Денло, утратившие все иллюзии в отношении правительства Этельреда, приветствовали датского короля и практически немедленно признали Свейна. К концу года он взял Оксфорд, Винчестер и Лондон, а Этельред бежал в Нормандию. В феврале 1014 г. Свейн умер; его сын Харальд унаследовал его скандинавскую империю, но войско в Англии признало своим королем Кнута, младшего брата Харальда. Тем временем Этельред вернулся и весной начал поход против данов. Застигнутый врасплох, Кнут бежал в Данию. В 1015 г. он вернулся с большим войском и обнаружил, что Северное Денло находится под контролем сына Этельреда – Эдмунда Железнобокого, который бросил вызов отцу. В течение следующих нескольких месяцев Кнут восстановил свою власть над Нортумбрией, а затем двинулся на Лондон. Но еще до того, как датское войско достигло Лондона, Этельред умер, а королем провозгласили Эдмунда. Тем не менее даже в Уэссексе многие признали власть Кнута без борьбы. Эдмунд вновь собрался с силами, и в течение некоторого времени казалось, что данов все еще можно оттеснить. Однако осенью 1016 г. Кнут одержал решающую победу при Эшингдоне в Эссексе. По договору, заключенному вслед за этим, у Эдмунда оставался только Уэссекс; но вскоре он умер, и Кнут стал королем всей Англии.

Королю Кнуту (1016-1035) пришлось столкнуться примерно с теми же трудностями, что и Вильгельму Завоевателю пятьдесят лет спустя. Как и Вильгельм, Кнут начал править не как захватчик, но как законный английский король. Он женился на вдове Этельреда и защищал свой трон, не зная жалости: несколько влиятельных англичан были убиты, в том числе и старший из оставшихся сыновей Этельреда. Обеспечив свою безопасность, Кнут с энтузиазмом принял все традиционные атрибуты цивилизованной королевской власти. Он учреждал законы и основывал монастыри; по словам хрониста XII в., он изменил самого

себя и «из дикаря стал христианнейшим королем». Но все же он был датчанином и после смерти брата в 1019 г. унаследовал обширную северную империю, частью которой стала Англия. В течение 20-х годов XI в. он все больше и больше втягивался в датские дела. Слишком широкий круг занятий Кнута является основной причиной его преобразований в Англии, не слишком многочисленных, но в конечном счете разрушительных.

Естественно, многие его соратники жаждали вознаграждения. В это время не произошло полномасштабной смены землевладельческого класса в Англии, как это было после 1066 г., но немало датчан пополнило собой ряды знати. Будучи чужаком и не ощущая себя в безопасности, король Кнут держал при дворе отряд телохранителей, который оказался большой обузой для страны. Землевладельцы тридцать лет платили, чтобы откупиться от данов, а теперь им приходилось платить, чтобы содержать датское войско у себя дома.

На время своих долгих отлучек Кнуту приходилось передавать управление английскому правительству. В 1017 г. он разделил королевство на четыре графства – Нортумбрию, Восточную Англию, Мерсию, Уэссекс. Эта мера угрожала оживлением сепаратистских настроений, особенно после того, как эрлами Нортумбрии и Восточной Англии стали датчане. К концу правления Кнута наиболее влиятельными лицами в королевстве оказались Сивард, эрл Нортумбрии, Леофрик, эрл Мерсии (чьей женой была знаменитая леди Годива из Ковентри) и Годвин, эрл Уэссекса. Происхождение Годвина неясно. Но к 30-м годам XI в. он и его семья были самыми богатыми и наиболее влиятельными из светской знати, за исключением только короля. Графства Кнута во многом определили баланс сил в последние тридцать лет англосаксонской истории.

Конец Англосаксонского королевства

Когда в 1035 г. Кнут умер, в Англии оказалось несколько возможных претендентов на престол. Династия Уэссекса была представлена младшими сыновьями Этельреда – Эдуардом и Альфредом, которые находились при нормандском дворе, а также сыном Эдмунда Железнобокого, который жил в изгнании в Венгрии. У Кнута же осталось два сына от двух жен: Харальд от Эльфги из Нортхемптона и Хардакнут от Эммы, вдовы Этельреда. Кнут желал, чтобы Хардакнут унаследовал всю его империю. Но Хардакнут задержался в Дании, а тем временем «Уитан» избрал регентом Харальда (несмотря на противодействия Эммы и Годвина), а в 1037 г. короновал его. Годом раньше принц Альфред неосмотрительно посетил Англию и умер от увечий, нанесенных ему по наущению Годвина. После смерти Харальда в 1040 г. призвали Хардакнута, но он также умер два года спустя, и датская династия пресеклась. Теперь почти все желали восстановления прежней династии Уэссекса. Королем был избран сын Этельреда Эдуард.

Эдуарду «Исповеднику» (1042-1066) было предначертано стать главным и царственным святым Англии. Его нынешний биограф, анализируя реальность, скрывающуюся за благочестивой легендой, пишет: «Он не был особенно выдающимся человеком. Но он не был и блаженным дурачком. Как и многие люди его положения и его времени, он был посредственностью». Каковы бы ни были сильные и слабые стороны Эдуарда Исповедника, ему досталось по наследству одно из самых эффективных правительств в Европе XI в. Причины обретенного им могущества отчасти восходили к вековым установлениям, отчасти вытекали из потрясений последних шестидесяти лет.

Со времен Эдгара местное управление претерпело изменения. С одной стороны, крупные графства, созданные при Кнуте, сосредоточили обширные земли и большую власть в руках нескольких человек. Теперь король оказывался лицом к лицу с чересчур могущественными подданными. С другой стороны, появились новые должностные лица, которые должны были проводить королевскую политику на местах. В правление Этельреда королевского бейлифа (reeve) в каждом из широв стали называть *shire-reeve* – шерифом. Он был основным королевским должностным лицом в шире, к нему переходило все больше и больше полномочий олдермена. Шериф отвечал за королевские доходы и за правосудие, но

он также принадлежал к растущему слою местных танов. Он объявлял королевскую волю знати шира, принимал большое участие в текущих делах и именем короля руководил действиями против мятежных магнатов. Суды в ширах и шерифы числятся среди наиболее значительных вкладов англосаксов в систему управления более поздних времен Средневековья.

Непосредственным результатом слабости Англии было создание при Этельреде чрезвычайно эффективной системы сбора налогов. Огромные суммы, которые требовалось платить данам, надо было собирать по всей стране. Сбор g*анегельда*, как называли налог, был основан на старой системе обложения земли по гайдам. Между 1012 и 1051 гг. его ежегодно собирали короли – преемники Этельреда, но уже для содержания своих постоянных войск. Система налогообложения, выработанная для этой цели, легла в основу «Книги Страшного Суда»: благодаря усердию английской бюрократии начала XI в. нормандские короли продолжали собирать данегельд в течение почти столетия после Завоевания.

В этот период появился также новый тип официального документа – королевское предписание. Вероятно, предписания выпускали и Этельред, и Кнут, но наиболее ранние из сохранившихся предписаний относятся к правлению Эдуарда. По сути предписание было кратким уведомлением графа и шерифа или епископа о том, что было сделано земельное пожалование, которое следует засвидетельствовать в суде шира. Типичный образец гласил:

«Король Эдуард дружески приветствует эрла Гарольда, и его шерифа Тофи, и всех своих танов в Сомерсете. И я извещаю вас, что Альфред продал епископу Гизо землю в Луттоне мирно и спокойно: он сделал это в моем присутствии в Паррете и в присутствии моей супруги Эдит, эрла Гарольда и многих других, которые были там с нами. Мы также желаем, чтобы этот епископ держал эту землю со всем, что к ней прилагается, и владел бы ею, с сакой и сокой, так же свободно, как и любой его предшественник и как это свойственно епископам. И если что-то будет незаконно изъято оттуда, мы просим, чтобы это было возмещено. И иначе быть не должно».

Эффективность в данном случае сочеталась с новым средством подтверждения подлинности – висячей восковой печатью (оттиск штампа, который хранился у короля). В качестве документа предписание служило полезным дополнением к старым официальным хартиям, которые было несложно подделывать. Они также служили для короля способом быстро и четко довести свою волю до сведения широв. Вильгельм Завоеватель вскоре применил предписания для издания законов, и все наиболее важные типы королевских документов после Завоевания восходят к ним.

Вводя налоги или выпуская предписания, король должен был совещаться со своим секретариатом. Эдуард Исповедник, как и короли, начиная с Альфреда в конце его правления, располагал целым штатом священников во главе с главным клерком, который впоследствии превратился в средневекового канцлера. Одну из его обязанностей составляло хранение записей: есть данные, свидетельствующие о существовании очень подробных перечней земельных держаний, количества гайд и податей. Некоторые фразы у Беды позволяют предположить, что даже короли VII в. располагали достаточно точной информацией, чтобы даровать земли, указанные в определенном количестве гайд; в VIII в. документ, получивший название «*Tribal Hidage*», перечисляет подати, которыми облагались отдельные люди, области и народы Мерсии, а также их имена и названия. Поэтому мы можем быть уверены: у королей IX-X вв. имелись какие-то фискальные записи, хотя невозможно сказать, насколько подробные. При Эдуарде Исповеднике в королевском секретариате хранились свитки с описаниями широв и сотен (округов) с указанием королевских владений в них, а также, возможно, названий, владельцев и стоимости отдельных маноров. Это нам известно не из самих документов (хотя несколько фрагментов сохранилось), а из «Книги Страшного Суда». Вряд ли всеобщую перепись 1086 г. можно было провести столь быстро и столь тщательно, если бы уполномоченные не сверялись с более ранними списками. Утрата государственных документов эпохи до

Завоевания – трагедия, но сама осведомленность об их существовании немало говорит об администрации Эдуарда.

Если английское правительство сильно изменилось в период между правлениями Альфреда и Эдуарда Исповедника, то, разумеется, изменения претерпело и английское общество. С середины IX в. до середины XI столетия имел место значительный рост народонаселения и быстрое развитие экономики. Статистических данных до «Книги Страшного Суда» нет, но письменные, археологические и топографические источники указывают, что многие аспекты жизни более позднего английского общества выкристаллизовались именно тогда. Неудивительно, что увеличение населения сопровождалось ростом городов. К периоду Завоевания уже существовали английские города в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие сейчас: большие скопления людей с рынками, торговцами, ремесленниками, живущими в специализированных кварталах, гильдиями и городским правом, многочисленными церквами и быстро растущими пригородами. Позднесаксонским сборникам законов известны торговые центры, или «порты» (необязательно на побережье), и крупные *боро*, ранг которых определялся числом чеканщиков монеты, которое им дозволялось содержать. Среди городов значились большая часть *боро* и многие монастырские центры, но они не ограничивались местами, которые издавна считались важными. Мы не можем даже гадать о числе местных рынков, но очень многие из тех, которые впервые появляются в XIII в., могут быть старше, чем кажется.

Сельская местность также изменилась, хотя здесь труднее проследить перемены. Топографические данные говорят о процессе формирования поселений в наиболее многолюдных областях; жители отдельно стоящих ферм собирались в деревни. В это же время агрикультура становится более сложной и более целостной, так что к 1066 г. во многих частях Англии появились «общинные поля» (common fields), на которых крестьяне возделывали перемежающиеся между собой держания, причем вид сельскохозяйственной культуры, вероятно, избирался общим решением. Сейчас раннее возникновение системы полей является предметом дискуссии, но именно в X в. мы впервые можем проследить различия между зоной открытых полей (open-field) в средней части Англии и окружающими регионами, которые специализировались на пастбищах и древесине. Взаимосвязь изменений формы поселений, характера сельского хозяйства и земельных держаний во многом остается неясной, но, похоже, процесс прошел несколько стадий и начался задолго до Завоевания. Существуют также предположения, что иногда эволюция была не самопроизвольной, но являлась результатом реорганизации сверху. Крестьяне превращались в более стратифицированный и целостный слой общества, а требования землевладельцев (lords) к держателям все увеличивались.

Одной из причин было увеличение количества маноров и манориальных владетелей (lords). В XI в. большинство старых крупных поместий повсюду, за исключением наиболее отсталых регионов, распалось на единицы, совпадающие по размеру с современными церковными приходами. Население росло, возделанные земли расширялись, и отдельные составляющие прежней экстенсивной системы ведения хозяйства приобрели самостоятельное значение. От X в. сохранилось гораздо больше хартий, чем от VIII-IX столетий вместе взятых; в основном они содержат пожалования более мелких участков земли, причем миряне преобладают над духовенством. Мелкие таны превратились в класс сельских сквайров, и «Книга Страшного Суда» показывает, что в 1066 г. в Англии были сотни манориальных владетелей.

Именно в такой обстановке было основано большинство приходских церквей. Точно так же как короли и епископы основывали монастыри в VII и VIII вв., таны X-XI вв. строили приходские церкви. Существовало несколько относительно ранних частных церквей (Беда упоминает епископа, освятившего одну из них в 90-х годах VII в.), но и документы, и данные археологии указывают, что большинство из них было основано после 900 г., возможно, даже после 950 г. Пастырские обязанности, видимо, отправлялись беспорядочно:

монастырские церкви медленно приходили в упадок, и все больше маноров на опекаемых ими территориях обзаводились их конкурентами – собственными церквами. Фактически церкви XI в. (и до, и после Завоевания) были собственностью местных землевладельцев, и их деятельность по необходимости отвечала не столько нуждам паствы, сколько потребностям владельцев: церкви обслуживали землевладельца, его домашних и его держателей. Мы едва ли можем говорить о какой-то организованной системе приходов, хотя материальная основа для нее была готова: вероятно, больше половины приходских церквей, существовавших к 1700 г., было основано до 1066 г.

Столь привычные черты сельского пейзажа Англии: деревни, господские дома, церкви – появились в основном в позднесаксонский период. Для архиепископа Вульфстана последние два пункта были обычными атрибутами тана; около 1010 г. он писал: «Если керл преуспеет настолько, что будет владеть полными пятью гайдами собственной земли, церковью и поварней, колоколом и укрепленными воротами, местом и должностью при королевском дворе, впредь его лучше называть таном». Упоминание об укрепленных воротах в этом знаменитом отрывке заставляет задаться вопросом, существовали ли в Англии до Завоевания замки. Один исследователь, однозначно связывающий замки с эпохой феодализма и убежденный в том, что позднесаксонскую Англию нельзя считать феодальной, доказывает, что крепостей там не было, за исключением стен боро. Но если признать хорошо укрепленный манор замком, факт наличия таких замков мало что скажет об обществе того времени – только то, что оно включало землевладельцев-аристократов высокого ранга. Данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что укрепленные дома действительно существовали, а комплексы строений, созданных примерно в 1000-1020 гг. и обнесенных насыпями и рвами, были обнаружены в Салгрейве (Нортгемптоншир) и Голто (Линкольншир). Эти жилища показывают, что

резиденции рядовых саксонских танов могли быть столь же внушительными, как и большинство замков XII – начала XIII в.

Военное дело стало более профессиональным, а вооружение вследствие этого более дорогостоящим. К концу X в. сложилась система военной службы, согласно которой с каждых пяти гайд надо было выставить одного вооруженного воина для ополчения (fyrd). Тем самым признавалось, что средний фермер отныне не должен будет отрываться от своего хозяйства, и одновременно повышался и статус воина. Согласно Вульфстану, пять гайд представляли собой минимальное владение тана, а доспехи и оружие стали еще одним признаком благородного сословия. Позднесаксонский воин в полном вооружении значил больше, чем керл, превратившийся в рядового солдата.

Ко времени Этельреда монастырская реформа уже исчерпала себя. Аббатство Бертон в Стаффордшире (1004) и аббатство Эншем в Оксфордшире (1005) были основаны последними, так как вскоре общий развал и истощение ресурсов страны положили конец щедрому покровительству и строительству. Тем не менее благочестие Эдуарда заставило его осуществить один строительный проект, наиболее амбициозный из всех, которые до тех пор предпринимались в Англии. Около 1050 г. он начал перестраивать старую монастырскую церковь в Вестминстере в собор, достойный английских монархов. В Англии архитектура захирела, зато в Нормандии последние сорок лет она развивалась с поразительным успехом: самые прекрасные из построек времен Эдгара кажутся невыразительными в сравнении с соборами монастырей Берне и Кан. Поэтому для Вестминстерского аббатства Эдуард, естественно, обратился к нормандским архитекторам, хотя, когда новый собор был построен, он отличался великолепием и новизной даже по их меркам, чем, возможно, был обязан также и английским традициям в декоративном искусстве. Есть какая-то ирония в том, что последний величественный памятник королевскому дому Уэссекса был плодом в основном нормандской культуры.

В последние годы существования Англосаксонского королевства большим влиянием обладает семейство Годвина и обостряется проблема наследования. Эдуард женился на дочери Годвина, но к началу 50-х годов XI в. стало очевидным, что у него не будет детей.

Эдуард, сын Эдмунда Железнобокого, в 1057 г. вернулся из Венгрии со своим малолетним сыном, но почти сразу же умер. Маленький принц Эдгар был законным наследником, но мысль о ребенке на троне ни у кого не вызывала энтузиазма. Норвежский король Магнус, а затем и его сын Харальд Хардрада считали себя наследниками империи Кнута, включая и Англию. Похоже, ни один из кандидатов не устраивал короля Эдуарда: если он вообще собирался искать себе преемника, ему надо было делать это по ту сторону пролива. Герцогство Нормандия, где он прожил в изгнании двадцать пять лет, быстро набирало силу и развивало свою внутреннюю организацию. В 1035 г. герцогу Роберту наследовал его незаконнорожденный сын Вильгельм, которому тогда было семь лет. Мы никогда не узнаем наверняка, действительно ли Эдуард пообещал свой трон Вильгельму, но от него можно было ожидать именно такого образа действий.

Эдуард так и не простил Годвину убийство своего брата, и трения между ними достигли своего пика в 1051 г. Один из нормандских друзей Эдуарда оказался вовлеченным в уличную драку в Дувре и был убит. Эдуард приказал Годвину, эрлу Уэссекса, наказать Дувр. Годвин отказался и поднял войска против короля, который призвал на помощь эрлов Мерсии и Нортумбрии с их войсками. Столкновения удалось избежать: по словам современника, «некоторые из них решили, что будет великим безрассудством, если они вступят в битву, ибо в тех двух войсках собралась почти вся знать Англии, и они поняли, что оставили бы страну открытой вражескому вторжению». Сторонники Годвина разошлись в разные стороны, а он сам и его семья уехали в изгнание. В следующем (1052) году Эдуард увеличил число нормандцев при дворе, но в том же году Годвин вернулся с большим флотом, и королю пришлось стать более уступчивым. Архиепископ-нормандец бежал на родину, а несколько его соплеменников по требованию Годвина были высланы.

Теперь Годвин располагал всей полнотой власти, но в 1053 г. он умер. Его преемником в качестве эрла Уэссекса был его сын Гарольд, которому предстояло стать последним англосаксонским королем. Когда двумя годами позже умер эрл Нортумбрии Сивард, его графство перешло к Тостигу, брату Гарольда. Бурная деятельность Гриффидда, короля Гвинедда, позволила сыновьям Годвина занять еще более высокое положение. Гриффидд, незадолго до того добившийся верховной власти над Уэльсом, заключил союз с изгнанным наследником графства Мерсия и предпринял ряд набегов на английскую территорию, в ходе которых был разграблен и сожжен Херефорд. Гарольд и Тостиг объединенными усилиями вытеснили Гриффидда обратно в Уэльс и в 1063 г. добились его свержения и смерти. Имея за собой подобный успех, Гарольд стал влиятельной фигурой в Англии. При отсутствии законных наследников он казался очевидным претендентом на престол.

Но в 1064г. или, возможно, в начале 1065г. Гарольд посетил герцога Вильгельма в Нормандии. Нормандские источники гласят, что он прибыл в качестве посла Эдуарда, чтобы под клятвой подтвердить прежнее обещание передать Вильгельму корону. Это кажется возможным, и в целом маловероятно, чтобы история с клятвой была нормандским вымыслом. Существует и третье объяснение, которое попытался поведать нам один из создателей «Ковра из Байё»: Гарольд попал в руки Вильгельма в результате несчастного случая, вынужден был принести присягу и, опозоренный, вернулся к потрясенному королю Эдуарду. Какая бы из версий ни являлась истинной (а при сопоставлении нормандская все же кажется более убедительной), многие из современников верили, что на стороне Вильгельма была не только сила, но и право.

События последних двух лет развивались стремительно. В 1065 г. в Нортумбрии поднялся мятеж против Тостига. Гарольд стал посредником на переговорах, но поддержал решение местных властей: Тостиг отправился в ссылку, став отныне врагом своего брата. Пятого января 1066 г. король Эдуард умер. Чрезвычайная ситуация заставила пренебречь законностью, и «Уитан» избрал королем Гарольда. Это стало сигналом для двух его совершеннолетних соперников. Харальд Хардрада, король Норвегии, двинулся первым: летом он с помощью Тостига вторгся в Нортумбрию и занял Йорк. Гарольд, который ожидал вторжения из Нормандии, был вынужден выступить на север. Двадцать пятого

сентября он встретил и разбил норвежское войско при Стамфорд-Бридже близ Йорка. Хардрада и Тостиг были убиты, а король Гарольд восстановил власть над Нортумбрией.

Тем временем флот герцога Вильгельма, который задержался из-за непогоды, 28 сентября причалил в Певенси. Гарольд поспешно отправился на Юг, но все приготовления, которые он сделал двумя месяцами раньше, оказались напрасными, а силы его войска были истощены. Четырнадцатого октября 1066 г. английское и нормандское войска встретились при Гастингсе. Войско Гарольда заняло вершину холма и окружило себя стеной из щитов. Битва продолжалась целый день, и поначалу позиции англичан казались сильными. Но постепенно они их утратили – скорее из-за недостатка дисциплины, чем сил. Похоже, часть войска Гарольда спустилась с холма, преследуя отступающих (возможно, притворно) противников, а затем оказалась отрезанной и перебитой. Мало-помалу сопротивление английского войска было сломлено; центр холма удерживали до самых сумерек, но исход сражения стал ясен, когда пал король Гарольд. Место его гибели впоследствии было отмечено высоким алтарем в построенном здесь аббатстве.

Вильгельм двинулся к Дувру, а оттуда в Кентербери, где принял капитуляцию Винчестера. Но главной его целью был Лондон, сердце английского сопротивления, возглавленного Эдгаром Этелингом. Встретив сопротивление на Лондонском мосту, Вильгельм обошел город стороной, полностью разорив его окрестности. С течением времени партия Этелинга распалась, и, когда Вильгельм достиг Беркхемстеда, английская знать во главе с самим Эдгаром вышла ему навстречу и предложила свою службу. Род Альфреда пережил вторжения данов, норвежцев и снова данов, но в конце концов его вытеснила иностранная династия.

Раннее Средневековье (1066-1290)
Джон Гиллинхэм

1066 год и то, что за ним последовало

На Рождество 1066 г. герцога Вильгельма Нормандского провозгласили королем в Вестминстерском аббатстве. Это был очень напряженный момент. Приветственные возгласы по случаю его провозглашения, прозвучавшие как на английском, так и на французском языке, встревожили нормандских стражников, стоявших снаружи, за стенами собора. Полагая, что внутри собора происходит что-то неладное, они подожгли близлежащие дома. Полвека спустя нормандский монах вспоминал о хаосе, творившемся в тот день. «Поскольку огонь быстро распространялся, люди в церкви пришли в замешательство, и толпы их стремительно выбегали наружу, некоторые – чтобы бороться с пламенем, другие – для того, чтобы под шумок заняться грабежом. Только монахи, епископы и небольшая часть духовенства остались перед алтарем. Хотя они были в ужасе, им удалось провести и завершить посвящение в сан короля, которого била сильная дрожь».

Несмотря на победу при Гастингсе, сдачу ему Лондона и Винчестера, положение Вильгельма все еще было шатким, и он имел вескую причину ощущать трепет. Понадобилось по крайней мере еще пять лет, прежде чем он обрел полную уверенность, что завоевание завершено. Каждый год с 1067 по 1070 г. происходили восстания против нормандского правления: в Кенте, на Юго-Западе, в Валлийских марках, в Фенланде и на Севере. Нормандцы вынуждены были вести существование, на которое обречена оккупационная армия. Они жили, питались и спали вместе, в боевых подразделениях. Они вынуждены были строить замки – укрепленные пункты, опираясь на которые немногочисленные захватчики могли доминировать над покоренным населением. По всей видимости, было не более 10 тыс. нормандцев, живущих среди враждебного населения, насчитывающего 1 или 2 млн человек. Нельзя сказать, что каждый англичанин активно противостоял норманнам. Несомненно, многие с ними сотрудничали. Именно это делало возможным успешное принятие нормандцами столь многих англосаксонских институтов. Но есть множество свидетельств, показывающих, что не склонные к сотрудничеству англичане становились угнетенным большинством в своей собственной стране. Эти годы нестабильности должны были оказать глубокое воздействие на последующую историю. Англия получила не только новую королевскую династию, но также новый правящий класс, новую культуру и язык. Возможно, ни одно другое завоевание в европейской истории не имело для побежденных столь гибельных последствий.

Почти наверняка это не было первоначальным намерением Вильгельма. В первое время многие англичане могли сохранить свои земли в обмен на покорность. Однако к 1086 г. что-то, очевидно, изменилось. «Книга Страшного Суда» представляет собой земельную перепись, отмеченную глубокими шрамами Завоевания. В 1086 г. оставались только два выживших английских землевладельца, достойных быть упомянутыми в этом кадастре. Более 4 тыс. танов утратили свои земли и были заменены группой, состоявшей из менее чем 200 баронов. Немногие новые землевладельцы были бретонцами и выходцами из Фландрии и Лотарингии, большинство составляли нормандцы. В плане отношения к Церкви начало антианглийской политики Вильгельма датируется 1070 годом. В этом году он низложил некоторых английских епископов и после этого не назначал ни одного англосакса ни епископом, ни аббатом. Оценивая влияние военных действий, можно предполагать, что разорение Севера страны зимой 1069/70 г. сопровождалось особой жестокостью в искоренении старой аристократии, которое примерно в это время приобрело новый размах. В Йоркшире это привело к тому, что между 1066 и 1086 гг. стоимость земли упала на две трети. Но когда бы и как бы это ни происходило, очевидно, что к 1086 г. англосаксонской аристократии больше не существовало, а ее место было занято новой нормандской элитой. Естественно, эта новая элита сохранила свои старые земли на

континенте. Итогом было то, что Англия и Нормандия, прежде два отдельных государства, отныне стали единым политическим сообществом, расположенным по обе стороны Ла-Манша, с общей правящей династией, а также единой англо-нормандской аристократией. Обеспечивая водное сообщение между Британскими островами и континентом, Ла-Манш отделял Англию от Нормандии не более, чем Темза отделяет Миддлсекс от Суррея. С этого момента и вплоть до 1204 г. история Англии и история Нормандии были сложным образом переплетены.

Так как Нормандия управлялась герцогом, который должен был приносить оммаж королю Франции, это также означало, что отныне «английская» политика становилась частью французской политики. Но связь с Францией шла еще глубже. Нормандцы, ранее офранцуженные, принесли с собой в Англию французский язык и французскую культуру. Здесь мы не будем говорить о единовременном мощном воздействии «французскости», сказавшемся на поколении, жившем после 1066 г., о воздействии, за которым последовала постепенная переоценка «английскости». За Нормандским завоеванием 1066 г. последовало Анжуйское завоевание 1153-1154 гг. Хотя последнее не вызвало у аристократии из долины Луары желания поселиться в Англии, прибытие двора Генриха II и Алиеноры Аквитанской усилило преобладание французской культуры.

В то время как в 1066 г. менее 30% владеющих собственностью в Уинчестере носили неанглийские имена, к 1207 г. их стало более 80%. По большей части это были французские имена, такие, как *William*, *Robert*, *Richard*. Эта восприимчивость к континентальному влиянию самым удивительным образом проявилась в английском искусстве. В церковной архитектуре, к примеру, европейские термины «романский» и «готический» описывают модные тогда стили гораздо лучше, чем «нормандский» и «раннеанглийский». Хотя церкви, построенные в Англии, и рукописи, которые были здесь иллюминированы, часто содержат некоторые узнаваемые английские мотивы, образцы, которые перенимали тогда архитекторы и художники, пришли извне – обычно из Франции, а иногда из Средиземноморья (Италии, Сицилии или даже Византии). Именно французский архитектор, Гийом (William) Санский, был призван, чтобы перестроить хоры Кентерберийского собора после пожара 1174 г. Подобным же образом французские образцы оказали глубокое влияние на перестройку Вестминстерского аббатства при Генрихе III. Превосходство Франции в областях музыки, литературы и архитектуры было столь велико, что французский язык стал поистине международным, а не просто национальным языком, на котором говорил и писал каждый, кто хотел, чтобы его считали цивилизованным. Таким образом, в Англии XIII в. роль французского языка прослеживается еще более отчетливо. На протяжении большей части периода, рассматриваемого в этой главе, хорошо образованный англичанин говорил на трех языках. Английский вполне мог быть языком его матери; он мог иметь некие познания в латыни и, возможно, бегло говорил по-французски. В этом космополитическом обществе французский язык был жизненно важен. На нем практически осуществлялось правосудие и управление земельными владениями. Кроме того, это был язык песен и стихов, шансона и рыцарского романа. Иначе говоря, Нормандское завоевание открывает период, когда Англия, подобно Иерусалимскому царству, может быть совершенно точно определена как часть заморских владений Франции– *Outremer*. Если использовать политическую терминологию, Англия была французской колонией вплоть до начала XIII в. (хотя она, конечно, не принадлежала французскому королю) и культурной колонией Франции после этого.

Едва ли стоит удивляться тому, что поколения патриотически настроенных англичан должны были рассматривать битву при Гастингсе как национальную катастрофу. Однако, даже если мы не будем, подобно Фримену, считать Париж «исчадием ада», есть основание полагать, что Нормандское завоевание явилось величайшим бедствием в английской истории. Оно стало бедствием не только потому, что было грабительским и разрушительным – хотя, конечно, подобно любому завоеванию, оно было и тем и другим.

Оно стало бедствием в силу своих исторических последствий – того, что имеют в виду, когда говорят: «1066 год и то, что за ним последовало». Но с 1066 г. как самой важной даты в английской истории Нормандское завоевание – «благословенная веха». Было бы упрощением рассматривать его только как «новое начинание» или как «важный поворотный момент». Практически все, что произошло в Англии в конце XI в., обсуждалось с точки зрения воздействия Нормандского завоевания. Следует, впрочем, учитывать, что вторая половина XI в. была периодом быстрого развития, которое происходило в Европе повсеместно. Страны, которые не пострадали от Нормандского завоевания, тоже преобразовывались. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с неоднозначной ситуацией. В некоторых отношениях 1066 год принес большие перемены. В других отношениях большие перемены едва ли могут быть приписаны Завоеванию. И наконец, в ряде случаев самой удивительной чертой является вовсе не изменение, а преемственность.

Главная проблема, с которой сталкивается историк, занимающийся этим периодом, обусловлена не одним драматическим событием, но социальным и культурным процессом большой сложности. На протяжении XII и XIII вв. произошло чрезвычайно широкое распространение письменных документов. Было написано гораздо больше документов, чем когда-либо прежде, и гораздо больше их сохранилось. В то время как от всего англосаксонского периода уцелело около 2 тыс. исковых заявлений и грамот, от одного только XIII в. их – бесчисленные десятки тысяч. Конечно, 2 тыс. англосаксонских документов только вершина айсберга; большая часть их не сохранилась. Но это также справедливо и для XIII столетия. К примеру, было подсчитано, что только для мелких держателей и крестьян могло быть написано порядка 8 млн грамот. Даже если бы эта оценка оказалась завышенной, верным остается то, что целые слои населения, к примеру сервы, испытывали теперь потребность в документах, касающихся правовых ситуаций, которых прежде не было. В то время как при Эдуарде Исповеднике только король обладал правом скреплять документы печатью, в царствование Эдуарда I даже сервам по закону требовалось иметь документы с печатью. В центре процесса появления новых видов документации находилось королевское управление, которое до некоторой степени являлось и его главным двигателем. В распоряжении короля были организованное на постоянной основе делопроизводство, канцелярия, а позднее также и казначейство, которые становились все более и более загруженными. Мы знаем количество воска для печатей, который использовала канцелярия в годы правления Генриха III. В конце 20-х годов XIII в. оно составляло 3,63 фунта в неделю; к концу 60-х годов того же столетия количество воска возросло до 31,9 фунта в неделю. Органы управления и судопроизводства не только выпускали больше документов, чем когда-либо прежде, они также систематически изготавливали копии и сохраняли их. Ключевая дата в развитии этого процесса – 1199 г. В тот год клерки канцелярии начали сохранять на свитках пергамента копии большей части писем, и, несомненно, всех важных писем, разосланных под большой печатью. Сохранение канцелярских копий на свитках означало, что с 1199 г. историки знают значительно больше, чем прежде, о заведенном порядке управления.

Мы имеем дело с событиями фундаментального значения. Распространение записей повлекло за собой переход к закреплению в письменном виде тех вещей, которые прежде фиксировались в памяти. Это означало, что все население было теперь до известной степени «участвующим в грамотности». Даже если люди сами не могли читать, они привыкали наблюдать ведение каждодневных дел посредством письма. Очевидно, это развитие особого рода менталитета, связанного с привычкой записывать, тесно связано с культурным движением XII в., известным как Ренессанс. Первоначально центры влияния новой учености находились за границей, в городах и соборах Италии и Франции; но к концу XII столетия в Англии уже было несколько школ, обеспечивавших более высокий уровень знаний, а к 20-м годам XIII в. были учреждены два университета – вначале в Оксфорде, а затем в Кембридже. В Оксфорде были учебные заведения, в которых люди

могли изучать сугубо практические предметы, такие, как составление нотариальных актов о передаче имущества, администрирование и элементарная юридическая процедура. И повсюду в Англии отмечались признаки, указывающие на возрастающее количество учебных заведений различных уровней.

Но связаны ли эти глубокие изменения с революционными переменами в других сферах организации общества? Совершенно очевидно: создание всех этих письменных документов означало, что общество становится более бюрократическим, но значило ли это, что отношения между классами сохранялись неизменными? Или эти отношения тоже изменились? Менялась ли экономическая система? Претерпевала ли изменения система политическая? Или же реалии политического и экономического уклада только более тщательно фиксировались?

Все это вопросы, на которые непросто ответить. Природа сохранившихся свидетельств такова, что нам трудно вычленить содержащуюся в них информацию, и это вводит в заблуждение. К примеру, особая форма отношений между людьми могла быть впервые четко зафиксирована в документах, относящихся к XIII в, Но означает ли это, что само отношение возникло в данном столетии? Или же подобные типы отношений лишь впервые зафиксированы тогда в письменной форме? Либо речь идет о самом раннем периоде, от которого смогли сохраниться относящиеся к делу документы? Наглядным примером является тот факт, что самые ранние известные нам образцы документа, известного как «вассальный договор», датируются XIII столетием. Договор отражал условия, на которых человек должен был нести службу у своего господина. Этот документ обычно определял плату, полагавшуюся вассалу, и, если речь шла о долговременном контракте, причитавшийся ему аванс. На основании таких документов историки решили, что и «договор вассала», и «контрактная армия» возникли к концу XIII в. и что они были характерной чертой позднего Средневековья, периода «незаконнорожденного (bastard) феодализма». Однако есть ясное, хотя и косвенное свидетельство того, что как «контрактные армии», так и вассалы, получавшие аванс и последующую плату существовали по крайней мере уже в 1100 г.

В целом в данной главе будет доказано, что существовала гораздо более высокая степень преемственности в экономической, политической и общественной организации, чем это часто предполагалось. Но вначале, прежде чем перейти к дальнейшему изложению, было бы полезно дать краткий очерк основных событий, акцентируя внимание на тех из них, которые были величайшей заботой для королей.

Вильгельм 1(1066-1087)

После 1071г. Вильгельм уже достаточно прочно владел Англией. Валлийцы и шотландцы доставляли ему мало беспокойства. Скандинавские правители продолжали поглядывать на Англию жадным взором, но постоянно присутствовавшая угроза очередного вторжения викингов так больше и не материализовалась. С 1071 г. и до конца правления внимание Вильгельма было поглощено главным образом войной и дипломатией на континенте. Его родиной являлась Нормандия, и она была гораздо более уязвима для внезапного нападения, чем его островное королевство. Некоторых из соседей Вильгельма тревожила обретенная им власть, и они использовали любую возможность, чтобы ее уменьшить. В первую очередь речь идет о короле Франции Филиппе и графе Анжуйском Фульке Мрачном (Fulk le Rechin). Благоприятные возможности для них были обеспечены старшим сыном Вильгельма – Робертом (род. 1054). Хотя он был признан наследником Нормандии еще в 1066 г., ему никогда не было дозволено насладиться деньгами или властью, и с 1078 г. он оказался вовлеченным в серию интриг против своего отца. В раздорах между королем Франции и герцогом Нормандии естественное поле боя представлял собой Вексен – спорная территория, лежащая на северном берегу Сены, между Руаном и Парижем. Графство Мен, которое Вильгельм завоевал в 1063 г., играло такую же

роль в возбуждении враждебных действий между Нормандией и Анжу. Графству Мен было суждено стать яблоком раздора для двух последующих поколений; Вексену – гораздо дольше (вплоть до 1203 г.). Таким образом, уже в правление Вильгельма вырисовывались черты политической модели, которая будет доминировать в следующем столетии: сочетание семейного разлада и спора о границах.

В этом контексте показательны обстоятельства смерти Вильгельма. Гарнизон французской крепости Мант совершил рейд в Нормандию. Вильгельм отплатил той же монетой. В то время как его войска предавали Мант разграблению (июль 1087 г.), он получил ранение, от которого скончался. Роберт, бывший в то время в разладе с отцом, предпочел остаться при дворе короля Филиппа, в то время как его младший брат Вильгельм, подчеркивая свою верность, присутствовал у смертного одра отца. Девятого сентября 1087 г. Вильгельм I умер. Его тело доставили в его соборную церковь Св. Стефана в Кане, К концу жизни Вильгельм очень располнел, и, когда слуги попытались втиснуть его тело в каменный саркофаг, оно разорвалось, наполнив церковь отвратительным запахом. Таков был несчастный конец карьеры необычайно обласканного фортуной и одаренного короля.

Вильгельм II (1087-1100)

Каковы бы ни были последние пожелания Вильгельма, имелись серьезные основания в пользу того, что старший сын должен унаследовать достояние (патримоний) отца, т.е. те земли, которые отец сам унаследовал. Следуя этому, Роберт, несмотря на то что он был в состоянии мятежа против отца, унаследовал Нормандию. Но земли, которые приобрел сам Вильгельм (с помощью покупки, брака или завоевания), могли быть использованы и для того, чтобы обеспечить других членов его семьи. Поэтому Англия – самое обширное приобретение Вильгельма Завоевателя – была предоставлена для обеспечения его младшего сына Вильгельма. Старший сын Роберт, естественно, возражал против этого, и, возможно, если бы не его мятеж, он мог бы унаследовать и Англию.

Очевидно, что обычаи, управлявшие наследованием трона, все еще были гибкими. Они могли и должны были изменяться, для того чтобы принимать в расчет политические реалии, к примеру характеры соперничающих претендентов. Таким образом, можно предположить, что влиятельные люди (среди них Ланфранк, архиепископ Кентерберийский), которые решили принять Вильгельма Рыжего (Rufus) как короля Англии, имели основания считать его потенциально лучшим правителем, чем его старший брат. Если обратиться к хроникам деяний Роберта как до, так и после 1087 г., станет ясным, что это было разумное суждение. Тем не менее спустя нескольких месяцев после вступления на престол Вильгельм Рыжий обнаружил, что ему противостоит могущественная оппозиция крупных баронов, магнатов. Согласно англо-нормандскому хронисту Ордерику Виталию, целью мятежников являлось воссоединить Англию и Нормандию не ради какого-то принципа конституционного закона, но чтобы решить собственные политические проблемы. Выбор, стоявший перед ними, был суммирован в словах, которые Ордерик вложил в уста первого среди баронов – Одо из Байё. «Как можем мы служить должным образом двум удаленным друг от друга и враждебным друг другу государям? Если мы хорошо служим герцогу Роберту, мы оскорбим тем самым его брата Вильгельма, и он лишит нас наших доходов и титулов в Англии. С другой стороны, если мы подчинимся королю Вильгельму, герцог Роберт лишит нас владений наших отцов в Нормандии». Этот довод апеллировал к закрепленным законом имущественным правам, и он обладал большой силой воздействия. Подобный довод мог легко привести к смещению Вильгельма Рыжего с английского престола. Если должен был быть только один правитель соединенного англо-нормандского королевства, то притязания старшего брата трудно было бы отклонить. К счастью для Вильгельма, в случае с его братом имела место неявка противной стороны: Роберт остался в Нормандии, а его английские сторонники оказались в

тяжелом положении. Тем не менее мятеж 1088 г., несмотря на его скорый крах, обнаружил, сколь ненадежной являлась позиция короля Англии, который не был одновременно и герцогом Нормандии.

Если рассматривать в целом сорок восемь лет, на протяжении которых правили Вильгельм II и Генрих I (1087-1135), можно видеть, что мятежи (1088, 1095, 1101, 1102 гг.) приходятся на два периода (примерно по пятнадцать лет в каждом), когда король Англии не был герцогом Нормандии; это 1087-1096 и 1100-1106 гг. Очевидно, что в интересы короля не входило, чтобы Англия и Нормандия находились под управлением разных государей. Но точно так же это не было и в интересах аристократии. Как следует из речи Одо из Байё, они слишком многим рисковали, чтобы приветствовать нестабильность. В какое бы время королевство, находящееся по обе стороны Ла-Манша, ни распалось на составляющие его части, это вылилось бы в период конфликта, который мог быть разрешен только тогда, когда один правитель вытеснит другого. Поэтому главной заботой короля Англии было завоевать и удержать Нормандию. В 1089 г. Вильгельм Рыжий предъявил претензии на герцогство. Располагая английским серебром, он был способен купить себе поддержку и с некоторым успехом вел кампании на континенте. В то же время собственная власть Вильгельма над Англией все еще оставалась шаткой: в 1095г. он столкнулся с заговором. На следующий год напряжение разрешилось, во всяком случае временно, совершенно непредвиденным образом. Удивительный успех проповеднической миссии папы Урбана II создал в обществе настроение, благодаря которому тысячи людей решили присоединиться к походу, имеющему целью отвоевание Иерусалима у мусульман. Для Роберта Куртоза («Коротконогого») это был достойный и не лишенный героики выход из его все более трудного политического положения дома. Чтобы вооружить себя и свою свиту для длительного похода, он отдал Нормандию в заклад Вильгельму за 10 тыс. марок.

Следующей задачей Вильгельма, ставшего теперь новым герцогом Нормандии, было возвратить графство Мен и Вексен, утраченные вследствие небрежения Роберта. К 1099 г. дело было успешно завершено. Итак, Вильгельм Рыжий восстановил королевство своего отца Вильгельма Завоевателя в его прежних границах. Утвердив же в 1097 г. на шотландском троне Эдгара, он вмешался в дела Шотландии даже более решительно, чем его отец.

Однако при всем его успехе как щедрого предводителя воинов репутация Вильгельма оставалась невысокой. К несчастью для него, историю тех времен писали почти исключительно монахи, а они его не любили. Исполненные серьезности церковные деятели, привыкшие к традиционному благочестию и здравому благоразумию двора его отца, приходили в ужас от двора Вильгельма Рыжего, его выставленной напоказ экстравагантности, веселости и от новых мод, к примеру длинных волос, которые, как им казалось, делали мужчин одновременно женоподобными и распущенными. Вильгельм Рыжий никогда не был женат. Согласно валлийской «Хронике князей», «он жил с наложницами и вследствие этого умер без наследника». По всей видимости, к требованиям религии он был настроен скептически – во всяком случае, так его описывают современники. Без сомнения, Вильгельм относился к Церкви как к богатой корпорации, из которой можно выкачивать средства. Он не спешил с назначением епископов и аббатов, поскольку во время вакансий мог пользоваться церковными доходами. В проведении этой доходной политики Вильгельм Рыжий полагался на искреннюю помощь смышленого и поглощенного мирскими делами клирика Ранульфа Флэмбарда, которого он в конечном счете сделал епископом Даремским.

Репутация Вильгельма Рыжего более всего пострадала оттого, что в 1093 г., когда ему казалось, что он умирает, он назначил Ансельма из Бека – ученого монаха, известного своим благочестием, – архиепископом Кентерберийским (после того, как архиепископский престол оставался вакантным четыре года). Это назначение оказалось столь бедственным для Вильгельма потому, что оно произошло в то время, когда григорианская реформа – общеевропейское движение за преобразование Церкви – создала противоречивую

атмосферу, в которой люди, ратующие за церковное благочестие, были близки к тому, чтобы стать политическими радикалами. В 1095 г. Вильгельм созвал совет в Рокингеме, чтобы рассмотреть спорные вопросы, возникшие между ним и Ансельмом. К всеобщему смятению, Ансельм взывал к Риму, доказывая, что как архиепископ Кентерберийский он не подлежит юрисдикции светского суда. Подъем папства во второй половине XI в., с его притязаниями на то, чтобы прелаты в первую очередь проявляли лояльность по отношению к папе, привнес новый и тревожный элемент на политическую сцену. Если бы люди Церкви уверовали, что их обязательства перед Богом, определенные наместником св. Петра, заключаются в том, чтобы отвергнуть их долг служения королю, то привычная структура мира должна была бы перевернуться вверх дном.

Поставленный Ансельмом вопрос об автономной от короля духовной иерархии был хорошо обоснован. В этом отношении Ансельм, можно сказать, имел лучшую аргументацию. Но у Вильгельма Рыжего также имелись доводы. Они состояли не только в том, что король обладал властью. Ученый архиепископ Кентерберийский, пытаясь конкурировать с властным королем, обладавшим значительными материальными ресурсами, находился в очень уязвимом положении. Вильгельм продолжал третировать архиепископа и никогда не выказывал симпатии к попыткам последнего реформировать Церковь. В конце концов Ансельм не смог более этого выносить. В 1097 г. он отплыл из Дувра, оставив церковное имущество Кентербери, которое попало в руки короля. Вскоре Вильгельм извлек выгоду из этой ссоры. В 1100 г. он располагал доходами трех епископств и двенадцати аббатств. Не было никаких признаков того, что доводы Ансельма подорвали веру людей во внушающие страх возможности короля – помазанника Божьего. Даже Эдмер, кентерберийский монах, написавший «Жизнеописание Ансельма», замечает относительно Вильгельма Рыжего, что «ветер и море, кажется, повиновались ему». «В войне и в приобретении территории, – продолжал Эдмер, – он обладал таким успехом, что вы могли бы подумать, что весь мир ему улыбался».

Было ли в действительности положение Вильгельма II в 1100 г. столь прочным – это другое дело. Такая ситуация давала возможность морализирующим летописцам изображать его как самонадеянного, хвастливого короля, сраженного в тот самый момент, когда он, казалось, находился на гребне успеха. В течение лета 1100 г. каждому было известно, что мирная интерлюдия отсутствия герцога Роберта почти закончилась. Крестоносец был на пути домой, сопровождаемый богатой женой и пользующийся уважением, достойным человека, проложившего путь в Священный град. Когда Роберт Куртоз заявит о своих правах на наследство, кто сможет предсказать, что произойдет и какую линию поведения изберут англо-нормандские магнаты? Однако 2 августа 1100 г. несчастный случай на охоте в королевском лесу Нью-Форест внезапно оборвал жизнь Вильгельма II, этого сильного короля, о котором говорили много дурного. Случайно или нет, но младший брат Вильгельма – Генрих был в Нью-Форесте в тот день, когда король погиб.

Генрих 1(1100-1135)

Узнав, что Вильгельм Рыжий мертв, Генрих действовал молниеносно. Он поскакал в Винчестер и овладел государственной казной. Затем прямиком отправился в Вестминстер, где и был коронован 5 августа. Такая быстрота действия наводит на мысль, что Генрих знал о близкой смерти своего брата и что именно он «устроил несчастный случай». Однако ни один современник не выдвигал подобного обвинения. Если бы Генрих планировал столь хладнокровное преступление, он, скорее всего, выбрал бы другое время. Надвигающаяся война между Вильгельмом Рыжим и Робертом Куртозом (Коротконогим), как можно было ожидать, закончилась бы поражением и, возможно, гибелью одного из них. Другими словами, предательское убийство, будь оно отложено, открыло бы перед убийцей перспективу обретения одновременно Англии и Нормандии. А вот смерть Вильгельма Рыжего в августе 1100 г. вынуждала Генриха действовать с феноменальной быстротой

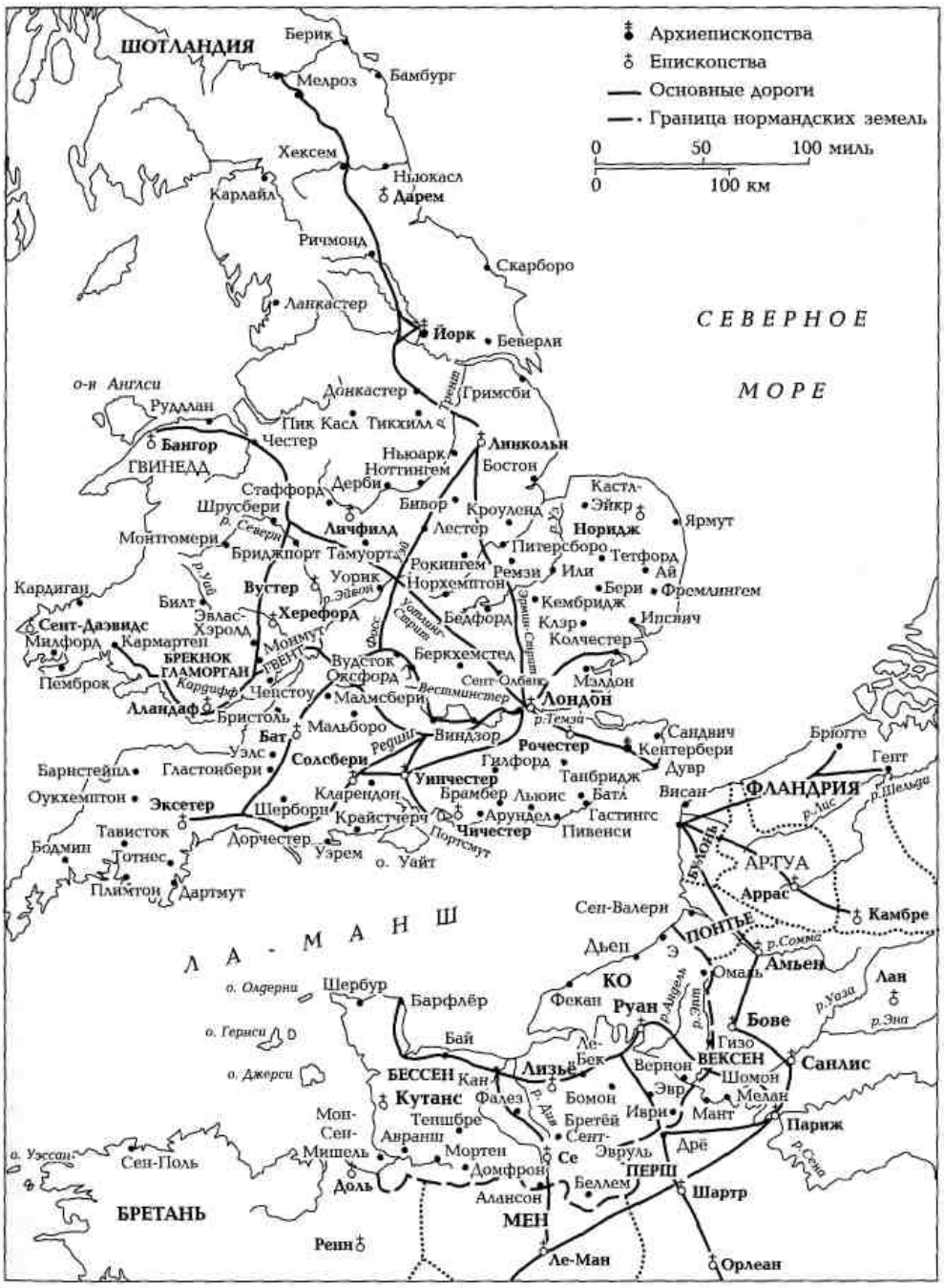
только для того, чтобы захватить контроль лишь над одной из двух частей Англо-нормандского королевства. Человек, способный выжидать столь долгое время, несомненно, ждал бы еще год или два, прежде чем нанести удар.

Спустя несколько недель после гибели Вильгельма Рыжего Роберт возвратился в Нормандию из крестового похода. Генрих приготовился к неизбежному вторжению. Его политика заключалась в том, чтобы купить поддержку, раздавая милости и разнообразные привилегии. Это была политика, провозглашенная в день его коронации, когда он издал хартию свобод, осуждавшую деспотические обычаи его брата и обещавшую хорошее правление. С другой стороны, неотложная необходимость обустроить оборонительные сооружения не давала Генриху возможности реорганизовать сложившуюся систему. Это был момент, подходящий для жестов и манифестов, но не для ниспровержения всего режима. Реальность заключалась в том, что старший брат оставил ему готовый двор и администрацию, и Генрих не имел другого выбора, кроме как принять их.

Когда герцог Роберт в июле 1101г. высадился в Портсмуте, многие знатнейшие бароны Англии, возглавляемые Робертом Беллемом и его братьями, перешли на сторону герцога. Но придворный круг Вильгельма Рыжего, во главе с Робертом Меленским, остался верен Генриху. Так же поступила и английская церковь. Обе враждующие стороны вернулись на исходные позиции и начали переговоры. В итоге Генрих сохранил за собой Англию при условии выплаты своему брату 2 тыс. фунтов в год.

Пережив кризис 1101 г., Генрих занялся обеспечением того, чтобы подобное не повторилось, Необходимым первым шагом было ниспровергнуть дом Монтгомери (Беллем). В 1102 г. Генрих захватил главные оплоты Роберта Беллема в Валлийских марках, а затем изгнал его. Спустя два года он конфисковал земли Уильяма Мортейна. Но графы Роберт и Уильям, подобно другим оказавшимся в таком же положении, обладали в своих нормандских имениях базой, откуда могли организовывать отвоевание своих английских земель. Закрепив разделение Англии и Нормандии, договор 1101 г. обеспечил продолжение политической нестабильности. Таким образом, история предыдущего правления повторилась: мы видим короля Англии сначала в обороне, а затем готовящимся перейти в наступление. Вопрос был разрешен в битве при Таншбрэ (1106). Герцог Нормандии Роберт был захвачен и последние двадцать восемь лет жизни провел как пленник брата.

Хотя в первые годы своего правления Генрих был озабочен нормандскими делами, он не был настолько свободен, чтобы сосредоточиться на них так, как он того бы желал. Традиционным королевским правам над Церковью угрожали новые идеи, связанные с григорианским реформаторским движением. Реформаторы желали не только очистить нравственную и духовную жизнь духовенства. Для достижения этого они полагали необходимым освободить Церковь от светского контроля. Самым ненавистным символом такого контроля была светская инвеститура – церемония, во время которой новый аббат или епископ получал кольцо и посох (символы церковной власти) из рук светского государя, который его назначал. Хотя первый папин декрет против светской инвеституры был издан еще в 1059 г., а позже опубликованы дополнительные запреты, никто в Англии, похоже, не догадывался об их существовании, пока осенью 1100 г. не вернулся Ансельм. Находясь в изгнании, он изучил папское отношение к светской инвеституре. И хотя он сам был введен в должность Вильгельмом Рыжим в 1093 г., теперь он отказался не только принести оммаж Генриху, но и посвятить в сан тех прелатов, которых Генрих наделил полномочиями. Это поставило короля в трудное положение. Епископы и аббаты были крупными землевладельцами и ключевыми фигурами в центральной и местной администрации. Он нуждался в их поддержке и должен был быть уверен в их лояльности. С другой стороны, в отличие от Вильгельма Рыжего Генрих не желал провоцировать ссору. Поэтому он находил более удобным годами откладывать проблему, а не пытаться ее разрешить. Вплоть до 1107 г. вопрос о светской инвеституре оставался открытым.



Англо-нормандское королевство (1066–1154)

Генрих отказался от светской инвеституры, но прелаты продолжали приносить ему оммаж за свои феоды. На практике воля короля оставалась решающим фактором при назначении епископов. В определенном смысле можно считать, что Генрих отказался от формального права контролировать, сохранив контроль реальный. Когда в 1109 г. Ансельм умер, король удерживал кентерберийский престол вакантным в течение пяти лет. Однако он кое-что утратил – и знал об этом. В яростной пропагандистской войне, сопровождавшей «спор об инвеституре», григорианцы настаивали на том, чтобы король был мирянином, не более того, и как таковой он ниже всех лиц духовного звания, так как они заботятся о душе, а король – только о теле. Церковь не могла более мириться со старой идеей, согласно

которой помазанные на царство короли – наместники Бога на земле. Отказываясь от права на светскую инвеституру, Генрих тем самым признавал светскую природу занимаемого им поста. Это был важный момент в истории королевского сана.

Поскольку Нормандия была завоевана и найдено компромиссное решение в споре об инвеституре, главной заботой Генриха стало удержать то, что он имел. Осознавая угрозу, которая могла исходить от отчужденной аристократии, он с осторожностью пытался уменьшить разрыв между Двором и магнатами, которому Вильгельм Рыжий позволил проявиться. По словам Ордерика, «он относился к магнатам с честью и щедростью, добавляя к их богатству еще и поместья и умиротворяя их таким образом, он завоевал их преданность». Прямая угроза положению Генриха исходила от притязаний младшего сына Роберта Куртоза – Вильгельма Клитона (род. 1102) на то, что он, а не Генрих является полноправным герцогом Нормандии. Это притязание в сочетании с большой протяженностью земельной границы Нормандии делало герцогство самой уязвимой частью его империи. После 1106 г. Генрих провел здесь более половины оставшегося срока правления – в противостоянии традиционным врагам герцогов Нормандии, в особенности Людовику VI Французскому (король в 1108-1137 гг.) и Фульку V Анжуйскому (граф в 1109-1128 гг.). Генрих I организовал защитное кольцо союзов – не менее восьми его незаконнорожденных дочерей были замужем за соседними князьями – от Александра Шотландского на Севере до Ротру, графа Першского, на Юге. Этот образчик брачной дипломатии придает некоторую правдоподобность утверждению Уильяма Малмсберийского, что для Генриха секс был делом политики, а не удовольствия. Итогом всей этой деятельности стало то, что Генрих сохранил Нормандию. Историки не склонны придавать этой борьбе за Нормандию серьезного значения по той причине, что она свелась лишь к поддержанию статус-кво. Но для Генриха это, несомненно, было делом серьезным, войной за выживание, которую, по крайней мере однажды, в 1118-1119 гг., он мог проиграть.

Озабоченность защитой Нормандии воспринималась в Англии очень серьезно, и не только крупными землевладельцами, владевшими собственностью на континенте. Замки, гарнизоны, дипломатия и война – все это стоило огромных денег. Тесная связь Англии с нормандскими делами явствует из одного известия «Англосаксонской хроники» за 1118 г. «Король Генрих провел весь этот год в Нормандии из-за войны с королем Франции, графом Анжуйским и графом Фландрским… Англия дорого платила за это многочисленными налогами, от которых не было облегчения весь год». Долгие отлучки короля и его острая потребность в деньгах стали движущими силами дальнейшего усовершенствования и изощренности машины управления. В то время, когда король отсутствовал, Англией управлял вице-королевский комитет. Дважды в год этот комитет встречался «в казначействе», чтобы озвучить отчеты шерифов над знаменитой разграфленной в клетку скатертью. За большей частью рутинной административной работы, в частности за собиранием государственного налога, надзирал Роджер из Солсбери, который по контрасту с «ярким» Флэмбардом кажется типичным бюрократом – компетентным и осмотрительным.

Гибель в 1120 г. Вильгельма, единственного законного сына Генриха I, в результате крушения «Белого корабля» привела к тому, что вся тщательно продуманная политическая конструкция рухнула. С этого момента проблема престолонаследия доминировала над политикой Генриха I. Менее чем через три месяца после смерти Вильгельма Генрих вновь женился, но наследник, отчаянно ожидаемый, так и не родился. Поэтому, хотя и говорили, что Генрих признал более двадцати своих незаконнорожденных детей, пережил его только один законный ребенок – дочь Матильда. Когда в 1125 г. умер муж Матильды – германский император Генрих V, Генрих I призвал ее к своему двору и заставил баронов поклясться, что после его смерти они возведут Матильду на престол как наследницу Англо-нормандского королевства. Затем в 1127 г. на Генриха обрушился очередной удар судьбы. Вильгельм Клитон был признан графом Фландрии. Если бы он оказался способным

использовать богатство Фландрии для реализации своих притязаний на Нормандию, тогда перспектива для его дяди была бы действительно мрачной. В этот критический момент Генрих I обратился к Фульку V Анжуйскому с предложением заключить брачный союз между Матильдой и Готфридом (Жоффруа) Плантагенетом, сыном и наследником Фулька. В июне 1128 г. Матильда, в некотором роде против своей воли, была выдана замуж за четырнадцатилетнего юношу. Без сомнения, граф Фульк воспринимал это как дипломатический триумф: был сделан первый энергичный шаг к анжуйскому «поглощению» Англо-нормандского королевства.

К 1135 г. Генрих I открыто и яростно ссорился с Готфридом и Матильдой. Следствием этого был переход верных Генриху магнатов в оппозицию к анжуйцам. Когда старый король умер, эти магнаты неизбежно столкнулись с необходимостью прийти к соглашению с назначенными им наследниками. В данном отношении сам Генрих спровоцировал спор о престолонаследии, последовавший за его смертью. Даже в конце жизни он все еще хотел, чтобы его дочь и зять наследовали ему, но он оказался не в состоянии принять меры, которые позволили бы им сделать это. Генрих I был выдающимся по способностям и успешным королем, выдающимся политиком своего века, но даже ему не удалось справиться с трудностями вопроса о престолонаследии. Именно по этой причине Генрих Хантингдонский изображает Генриха как короля, который постоянно находился в состоянии озабоченности. «Каждый из его триумфов делал его только менее озабоченным тем, что он утратил, чем радостным от того, что он приобрел. Поэтому, хотя он казался самым удачливым из королей, на деле он был самым жалким».

Стефан (1135-1154)

Когда пришли вести о том, что Генрих I умирает, избранные им наследники находились в своих собственных владениях, либо в Анжу, либо в Мене. Но его племянник, Стефан Блуаский, пребывал в своем графстве Булонь. Оттуда был только один день пути до юго-востока Англии. Эта географическая случайность давала Стефану преимущество. Обеспечив себе вначале поддержку со стороны лондонцев, он затем поскакал в Винчестер, где епископом был его брат – Генрих Блуаский. С его помощью он завладел королевской казной в Винчестере и заручился поддержкой Роджера Солсберийского в своем стремлении стать королем. Оставалось только убедить архиепископа Кентерберийского помазать его на царство. Это удалось сделать, доказав, что присяга на верность Матильде, которую они все принесли, была недействительной, так как она была навязана силой. Распространив, кроме того, вымышленную историю о якобы имевшем место изменении умонастроения старого короля на смертном одре, 22 декабря 1135 г. Стефан был коронован и помазан в Вестминстере.

Политическая структура Англо-нормандского королевства предполагала, что, поскольку Стефан был признан английским королем, он также обретал сильные позиции в Нормандии. С этого времени и далее нормандские бароны могли подчиниться кому-либо, кроме английского короля, только рискуя утратить свои английские владения. Более того, те, кому было что терять, чувствовали, что они должны поддержать Стефана. Поэтому с самого начала кампании по отвоеванию своего наследия Готфрид и Матильда обнаружили, что им противостоят самые могущественные магнаты англо-нормандского государства.

Первые два с половиной года правления Стефана прошли достаточно мирно: они были гораздо более свободны от неурядиц, чем первые годы правления обоих его предшественников. Первый серьезный удар был нанесен новому королю летом 1138 г., когда Роберт Глостерский решил присоединиться к делу своей сводной сестры Матильды. Измена Роберта означала не только то, что Стефан утратил контроль над некоторыми важными укрепленными пунктами в Нормандии. Это был также сигнал, что анжуйцы уже собрались вести борьбу за Англию. Поскольку Стефан ожидал, когда будет нанесен удар с их стороны, он начал терять контроль над ситуацией.

Стефан нанес оскорбление своему брату Генриху Блуаскому, не сделав его архиепископом Кентерберийским, арестовал трех влиятельных епископов, состоявших на «государственной службе», включая Роджера Солсберийского, тем самым позволив Генриху Блуаскому заявить, что церковные свободы попраны. Осенью 1139 г. Императрица (как обыкновенно называли Матильду) высадилась в Арундейле и, казалось, была почти во власти Стефана. Однако он позволил ей беспрепятственно уйти и соединиться с Робертом Глостерским у Бристоля, хотя имел возможность, поступив жестоким и нерыцарским образом, заключить ее в тюрьму. Начиная с этого времени и далее в Англии было два соперничающих двора. Гражданская война пошла полным ходом.

В феврале 1141 г. Стефан опрометчиво принял бой при Линкольне и храбро сражался, хотя мог бы избежать этого сражения. В итоге он был захвачен в плен и заточен в тюрьму в Бристоле. Генрих Блуаский, действовавший теперь как папский легат, открыто перешел на сторону Императрицы, которая летом 1141 г. смогла войти в Лондон. Но она отвергла мирные условия, выработанные легатом, и оскорбила лондонцев своим бестактным поведением. Когда жена Стефана, королева Матильда Булонская, подошла к Лондону, горожане взялись за оружие и изгнали Императрицу. Таким образом, запланированная коронация в Вестминстере так никогда и не состоялась. Матильда так и не стала королевой Англии. Несколько месяцев спустя был захвачен Роберт Глостерский, и, так как он был опорой ее партии, Матильда согласилась на обмен пленников: Стефана за Роберта. Императрица утратила завоеванные позиции; Англия осталась страной, разделенной на два враждующих лагеря.

В Нормандии события получили совершенно другой оборот. Муж Императрицы Готфрид Анжуйский задержался на континенте, чтобы продолжать оказывать давление на герцогство Нормандское и блюсти свои собственные интересы в Анжу. Серия кампаний с 1141 г. по 1144 г. закончилась осадой Руана и официальным пожалованием Готфриду титула герцога. Но целеустремленная сосредоточенность графа Анжуйского на завоевании Нормандии привела к тому, что он повернуться спиной к Англии.

А там гражданская война превратилась в вяло текущий процесс. Ни одна из сторон не могла достичь значительного успеха: в те времена искусство ведения войны концентрировалось вокруг захвата и обороны замков, и преимущество обычно оказывалось на стороне обороняющихся. В октябре 1147 г. скончался Роберт Глостерский. Упавшая духом Императрица в начале 1148 г. покинула Англию, чтобы никогда более не возвращаться.

В 1150 г. Готфрид Анжуйский объявил своего сына Генриха Плантагенета соправителем герцогства. На следующий год это соглашение было узаконено, когда Людовик VII (король Франции в 1137-1180 гг.), в обмен на уступки в Вексене, решил признать Генриха герцогом. Внешне это выглядело так, как если бы старая связь между Англией и Нормандией наконец распалась. Однако ни одна из борющихся сторон не оставляла своих притязаний, и если в Англии, казалось, дело зашло в тупик, то на континенте ситуация была на редкость переменчивой. Готфрид Анжуйский, не дожив до сорока лет, умер, оставив старшего сына управлять одновременно Нормандией и Анжу. В марте 1152 г. Людовик VII развелся со своей женой Алиенорой Аквитанской. Спустя восемь недель она вышла замуж за Генриха Плантагенета, который вследствие этого смог получить контроль над обширным герцогством Аквитанским в дополнение к другим своим континентальным владениям.

Брак Генриха Плантагенета был в политическом отношении чрезвычайно удачным, вместе с тем он вдохнул новые надежды и в Стефана. Людовик VII организовал мощную коалицию всех соперников Генриха. В итоге летом 1152 г. Генрих сражался одновременно на четырех фронтах – в Аквитании, в Нормандии, против мятежников в Анжу и против Стефана в Англии. Один хорошо информированный нормандский хронист повествует: накал страстей был таким, что Генрих не должен был выжить. В этот момент его решение отплыть в Англию и бороться со Стефаном произвело впечатление на современников своей

отчаянной дерзостью. Однако Генрих мало что мог сделать, чтобы разрешить ситуацию в Англии, и положение его было очень уязвимым из-за необходимости вести боевые действия в отдаленных друг от друга районах. Неожиданная смерть наследника Стефана – Эсташа в августе 1153 г. все изменила. Поскольку второго сына Стефана – Вильгельма не готовили к роли короля, открылся путь для соглашения путем переговоров.

Бароны, представляющие обе враждующие стороны, уже давно желали заключения мира. Земельные владения делали их слишком уязвимыми для опустошений, связанных с войной, чтобы они выступали в пользу продолжительных военных действий. Временами бароны игнорировали желания главных соперников и заключали перемирия между собой. Поэтому, когда Стефан и Генрих пошли навстречу желаниям своих советников, все вздохнули с облегчением.

По Вестминстерскому договору (декабрь 1153 г.) было установлено, что Стефан останется королем Англии до конца жизни и что он должен принять Генриха в качестве наследника. Второй сын Стефана, Вильгельм, должен был унаследовать все баронские земли отца. Это по сути было повторением мирных условий, предложенных Генрихом Блуаским в 1141 г. Неспособность Матильды быть великодушной в победе стоила стране еще двенадцати лет гражданской войны. Теперь наконец Стефан мог править всеми признанный, но он устал и прожил после этого недолго, не успев порадоваться достигнутому. Двадцать пятого октября 1154 г. он скончался и был погребен рядом с женой и старшим сыном в монастыре, который они основали в Февершеме.

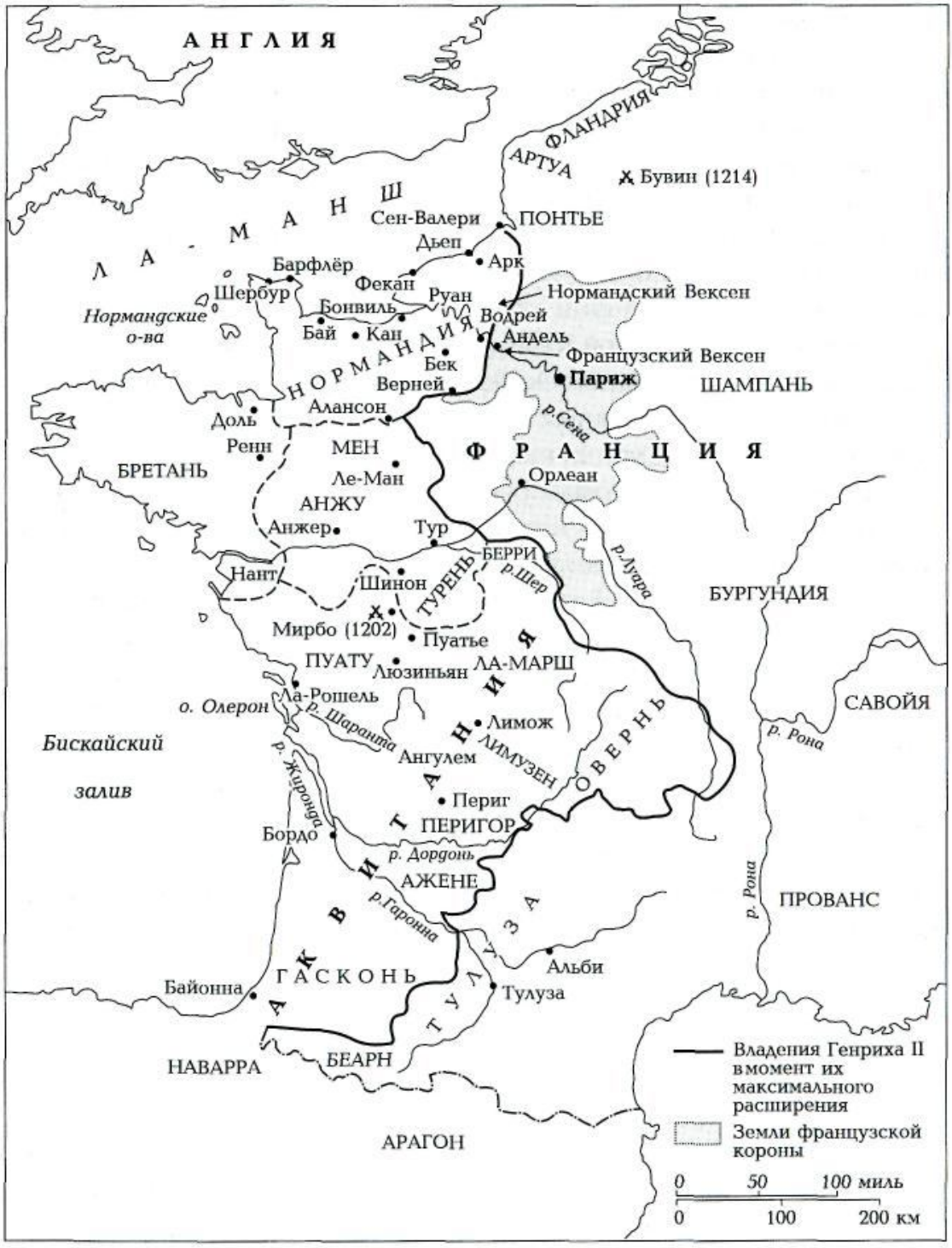
Стефан в определенной мере должен разделить ответственность за бедствия своего правления. Он был хорошим военачальником и смелым воином – но, возможно, слишком рыцарственным в ущерб собственному благу. Верно, что он столкнулся со спорным престолонаследием, но точно так же это было у всех его предшественников. Спорное престолонаследие являлось нормой. Стефан Блуаский был более привлекательной фигурой, чем любой из нормандских королей, но ему недоставало их властности. Без нее он не был способен доминировать ни над своим двором, ни над своим королевством. Кроме того, он провел очень мало времени в Нормандии: только один визит в 1137 г. за все его правление. Это заметно контрастирует с маршрутами передвижения его предшественников. Принимая во внимание своеобразную структуру англо-нормандской аристократии, владевшей землями по обе стороны Ла-Манша, подобное невнимание Стефана к нормандским делам было, очевидно, ошибкой. В этом смысле правитель из дома Блуа, можно сказать, потерпел неудачу. Он остался слишком «английским» королем, чтобы осознать, что Англия только часть великого целого.

Генрих II (1154-1189)

Генрих пришел к власти без особого труда. Это было первое бесспорное восшествие на английский трон за более чем сотню лет. Как повелитель империи, простиравшейся от шотландской границы до Пиренеев, потенциально он был самым могущественным правителем в Европе, более богатым даже, чем император Священной Римской империи, и совершенно затмевающим короля Франции – номинального сюзерена континентальных владений Генриха. Хотя Англия обеспечивала его значительным богатством, а также королевским титулом, сердце империи Генриха II Плантагенета располагалось не в Англии, а в Анжу – земле его предков.

В Англии первой его задачей было восполнить утраты, понесенные в царствование Стефана. К 1158 г. это было достигнуто. Самый драматический эпизод имел место в 1157 г., когда Генрих II использовал дипломатическое давление, чтобы вынудить молодого короля Шотландии Малькольма IV вернуть английской короне Камберленд, Уэстморленд и Нортумбрию. В Уэльсе, однако, Генрих обнаружил двух прочно укоренившихся правителей – Оуэна Гвинеддского и Риса Дехьюбартского, запугать которых было невозможно. В 1157 и 1165 гг. сила оружия Генриха оказалась бесполезной перед

сочетанием валлийской тактики партизанской войны и проливных летних дождей. После 1165 г. отношение Генриха к валлийским князьям стало гораздо более терпимым. Еще в 1155 г. он носился с идеей завоевания Ирландии. Однако продвижение в Ирландию началось только в 1169-1170 гг. – вначале некоторыми землевладельцами (lords) из Валлийских марок, а затем (в 1171-1172 гг.) самим Генрихом. Как явствует из этой долгой отсрочки, у короля были дела гораздо более неотложные, чем ирландский вопрос.



Континентальные владения Генриха II

Из тридцати четырех лет своего правления двадцать один год Генрих II провел на континенте. В плане социальном и культурном Англия и французские части анжуйского владения соотносились как тихая заводь с водным простором. Процветающие сообщества, которые располагались в долинах Сены, Луары и Гаронны, были центрами учености, искусства, архитектуры, поэзии и музыки. Аквитания и Анжу производили два важных предмета потребления, которые являлись ходовым товаром средневековой торговли – вино и соль. Их можно было обменять на английские ткани, и эта торговля должна была приносить значительную прибыль правителю, который управлял как теми, кто производил, так и теми, кто потреблял эти товары. Генрих II, будучи герцогом Нормандским, герцогом Аквитанским и графом Анжуйским, унаследовал притязания своих предшественников на власть над соседними территориями. Эти притязания привели к вторжению в Нант (1156), где он посадил графом своего брата Готфрида; к экспедиции против Тулузы в 1159 г., закончившейся захватом Кагора и Керси; к возврату нормандского Вексена в 1160 г. и, наконец, в результате повторявшихся после 1166 г. вторжений – к оккупации Бретани, герцогом которой стал сын Генриха II – Готфрид.

Однако по иронии судьбы Генрих более всего запомнился не благодаря этим своим успехам, но из-за его сомнительной роли в убийстве Томаса Бекета. В июне 1162 г. Бекет был посвящен в сан архиепископа Кентерберийского. По мнению достойных уважения людей Церкви, Бекет, который был канцлером с 1155 г., не заслуживал самого высокого церковного поста в стране. Он же вознамерился доказать изумленному миру, что является самым лучшим из всех возможных архиепископов. С самого начала Бекет шел своим путем, противостоя королю, который продвигал его главным образом из дружбы. Естественно, что вскоре Генрих начал вести себя как человек, которого предали. В середине XII в. отношения Церкви и государства «ощетинились» проблемами, которые ранее так или иначе решались людьми, настроенными благожелательно, но которые теперь могли вызвать яростное противоборство среди людей, настроенных на ссору. Генрих избрал вопрос о «преступных священнослужителях», чтобы свести счеты со своим архиепископом. Как и многим мирянам, Генриху не нравилось, что лица духовного звания, которые совершили уголовные преступления, могли избежать смертного приговора, добиваясь, чтобы их дело рассматривалось в церковном суде. На совете, проведенном в Вестминстере в октябре 1163 г., Генрих потребовал, чтобы лица духовного звания, совершившие уголовные преступления, быть лишены Церковью сана и переданы для наказания светским судам. В противовес этому Бекет призвал на помощь епископов, но, когда папа Александр III попросил Бекета занять более примирительную позицию, Генрих созвал собор духовных и светских сановников в Кларендоне (январь 1164 г.). Он сделал епископам ясное заявление об издавна сложившихся правах, ставящих королевскую власть над Церковью (Кларендонские постановления), и потребовал от епископов обещания добросовестно соблюдать эти обычаи. Застигнутый врасплох, Бекет спорил два дня, а затем уступил. Но остальные епископы последовали его примеру не ранее, чем Бекет раскаялся в своей слабости. Генрих, выведенный из себя, решил теперь уничтожить Бекета. Он призвал его предстать перед королевским судом и ответить на сфабрикованные обвинения в государственной измене. Архиепископ был признан виновным и приговорен к конфискации своих владений. Попав в безвыходное положение, Бекет бежал через Ла-Манш, взывая к папе. Настаивая вначале на принципе, а затем колеблясь, Бекет внес разлад в английскую церковь.

Следующие пять лет, когда Бекет находился в изгнании, Генрих II сосредоточился на делах более важных: была завоевана Бретань и приведена в порядок английская юридическая система. В 1169 г. вопрос о коронации наследника престола, принца Генриха, объявленной делом безотлагательным, привел к нескончаемым переговорам между королем, папой и архиепископом. В 1170 г. Бекет возвратился в Англию, решив наказать тех, кто в обход него принял участие в коронации юного короля. Враги Бекета не теряли времени даром, рассказывая Генриху о вызывающем поведении архиепископа. «Неужели

никто не избавит меня от этого неукротимого попа?» – эти слова Генриха, сказанные сгоряча, были слишком буквально поняты четырьмя его рыцарями. Желая снискать расположение короля, они отправились в Кентербери, и здесь 29 декабря 1170 г. Бекет был убит в своем собственном соборе. Это деяние шокировало христианский мир и обеспечило канонизацию Бекета в рекордно короткое время. В народной памяти архиепископ стал символизировать сопротивление деспотическому авторитету государства, но в действительности всем стало легче, когда он был устранен. После того как буря протеста утихла, стало очевидно, что власть короля над его обширной империей никоим образом не была поколеблена полемикой с Бекетом. В начале 70-х годов XII столетия Генрих II находился на вершине власти.

К этому времени он уже решил, что после его смерти его владения должны быть разделены между тремя старшими сыновьями. Старший – Генрих должен был получить наследство отца, а именно Анжу, Нормандию и Англию; Ричард – наследство матери, Аквитанию; Готфриду должна была достаться вновь приобретенная Бретань. Для младшего из сыновей Генриха – Иоанна на тот момент ничего не нашлось, но позже, в 1185 г., ему было даровано другое крупное приобретение отца – Ирландия. К тому времени планы раздела, вынашиваемые Генрихом, уже столкнулись с трудностями. Беда в том, что они вызывали ожидания, которые он не мог удовлетворить, пока сохранял всю реальную власть в своих руках. Начиная с 1173 г. строптивые сыновья докучали Генриху. Более того, мятежники всегда могли рассчитывать на теплый прием при дворе короля Франции. Это стало серьезным фактором после 1180 г., когда «тишайшему» Людовику VII наследовал его сын Филипп II Август – беспринципный политик, вознамерившийся разрушить Анжуйскую империю. Смерть двух сыновей Генриха II Плантагенета – молодого короля Генриха в 1183 г. и Готфрида в 1186 г. должна была упростить проблемы Генриха. Но он сам создавал себе трудности, выказывая явное предпочтение младшему сыну – Иоанну, что не могло не тревожить Ричарда. Союз Ричарда и Филиппа поставил Генриха на колени, и потерпевший поражение старый король умер в Шиноне 6 июля 1189 г.

Лишь в последние недели жизни задача управления необъятными территориями империи стала для Генриха слишком тяжелой. До этого он непрерывно скакал верхом из одного конца своей империи в другой, создавая впечатление, что он вездесущ, – впечатление, которое помогало держать людей в повиновении. Хотя службы центрального управления, королевский совет, канцелярия и вооруженная свита перемещались за королем повсюду, сама обширность империи неизбежно способствовала дальнейшему развитию местных администраций, которые могли бы заниматься повседневными делами юстиции и финансов в отсутствие короля. Таким образом, в Англии, как и везде, аппарат управления становился все более сложным и бюрократическим. Это обстоятельство вкупе с заинтересованностью Генриха в разумной реформе привели к тому, что его стали считать основателем английского общего права, великим и творческим королем. В глазах же самого Генриха все это были дела второстепенной важности. Действительное значение для него имела семейная политика, и он умер, полагая, что проиграл. Но надо признать, что в течение более чем тридцати лет ему неизменно удавалось добиваться успеха.

Ричард 1(1189-1199)

Союз Ричарда с Филиппом Августом означал, что положение Ричарда как наследника всех прав и владений отца неоспоримо. Иоанн оставался властителем Ирландии. Бретань, по истечении определенного времени, должна была перейти сыну Готфрида, Артуру (рожденному после смерти отца), которому в этот момент было два года от роду. Все остальное находилось в распоряжении Ричарда.

Однако Ричард не имел желания долго оставаться в Англии. В 1172 г. он стал герцогом Аквитанском и с этого времени проводил большую часть жизни на континенте. Даже став королем Англии, он был совершенно убежден, что управляет гораздо большим, чем

собственно Англия. Вследствие этого Ричард, как и его отец, имел более широкие интересы и больше обязанностей. Одним из проявлений этого была помощь, которую он оказывал Иерусалимскому королевству, управляемому представительницей младшей ветви Анжуйского дома, вышедшей замуж за одного из аквитанских вассалов Ричарда. В ноябре 1187 г., услышав о сокрушительном поражении крестоносцев от войск Саладина при Хиттине, Ричард принял крест. Задержанный на некоторое время участием в семейных распрях в конце царствования отца (1189), он, став королем Англии, твердо решил отправиться на Восток, как только соберет достаточно денег и организует надежное управление всеми своими владениями на период своего продолжительного отсутствия.

В июле 1190 г. Ричард и Филипп Август отправились в Третий крестовый поход. Вплоть до марта 1194 г. нога Ричарда не ступала на английскую землю. При этом он увел флот и армию для ведения боевых действий на противоположном от Западной Европы конце Средиземноморья. Хотя Ричард и не смог повторно захватить Иерусалим, он достиг удивительных успехов в борьбе против могущественного противника – Саладина. В крестовом походе Ричард разрешал гораздо более трудные проблемы материально-технического обеспечения, чем те, с которыми когда-либо сталкивались другие короли-воители Англии – Вильгельм I, Эдуард III или Генрих V. Договор в Яффе, заключению которого он способствовал, ведя переговоры в 1192 г., позволил государствам крестоносцев продержаться еще целый век.

Пока Ричард отсутствовал, участвуя в крестовом походе, в Англии в 1191 г. произошли волнения, но заранее предусмотренные им меры восстанавливали стабильное управление. Король Филипп, после своего возвращения во Францию, попытался извлечь выгоду из продолжавшегося отсутствия Ричарда, но безуспешно. Если бы последний возвратился из крестового похода, как он ожидал, в январе 1193 г., он бы нашел свою империю в целости и сохранности.

Ущерб интересам Ричарда был нанесен в то время, когда его удерживали в Германии в качестве пленника. Он находился в тюрьме более года (с декабря 1192 г. по февраль 1194 г.), причем в 1193 г. никто не мог бы поручиться, что он не останется в плену гораздо дольше. Но даже в этих неблагоприятных обстоятельствах представители Ричарда в Англии оказались способными сдерживать предательский мятеж его младшего брата. Реальные утраты были понесены на континенте, в частности в Нормандии, где Филипп совершил набег на Вексен и был близок к тому, чтобы захватить сам Руан.

Ричард был освобожден в феврале 1194 г. после уплаты 100 тыс. марок – первых двух третей королевского выкупа. После краткого визита в Англию (март-май 1194 г.) он возвратился на континент и следующие пять лет посвятил тяжелому труду по возвращению территории, утраченной, пока он был в заточении. К концу 1198 г. искусная дипломатия Ричарда, его замечательное полководческое искусство и прежде всего более значительные, в сравнении с его соперниками, ресурсы позволили ему добиться успеха в возвращении почти всего того, что было им потеряно. Однако в апреле 1199 г. Ричард умер от раны, полученной при осаде Шалюс-Шаброля (недалеко от Лиможа), где он был вовлечен в подавление восстания, возглавляемого графом Ангулемским и виконтом Лиможским. В борьбе представителей Анжуйской династии с Капетингами этому событию суждено было стать поворотным пунктом.

Одним из проявлений величия Ричарда была его способность выбирать министров, среди которых особенно выделялся Хьюберт Уолтер в Англии. Будучи юстициарием, архиепископом Кентерберийским и папским легатом, Хьюберт Уолтер выступал за гармоничное сотрудничество между королем и Церковью. В Англии, как и в других провинциях Анжуйской империи, во время длительных отлучек Ричарда эффективная машина центрального управления продолжала совершенствоваться под надзором Уолтера. Для подданных Ричарда это оборачивалось все более тяжелым налогообложением, но отнюдь не финансовые тяготы войны, как можно предполагать, поставили Анжуйскую империю на грань экономического крушения.

Иоанн (1199-1216)

Ричард не оставил законнорожденных детей, и, когда он умер, разные части Анжуйской империи выбрали разных преемников. Бароны Англии и Нормандии выбрали Иоанна; Анжу, Мен и Турень предпочли Артура Бретонского, которому тогда было двенадцать лет; Аквитания продолжала удерживаться – от имени Иоанна – его матерью Алиенорой (ум. 1204). К маю 1200 г. Иоанн вытеснил Артура и утвердился как властитель всех анжуйских владений, хотя это было достигнуто дорогой ценой – уступкой Вексена и Эвре королю Филиппу – по договору, заключенному в Ле-Гуле в январе 1200 г. В конце того же года был расторгнут первый брак Иоанна, и он женился на Изабелле Ангулемской. Итогом этого брака стало получение значительных стратегических преимуществ, и, если бы Иоанн предложил адекватную компенсацию ее бывшему жениху Гуго Лузиньяну, все могло бы обойтись. Но случилось так, что этот брак стал первым звеном в цепи событий, которые побудили Гуго обратиться к французскому двору, и Филипп объявил (1202) все континентальные владения Иоанна (земли, которые последний держал как феоды короля Франции) конфискованными. Но требовалось еще воплотить это решение в жизнь. В свое время, в 1152 г., Генрих II оказал сопротивление попытке Людовика VII привести в действие подобный вердикт. Однако в 1203-1204 гг. Иоанн потерпел поражение там, где его отец одержал победу. Своим бестактным обращением с ведущими баронами Анжу и Пуату он упустил все преимущества, которыми обладал, захватив своего племянника Артура в Мирбо (июль 1202 г.). Не лишенный оснований слух о том, что он несет ответственность за убийство Артура (апрель 1203 г.), еще больше подорвал его пошатнувшуюся репутацию. В атмосфере страха и подозрительности Иоанн не смог организовать эффективную оборону. В декабре 1203 г. он признал себя побежденным и удалился в Англию. Король Франции Филипп совершил набег на Нормандию, Анжу, Мен, Турень и на все Пуату, за исключением Ла-Рошели. Эти унизительные военные поражения доставили Иоанну новое прозвище. Прежде «Безземельный», отныне он был прозван «Мягкий Меч».

Вплоть до декабря 1203 г. Иоанн, подобно отцу и брату, проводил большую часть правления в континентальных владениях. После этой даты он стал, в силу обстоятельств, собственно английским королем. Со времени правления Стефана страна не имела возможности лицезреть своего государя столь долго, но от этого не было ни удовольствия, ни пользы от короля, который постоянно подозревал, что против него плетут заговоры. Бремя присутствия Иоанна ощущалось даже на Севере, где люди не привыкли к визитам королей Англии. Степень их недовольства может быть измерена количеством северян, противостоявших Иоанну в 1215-1216 гг. Без сомнения, Иоанн столкнулся с серьезными проблемами. Долг повелевал ему попытаться вернуть утраченное наследство, но военные события 1203-1204 гг. показали, что французский король стал теперь гораздо более значительным противником. Вследствие необычайно высокого уровня инфляции многие знатные роды и религиозные корпорации испытывали финансовые затруднения, но они нашли гораздо более легким порицать короля, чем понять подоплеку экономической ситуации. Дело в том, что инфляция приводила к тому, что реальные доходы короля падали. Чтобы компенсировать это, Иоанн чаще стал вводить новые налоги и ужесточил законы по управлению лесами (приносящий большую прибыль, но крайне непопулярный у населения источник дохода).

Иоанн также ссорился с Церковью. Выборы на кентерберийский престол в 1205 г., вокруг которых разгорелся спор, привели к конфликту с папой Иннокентием III. В 1208 г. Иннокентий наложил на Англию и Уэльс интердикт; все церковные службы были временно прекращены, и так продолжалось шесть лет. В 1209 г. сам Иоанн был отлучен от Церкви. Однако ни он сам, ни миряне в целом, кажется, не были очень озабочены таким положением дел. Ответом Иоанна на интердикт была конфискация имений Церкви, что даже помогло облегчить его финансовые проблемы. Но заговор баронов в 1212 г. и планы

короля Франции Филиппа пересечь Ла-Манш послужили Иоанну напоминанием о том, что отлученный от Церкви король особенно уязвим для восстания и вторжения. Поэтому он решил заключить с Церковью мир, чтобы развязать себе руки для борьбы с более опасными врагами. В мае 1213 г. Иоанн согласился держать Англию как феод от папства, чем на самом деле одержал над Иннокентием полную победу и заручился его поддержкой в грядущих битвах.

Теперь все было подчинено стремлению Иоанна вновь обрести утраченные земли. В 1214 г. он возглавил экспедицию в Пуату. Однако поражение его союзников в битве при Бувине (июль 1214 г.) имело следствием и провал его континентальной стратегии, и начало восстания в Англии. У восставших (как и у короля) тоже были серьезные проблемы. Лидерство в мятежах обычно осуществлялось недовольным членом королевской семьи. После устранения Артура у Иоанна таких соперников не было. Его собственные сыновья были слишком молоды. Единственным возможным кандидатом на английский престол был Людовик, сын Филиппа Августа, но капетингский принц едва ли был привлекательной альтернативой Иоанну. Поэтому восставшие сфокусировались не на смене короля другим претендентом, а на программе реформ. В июне 1215 г., после захвата Лондона, они вынудили Иоанна принять условия, изложенные в документе, впоследствии известном как Великая хартия вольностей (*Magna Carta*). По сути это был неприязненный комментарий по поводу самых ненавистных черт последних шестидесяти лет правления Анжуйской династии. Как таковая, она была совершенно неприемлема для Иоанна, который рассматривал соглашение, достигнутое в Раннимеде, только как средство выиграть время. Попытки воплотить Великую хартию в жизнь привели только к дальнейшим раздорам. В итоге восставшие вынуждены были пригласить на английский трон Людовика. В мае 1216 г. он вступил в Лондон. Когда в октябре 1216 г. Иоанн умер (вскоре после того, как утратил часть своего вещевого обоза в зыбучих песках в Уоше), страна раскололась надвое, и началась гражданская война, которая шла неблагоприятно для анжуйцев.

Иоанн обладал качествами, которые расположили к нему некоторых современных историков. Он проявлял пристальный интерес к деталям управленческого и юридического дела, хотя в его дни это мало принималось в расчет. Ошибочно считать его королем, вникавшим в дела управления более пристально, чем его предшественники. Сохранение канцелярских записей начиная с 1199 г. позволяет историкам видеть, как день за днем осуществлялось королевское управление. В итоге исследователи иногда формируют у читателей впечатление о необычайной компетентности Иоанна. На деле же он был очень несчастным королем, некомпетентным как раз в тех областях, где это действительно имело значение, а именно в управлении своими самыми могущественными подданными.

Генрих III (1216-1272)

Малый совет, который управлял от имени девятилетнего сына Иоанна, Генриха, вскоре достиг успеха в войне, как на суше (битва при Линкольне, май 1217 г.), так и на море (битва при Дувре, август 1217 г.), – успеха, которого не удалось добиться отцу Генриха. Потерпев поражение, те, кто поддерживали Людовика, постепенно от него отвернулись. В сентябре 1217 г. Людовик признал Ламбетский договор и ретировался во Францию.

Самостоятельно Генрих III начал править только с 1232 г. Периоды правления малолетних королей часто оказывались периодами политической нестабильности; но в случае с малолетним Генрихом III его окружение, и более всего Хьюберт де Бург, который осуществлял политическую опеку над юным Генрихом до его двадцатипятилетия, действовало на редкость успешно. Борьба за власть велась по большей части в зале заседаний Совета, призывы к оружию были редкими и кратковременными. Великая хартия была дополнена и вновь обнародована, став одним из шагов на пути к примирению. Но в силу того что члены (lords) Совета были сосредоточены на соперничестве друг с другом и на событиях в Англии и Уэльсе, они, естественно, меньше заботились о заморском

наследстве короля. Никто из них не владел поместьями в Пуату и Гаскони. В 1224 г. во время одной местной усобицы их старый капетингский враг, ныне король Людовик VIII, вторгся в Пуату, захватил Ла-Рошель и угрожал Гаскони. Экспедиция, предпринятая в ответ в 1225 г., консолидировала положение в Гаскони, но серьезной попытки получить Пуату обратно предпринято не было. Последующие экспедиции, в 1230 и 1242 гг., были более масштабными, но закончились бесславно. После 1224 г. из земель, которыми некогда владели во Франции предки Генриха III, оставалась только Гасконь. Результатом стало нарушение территориального баланса, который существовал в XII столетии. Некогда Англия была одной из провинций в пределах анжуйского пространства; теперь она стала бесспорным центром владений Плантагенетов. В конце концов, по Парижскому договору (1259) Генрих III отказался от своих притязаний на Нормандию, Анжу и Пуату и принес оммаж Людовику IX за Гасконь.

С точки зрения политического реализма Парижский договор был крупнейшим политическим успехом Генриха III. Но сам он тогда принял великодушные условия, предложенные Людовиком IX, с большим нежеланием и в надежде выпутаться из других своих затруднений. Главным среди них было то, что конфедерация самых могущественных магнатов в стране, связав себя клятвой, намеревалась поднять против него оружие. Генрих уже с 1233 г. время от времени сталкивался с оппозицией. То и дело яблоком раздора становился его выбор друзей и советников. На этих людей распространялась львиная доля покровительства короля. Проблема усугублялась тем, что многие его любимцы не были англичанами, – и это в то время, когда английская политика становилась все более «островной». Генрих был хорошим семьянином, счастливо женатым (с 1236 г.) на Элеоноре Прованской и готовым великодушно заботиться о родственниках жены. Позднее он радушно принял в Англии своих сводных братьев – Лузиньянов (детей матери от ее второго брака), когда их жизнь во Франции осложнилась. Однако с 1247 г. их присутствие в Англии постоянно отравляло политическую атмосферу.

Таким же противоречивым оказался план короля по обеспечению владениями его второго сына, Эдмунда. В 1252 г. папа предложил Генриху III Сицилийское королевство, и в 1254 г. последний принял его от имени Эдмунда. К несчастью, реально Сицилия удерживалась Манфредом – незаконнорожденным сыном императора Фридриха II Гогенштауфена. Генрих не только согласился финансировать завоевание острова, но также обещал уплатить долги папы, а папа, воюя с Манфредом, уже потратил уйму денег – около 135 тыс. марок. Это было абсурдное соглашение, и оно закончилось для короля плачевно: в 1258 г. бароны взяли управление из его рук и инициировали далеко идущую программу реформ, которая реализовалась, в ходе политической борьбы, вначале в «Оксфордских провизиях» (октябрь 1258 г.), а затем в «Вестминстерских провизиях» (октябрь 1259 г.). Но взятие власти из рук взрослого короля и передача ее выборному аристократическому совету были шагом революционным. Следующие пять лет Англия балансировала на грани гражданской войны. Когда весной 1264 г. война наконец разразилась, вопросы, поставленные на карту, свелись к одному: волен ли король выбирать иностранцев в качестве своих советников? По иронии судьбы человек, который был самым пылким приверженцем того, что советниками государя могут быть лишь бароны, действующие от имени «сообщества королевства», – Симон де Монфор сам был иностранцем по рождению. К этому времени Симон де Монфор уже достаточно долгое время являлся могущественным членом «сообщества»: с 1231 г. он был графом Лестерским, а с 1238 г. мужем сестры короля. В 1264 г. граф выиграл битву при Льюисе, но в следующем году сам потерпел поражение, был убит и растерзан в битве при Ившеме. В последние годы царствования Генриха III полное восстановление королевского авторитета сочеталось с признанием (в статуте Мальборо 1267 г.) того, что «обычаи королевства», включая обе Хартии свобод и даже некоторые из «Вестминстерских провизий», должны быть подтверждены. Чувствуя себя неуютно в этой атмосфере замирения, наследник английского трона Эдуард, победитель при Ившеме, отправился в крестовый поход, предоставив отцу спокойно

заниматься перестройкой Вестминстерского аббатства.

Эдуард 1(1272-1307)

В 1272 г. Эдуард I, возвращаясь из крестового похода, был на Сицилии, когда до него дошла весть, что отец его скончался и что он провозглашен королем. Эдуард возвратился домой неспешным шагом. В Париже, тщательно подбирая слова, он принес Филиппу III оммаж за свои земли во Франции: «Я приношу Вам оммаж за все земли, которые я должен держать от Вас». Затем он повернул на юг, к Гаскони, где провел 1273-1274 гг. В 1286-1289 гг. он вновь посетил Гасконь. Эдуард I был последним королем из династии Плантагенетов, который держал Двор в Бордо, и, когда в июле 1289 г. он его оставил, это означало конец эпохи. Однако историю английского правления в Гаскони никоим образом нельзя считать историей неуклонного упадка. К примеру, в 1279 г. французы наконец передали англичанам Аженэ, что они должны были сделать по условиям Парижского договора. Аженэ был процветающим краем виноградарства, и его передача еще более усилила быстро развивающиеся торговые связи между Бордо и Лондоном. Бордоские таможенные винные пошлины составляли в 40-х годах XIII в. всего 300 фунтов в год, а спустя шестьдесят лет – свыше 6 тыс. фунтов. В свою очередь гасконцы ввозили английские ткани, кожи и зерно. Взаимный интерес в расширяющейся торговле «скреплял» два сообщества.

В октябре 1274 г., вскоре после своего возвращения в Англию, Эдуард начал расследование деятельности как королевских, так и баронских должностных лиц. Как и в более ранних расследованиях подобного рода, это вскрыло огромное число недовольств. Стремясь исправить некоторые из вызвавших их причин, королевские советники, возглавляемые канцлером Робертом Бёрнеллом, принимали новые законы по широкому кругу вопросов. Но даже в самый активный период законодательства (1275-1290) не было предпринято попытки создать кодекс английских законов по образцу Кодекса Юстиниана, и статуты в равной мере касались как прав короля, так и свобод подданных.

С 1276 по 1284 г. предметом главной заботы Эдуарда I был Уэльс. Первоначально его план заключался в том, чтобы урезать владения Ллевелина ап Граффидда, а затем передать земли валлийского князя его братьям Дэфидду и Граффидду. Однако после победоносной кампании 1277 г. он навязал Уэльсу мирный договор, который валлийцы сочли унизительным, и Эдуарду не удалось дать Дэфидду вознаграждение, которого тот ожидал. В 1282 г. валлийцы восстали. В войне 1282-1283 гг. Ллевелин был убит, а Дэфидд захвачен в плен. Затем он был привлечен к суду и казнен как предатель, став первым с 1076 г., кто поплатился жизнью за мятеж. В отличие от кампании 1277 г. война 1282-1283 гг. велась как война-завоевание. Если принять во внимание огромное преимущество Эдуарда в ресурсах, это не было слишком сложной задачей.

В то время как завоевание Уэльса можно рассматривать как кульминацию боевых действий, которые велись между Англией и Уэльсом на протяжении столетий, отношения между королевствами Англии и Шотландии большую часть XIII столетия были исключительно хорошими. Но в 1286 г. шотландский король Александр III погиб, упав с лошади, и его единственная внучка Маргарет («Норвежская дева») была признана наследницей шотландского трона. Эдуард I предложил ей в мужья своего сына и наследника Эдуарда. Шотландские магнаты согласились на это предложение (Биргхэмский договор, июль 1290 г.), но в то же время они настаивали на том, что Шотландия должна сохранить собственные законы и обычаи.

К несчастию, шестилетняя Маргарет умерла на Оркнейских островах (сентябрь 1290 г.). Эдуард I воспользовался случаем, чтобы утвердить свой сюзеренитет и свое право выносить решение относительно претендентов на шотландский трон. Используя запутанность юридических доводов, он решил дело в пользу Джона Бэллиола. В день Св.Андрея в 1292 г. новый король был возведен на трон в Сконе. Вплоть до этого момента

действия Эдуарда оправдывались тем, что они были направлены на сохранение мира и порядка в Шотландии. Но начиная с этого момента его деспотическое отношение к шотландцам спровоцировало долгую и разрушительную войну.

Уэльс и марки

Уэльс XI столетия представлял собой группу небольших королевств, расположенных в горной стране. Эти королевства не имели четких границ. Они расширялись и сокращались в соответствии со сложившимся обычаем раздела наследства между сыновьями, а также с учетом политических амбиций и военной удачи отдельных правителей. Хотя традиционно английские короли провозглашали здесь свое полное верховенство, они не много делали для того, чтобы преобразовать этот неопределенный сюзеренитет в прочный военный и административный контроль. Вначале все это выглядело так, словно поток Нормандского завоевания Англии внес завоевателей прямо в Уэльс. Нормандским графам Херефорду, Шрусбери и Честеру было разрешено захватывать все, что они смогут. Но после периода быстрого продвижения в 1067-1075 гг. они обнаружили, что их проникновение в Уэльс замедлилось из-за особенностей рельефа местности. В итоге их колонизационные устремления долгое время ограничивались низменностями и долинами рек, особенно на Юге. Бывали периоды, когда валлийские князья перехватывали инициативу и вновь обретали контроль над прежде утраченными землями. Вплоть до правления Эдуарда I нормандское завоевание Уэльса не было завершено. Таким образом, на протяжении всего этого периода Уэльс оставался землей войны, землей замков. Валлийские князья и англо-нормандские землевладельцы (lords) приграничных территорий объявляли войны и заключали перемирия. Вследствие этого и те и другие обладали тем, что впоследствии законоведы назовут «суверенной» властью.

На протяжении большей части этого периода завоевание проводилось по частям, урывками и было делом, предпринимаемым и осуществляемым отдельными англо-нормандскими баронскими родами: Клэрами, Мортимерами, Лэси, Браозами. Захваченные ими земли в действительности были «частными» владениями, находящимися вне обычных рамок управления, принятого на территории Англии. Тем не менее эти роды оставались подданными английского короля, и время от времени им напоминали об этом самым бесцеремонным образом. В 1102 г. Генрих I разбил сыновей Роджера Монтгомери, графа Шрусберийского, и расчленил приграничную «империю» их отца. В 1208-1211 гг. Иоанн покончил с Вильгельмом де Браозом. Фактическая работа по завоеванию и колонизации была предоставлена землевладельцам приграничных областей, а общая стратегия оставалась в королевских руках. К примеру, именно короли определяли, какими должны быть отношения с местными князьями: дело, которое становилось все более жизненно важным, поскольку некоторые валлийские королевства были уничтожены, а выжившие становились все более консолидированными.

Ко второй половине XII столетия выделялись правители Дехьюбарта, в частности Лорд Рис, и властитель области Гвинедд. В XIII столетии два князя области Гвинедд – Ллевелин Великий и его внук Ллевелин ап Граффидд управляли при помощи силы и дипломатии, желая подчинить своей власти все остальные валлийские династии. Ллевелин ап Граффидд сумел даже убедить не расположенного к этому английского короля Генриха III признать в договоре Монтгомери (1267) как свои территориальные приобретения, так и свой новый титул – «принц Уэльский».

Однако судьба Уэльса была решена другим договором, скрепленным печатью восемью годами ранее. В 1259 г. по Парижскому договору Генрих III признал утрату большей части своих континентальных владений. Мир с Францией означал, что впервые английский король мог, если бы захотел, сконцентрировать внимание на своих британских соседях. Вслед за тем последовало завоевание Уэльса Эдуардом I и осуществлена обширная программа строительства замков. По Валлийскому статуту (1284) вновь обретенные земли

были разделены на графства по английскому образцу: Флинт, Энглси, Мерионет и Кэрнарвон. Что же касается валлийских законов и обычаев, то Эдуард провозгласил: «Некоторые из них мы уничтожили; некоторые мы разрешили, некоторые мы исправили, другие мы дополнили». В действительности это означало, что в Уэльсе было введено английское общее право.

В 1287 г. и 1294-1295 гг. в Уэльсе произошли восстания, но замки доказали свою эффективность. Флинт, Раддлэн, Эбериствит, Байлт, Конвэй, Кэрнарвон, Криккит, Харлех и Бьюмарис – звонкие названия, за которые было сполна заплачено звонкой монетой, потраченной на их строительство и содержание. Это была высокая цена, которую платил Эдуард I, чтобы застраховать свои завоевания от огня восстаний.

Контраст между постепенным завоеванием на юге и востоке Уэльса и быстрым захватом, который последовал за поражением, внезапно сокрушившим валлийцев на севере и западе, надолго оставил глубокую отметину на политической карте Уэльса. То, что было завоевано Эдуардом, большей частью сохранилось в руках Короны; остальное оставалось разделенным на многочисленные крупные владения, известные как Уэльская марка.

Что касается князя Ллевелина, попавшего в устроенную англичанами западню и убитого при Ирфон-Бридж в 1282 г., то ему суждено было стать культовой фигурой для некоторых валлийских националистов XX в.

Шотландия

В отличие от раздробленного Уэльса большая и богатейшая часть Шотландии, ее юг и восток, управлялись в XI в. одним королем, королем шотландцев. Со времен правления Этельстана король шотландцев время от времени признавал английский сюзеренитет – по мере того как усиливались связи между этими королевствами, или казалось, что они усиливались. С одной стороны, король шотландцев был слишком могущественным, чтобы опасаться вторжений, имевших характер «частного предприятия», наподобие продвижений англо-нормандских баронов в Уэльс или даже в Ирландию. С другой стороны, его земля была слишком бедной, а сам он находился слишком далеко, чтобы представлять большой интерес для английских королей. Кроме того, хотя успешную экспедицию против шотландцев начать было нетрудно, это повлекло бы за собой необходимость завоевания и осуществления контроля над отдаленной страной – двойную проблему, которая, казалась, да, наверное, и была, неразрешимой для королей, собственные базы которых находились в долине Темзы и еще дальше на юг.

Точно так же и шотландцам не было дела до англичан. За исключением временного успеха, когда король Давид (1124-1153) воспользовался гражданской войной времен правления Стефана, чтобы приобрести Нортумбрию (удерживалась шотландцами с1149 по 1157 г.), граница с Англией реально оставалась там же, где она была установлена в XI столетии. Гораздо более важным для шотландцев было расширение их королевства за счет включения в него далекого северного и большей части западного приморья (Кейтнесс, Росс, Морэй, Аргайл, Гэллоуэй). Кульминация этой экспансионистской политики наступила, когда король Норвегии по Пертскому договору 1266 г. уступил Шотландии западные острова. Шотландское продвижение на этом направлении было материально подкреплено стабильностью и последовательностью руководства, обеспеченного тремя сменявшими друг друга королями: Вильгельмом I (1165-1214), Александром II (1214-1249) и Александром III (1249-1286).

Территориальная экспансия в горных областях сочеталась с внутренним развитием на равнинной части страны. Здесь были основаны бурги, аббатства и соборы, построены замки и образованы королевские шерифства с целью сократить число административных единиц; королевские монетчики начали чеканить серебряные пенсы (эквивалентные английским стерлингам) и собирать таможенные пошлины. Браки, заключаемые правителями Шотландии, свидетельствуют о том, что в XII и XIII вв. эта страна все более выходила на

европейскую политическую сцену. Самым знаменательным во всех этих обстоятельствах было то, что они почти не влекли за собой войн. Перемен не предвиделось, пока кому-либо из английских королей не пришло бы в голову нереалистическое и честолюбивое желание завоевать Шотландию.

Управление

Сам король оставался важнейшей составной частью управления. Особенности его личности все еще имели большее значение, чем любой другой отдельно взятый фактор. Это хорошо заметно по тому контрасту, который отличает правление Эдуарда I от правлений его отца Генриха III и его сына Эдуарда II. Но, естественно, король не мог править в одиночку. Куда бы он ни направлялся, за ним следовало множество людей: придворные, должностные лица, слуги, торговцы, просители и прихлебатели всякого рода.

Ядром сопровождавших короля людей были те, кто служил в дворцовом хозяйстве. Частью это была разнообразная домашняя прислуга: повара, дворецкие, кладовщики, конюхи, те, кто ставил шатры, возчики и королевский постельничий. Здесь были также ловчие, наблюдавшие за организацией королевской охоты, псари, трубачи, лучники. Затем были люди, занимавшиеся в равной мере как политической и административной работой, так и обустройством королевского быта. Некоторые из них едва ли имели четко определенные функции. Канцлер отвечал за королевскую печать и клерков канцелярии. Казначей и камергеры смотрели за королевскими деньгами и драгоценностями. Коннетабли и маршалы несли ответственность за военную организацию. Но тем, кто служил королю в его дворцовом хозяйстве, как, впрочем, и ему самому, приходилось проявлять компетентность в любой области. Так, каждому придворному, занимающему сколько-нибудь значительный пост, к примеру управляющему, могло быть доверено решение существенных политических и военных задач.

Некоторые из этих должностных лиц были клириками. До 40-х годов XIV в. канцлера и казначея назначали из них. Но многие из должностных лиц были мирянами: камергеры, дворецкие, коннетабли, маршалы королевского двора одновременно выполняли административные функции на местах (были шерифами). Средневековые короли Англии не зависели от профессиональных чиновников в том, что касалось искусства администрирования, необходимого для управления страной. Не опирались они и на группу королевских должностных лиц, чьи интересы противостояли бы интересам крупных землевладельцев, магнатов. Напротив, самых могущественных баронов обычно включали в число придворных. Слуги в королевском доме в то же самое время были крупными землевладельцами и хозяевами в своих собственных домах. Через них и благодаря их влиянию авторитет Короны переносился на места. Эта неофициальная система власти часто усиливалась назначением членов королевского дома местными должностными лицами. При Вильгельме Рыжем Хэмо, занимавший пост мажордома, был шерифом Кента; Урс д'Абето являлся коннетаблем королевского дворца и шерифом Вустера. На протяжении XII и XIII вв. рыцари королевского дома продолжали выполнять функции шерифов.

Здесь, в королевском дворцовом хозяйстве, находилась главная пружина управления. Это так же верно для 1279 г., когда был принят Ордонанс по управлению этим хозяйством Эдуарда I, как и для 1136 г., приблизительной даты самого раннего из сохранившихся описаний королевского хозяйства – «*Constitutio domus regis*». Более того, нет причины полагать, что хозяйство, описанное в «*Constitutio*», разительно отличалось от хозяйства Вильгельма I или даже от хозяйства Кнута.

Подобным же образом королевское хозяйство являлось стержнем военной организации. Долгое время принято было считать, что армии времен Эдуарда I представляли собой, по сути дела, «вооруженных слуг королевского двора». Конница составляла профессиональную оперативную группу, способную быстро отреагировать, если беда приходила неожиданно. В случае большой военной кампании она могла быть быстро

увеличена в числе. Рыцари королевского двора часто назначались ответственными за мобилизацию и командование большими контингентами пехоты. Этим людям королевского дворцового хозяйства – *familiares*, ежегодно выплачивалось жалованье, а также ежедневные выплаты соответственно количеству дней, которое они прослужили. Это, как прежде принято было считать, являлось отдаленным отзвуком нормандского периода, когда армии были по сути «феодальным ополчением», составленным из определенного количества рыцарей, которых созывали крупные землевладельцы, собираясь выполнять воинскую службу для Короны. Но тщательное исследование более детальных свидетельств за период около 1100 г. показывает, что не только трудно обнаружить «феодальное ополчение» в действии, но также что все существенные черты системы, действовавшей в правление Эдуарда, были в наличии уже тогда. Черты эти можно перечислить: предварительные выплаты за будущую службу, ежедневные выплаты, система дополнительного набора войска, использование отрядов королевского войска одновременно как гарнизонов для ключевых замков и как основных полевых армий (состоявших из рыцарей и конных лучников), выполнение рыцарями королевского двора роли командиров вспомогательных сил. Нет оснований полагать, что задачи, которые выполняли хускерлы Кнута, были по существу другими.

В условиях мирного времени размеры королевского хозяйства из практических соображений сокращали; существовала верхняя граница размера королевского хозяйства в мирное время. Достаточно принять во внимание хотя бы проблемы транспортировки и обеспечения провизией. До некоторой степени помогало то, что маршрут передвижения королевского двора планировался заранее. Купцы знали наперед, где собирается быть Двор, и могли заранее прибыть туда со своими товарами. Но, несмотря на это, присутствие государя налагало почти нестерпимое бремя на любой район, через который он следовал. Потребности королевского хозяйства пагубно сказывались на местных запасах еды и ценах. Это создавало ситуацию, широко открытую для злоупотреблений. Вот, к примеру, как Эадмер, монах из Кентербери, описывал хозяйство Вильгельма Рыжего, короля, которого он не одобрял: «Те, кто посещал его двор, взяли за обыкновение расхищать и разрушать все на своем пути; они опустошали всю территорию, через которую проходили. Вследствие этого, когда становилось известным, что грядет король, все бежали в леса». В царствование Эдуарда I подобное сочетание планирования и грабежа все еще имело место. В официальном послании, извещавшем, что Эдуард намеревается провести Пасху в Ноттингеме, местное население просили соблюдать спокойствие, заверяя, что король удалится так же быстро, как придет.

Таким образом, король путешествовал непрерывно. И это было обусловлено как политическими причинами (чтобы сделать его присутствие ощутимым), так и причинами экономическими (чтобы его присутствие ощущалось не слишком долго). Сама протяженность владений представителей Анжуйской династии предполагала, что в этом отношении они должны были прилагать больше труда, чем их предшественники, хотя политические неудачи Иоанна должны были облегчить его заботы, связанные с поездками. После 1203 г. передвижения короля и его двора стали все больше ограничиваться Англией, а при Эдуарде I – также Северным Уэльсом. После 1289 г. ни один английский король не посещал Гаскони. В то же время дороги, ведущие в Лондон и из Лондона, постепенно стали играть все более важную роль. К 1300 г. маршрут королей уже не ограничивался, как это было во времена Иоанна Безземельного, неустанным движением от дворца к охотничьему домику в «центральном Уэссексе», сердце старинных владений королей Западного Суссекса.

В то время как политические и экономические соображения делали королевский двор мобильным, была и другая тенденция, характерная для этого периода, которая действовала в противоположном направлении: кажущееся неумолимым развитие бюрократии. Принимая во внимание практические ограничения, налагавшиеся на размер королевского хозяйства, представим себе, что бы произошло, если бы должностные лица, занимающиеся

делопроизводством и финансами короля, стали еще более многочисленными. Ясно, что не все из них могли бы путешествовать повсюду со своим государем. Некоторым было бы определено обосноваться в удобном месте. К 1066 г. так фактически и стало. Существовала постоянная королевская сокровищница в Винчестере, хранилище для фискальных записей и серебра, что требовало постоянного штата для охраны и надзора за всем этим. К 1290 г. было гораздо больше должностных лиц, не перемещавшихся вместе с королем (как клириков, так и мирян), – и располагались они в Вестминстере, а не в Винчестере. Но этот бюрократический рост не изменил основ политической жизни: король все еще странствовал, он еще брал с собой печать, секретариат и экспертов по финансам – и именно внутри этой мобильной группы, а не в Вестминстере, принимались важнейшие политические и административные решения. В 1290 г., как и в 1066-м, седло оставалось главным местом управления как во время войны, так и во время мира. Все еще не было столицы, но продолжал функционировать королевский путь.

Точно так же бюрократический рост не изменил того основополагающего момента, что политическая стабильность королевства все еще главным образом зависела от способности короля управлять небольшим, но невероятно могущественным аристократическим истеблишментом – как это явствует из событий правления Генриха III и Эдуарда II. На каких условиях крупные землевладельцы удерживали свои владения от короля? Можно предположить, что они, как и в англосаксонской Англии, служили и помогали королю. По существу это означало политическую службу, во времена войны – службу военную. При определенных обстоятельствах король мог попросить их оказать ему финансовую помощь. Вдобавок наследник крупного землевладельца должен был платить сбор, известный как *рельеф*, чтобы вступить в наследство. Если же наследник (либо наследница) не достиг еще определенного возраста, то король забирал его земельные владения под свою опеку, распоряжаясь ими во многом, как ему заблагорассудится (сообразуясь с определенными обычаями). При таких обстоятельствах король контролировал брак своего подопечного (или подопечной). Если же у крупного землевладельца не было прямых наследников, после его смерти вдова получала от государя определенное обеспечение, а ее повторный брак становился предметом контроля со стороны Короны – король мог даровать землю снова тому, кому хотел. Такая степень контроля над наследствами и браками богатейших людей в королевстве обеспечивала королю огромные возможности оказывать покровительство. Он имел в своем распоряжении не только должностных лиц, но также наследников, наследниц и вдов. К примеру, когда Ричард I давал в жены Уильяму Маршалу наследницу графства Пемброк, он на деле за ночь делал Уильяма миллионером. Ни один политический лидер в западном мире сегодня не обладает чем-то хоть отдаленно напоминающим власть патроната в руках средневекового короля. Неудивительно, что королевский двор был фокусом всей политической системы, беспокойным, живым, напряженным, фракционным местом, где мужчины (и немногие женщины) толкали и оттирали друг друга в отчаянных попытках попасться на глаза королю. Неудивительно, что литературным обычаем XII столетия было описывать жизнь придворного как сущий ад, но тем не менее, стоя у врат этого ада, сотни людей страстно желали туда войти. Таким образом, патронат был одной из козырных карт в руке короля. Все зависело от того, как он ею играл, и король, который разыгрывал ее плохо, вскоре обнаруживал себя в затруднительном положении.

Существенные черты этой системы патроната обозначались уже в правление Вильгельма Рыжего. Наличие такой системы еще более ясно вытекает из условий коронационной хартии, выпущенной Генрихом I в 1100 г. Столь же очевидно, что система патроната все еще существовала во времена Эдуарда I. Великая хартия вольностей прояснила ее и даже до некоторой степени модифицировала. К примеру, после 1215 г. баронские рельефы были зафиксированы в размере 100 фунтов. Тем не менее законами, управляющими наследством, опекой и заключением браков, все еще можно было манипулировать, приспосабливая их к личным пристрастиям короля, будь то обеспечение собственной семьи Эдуардом I либо обогащение фаворитов, как это имело место при Эдуарде II. Что менее ясно, так это то,

существовала ли уже эта система в 1066 г. Большая часть историков, возможно, сказали бы, что нет. Но важно учесть, что Кнут и, вероятно, Этельред Неблагоразумный (979-1016) уже давали обещания, весьма сходные с теми, что содержались в хартии 1100 г.

Покровительство, оказываемое королем, было делом прибыльным. Люди предлагали деньги, чтобы получить то, что король мог предложить: посты (от звания канцлера и далее по нисходящей), переход земельных владений по наследству, опеку над землей, опеку и выгодный брак, – или даже ничего более конкретного, чем просто королевская доброжелательность. Все это можно было приобрести за определенную цену, и о цене приходилось договариваться. Речь идет о сфере, где король мог надеяться собрать много денег, последовательно осуществляя все более выгодные для себя сделки. По этой причине любой документ, который говорил государю о том, сколь богаты его подданные, представлял для него значительную ценность. «Книга Страшного Суда» служила именно таким источником сведений, и она показывает, что половина богатства всей страны была в руках менее чем двухсот человек. Налагая на этих людей тяжелые штрафы, когда они испытывали политические затруднения, либо предлагая им то, что они хотели, хотя и за определенную цену, король нашел практический способ выкачивать из богатых больше денег. Конечно, информация должна была обновляться, и на протяжении XII и XIII столетий Корона находила пути обеспечить это. К примеру, один из сохранившихся документов, вышедших из-под пера администрации Генриха II, озаглавлен просто восхитительно: «Перечень дам, мальчиков и девочек». Вот почему враждебному наблюдателю, такому, как Гиральд Камбрейский, король представлялся «грабителем, постоянно рыщущим, во все вникающим, всегда выискивающим слабое место, где для него есть чем поживиться». Гиральд говорил о положении дел во времена Анжуйской династии, но есть и другие примеры: Люси, овдовевшая графиня Честерская, предложила Генриху I 500 марок за привилегию оставаться одной в течение пяти лет. Тот факт, что большая часть влиятельных людей в королевстве была почти постоянно в долгу, давал королям мощный политический рычаг – один из тех, которые они регулярно использовали. Так, в 1295 г. Эдуард I использовал угрозу взимания долга, чтобы вынудить группу не расположенных к этому магнатов отправиться в Гасконь.

Самый ранний сохранившийся детальный отчет о королевских доходах – Казначейский свиток 1129-1130 гг. – показывает, насколько доходным мог быть патронат. В этом финансовом году, как было записано, Генрих I собрал порядка 3600 фунтов от соглашений такого рода, т.е. около 15% его зафиксированного дохода и больше, чем он получил от налогообложения. Но арифметика Казначейского свитка говорит нам еще о кое о чем. В 1129-1230 гг. общая сумма, которая должна была быть собрана по соглашениям, заключенным в этом и предшествующих годах, составляла почти 26 тыс. фунтов, т.е. в действительности было собрано только 14% этой общей суммы. Уильям де Понт дель Арш, например, предложил 1000 марок за камергерство и в 1129-1130гг. уплатил 100 марок. Это означало, что если король был доволен поведением Уильяма, то уплата последующих взносов могла быть отложена или прощена. Ожидание того, что казна не будет слишком тяжело давить на должников, поощряло людей давать больше. Но человек, который переставал быть фаворитом, обнаруживал, что должен платить немедленно – либо попадет в беду. Такова, к примеру, была участь, постигшая Уильяма де Браоза в правление Иоанна. Другими словами, собирание только небольшой части причитающейся суммы не было показателем хронической неэффективности правительства, но скорее было дальнейшим усовершенствованием бесконечно гибкой системы патроната.

Властные короли всегда запускали руки в карманы подданных. Эдуард I был известен как *Le Roi Coveytous* («алчный король»), точно так же как Вильгельм I «превыше всего ставил алчность». На более абстрактном уровне уже в начале XII столетия утверждалось, что королевская власть может измеряться в финансовых параметрах. По словам Ричарда Фитцнила, епископа Лондонского, казначея Англии и автора «Диалога о казначействе», работы, датируемой 70-ми годами XII в., «власть государей колеблется в соответствии с

отливом и приливом их наличных ресурсов». Казначейский свиток 1129-1130 гг.– запись отчетов, представленных в казначейство шерифами и другими должностными лицами за эти годы, – показывает казначейскую систему уже активно работающей по принципам, описанным в «Диалоге». Но сама по себе финансовая система к моменту создания Свитка, очевидно, уже функционировала. В широком смысле ежегодные взносы шерифов в казну – это англосаксонская система. В 1066 и 1086 гг. взносы со стороны некоторых крупных королевских маноров все еще производились натурой. К 1129-1130 гг. широко распространился переход на денежную ренту, выплачиваемую взамен выплаты натурой. Это было в русле общеевропейского развития. Чем больше поступления от шерифов делались наличными деньгами, тем сильнее ощущалась необходимость в способе быстрого проведения расчетов в фунтах, шиллингах и пенсах, которым легко было бы пользоваться. Таким способом служила разграфленная в клетку (*chequered*) скатерть (откуда происходит само слово «казначейство» – *exchequer*) – служила как упрощенные счеты, на которых королевский расчетчик (*calculator*) подводил итоги, передвигая фишки с клетки на клетку, как крупье. Самые ранние ссылки на казначейство датируются начиная с 1110 г. Дважды в год группа самых могущественных и облеченных доверием людей в королевстве собиралась для того, чтобы озвучить отчеты шерифов. Когда король был в Нормандии, они могли собираться в качестве вице-королевского комитета «при казне», действовавшего в отсутствие короля. Надо полагать, что таким же образом составленный комитет собирался с той же целью, когда Кнут был в Дании.

Но это всего лишь догадка. Только когда мы достигаем 1129-1130 гг., возможна некоторая степень точности. Но и здесь мы должны быть осторожны. Записи казначейства – свитки – почти ничего не говорят относительно тех сумм, которые поступили в казну и были израсходованы. Очевидно, эти суммы не могут быть ныне определены, хотя с точки зрения того факта, что казначейство было финансовым органом странствующего королевского двора, похоже, они были велики. К примеру, было установлено, что к 1187 г. Генрих II уплатил 30 тыс. марок в качестве своей лепты для очередного похода на Иерусалим, хотя в свитках периода его правления нет никакого следа этих денег. При отсутствии записей казначейства за XII в. нелегко оценить весь королевский доход. Таким образом, низкий показатель итоговых сумм в свитках за первые годы правления Генриха II мог быть отражением нового королевского предпочтения к финансам казначейства – предпочтения, очень естественного для анжуйского государя, все предки которого прекрасно управляли без казначейства. В конце концов, когда дело дошло до чеканки монеты, анжуйцы ввели свою практику как в Англии, так и в Нормандии. Но, каковы бы ни были трудности реконструкции, анализ единственного сохранившегося свитка периода правления Генриха I, без сомнения, показателен.

В 1129-1130 гг. в казну поступило 22865 фунтов. Из них почти 12 тыс. фунтов шло в рубрике «Земельные и сопутствующие доходы». Только около 3 тыс. фунтов могут быть отнесены к налогообложению; почти вся эта сумма (около 2500 фунтов) была данью («*датскими деньгами*») – так обыкновенно в XII столетии назывался королевский налог. Следующие 7200 фунтов могут быть отнесены к доходам, поступавшим от феодальных землевладельцев и от королевской юрисдикции: они включали около 1000 фунтов, полученных за церковные вакансии, 2400 фунтов от судебных штрафов и 3600 фунтов от ранее упомянутых соглашений. Таким образом, свыше половины зафиксированного дохода шло с земли, около трети – от феодальных землевладельцев и от юрисдикции и только порядка 13% – от налогообложения. Если мы сравним это с состоянием королевских доходов в первые годы правления Эдуарда I, то обнаружатся некоторые важные различия. Грубо говоря, земля давала примерно треть целого; феодальные землевладельцы и юрисдикция в лучшем случае могли дать менее 10%, в то время как налогообложение (включая таможенные пошлины) – половину общей суммы. Земля, власть и юрисдикция стали относительно менее важными, в то время как роль налогообложения возросла. Даже допуская вероятность того, что доходы от налогообложения в 1129-1130 гг. были гораздо

меньше, чем обычно (поскольку королевский налог оказался единственным налогом, взимаемым в тот год), это широкое обобщение имеет право на существование.

Хотя королевские земли в 1130 г. были очень доходными, сравнение с «Книгой Страшного Суда» позволяет предположить, что их ценность уже понижалась. В 1086 г. весь зафиксированный объем доходов, поступавших с королевских земель и бургов, составлял почти 14 тыс. фунтов, в то время как к 1129-1130гг. он понизился до 10700 фунтов. Фонд королевских земель, по всей видимости, сокращался быстрее, чем пополнялся за счет конфискаций и возвращений Короне выморочных земель. Короли должны были жаловать землю могущественным людям. Они поступали так, чтобы вознаградить и поощрить преданность себе, особенно в начале своего правления, когда они сталкивались с проблемами спорного престолонаследия. Этот процесс сокращения фонда королевских земель продолжался, но до некоторой степени компенсировался попытками управлять королевскими землями более эффективно. Степень успешности таких управленческих реформ, начатых при Хьюберте Уолтере, а затем продолженных министрами Иоанна Безземельного и Генриха III, может быть оценена тем фактом, что Эдуард I все еще довольствовался доходом с земли в 13 тыс. фунтов в год. Принимая во внимание инфляцию предшествующих 150 лет, это означает, что реальный доход от данного источника был гораздо меньше, чем в 1129-1130 гг. (Так, 20 тыс. фунтов при Генрихе I, вероятно, являлись большей суммой, чем 40 тыс. фунтов при Эдуарде I.)

Королевский налог (гайда – единица земли, с помощью которой определялся размер налога) и фискальный механизм, посредством которого он собирался, – все это дальнейшие примеры тех прав, которые нормандские короли унаследовали от англосаксов. Даже если с гайды уплачивалось по 2 шиллинга, и королевский налог составлял только 10% зафиксированного дохода Генриха I, это была, очевидно, важная статья королевского дохода. К 1129-1130 гг. королевский налог стал ежегодным; время от времени его могли взимать в большем размере (а освобождение от налога могло дароваться как проявление политической благосклонности, усиливая лук королевского патроната еще одной тетивой). Но Генрихом II налог был собран только дважды: в 1155-1156 и 1161-1162 гг. Вместо него он развивал другие сборы: «помощь» рыцарей (*скутаж*, оцениваемый исходя из размеров рыцарских ленов) и «помощь» бургов и городов (*таллаж*, определяемый исходя из размеров движимой собственности). Ко времени правления Иоанна скутажи и таллажи, собираемые с рыцарей, бургов и городов, составляли более или менее ежегодный налог, который адекватно компенсировал финансовые потери Короны, вызванные отмиранием королевского налога. Но он еще не исчез. Под новым названием «каррукаж» (или «плуговой сбор») и с измененной суммой обложения он был возрожден и четырежды взимался между 1194 и 1220 гг.

К этому времени, однако, правительство открыло новую и в целом более продуктивную форму налога, определяемого не по размеру земли, а на основании оценки доходов человека и его движимой собственности. Вероятно, имея в качестве прообраза церковную десятину, он был собран в 1166, 1185 и 1188 гг. для благочестивой цели – финансовой поддержки Святой земли. Иоанн, очевидно, собирал этот налог на движимость в 1207 г., а возможно, и в 1203 г. Отчет о его взимании в 1207 г. сохранился, и цифры, которые этот отчет демонстрирует, удивительны. Взимаемый в размере одной тринадцатой доходов, он дал не менее 60 тыс. фунтов – сумма, намного превышающая поступления от других налогов. (Однако в 1194 г. этот же самый налог взимался в размере четверти доходов – самая тяжелая ставка в долгой истории этого налога, обусловленная необходимостью внести выкуп за Ричарда.) В середине 90-х годов XII в. была введена первая национальная система таможенных пошлин. Можно предположить, что за счет этих новых форм обложения королевские доходы в период правления Ричарда и Иоанна достигли новых высоких уровней. К 1213-1214 гг. Иоанн собрал порядка 200 тыс. марок. Но эти крупные накопления вскоре были потрачены. То были годы войны, Третьего крестового похода и защиты Анжуйской империи. Окончательный провал Иоанна Безземельного в 1214 г. стал

прелюдией длительного периода относительного мира. Только в 1294 г. английский налогоплательщик снова обнаружил, что он платит за главную европейскую войну.

В XIII в. появились еще два важных нововведения – развитие налогообложения духовенства и установление системы таможенных пошлин. С 1199 г. с Церкви стали собирать подоходный налог, который был навязан папой. Первоначально предполагавшийся для финансирования крестовых походов, он впоследствии использовался для множества «добрых дел» – как это определялось папой. Так, в 1217 г. Гонорий III повелел епископам и прелатам помочь малолетнему королю Генриху III. Начиная с этого времени от Церкви часто требовали субсидировать короля, в особенности если он принял крест, как это сделал Генрих III в 1250 г. и Эдуард I в 1287-м. В 1291 г., к примеру, Эдуард получил не менее 100 тыс. марок из суммы папского налога в пользу крестового похода. К середине XIII столетия уже стало ясно, что английская церковь была готова оказывать финансовую помощь королю, хотя, естественно, собрания духовенства торговались относительно сумм и использовали возможность своих встреч для обсуждения других дел, которые, как они полагали, нуждались в исправлении. Неудивительно, что Генрих III пошел дальше и в 1254 г. обратился к духовенству за субсидией в обход папы. Этот прецедент был повторен в 1269 г. и затем еще трижды при Эдуарде I (1279/1280, 1283 и 1290 гг.), в годы, предшествующие 1294 г.

Таможенная пошлина в периоды правления Ричарда и Иоанна была военной мерой. Взимание ее прекратилось, когда в 1206 г. Иоанн Безземельный искал примирения с Филиппом Августом. Значение пошлины на экспорт шерсти, введенной в 1275 г., заключалось в том, что она стала постоянным добавлением к королевским доходам мирного времени. Доход, приносимый ею, варьировался соответственно тому, сколь удачно шла торговля шерстью. Но при ставке, оговоренной в 1275 г., – полмарки (6 шиллингов 8 пенсов) за тюк – это дало приблизительно от 8 тыс. до 13 тыс. фунтов за год (в годы, предшествующие 1294 г.). Обе эти новые меры – папское налогообложение английской церкви и пошлина на шерсть – имели отношение к присутствию в Англии итальянских торговых кампаний и банкирских домов. С одной стороны, папство в XIII в. действовало как международная финансовая корпорация благодаря вездесущим итальянским дельцам. С другой стороны, финансовый кредит стал играть все более значительную роль в управлении. Долг Эдуарда I Риккарди из Лукки за 1272-1294 гг. в целом составил около 400 тыс. фунтов; 48% этого долга было выплачено из пошлин, полученных от торговли, в которую во все большей степени вовлекались итальянцы. Короли, конечно, делали займы и прежде. В 50-х годах XIII в. Генрих III был должен Риккарди свыше 50 тыс. фунтов; в 50-х годах XII в. Генрих II брал займы у фламандского дельца Виллема Каде для финансирования создания Анжуйской империи. Но что было характерно для конца XIII столетия, так это одновременно увеличение масштаба операций и связь между кредитом и таможенными пошлинами. В сравнении с суммами, полученными из этих новых источников, суммы от традиционных сборов, скутажей, таллажей и «помощи» рыцарей едва ли были достойны того, чтобы их собирать, и они постепенно вышли из употребления.

Система таможенных пошлин 1275 г. была одобрена в Парламенте после дискуссии между советниками короля и купцами. Для всех этих налогов было характерным то, что для их взимания требовалось чье-либо согласие: либо со стороны папы, либо со стороны купцов, либо со стороны духовенства, либо со стороны страны. В противоположность этим новым налогам земля, власть и юрисдикция были прерогативами короля, приносящими ему доходы, для получения которых не требовалось собраний влиятельных людей для одобрения их ввода в действие. Фактически все влиятельные люди обладали сходными правами (хотя и в меньшем масштабе) и, надо полагать, воспринимали их как само собой разумеющееся – пока ими не злоупотребляли, В то время как 85% зафиксированного дохода Генриха I приносили земли, власть и юрисдикция, аналогичные доходы обеспечивали менее 40% поступлений при Эдуарде I. Чем выше становилась доля королевского дохода, получаемого от налогообложения, тем настоятельнее обнаруживалась

необходимость в политических механизмах, которые позволяли бы достичь согласия между королем и влиятельными людьми королевства. Этот процесс сопровождается ростом представительских институтов; введение налога на движимость в Англии означало возрастание роли Парламента.

В ходе долгих лет, последовавших за 1214 г., когда Англия не вела войн за пределами страны, налог на движимость лишь время от времени становился ресурсом Короны. Война велась от случая к случаю, а другие приемлемые оправдания для налога находились редко, поэтому согласие по поводу сбора налогов достигалось по отдельным случаям – очевидно, не так часто, как хотелось бы Генриху III. Однако семь разовых сборов налогов на движимость между 1208 и 1293 гг. продемонстрировали большой потенциал данного налога: лишь один разовый сбор одной пятнадцатой доходов в 1290 г. принес свыше 116 тыс. фунтов. Как было получено согласие на этот экстраординарный налог? Советники короля Эдуарда I должны были создать прецедент. Надо полагать, они указали на расходы в связи с недавним пребыванием короля в Гаскони (1286-1289) и его предстоящим участием в крестовом походе; возможно, они с таким же успехом могли подчеркнуть, что в интересах христианского благочестия он пожертвовал прибыльным источником дохода, решив изгнать евреев (хотя к 1290 г. еврейское сообщество было так сильно выжато королевскими финансовыми поборами, что мало что могло дать). Но для кого советники короля создали прецедент? Они создали его для людей, которые представляли «сообщество королевства». В первую очередь это были крупные землевладельцы – разряд влиятельных людей, которые всегда посещали главные политические собрания, будь то англосаксонские, нормандские или анжуйские. Ассамблея 1290 г. – Парламент, как она теперь называлась, – заседала с апреля по июль и за первые десять недель рассмотрела большое количество дел, включая некоторые важные законы. В середине июля прибыла другая группа людей – рыцари графства. Но меньше чем через неделю Парламент был распущен. Почему рыцарей так поздно пригласили принять участие его в заседаниях? Потому, что магнаты не были склонны одобрить налог. Они согласились на него, но «только постольку, поскольку им дали право это сделать». Однако магнаты отнюдь не были против того, чтобы заниматься другими видами парламентской деятельности: юридической, политической, законодательной. Другими словами, они все еще адекватно представляли «сообщество королевства» в большинстве областей – но не в тех случаях, когда на повестке дня стояло налогообложение. С конца XII в. короли всё больше привыкали вступать в соглашения с отдельными общинами графств, поэтому логично было потребовать, чтобы эти местные сообщества выбирали людей, говорящих от их имени, в тех случаях, когда король желал собрать ассамблею, представляющую все королевство. Собрания магнатов были усилены таким путем с 50-х годов XIII в., и постепенно рыцарям, йоменам и горожанам, которые представляли графства и *боро*, – общинам – была предоставлена более значительная роль. Как явствует из записей Парламента 1290 г., такое развитие стимулировалось главным образом потребностью короля в налогообложении.

Был ли этот процесс результатом также социальных изменений? Было ли это «подъемом джентри» в XIII столетии, означавшим, что традиционные политические установления должны быть видоизменены? Имели ли джентри теперь большее значение на местах, – в таком случае, если бы короли желали, чтобы их нужды лучше воспринимались, а их налоги собирались более эффективно, они должны были бы предложить джентри место на главном политическом форуме королевства. Это непростые вопросы. На них трудно ответить утвердительно, некоторые историки доказывают, что, напротив, XIII столетие было периодом кризиса для рыцарского класса. Одна из проблем нам уже знакома: растущий объем свидетельств. Мы знаем гораздо больше о джентри XIII в., чем об их предшественниках. Но искал ли Симон де Монфор и его соратники в 1258-1265 гг. поддержки у джентри более усердно, чем это делали Иоанн Безземельный и восставшие бароны в 1212-1215гг.? Великая хартия вольностей содержит статьи, которые адресованы более широким социальным группам, чем бароны, но то же самое можно сказать о

Коронационной хартии Генриха I. К кому обращался Эдуард Исповедник, когда в 1051 г. решил не собирать *херегельд*? Ни в XII в., ни в англосаксонские времена общество не состояло только из баронов и крестьян. В конце XIII в. рыцари графств относились к тому разряду людей, которые всегда посещали большие политические собрания. Действительно, они прибывали тогда не сами по себе, а в свитах магнатов, но именно в этом своем окружении проницательные магнаты находили своих лучших советчиков и, надо полагать, к ним прислушивались. Иначе говоря, рыцари поначалу не посещали эти собрания официально, они просто приходили туда под другими предлогами. Возможно, политические перемены, проявлениями которых стали более сложные представительные институты XIII столетия и усиление роли налогообложения в доходах Короны, все еще не выходили за рамки общества, в основе которого лежала социальная преемственность.

Закон и правосудие

Начиная с правления Генриха II, королевские судьи начали проводить выездные заседания на местах (*ассизы*) столь часто, что стало возможным говорить о применении по отношению ко всей стране «общего права», обычаев королевского двора, как описано в таких трактатах, как «Глэнвилл» и «Брэктон». При предшествующей системе местные суды применяли местный обычай. Королей, конечно, и раньше считали ответственными за закон и порядок. В частности, от них ожидалось, что они занимаются особо тяжкими преступлениями и рассматривают апелляции королю, но, пока регулярная машина правосудия не была создана, их деятельность в этой области могла быть только спорадической. Они вмешивались, когда в судебные дела оказывались вовлечены влиятельные люди; кроме того, короли время от времени начинали кампании против краж, особенно кражи скота. В этом отношении англосаксонская система правосудия пережила Нормандское завоевание. Изменения были произведены актом 1166 г., принятым на судебном заседании в Кларендоне («Кларендонская ассиза»), и усилены актом 1176 г., принятым на судебном заседании в Нортгемптоне («Нортгемптонская ассиза»). Эти судебные заседания вводили регулярные меры для того, чтобы королевские судьи могли осуществлять судебные разбирательства по делам тех, кто подозревался в совершении особо тяжких преступлений. Вначале судьями у Генриха II были просто люди, которым король доверял. Это могли быть графы, бароны, епископы, аббаты либо советники из королевского хозяйства – именно та категория людей, которых ранее короли посылали с особыми поручениями для суда или расследования. Самым крупным и знаменитым из таких расследований было составление «Книги Страшного Суда». Для таких людей участие в судах было только одной из многочисленных задач – административных, дипломатических и военных, которые они решали от имени короля. Но введение частых выездных судебных заседаний увеличивало объем юридической работы, и к концу XX в. мы можем выделить группу людей, по большей части мирян, которые специализировались в юридическом деле и фактически являлись профессиональными судьями. Это были, конечно, суды низшей инстанции, касавшиеся менее серьезных проступков, но «профессиональные» суды все больше доминировали в этой области. Они не были облечены полномочиями на нововведения, в то время как король мог объявлять и объявлял те или иные виды деятельности противоправными. К примеру, заговор как преступление был «открыт» в 1279 г., когда Эдуард I повелел выездным судьям провести расследование деятельности баронов, вступивших друг с другом в соглашение с целью не дать свершиться правосудию. Поскольку королевские суды занимались не только преступлениями, но и спорами относительно собственности, они определенно воспринимались как исполняющие полезную службу. Великая хартия вольностей (*Magna Carta*) критиковала многие аспекты королевского управления, но не этот. Она лишь настаивала на том, чтобы королевские судьи посещали каждое графство четыре раза в год – гораздо чаще, чем это было возможно на практике.

Судьи были людьми, искушенными в законах. Будучи учеными, они, естественно, реагировали на изменения в подходах и в идеях, преобладавших среди просвещенных людей. Одно из таких изменений состояло в усилении сознательного подхода к интеллектуальным проблемам с позиций разума – подхода, воплощенного в изречении Петра Абеляра: «Сомневаясь, мы приходим к исследованию; исследуя, мы приближаемся к постижению истины». Примененное к закону, это изречение могло обнаруживать далеко идущие смыслы. Например, если вина или невиновность подозреваемого не могла быть легко определена, веками принято было посылать его на «суд божий» (*ордалия*), обычно состоявший в испытании каленым железом или водой. Такая система работала достаточно хорошо, пока люди в нее верили (она полагалась на тот же психологический механизм, который использует и современный детектор лжи), но была уязвима для сомнений. Если невиновный человек начинал сомневаться в эффективности ордалии как средства, с помощью которого Бог докажет его невиновность, тогда он, скорее всего, не выдерживал испытания. Однажды возникнув, эти сомнения не могли утихнуть. Вначале они казались шокирующими – например, когда они были высказаны Вильгельмом Рыжим, – но в конечном счете стали привычными. Наконец, в 1215 г. папа Иннокентий III запретил участие духовных лиц в ордалиях, и, по крайней мере, для Англии, это означало, что система перестала существовать. После начального периода замешательства разбирательство путем испытания (ордалия) было заменено судебным процессом. К тому времени этот способ уже использовался с некоторым успехом при разрешении споров относительно владения землей. В 1179 г. Генрих II повелел, чтобы в случаях, касающихся прав собственности, ответчик мог выбрать процесс по суду, а не «поединок» – способ, который был введен в Англии нормандцами и действенность которого, подобно ордалиям, была уязвима для сомнения. Но данное правило применительно к уголовному правосудию подразумевало, что процесс мог состояться лишь в том случае, если обвиняемый выбирал тот или иной его вид. Поэтому нередко на него оказывали сильное давление. По статуту 1275 г. обвиняемый подвергался «длительному и жесткому заключению», до тех пор, пока он не выбирал процесс. В результате многие люди умирали в тюрьме, но, поскольку они не были осуждены, их собственность не переходила к Короне. По этой причине некоторые предпочитали скорее умереть, чем рисковать судебным разбирательством. Такое право выбора просуществовало вплоть до XVIII столетия.

Вначале, и в частности в тяжбах относительно собственности, судьи были призваны разрешать простые вопросы, на которые они, скорее всего, могли знать ответ. Проблемы возникли, когда судьи столкнулись с более сложными случаями, и когда на смену ордалиям пришел судебный процесс. В отличие от Бога (к решению которого апеллировали ордалии) судья не был всеведущим. Поэтому были сделаны попытки вычленить наиболее сложные моменты каждого данного спора, чтобы выделить определенный вопрос, который судья, как можно было ожидать, справедливо решит. Но для того чтобы сделать это удовлетворительно, требовались специальные знания и мастерство; другими словами, нужны были профессиональные юристы. И таким образом в ходе XIII столетия развилась профессия юриста, со своими собственными школами, литературой и языком (law French).

Несмотря на все эти перемены, во многих существенных, фундаментальных отношениях продолжали процветать англосаксонские подходы к правосудию. В англосаксонский и англо-нормандский периоды серьезные проступки подпадали под разбирательство, которое заканчивалось тем, что виновная сторона платила пострадавшему или его семье компенсацию. Новый механизм правосудия, установленный представителями Анжуйской династии, имел тенденцию налагать наказание без компенсации. Во многих тяжких преступлениях, таких, как убийство, ранение и изнасилование, отсутствие компенсации казалось пострадавшей стороне недопустимым. Поэтому, несмотря на впечатление, создаваемое авторами таких трудов, как «Глэнвилл» и «Брэктон», которые хотят заставить нас поверить, что новые принципы эффективно заменили старые, на самом деле старые формы правосудия, по-видимому, сохранились. Они были приспособлены и привиты к

новым формам правосудия. Это означало, что те, кто обладал средствами, избегали наказания, но платили компенсацию пострадавшему или его родственникам, в то время как те, кто не мог, пожинали последствия.

Церковь и религия

«Книга Страшного Суда» предполагает, что деревенский священник считался обычно членом крестьянского сообщества. Церковь, в которой он служил, принадлежала местному землевладельцу. Если поместье было разделено, то доходы церкви, которые поступали с этого поместья, тоже могли быть разделены. Во многих отношениях деревенский священник разделял образ жизни обычного крестьянина. Очень непохоже, чтобы он был холостяком; на самом деле он, вероятно, бывал женат и вполне мог наследовать свое положение от отца. Обрисовав эту типичную ситуацию, можно только восхититься безрассудством тех реформаторов XI столетия, которые стремились уничтожить как светский контроль над Церковью, так и семейную жизнь духовенства. Поощряемая папой кампания в пользу реформы достигла Англии в 1076 г. В последующие десятилетия она постепенно усиливалась и в конечном счете даже имела своего рода успех. К концу XIII в. женатое духовенство было исключением. С другой стороны, множество лиц духовного звания – включая некоторых самых высокопоставленных – продолжали иметь любовниц. Уолтер Ленгтон из Ковентри, обвиненный в удушении мужа своей любовницы, и Роберт Барнелл, казначей Эдуарда I, которого король дважды пытался перевести из Бата и Уэллса в Кентербери, имели своими прототипами Ранульфа Флембарда из Дарема и Роджера Солсберийского за двести лет до того. В плане светского патроната и семейных связей в церковной жизни мало что изменилось. Как тогда говорили, «Бог лишает епископов сыновей, но дьявол дает им племянников».

Однако даже ограниченный успех кампании против браков духовенства знаменателен, принимая во внимание, сколь безрезультатными были постановления по этому вопросу на протяжении семи сотен лет начиная с IV в. Он может быть поставлен в связь с общим улучшением образования в XII и XIII столетиях. Если общество в целом стало более грамотным, то духовенство могло более охотно рекрутироваться из мирян; оно перестало быть тем, к чему уже очень близко подошло, – наследственной кастой. Чем больше людей посещало Школу, тем больше они учились знать, а некоторые из них – уважать древний закон Церкви. Очевидно, есть основание верить, что в Англии XIII в. более высокая пропорция населения придерживалась целибата, чем это было в XI столетии. Просто было гораздо больше людей, которые приняли обеты целомудрия. Повсюду в Европе монашество процветало, и Англия не была исключением. В 1066 г. в стране было порядка 50 обителей и, возможно, 1000 монахов и монахинь. К 1216 г.– приблизительно 700 обителей и около 13 тыс. монахов, монахинь, каноников и канонисс. Век спустя в целом было приблизительно 900 обителей и 17500 членов религиозных орденов. В контексте общего утроения населения эти цифры впечатляют. Но даже они не дают представления о том, до какой степени религиозная жизнь обогатилась и стала более разнообразной. В XI в. все обители были по своему типу бенедиктинскими. К середине XIII столетия существовало не только несколько сотен бенедиктинских общин, но и определенное количество новых орденов, из которых мужчины или женщины могли выбирать, – обычные каноники, цистерцианцы, гилбертины (единственный чисто английский орден), тамплиеры, госпитальеры, картузианцы, доминиканцы, францисканцы, кармелиты и августинцы. Здесь было представлено почти все мыслимое разнообразие религиозной жизни: сельской, городской, созерцательной, аскетической, активной. Большая часть тех, кто вступал на религиозное поприще, теперь делали это в силу собственного выбора. Старые бенедиктинские общины пополняли ряды своих монахов главным образом за счет детей из аристократических семей, отданных (согласно принесенным обетам) для воспитания в обители. С середины же XII в. те, кто вступал как во вновь основанные, так и в старые

монашеские ордены, были в основном людьми взрослыми. Цистерцианцы, которые установили новые нормы приема в монастыри, запретили вступление в них для тех, кто был моложе шестнадцати лет, и настаивали на годичном послушничестве. Призывники были заменены добровольцами.

В течение XII столетия английская церковь установила диоцезную и приходскую организацию, в рамках которой ей суждено было существовать веками. В последний раз новые диоцезы были созданы в Или (1108) и Карлайле (1133). Диоцезы были разделены на архидиаконства, а архидиаконства – на сельские деканства. В нормандский период, как и прежде, новые приходы создавались почти что по желанию – по воле местного землевладельца. Но затем подобная практика стала затрудненной. Территориальная организация Церкви застыла в том состоянии, в каком она находилась в XII в. Это произошло не потому, что демографический и экономический рост уменьшился. Напротив, продолжали основываться новые поселения, а старые поселения расширялись, Дело в том, что развитие канонического права и папской юрисдикции было направлено преимущественно на защиту многочисленных имущественных прав Церкви, закрепленных законом. Возвышение фигуры юриста, само по себе явившееся результатом перемен в одних сферах жизни, затруднило изменения в других сферах. Реальная проблема нехватки священников возникла в городах. Епископы бились над ее решением, но большая часть их усилий была сведена на нет собственническими интересами патронов – как людей Церкви, так и мирян. В XIII столетии решение было найдено, но понадобилось радикальное нововведение, новая форма религиозной жизни, чтобы реализовать его.

Эта новая форма была обеспечена монахами нищенствующих орденов – кочующими миссионерами, международная организация которых была способна перешагнуть через границы диоцезов и приходов. Первыми нищенствующими монахами, прибывшими в Англию, были доминиканцы. Они прибыли в страну в 1221 г. и направились в Оксфорд. Тремя годами позднее прибыли францисканцы. Первые мужские монастыри были основаны ими в Кентербери, Лондоне и Оксфорде. Кармелиты и нищенствующие августинцы прибыли в 40-х годах XIII столетия. К 1300 г. нищенствующие монахи основали в Англии порядка 150 обителей.

Прибытие монахов нищенствующих орденов, как и развитие канонического права, – это движение, которое отражало одно из основных условий существования английской церкви. Хотя ее растущее материальное благосостояние прочно коренилось в английской почве, в своей духовной, интеллектуальной и корпоративной жизни как Церкви она была только частью латинского христианского мира. Это было в особенности верно для периода с конца XI в. и позднее. Англосаксонская церковь всегда была открыта континентальным влияниям, но тот факт, что после 1066 г. она стала французской по языку и строго латинской по своему учению, подчеркивает ее рецептивность. Еще более важным было григорианское движение за реформу и связанное с ним развитие канонического права и папской юрисдикции над всей латинской церковью. Требование *libertas ecclesiae*, привилегированной свободы Церкви, со стороны реформаторов, бесспорно, имело ряд драматических последствий; но в конечном счете оно оказалось недостижимым. Реально свобода Церкви была связана с привилегиями и с тем, что она продолжала обладать большим корпоративным богатством. Короли же и другие светские патроны не могли позволить себе отказаться от некоторых из своих властных функций, в частности от власти назначать епископов, Даже если к XIII в. при достижения своих целей приходилось иметь дело с юридическим механизмом Римской курии. К этому времени находящегося в распоряжении Церкви духовного оружия, отлучения от Церкви и интердикта, в конечном счете было уже недостаточно для того, чтобы удержать светскую власть. Более того, это оружие духовной власти Церкви из-за частого употребления уже изрядно притупилось. В тех сферах, которые имели реальное значение для светского мира, не только патронат, но также война, турниры, деловая практика, героические дни григорианской реформы постепенно, на протяжении XII и XIII столетий, уступили место периоду приспособления.

Но в чем реформаторам сопутствовала удача, так это в воплощении теории папского главенства над Церковью в реальную централизованную систему управления. Духовенство научилось до удивительной степени точно исполнять то, что приказывал ему папа. Так, когда Иннокентий III, в ходе своей ссоры с королем Иоанном, наложил на Англию интердикт, духовенство повиновалось. Шесть лет, с 1208 до 1214 г., двери церквей были закрыты и миряне были ограничены в существенных для каждого христианина вещах. Им было отказано в причащении святым дарам, церемонии венчания и погребении в освященной земле. Даже когда папа начиная с 1199 г. повелел облагать Церковь налогом, духовенство роптало, но платило. С 1228 г. можно проследить непрерывный ряд папских сборщиков церковных налогов, постоянно проживавших в Англии. Они носили титул *нунция* и почти все были итальянцами. Здесь тоже имело место приспособление: чтобы завоевать одобрение короля Англии, к 1300 г. Церковь пошла на то, чтобы именно государь получал львиную долю дохода от сборов в пользу Церкви.

На протяжении этого периода христианство католического толка оставалось общепризнанной религией страны. Это воспринималось как должное. На протяжении шести лет, когда церкви были закрыты, едва ли раздавался ропот общественного протеста, но при этом не наблюдалось и подъема интереса к другим религиозным верованиям. В XII и XIII вв. ересь была не большей угрозой для английской церкви, чем в XI столетии. В данном отношении Англия отличалась от многих частей Европы. На протяжении этого периода в стране было совсем немного нехристиан – евреев, – но их положение всегда было ненадежным, временами мучительным, а в 1290 г. они были изгнаны, чему большая часть христиан была рада.

Экономика

Основной абрис английской экономики в 1086 г. ясно возникает из повторяющихся, лаконичных фраз «Книги Страшного Суда». Это была главным образом экономика аграрная. Свыше 90% населения проживало в сельской местности и зарабатывало свой хлеб насущный и эль, используя ресурсы земли. Земля уже была плотно заселена – порядка 13 тыс. поселений имели названия, и большая их часть имела при себе возделываемые земли. В 1086 г. под плугом было уже 80% всех земель, исчисленных в акрах, которые распахивали в 1914 г. Пастбища, леса и болота также использовались. Большая часть людей занимались сельским хозяйством и рыболовством. Ни торговля, ни промышленность не могли предложить другого, более значимого типа приложения труда. Статистика «Книги Страшного Суда» – хотя ее надо использовать так же осторожно, как и любую другую статистику,– может помочь дополнить картину. Люди, называемые *вилланами* (*villani*), составляли самую многочисленную группу (41% всего зафиксированного населения). Их земельные владения составляли около 45% всей используемой земли. Следующую по численности группу (32%) составляли люди, известные как *бордеры* (*bordars*), или *коттеры* (*cottars*); они держали только 5% земли. Таким образом, хотя существовали значительные индивидуальные вариации, ясно, что мы имеем дело с двумя различными группами: теми, кто имел солидную долю в деревенских полях, и теми, кто владел едва ли более чем домиком и прилегающим к нему садом. Кроме того, было еще 14% населения, которые описываются как *фримены* (*free men*) или *сокмены* (*sokemen*). Хотя они держали пятую часть земли, они, по всей видимости, принадлежали, говоря языком экономическим, к той же категории, что и вилланы. Наконец, были *рабы* (*slaves*), 9% зафиксированного населения, которые земли не держали.

На другом конце социальной лестницы находились король и небольшая группа могущественных людей – все они являлись *рантье*, которые жили на доходы от своих больших земельных владений. Менее двухсот представителей светской знати и приблизительно сотня церковных феодалов (епископств, аббатств и монастырей) делили между собой около трех четвертей всех богатств страны, означенных в «Книге Страшного

Суда». Эти люди – в юридической терминологии они были известны как королевские держатели – имели собственных арендаторов. Состоятельный барон, такой, к примеру, как Уильям де Уоррен, жаловал держания стоимостью около 540 фунтов с владения, оцениваемого на сумму свыше 1150 фунтов. Некоторые из этих субарендаторов фигурируют в описании как рыцари, а их владения – как рыцарские лены. (Хотя многие рыцари были не богаче самых богатых вилланов, они жили в более тесной связи со своими землевладельцами (lords) и поэтому принадлежали к другой социальной группе.) Остальные владения королевских держателей – примерно между половиной и тремя четвертями – сохранялись землевладельцем в качестве домена. И от этих домениальных земель землевладелец получал главную часть своего дохода и продуктов. Монастырское хозяйство, сосредоточенное в одном месте, нуждалось в регулярных поставках продуктов питания, но другие крупные землевладельцы, более склонные к перемене мест, вероятно, были больше заинтересованы в деньгах. Поэтому львиная доля домениальных владений сдавалась в аренду в обмен на денежную ренту – это называлось «сдавать в обработку» (farmed). Бóльшая часть тех, кто арендовал землю, происходила из того же самого разряда людей, что и держатели рыцарских ленов; вместе они составляли землевладельческий «средний класс» – джентри.

Что произошло в английской экономике спустя двести лет после 1086 г.? Даже принимая во внимание значительную продолжительность этого периода, можно доказать, что во многих фундаментальных отношениях мало что изменилось. В 1286 г. Англия была не более урбанизированной, чем в 1086 г. Действительно, стало больше городов, и они стали крупнее, но одновременно увеличилось и население страны. Без сомнения, имели место удивительные успехи в кораблестроении – непрерывный процесс, присущий развитию Северной Европы начиная с VIII в. Для данного периода самым важным было усовершенствование *кога* – просторного, короткого и широкого корабля большой грузоподъемности, с рулем (ахтерштевнем) и глубокой осадкой. Усовершенствования в конструкции кога делали более рентабельной морскую торговлю, долгое время связывавшую восточное побережье Англии со скандинавским миром, а западное – с Атлантическим побережьем Франции. Надо полагать, что объем торговли шерстью, тканями, строевым лесом, соленой рыбой и вином возрастал, и доходы купцов, скорее всего, также увеличивались. Однако в Англии не произошла та революция в сфере торговли, в развитии банков и улучшении условий кредитования, которая состоялась в Италии XIII в. Одним из последствий этой относительной отсталости было то, что в XIII столетии все большая часть английской зарубежной торговли оказывалась в руках итальянцев. Резервы ликвидного капитала, которыми обладали итальянские компании, позволяли им предлагать привлекательные условия. Они могли не только купить у аббатства целый настриг шерсти за текущий год; они могли купить ее за годы вперед. Ссужая крупные суммы Генриху III и Эдуарду I, итальянские компании приобретали королевское покровительство и защиту. Реально экономика Англии конца XIII в. может рассматриваться как частично развитая. Большая часть операций по импорту и экспорту велась иностранцами (гасконцами и фламандцами, а также итальянцами). Главными предметами английского экспорта было скорее сырье – шерсть и зерно, а не промышленные товары. Иными словами, промышленной революции не было.

На протяжении этого периода основные отрасли производства оставались теми же: производство тканей, строительство, горное дело и работы по металлу, добыча соли и рыбный промысел. Более того, несмотря на встречающиеся иногда утверждения относительно сукновален, значительного продвижения в промышленной технологии не было. Не было ничего, что можно было бы сравнить с высококапитализированным развитием фламандского производства ткани в XII и XIII столетиях. С другой стороны, растущий спрос фламандцев на английскую шерсть способствовал сохранению положительного баланса торговли, что на протяжении рассматриваемого периода обеспечивало приток драгоценных металлов в слитках, достаточный для того, чтобы

поддерживать качество серебряного пенни на хорошем уровне. (Надо заметить, что в более быстроразвивающихся и высокомонетизированных регионах в качестве мелких разменных денег чеканили монету гораздо худшего качества. В этом смысле английская экономика также претерпела относительно мало изменений.)

Впрочем, сельскохозяйственной революции тоже не было. Несмотря на то что такие специалисты по управлению поместьем XIII в., как Уолтер Хенли или Генрих Истрийский, подходили к своей работе с рациональной и научной точки зрения, существовавший в хозяйстве того времени уровень технического оснащения не давал возможности добиваться значительного увеличения производительности ни в поголовье овец, что могло бы выразиться в увеличении настрига овечьей шерсти, ни в урожайности зерновых. Хотя использование лошади как тяглового животного распространялось, это не имело большого значения. Главные проблемы заключались в способе посева, жатвы и в сохранении плодородия почвы, а не во вспашке земли. Было неэкономично сеять и жать вручную, и на это уходило много времени. Мергель и большая часть других типов удобрений были либо дороги, либо недоступны. Только навоз обычно имелся в наличии и использовался широко и систематически. Однако высокая стоимость вскармливания отар овец и стад других животных в зимний период лимитировала количество навоза, который мог быть получен. И до тех пор пока не было кардинальных улучшений на первой стадии производства – а их не было, – улучшения на второй стадии производства, к примеру внедрение ветряных мельниц около 1200 г., могли иметь лишь второстепенное экономическое значение. Таким образом, во многих отношениях английская экономика оставалась застойной. Более того, можно показать, что по сравнению с некоторыми своими соседями, особенно с Фландрией и Италией, Англия в XIII в. была менее развитой, чем в XI столетии.

Однако при этом следует пояснить, что в одном жизненно важном отношении имело место кардинальное изменение. К концу XIII столетия в Англии проживало гораздо больше людей, чем в 1086 г., – несмотря на то, что мужчины и женщины были знакомы с *coitus interruptus* (прерванным половым сношением) как методом контроля над рождаемостью. Невозможно сказать точно, сколько всего было людей в стране. Оценка величины народонаселения во времена «Книги Страшного Суда» – задача крайне трудная. Большая часть историков определяют ее в диапазоне между 1,25 и 2,25 млн человек. Оценка количества населения в конце XIII в. еще более рискованна. Некоторые историки заходят так далеко, что называют цифру 7 млн. Другие – слишком ее занижают, оценивая численность населения в 5 млн человек. Но почти все соглашаются в том, что население более чем удвоилось, и допускают, что, возможно, оно утроилось. Кажется правдоподобной гипотеза о медленном росте населения с XI в. (или, возможно, с X в.), после чего, с конца XII в., последовало ускорение. Но рост народонаселения варьируется не только во времени, он варьируется и в пространстве, что совершенно очевидно. Так, население Северного Ридинга в Йоркшире за двести лет, прошедшие после 1086 г., выросло примерно в двенадцать раз. Повсюду же, и в частности в тех областях, которые были уже относительно плотно заселены ко времени составления «Книги Страшного Суда» (т.е. в областях, расположенных вдоль южного побережья и в некоторых частях Восточной Англии), рост народонаселения был гораздо менее значительным (хотя он был высоким, например, в илистом поясе вокруг Уоша).

Каковы были экономические последствия этого роста населения? Лучше всего они могут быть выражены фразой: «экспансия без роста». Иначе говоря, непосредственным следствием стало физическое расширение зоны заселения и возделывания земель. Распространение новых поселений было делом несложным. Мы располагаем множеством свидетельств того, что современный человек склонен был бы назвать прогрессом. Города процветали. Их главной функцией являлось играть роль местных рынков. В тех случаях, когда нам известен род деятельности обитателей городов, можно констатировать преобладание торговли продовольствием и продуктами ремесла (кожевенное дело, металлообработка и производство тканей). Даже для больших городов (а по европейским

меркам, в Англии был только один действительно большой город – Лондон, считавшийся в 1334 г. вчетверо богаче его ближайшего соперника Бристоля) торговля с дальними странами и торговля предметами роскоши оставались менее значимыми. Возрастающая плотность сельского населения создавала его излишек, в результате чего города увеличились как в размерах, так и по количеству их жителей. С 1100 по 1300 г. было основано порядка 140 новых городов, и, если только нас не вводят в заблуждение свидетельства, наибольшее их число появилось между 1170 и 1250 гг. Это такие города, как Портсмут, Лидс, Ливерпуль, Челмсфорд, Солсбери. Они были основаны главным образом местными землевладельцами, которые рассчитывали извлечь в результате дополнительную прибыль в виде денежных рент и пошлин. Некоторые города были расположены там, где можно было воспользоваться экономическими преимуществами, связанными с распространением морской торговли, так как с появлением крупнотоннажных судов морские порты (такие, как Бостон, Кингс-Линн и Гулль – все вновь основанные) функционировали эффективнее, чем порты, расположенные в нижнем течении рек (такие, как Линкольн, Норвич и Йорк).

В сельской местности также иногда видна рука планировщика, в частности в деревнях регулярной формы, расположенных в тех северных областях, которые были оставлены в запустении норманнами. В уже густо заселенной Восточной Англии деревни перемещались на новые места, расположенные вдоль края общинной земли, надо полагать, для того, чтобы не застраивать хорошие пахотные земли.

Но одно дело найти место, где жить, и совершенно другое – вырастить достаточное количество пищи. В общем, расширение обрабатываемой земли происходило не столько благодаря созданию новых поселений, сколько в результате локального увеличения пашен вокруг существующих центров. Огромные земельные площади были расчищены, осушены и возделаны на месте лесов, болот и на нагорьях. Некоторые из них располагались на потенциально хорошей почве; классический пример этого – илистый пояс вокруг Уоша. Но бóльшая их часть, подобно расчищенным в суссекском Вельде, всегда оставались скудными. Происходило «перемещение на окраины» – люди продвигались к границам, до которых простиралась культивация, к землям, маргинальным по своим характеристикам: их отдача едва ли стоила затраченного труда. Людей гнала на окраины настоятельная потребность в пропитании, прежде всего в хлебе, в сравнении с которой другие острые потребности – в топливе и строительном лесе – отходили на второй план.

Естественно, были предприняты попытки более интенсивно возделывать наличные пахотные земли. В XIII в. стала шире применяться трехпольная система вместо двухпольной. Это означало, что под паром каждый год оставалась лишь треть земли, а не половина. Но более интенсивное использование земли требовало, если земледелец хотел сохранить плодородие почвы, более интенсивного применения удобрений. К сожалению, расширение пахотных земель шло иногда за счет как лесов, так и пастбищ, что могло отразиться на поголовье домашнего скота и, соответственно, на количестве навоза. Это, в свою очередь, могло приводить к истощению почвы и скорее к понижению, чем к повышению урожаев. Падали урожаи к концу XIII в. или нет, ясно одно: если физический предел возделывания земли был достигнут, а население продолжало расти, то либо нужно было ввозить больше продовольствия, либо должен был снизиться средний уровень жизни. Свидетельств того, что возрастал импорт зерна, нет. Если уж на то пошло, скорее имела место обратная тенденция. Английские торговцы зерном охотнее доставляли его на крупнотоннажных судах в такие регионы, как Фландрия, Гасконь и Норвегия, где производство товаров, или специализация, достигли более высокого уровня, чем в Англии, и где региональная экономика была приспособлена к ввозу основных продуктов питания в обмен на ткани, вино и на то, что давали лесные промыслы. При отсутствии данных о ввозе зерна в Англию имеются многочисленные записи, касающиеся земельных владений в XIII в., которые показывают, что средний размер участков держателей земли сокращался. В этот период рост населения приводил к уменьшению количества земли на душу населения.

Несмотря на мрачность этой картины, многие жители деревни XIII в. могли быть более состоятельными, чем их предшественники во времена «Книги Страшного Суда». Они почти не страдали от разорения, которое обычно сопровождает войны. Никто из них не был рабом. Рабство – следствие экономики, характеризующейся нехваткой трудовых ресурсов. Но поскольку население, а отсюда и спрос на труд возрастали, постольку рабство приходило в упадок. Действительно, многие из жителей деревень в XIII в. были сервами (или вилланами). Число их, возможно, достигало половины всего населения Англии. Во времена же «Книги Страшного Суда» такие категории крестьянства, как вилланы и коттеры (три четверти внесенного в список населения), были свободными. Но, хотя вилланы и коттеры были свободными в той степени, в какой они не были рабами, ясно, что они не были свободными в полной мере, – поскольку существовала еще одна, немногочисленная категория населения (всего 14% тех, кто был охвачен переписью), определяемая в «Книге Страшного Суда» как фримены (free men). Что осложняло жизнь вилланы и коттерам, так это то, что их землевладельцы тоже были свободными, а кроме того, обладали еще и властью. Они были вольны манипулировать обычаем, чтобы навязать как можно больше тягот, и в период относительной нехватки рабочих рук это, похоже, оборачивалось тяжелым режимом трудовых повинностей. В такие времена землевладельцы не соглашались платить заработную плату на уровне, устанавливаемом рынком. Только когда спрос на трудовые ресурсы возрос, они начали взимать повинности в других формах. В XII в. многие держатели вместо отработок должны были уплачивать денежную ренту. В этот период становится важным, как той или иной обычай был закреплен в законе. В десятилетия, предшествующие 1200 г. и следующие за ним, королевские судьи сформулировали правила, определявшие, кто имел право разрешать свои споры в королевских судах, а кто нет. Они решили, что те, кто имел такое право, были «свободными», те же, кто его не имел, были «сервами» (т.е. принадлежали к категории зависимых крестьян). Такая классификация, поделившая общество на две категории, делала зависимой и юридически несвободной половину населения. Но то, что юристы брали одной рукой, они, по сути дела, отдавали другой. Чем больше всего было определено и записано в законе, тем больше условий, ранее регулировавшихся обычаем, теперь имели тенденцию «застыть» в том состоянии, в котором они были записаны. Стало труднее манипулировать обычаем; и этот обычай мог теперь защитить существующее положение вещей более эффективно, чем прежде. В данном смысле даже несвободные держатели XIII в. были не столь уязвимы для произвольных вымогательств отдельных крупных землевладельцев (lords), чем многие свободные держатели XI в. Землевладельцы XIII столетия, пытавшиеся манипулировать обычаем, часто оказывались вовлеченными в долгие юридические битвы с хорошо организованными деревенскими сообществами.

Но, хотя обычное право могло предложить бедному держателю некоторую защиту от притязаний его землевладельца, оно ничего не могло сделать, чтобы защитить его от суровой реальности экономических перемен. В годы, предшествующие 1200 г. и следующие за ним, возможно, половина крестьян Англии перешли в категорию сервов, но это было меньшим злом в сравнении с тем фактом, что бедные крестьяне становились еще беднее. К концу XIII в. реальные лишения испытывали не зависимые держатели, а те, кто – без различия того, были они свободными или зависимыми, – был беден либо вовсе не имел земли. Кое-что о держателях нам известно. Уровень смертности в манорах Винчестера приводит к выводу, что с 1250 г. более бедные держатели становились все более «чувствительными к урожаю» (эвфемизм, означающий, что с каждым плохим урожаем все больше из них умирало либо от голода, либо от болезней, сопровождающих недоедание). Исследование манора Хэлсоуэн в Западном Мидленде дает основание предполагать, что здесь ожидаемая продолжительность жизни бедных держателей – преемников коттеров «Книги Страшного Суда» – была на десять лет меньше, чем у более состоятельных держателей, тех, кто был преемником вилланов «Книги Страшного Суда». О том, что стало с теми, кто земли не имел, мы можем только догадываться. Если верить источникам, то им

просто не нашлось места в записях XIII в. Работники в крупных поместьях обычно получали плату не только деньгами, но также довольствие зерном, достаточное, чтобы поддерживать семью. Но что же можно сказать о тех безземельных работниках, которые стали «излишними для экономики»? Надо полагать, они оказались в высшей степени «чувствительными к урожаю».

Однако экономические тучи, приносившие нищету бедным, осыпали богатых серебряным дождем. Рост населения требовал увеличения продовольствия. Цены тоже росли, в частности на рубеже XII-XIII вв. и в конце XIII в. С другой стороны, вследствие избытка рабочих рук размер денежных выплат, как сдельных, так и подневных, оставался на протяжении века неизменным. Иными словами, реальные нормы заработной платы падали. Эти обстоятельства обернулись для богатых землевладельцев хорошей прибылью. Продажа избыточного продукта на рынке приносила все больше денег. Количество рынков увеличивалось. Между 1198 и 1483 гг. Корона выделила на создание рынков 2400 субсидий. Из них свыше половины приходится на период, предшествующий 1275 г. Растущая потребность в участках, предоставляемых в держание, вела к росту рентных платежей, которые уплачивались землевладельцам. Приведем только один пример: чистый доход епископа Илийского возрос с 920 фунтов в 1171-1172 гг. до 2550 фунтов в 1298 г. Отсюда, однако, не следует, что счастливый обладатель большого поместья мог почивать на лаврах и позволить законам спроса и предложения делать свою работу за него. В XII в., как и прежде, большая часть маноров, принадлежащих богатому феодалу, на деле находилась в держании – либо в качестве рыцарских ленов, либо сдавалась за фиксированную ренту другим арендаторам, *фермерам* (*farmers*). Во времена стабильности, постепенного расширения хозяйственной деятельности это, с точки зрения землевладельца, было очень разумно, поскольку его административные издержки сводились к минимуму. Стабильность системы определялась тем фактом, что общепринятой была долгосрочная аренда, заключаемая сроком на одну или несколько условных жизней, и такие долговременные пожалования имели тенденцию превращаться в наследственные держания, предоставляемые на определенный продолжительный срок.

Однако резкий подъем цен, происшедший около 1200 г., создал для землевладельца, живущего на фиксированные ренты, тяжелые проблемы. Если он хотел опередить своих арендаторов в использовании преимуществ рыночной экономики, то должен был перейти к прямому управлению своими манорами. Изменить старую систему было нелегко, и многие землевладельцы столкнулись с жестоким сопротивлением со стороны своих арендаторов, но постепенно это было сделано. Самое знаменитое описание подобного процесса можно найти в отчете Джоселина Брэкелонда о деловой жизни Самсона, аббата монастыря в Бёри-Сент-Эдмунде в 1182-1211 гг. Землевладелец взял свои поместья в собственные руки, назначил бейлифов и управляющих и продавал избыток произведенного на свободном рынке. При этом новом порядке расходы и доходы землевладельца от года к году различались. Для его должностных лиц стало легко обсчитывать его, пока не был установлен жесткий контроль за их деятельностью. С этой целью составлялось детальное описание экономической деятельности манора за год. Затем оно отсылалось, вместе с подобными отчетами из других маноров, для проверки аудиторами, которые представляли центральную администрацию большого поместья. (Благодаря тому что множество подобных отчетов сохранилось, мы многое знаем о некоторых аспектах сельской экономики Англии XIII в.) Роль аудиторов заключалась в разработке экономической стратегии, а также в раскрытии мошенничеств. Они определяли цели для каждого манора, величину производства зерна и количество домашнего скота, которые должны были быть постигнуты. Аудиторы принимали решения об инвестировании – о том, строить ли новые амбары, покупать ли удобрения и т.д. Возник даже новый вид литературы – трактаты по сельскому хозяйству и управлению поместьем, самым знаменитым из которых является «Хозяйство» Уолтера Хенли. В основе всех этих перемен лежало широкое распространение грамотности на уровне ведения хозяйства. Без нее не была бы возможна управленческая

революция начала XIII столетия – именно благодаря грамотности она стала тем, чем она стала.

Цель новой системы заключалась в максимальном увеличении прибыли землевладельца и в том, чтобы сделать это как можно рациональнее. Сомнительно, чтобы подобный подход подразумевал решение проблем, с которыми сталкивались бедняки (а почти все из них были таковыми от рождения). На уровне манора имели место бесчисленные случаи как пассивного, так и прямого сопротивления требованиям землевладельца, которые иногда сопровождались судебным разбирательством. Имеется также множество свидетельств борьбы между богатыми и бедными в городах. К 90-м годам XIII в. Англия была страной с традиционной экономикой, страной, не способной справиться с перенаселением, а возможно даже, находящейся на грани классовой войны.

Позднее Средневековье (1290-1485)
Ральф Э.Гриффитс

Для тех, кто жил в то время, а также для многих историков последующих эпох XIV и XV столетия казались временем опасностей, волнений и упадка. Внутренние и внешние войны Англии – в особенности кампании в Шотландии, Франции и Нидерландах – длились дольше, охватывали большие территории, обходились дороже и вовлекали в себя большее число людей, нежели все войны, в которые она была вовлечена по завершении периода викингов. На самих Британских островах англичане не доверяли валлийцам, несмотря на завоевания Эдуарда I. Постоянные мятежи, кульминацией которых стало восстание Оуэна Глендоуэра (после 1400 г.), казалось, оправдывали это недоверие и напоминали о пророчествах, что предсказывали изгнание англичан из Уэльса. Усиливалась и подозрительность кельтов по отношению к англичанам, подогревавшаяся горечью и отвращением, которую испытывают побежденные или угнетенные. «Тирания и жестокость англичан, – утверждал один шотландец в 1442 г., – известны всему свету, что ясно проявилось в их преступлениях против французов, шотландцев, ирландцев и жителей соседних земель». Голод, болезни и чума (с 1348 г.) резко сократили население Англии к началу XV в. (возможно, почти вдвое), и это нанесло серьезный ущерб английскому обществу. К концу XV в. французские политики с неодобрением отмечали привычку англичан смещать и убивать своих королей и их детей (как это произошло в 1327, 1399, 1461, 1483 и 1485 гг.) с регулярностью, невиданной в других странах Западной Европы. Духовная неудовлетворенность и распространение ереси привели темпераментного канцлера Оксфордского университета, доктора Томаса Гаскойна, к выводу о том, что английская церковь его времени пришла в упадок, а епископы и духовенство не справляются со своими обязанностями. Популярный поэт, писавший около 1389 г., считал, что период видимого упадка даже слишком отчетливо отражается в экстравагантной и неприличной моде на накладные плечи, узкие, в обтяжку, корсажи, обрисовывающие икры чулки и башмаки с длинными носами.

Конечно, не стоит слишком доверять оценкам современников, особенно если они жили в крайне напряженную или мятежную эпоху. Ныне признается, что войны могут иметь и творческую сторону, в данном случае усиливая в англичанах осознание национальной идентичности; что голод и болезни не обязательно наносят обществу смертельный удар, а экономический спад не всегда вызывает депрессию; что распространение ереси и критика церковных институтов могут усилить в людях личное благочестие; что, как показывает эволюция Парламента, политические кризисы оказывают и конструктивное воздействие; и наконец, что достижения литературы и искусства чрезвычайно страдают из-за гражданских конфликтов или брожения в обществе. С удобной позиции конца XX в. позднее Средневековье представляется, безусловно, сложным и бурным периодом, но одновременно и полным жизни, высоких устремлений и прежде всего очарования.

Англия в войне (1290-1390)

Король и его двор, центр которого составляла королевская семья и ее свита, являлись фокусом и точкой опоры английского правительства и политической жизни. Главным для того и другой были взаимоотношения между королем и его влиятельными подданными: прежде всего баронами и магнатами, но также рыцарями и эсквайрами из графств, зачастую стремившихся достичь ранга барона, богатыми купцами, епископами и талантливыми клириками; все они искали покровительства Короны, выгодных должностей и продвижения. Успехом для короля было установление гармоничных отношений со всеми или с большинством влиятельных подданных, ведь только тогда можно было быть уверенным в политической стабильности, эффективности управления и внутреннем мире. Укрепление суверенной власти короля, усиленное (после 1216 г.) признанием того, что

корона должна переходить старшему сыну покойного монарха, а также расширением сферы деятельности королевской администрации, находившейся в руках чиновников и слуг короля, не могло не затронуть феодальную власть крупных землевладельцев в регионах. Однако сам принцип наследственной монархии, хотя он и уменьшал вероятность столкновений королевских родственников в борьбе за корону, оставлял открытой вероятность того, что время от времени она будет доставаться не вполне подходящим (в силу юности, характера или неспособности) королям. Кроме того, постоянная война на протяжении XIV и XV столетий предъявляла серьезные требования к английским монархам. Начиная с правления Эдуарда I, не проходило ни одного десятилетия без того, чтобы англичане не воевали – за морями или на Британских островах. Каждое поколение англичан позднего Средневековья лучше, чем их предки, знало о требованиях, бедствиях и последствиях войны.

После гражданской войны, разразившейся в правление Генриха III, была предпринята успешная попытка примирить англичан и успокоить страну, благодаря чему король и его подданные смогли восстановить стабильные взаимоотношения, отдававшие должное правам и чаяниям обеих сторон. Новый монарх, Эдуард I (1272-1307), показал себя способным, талантливым и успешным в делах правителем, и он был полон решимости укрепить свои позиции суверена. Но его неотступное стремление утвердить свою власть на всей территории Британских островов, даже на тех, что лежали за пределами королевства, привело к эпохе постоянной войны.

В Уэльсе он победил Гвинедд наиболее могущественное и независимое из сохранившихся местных владений, а после смерти Ллевелина ап Гриффидла в 1282 г. завоевание Уэльса успешно завершилось после двухсот лет беспрерывной войны. Благодаря этому Корона распространила свою власть в Северном и Западном Уэльсе и сформировала княжество, охватывавшее половину страны. В 1301 г. оно было передано старшему сыну короля, первому англичанину, ставшему принцем Уэльским – замечательное достижение, хотя и весьма дорогое. Необходимо было возместить материальный ущерб; изобретательный план поддержания безопасности включал в себя строительство дюжины новых и реконструкции полудюжины существовавших крепостей, по большей части окруженных городками, которые были защищены стенами и населены лояльными Короне иммигрантами; Для покоренных земель была создана постоянная система управления. Эта система (о которой объявлено в Руддланском статуте 1284 г.) возникла как военная администрация, но вскоре она восстановила мир и стабильность благодаря взвешенному сочетанию английских новшеств и валлийской практики. Отношения между новыми правителями и валлийцами характеризовались твердостью, которая смягчалась справедливостью и примирительным духом, поэтому восстания 1287, 1294-1295 и 1316 гг. не охватили больших территорий и не стали особо угрожающими. Тем не менее, цена завоевания была огромной. Во всех графствах Англии и за ее пределами набирали солдат и моряков, архитекторов, ремесленников и рабочих для службы в Уэльсе. Только в 1277-1301 гг. на строительство замков потратили 75 тыс. фунтов (искусный каменщик в это время зарабатывал меньше 2 шиллингов в неделю), а подавление восстания 1294-1295 гг. обошлось в сумму около 55 тыс. фунтов. К счастью, королевское управление в Уэльсе доказало свою эффективность: к середине XIV в. оно приносило доход в казначейство, а валлийское дворянство процветало в сотрудничестве с чужеземным режимом.

Лишь после того, как Ллевелин был устранен, Эдуард I обратился к лордам Уэльской марки (или пограничной территории) – в основном к английским магнатам, – чтобы утвердить суверенную власть также и над ними и их вассалами; кроме этого, он поставил валлийскую церковь и ее епископов под свой прямой контроль. Все предприятие Эдуарда демонстрирует изобретательность, решимость и стратегическое мышление, далеко выходящие за рамки военной кампании. Но чувство горечи, присущее побежденным, которые теперь подчинялись чужеземным властям, духовным и светским, невозможно

было с легкостью устранить. Если бы английское правление превратилось в порабощение, если бы экономические выгоды от стабильного режима исчезли, если бы отношения между местным населением и иммигрантами ухудшились, для английского государства немедленно возникли бы серьезные проблемы, а колониальное правление оказалось бы под угрозой.

Эдуард I стремился также к распространению своего верховного господства на Шотландию. Это было исключительно дерзким предприятием, поскольку, в отличие от Уэльса, Шотландия имела собственного монарха (из дома Канмора), а шотландцев, особенно уроженцев отдаленных областей Хайленда, горной Шотландии, отличало пламенное чувство независимости. Но, как и в Уэльсе, возможность установить здесь английское владычество возникла в правление Эдуарда I, в 1286 г., после смерти короля Александра III, а затем и кончины его внучки и наследницы, последовавшей четырьмя годами позже. Эдуард принял приглашение шотландских «хранителей королевства» уладить вопрос с престолонаследием и воспользовался этим «великим делом» (1291-1292), чтобы гарантировать признание себя «верховным правителем» Шотландии. Сопротивление шотландцев и усилия Эдуарда, намеревавшегося превратить свои претензии в реальность, породили бесплодный период взаимной вражды между двумя странами, длившийся до XVI в. Шотландцы искали помощи у Франции (1295) и поддержки папского престола, а защита политической независимости под руководством Уильяма Уоллеса (казнен в 1305 г.) и Роберта Брюса (король Роберт I, 1306-1329) породила стойкое чувство патриотизма. Ряд английских вторжений в течение пятидесяти лет после 1296 г. привели лишь к установлению зыбкого военного и административного контроля над Лоулендом, низинной Шотландией, но его было трудно поддерживать в бедной и враждебно настроенной стране, а финансировался он в основном из Англии. Кроме того, англичане не покорили северные моря, не смогли подчинить себе и контролировать север и запад Шотландии. Таким образом, англичане не добились тех преимуществ или успехов, которых они достигли в Уэльсе, и даже в сражении (особенно при Баннокберне в 1314 г.) их кавалерия потерпела унизительное поражение от более маневренных шотландцев. Эдуард III, лично занявшийся делами управления в 1330 г., быстро отверг Нортгемптонский договор (1328), по которому Англия признавала короля Роберта и отказывалась от претензий на верховное правление. После этого англо-шотландские отношения представляли собой печальный перечень вторжений, приграничных рейдов, периодов английской оккупации южных графств, франко-шотландских соглашений, вылившихся в Старый союз, – включая даже пленение короля Давида II при Невилл-Кросс (1346). Но и после того, как английские претензии и устремления были сломлены решительным и объединенным сопротивлением шотландцев, Шотландия оставалась постоянным и весьма дорогостоящим противником.

После Баннокберна Роберт I пытался воспрепятствовать новым английским операциям в Шотландии, используя ситуацию в Ирландии. В 1315-1318 гг. его брат, Эдуард Брюс, обеспечил себе поддержку англо-ирландских магнатов и в 1316 г. был провозглашен Верховным королем Ирландии. Вскоре после этого Роберт сам посетил Ирландию, и это, вероятно, должно было стимулировать развитие «панкельтского» движения против Эдуарда II Английского (1307-1327). Вмешательство шотландцев явилось жестоким потрясением для английского правительства и обнаружило слабость его режима в Дублине. Ни один английский король не посетил Ирландию в 1210-1394 гг.– даже Эдуард I, покоритель Уэльса и «молот шотландцев». Вместо этого Эдуард I безжалостно выкачивал из страны ресурсы – людей, деньги, продовольствие, – предназначавшиеся для его войн и строительства замков в Уэльсе и Шотландии. Жестокая эксплуатация и отсутствие далекого правителя со временем привели к злоупотреблениям местных властей и разрушению установленного порядка, чем не преминули воспользоваться англо-ирландские магнаты и гэльские вожди. Королевские чиновники осуществляли контроль над все более слабеющей и пренебрегаемой администрацией, тогда как XIII век стал временем гэльского культурного и политического возрождения. Все это способствовало успеху Эдуарда Брюса, в правление

которого Ирландия, по словам современника, «была одной колеблющейся волной мятежа». Английское верховное правление так никогда и не оправилось от этого удара, и впоследствии Англия оказалась не в состоянии утвердить свою власть на всем острове. Вместо того чтобы быть источником денежных ресурсов, Ирландия стала финансовым бременем; доход от нее после 1318 г. не превышал трети дохода времен Эдуарда I и потому был недостаточен для поддержания английского правления. Отправлявшиеся время от времени экспедиции, которые возглавляли малозначительные фигуры, мало что могли сделать для возрождения власти короля, и территория, находившаяся под его прямым контролем, постепенно сократилась до Пэйла (территория вокруг Дублина). Когда доступные правительству меры свелись к расовой и культурной сегрегации и даже к преследованиям (что проявилось в серии законодательных актов, кульминацией которых стал статут Килкенни 1366 г.), по сути это стало признанием поражения. Призрачная власть «правителя Ирландии» в позднее Средневековье оказалась дорогостоящей, а подданные жили здесь в беззаконии, были враждебны английскому правлению и готовы склониться перед шотландцами, французами и даже валлийскими мятежниками.

Английские монархи требовали от валлийцев, шотландцев и ирландцев признания своего верховного правления, однако отвергали аналогичные претензии французского короля в Гаскони, где те же самые английские короли, как герцоги Аквитанские, с 1204 г. являлись вассалами французской короны. Гасконь находилась в центре англо-французских отношений как до, так и во время Столетней войны (1337-1453): она заменила Нормандию и Анжу в качестве главного яблока раздора. Ко времени восшествия на престол Эдуарда I эта богатая винодельческая провинция была единственной английской территорией во Франции, а политическая связь Гаскони с Англией укреплялась благодаря процветающей экспортной торговле сухим вином, дополнявшейся перевозками английской шерсти и зерна по морю в Бордо и Байонну: в 1306-1307 гг. доход герцогства составлял около 17 тыс. фунтов и вполне стоил того, чтобы за него сражаться. Споры с французским королем относительно гасконской границы и прав гасконцев были постепенно поглощены более важными проблемами подданства и суверенитета, навязанных настойчивым, самоуверенным французским государством, которое стремилось ужесточить контроль над своими провинциями и вассалами (включая английского герцога Аквитании). Со своей стороны Эдуард I и его преемники не желали, чтобы права французской короны усиливались или приобретали особое значение в Гаскони. Результатом стала серия инцидентов, мирных переговоров, попыток «выкурить» противника (когда французские армии периодически вторгались в Гасконь, а герцогство время от времени конфисковывали) и английских экспедиций, включая визит самого Эдуарда I (1286-1289).

Отношения между Англией и Францией могли бы и дальше развиваться в том же духе, если бы не два фактора. Английское правительство враждебно относилось к франко-шотландскому союзу (с 1295 г.) и пришло в ярость после того, как французы предоставили убежище шотландскому королю Давиду II (1334), когда Эдуард III вторгся в Шотландию. Еще более спорными были последствия приближавшегося вымирания старшей мужской линии французской королевской династии Капетингов. Смерть четырех французских королей, одного за другим, в 1314-1328 гг. каждый раз требовала принесения нового оммажа за Гасконь, что само по себе раздражало, но кончина последнего Капетинга в 1328 г. поставила вопрос о наследовании французского престола. В тот момент новый английский король Эдуард III (1327-1377) не был в состоянии предъявить претензии на престол в силу прав матери-француженки, Изабеллы, но в 1337 г., когда ситуация в Гаскони еще больше ухудшилась, он сделал именно это. Его действия, возможно, поначалу носили тактический характер и должны были рассердить нового короля Филиппа VI Валуа, однако нельзя отрицать и того, что, если бы английский король стал королем Франции, это одним махом решило бы сложный гасконский вопрос: Гаскони была бы гарантирована политическая стабильность и экономическое процветание. Поэтому, когда в 1337 г. французский флот был замечен у побережья Нормандии, по пути (как полагали англичане)

в Шотландию, началась война, затянувшаяся более чем на столетие.

Цели Англии в этой войне не оставались постоянными, и ее политика не была последовательной. Английская военная дипломатия, особенно в XIV в., определялась преимущественно сиюминутными проблемами: как поддерживать независимое управление в Гаскони, как предотвратить атаки шотландцев на северной границе, предпринимаемые в поддержку французов. Даже после того, как в 1337 г. Эдуард III предъявил права на французскую корону, он был готов отпустить за выкуп французского короля Иоанна II, взятого в плен в сражении при Пуатье (1356), а также забыть о своих претензиях, вытекающих из договора, заключенного в Бретиньи (1360) в обмен на практические уступки. Тем не менее династические связи, коммерческие и стратегические интересы, даже разное отношение к папам, пребывавшим в 1308-1378 гг. в Авиньоне, соединились, чтобы распространить англо-французский конфликт на Нидерланды, Кастилию и Португалию, а также на Шотландию, Ирландию и даже Уэльс. Поначалу, в 1338-1340 гг., войны (ведь это была несвязанная серия конфликтов, а не одна война) состояли из осад городов Северной Франции; затем, в 1341-1347 гг., на смену им пришли более энергичные кампании, быстрые продвижения по французским провинциям Бретань, Гасконь и Нормандия (результатом стали победа англичан при Креси и взятие Кале). В 1355-1356 гг. последовали дерзкие марши, или *chevauchées* (набеги), старшего сына Эдуарда III, Эдуарда Черного Принца, из Гаскони (кульминацией которых стала победа при Пуатье), а также набег самого короля на Реймс – традиционное место коронации французских королей – в 1359 г. Возобновление войны в Кастилии в 1367 г. знаменует начало периода более скромных и осторожных кампаний в Португалии, во Фландрии и в самой Франции, а обе стороны постепенно истощали свои силы.

Изначально преимущество в войне было на стороне Англии, единого и лучше организованного королевства. Ее богатство, основанное прежде всего на производстве шерсти, а также опыт военных действий в Уэльсе и Шотландии позволили осуществлять крупномасштабные операции в континентальной Европе. Английская стратегия использовала фактор наличия полунезависимых французских провинций. Кампании Эдуарда III в Нидерландах в 1338-1340 гг. опирались на поддержку производивших шерсть городов Фландрии, которые, хотя и были подданными французского короля, имели жизненно важные коммерческие связи с Англией. В 40-х годах XIV в. спор о наследовании в Бретани позволил английским войскам вмешаться и даже разместить гарнизоны в ряде замков; тогда как Гасконь, хотя и располагавшаяся далеко на юге, обеспечивала прямой доступ в Центральную Францию.

Войны на Британских островах предоставили английскому правительству уникальную возможность развить новые методы мобилизации значительных сил. Дополняя и постепенно заменяя традиционное феодальное ополчение, новые (наемные) армии, набиравшиеся капитанами, служившими по контракту, хотя и были малочисленнее, но зато показали себя более дисциплинированными, надежными и маневренными по сравнению с плохо организованными и малоподвижными французскими войсками. Решающее преимущество имели английские пехотинцы и лучники, умевшие обращаться с большими луками и применявшие в сражении оборонительную тактику, что в первые десятилетия войны вопреки всем неблагоприятным факторам принесло им славные победы (особенно в сражения при Креси и Пуатье). Война на море была менее важным делом, и морская тактика не демонстрировала каких-то новшеств или изобретательности. Адмиралы XIV в. обычно не были в состоянии спланировать морское сражение, и сражение при Слейсе (которое англичане выиграли в 1340 г.) оказалось приятной неожиданностью в ходе кампании Эдуарда III во Фландрии. Англичане не содержали постоянного флота, однако Валуа, используя опыт своих кастильских союзников, позднее построили доки в Руане, что впоследствии дало им преимущество на море (обеспечив победу у берегов Ла-Рошели в 1372 г.).

Английские инвестиции в военные кампании против Франции были невиданно

большими. Экспедиции организовывали с впечатляющей регулярностью, и некоторые из них являлись весьма масштабными (например, более 10 тыс. человек в 1346-1347 гг.). Огромным было и финансовое бремя, но его терпели, пока война шла успешно; однако, когда после 1369 г. военное преимущество англичан уменьшилось, правительству пришлось обратиться к новым, более рискованным источникам, включая подушный налог. Нужное количество кораблей для обороны и обеспечения экспедиций не могло быть предоставлено исключительно благодаря традиционным обязательствам Пяти Портов Южной Англии (Гастингс, Ромни, Хит, Дувр, Сэндвич), поэтому сотни торговых судов изымались из нормальной коммерческой деятельности (например, 735 судов при осаде Кале в 1347 г.). Прибрежные графства юга и востока Англии (при помощи внутренних земель) организовывали защиту побережья от французских и кастильских пиратов, ставших более дерзкими после 1369 г. Но даже это не смогло предотвратить резню в Уинчелси (1360), Рае (1377) и других портах. Цена войны и в самом Деле была высокой. Правда, удачливым наемникам доставались завоеванные французские поместья, а выкуп за пленных в победоносные годы приносил большой доход (только за короля Иоанна II было назначено 500 тыс. фунтов). Однако нормальная жизнь и занятия тысяч англичан, валлийцев и ирландцев были прерваны военной службой; поставки продовольствия, материалов и оборудования предназначались для операций, по сути своей разрушительных; торговля шерстью и вином понесла существенный урон. Примечательно, что Англия оказалась способной в течение десятилетий вести военные действия за морем без серьезных политических или социальных конфликтов в своих собственных пределах, одновременно обороняя шотландскую границу, держа валлийцев в подчинении и избегая восстаний ирландцев. Во многом это стало возможным благодаря изобретательности, личному примеру и качествам правителей – Эдуарда III и Эдуарда Черного Принца, воплощавших в себе рыцарские добродетели, превозносимые знатью и вызывавшие восхищение общества в целом. Для Жана Фруассара, уроженца Эно, знавшего обоих и ведшего записи о самых выдающихся рыцарских подвигах своего времени, король был «галантным и благородным, и подобных ему не было со времен короля Артура». Его сын представал как «самый галантный человек и рыцарственный государь»; его смерть в 1376 г., за год до смерти Эдуарда III, «искренне оплакивали из-за его благородства». Король Эдуард возглавлял английское правительство, действия которого были куда менее жесткими, чем при Эдуарде I, и гораздо более эффективными, нежели действия правительства Эдуарда II.

Войны стали в Англии катализатором социальных перемен, конституционного развития и политических конфликтов, которые иначе могли бы развиваться медленнее. Помимо этого в XIV в. Англия, как и остальная Европа, переживала экономические подъемы и спады, колебания численности населения, что усугубляло напряженность и неуверенность общества в завтрашнем дне. В результате страна пережила серию кризисов, показавших, насколько зыбко были сбалансированы отношения между королем и его подданными (особенно магнатами, рассматривавшими себя как представителей всей «общины королевства») и как важна для личной монархии персона короля. Эдуард I и его советники могли быть способными, решительными, порой дальновидными, но упрямая и властная натура государя серьезно осложняла отношения с влиятельными подданными. В 1290-1297 гг. с собственников, купцов и особенно духовенства взимали экстраординарно высокие и неслыханные ранее налоги (в четыре раза чаще, чем в первую половину правления Эдуарда) для обеспечения королевских кампаний во Франции и на Британских островах. Это вызвало сопротивление, и налог на собственность 1297 г. принес лишь часть (35 тыс. фунтов) ожидаемой суммы. Кроме того, король созывал армии для длительного несения службы за пределами королевства. Попытки Эдуарда заставить замолчать оппозицию шокировали клир и озлобили купечество. Влиятельные магнаты, включая лордов Уэльской марки, которым не нравилось вторжение Эдуарда в их владения, ответили, приняв на себя традиционную роль самозваных представителей королевства. В 1297 г. и позднее, в 1300 г., они представили королю свои жалобы. Они использовали

Великую хартию вольностей как знамя в борьбе против введения налогов без согласия налогоплательщиков, против завышенных и беспрецедентных требований. Когда 7 июля 1307 г. Эдуард умер на руках своих слуг в Бор-бай-Сендс, собираясь пересечь Солуэй-Ферт и начать свою шестую шотландскую кампанию, проблемы военного времени сохранялись. Король завещал своему сыну и наследнику Эдуарду II (1307-1327) дорогостоящую и отнюдь не близившуюся к победоносному завершению войну на Севере и политические затруднения в стране, порожденные исчезновением доверия между монархом и подданными. Эти две проблемы – политическая стабильность и война доминировали в английских государственных делах на протяжении последующих двухсот лет, оказывая глубокое воздействие на общественное и политическое развитие королевства, на его экономическое преуспеяние. Новый король должен был проявить исключительный такт, чтобы избежать углубления кризиса власти.

Однако тактичность не была сильной стороной Эдуарда II. Лишенный любви в детстве, отвергнутый отцом в отрочестве и столкнувшийся с нерешенными проблемами по восшествии на престол, он искал совета, дружбы и даже привязанности у таких честолюбивых фаворитов, как Пьер Гавестон и Хью Деспенсер, недостойных доверия короля, влияние которых вызывало негодование многих магнатов. Эти факты, наряду с решимостью магнатов (под предводительством Томаса, графа Ланкастера) добиться от государя уступок и реформ, которые не пожелал утвердить Эдуард I, превратили серьезные затруднения в управлении государством, столкнувшимся с поражениями в Шотландии, Ирландии, Уэльсе и во Франции, в борьбу за политические реформы и личную власть. Расширенная и более подробная коронационная клятва (1308) потребовала от Эдуарда II соблюдать закон и обычаи Англии, а ордонансы, разработанные магнатами в 1311 г., стремились ограничить свободу действий короля; об этих ордонансах было объявлено в Парламенте, чтобы получить поддержку и одобрение народа. Эдуард II был так же упрям, как и его отец (хотя и не так талантлив), а убийство Гавестона (1312) превратило это качество в нерушимое намерение не подчиняться давлению убийц друга. Однако бремя войны и обороны страны, возложенное на подданных короля, едва ли стало легче, чем оно было в годы походов Эдуарда I, и все это во время сурового социального конфликта и бедности, вызванной чередой катастрофически плохих урожаев и болезней скота в 1315-1322 гг. Фатальным последствием неспособности короля и подданных сотрудничать во имя взаимной выгоды стали гражданская война (1321-1322) и смещение короля (1326-1327). В 1322 г. на заседании Парламента в Йорке Эдуард отверг ордонансы, а разгромив своих противников при Боробридже в 1322 г., он казнил Ланкастера. В 1326 г. смещение Эдуарда в пользу его сына и наследника, тоже Эдуарда, казалось единственной альтернативой коварному, позорному и неэффективному режиму, породившему конфликт в обществе. Этот ужасный шаг, подготовленный при подстрекательстве королевы Изабеллы, с согласия принца Эдуарда и при значительной поддержке магнатов и народа, проявившейся в Парламенте, был беспрецедентным: со времен Нормандского завоевания ни один английский король не был смещен с престола. Поэтому в 1327 г. были предприняты все возможные меры, чтобы скрыть правду и оправдать этот шаг. Сломленный, плачущий, едва не падающий в обморок, несчастный король был вынужден дать согласие на собственное отречение, а заседания Парламента использовались для того, чтобы максимально расширить крут ответственных за эти действия. И хотя восшествие на престол сына Эдуарда гарантировало нерушимость наследственного принципа, неприкосновенность помазанника Божьего была нарушена.

В 1327 г. Эдуарду III было всего пятнадцать лет, однако он вскоре стал отцом и показал себя и гораздо более способным, чем его предшественник, и более чутким, чем тот, к мнениям и желаниям своих магнатов; на самом деле молодой государь вполне разделял их, особенно в том, что касалось войны и признания рыцарских обязательств аристократического общества. В то же время его грандиозные и популярные планы во Франции поставили те же вопросы, которые возникали в результате походов Эдуарда I на

Британских островах и в Гаскони. Если бы эти планы оказались в конце концов неудачными, последствия для Англии вполне могли бы оказаться такими же, как и при Эдуарде II. Начало затяжной войны в 1337 г. повлекло за собой увеличение налогов до уровня, превышавшего даже уровень налогообложения последних лет правления Эдуарда I, а Эдуард III продемонстрировал ту же жестокость в отношении купцов, банкиров и землевладельцев, как и Эдуард I. Более того, отсутствие государя во время военных кампаний, в пылу сражений, к которым так стремился сам король и его магнаты, создавало серьезные проблемы для сложной системы управления, привыкшей функционировать под персональным руководством короля. Ордонансы Эдуарда (изданные в 1338 г. в Уолтоне-на-Темзе) предназначались для управления Англией из-за границы; они вызвали трения между королем и его советниками, находившимися в Северной Франции, с одной стороны, и советниками, остававшимися в Англии, – с другой. Итак, в 1339-1340 гг. возник новый кризис; магнаты, купцы и общины в Парламенте (ставшем теперь местом, где государь выдвигал свои требования по налогообложению) жаловались королю. Эдуарду пришлось действовать окольными путями и в целом осмотрительнее обращаться с магнатами, духовенством и подданными. Последовавшее за этим примирение и восстановление доверия к королю, ставшего столь эфемерным после 90-х годов XIII в., оказались возможными благодаря тому, что Эдуард III показал себя разумным и прагматичным монархом, а его самоуверенность не превращалась в заносчивость. Он назначал министров, приемлемых для магнатов, потакал самомнению Парламента и достиг согласия с подданными, что обеспечивало его правление в Англии и его притязания во Франции в течение четверти века. Дальнейшего развития кризиса удалось избежать, несмотря на то, что Англия была вовлечена в самую серьезную из всех войн, которые ей когда-либо приходилось вести.

Эти события резко контрастировали с ситуацией, сложившейся в 70-х и 80-х годах XIV столетия. Поколение англичан того времени весьма беспокоили неудачный ход возобновившейся войны во Франции (после 1369 г.), а также ослабляющие страну волнения в Ирландии и на шотландской границе. Новые налоги, введенные после десятилетия, в течение которого Англия наслаждалась доходами от войны и передышкой от высоких налогов, вызывали негодование. Участились нападения на порты южного побережья, неустойчивый контроль над Ла-Маншем вредил торговле и раздражал купцов, а дорогостоящие *chevauchées*, набеги конницы, во Франции бывали весьма захватывающими, но редко приносили прибыль. Однако резкое изменение политики Англии в 1375 г., включая унизительный мир с Францией и выплаты не вызывавшему доверия папе, лишь оскорбило англичан и вызвало их гнев. Кроме того, после смерти образца всех королев – Филиппы (1369) Эдуард III постепенно впал в старческую слабость, подточившую его силы и оказавшую воздействие на его суждения. Черный Принц также начал ощущать последствия лишений военных лет, он умер даже раньше своего отца, в июне 1376 г. Но бремя войны, выкачивавшее людей и финансовые средства из Англии, не стало легче. Общины в Парламенте часто стали задаваться вопросами относительно честности и компетентности советников и чиновников короля. Всеобщее возмущение, усиленное поднимающейся волной антиклерикализма в период, когда репутация папства и Церкви была сильно подмочена, в 1371 г. устранило от власти клириков-министров Эдуарда III. Другие же были обвинены в коррупции и даже измене. Возник новый политический кризис. Во время заседаний Доброго Парламента 1376 г., самого длительного и бурного из всех до тех пор собиравшихся, продажные, как считалось, и неспособные министры – и даже влиятельная фаворитка старого короля, Алиса Перрерс, – были обвинены Общинами и предстали перед судом Палаты лордов в ходе новой и весьма эффективной процедуры (импичмента). Впоследствии это позволяло публично призывать государственных деятелей к ответу за их ставшие известными действия.

Кризис вступил в новую фазу, когда в июне 1377 г. умер король Эдуард. Ему наследовал единственный выживший сын и наследник Черного Принца, Ричард II (1377-1399),

которому тогда было десять лет. Англия оказалась перед перспективой королевского несовершеннолетия лишь второй раз после 1066 г. и впервые после 1216 г. В последнем случае имел место период политических волнений, связанных с фигурой юного Генриха III. Подобным же образом ситуация развивалась и после 1377 г., что сыграло свою роль в создании условий, вызвавших крестьянское восстание (1381) в Восточной и Юго-Восточной Англии. В 1377-1380 гг. была введена серия подушных сборов для финансирования войны. Эти налоги были более высокими, чем обычно, а налог 1379 г. в народе был известен как «дурная субсидия». В Восточной Англии они спровоцировали проявления насилия по отношению к сборщикам налогов и судьям, пытавшимся заставить народ подчиниться. Однако причиной превращения этих выступлений в широкомасштабное восстание стали длительные лишения неудачной войны, повторявшиеся вспышки чумы и антиклерикальные настроения. Надежды на исправление ситуации, которые восставшие связывали с юным королем Ричардом, оказались тщетными, хотя монарх продемонстрировал заметную храбрость, представ перед восставшими в Лондоне летом 1381 г.

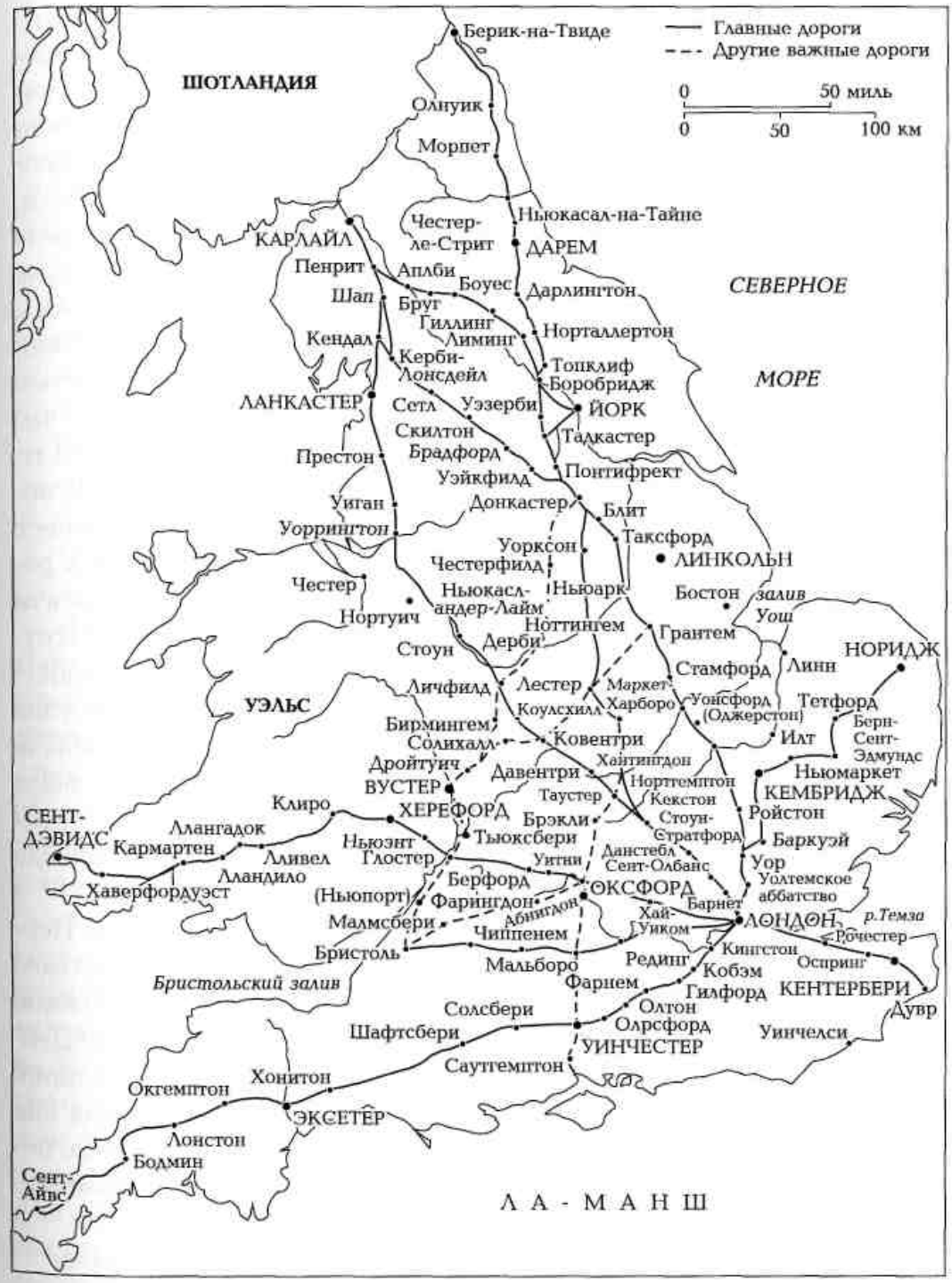
Ричарду было всего четырнадцать лет, и соперничество аристократов в правящем кругу продолжалось, особенно среди дядей короля. Это, а также отсутствие военных успехов во Франции нанесли урон репутации Совета, управлявшего Англией от имени Ричарда, и даже затронуло уважение к самому монарху в глазах подданных. Ричард тоже оказался своевольным правителем, но чувство неуверенности ставило его в зависимость от недостойных фаворитов, что напоминало о любимчиках Эдуарда II. Когда Ричард стал старше, он, естественно, пожелал расширить свое окружение и свиту за пределы того круга, который до этого считался подобающим ребенку. Среди его друзей и доверенных лиц были и те, кто лишь недавно присоединился к рядам аристократии, и щедрое покровительство короля по отношению к ним проявлялось за счет тех, кто не вызывал его благорасположения (включая его дядю Глостера). В 1386 г. Парламент и некоторые магнаты выступили с нападками на ближайших советников Ричарда и даже угрожали самому государю. Проявив все свойственное Плантагенетам упрямство, Ричард отказался подчиниться. Это привело к дальнейшим обвинениям, или «обращениям», в адрес его советников от лица пяти главных лордов-«апеллянтов» (герцога Глостера и графов Уорика, Арундела, Ноттингема и Дерби, кузена короля), а в декабре 1387 г. произошло столкновение у Редкот-Бридж, где был разгромлен ближайший друг короля, граф Оксфорд. В ходе судьбоносных заседаний Безжалостного Парламента 1388 г. король был вынужден подчиниться мерам, предписанным аристократами; если бы эта политика была реализована, характер английской монархии существенно изменился бы. Таким образом, требования войны, напряженность, порожденная единоличным правлением, и амбиции английских магнатов в очередной раз привели к серьезнейшему политическому и конституционному кризису. И хотя институт наследственной монархии пережил более чем столетний период подобных кризисов практически без повреждений, однако теперь критика в адрес королевских советников оказалась неожиданно эффективной, и, кроме того, заметное воздействие на события стало оказывать мнение более широких слоев общества. Таковы были политические и личностные аспекты более глубоких изменений, преображавших общество и экономику Англии в позднее Средневековье.

Благосостояние, население и перемены в обществе

Главным богатством Англии в позднее Средневековье была земля, в эксплуатации которой участвовало большинство англичан: выращивание зерновых, производство молочных продуктов и скотоводство. Наиболее важная отрасль ремесленного производства в Англии, сукноделие, была косвенно связана с землей и производила лучшую шерсть в Европе, используя порой огромные отары овец: аббатство Св. Петра в Глостере к 1300 г. владело более чем 10 тыс. овец, а общее их число в Англии в это время составляло, как

считают, порядка 15 или 18 млн голов. Богатейшими областями были равнины и плавно вздымающиеся холмы центральных и южных графств, а также пограничные области и южное побережье Уэльса. Другие отрасли не были столь важны в смысле накопления богатств и создания рабочих мест, однако международной известностью пользовались оловянные копи Корнуолла, а олово экспортировалось на континент. Свинцовые, железные и угольные копи были не слишком развиты, хотя прибрежные перевозки угля из долины Тайна и окрестностей Суонси отражали рост его применения в быту и в ремесленном производстве. Что касается финансовых и коммерческих услуг, то экономика пока еще мало получала от того, что в Новое время стало одним из основных источников богатства нации. Не многие английские торговцы, за исключением де ла Поля из Гула, могли соревноваться с международными банковскими домами Италии и их отделениями в Лондоне, несмотря на то что Эдуард I и Эдуард III не спешили выплачивать свои долги этим итальянским компаниям. Английские торговые корабли в целом уступали иностранным судам, за исключением тех, что бороздили прибрежные воды; однако перевозки гасконских вин и поставки шерсти в Нидерланды все больше переходили в руки английских купцов и осуществлялись на английских судах. Более тысячи рынков и ярмарок, рассыпанных по Англии и Уэльсу, – к 1350 г. их стало больше, чем раньше, – обслуживали прежде всего местное сообщество в радиусе нескольких миль. Большинство этих маленьких городков и деревень – среди них Монмут, Вустер и Стратфорд – были тесно связаны с сельской округой, а ее зажиточные обитатели зачастую играли роль и в городской жизни, вступая в братства, покупая или снимая городские дома и занимая должности в городе. Некоторые города, включая ряд портов, были крупнее и имели более широкие коммерческие связи: к XV в. торговцы из Шрусбери регулярно путешествовали в Лондон, а купцы из столицы и Кале (после 1347 г.) в поисках хорошей шерсти отправлялись на границу Уэльса. В позднее Средневековье Бристоль, с его жизненно важными связями с Бордо, быстро превращался в пакгауз долины Северна, тогда как Йорк, Ковентри и в особенности Лондон были центрами международной торговли.

На этом основывалось преуспеяние отдельных личностей, институтов и самой Короны. Крупнейшими землевладельцами были светские магнаты (немногочисленные, как «небоскребы на равнине»), епископы, монастыри и другие церковные институты. В 1300 г. они по-прежнему продолжали получать выгоду от рыночного бума, порожденного ростом населения в предшествующее столетие. Цены росли, и доходы с земли оставались значительными: после гибели графа Глостера в сражении при Баннокберне (1314) его поместья, по современной оценке, приносили более 6 тыс. фунтов в год, тогда как маноры приората Крайст-Чёрч в Кентербери в 1331 г. имели валовой доход свыше 2540 фунтов в год. Вследствие этого землевладельцы, непосредственно извлекая прибыль из своих поместий, были лично заинтересованы в эффективном управлении. Они настаивали на своих правах до последней возможности, выжимали из держателей более высокие ренты и тщательно фиксировали в манориальных куриях обязательства, связанные с каждым держанием. Земля составляла основу политического, административного и общественного влияния аристократов, многие из которых владели поместьями в ряде графств, а также в Уэльсе и Ирландии: Хамфри, граф Херефордский и Эссекский, например, унаследовал земли в Эссексе, Миддлсексе, Хантингдоншире, Хертфортшире и Бакингемшире, а также в Уэльской марке – в Бреконе, Хае, Хантингтоне и Келдикоте. Точно так же земля являлась основой благосостояния джентри, хотя и на местом уровне, в графстве; церковным землевладельцам она давала земную власть, дополнявшую их влияние на умы и души людей. Это богатство могло питать претензии и амбиции знати на национальном уровне, как это было, например, с Томасом, графом Ланкастерским, богатейшим графом Англии того времени.



Главные дороги средневековой Англии и Уэльса

В 1300 г. крестьяне жили в мире там, где земля была малодоступной, а возможности экономического роста ограничены жестким контролем землевладельцев. Цены установились высокие – например, цена пшеницы после 1270 г. постоянно была выше, чем ранее в том же столетии, – поэтому после приобретения еды, одежды и инструментов у людей мало что оставалось. Заработная плата на переполненном рынке труда была низкой, а соответственно снижалась и покупательная способность как квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы: плотник зарабатывал 3 пенса в день (без еды), работник – 1 или 1,5 пенса. Недовольство, жалобы и вспышки насилия обращались на

землевладельцев и их слуг; нередкими были отказы выплачивать ренту и исполнять традиционные отработочные повинности.

Вначале XIV в. купцы – прежде всего те, кто вывозил шерсть и ввозил вино, – процветали благодаря расширению рынков от Балтики до Испании, Португалии и особенно после освоения морского пути через Средиземное море до Северной Италии. В 1304-1311 гг. экспорт шерсти ежегодно составлял в среднем 39500 тюков (в каждом была шерсть по меньшей мере с 250 овец), и только около 30-40% этого груза перевозили иностранцы. Растущая враждебность по отношению к чужакам, участвовавшим в английской торговле, отражает уверенность и наступательную силу местных (или натурализовавшихся) купцов. Эдуард I издавал законы в их интересах (80-е годы XIII в.), в частности облегчив процедуру взыскания долгов по суду, что было необходимо при возрастающих объемах торговли. Но, когда началась война, купцы первыми выступили против тяжелых налогов, особенно против *maltolt* («дурного налога») 1294 г. и конфискации их кораблей.

Крупнейшим землевладельцем являлся король, даже еще до того, как Эдуард I стал повелителем Уэльса, и в 1399 г. поместья дома Ланкастеров влились в имущество Короны. Увеличение национального налогообложения при Эдуарде I и его преемниках сдерживало рост благосостояния частных землевладельцев, а также купцов. Не избежало этой участи и крестьянство, о чем пелось в народной жалобе, «Песне пахаря», в правление Эдуарда I. Затем, с 1327 г., все, кто обладал имуществом на сумму 10 шиллингов и больше, должны были платить 1 шиллинг 8 пенсов налога, и нет сомнений в том, что это бремя косвенным образом ложилось и на менее обеспеченных. Военные действия усиливали зависимость короля от богатства и терпения подданных. Если это богатство переставало расти или же благосостояние отдельных подданных и институтов оказывалось под угрозой, то экстраординарные планы монарха могли оказаться ему не по карману, а терпение подданных истощалось.

К середине XIV в. благополучный период «развития земледелия» практически завершился. Цены падали, делая производство менее выгодным для рынка. Росла заработная плата, и это касалось в большей степени батраков, нежели ремесленников; нанимать женщин было невыгодно, потому что им платили так же, как и мужчинам, – а в пивоварении даже больше! Главная причина, по которой крупномасштабное земледелие теряло привлекательность, заключалась в том, что прирост населения закончился и внезапно сменился противоположной тенденцией. Как только рынок труда сократился, заработная плата выросла; с уменьшением населения снизилась и потребность в продовольствии и припасах, и цены последовали этому примеру.

В конце XIII в. численность населения Англии достигла своего пика, насчитывая, вероятно, более 4 млн человек. В то время обрабатываемой земли не хватало, для того чтобы обеспечить каждой крестьянской семье достаточный уровень жизни. Сочетание роста населения с низким уровнем жизни неизбежно приводило к бедности, голоду и болезням, а следовательно, к увеличению смертности, остановившей демографический бум. Из-за серии природных катастроф, связанных с чрезмерной эксплуатацией земли и исключительно плохой погодой первых десятилетий XIV в., положение тех, кто жил, балансируя на черте бедности или за нею, ухудшалось. Неурожай являлся бедствием для общества, не обладавшего возможностью хранить припасы: еды не было и не было денег, чтобы купить то, что теперь стоило неизмеримо больше. Урожаи 1315, 1316, 1320 и 1321 гг. оказались чрезвычайно плохими; в 1319 и 1321 гг. коров и овец поразил ящур. В поместьях аббатства Рэмси (Кембриджшир) процесс восстановления занял двадцать лет. В 1324-1326 гг. в некоторых регионах Англии случились серьезные наводнения, погубившие тысячи овец в Кенте. Распространялись голод и болезни, и в маноре Хейлсоуэн (Вустершир) в 1315-1317 гг. умерло 15% мужчин. Земледелие пострадало во многих регионах, цены на зерно подскочили (в Хейлсоуэне в 1315-1316 гг. с 5 шиллингов 7¼ пенсов до 26 шиллингов 8 пенсов за кварту), а вывоз шерсти пришел в упадок. Тем не менее это были временные трудности, и в течение 20-х годов XIV в. Англия постепенно

оправилась; однако бедствия ярко продемонстрировали прежде всего уязвимость бедняков.

Более длительными и глубокими оказались последствия чумы. Первая волна эпидемии, с конца XVI в. именуемой «черной смертью», а современниками названной «великим мором», достигла Южной Англии в 1348 г.; к концу 1349 г. она распространилась на север до Центральной Шотландии. Современник – Джеффри ле Бейкер, клирик из Оксфордшира, описывал продвижение чумы из портов, куда она прибывала на кораблях с зараженными крысами, и беспомощные попытки людей определить причины болезни и излечить ее проявления:

«Сначала мор унес почти всех жителей морских портов Дорсета, затем тех, кто жил в глубине страны, а оттуда он свирепо обрушился на Девон и Сомерсет, опустошив все вплоть до Бристоля. Тогда жители Глостера не пускали к себе бристольцев, так как все думали, что дыхание тех, кто жил рядом с умиравшими от чумы, заразно. Наконец она напала на Глостер, Оксфорд и Лондон, а затем и на всю Англию столь безжалостно, что вряд ли один из десяти жителей обоего пола остался в живых. Поскольку кладбищ не хватало, мертвых хоронили в полях… Скончалось бессчетное число простолюдинов, а также великое множество монахов, монахинь и клириков, ведомых лишь Господу Богу. Чума нападала в основном на молодых и сильных… Страшный мор, начавшийся в Бристоле [15 августа], а в Лондоне около [29 сентября], свирепствовал в Англии целый год с такой силой, что во многих деревнях не осталось ни одного живого человека.

Когда это бедствие опустошало Англию, шотландцы радовались, думая, что теперь они получат у англичан все, что хотят… Но скорбь следует за радостью по пятам, и меч гнева Господня, оставив англичан, довел шотландцев до безумия… На следующий год чума косила валлийцев так же, как и англичан; и наконец, словно пустившись в плавание в Ирландию, она погубила множество англичан, живших там, но почти не затронула чистокровных ирландцев, обитавших в горах и на холмах, вплоть до 1357 г. от Рождества Христова, когда она неожиданно и с ужасной силой обрушилась на них повсюду».

«Черная смерть» одним ударом сократила население Англии на треть. К 1350 г. Ньюкасл-на-Тайне находился в тяжелейшем финансовом положении «по причине страшного мора, а также множества других бедствий военного времени», а Карлайл «был опустошен и пострадал больше, чем обычно, как из-за мора, свирепствовавшего в тех областях, так и из-за частых нападений [шотландцев]». Сифорд (Суссекс), как сообщали еще в 1356 г., «был так разорен чумой и превратностями войны, что живущих в нем людей было слишком мало, и они были слишком бедны, чтобы платить налоги или же защищать город». Еще одной жертвой чумы стал Тазмор (Оксфордшир): в 1358 г. было дано разрешение превратить поля в охотничий парк, потому что все вилланы в деревне умерли и не осталось ни одного налогоплательщика. Тем не менее ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе последствия «черной смерти» не стали катастрофическими. Типичным было поведение одного валлийца из Ратина: он «оставил свою землю во время мора по причине бедности», но к 1354 г. вернулся и «с разрешения лорда держал ту же землю в обмен на причитающиеся с нее повинности». В любом случае в густонаселенной стране нетрудно было заменить умерших держателей, и доходы землевладельцев на протяжении следующих двадцати лет упали не более чем на 10%. Что имело долговременные последствия, так это новые вспышки чумы, повторявшиеся на протяжении следующего столетия – особенно в 1360-1362, 1369 и 1375 гг., – хотя они носили локальный характер и ограничивались городами. К середине XV столетия население постепенно сократилось приблизительно до 2,5 млн человек или даже менее того.

Для тех, кто избежал страшной смерти, жизнь в конце XIV-XV в. могла оказаться не столь уж несчастной, какой она, несомненно, была до того. Для многих крестьян это было время возможностей, дерзания и изобилия. В «Кентерберийских рассказах» Чосер изобразил своих паломников с добродушным оптимизмом, а не в мрачной атмосфере уныния. На сократившемся рынке труда крестьянин зачастую мог избавиться от вековой зависимости, настоять на снижении ренты и увеличении платы за свою работу; а с обвалом

цен его уровень жизни вырос. Более успешные и честолюбивые крестьяне брали в аренду дополнительную собственность, вкладывали свободные средства в займы своим собратьям и, особенно на Юге и Востоке, впервые в истории крестьянства стали строить большие каменные дома.

Землевладельцы тоже сталкивались со значительными затруднениями. Рыночное производство пшеницы, шерсти и других товаров стало менее выгодным, площадь обрабатываемых земель в Англии сократилась, снизились и вложения в земледелие. Возросли заработная плата и расходы, поэтому разумным стало отказаться от «интенсивного земледелия» в пользу сдачи участков земли в аренду предприимчивым крестьянам. Исчезали целые общины – «утраченные английские деревни», – и многие из них были заброшены в результате двойного воздействия демографического кризиса и затянувшейся войны: среди районов с наибольшим числом «утраченных» деревень – Нортумберленд, граничащий с Шотландией, и остров Уайт – мишень для вражеских мародеров. Значительный рост населения Англии отмечается только в последние десятилетия XV в. – в Восточной Англии с 60-х годов, и вполне вероятно, что уровень 1300 г. был достигнут лишь в XVII столетии.

Экономика Англии в конце XIV в. заметно пострадала, однако это не было полным упадком. После того как люди пришли в себя после психологического шока, вызванного вспышками чумы, общество достаточно хорошо приспособилось, хотя и не без потрясений. Наиболее болезненной адаптация оказалась для землевладельцев, и они реагировали по-разному, причем не всегда с учетом интересов стабильности в стране. Одни, включая более консервативных церковных землевладельцев, таких, как аббат Сент-Олбанса, ради сохранения своих владений у оставшихся держателей использовали властные меры, в том числе подавление и вымогательство. Другие, чтобы сохранить доходы, безжалостно эксплуатировали свои поместья, и жестокие меры таких магнатов, как Мортимеры, в их огромных владениях в Уэльсе, могли стать одной из причин восстания Глендоуэра (1400). Третьи, такие, как герцоги Бекингемские, позднее, в XV в., для увеличения прибыльности своих поместий предпочитали использовать более эффективные методы хозяйствования. Четвертые считали менее дорогой альтернативой укреплению ненадежных поступлений от рент огораживание полей и общинных угодий ради превращения их в пастбища или возделываемые земли. В конце XV в. на Севере и Западе быстро распространились огораживания. Крупные и мелкие землевладельцы в целом стремились к тому, чтобы «сдержать злобу работников, которые стали ленивыми и после мора не желали служить иначе чем за огромную плату». Ордонанс Эдуарда III (1349) о возвращении к уровню оплаты, существовавшему до эпидемии, ограничивавший передвижение свободной рабочей силы, быстро превратился в парламентский статут (1351). Кроме того, магнат или джентльмен со связями имел дополнительные источники обогащения – королевское покровительство в форме пожалований земель, денег и должностей (что хорошо знали Бофоры, родственники короля Генриха VI); наследование фамильных владений, что позволило Ричарду, герцогу Йоркскому (ум. 1460), стать богатейшим магнатом своего времени; а также удачные браки с невестами с большим приданым или с богатыми вдовами. Другие процветали на королевской службе и прежде всего благодаря войне. Поразительные победы Генриха V сделали возможным захват пленников, с которых можно было взять выкуп, а также приобретение поместий в Северной Франции, так что еще в 1448 г. герцог Бекингемский получал более 530 фунтов годового дохода от французского графства Перш. Некоторые вкладывали средства, полученные от службы, и военные доходы в строительство внушительных и прекрасных замков: вспомним замки сэра Джона Фастолфа в Кайстере (Норфолк) или сэра Ральфа Ботиллера в Садли (Глостершир). Эти средства и ресурсы способствовали возникновению новых аристократических семей, которые ни в чем не уступали могуществу аристократов прошлых столетий и часто обладали серьезным влиянием в регионах, например Невилли и Перси на Севере и Стаффорды и Мортимеры на Западе.

Подобные изменения происходили также в английских городах и торговле в целом. Производство шерсти оставалось основным занятием скотоводов, но в течение XIV в. облик этого ремесла преобразился. Отчасти из-за войны и ее удара по фландрскому сукноделию, а отчасти из-за изменившихся вкусов англичан и их спроса ткачество в самой Англии поглощало все большее количество шерсти, которую раньше экспортировали. Ряд портов, через которые вывозили шерсть, – такие, как Бостон и Линн в Восточной Англии, – клонились к упадку. Ведущие центры ткачества – Стамфорд и Линкольн – уступали место множеству новых, располагавшихся в деревнях и городках, поближе к быстрым протокам и рекам, вращавшим колеса сукновален. Йорк был обойден Лидсом, Галифаксом и Бредфордом; процветающее сукноделие развивалось и дальше к Югу, в Восточной Англии, в западных графствах и даже в Уэльсе, а его главным центром на Западе стал Бристоль. Лондон оказался единственным в своем роде: только в этом городе средневековой Англии в конце XIV в. население, возможно, превышало 50 тыс. человек. Лондон был воротами королевства, терминалом для товаров, доставленных с Балтики, по Северному и Средиземному морям. Он привлекал мигрантов из центральных графств и Восточной Англии, особенно с востока центральных графств; а его пригороды разрастались вверх по Темзе к Вестминстеру. Как и в сельской местности, эти перемены выбивали из колеи привычную жизнь многих городов, где олигархии пытались сохранить свою власть в меняющемся мире. Таким образом английские землевладельцы стремились противостоять экономическому кризису, но зачастую это сопровождалось ухудшением отношений со все более требовательным крестьянством и признанными городскими общинами.

Совокупное воздействие экономических, социальных, политических и военных проблем в Англии XIV в. наглядно проявилось в Крестьянском восстании (1381). Оно было исключительным по накалу, длительности и широте охвата населения, но не по своему определяющему характеру, который проявлялся и в других заговорах и мятежах последующих лет. Участившиеся случаи насилия подстегнул новый подушный налог, на этот раз 1 шиллинг с человека, в три раза больше, чем в 1377 и 1379 гг. Народ ответил уклонением от налогов, насилием по отношению к сборщикам налогов и судьям, расследовавшим эти дела, и, наконец, в июне 1381 г. – восстанием. К сельскохозяйственным рабочим Восточной и Юго-Восточной Англии присоединились жители расположенных там городов, а также лондонцы. Восточная Англия, производившая зерно и шерсть, в полной мере испытала на себе экономический спад и социальные противоречия устаревшей феодальной системы. Кроме того, восставшие были разочарованы политическими просчетами 70-х годов XIV в. и поражениями последних лет во Франции, они боялись вражеских нападений на побережье. Хотя еретики не играли большой роли в восстании, радикальная критика учения и организации английской церкви расположила многих к осуждению института, который, как казалось, не выполнял своих обязанностей.

Главным средством исправления положения считалось давление на правительство и обращение к молодому монарху (лозунгом восставших были слова: «С королем Ричардом и верными общинами»), а потенциальным источником поддержки – население Лондона. Соответственно восставшие устремились из Эссекса и Кента (где лидерами стали Уот Тайлер и клирик-демагог Джон Болл) в Лондон. Они открыли тюрьмы, разграбили дома королевских министров, опустошили Тауэр и пытались припугнуть самого Ричарда II, добиваясь от него серьезных уступок. Если бы эти перемены были осуществлены, исчезли бы последние оковы личной зависимости и произошла настоящая революция в системе церковного и государственного землевладения. Но восстание было плохо спланировано и организовано, оно носило скорее характер спонтанного взрыва недовольства. К 15 июня восставшие были рассеяны и вернулись к своим домам.

Затишье и продолжение войны (1390-1490)

В 1389 г., когда Ричарду II исполнился двадцать один год, он провозгласил: «Я достиг совершеннолетия, чтобы управлять моим домом, домочадцами и моим королевством. Ибо мне кажется несправедливым, что положение, в котором я нахожусь, хуже того, в котором пребывает последний из моих подданных». События 1386-1388гг., когда лорды-апеллянты пытались навязать королю выбор друзей и министров, а также руководить его политическими действиями, отравили отношения между неумолимым монархом и его критиками. В их число входили самые могущественные магнаты королевства, чьи поместья в Центральной и Южной Англии соперничали по совокупному размеру с отдаленными владениями Короны в Уэльсе, Чешире и Корнуолле. Однако после 1389 г. Ричард постепенно утверждал свою власть короля Англии, разумно и храбро борясь с последствиями амбициозной политики своих предков, проводившейся в предшествовавшее столетие. В период относительного политического затишья он старательно создавал партию своих сторонников, опираясь на собственных придворных и жителей отдаленных владений, особенно Чешира и Северного Уэльса. Конфискованные владения графа Арандела усилили власть монарха в Уэльской марке, где владения аристократов были практически независимыми. Масштабная и дорогостоящая экспедиция в Ирландию в 1394-1395 гг., первая с 1210 г., возглавленная королем, оказалась успешной, восстановив английское правление и усмирив гэльских и англо-ирландских лордов посредством искусного сочетания твердости и уступок. Возможно, Ричард даже стремился к постоянно откладывавшемуся окончательному завоеванию острова. Это предприятие, несомненно, усилило его власть в еще одном королевском владении и продемонстрировало, чего может достичь, пусть и ненадолго, организация королевского домена и ресурсов. В отношении Шотландии в период после поражения англичан при Оттерберне (1388) Ричард вернулся к более традиционному пути, поощряя мятежных шотландских магнатов и планируя военные кампании; однако в 90-х годах XIV в. он стал ценить выгоды мира. Договор с Францией в 1396 г. и брак Ричарда с Изабеллой Валуа прекратили становившуюся все более тягостной войну; если бы соглашение о прекращении сражений действовало в течение всего намеченного периода (до 1426 г.), это был бы самый длительный мирный период за все время Столетней войны. Дома государь сосредоточился на восстановлении системы королевского управления, которая серьезно пострадала от личных и политических затруднений 70-х и 80-х годов. Для достижения этой цели королевская пропаганда творчески использовала церемонии и язык символов.

Ричард был изобретателен, проницателен и властен. Однако прочие его качества были не столь хороши для правителя. Его воспитание и трудная юность заложили в нем неустойчивость, проявлявшуюся как самоуверенность, отсутствие чувства меры и своеволие. Расточительный по отношению к друзьям, Ричард мог быть капризным, скрытным и жестоким по отношению к врагам. В 1397-1398 гг. он изгнал графа Уорика, казнил Арандела, убил Глостера, а затем изгнал также Дерби и Ноттингема. Безжалостное использование личной власти монарха (в надпись, составленную им для своего надгробия, входили слова: «Он сокрушил всех, кто бы ни нарушал королевскую прерогативу») сделало последние два года правления Ричарда поистине тираническими. Папу вынудили угрожать отлучением от Церкви каждому, кто «совершит нечто, наносящее ущерб правам нашей Короны, нашей королевской власти или нашей вольности, или же будет злостно клеветать на нашу персону», а договор Ричарда с Францией гарантировал помощь французов против его собственных подданных, если бы возникла такая необходимость. Вторая экспедиция Ричарда в Ирландию в мае 1399 г. предоставила Генри Болингброку, графу Дерби, а теперь и герцогу Херефордскому и Ланкастерскому, возможность вернуть свои позиции, а также и поместья герцогства Ланкастер, незадолго перед тем конфискованные Ричардом после смерти его отца. Методы короля вышли за рамки английских законов и обычаев – и переполнили чашу терпения его могущественных подданных. Однако смещение Ричарда, случившееся немного позднее в том же году (29 сентября), ознаменовало конец наиболее последовательной попытки облегчить бремя войны, лежавшее на плечах англичан.

Смещение с престола Ричарда II было судьбоносным решением. Хотя и существовал прецедент 1327 г., ситуация 1399 г. отличалась от него в одном существенном аспекте. Впервые с момента смерти Ричарда Львиное Сердце английский король завершал свое правление, не оставив сына и наследника, и королевство оказалось перед перспективой спора о престолонаследии. С 1216 г., согласно обычаю, корону передавали по старшей мужской линии, даже если король был еще ребенком (как в случае с Генрихом III и с самим Ричардом II). Однако не существовало никакого правила наследования на тот случай, если старшая мужская линия прерывается. В 1399 г. среди кровных родственников можно было выбрать семилетнего графа Марча, по бабке происходившего от Лайонела, второго сына Эдуарда III, или же Генри Болингброка, тридцатитрехлетнего сына Джона, третьего сына короля Эдуарда. Болингброк завладел престолом, уверившись в поддержке семьи Перси, ставших врагами Ричарда. Однако в чрезвычайных обстоятельствах, вызванных смещением и заключением в тюрьму Ричарда II, ни Марч, ни Болингброк не имели явных предпочтительных прав. Никакие искажения, утаивания и доводы со стороны Болингброка не могли скрыть того факта, что это был *coup d'etat* (*государственный переворот*, фр.). Таким образом, английская политическая система столкнулась с угрозой династической нестабильности, что обусловило внутренние распри и подпитывало внешние интриги и войны следующего столетия.

Тем временем Англия неизбежно столкнулась с последствиями предпринятой ранее попытки подчинить себе «кельтские народы» Британских островов. После провала изобретательной политики Ричарда II необходимо было установление более стабильных отношений, которые гарантировали бы безопасность королевства теперь, когда дальнейшие завоевания и колонизация явно оказались ему не по средствам. На практике английские короли отказались от серьезных намерений реализовать свое верховенство в Шотландии и большей части Ирландии. В XV в. они оборонялись от шотландцев, отчасти из-за возобновления войны с Францией, а отчасти из-за внутренних проблем Англии в правление Генриха IV (1399-1413) и после 1450 г. В 1419 г. шотландцы даже отправляли существенное подкрепление на помощь французам. На короткое время (1406-1424) значительные проявления враждебности на границе были предотвращены пленением в Англии короля Якова I, но впоследствии шотландцы стали более дерзкими, надеясь вернуть себе замок Роксбург, а также Берик, чего они и добились в 1460-1461 гг. Набеги, стычки на море и пиратство, почти не соблюдавшиеся перемирия породили состояние бесконечной «холодной войны». Только после окончания Столетней войны (1453) и прихода к власти в Англии династии Йорков (1461) проявилось настоящее стремление к стабилизации отношений. В 1475 г. был подписан англо-шотландский договор, а в 1502 г. – «вечный мир», несмотря на недовольство Франции и периодические английские кампании в Шотландии, такие, как взятие Берика Ричардом, герцогом Глостерским, в 1482 г. Это ознаменовало большой сдвиг в отношениях между двумя странами, хотя население на границе продолжало обогащаться от набегов, и образом жизни являлся беспорядок.

Равновесие, достигнутое в отношениях с Ирландией, было менее выгодно для Англии, нежели для гэльского населения и англо-ирландской знати. Смелая попытка Ричарда II утвердить королевскую власть провалилась, и ее больше не повторяли на протяжении Средневековья. Власть короля в Ирландии, хотя и поддерживавшаяся большими субсидиями из Англии, оставалась слабой: ирландцы наслаждались независимостью и относительным благополучием, а англоирландцы берегли собственную власть, договорившись со своими гэльскими собратьями. Основной задачей английского правительства оставалась безопасность («Ирландия есть крепость и оборонительный рубеж для Англии», как утверждал современник в 30-х годах XV в.), поэтому значительный интерес к ирландским делам проявляли, только когда ей что-то угрожало, – во время восстания в Уэльсе (1400-1409) и в середине XV в. Результатом стали распад власти внутри страны и отделение от Англии. Для сохранения хотя бы видимости власти правительство могло полагаться только на один источник влияния – крупных англо-ирландских магнатов:

большинство англичан не желало отправляться в Ирландию, эффективное управление из Дублина было невозможным, а ресурсов для завоевания просто не было. Реальными правителями Ирландии в XV в. были магнаты, такие, как графы Ормонд или Килдер; даже если правительство пожелало бы избавиться от них, оно не смогло бы этого сделать. Равновесие в англо-ирландских отношениях было достигнуто за счет отказа от действенного английского контроля.

В Уэльсе наследие полного завоевания породило собственные проблемы, прежде всего враждебность, которая на фоне неустойчивой экономики конца XIV в. концентрировалась в городках, принявших английский образ жизни, и была направлена против служителей Церкви и государства, по большей части уроженцев приграничных английских графств или даже более дальних территорий. Враждебность проявилась в восстании Оуэна Глендоуэра в 1400 г., и этот печальный опыт заставил большинство англичан смотреть на Уэльс с подозрительностью и страхом. Один современник предупреждал:

Берегись Уэльса, да охранит нас Христос,
Чтобы он не заставил плакать наше дитя
И нас самих, если так случится
Из-за неосторожности; с тех самых дней
Люди боятся восстания в тех землях…

Итак, Уэльс создавал угрозу безопасности, и гораздо более близкую к дому. Он не только обеспечивал место высадки для врага из-за моря (как происходило в разгар восстания Глендоуэра и еще несколько раз во время Войны Алой и Белой розы), но был также землей, запятнанной дурным управлением и отсутствием порядка. Сразу после поражения восстания Генрих V продемонстрировал в отношении валлийцев твердость в сочетании с примирительным настроем, а лордам Уэльской марки было приказано вернуться в свои владения. Однако позднее ни Корона, ни лорды Уэльской марки не были в состоянии обеспечивать твердую власть, а валлийские сквайры, собратья по оружию английского дворянства, проявляли все меньше ответственности. Тем не менее они были нужны Короне и лордам Уэльской марки, чтобы управлять Уэльсом, поскольку Корона увязла в гражданской войне. К концу XV в. падение доходов и враждебность валлийцев удерживали некоторых лордов за пределами их владений. Страна, где к 1449 г. «ежедневно ширилось и росло неподчинение», на протяжении большей части столетия постоянно угрожала порядку – и, следовательно, безопасности. Одно за другим английские правительства, от Генриха VI до Генриха VII, стремились поддерживать мир в Уэльсе, улучшать систему управления и контролировать местных сквайров, потому что только так можно было устранить угрозу пограничным графствам и стабильности в королевстве. В первой половине столетия их целью было упорядочить существовавшую систему правосудия, полагаясь на то, что королевские чиновники и лорды Уэльской марки выполнят свои обязанности. Позднее Эдуард IV принял более радикальные и конструктивные меры, поместив в 70-х годах XV в. своего сына, принца Уэльского, в Ладлоу с правом надзора над делами Уэльса, пограничных марок и английских графств по границе. Это был смелый пример делегирования власти, обеспечивший принцам в будущем влияние во всем Уэльсе.

Для сохранения мира в королевстве и успешного управления важна была территориальная власть английских магнатов (баронов, виконтов, графов, маркизов и герцогов – по возрастанию статуса). В XV в. они превратились в четко очерченную наследственную социальную группу, практически полностью совпадавшую с кругом наследных пэров, заседавших в Палате лордов. Монарх мог создать новых пэров (чем часто пользовались Генрих VI и Эдуард IV) и наделить уже существовавших более высоким статусом, тогда как для сохранения богатства и влияния магната было важно королевское покровительство. Монархи, не понимавшие этого, рисковали вступить в серьезный

конфликт со своими магнатами (что, на свою беду, допустили Ричард II и Ричард III). Хотя магнатов было немного – максимум шестьдесят семей, а возможно, лишь половина этого числа после десятилетий гражданской войны, – их роль была столь велика не только потому, что некоторые из них держали независимые владения в Уэльской марке или, как Невилли и Перси, доминировали на Севере, но также и благодаря тому, что они осуществляли социальный и политический контроль над английской провинцией. Магнаты являлись более эффективной опорой Короны, нежели бюрократия или государственные служащие. Это особенно верно применительно к столетию, когда три династии захватывали престол силой и вели как внутри, так и за пределами страны серьезные войны, в ход которых магнаты вносили значительный вклад. Они непосредственно испытывали последствия унизительных поражений во Франции и утрат английских территорий, поэтому позднее Эдуард IV и Генрих VII предпочитали избегать таких неудач.

Магнаты имели те же интересы, что и английское дворянство– от 6 до 9 тыс. джентльменов, эсквайров и рыцарей, искавших «доброго господина» среди магнатов и предоставлявших ему в обмен «верную службу». Магнаты давали денежное вознаграждение, земли и должности, а дворяне им – совет, поддержку и военную помощь: в 1454 г. знак герцога Бекингемского носили около 2 тыс. человек его свиты. Города и горожане являлись частью этих взаимовыгодных отношений и обмена услуг, которым историки дали нелицеприятное наименование «бастардный феодализм». Еще один аспект этих сложных взаимоотношений состоял в поведении магнатов, а также дворян и горожан в двух палатах Парламента – лордов и общин.

Взаимодействие между магнатами и их клиентами было особенно важно для династий-узурпаторов XV в. Ланкастеры находились в выгодном положении, так как Генрих IV унаследовал сеть связей, созданную его отцом, Джоном Гонтом. Имея доход в 12 тыс. фунтов в год, Гонт был богатейшим магнатом позднесредневековой Англии, а его обширные владения и система патроната находились теперь в распоряжении его потомков – королей Англии (1399-1461). Йорки (1461-1485), как наследники графа Марча, другого кандидата на королевский престол в 1399 г., обладали меньшим влиянием, за исключением пределов Уэльской марки. Отсутствие опоры на большинство магнатов явилось серьезной слабостью династии, продержавшейся у власти всего двадцать четыре года. Генрих VII, унаследовавший поместья, локальное влияние и сеть покровительства не только от Ланкастеров и Йорков, но также и от Невиллов, Бофоров и других жертв гражданской войны, установил жесткий контроль над всеми английскими магнатами и дворянами.

Первый из узурпаторов, Генрих IV, имел то преимущество, что смещенный им король имел множество врагов, а его сторонники среди знати были дискредитированы. Энергия, стойкость и умение убеждать, свойственные Генриху, – не говоря уже о его щедрости – и его ланкастерские связи дали ему возможность одержать верх над самой страшной комбинацией противников, с какой когда-либо сталкивался английский монарх. Планы верных сторонников Ричарда II убить Генриха и его сыновей в Виндзорском замке сорвались, а мятежники были схвачены и убиты в Сиренсестере (декабрь 1399 г.). Угроза со стороны друзей Ричарда привела вскоре после этого к его загадочной гибели в замке Понтефракт. Графы Нортумберлендский и Вустерский из семьи Перси, настоящие «создатели королей» в 1399 г., к 1403 г. настолько разочаровались в государе из-за его стремления привлечь на свою сторону все общественное мнение, что подготовили несколько восстаний. Сын графа Нортумберлендского («Горячий»), отправился с войском на соединение с мятежниками Уэльса, но был разгромлен и убит при Шрусбери. Союз Перси со Скроупом, архиепископом Йоркским, поднял против короля весь Север, однако Генрих вновь быстро среагировал и в 1405 г. казнил прелата. Точно так же не достиг цели и последний удар графа Нортумберлендского, нанесенный при помощи шотландцев у Брэмэм-Мура, где граф был убит (1408).

Восстание в Уэльсе уходило корнями в противоречия колониального общества. Горе пострадавших от чумы людей, угнетение со стороны землевладельцев-чужаков,

стремившихся сохранить свои доходы, склонность англичан захлопывать двери перед честолюбивыми валлийцами, негодование по поводу смещения Ричарда II – все это соединилось, чтобы привести страну к восстанию (1400). Разнообразие мотивов, которыми руководствовались мятежники, и разделение в валлийском обществе говорят о том, что восстание не было исключительно националистическим и патриотическим. Однако оно стало одной из самых серьезных угроз, с которой столкнулся Генрих IV, а подавление его обошлось королю очень дорого. Выступив из своих поместий на северо-востоке Уэльса, Оуэн Глендоуэр опустошал замки и английские города. Он и его партизанские отряды использовали гористую местность, внезапно атакуя и изматывая врага, а затем исчезая «среди скал и пещер». Его успех можно оценить по длительности восстания, отсутствию решающих сражений и бесплодности королевских экспедиций. Глендоуэр иногда мог призвать до 8 тыс. человек, он искал помощи Франции (1403) и собратьев-«кельтов» в Шотландии и Ирландии (1401). В «парламентах» 1404 и 1405 гг. он объявил о величественных планах для независимого Уэльса, обладающего собственной церковной организацией и университетами (цели, которые так и не были реализованы на протяжении последующих четырех столетий), а его союз с Перси должен был стать прелюдией к расчленению королевства Генриха IV.

Англичане под командованием короля и его старшего сына, принца Генри, провели несколько кампаний в Уэльсе (1400-1405), и их стратегия напоминала ту, что использовалась во Франции, – внезапные передвижения, опустошительные набеги (*chevauchées*) и скоординированные поставки по суше и по морю. Военное бремя тяжелее всего ложилось на приграничные графства и на запад центральных графств, где снова и снова набирали людей для службы в Уэльсе. Эти армии были довольно многочисленными – до 4 тыс. человек, особенно если припомнить, что армии, отправлявшиеся во Францию, редко превышали 5-6 тыс. человек. Однако служба в Уэльсе отнюдь не казалась столь же привлекательной, как служба на суливших быстрое обогащение полях Франции; возникали затруднения с наличностью для уплаты солдатам и гарнизонам, и в сентябре 1403 г. Генриху IV заявили, что «он не найдет ни одного джентльмена, который сделал бы хоть шаг в эту страну».

В целом обезопасив себя на Севере и Западе, Оуэн испытывал трудности от нехватки людей, продовольствия и денег, а после неудачного похода на Вустер в 1405 г. его звезда начала клониться к закату. Он потерял своего шотландского союзника, когда Яков I попал в руки к англичанам (1406), к тому же в 1407 г. было заключено англо-французское перемирие.

К 1408 г. главные угрозы для Генриха IV были устранены: благодаря стойкости, решительности и готовности жить в седле, преследуя своих врагов по всей Англии и Уэльсу, вплоть до Эдинбурга и дальше, он одержал победу над всеми. При помощи примирительных мер Генрих добился поддержки Парламента, не уступив значительных прерогатив королевской власти, а его четыре сына, Генри, Томас, Джон и Хамфри, были активом, все более возраставшим в цене. После смерти Генриха IV в 1413 г. династия столкнулась лишь с двумя угрозами. Когда на следующий год антиклерикализм ряда придворных превратился в ересь, Генрих V без колебаний обрек на смерть даже своего старого друга, сэра Джона Олдкасла. Последний (до 1450 г.) мятеж, связанный с узурпацией 1399 г., – восстание в поддержку графа Марча в 1415 г. было подавлено непосредственно перед тем, как «король Хэл» отправился во Францию. Генрих IV добился значительных успехов, заложив твердые основания для своей династии. Международное признание династии ознаменовалось союзами с немецкими княжествами, Скандинавией, Бретанью и Бургундской Фландрией.

Генрих V унаследовал королевство, в достаточной степени примиренное, лояльное и единое, чтобы он мог долго (с 1415 г.) воевать во Франции, проведя за границей большую часть последних семи лет царствования. Обретя военный и управленческий опыт еще в качестве принца Уэльского, он оказался талантливым, бесстрашным и властным монархом,

отбросившим отцовскую осторожность. Даже в периоды пребывания Генриха во Франции его управление было твердым и энергичным, что позволило ему вести столь же популярную войну, какой были первые кампании Эдуарда III. Правление Генриха стало расцветом ланкастерской Англии.

Военные кампании Англии в Западной Европе в позднее Средневековье

Генрих подготовился к войне, примирившись с уцелевшими сторонниками Ричарда и возобновив внешние союзы. Положение Франции, с ее безумным королем и ссорящейся знатью, подстегивало мечты о завоевании. К 1415 г. Генрих чувствовал себя в состоянии требовать полного суверенитета над территориями, о которых и не мечтал Эдуард III, и даже возобновить претензии на французский престол. Амбиции Генриха совпадали с желаниями его подданных. Многочисленные армии собирались под предводительством полных энтузиазма магнатов и рыцарей; королевство часто и щедро выделяло средства, голосуя за налоги, и государь мог публично объявить о своих целях, чтобы получить поддержку. Он даже построил флот, с тем чтобы контролировать Ла-Манш. Энтузиазм не исчез и после смерти короля, хотя общины в Парламенте (1420), как и их предки при Эдуарде III, выразили озабоченность тем, какие последствия для Англии будет иметь окончательное покорение Франции.

Стратегия Генриха V была той же, что и у Эдуарда: он вступал в союзы с французской знатью, использовал ее внутренние противоречия и выдвигал свои собственные династические претензии. На протяжении всей войны успехи Англии во многом зависели от поддержки Бургундии. Вскоре, однако, целями вторгшихся стали завоевание и беспрецедентная по масштабу колонизация. Военная экспедиция 1415 г. была только пробой, и победа при Азенкуре блестяще оправдала традиционную английскую тактику. Поэтому в 1417-1420 гг. Генрих начал завоевание Нормандии, которая, вместе с близлежащими провинциями, в его правление и позднее являлась основным театром военных действий. Подписанный в Труа договор с Карлом VI (1420) сделал Генриха регентом Франции и наследником трона Валуа вместо дофина. Этот исключительный договор определил англо-французские отношения на срок более чем одного поколения. Хотя Генрих V так и не стал королем Франции (он скончался раньше Карла VI, в 1422 г.), его новорожденный сын, Генрих VI Английский, а для сторонников Англии также и Генрих II Французский, унаследовал двойную монархию. Сохранение ее потребует непрестанных усилий.

На протяжении 1417-1429 гг. Генрих V и Джон, герцог Бедфордский, его брат и преемник в качестве главнокомандующего во Франции, отодвигали границу Нормандии к востоку и югу, снова и снова громя французов при Азенкуре (1415), Краване (1423) и Вернее (1424). Это был пик английского могущества во Франции. Герцог Бедфордский использовал «конструктивный баланс твердости и уступок», для того чтобы и завоеванные земли, и дальнейшие кампании окупали себя. Однако сопротивление французов, вдохновленных Жанной д'Арк, и коронация Карла VII в Реймсе (1429) сорвали этот план, а продвижение англичан было остановлено после поражения у Патэ. Впоследствии нормандцы стали выказывать недовольство иностранными правителями, начали колебаться бретонские и бургундские союзники Англии, а английскому Парламенту приходилось изыскивать дополнительные средства на войну во Франции, где гарнизоны и полевые армии превращались во все возраставшее бремя. Англичане оказались в военной и финансовой западне – и не имели гения Генриха V, чтобы направлять их.

В 30-х годах XV в. стремление к миру становилось все более настоятельным, особенно в Англии. Конгресс в Арасе (1435) и переговоры в Гравелине (1439) оказались непродуктивными, во многом потому, что английское общественное мнение не было единым относительно того, насколько желателен мир и разумны ли дальнейшие уступки. Но решающими факторами стали удача, перешедшая на сторону Карла VII, все большее удорожание английских экспедиций для спасения Франции Ланкастеров, смерть графа Бедфордского в 1435 г. и главным образом измена Бургундии. Правительство освободило герцога Орлеанского (находившегося в английском плену со времени сражения при Азенкуре), чтобы он способствовал установлению мира между его собратьями, французскими принцами (1440), однако успехи герцога оказались ограниченными. В 1445 г. Генрих VI женился на племяннице французской королевы, Маргарите Анжуйской, но даже это позволило лишь заключить перемирие, а предложенная встреча королей так и

не состоялась. В конце концов, в знак своего искреннего стремления к миру Генрих пообещал отказаться от завоеванной тяжкими усилиями территории в графстве Мэн. Его неудачная попытка получить поддержку подданных для этого шага – особенно тех магнатов и дворян, которые имели земли во Франции и вынесли на себе тяготы сражений, – привела к тому, что выведенные из терпения французы в 1449 г. напали на Нормандию. Их натиск, поддержанный артиллерией, оказался столь неукротимым, что англичане были разбиты под Руаном и в Форминьи, а к концу августа 1450 г. быстро эвакуировались из герцогства. «…Никогда еще столь большая страна не была завоевана в течение столь короткого промежутка времени, с такими незначительными потерями среди населения и солдат, при столь небольшом количестве убитых, разрушений и ущерба сельской округе», – сообщал французский хронист.

Победоносная французская армия вторглась в Гасконь, которая при Генрихе V и Генрихе VI почти не видела серьезных боевых действий, и после победы французов при Кастильоне 17 июля 1453 г. английские территории на юго-западе были потеряны навсегда. Это был самый страшный удар: Гасконь принадлежала Англии с XII в., и сильно пострадала давно существовавшая торговля вином и шерстью с Юго-Западной Францией. Из всей «империи» Генриха V теперь сохранился только Кале. Побежденные и разочарованные солдаты, вернувшиеся в Англию, считали дискредитированное правительство Ланкастеров ответственным за их изгнание и за потерю завоеваний Генриха V. Дома, в своей стране, Генрих VI столкнулся с последствиями поражения.

В первые три недели после поражения при Кастильоне Генрих VI пережил физический и нервный срыв, продолжавшийся в течение семнадцати месяцев, от которого он, возможно, до конца так и не оправился. Утрата его Французского королевства (а Генрих был единственным английским королем, коронованным во Франции), вероятно, стала причиной его нервного расстройства, хотя к 1453 г. и другие аспекты его политики давали основания для серьезного беспокойства. Те, кому Генрих доверял, прежде всего герцоги Саффолкский (убит в 1450 г.) и Сомерсетский (убит в сражении при Сент-Олбансе в 1455 г.), оказались недостойными его расположения, и их ненавидело большинство населения. Те, кто не добился королевского фавора, – среди них Ричард, герцог Йоркский и графы Солсберийский и Уорикский из семейства Невиллов – были преисполнены горечи и негодования, а их попытки улучшить свое положение блокировались королем и его двором. Правительство Генриха было близко к банкротству, а его власть в провинциях, Уэльсе и Ирландии почти сошла на нет. Летом 1450 г. произошло народное восстание, первое с 1381 г., возглавленное таинственным, но талантливым Джоном Кэдом, который на несколько дней захватил Лондон и обличал королевских министров. Личную ответственность короля за бедствия Англии, без сомнения, следует признать большой.

Генрих VI был полон добрых намерений и похвальных устремлений в отношении образования и религии; он стремился к миру с Францией и желал вознаградить своих друзей и слуг. Однако ни один средневековый король не мог править, руководствуясь лишь благими намерениями. Кроме того, Генрих был расточительным, слишком снисходительным и не обладал проницательностью и уравновешенностью, позволяющими разбираться в людях. Он был умен и получил хорошее образование, но оказался самым неопытным из королей, так и не избавившимся от юношеской привычки полагаться на других, ставшей неизбежным результатом его долгого несовершеннолетия (1422-1436). Необходимо признать, что многих проблем, возникших перед Генрихом, избежать было невозможно. Двойная монархия налагала более тяжелые и сложные обязательства, нежели те, что возникали перед воином-завоевателем, таким, как Эдуард III или Генрих V. Несовершеннолетие Генриха VI стало периодом правления магнатов, укрепившим положение тех, от кого оказалось нелегко избавиться, когда король стал взрослым, – в частности, его дяди Хамфри, герцога Глостерского, и двоюродного деда, Генри Бофора, кардинала-епископа Винчестерского. Более того, после смерти герцога Глостерского в 1447 г. Генрих остался единственным потомком Генриха IV по прямой мужской линии, и

этот факт заставил его лишить своего доверия герцога Йоркского, наследника скончавшегося в 1399 г. графа Марча. Позднее у многих появились причины разочароваться в правлении поздних Ланкастеров, а потенциальным вожаком недовольных стал Ричард Йоркский.

Несмотря на болезнь короля, рождение сына его сварливой супругой в октябре 1453 г. усилило династию Ланкастеров, но вряд ли улучшило непосредственную перспективу для королевства или для Ричарда Йоркского. Первый из английских герцогов и кузен Генриха, Ричард дважды становился протектором королевства в периоды неспособности короля (1454-1455, 1455-1456). Однако в этом качестве он вызвал непримиримую враждебность со стороны королевы, следствием чего стали сражения при Блор-Хит и Ланфорд-Бридже (сентябрь-октябрь 1459 г.), а также созыв Парламента в Ковентри, который подверг опале герцога Йоркского, Невиллов и их сторонников. Превращение могущественного человека во врага режима, совершившего множество просчетов дома и за границей, закончилось тем, что в октябре 1460 г. герцог Йоркский потребовал корону для себя. Несколько месяцев спустя он погиб в сражении при Уэйкфилде, и его сын Эдуард при помощи графа Уорикского сам принял корону 4 марта 1461 г. Начался период, широко известный как Война Алой и Белой розы, причины которой созрели еще в середине XV столетия.

Новый монарх из династии Йорков, Эдуард IV, столкнулся с кардинальной проблемой: смещенный король, королева и их сын все еще находились на свободе. Тем самым они создавали центр притяжения для своих сторонников и союзников – шотландцев и французов, которые были только рады навредить слабому английскому правительству. После захвата Генриха в плен на Севере (1465) Эдуард почувствовал себя в большей безопасности, хотя даже тогда бывший монарх оставался пленником в Тауэре, а его жена и сын получили убежище в Шотландии, а потом во Франции. Более серьезной стала неудача Эдуарда в попытке завоевать широкую поддержку со стороны английских магнатов и их клиентов. К тому же в конце 60-х годов он постепенно лишился поддержки могущественного «делателя королей», графа Уорикского, которому (как графу Нортумберлендскому после 1399 г.) не нравилась растущая независимость короля. Эдуарду изменил и его легкомысленный брат Джордж, герцог Кларенский. Все эти разнообразные элементы объединились, планируя восстание (1469), и при посредничестве Людовика XI Французского в июле 1470 г. достигли соглашения с изгнанной королевой Маргаритой из династии Ланкастеров. Граф Уорикский, герцог Кларенский, сторонники Ланкастеров и недовольные соратники Йорков вернулись в Англию, вынудив Эдуарда IV бежать к своему союзнику, герцогу Бургундскому. Они восстановили (или «вновь приняли») на престоле Генриха VI, первого из английских королей, имевшего два отдельных периода правления (1470-1471). Когда в ноябре 1470 г. вновь собрался Парламент, канцлер обратился не только к Вестминстеру, но к стране в целом, взяв в качестве стиха для проповеди на открытие Парламента слова: «Вернитесь, дети заблудшие, сказал Господь».

Однако смещенный Эдуард, как и Генрих VI до него, был на свободе и при помощи бургундцев смог набрать армию. Восстановленное правительство Генриха было ослаблено конфликтом взаимоисключающих влияний и интересов. Поэтому, когда Эдуард в марте 1471 г. вернулся в Англию, он сумел разгромить графа Уорикского при Барнете (граф был убит), а затем направился к Тьюксбери, чтобы уничтожить только что вернувшихся из Франции королеву и принца. Наконец-то династия Эдуарда была в безопасности: королева Маргарита была захвачена в плен при Тьюксбери, ее сын погиб в сражении, и в ту самую ночь (21 мая), когда Эдуард с победой вернулся в Лондон, Генрих VI умер в Тауэре, а вероятнее всего, был убит. Так пресеклась основная линия Ланкастеров. Противники Йорков были либо запуганы, либо убиты, а герцог Кларенский, в то время примирившийся с братом, позднее, в 1478 г., был казнен за новые проступки.

Относительная политическая безопасность, которую Эдуард почувствовал в 70-х годах XV в., позволила ему начать период твердого правления. Он постарался восстановить репутацию Англии за границей, вступив в союзы с Бретанью, Бургундией и Шотландией, а

также возобновив политику своих предшественников в отношении Франции. Его экспедиция 1475 г. чуть не обернулась катастрофой из-за ненадежности союзников в Бретани и Бургундии, но по договору в Пикиньи Людовик XI предоставил ему весомые финансовые аргументы вернуться в Англию. Попытки Эдуарда реорганизовать управление финансами следовали образцам периода Ланкастеров. Желая умиротворить Парламент, он обещал править без специальных налогов, что при необходимости вознаграждать друзей и привлекать политических сторонников делало невозможным проведение последовательной программы увеличения доходов. Исходя из этого, Эдуард вошел в доверие к купцам и лондонцам, участвуя в торговле от собственного имени и установив хорошие отношения с Фландрией и Ганзейской лигой германских портов. Стабильностью последних лет правления он был обязан прежде всего непрерывной службе нескольких талантливых и лояльных государственных деятелей.

Почему же Война Роз не закончилась тогда же и почему Тюдоры известны потомкам не только как сквайры из Северного Уэльса? В 1483-1485 гг. Йорки пали жертвой двух наиболее распространенных бедствий личной монархии: несовершеннолетия правителя и безжалостных амбиций королевских родственников. Когда 9 апреля 1483 г. Эдуард IV умер, его сыну и наследнику Эдуарду было двенадцать лет. Период его несовершеннолетия предстоял не такой уж долгий, и в любом случае Англия переживала предыдущие периоды несовершеннолетия королевских наследников без особых затруднений. Но распад традиций политического поведения во второй половине XV в., и в первую очередь порой импульсивные, безжалостные и незаконные действия Эдуарда IV, графа Уорикского и герцога Кларенского, сделали наследство Эдуарда V гораздо более опасным. Братья Йорки – Эдуард, герцог Кларенский и герцог Глостерский, как представляется, оказались неспособными перерасти аристократические амбиции и принять на себя королевские обязанности за то короткое время, что династия находилась на престоле. Укрепляя свою власть в королевстве, Эдуард полагался на группу магнатов, по большей части связанных либо с его семьей, либо с семьей его жены – Вудвиллами: Глостер на Севере, Вудвиллы в Уэльсе и лорд Гастингс в Центральной Англии. Такая система работала довольно хорошо, пока Эдуард был жив, однако в 1483 г. вновь проявились все опасности, связанные с опорой на избранный круг. Позиции этого круга ослабляло недоверие, особенно между Глостером и Вудвиллами, а те, кто не принадлежал к нему, – прежде всего Перси, давно укоренившиеся на Севере, и герцог Бекингемский в Уэльсе и на западе центральных графств – ухватились за предоставленную им возможность.

В таких обстоятельствах характер и честолюбие единственного из оставшихся в живых братьев Йорков, тридцатилетнего Ричарда Глостерского, заставили его задуматься о захвате короны своего племянника. Двадцать шестого июня 1483 г. Ричард узурпировал престол, заключив в тюрьму (и, вероятно, убив) Эдуарда V и его брата – «принцев в Тауэре»,– а также казнил брата королевы и лорда Гастингса. Его единственной уступкой обычным правилам наследования короны стало беспринципное объявление Эдуарда IV и его сыновей незаконнорожденными; детей герцога Кларенского он проигнорировал. Действия и методы Ричарда III привели к возобновлению династической войны. В октябре 1483 г. восстал герцог Бекингемский, происходивший от Томаса, пятого сына Эдуарда III. Более успешной оказалась высадка прибывшего из Франции в августе 1485 г. Генриха Тюдора, хотя его претензии на престол восходили всего лишь к правам его матери, представлявшей Бофоров, незаконнорожденных потомков третьего сына Эдуарда III. Тем не менее 22 августа 1485 г. при Босуорте Генрих разгромил и убил короля Ричарда III. К тому моменту линия самого Ричарда пресеклась: его жена и единственный сын уже умерли.

Генриху VII удалось сохранить корону после Босуорта благодаря ряду факторов. Единственный из узурпаторов XV в., он сумел убить своего бездетного предшественника в сражении. В дальнейшем решающую роль для него сыграла поддержка разочарованных сторонников Йорков, особенно вдовы Эдуарда IV. Кроме того, английские магнаты устали от войны: их ряды поредели, и в некоторых случаях их власть на местах ослабела или была

ликвидирована. В результате попытки сместить Генриха не нашли поддержки Англии, а претенденты – Йорки (например, Ламберт Симнел в 1487 г.) оказались неубедительными. Собственно военные действия в 1455-1485гг. длились, вероятно, всего пятнадцать месяцев, а численность задействованных армий была не очень большой; однако значение битвы порой заключается не в количестве бойцов или числе убитых. Война Роз чуть было не уничтожила наследственную основу английской монархии, и захват престола Генрихом Тюдором с трудом укрепил ее. Хотя Генрих изображал себя представителем и наследником обеих династий – и Ланкастеров, и Йорков, в реальности он стал королем и решил им остаться лишь благодаря собственным усилиям.

На пути к нации

Английские короли пользовались в своем королевстве властью, которой французские монархи могли только позавидовать, а Корона воплощала единство Англии. Ее носитель отличался от других людей. Церемония коронации подчеркивала причастность короля духовной власти, чем обосновывалась предполагаемая способность королей излечивать своим прикосновением болезнь кожи – золотуху. Ричард II настаивал на том, чтобы каждый приближавшийся к нему преклонял колено, а в XV в. привычным стало обращение «Ваше Величество».

Рука королевской администрации дотягивалась до самых удаленных оконечностей Британских островов (за исключением Севера и Запада), что позволяло проводить в жизнь решения, новые законы и собирать налоги. Независимые владения епископа Даремского и графа Честерского находились вне системы английских графств и обладали особыми вольностями. Однако речь не идет о том, что они были недоступными для королевского правительства: епископы Даремские почти всегда назначались королем, а также часто являлись королевскими советниками, как Энтони Бек (ум. 1311) и Томас Ленгли (ум. 1437); граф Честерский после 1301 г. был одновременно принцем Уэльским – старшим сыном короля, и на протяжении большей части позднего Средневековья Чеширом управлял король, поскольку не было совершеннолетнего графа.

Королевское управление было коллективным делом. В каждом графстве шерифы и вновь возникшие мировые судьи выполняли свои обязанности при помощи знати и местного дворянства, чьи интересы, в свою очередь, были тесно связаны с монархом, главным источником благосостояния и патроната в стране. Парламент, с его представителями общин от графств и городов от Карлайла до Корнуолла, от Шрусбери до Саффолка, стал играть важную роль в позднесредневековой политической системе. В правление Эдуарда I войны и внутренние усобицы создали для короля необходимость совещаться с подданными («общиной королевства», как называли их современники) спрашивать их совета при принятии и претворении в жизнь решений, касавшихся всего королевства. Мудрым казалось также время от времени включать в состав основной ассамблеи – Парламента – местных представителей, а также светских и церковных лордов. Желание наложить руку на богатство горожан, мелких землевладельцев и знати; нужда в материальной помощи и поддержке во время войны и политического кризиса; разумное стремление иметь на своей стороне представительную ассамблею, принимая спорные решения или вводя новшества в законы или социально-экономическое устройство, – все эти факторы способствовали частому созыву Парламента (в среднем в 1327-1437 гг. его созывали раз в год), оформлению его особых функций и процедур, а после 1337 г. также и обретению постоянной роли представителями общин. Это учреждение, в отличие от прочих парламентов средневековой Европы, обсуждало и важные дела, и более мелкие вопросы, внесенные на рассмотрение отдельными людьми. Парламент обладал монополией на право вводить новые налоги с англичан; он являлся высшим судом королевства; он принимал новые законы и изменял уже существовавшие законодательным путем. Даже представители общин добились привилегий для себя – свободы слова и свободы от ареста во время

заседания Парламента. По сути Парламент оставался инструментом управления в руках короля, но мог порой критиковать его политику и министров (как это случилось в 70-х и 80-х годах XIV в.), хотя почти никогда – самого короля. Когда практическая необходимость, вызвавшая Парламент к жизни и поощрявшая его развитие, исчезла, его стали созывать гораздо реже: в среднем раз в три года, как в период между 1453 (окончание Столетней войны) и 1509 гг.

Представителей общин необходимо было проинформировать, улестить и убедить, прежде чем они возвращались домой, в свои графства, значительная часть жителей которых стремилась узнать новости о государственных делах. В конце концов, именно они платили налоги, воевали за пределами страны и обороняли ее, от них требовали содействия и повиновения. Поэтому правительству было желательно тщательно взвешивать новости, сообщаемые королевству, и мнения, которые, как оно надеялось, усвоят подданные монарха. Для этих целей использовались хорошо развитые методы коммуникации и пропаганды. Преамбулы официальных прокламаций могли популяризировать политику и оправдывать практику: прокламации Эдуарда IV против Маргариты, жены смещенного Генриха VI, использовали память о казненном дедом Генриха архиепископе Йоркском Скроупе, который с тех пор приобрел ореол мученика. Их можно считать образцом искусной пропаганды, направленной на создание оппозиции династии Ланкастеров; прокламации рассылали в каждое графство, где публично оглашали их содержание. Песни и баллады также достигали широких аудиторий, и некоторые из них, вдохновленные правительством, сверх всякой меры превозносили славу Азенкура. Не менее эффективными для формирования общественного мнения и обретения поддержки были проповеди: в 1443 г. Генрих VI потребовал, чтобы в каждую епархию послали хороших, способных вдохновить публику проповедников, которые должны были с кафедры подкрепить просьбу короля о деньгах для еще одной кампании во Франции. Коронации, королевские путешествия и официальные въезды королей и королев в Йорк, Бристоль и Глостер (а также Лондон) всегда в полной мере использовались для пропаганды, подкрепляемой и античной мифологией, и христианскими образами, и чувством патриотизма. В 1417 г. на банкете в Лондоне Генрих V был представлен присутствовавшим в качестве воина Христа, вернувшегося из крестового похода против французов. Если кто-либо из горожан сомневался в справедливости его вторжения во Францию, представление должно было убедить их.

Циркуляция писем, призванных информировать, убеждать и оправдывать, служила максимально близким аналогом публикаций в эпоху до изобретения печати. Подобные письма быстро нашли свой путь в хроники. В XV в. авторы писали свои труды не без внешнего побуждения. Так, Томас Хокклив был скромным бюрократом на правительственной службе, и Генрих V платил ему за сочинение хвалебных стихов об Азенкуре и об осаде англичанами Руана (1419). Джон Лидгейт долго пользовался покровительством Генриха VI и его двора за то, что вызывал у читателей всплески ярого патриотизма по поводу удачной обороны Кале от нападения бургундцев в 1436 г.

Король, его двор и министры – те, кто по преимуществу использовал эти каналы коммуникации, – чаще всего пребывали в Вестминстере, Лондоне или Виндзоре. Святыней английской монархии было Вестминстерское аббатство, и Парламент обычно собирался именно там (тридцать один раз между 1339 и 1371 гг., а после 1459 г. ни один Парламент не собирался в каком-либо другом месте). Правительственные ведомства тоже постепенно оседали в определенных местах – в Вестминстере или, реже, в Лондоне, крупнейшем и богатейшем городе страны. В позднее Средневековье он стал бесспорной столицей королевства во всех сферах, за исключением церковной (Кентербери оставался кафедрой примаса всей Англии). Наряду с Вестминстером и растущими пригородами между ними Лондон стал административным, торговым, культурным и общественным центром королевства. Правительственные ведомства росли, усложняли свою деятельность и увеличивали ее масштаб, особенно в военное время: необходимо было собирать и

распределять регулярные налоги, созывать Парламент, развивать таможенную службу, нужно было откликаться на события войны и потребности обороны и следить за поддержанием закона и порядка в стране. Результатом стало централизованное, скоординированное правительство, располагавшееся в определенном месте. Йорк утратил свое значение в качестве соперничающего центра, когда в первой трети XIV в. постоянная война с Шотландией отошла на второй план, уступив место более масштабным военным планам во Франции. Более того, отсутствие Эдуарда III и Генриха V во время кампаний за морями усиливало тенденцию к созданию фиксированного центра деятельности правительства, который мог бы работать без активного участия самого короля. Кризис 1339-1341 гг. заставил Эдуарда III понять, что он не может больше возить правительство за собой, как делали Эдуард I и его предшественники. В 1340 г. казначейство вернулось в Вестминстер, чтобы никогда больше его не покидать. Бюрократы королевской канцелярии, казначейства и судебных ведомств множились в столице и, будучи честолюбивыми мелкими землевладельцами, наводняли соседние графства. Магнаты, епископы и аббаты приобретали постоялые дворы или дома в городе либо его окрестностях, а фамилии жителей Лондона и язык, на котором они говорили, свидетельствовали о том, что в столицу перебирались и простолюдины из всех областей королевства, а также из Уэльса и Ирландии.

«Английский характер» Церкви в Англии являлся ее второй по значению и устойчивости чертой в позднее Средневековье. Первой была католическая вера и учение, которое она разделяла со всеми латинскими Церквами. Вместе с тем признавалось, что вселенская Церковь, возглавляемая папой в Риме как духовным отцом, была семьей отдельных церквей, где каждая обладала своим характером и автономными правами. «Английскость» Церкви в позднее Средневековье становится все более определенной духовной составляющей английской идентичности. Отчасти это объяснялось английским языком и особым, островным опытом существования английского народа, во многом – английскими законами и обычаями, составлявшими рамки, в которых жили англичане (включая клириков) и которые король в своей коронационной клятве давал обещание соблюдать. Более того, Церковь в Англии, в том числе и храмы, была основана при помощи, поддержке и покровительстве английских королей, знати, дворян и горожан, что делало их лично заинтересованными в отдельных церквах и их священниках. Епископы были крупными землевладельцами – в середине XV столетия годовой доход епископа Уинчестерского составлял 3900 фунтов, – они заседали в Парламенте и входили в число советников короля. Они, а также клирики более низкого ранга продвигались по службе потому, что им доверяли, и они могли быть полезны Короне, а вознаградить их можно было за счет Церкви, а не казначейства. Таким образом, существовали серьезные причины, по которым англичанам следовало контролировать Церковь в Англии и воздействовать на ее характер и кадры. Это было наиболее важно во время войн во Франции. В 1307 г., а зачастую и после этого роль папы в организации и управлении английской церковью, даже при назначении епископов, резко оспаривалась. В конце концов, большинство пап XIV в. родилось во Франции, а в 1308-1378 гг. они жили в Авиньоне, где им грозила опасность превратиться в левреток Франции (по крайней мере так считали многие). Лишь один папа был англичанином (в середине XII в.), и ни один из них не посещал Англии – и не посетит до 1982 г.

Тенденцию к англизации Церкви можно проиллюстрировать несколькими способами. Церковное право, опиравшееся на кодексы Отцов Церкви и пополнявшееся папским законотворчеством, было известно и в целом применялось церковными судами Англии; признавалось и то, что высшей судебной инстанцией в церковных делах является папа. На практике, однако, церковное право ограничивалось королевской властью, особенно в тех случаях, когда обвиненные в преступлениях клирики претендовали на «привилегию клирика». Со времен Эдуарда I возможности папы облагать налогами английское духовенство были резко ограничены, а большая часть папских налогов заканчивала свой

путь в королевской сокровищнице, вместо того чтобы подпитывать военные действия врага (как считали многие). Еще более серьезными были ограничения на право папы назначать епископов и других важных духовных лиц в английской церкви с середины XIV в., а в годы Великой схизмы (1378-1417 гг., когда одновременно были два, а порой и три папы, требовавшие повиновения от всего христианского сообщества) понтифик, которого поддерживала Англия, не мог позволить себе сопротивление. Английские короли использовали антипапские статуты о провизорах (1351 г., подтвержден в 1390 г.) и *Praemunire* (1353г., продлен в 1393 г.), для того чтобы принудить папу к компромиссу, согласно которому инициатива при назначениях принадлежала монарху. В результате к XV в. иностранцы редко получали назначения на английские бенефиции, если только они, как в случае, когда Генрих VII назначил трех епископов-итальянцев, не получали особого одобрения правительства.

Не многие клирики в Англии протестовали против такого порядка вещей. Епископы не делали этого в силу того, кем они были и как назначались. Церковь как корпорация не делала этого, так как опасалась папских налогов. Духовенство не делало этого, потому что английские короли были защитниками веры против еретиков и опорой против антиклерикальных нападок. В 1433 г. даже аббат Сент-Олбанса мог заявить, что «король не знает над собой ничьей власти в пределах королевства».

Преимущественно английскими по своему характеру были два проявления религиозного рвения вне церковных институтов в позднесредневековой Англии: модные течения благочестия оставались строго ортодоксальными в богословии, тогда как движение лоллардов, вдохновленное Джоном Уиклифом, было еретическим. В XIV в. резко усилился интерес к мистическим и наставительным сочинениям, большинство которых было написано в Англии во второй половине столетия, привлекая увеличивающуюся грамотную аудиторию. Их авторы принимали как само собой разумеющееся учение и обряды Церкви, но предпочитали личное, интуитивное благочестие, сфокусированное на страданиях и смерти Христа, Деве Марии и житиях святых, собранных в «Золотой легенде». Зачастую они были отшельниками, рекомендовавшими своим читателям созерцательную жизнь. Самыми популярными благочестивыми трудами были сочинения йоркширского отшельника Ричарда Ролла, а позднее – затворницы Юлианы Нориджской. «Книга Марджери Кемп», духовная автобиография жены горожанина из Линна, демонстрировала добродетели, к которым стремились миряне, мужчины и женщины, а также описывала откровения, видения и состояния экстаза, при помощи которых они достигались. Такие миряне, как Генрих, герцог Ланкастерский (написавший в 1354 г. собственный благочестивый труд на французском), такие благочестивые женщины, как леди Маргарита Бофор, мать Генриха VII, предавались интенсивной духовной жизни, устав от бесплодных богословских споров, однако их не привлекала неортодоксальность лоллардов, духовные корни которых в общем имели то же происхождение.

Лолларды (название, возможно, происходит от *lollaer* – бормочущий молитвы) были участниками единственного значительного еретического движения, распространившегося в средневековой Англии, а Уиклиф оказался единственным университетским интеллектуалом в истории средневековых ересей, кто сумел вдохновить народное еретическое движение против Церкви. Это явление многим обязано местной, английской, традиции, придававшей большое значение книгам и чтению. Хотя сам Уиклиф вряд ли писал по-английски, он инспирировал целый ряд английских полемических сочинений, а также первый полный перевод Библии на английский язык, завершенный к 1396 г. Поначалу сочинения Уиклифа были созвучны антиклерикальному настрою своего времени, получили поддержку среди знати, придворных и ученых своей критикой богатства Церкви и недостойного образа жизни многих из ее клириков. Однако его все более радикальные богословские идеи, отдававшие весь авторитет Священному Писанию, привели к его осуждению и изгнанию из Оксфорда. Симпатии влиятельных людей поблекли, столкнувшись со строгой ортодоксией Генриха IV (добавившего в 1401 г. к арсеналу орудий гонителей еретиков сожжение на

костре), и практически исчезли, когда лолларды оказались замешанными в восстании сэра Джона Олдкасла. Лишенные своего интеллектуального лидера и могущественных покровителей, лолларды превратились в разрозненные, неорганизованные, но упорные группы, состоящие из ремесленников и низшего духовенства, главным образом на границе с Уэльсом и в ремесленных центрах внутренних районов Англии. Их верования становились все более фрагментарными и эксцентричными, однако главные их черты – враждебность к церковной власти, почитание Писания и вера в английскую Библию – предвосхитили Реформацию и позднее входили в число основополагающих убеждений английских протестантов.

Распространение грамотности и все большее использование английского языка стали двойным результатом развития конца XIV-XV в. Это отражало растущий интерес англичан к государственным делам, их чувства патриотизма и национальной принадлежности.

Однако гораздо легче поверить в это, нежели подтвердить фактами. Современных оценок того, как быстро и широко распространялась грамотность, не существует, к тому же мы не можем сравнить их с данными относительно неграмотной массы населения того времени. Можно сделать грубые подсчеты, сравнив статуты 1351 и 1499 гг., определявшие правовую «привилегию клирика» (а духовенство принадлежало тогда к образованному классу). В 1351 г. утверждалось, что все миряне, умеющие читать, могут претендовать на «привилегию клирика». Сто пятьдесят лет спустя ситуация настолько изменилась, что статут проводил различие между светскими учеными и клириками, принявшими сан, и «привилегия клирика» распространялась теперь только на последних. Возможно, число грамотных возросло настолько, что определение «клирик» утратило свою исключительность, хотя в статуте 1499 г. необходимость внести изменения в статут объяснялась не распространением грамотности, а злоупотреблениями.

Столь же обобщенный показатель дает сравнение двух народных восстаний позднего Средневековья – Крестьянского восстания (1381) и мятежа Джона Кэда (1450). В 1381 г. жалобы крестьян Кента и Эссекса были (насколько мы знаем) представлены Ричарду II в устной форме, и все общение с королем во время восстания тоже было устным; находясь в Тауэре, Ричард должен был просить, чтобы жалобы восставших, которые они выкрикивали в его адрес за стенами замка, были записаны для его сведения. Сравним это с событиями 1450 г., когда требования последователей Кэда, также пришедших из Кента и с Юго-Востока, с самого начала были представлены в письменном виде, причем существовало и циркулировало несколько их версий. Они представляют собой длинные документы со связной и исчерпывающей аргументацией, записанные на английском языке, порой с разговорными выражениями. В то же самое время ширилось и процветало переписывание манускриптов. Известно, что Джон Ширли (ум. 1456) вел свои дела в четырех арендованных мастерских близ собора Св. Павла и производил на продажу или по заказу «короткие баллады, жалобы и песенки». Двадцать лет спустя счета таможни зафиксировали ввоз через Лондон большого количества рукописных книг – более 1300 только в 1480-1481 гг.

С известной осторожностью можно использовать цифры, указывающие на то, что грамотность в позднее Средневековье не ограничивалась знатью, духовенством, правящим классом. Возможно, как и мятежники Кэда, некоторые ремесленники умели читать и писать. Одиннадцать из двадцати восьми свидетелей, вовлеченных в судебное дело 1373 г., обозначили себя как *literatus* (т.е. человек, способный понимать латынь, а следовательно, как можно предположить, также и английский); а документы середины XV в. демонстрируют такое же соотношение «образованных» среди свидетелей, включавших в себя купцов, земледельцев, портных и моряков. Несомненно, были и другие люди, грамотные или нет, которых никому и в голову не приходило использовать в качестве свидетелей, но в целом мы явно приближаемся к оптимистической оценке сэра Томаса Мора, сделанной в начале XVI в., согласно которой более половины англичан были грамотными.

Хотя мы и не можем полностью доверять этим цифрам, мы по крайней мере замечаем, что грамотные мужчины – редко женщины – занимают самые разнообразные должности. Они занимали высокие посты в политической иерархии, до этого принадлежавшие исключительно клирикам: с 1381 г. мирянина часто делали лордом-казначеем, а для этой должности было необходимо знание чтения и письма, если не арифметики. Грамотные миряне становились клерками на государственной службе, и эту нишу в течение более чем тридцати пяти лет занимал поэт Томас Хокклив. Ясно также, что к 1380 г. торговцы стали записывать счета; вскоре после этого йомены начали писать (и уж по крайней мере читать) личные письма, и даже крестьяне – управители манора действовали в административной системе, где дела все чаще вершились на бумаге или пергаменте. Ко времени Эдуарда IV уставы и правила многих гильдий ремесленников требовали определенного уровня грамотности от своих подмастерьев.

Вкусы читателей, принадлежавших по крайней мере к образованным мирянам, отражают ту же тенденцию. Популярным было чтение хроник, и не только в Лондоне; сохранившиеся рукописи исчисляются сотнями, и это показывает, что количество производимых копий к концу XV столетия возросло – и большая часть их была написана по-английски. Купцы и другие миряне часто владели «сборниками» – личными выборками из поэм, пророчеств, хроник и даже рецептов, которые они просматривали на досуге. Они имели и книги, особенно религиозного и наставительного содержания, которыми вдумчиво распоряжались в своих завещаниях.

В этом мире грамотных людей все больше укреплял позиции английский язык. Способность говорить и понимать по-французски (а следовательно, читать и писать на нем) к концу XIV в. постепенно сходила на нет; даже в официальной и деловой переписке правительства и частных организаций английский язык был по крайней мере столь же распространенным. В середине столетия дебаты в Парламенте проходили по-английски, а первая запись об этом относятся к 1362 г. Хотя это неточный и поверхностный показатель, все же примечательно, что первая из известных сделок с собственностью на английском языке датируется 1376 годом, а самое раннее завещание – 1387-м. Заседания конвокации в Кентербери к 70-м годам XIV в. часто проходили на английском языке, а Генрих IV в 1399 г. обратился к Парламенту по-английски и приказал тщательно записать свои слова. Причины этого незаметного переворота разнообразны, но среди них необходимо упомянуть патриотизм, рожденный долгой войной во Франции; популярность лоллардов, оставивших обширную коллекцию английских книг и проповедей; пример Короны и знати и, конечно же, растущее участие англоговорящих подданных в делах государства, прежде всего в Парламенте. Триумф английского как языка письменности был гарантирован.

Однако, для того чтобы это произошло, необходимо было решить серьезную проблему: существование региональных диалектов. Только после этого можно было реализовать весь потенциал английского как языка устной и письменной культуры. Необходимо отметить, что приблизительно в первое столетие существования распространенного, литературного английского языка странный корнуолльский, чуждый валлийский языки и совершенно непонятный йоркширский диалект невозможно было объединить во всем понятный язык; тем не менее был достигнут значительный прогресс. В первой половине XV в. этому способствовало повсеместное проникновение правительственных агентов, расширявшее сферу употребления английского языка в официальной переписке по всему королевству. Другим фактором стало превращение Лондона в XIV столетии в признанную столицу королевства, тогда как Йорк стал дополнительным административным центром, а Бристоль – второй по значению торговой метрополией. Каждый из этих городов сформировал собственный диалект, который неизбежно становился понятным для носителей других диалектов и, постепенно соединяясь с ними, превращался в стандартный английский. Этот диалект был по преимуществу говором Центральной Англии, возобладавшим за счет городских диалектов; по этой причине его легче принимали в сельских графствах. То, что победителем стал диалект центральных графств, отчасти обусловливалось миграцией

уроженцев центральных и восточных графств в Лондон в XIV и XV столетиях. Отчасти причиной стали лолларды, сторонников которых больше всего было в Центральной и Западной Англии, так как большая часть их записанных трудов представляли собой варианты центральных диалектов. Завоевав Лондон, центральный диалект захватил и королевство как в письменной, так и устной речи.

Джеффри Чосер сильно сомневался в том, что его сочинения будут понятны всей Англии, – и он писал для ограниченного, очарованного круга.

И поскольку есть великое разнообразие
В произношении и написании на нашем языке,
Я молю Господа о том, чтобы ты не ошибался в правописании
Или стихосложении из-за нашего языка,
И читал или пел, где бы ты ни был,
И тебя бы понимали, прошу я Бога.

В судебном деле 1426 г. утверждалось, что слова произносились по-разному в разных областях Англии, «и каждое из них так же хорошо, как и другое». Полстолетия спустя Уильям Кекстон мог уже рассчитывать на то, что его печатные издания тиражом в несколько сотен экземпляров будут приняты во всех графствах. Он понимал, что «простонародный английский, на каком говорят в одном графстве, отличается от другого»; однако он рассчитывал избежать затруднений, используя «английский не слишком грубый или сложный, но такой, что с Божьей милостью будет понятен». Легкость взаимного понимания в устной и письменной речи чрезвычайно важна для эффективности коммуникации, выражения общественного мнения и формирования чувства национальности.

Английский стал «языком не завоеванных, но завоевателей». Самоуверенность авторов, писавших на нем, достигла высот гениальности в лице Чосера, находившего покровителей среди самых богатых и влиятельных людей королевства – королей, знати, дворян и горожан. Английская проза XIV и XV вв. намного уступала по качеству и популярности английской поэзии во всех ее формах: лирики и романса, комедии и трагедии, аллегории и драмы. Добрая доля этой поэзии была связана с североевропейской традицией, а литературное возрождение Северо-Запада и центральных графств в XIV в. отличалось использованием в основном аллитеративного, нерифмованного стиха. Однако это оживление поддерживали местные дворяне и магнаты, такие, как Боханы (графы Херефордские) и Мортимеры (графы Марчские), и оно смогло дать такие яркие, образные сочинения, как «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и «Петр Пахарь». В том же регионе в XIV в. развивалась ритуальная христианская драма, английский цикл мистерий, ставший весьма популярным в северных городах – Йорке, Беверли, Уэйкфилде и Честере, где представления организовывались и разыгрывались городскими братствами.

В то же самое время на Юге и Востоке появился новый вид стихосложения, стиль и содержание которого были связаны с последней модой во французской и итальянской литературе раннего Возрождения. Благодаря перу Чосера и в меньшей степени его друга Джона Гауэра этот стиль породил шедевры английской литературы. Им не было равных по глубине мысли и богатству словаря, образному ряду, проникновению в человеческие чувства и просто по художественному мастерству. Поэма «Троил и Хризеида», написанная около 1380-1385 гг., а в особенности дерзновенная и многосложная панорама «Кентерберийских рассказов» (написаны в 1386-1400 гг., но не завершены) резко расширили границы английских литературных достижений. Они демонстрируют мудрость, знание жизни, изобретательность и мастерское владение современным ему английским языком, что обеспечило Чосеру место величайшего средневекового писателя Англии.

Гауэр, уроженец Кента, пользовался покровительством Ричарда II, а позднее Генриха Болингброка. Чосер, происходивший из лондонских купцов, вырос в аристократическом,

придворном кругу и был одним из самых превозносимых и щедро вознаграждаемых поэтов всех времен. Это отражает как исключительные достоинства его стихов, так и признание английского языка, который он обогатил, со стороны влиятельных современников. Хотя ученики Чосера, Хокклив и Лидгейт, и кажутся второсортными по сравнению с их учителем, но покровительство короля, двора и горожан, оказываемое этим авторам, обеспечило блестящее будущее тому, что стало столичной школой английской литературы.

Те же источники богатства и вкуса были предоставлены в распоряжение строителей и архитекторов в Англии. Развивая идеи доминировавшего на большей части Европы готического стиля, символом и наиболее характерной чертой которого является стрельчатая арка, они создали архитектурные стили, имеющие серьезные основания считаться собственно английскими. Начиная с XIX в. их называли «декоративным» стилем [«пламенеющая готика»] (хотя точнее было бы назвать их стилем свободных линий и изгибов) и «перпендикулярным» стилем (скорее вертикальным и прямолинейным), и их легко идентифицировать по окнам и формам арок в английских соборах, в больших приходских церквах и колледжах. Если новшества в архитектуре могут быть объяснены с какой-то точностью, то мы можем отметить, что возобновившиеся дипломатические и военные контакты с мусульманским и монгольским мирами Египта и Персии в конце XIII в. распространили знания о восточных архитектурных стилях и строительных техниках вплоть до Дальнего Запада. Изящные узоры и роскошные растительные мотивы, свойственные новому декоративному стилю, присутствуют на трех сохранившихся крестах Элеоноры, которые Эдуард I воздвиг в 90-х годах XIII в., чтобы обозначить стадии пути, по которому перевозили тело его жены из Линкольна к могиле в Вестминстере. Восточные мотивы можно также заметить в восьмиугольном северном портике и дверном проеме церкви Св. Марии Редклиф в Бристоле, датируемой началом XIV в. Спустя полстолетия (1285-1335) после создания этих экстравагантных украшений, не знавших себе равных и восхвалявшихся как «блестящая демонстрация изобретательности во всей истории английской архитектуры», началась реакция. Она породила самый английский из всех английских стилей – перпендикулярную готику. В тот период, когда Англия воевала, этот стиль редко имитировали на континенте. Его простые, чистые линии и большие, светлые пространства впервые, наверное, проявились в королевской капелле Св. Стефана в Вестминстере (разрушена в 1834 г.) или в городском соборе Св. Павла (сгорел в 1666 г.). Как бы там ни было, этот стиль быстро распространился на Западе Англии, изысканно воплотившись в гробнице Эдуарда II в Глостере. Достижениями этого стиля по-прежнему можно полюбоваться в глостерском соборе, датируемом серединой 30-х годов XIV в., а также в более поздних нефах Кентербери (после 1379 г.) и Винчестера (после 1394 г.). Декоративные элементы теперь, согласно английскому стилю, концентрировались на сводах, достигнув высшего проявления в веерном своде дома капитула в Херефорде (ныне разрушен) и клуатре собора в Глостере, построенного после 1351 г.

Однако лучшие образцы перпендикулярной готики чаще всего можно обнаружить в больших приходских церквах Англии – в Сайрестере, Ковентри и Гуле. Ни чума, ни война, которые могли ненадолго замедлить работу над крупномасштабными проектами, не смогли воспрепятствовать сукноделам и землевладельцам Восточной Англии и западных графств тратить свои средства на эти памятники английскому вкусу и стилю. Перпендикулярная готика переживала взлет во второй половине XV столетия в самых известных своих зданиях, большинство из которых возводилось за счет Короны, – Итонском колледже, капелле Св. Георгия в Виндзоре (после 1474 г.), капелле Кингс-колледж в Кембридже и капелле Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. Бесспорно, то было «бабье лето английской средневековой архитектуры».

Несомненно английскими были и выстроенные в перпендикулярном стиле башни позднесредневековых приходских церквей, варьирующиеся от приземистой церкви Св. Джайлса в Рексаме до возносящейся вверх стрелы церкви Св. Ботольфа в Бостоне и элегантности Таунтона, церкви Св. Стефана в Бристоле и Св. Иоанна в Кардиффе. Такими

же были и резные деревянные крыши XIV и XV вв., начиная с деревянного свода в доме капитула в Йорке после 1291 г. и замены башни собора в Или, обрушившейся в 1322 г., деревянным сводом и башней-фонарем. Возведение таких перекрытий достигло кульминации в огромном своде из дубовых балок в Вестминстер-холле (1394-1400), заказанном Ричардом II; его считали «величайшим произведением искусства всего европейского Средневековья». Каменщики, плотники и архитекторы пользовались покровительством королей, придворных, знатных дворян и других меценатов с XIII в., и не только когда возводили культовые здания; они строили также королевские и частные замки, усадебные дома. Хотя эти профессионалы были связаны главным образом с Лондоном и ведомством королевских строительных работ, они получали назначения по всей Англии и Уэльсу. Они предоставляли свои знания и опыт к услугам знати и епископов, создавая английский стиль, отвечающий вкусу нации.

Национальное чувство англичан и осознание ими своей английской принадлежности нелегко оценить. Но им приходилось сравнивать себя – и их сравнивали – с людьми других национальностей, языков, культур и политических традиций. В позднее Средневековье англичане сталкивались, зачастую на поле боя, с другими народами как на Британских островах, так и на континенте. Эти столкновения ускорили формирование статуса нации (nationhood) и осознание национальной идентичности англичан. Ведь такой опыт вызывал эмоции, из которых формируется осознание собственной природы страны, ее единства, общих традиций и истории.

До тех пор пока Англией управляли герцоги Нормандские или графы Анжуйские, англо-нормандские бароны имели владения на обоих берегах Ла-Манша, а некоторые и в Англии, и в Шотландии, правящая элита не могла осознать себя в качестве исключительно английской. Но это стало возможным после того, как Нормандия и Анжу были захвачены французами и в 1259 г. формально подчинились им, поскольку тогда знати пришлось решить, на какой стороне Ла-Манша находится их страна. Это оказалось связано с растущим самосознанием Шотландского королевства, особенно когда войны Эдуарда I сделали держание земель по обе стороны границы делом прошлого. Впоследствии обособленное существование Англии объяснялось окружающими ее морями. В середине 30-х годов XIV в. памфлетист советовал:

Береги особо моря вокруг,
Которые окружают Англию, как стена,
Словно Англия подобна городу,
А стены вокруг нее – моря…

Английские короли, начиная с Эдуарда I, по воспитанию и внешнему виду были более англичанами, нежели кто-либо из правителей со времен короля Гарольда. В самом деле, за все тридцать девять лет правления Генрих VI ни разу не побывал в Шотландии или Ирландии; лишь однажды он посетил Уэльс – провел день в Монмуте – и больше никогда не был во Франции после своей коронации там в возрасте девяти лет.

Что касается отношения к иностранцам, то засилье фламандцев, а затем итальянцев в заморской торговле Англии в XIII в. породило негодование, вызванное их коммерческими успехами. Говорили, что в правление Генриха VII англичане «испытывали враждебность к иностранцам, считая, что те лишь затем прибывают на их остров, чтобы стать их господами и отнять их имущество…»; В конечном счете нельзя было исключать, что подданные стран, находившихся в состоянии войны с Англией, как и чужеземные настоятели, связанные с французскими монастырями, могли отправлять деньги врагу или, как слуги французской жены Генриха IV, шпионить для Франции. Не зря же клерки короля в начале Столетней войны надписывали на государственных бумагах: «Не показывать иностранцам!».

Войны Англии, в которых с успехом участвовали как простые лучники, так и рыцари и знать, породили во всех слоях населения уверенность в себе, согревавшую английские

сердца. Хорошо информированный наблюдатель отметил в 1373 г., что «англичане настолько преисполнены чувством собственного величия и выиграли столько больших сражений, что теперь верят, что не могут проиграть. В сражении они самая уверенная нация в мире». Гордость своими победами, казалось, не знала пределов, и отдельные короли воплощали эти достижения. При Эдуарде III «королевство Англия было благородно возвеличено, прославлено и обогащено более, чем в то время мог достичь любой другой король», а репутация Генриха V у его подданных была даже еще выше. Вера англичан в собственное превосходство – всего один шаг до гордости и уверенности в себе – сохранилась даже в середине XV в., когда успехи Англии уже были куда менее блестящими. К диким гэлам относились как к «всего лишь ирландцам», а фламандцев в 1436 г. описывали с нескрываемым презрением.

Помните, вы, фламандцы, свой позор,
Когда вы окружили осадой Кале, и вас осуждают по праву,
Потому что у англичан более почетная репутация, чем у вас,
Их происхождение древнее, а кровь благороднее…

Итальянский путешественник около 1500 г., когда заморская «империя» Англии была почти потеряна, все еще мог сообщать, что «англичане очень любят себя и все, что им принадлежит. Они считают, что нет людей, подобных им, и мира, подобного Англии; а когда они встречают красивого чужеземца, они говорят: "Он выглядит как англичанин" и "Как жаль, что он не англичанин"». Чувство превосходства легко превращалось в презрение или даже ненависть. После десятилетий войны с Францией широко распространилась франкофобия, и под стать ей была англофобия французов, которые считали англичан «проклятой расой». Никогда еще нелюбовь ко всему французскому не была сильнее, чем при Генрихе V. Он мог претендовать на французский престол, однако в Англии не поощрял употребление французского языка в управлении и в образованном обществе. Лондонские пивовары последовали примеру обожаемого монарха и, записывая свои постановления по-английски, отметили, что «наш, то есть английский, язык в наши дни стал славно распространяться и украшаться… а наш превосходнейший господин, король Генрих V, позаботился о том, чтобы разговорный язык был возвышен использованием его в письменности».

Легенды о прошлом Британии в сочетании с реальными чувствами уязвимости соединились с мощью и амбициями английских королей (вплоть до Эдуарда I – возможно, Эдуарда III), чтобы повести англичан в Шотландию, Уэльс и Ирландию. Их успех в поглощении этих территорий был незначительным; и как бы они ни пытались англизировать валлийцев и ирландцев в культуре, языке и обычаях, в период позднего Средневековья англичане не смогли достичь вместе с зависимыми от них народами статуса политической нации. Английская делегация на церковном соборе в Констанце (1414-1417) провозглашала:

«Понимать ли нацию как народ, отделенный от других кровными связями и привычкой к единству или же особенностями языка (самым явным и понятным знаком и сущностью нации по божественному и человеческому закону)… или же толковать ее как должно, как территорию, равную территории французской нации, – Англия есть настоящая нация…»

Однако она нарушила свою политическую аргументацию, добавив, что Шотландия, Уэльс и Ирландия являются частью английской нации.

Эпоха Тюдоров (1485-1603)
Джон Гай

Изменения в народонаселении

Эпоха Тюдоров в сознании англичан и американцев является водоразделом британской истории. Восхваление традиции, природный патриотизм и постимперское разочарование соединились, для того чтобы превратить это время в нашем восприятии в золотой век. Даже перечень имен способен вновь и вновь пробуждать энтузиазм: Генрих VIII, Елизавета I и Мария Стюарт среди правителей Англии и Шотландии; Вулси, Уильям Сесил и Лестер среди политиков; Марло, Шекспир, Хиллиард и Бёрд среди творцов. Блеск двора Генриха VIII, стойкость сэра Томаса Мора, создание английской Библии, «Книги общих молитв» и Англиканской церкви, развитие Парламента, разгром Непобедимой армады, сочинения Шекспира и наследие светской архитектуры Тюдоров – таковы главные кульминационные пункты упрощенной ортодоксальности версии, в которой превалируют гений, романтика и трагедия.

Реальность неизбежно является более сложной, менее очаровательной и гораздо более интересной, нежели миф. Самыми мощными силами тюдоровской Англии были социальные, экономические и демографические факторы. Следовательно, если этот период и был золотым веком, то прежде всего потому, что значительный рост населения, имевший место от 1500 г. и до смерти Елизаветы I, не вступил в опасное противоречие с имевшимися ресурсами, в особенности с запасами продовольствия, и не вызвал «мальтузианского» кризиса. Голод и болезни, несомненно, оказывали негативное воздействие на экономику периода Тюдоров, но они не подрывали ее оснований, как в XIV в. Положительной стороной было то, что увеличение числа рабочих рук и спроса, вызванное ростом населения, стимулировало экономический подъем и коммерциализацию сельского хозяйства, способствовало торговле и возрождению городов, вызвало строительный бум и даже имело следствием смягчение нравов англичан, особенно в Лондоне, и (что более спорно) формирование новых характерных свойств у англичан тюдоровских времен, примечательно индивидуалистических, соответствующих идеалам Реформации и кальвинистской теологии.

Этот предмет сам по себе спорен, однако действительно существует много аргументов в пользу мнения о том, что при Тюдорах Англия находилась в лучшем экономическом состоянии, развивалась быстрее и была настроена более оптимистически, нежели в любой другой период истории после римского завоевания Британии. Контраст с XV в. был разительным. Приблизительно за сто лет до того, как в 1485 г. Генрих VII стал королем Англии, страна испытывала нехватку населения, была неразвитой и провинциальной по сравнению с другими западными государствами, прежде всего с Францией. Ее восстановление после потрясений, вызванных «черной смертью», было медленным – медленнее, чем во Франции, в Германии, Швейцарии и в некоторых итальянских городах-республиках. Процесс экономического восстановления в доиндустриальном обществе был в сущности процессом восстановления численности населения, и тут весьма уместны цифры. Перед самой эпидемией чумы (1348) население Англии и Уэльса составляло 4-5 млн человек; к 1377 г. повторявшиеся эпидемии уменьшили его до 2,5 млн. Однако и в 1525 г. показатель для Англии (без Уэльса) был не выше 2,26 млн человек, поэтому совершенно очевидно, что основной чертой демографической истории Англии в период между «черной смертью» и правлением Генриха VIII являлась стагнация населения, сохранявшаяся до 20-х годов XVI в. Тем не менее после 1525 г. рост населения резко ускорился.

Население Англии, 1525-1601 гг., млн человек

Год	Население
1525	2,26
1541	2,77
1551	3,01
1561	2,98
1581	3,60
1601	4.10

Источник: *Wrigley E.A., Schofield R.S.* The Population History of England, 1541-1871. L., 1981.

Между 1525 и 1541 гг. население Англии увеличивалось особенно быстро, демонстрируя впечатляющий прорыв после долгой неизменности. Этот рост немного замедлился после 1541 г., тем не менее в тюдоровский период население постепенно и неуклонно увеличивалось, что ненадолго прервалось лишь в конце 50-х годов XVI столетия, и в 1601 г. его численность достигла 4,1 млн человек. Вдобавок население Уэльса выросло с приблизительно 210 тыс. человек в 1500 г. до 380 тыс. человек в 1601 г.

Рост населения в Англии XVI в. принес свои плоды, но одновременно возникли и серьезные проблемы адаптации. Воздействие резкого скачка спроса и требования новых ресурсов – пищи и одежды – в обществе, оставшемся по преимуществу аграрным, оказалось столь же болезненным, насколько в конечном счете и благотворным. Моральное состояние множества рядовых англичан было сломлено проблемами слишком серьезными, чтобы с ними могли справиться правительство или традиционная церковная филантропия. Инфляция, земельные спекуляции, огораживания, безработица, бродяжничество, бедность и нищета в городах были самыми страшными бедствиями тюдоровской Англии, являясь общими симптомами роста населения и коммерциализации сельского хозяйства. В XV в. ренты уменьшились, поскольку держателей не хватало; лорды отказались от непосредственной эксплуатации своих земель, сдавая их в аренду на благоприятных условиях. Ренты были низкими и по отношению к традиционным крестьянским держаниям; отработочные повинности были заменены, а личная зависимость – вилланство – практически исчезла в Англии к 1485 г. В то же время выросла заработная плата, отражая противоречия на рынке рабочей силы после 1348 г., а цены на продукты питания упали в соответствии с сокращением рынка. Однако растущий спрос после 1500 г. привел к искусственному буму – процветанию, вызванному стагнацией населения. Нехватка земли привела к повышению рент. Держатели ферм и копигольдеры изгонялись землевладельцами, намеревавшимися хозяйствовать по-новому. Несколько соседних ферм соединяли в одну ради того, чтобы внешние инвесторы получали доход за счет существующих держателей. Отдаленные участки земли превращались в пастбища для более выгодного разведения овец. Общинные угодья огораживались, пустоши использовались землевладельцами и скваттерами, что привело к нарушению общинных прав на луга. Существующее в литературе мнение о том, что активный рынок недвижимости тюдоровской эпохи вырастил новый предпринимательский класс жадных капиталистов, усмехавшихся в лицо беднякам, является преувеличением. Однако справедливым будет сказать, что многие землевладельцы, предъявлявшие права на землю, и скваттеры оказывались не слишком разборчивыми в средствах; безусловно, процветающий рынок был создан торговцами выморочными или не совсем легальными правами на землю, что приводило к ущемлению прав многих законных пользователей.

Главными бедствиями, однако, стали инфляция и безработица. Высокие цены на продукты сельского хозяйства давали фермерам веские основания, для того чтобы производить зерновые на продажу на самых дорогих рынках в близлежащих городах, а не для удовлетворения потребностей сельской округи. Рост населения, в особенности городского, стал серьезным испытанием для самих рынков: спрос на продукты часто превышал предложение, особенно в годы неурожая, вызванного эпидемиями или плохой

погодой. Если вести речь о деньгах, то цены на сельскохозяйственные продукты с самого начала правления Генриха VIII стали расти быстрее, чем на продукты ремесла, и этот рост ускорялся на протяжении XVI столетия. Однако в реальности рост цен был еще более резким, чем кажется, так как рост населения в изобилии обеспечил рынок дешевой рабочей силой, а заработная плата оставалась низкой. Число рабочих рук в тюдоровской Англии все больше превосходило количество возможных рабочих мест; в соответствии с этим заработная плата и уровень жизни понижались. Мужчины (и женщины) были готовы работать за дневную плату, ненамного превышавшую стоимость их содержания; работоспособные люди, многие из которых были крестьянами, согнанными с мест ростом рент или огораживанием общинных угодий, в поисках заработка волнами перемещались в города.

Лучший из существующих на нынешний день индексов цен покрывает период 1264-1954 гг., а его базовый период, что для нас очень удобно, – это 1451-1475 гг., конец эпохи стабильных цен XV в. По этому индексу мы можем оценить благосостояние потребителей из числа наемных работников тюдоровской Англии, поскольку подсчеты основаны на меняющихся ценах на основные компоненты потребления – еду и ремесленные товары, например, сукно, составлявшие потребительскую корзину среднестатистической семьи в Южной Англии в разное время. По сути, имеются два индекса: во-первых, индекс стоимости потребительской корзины по годам; во-вторых, индекс ее стоимости, выраженный в годовом доходе каменщиков Южной Англии. Это не значит, конечно, что каменщики были типичными представителями английских наемных работников XVI в. или любого другого времени. Тем не менее индексы служат общим показателем ужасающей реальности – роста хозяйственных расходов, с которым столкнулось большинство англичан в тюдоровской период.

Индексы (1451-1475 гг.= 100)
(1) цены потребительской корзины; (2) ее эквивалента в заработной плате каменщиков

Год	(1)	(2)
1450	102	98
1490	106	94
1510	103	97
1530	169	59
1550	262	48
1570	300	56
1590	396	51
1610	503	40

Источник: *Phelps Brown E.N., Hopkins S.V.* // Economica. No 92. Nov.1956. N.s. Vol.XXIII.

Очевидно, что спустя сто лет после восшествия на престол Генриха VIII средние цены на основные продукты потребления выросли на 488%. Индекс цен держался на уровне 100 до 1513 г., когда он вырос до 120. К 1530 г. он постепенно вырос до 169, а следующий пик – 231 – был достигнут к 1547 г., году смерти Генриха VIII. В 1555 г. индекс поднялся до 270; два года спустя он подскочил до 409, хотя отчасти виной тому были отложенные последствия снижения ценности денег («порча монеты»), имевшего место при Генрихе VIII и Эдуарде VI. При восшествии на престол Елизаветы I индекс вернулся к среднему положению – 230. Позднее он вновь стал расти, хотя и постепенно: 300 в 1570 г., 342 в 1580 г. и 395 в 1590 г. Однако в конце 90-х годов урожаи были исключительно плохими, сочетаясь с локальными эпидемиями и голодом: индекс в 1595 г. составлял 515, в 1598 г. – 685, и только в 1600 г. он вернулся к 459.

Индекс, выраженный в заработной плате каменщиков, дает столь же отрезвляющую картину трудностей, с которыми люди сталкивались в повседневной жизни тюдоровского времени. В период между 1510 и 1530 гг. произошло резкое падение покупательной способности заработной платы, упавшей за двадцать лет почти на 40%. Индекс вновь упал в 50-х годах, но в следующее десятилетие вырос, вернувшись к эквиваленту двух третей его ценности в 1510 г. За исключением 1586-1587 гг., он оставался более или менее стабильным вплоть до 90-х годов, когда он упал до 39 в 1595 г. и 29 в 1597 г. После смерти королевы в 1603 г. он вернулся к цифре 45, и это означало, что реальная заработная плата с 1500 г. сократилась на 57%.

Эта разнородная информация устанавливает основополагающий факт относительно эпохи Тюдоров. Если сопоставить кривую роста английского населения (в процентах) в XVI в. с индексом покупательной способности каменщиков за тот же период, сразу становится очевидным, что две эти линии развития противоположны друг другу и соизмеримы. Уровень жизни падал вместе с ростом населения; его повышение началось, когда рост населения замедлился и прекратился в 1556-1560 гг. Затем уровень жизни вновь постепенно понижался, вплоть до того момента, когда господствовавшее раньше соотношение было уничтожено бедствиями 1586-1587 и 1594-1598 гг., хотя ускорявшийся рост рынка труда после 1570 г. тоже должен был оказать негативное воздействие.

Другими словами, не политика правительства, не предприниматели-капиталисты, не импорт американского серебра в Европу, не ускоренная циркуляция денег, даже не снижение ценности денег («порча монеты»), но демографические тенденции стали ключевым фактором, предопределившим уровень благосостояния Британских островов в XVI в. Военные расходы английского правительства, огромные долги и «порча монеты», безусловно, усиливали инфляцию и безработицу. Однако основные факты общественной жизни при Тюдорах были связаны с ростом населения.

С точки зрения этой основополагающей истины величайшим достижением тюдоровской Англии была ее способность прокормить себя. Крупного продовольственного кризиса национального масштаба удалось избежать. Мальтус, написавший свое историческое «Рассуждение о принципах народонаселения» в 1798 г., выделил позитивное и превентивное сдерживание [роста населения] как традиционные средства, при помощи которых сохраняется баланс между численностью населения и имеющимися ресурсами продовольствия. Превентивное сдерживание включает в себя снижение фертильности, контрацепцию и более редкие и поздние браки; к позитивному относятся высокая смертность и резкое прекращение роста населения. Фертильность в Англии и в самом деле снизилась в конце и в середине столетия, а также в 1566-1571 гг. В правление Елизаветы I больше населения, чем прежде, не вступило в брак. Плохие урожаи 1481-1483,1519-1521,1527-1539, 1544-1545,1549-1551,1554-1556, 1586-1587 и 1594-1597 гг. привели к локальному голоду и росту смертности, причем самые серьезные недороды зерновых имели место в 1555-1556 и 1596-1597 гг. На деле, поскольку последствия плохого урожая в какой-то определенный год сказывались до тех пор, пока не собирали следующий хороший или удовлетворительный урожай, самые страшные периоды роста смертности пришлись на 1555-1557 и 1596-1598 гг. Однако, какими бы тяжелый ни были последствия голода и болезней в затронутых бедствиями районах, особенно в 90-х годах в городах, позитивное сдерживание в виде роста смертности в национальном масштабе не проявилось, возможно за исключением кризиса 1555-1558 гг. Так что вдобавок к прочим своим трудностям правительство Марии Тюдор столкнулось с самой высокой смертностью со времени эпидемий чумы: население Англии сократилось на 200 тыс. человек, или на 6%. Но в силу того что некоторые регионы оказались почти не затронутыми, этот период нельзя считать национальным кризисом по географическому принципу. Кроме того, рост населения прервался лишь ненадолго. В самом деле, хронология, интенсивность и ограниченный географический ареал голода в XVI в. указывают на то, что подобные кризисы в Англии со временем смягчались, а не ухудшались, и «черная смерть» уносила меньше жизней, чем

раньше, пропорционально росту населения. В сельской местности не было кризисов на протяжении двух третей правления Елизаветы, и сельское население все увеличивалось. Когда в городах рождаемость сильно превышала смертность, этот избыток увеличивал число людей в деревне и компенсировал потери городов в результате миграции.

Итак, существует много доводов в пользу оптимистического взгляда на тюдоровскую эпоху. XVI век стал эпохой рождения доиндустриальной политической экономии Британии – постепенно формирующегося баланса населения и ресурсов, экономики и политики, амбиций и рациональности. Англия рассталась с ориентированной на бедствия структурой Средневековья ради перспективы сохранения естественного баланса. Прогресс имел свою цену, которую неизбежно платили слабые, а использовали сильные. Однако тирания индекса цен не была вездесущей. Заработная плата сельскохозяйственных работников упала не так сильно, как у каменщиков, а некоторые привилегированные группы работников, такие, как шахтеры из Мендипа, даже немного увеличили свой реальный доход. Наиболее очевидно в выигрыше от системы, гарантировавшей фиксированные затраты и рост продажной цены, оказались землевладельцы, фермеры-предприниматели и те, кто инвестировал в недвижимость, – ведь именно в тюдоровский период знать, дворянство и купечество в равной мере признали долговечность вложений в землю. Однако большинство семей работников не полностью зависели от заработной платы как единственного средства пропитания. Распространены были работа в разных местах, мелкое предпринимательство и домашнее ремесло, особенно в сельской местности; горожане выращивали овощи, разводили скот и варили пиво, за исключением пределов Лондона. Работники, которых нанимали большие домашние хозяйства, вдобавок к деньгам получали мясо и напитки, хотя эта традиционная практика постепенно сошла на нет к 90-м годам XVI столетия,

Наконец, у нас нет свидетельств того, что бродяжничество или городское население вне Лондона росло быстрее, чем население страны в целом. Обычно считалось, что городское население Англии выросло с 6,2% всего населения страны в 1520 г. до 8,4% к концу столетия. Тем не менее поразительный рост самого Лондона объясняет его перенаселенность, тогда как население крупных провинциальных городов – Нориджа, Бристоля, Ковентри и Йорка – выросло ненамного или оставалось стабильным в абсолютных показателях, а в пропорциональном отношении рост сдерживался сокращением населения.

Генрих VII

Хотя восхождение новой династии было отмечено сохранением экономического равновесия, поиск политической стабильности в конце XV в. оставался первостепенно важным для будущего прогресса. Никто теперь не считает, что более чем тридцатилетние внутренние потрясения, известные как Война Алой и Белой розы, оказались чем-то большим, нежели временным нарушением нормальной жизни нации, или что победа Генриха VII при Босуорте (22 августа 1485 г.) имела своими причинами что-то еще помимо простой удачи. И в самом деле, Босуорт оказался решающим сражением только потому, что Ричард III, а также многие члены его свиты и сторонники были убиты; потому, что Ричард до того сам устранил других соперников Генриха VII с более предпочтительными правами; и потому, что Генрих дальновидно провозгласил себя королем накануне сражения, что превращало выживших сторонников Ричарда в изменников. Женившись на Елизавете Йоркской, дочери Эдуарда IV, Генрих VII предоставил своим сторонникам-йоркистам, присоединившимся к нему против Ричарда с самого начала, утешительный приз. А последовавшие за этим рождения Артура (1486), Маргариты (1489), Генриха (1491) и Марии (1496) обеспечили «союз двух благородных и славных семейств Ланкастеров и Йорков», который восхвалял тюдоровский хронист Эдуард Холл; отзвук его пышных фраз слышится у Шекспира.

Однако необходимость в стабильности подразумевала нечто гораздо большее, нежели восхождение на престол и брак Генриха VII. Победитель при Босуорте смог основать новую династию; оставалось понять, сможет ли он создать новую монархию. Главным требованием было поднять английскую корону, как прежде, над аристократическими группировками. Король должен был не просто царствовать – он должен был править. Слишком долго король Англии был не «королем и императором», а «первым среди равных» . Война Роз не нанесла серьезного долговременного ущерба сельскому хозяйству, торговле и ремеслу, однако подорвала доверие к монархии как институту: король, казалось, не желал или был не способен защитить права всех своих подданных. В частности, королевское правительство перестало быть политически нейтральным, и отдельные личности все чаще манипулировали им как орудием какой-то фракции. Все составляющие системы, особенно система правосудия, были пронизаны семейными связями, соперничеством аристократов, фаворитизмом и сетью личных отношений.

Отдавая должное Эдуарду IV, который, как считал сэр Томас Мор, оставил свое королевство «в спокойствии и процветании», нужно отметить, что при нем восстановительная работа уже началась. Эдуард не достиг значительного прогресса прежде всего из-за своей чрезмерной щедрости, спорного брака с Елизаветой Вудвилл и едва сдерживаемой склонности к кутежу. Его ранняя смерть создала возможность для узурпации власти Ричардом III, главой крупной и необычайно могущественной группировки. Генрих VII, напротив, был решительным и трудолюбивым, проницательным и склонным к аскетизму, осторожным с деньгами – почти до жадности или даже алчности, как утверждали некоторые. Еще одним стратегическим преимуществом Генриха в его борьбе за стабильность было то, что успех при Босуорте расчистил перед ним дорогу, как это произошло с Вильгельмом Завоевателем в 1066 г., освободив его, хотя бы временно, от зависимости от какой-то одной группы или фракции. Естественно, Генриху постоянно приходилось заслуживать, укреплять и защищать свою независимость и безопасность, – непростая задача, потребовавшая для своего решения много лет. По сути, первый монарх из династии Тюдоров должен был специально соединять задачу восстановления монархии с защитой ее флангов от сверхактивных заговорщиков-йоркистов.

Из двух йоркистских самозванцев более экзотический Ламберт Симнел (граф Уорикский в 1487 г.) оказался и более опасным из-за ирландской поддержки; восстанию Перкина Уорбека (Ричарда Йоркского) в 90-х годах XV в. было легче противостоять, несмотря на помощь Шотландии. Симнела захватили при Стоуке (16 июня 1487 г.); его сторонников либо убили, либо даровали им прощение, а юного самозванца приняли в королевскую свиту в качестве слуги. Уорбек попал в руки Генриха VII в августе 1497 г.; вскоре он злоупотребил мягкостью короля и в 1499 г. был повешен. Его смерть стала предлогом для казни настоящего графа Уорикского. Но потребовалось еще семь лет, чтобы заключение в Тауэр Эдмунда де ла Пола, герцога Саффолкского, завершило защитные меры.

К тому времени стало очевидным, что, если Генриха VII и нельзя превозносить как изобретателя новых методов управления, он, тем не менее, весьма преуспел в исправлении старых. Пробным камнем его политики стало принуждение – принудительное выполнение политических и финансовых обязательств перед Короной, а также установление закона и порядка. Стремясь к восстановлению монархии, Тюдоры исходили из своей веры в то, что способности, верная служба и лояльность режиму должны быть основными причинами продвижения, назначений, королевских благодеяний и вознаграждения. Такие представления очевидно проявились в том, как Генрих VII использовал королевский патронат, и в его выборе министров и советников. Патронат был процессом, при помощи которого Корона вознаграждала своих чиновников и слуг, жалуя им посты, земли, пенсии, годовые ренты и другие доходы и являясь, таким образом, мощным средством политического управления. Все подданные, от знатных пэров до скромных рыцарей и джентри, соперничали друг с другом из-за своей доли в добыче: ни один дворянин не был слишком знатен, для того чтобы избежать участия в этой недостойной возне. Генрих VII

постепенно видоизменил систему патроната, так чтобы она более реалистично отражала ограниченные ресурсы Короны, а затем принял меры относительно того, чтобы ценность пожалований, скрепленных большой печатью, полностью оправдывала себя с точки зрения окупаемости. Ресурсы монархии Тюдоров до роспуска монастырей и позднее, в последние годы царствования Елизаветы I, были относительно скромными. Генрих VII задал темп распределения королевских доходов для большей части XVI в.; и в самом деле, единственной опасностью, подстерегавшей тюдоровскую модель обращения с деньгами, была склонность к скаредности или излишней экономности. Уровень и количество пожалований могли настолько снизиться по отношению к ожиданиям подданных, что вызывали среди слуг и искателей раздражение, деморализацию и даже активное противодействие Короне.

Все министры Генриха VII были лично отобраны королем за их способности, усердие, проницательность и верность, – еще одна модель, которую почти всегда воспроизводили его потомки Тюдоры. Однако на первый взгляд кажется, что Рейнольд Брей, Ричард Эмпсон и Эдмунд Дадли занимали незначительные должности. Брей был канцлером герцогства Ланкастерского; вскоре после его смерти в 1503 г. его преемником стал Эмпсон. Дадли был «президентом Совета», что по сути подразумевало министра без портфеля. Но Брей и другие, подчиняясь королю, обладали авторитетом, намного превосходящим тот, что подобал им по статусу. Дело в том, что Генрих VII в течение удивительно короткого времени сумел создать сеть финансового и административного контроля, и соответствующие документы никогда не выходили из рук государя и немногих избранных, а методы работы были придуманы исключительно ими. Финансовая отчетность, эксплуатация недооцененных земельных ресурсов Короны наиболее современными способами, применявшимися землевладельцами-аристократами, сбор штрафов и повинностей и насильственные меры Генриха VII (сомнительная с моральной точки зрения, но, возможно, необходимая система принуждения политических оппонентов или даже явных сторонников к согласию дать финансовые гарантии хорошего поведения) – всеми этими важными делами занимался только король и его ближний круг. Такая система ничем не была обязана Парламенту; она зависела от Совета постольку, поскольку Брей и другие заседали в нем как наиболее доверенные советники монарха; но прежде всего она опиралась на самого короля, а его бдительность и внимание к деталям не знали себе равных. Ничто не ускользало от проницательного взгляда Генриха, а деньги не утекали из его хватких рук. Сохранившиеся книги Палаты, главные документы центра административной координации при Генрихе, подписаны, а значит, проверены (каждая страница и даже каждая запись) самим королем – лучшим предпринимателем из всех когда-либо сидевших на английском престоле.

Тем не менее тюдоровское управление было не только диктаторством, но и партнерством. В Англии не существовало полицейских сил и постоянной армии. Доходов постоянно не хватало для обеспечения растущих потребностей центральной бюрократии и покрытия военных расходов. Джеймс Харрингтон писал в своем трактате «Республика Океания», впервые опубликованном в 1656 г., что правительство может опираться либо на знать, либо на армию. Он был прав: за отсутствием постоянного ополчения Корона отчасти управляла при посредстве территориальных магнатов. Генриху VII и его преемникам удавалось в лучшем случае подчинить себе, в худшем – возглавить аристократические группировки, одновременно используя ресурсы пэров в соответствии с интересами Короны. Короче говоря, «слишком могущественные подданные», о существовании которых сожалел сэр Джин Фортескью в XV в. и Фрэнсис Бэкон в XVII в., были необходимы для управления страной. Ведь беспорядок вызывали не столько «слишком могущественные подданные», сколько «недостаточно могущественные короли». И Генрих VII, и Генрих VIII понимали это: оба укрощали знать, чтобы оседлать ее.

Здесь методы Генриха VII представляли собой оправданное сочетание кнута и пряника. В многочисленном и активном Королевском Совете первый из Тюдоров проводил

совещания так, что они попеременно заставляли знать то скучать, то участвовать в его работе. До реформы Совета, осуществленной Генрихом VIII в 1536 г., все титулованные дворяне могли быть его членами, и их политическая идентичность зависела от периодического посещения его заседаний. В Вестминстере Совет собирался в Звездной палате (букв. *camera stellata*, потому что голубой потолок зала был украшен звездами из листового золота), которая стала местом заседаний как работающего Совета, так и суда. Вне парламентской сессии Звездная палата вплоть до падения Вулси в 1529 г. была главным местом встреч Короны, министров И знати, а при Генрихе VII здесь обсуждали вопросы внутренней безопасности, обороны и внешние дела, что по необходимости требовало поддержки магнатов, отвечавших также за сбор ополчений в графствах и являвшихся командирами армии. При Генрихе VII Совет никогда не обсуждал фискальные вопросы и принудительные меры, поскольку эти дела постоянно находились в руках министров и тех, кто принадлежал к двум судебным ведомствам, известным как Совет правоведов и Суд аудита при Королевском Совете. Однако, сделав участие в работе Совета частью статуса магната, Генрих VII приблизился к тому, чтобы устранить угрозу враждебности со стороны знати, вызывавшейся отсутствием коммуникации и изоляцией в политической пустыне.

Затем Генрих VII сделал решительную попытку передать командование замками и гарнизонами и, насколько возможно, надзор за военными делами членам королевской свиты и начинал прямую атаку на локальную власть магнатов на местах всякий раз, когда чувствовал, что этой властью пользуются вопреки королевским интересам, как он их понимал. Подобные атаки обычно принимали одну из двух форм: либо судебных преследований и штрафов за дурное управление, либо более суровых мер – объявления вне закона и конфискации имущества.

Например, Джорджа Невилла, лорда Бергенни, в 1507 г. судили в Суде королевской скамьи за то, что он содержал, по сути, незаконную армию. Он признал свою вину (так обычно поступали при Генрихе VII, потому что это обходилось дешевле) и был оштрафован на 70650 фунтов: цена (5 фунтов в месяц за человека), которую он должен был заплатить за то, что нанял на службу 471 человека сроком на 30 месяцев, с 10 июня 1504 г. по 10 декабря 1506 г. По всей видимости, «армия» Невилла состояла из 25 джентльменов, 4 клириков, 440 йоменов, одного сапожника и одного медника – Тюдоры все точно записывали. В данном случае Генрих VII отнюдь не был против наемных отрядов как таковых; он ценил отряд Бергенни, вплоть до последнего кентского медника, тем более что Бергенни оплачивал счет. Несмотря на мирную внешнюю политику Генриха VII, Англия была тесно связана с европейскими делами, не говоря уже о постоянно меняющихся отношениях с Шотландией. Краткий брак принца Артура с Екатериной Арагонской в 1501 г. значительно поднял престиж Генриха VII в Европе, тогда как договор с Анной Бретонской обязал его в 1492 г. предпринять краткое вторжение во Францию. Англия, или, точнее, король Англии, практически не имела никакой армии, за исключением тех отрядов, что по требованию набирались в королевских доменах или же предоставлялись знатью. Поэтому в деле Бергенни, служившем примером и предостережением, особенно важным было то, что по рождению он был из Йорков и был замешан в неудачном восстании корнуолльцев в 1497 г.

Однако гораздо более суровой и эффективной мерой служила конфискация имущества. Акты объявления вне закона представляли собой парламентские статуты, провозглашавшие человека осужденным за государственную измену, его собственность конфискованной в пользу Короны, а его кровь «испорченной». Этот метод почти всегда подразумевал казнь жертвы, что не обязательно сопровождалось полной конфискацией ее земель. Большинство объявлений вне закона по традиции позднее отменялось в пользу наследников, но это не всегда подразумевало возвращение всей собственности. В правление Генриха VII вне закона было объявлено 138 человек, и 86 этих объявлений так никогда и не были отменены. При Генрихе VII были отменены только 46 таких объявлений, а при Генрихе VIII – шесть.

Если сравнить эти цифры с данными по правлениям Генриха VI, Эдуарда IV и даже Ричарда III, то сопоставление окажется не в пользу первых, что отражает жесткость политики Тюдоров. Генрих VII осознал, что объявления вне закона не просто орудие фракции и династических интриг: их можно было использовать, чтобы смирить «слишком сильных» или враждебно настроенных магнатов и в то же самое время значительно увеличить власть и доходы Короны. Подобным же образом Генрих VIII после Благодатного паломничества (1536) и Елизавета I после Северного восстания (1569) использовали объявления вне закона, для того чтобы укрепить территориальное могущество Короны и искоренить сопротивление магнатов. Однако требовалась известная тонкость, чтобы последствия применения этого метода не оказались негативными. Слишком частое его применение и постоянный отказ отменить объявления вне закона в пользу наследников могли привести к недовольству пэров, чье сотрудничество с монархом оказалось бы под угрозой. Объявления вне закона могли также нанести серьезный ущерб, если они оставляли вакуум власти на определенной территории, как случилось в Восточной Англии, когда третий герцог Норфолкский был объявлен вне закона Генрихом VIII в 1547 г. Его объявление вне закона, отмененное Марией Тюдор в 1553 г., породило нестабильность, с которой Корона не смогла легко справиться, и проложило путь восстанию Кета в 1549 г.

Историки полагают, что в конце правления Генрих VII перестарался со своей политикой силы. В 1506 г. он поручил некоему Полидору Вергилию, приезжему сборщику папских налогов, написать историю Англии, и именно Полидор высказал мнение, что первый Тюдор после 1502 г. практиковал жесткие финансовые меры из алчности:

«Ибо он начал обращаться со своими людьми более сурово и жестоко, нежели это было в его обычае, для того (как он сам утверждал), чтобы удостовериться, что они полностью и совершенно пребывают в повиновении ему. Сами же подданные имели иное объяснение его делам, так как они считали, что страдают не за свои грехи, но из-за жадности своего монарха. Не вполне понятно, была ли жадность причиной с самого начала; однако впоследствии она стала очевидной».

Споры относительно алчности Генриха VII все еще продолжаются. Каким бы ни оказался их итог, доказаны три положения. Во-первых, Генрих VII использовал взимание штрафов-залогов на сумму от 100 до 10 тыс. фунтов, чтобы принудить своих подданных к тому, что он считал приемлемым поведением. Эти залоги предназначались для того, чтобы держать политически активную часть нации, и прежде всего знать, в зависимости от милости короля и иметь возможность обойти надлежащую процедуру общего права, в случае если жертвы совершат преступление. Если считалось, что кто-то совершил правонарушение, его просто преследовали за долг в соответствии с его залогом, а оспорить по суду природу или состав предполагаемого преступления было невозможно. Другими словами, Генрих VII использовал залоги, чтобы обойти закон, точно так же как Иоанн и Ричард II использовали незаполненные хартии в качестве инструмента тирании. Кроме того, Эмпсон и Дадли подкупали судей, чтобы те выносили вердикты в пользу Генриха VII на процессах о феодальных правах. Лучшим примером может служить дело о поместьях графа Уэстморлендского. В правление Генриха VIII пришлось провести расследование Королевского Совета, чтобы устранить злоупотребления. И наконец, Генрих VII торговал должностями, включая высшие судебные посты. Он дважды продал должность высшего судьи Суда общих тяжб, и за высокую цену. Он также продал должности королевского прокурора, хранителя свитков и спикера Палаты общин.

Генрих VIII

Восшествие на престол Генриха VIII в 1509 г. подданные приветствовали праздниками, танцами и всеобщим ликованием. Он унаследовал престол, едва достигнув восемнадцати лет, потому что его старший брат Артур умер в 1502 г. Под давлением своих советников, прежде всего душеприказчиков его отца, Генрих начал свое «триумфальное» правление,

женившись на вдове покойного брата Екатерине Арагонской, – последствия этого брака оказались судьбоносными, если не революционными. Следующим шагом стала казнь Эмпсона и Дадли, которых бросили на растерзание волкам, чтобы завоевать популярность. Трюк сработал – никто не жаловался на то, что Совет не отменял последние из огромных залогов вплоть до начала 20-х годов XVI в. Однако Генрих VIII, проявив мстительность, показал, как собирался царствовать.

Характер Генриха VIII, безусловно, и восхищающий, и пугающий, а временами нездоровый. Его эгоизм, уверенность в собственной правоте и подозрительность были результатом фатального сочетания относительно способного, но определенно посредственного интеллекта и того, что выглядит подозрительно похожим на комплекс неполноценности. Генрих VII восстановил стабильность и укрепил власть короля, однако возможно, что его сын решил и дальше укреплять королевскую власть как из политических соображений, так и по причинам личного характера. В свое правление Генрих VIII прибавил к уже существовавшей «феодальной» «имперскую» концепцию королевской власти; он намеревался придать словам «король» и «император» значение, неслыханное со времен Римской империи. Ради этого он стремился к завоеваниям – повторению славных побед Эдуарда Черного Принца и Генриха V, обретению золотого руна, воплощавшегося во французской короне. По сути, Генрих желал возобновления Столетней войны, невзирая на успешную консолидацию территории Франции при Валуа и на смещение центра тяжести европейской политики в сторону Италии и Испании. Снова и снова усилия его более конструктивно настроенных советников оказывались тщетными из-за рыцарских мечтаний государя и из-за дорогостоящих войн, расточавших людей, деньги и ресурсы. Впрочем, если критика войны гуманистами: Колетом, Эразмом Роттердамским и Томасом Мором хорошо известна, не следует забывать и о том, что в эпоху Ренессанса «честь» защищали всеми средствами, вплоть до сражения. «Честь» была краеугольным камнем аристократической культуры; суверенные правители утверждали, что в отличие от своих подданных они не имеют «сеньоров», к которым можно обратиться с жалобами, поэтому у них нет другого выхода, кроме как принять «суждение» войны, если дипломатия не срабатывает. Кроме того, война была «спортом королей». Соревнуясь в династических и территориальных вопросах со своими континентальными собратьями, особенно с Франциском I, Генрих VIII признавал существовавшие условности и, что еще более очевидно, отвечал народным требованиям. Время его правления стало свидетелем самого дерзкого и масштабного вторжения во Францию со времен Генриха V. Однако лишь немногие из современников осознавали серьезные долговременные негативные последствия военных действий эпохи Ренессанса.

Оценка – это всегда расстановка акцентов, но в том, что касается взаимосвязанных проблем теории монархии и жажды завоеваний, можно согласиться, что политика Генриха VIII оставалась последовательной на протяжении всего периода его правления; что Генрих сам направлял эту политику; что его министры и должностные лица имели свободу действий лишь в пределах определенных рамок в тех случаях, когда король был слишком занят, чтобы лично участвовать в государственных делах.

Первым министром Генриха VIII был кардинал Вулси, и на протяжении четырнадцати лет, пока этот гордый и способный прелат находился у власти (1515-1529), король несколько сдерживал свои порывы. В отличие от отца для Генриха что-то писать было делом «одновременно скучным и мучительным»; он предпочитал охоту, танцы, флирт и игру на лютне. В более «цивилизованные» периоды Генрих изучал богословие и астрономию; он мог разбудить сэра Томаса Мора посреди ночи ради того, чтобы они вместе посмотрели на звезды с крыши королевского дворца. Он сочинял песни, и слова одной из них – воплощение юношеских чувств Генриха VIII.

Празднества в хорошей компании
Я люблю и буду любить до самой смерти.

Ворчите те, кто завидует, но не смейте отрицать;
Да будет Господь милостив, так я и буду жить;
Для моих развлечений –
Охота, песни и танцы;
Лежит мое сердце
К каждой доброй забаве
для моего утешения:
Кто мне может не позволить?

Кроме того, Генрих сам заказывал музыку; он развлекался только тогда, когда был доволен Вулси. Назначенный лорд-канцлером и старшим советником в канун Рождества 1515 г., Вулси использовал Совет и Звездную палату как орудия власти министра во многом так же, как Генрих VII использовал их в качестве средства укрепления королевской власти; хотя кардинал довольствовался в Звездной палате единообразными и равными для всех идеями справедливости вместо избирательного правосудия Генриха VII, связанного с фискальной выгодой. Но главным козырем Вулси было уникальное положение, которого он достиг в английской церкви. Генрих и Вулси вдвоем принудили папу даровать Вулси сан пожизненного легата *a latere* (лично представляющий особу папы, лат.). Это означало: он представлял собой высшую церковную власть в Англии и мог созывать легатские синоды. Используя свои полномочия, Вулси сумел подчинить всю английскую церковь и большую часть духовенства, задействованного в тюдоровском правительстве, в частности в сфере налогообложения, и все выглядит так, словно был заключен закулисный договор, поддерживавший хрупкое равновесие: Генрих согласился, что английской церкви в тот момент лучше было находиться под управлением духовного лица, являвшегося слугой короля, а духовенство смирилось с тем, что лучше подчиняться тирану церковному, нежели светскому, – ведь несомненно, что Вулси защищал Церковь от худших проявлений враждебности мирян, пока находился у власти.

Проблема заключалась в том, что после восстановления стабильности, когда династия Тюдоров явно пребывала в безопасности, Англия оказалась уязвимой перед высвобождающимися новыми силами. Раньше считалось, что антиклерикализм был важной причиной английской Реформации, однако в последнее время эта трактовка была оспорена. Исследования последних лет показали, что большая часть английского духовенства в позднее Средневековье не пренебрегала своими обязанностями и не была неквалифицированной: церковные суды вовсе не были особенно неправедными; споры об оплате за утверждение завещания, о плате за панихиды и о десятине не были многочисленными; совмещение нескольких приходов, абсентеизм, непотизм, сексуальные проступки и коммерческие «приработки» клириков были менее серьезными, нежели считалось когда-то. С другой стороны, действительно существовали священники, которым не удавалось служить литургию вовремя, кто не проповедовал, чье поведение было агрессивным. Приходский священник из Амингтона в Нортгемптоншире, представший перед судом линкольнской консистории в 1526 г., имел двоих детей от своей кухарки и разгуливал по деревне в кольчуге. Действительно, священнику было легко вести себя так же, как и другие жители деревни: сделать свою экономку любовницей и проводить весь день за обработкой своего надела. Хотя в английской церкви не было серьезных скандалов, такие проступки, как нон-резиденство, совмещение нескольких приходов в одних руках, конкубинат и отказ приходского духовенства чинить алтарь церкви, когда возникала необходимость, продолжали привлекать внимание. Точкой кипения также могли стать десятина, плата за утверждение завещаний и за панихиды, за служение заказных месс, а также осуждение и сожжение еретиков. Известные писатели, в частности суровый ученый Кристофер Сент-Джермен (1460-1541), указывали, что процедура, принятая церковными судами в случае слушания дел о подозрении в ереси, допускала тайные обвинения, сведения из вторых рук и не позволяла обвиняемым пользоваться привилегией очищения

клятвой соприсяжников или суда присяжных, что соответствовало традиции римского права, но противоречило принципам английского общего права – т.е., представляло собой заговор духовенства с целью лишить англичан их исконных законных прав. Подобные идеи явно были взрывоопасными; ведь они возбуждали интеллектуальную вражду между духовенством и юристами общего права.

Позднесредневековая религия также была сакраментализированной и институционализированной: могло показаться, что «объективный» ритуал и церемонии преобладали в ней за счет «субъективного» религиозного опыта, основывающегося на чтении Библии дома. Поскольку ожидания образованных мирян отражали идеи Возрождения, многие люди стремились обрести свою веру в текстах Писания и библейском повествовании (желательно иллюстрированном), однако Библии на народном языке в Англии были вне закона. Церковные власти полагали, что доступность английской Библии, даже в признанной ими версии, будет способствовать распространению ереси, позволив англичанам формировать собственные мнения. Сэр Томас Мор, преемник Вулси на посту лорд-канцлера, объявил в своей прокламации от 22 июня 1530 г., что «нет необходимости в том, чтобы Писание было на английском языке и в руках простых людей, но распространение Писания и разрешение или отказ в доступе к нему зависят только от усмотрения вышестоящих, смотря по тому, что они считают подобающим». Мор проводил политику строгой цензуры: запрещалось импортировать английские книги по любым предметам, изданные за пределами королевства; он запретил печатание книг Писания или трудов, посвященных религии, также и в Англии, если только заранее не было получено одобрение епископа. Однако Мор и епископы пытались плыть против течения. Изобретение книгопечатания революционизировало процесс распространения новых идей в Западной Европе, включая идеи протестантов. С печатных станков английских эмигрантов за границей, в особенности из типографии Уильяма Тиндела в Антверпене, сходило множество изданий еретических книг и Библий. Спрос на издания Священного Писания на народных языках был постоянным, устойчивым и повсеместным; Генрих VIII был достаточно просвещенным, чтобы согласиться с этим, и в 1535 г., в год смерти Мора, впервые появилось официальное издание английской Библии в переводе Майлса Ковердейла.

Из всех сил, вызванных к жизни европейским Возрождением, самой первой стал христианский гуманизм и воздействие греческой учености. Гуманисты, величайшим из которых был Эразм Роттердамский (1461-1536), отвергли схоластику в пользу простого благочестия, основанного на Библии, или *philosophia Christi*, предполагавшей непосредственное изучение текста, прежде всего греческого Нового Завета. Эразм несколько раз приезжал в Англию, и именно в Кембридже в 1511-1514 гг. он работал над греческим текстом Нового Завета для своего издания.

Однако возрождение греческой учености столь же многим обязано и англичанину, Джону Колету, мрачному настоятелю собора св. Павла, основателю школы при нем. Колет, бывший также духовным наставником молодого Томаса Мора, побывал в Италии, где познакомился с философией неоплатонизма Марсило Фичино и Пико делла Мирандолы. Он был знатоком греческой грамматики и литературы, изучение которых он позднее помог привить в Оксфорде и в своей школе, а его философские и литературные познания были применены к библейским студиям – особенно к изучению посланий св. Павла. В результате возник метод библейской экзегезы, опиравшийся на новые основания. Колет подчеркивал единство божественной истины, буквалистский подход к тексту, внимание к историческому контексту и веру в личного искупителя – Христа. Эти идеи вдохновляли как Эразма, так и младшее поколение гуманистов.

Гуманисты впервые бросили вызов английским институтам в 1512 г., когда в проповеди, произнесенной перед конвокацией, Колет осудил проступки клириков и призвал к реформе Церкви изнутри. Его проповедь вызвала негодование, но гуманисты продолжали призывать к духовному обновлению. Евангелизм Эразма сочетался с жесткой критикой священников

и монахов, католических суеверий и даже папства. Он опубликовал свои «Наставление христианскому воину» (1503), «Похвала глупости» (1511) и «Воспитание христианского государя» (1516) раньше, чем Лютер бросил вызов папству. В 1516 г. Эразм издал также свой греческий Новый Завет вместе с исправленным латинским переводом. Ученые и образованные миряне были восхищены; наконец они могли припасть к чистым водам источника.

«Утопия» Томаса Мора (1516) была более сложной. Она представляла собой остроумную идеализацию воображаемого языческого сообщества, обитающего на отдаленном острове в полном соответствии с принципами естественной добродетели. Утопийцы обладали разумом, но были лишены христианского Откровения, и, подспудно сравнивая их благие общественные обычаи и просвещенные мнения с более низким уровнем (в практической жизни) христиан-европейцев, Мор осудил последних, пользуясь в основном приемом красноречивого умолчания. Ведь ирония и скандал заключались в том, что христианам нужно было столь многому учиться у язычников.

Однако гуманизм Эразма и Мора был хрупким. Даже без брошенного Лютером вызова он мог распасться на части, так как вера и разум в этой схеме противоречили друг другу. Решение Мора заключалось в том, что вера обладает высшей властью, а католические верования нужно защищать, потому что это веления Бога. Эразм же доверял человеческому разуму и не мог принять мысль о том, что Господь испытывает веру людей, заставляя их верить в то, что ученые Возрождения поставили под вопрос. Лютер даже считал Эразма своим врагом из-за его преклонения перед разумом. Так что эти разногласия ослабляли гуманизм, и общее внимание привлекли новые сторонники реформы. В Англии влияние лютеранства выходило за пределы узкого круга обращенных: подъем «новой учености», как ее называли, стал одной из самых мощных сил, вырвавшихся на свободу в 20-30-х годах XVI в. Идеи Лютера и его многочисленные сочинения быстро проникли в университеты, особенно в Кембридж, в деловой центр Лондона, в юридические корпорации, готовящие адвокатов, а при посредстве Анны Болейн и ее круга достигли даже двора Генриха VIII. В Кембридже в число молодых ученых, захваченных новыми идеями, входили Томас Кранмер и Мэтью Паркер, и оба они впоследствии стали архиепископами Кентерберийскими. Естественно, Вулси как легат предпринимал решительные усилия, чтобы прекратить распространение протестантизма, но без явного успеха. Критики осуждали его за нежелание сжигать людей за ересь, однако Вулси предпочитал жечь книги и заключать людей в тюрьмы, разделяя с Эразмом вполне человечный ужас при мысли о том, что он будет предавать тела людей пламени костра. Однако истинной причиной успеха Лютера было то, что он предложил стройную систему вероучения, дававшую выражение религиозной субъективности индивида, а также их недоверию к Риму и папской монархии. Вдобавок его взгляд на духовенство отвечал здоровым инстинктам мирян, и его глобальное решение проблемы конкубината, внебрачного сожительства, состояло в безусловном разрешении брака для клириков.

В этот религиозный водоворот втянуло и первый развод Генриха VIII. Хотя Екатерина Арагонская родила пятерых детей, выжила только принцесса Мария (род. 1516), а король стремился иметь наследника-мужчину, чтобы обеспечить безопасность династии Тюдоров. К 1527 г. стало ясно, что Екатерина уже миновала детородный возраст; тем временем Генрих возжелал Анну Болейн, которая не сдавалась ему без обещания брака. Впрочем, аннулирование королевских браков случалось не так уж редко, и все могло быть разрешено без драмы, совершенно незаметно, если бы Генрих VIII не был знающим, хотя и лживым богословом.

Главное препятствие заключалось в том, что Генрих, опасаясь унижения в глазах других государей, настаивал на том, чтобы его развод был совершен компетентной инстанцией в Англии, потому что в таком случае он мог бы лишить свою жену ее юридических прав и запугать судей-епископов. Но его брак основывался на диспенсации папы Юлия II, по необходимости приобретенной Генрихом VII прежде всего для того, чтобы дать

возможность юному Генриху VIII жениться на вдове брата; следовательно, дело подпадало под юрисдикцию Рима. Чтобы разрешить дело без обращения в Рим, принимая во внимание, что папа не склонен уступать желаниям короля, Генрих должен был доказать, вопреки мнению правящего папы Климента VII, что диспенсация, данная его предшественником, была недействительной, – это автоматически покончило бы с его браком на основании того, что юридически он вообще никогда не существовал. Тогда Генрих вновь стал бы холостяком. Однако такая стратегия увела короля из области брачного права в отдаленную и сверхчувствительную сферу папской власти. Если диспенсация Юлия II была недействительной, то только потому, что преемники св. Петра не имели права издавать подобные документы, а следовательно, папы ничем не отличались от прочих законодателей, преступивших границы своих полномочий.

Генрих был достаточно хорошим богословом, чтобы знать, что этого мнения придерживается меньшинство западных христиан. Он был также достаточно эгоистичным, чтобы вскоре подпасть под обаяние собственной способности убеждать; он поверил, что власть папы – несомненный обман, человеческий заговор с целью лишить королей и императоров их законного наследия. Генрих оглядывался на золотой период имперского прошлого Британии I на времена императора Константина и короля Луция I. На деле Луций I никогда не существовал, он представлял собой миф, фикцию относительно воображаемого донормандского прошлого. Однако британские «источники» Генриха показывали, что этот самый Луций был великим правителем, первым христианским королем Британии, наделившим британскую церковь всеми ее вольностями и владениями, а затем написавшим папе Элевтерию, прося его сообщить ему римские законы. В ответ папа объяснил, что Луцию не нужны никакие римские законы, потому что у него уже был *lex Britannic* (в чем был он ни заключался), на основании которого он правил как Церковью, так и государством.

«Ибо ты – наместник Господа в твоем королевстве, как говорит псалмопевец, «Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду» (Пс.72:1)[*]… Король получает свое имя от правления, а не от обладания королевством. Ты будешь королем, если ты правишь хорошо; но, если ты поступаешь иначе, имя короля не останется тебе… Господь вверил тебе править Британским королевством, чтобы ты мог править вместе с ним вечно, ибо ты – его наместник в королевстве».

Vicarius Dei – наместник Христов. Невероятно, но развод привел Генриха к вере в свое королевское верховенство, супрематию, по отношению к английской церкви.

С наступление кризиса, вызванного разводом, Генрих лично занялся политическими делами и управлением. Он выпроводил Вулси, оказавшегося в новых условиях безнадежно скомпрометированным, поскольку его легатская власть исходила непосредственно из Рима. Генрих назначил канцлером Томаса Мора, но это решение имело негативные последствия из-за щепетильного нежелания Мора быть вовлеченным в действия короля. Последний созвал Парламент, который впервые в английской истории составил вместе с королем, хотя и не без колебаний, законодательную ассамблею, обладающую всеобъемлющей компетенцией. Наконец, Генрих и Парламент в непревзойденном порыве революционного законотворчества отбросили верность Англии Риму, издав статуты об аннатах (1533), об апелляциях (1533), о супрематии (1534), первый статут о престолонаследии (1534), статут о государственной измене (1534) и статут против власти папы (1536). Статут об апелляциях провозглашал новый императорский статус Генриха VIII: вся юрисдикция в Англии, светская и духовная, теперь принадлежала королю – и отменил право папы решать английские церковные дела. Акт о супрематии провозгласил, что король Англии, а не папа является верховным главой английской церкви. Статут о престолонаследии стал первым в серии тюдоровских документов, призванных определить порядок наследования престола. Даже Томас Мор согласился с тем, что сама по себе эта мера вполне здравая, вот только

[*] В русском синодальном переводе Пс.71:1.

статуту предшествовала преамбула, где папская юрисдикция отвергалась как «узурпация» императорской власти Генриха. Мор вместе с епископом Рочестерским Фишером и лондонскими картузианцами, наиболее аскетическими и благородными защитниками идеи папского примата, предстали перед судом по обвинению в «отрицании» супрематии Генриха VIII на основании статута о государственной измене. Согласно ему, злонамеренно лишать короля или королеву «достоинства, титула, или имени их королевских владений», т.е. отрицать супрематию Генриха было государственной изменой. Летом 1535 г. жертвы этого статута, а в действительности жертвы мстительности Генриха VIII были подвергнуты жестокой казни. Год спустя реформационное законодательство было дополнено завершающим статутом против власти папы, уничтожившим последние остатки папского авторитета в Англии, включая «пастырское» право папы как учителя разрешать споры о толковании Писания.

Теперь Генрих VIII контролировал английскую церковь в качестве ее верховного главы. Но почему же епископы, обладавшие решающим голосом в Палате лордов и на церковном соборе (Convocation), допустили Реформацию Генриха? Ответ отчасти заключается в том, что Генрих принудил своих оппонентов из числа духовенства к повиновению угрозами и карательным налогообложением, однако некоторые епископы, по сути, поддержали короля, хотя и с грустью. Они предпочли находиться непосредственно под управлением Тюдоров, с которыми можно было торговаться и договариваться, нежели подчиниться Парламенту, а именно такова была альтернатива. Уже в 1532 г. Кромвель стремился сделать тюдоровскую супрематию парламентской. Однако дело Парламента было ограничено механической, хотя и революционной по сути задачей принятия соответствующих законов. По мнению Генриха, образцами управления государством были императоры поздней Римской империи, особенно Константин и Юстиниан, управлявшие как Церковью, так и государством. Генрих считал, что его супрематия является «императорской», несмотря на использование Парламента. Королевская супрематия была «установлена Богом»; все, что сделал Парламент, так это с запозданием признал данный факт. Однако вся полнота последствий разрыва с Римом не была осознана вплоть до 1549, 1552 и 1559 гг., когда королевская супрематия стала орудием протестантской Реформации. Далеко не каждый понимал смысл того, что происходило в 30-х годах XVI в. Многие рассматривали статуты об апелляциях и супрематии как проявление временного конфликта между королем и папой, как дело, из-за которого не стоило становиться мучеником.

До 1529 г. Генрих управлял своим духовенством через Вулси; после 1534 г. он делал это лично и при посредстве своего второго министра, Томаса Кромвеля. Бывший помощник Вулси, Кромвель вознесся к власти, как человек, поддерживавший интересы Болейнов. К январю 1532 г. он полностью освоил механизм управления, в особенности искусство контролировать Парламент. Используя должности хранителя королевских украшений, королевского секретаря, лорда-хранителя личной печати и светского наместника Генриха в церковных делах, он определял политику Генриха вплоть до своего падения в июне 1540 г. В самом деле, ряд историков считают, что Кромвель был вдохновителем тюдоровской «революции управления». Хотя это так и не было доказано, верно то, что Кромвель пытался реформировать Королевский Совет и финансовые ведомства Тюдоров. В 1536 г. многочисленный и неуправляемый Совет, с которым приходилось иметь дело Генриху VII и Вулси, был превращен в исполнительный орган, состоявший из девятнадцати человек, и переименован в Тайный совет. Выйдя на первый план после 1540 г., Тайный совет определял и применял политику Короны, надзирал над судами, управлял финансами казначейства и координировал действия на местах. Действуя скорее на основании государственных документов, а не королевских предписаний, Совет стал партнером Короны в той же степени, как и ее корпоративным слугой. Благодаря финансовым реформам Кромвеля началось отделение финансов королевской семьи и свиты от средств национального правительства, хотя этот важный процесс не был полностью завершен до 70-х годов XVI в.

Однако главным достижением Кромвеля был роспуск монастырей. После 1535 г. объединились три непобедимые силы, сделав их устранение неизбежным. Во-первых, почти все монастыри подчинялись материнским обителям за пределами Англии и Уэльса – что было неприемлемо с точки зрения закона согласно статутам об апелляциях и супрематии. Во-вторых, Генрих VIII оказался банкротом. Ему нужно было конфисковать владения монастырей, для того чтобы восстановить финансовые позиции Короны. В-третьих, Генрих должен был купить политическую поддержку нации по поводу своего разрыва с Римом и своей Реформации путем щедрого покровительства, а значит, он должен был умилостивить знать и дворян долей добычи. Таким образом, первой задачей Томаса Кромвеля как наместника было провести по приказу Генриха опись церковного имущества, первую налоговую опись со времен «Книги Страшного Суда», чтобы оценить состояние и размер владений английской церкви. Вопросник Кромвеля был образцом точности. Отправляется ли божественная литургия? Кто является вкладчиками в монастырь? Какими землями владеет монастырь? Какими рентами? И так далее. Опись была завершена за шесть месяцев, и административный талант Кромвеля может продемонстрировать тот факт, что «*Valor Ecclesiasticus*» – название, под которым она известна, – предоставляла информацию как о ценности монастырского имущества, так и о доходах отдельных клириков (в фискальных целях).

Менее крупные обители были распущены в 1536 г.; крупные монастыри претерпели ту же участь два года спустя. Процесс был прерван впечатляющим восстанием на Севере, Благодатным паломничеством, жестоко подавленным с применением законов военного положения, что полностью нарушило обещания, данные «паломникам» Генрихом VIII. Однако грабеж был быстро завершен. К ноябрю 1539 г. было распущено 560 монастырей, а земли, приносившие 132 тыс. фунтов годового дохода, немедленно переданы в ведение Суда приобретений ведомства королевских доходов, нового государственного учреждения, созданного Кромвелем, для того чтобы заниматься перераспределением ресурсов. Затем в сундуки Генриха отправилось приблизительно 75 тыс. фунтов – доход от продажи золотой и серебряной утвари, меди и других ценных предметов. Наконец, монастыри имели право поставлять священников для 2/5 приходов в Англии и Уэльсе, и это право также влилось в систему королевского патроната.

Историки часто спорят о долговременных последствиях роспуска монастырей, которые для удобства можно разделить на те, что планировались заранее, и непредвиденные. В рамках первой категории ГенрихVIII устранил последний оплот возможного сопротивления королевской супрематии. Из числа бывших монастырских зданий и владений он выкроил шесть новых епархий: Питерборо, Глостер, Оксфорд, Честер, Бристоль и Вестминстер, – последняя из которых была расформирована в 1550 г. Затем король реорганизовал бывшие монастырские соборы во вновь основанные соборы, с заново укомплектованным штатом и пересмотренными уставами. Главным, однако, было то, что регулярный доход Короны почти удвоился – но надолго ли? Горькая ирония роспуска монастырей заключалась в том, что колоссальные военные расходы Генриха VIII в 40-х годах XVI в., вместе с требованиями мирян, желавших получить свою долю награбленного, которым невозможно было сопротивляться по политическим мотивам, настолько уменьшили финансовые приобретения, что практически поглотили весь доход от конфискации. Продажа конфискованных земель началась еще до того, как были распущены крупные монастыри, и к 1547 г. почти две трети бывшей монастырской собственности перешло в другие руки. Дальнейшие пожалования при Эдуарде VI и королеве Марии довели этот показатель к 1558 г. до более чем трех четвертей. Оставшиеся земли были проданы Елизаветой I и первыми Стюартами. Правда, земли не раздавались: из 1593 пожалований во время правления Генриха VIII только 69 были полностью или частично дарениями; большинство пожалований (95,6%) представляло собой земли, проданные по ценам, определенным на основании последней оценки. Но доходы от продажи не инвестировались – при Генрихе VIII все было как раз наоборот. В любом случае земля была лучшим вложением

капитала. Таким образом, воздействие продаж на внепарламентские источники дохода Короны было очевидным, и это аргумент в пользу мнения о том, что именно расточение Генрихом VIII бывших монастырских ресурсов затруднило управление Англией для его преемников.

Что касается непредвиденных последствий роспуска монастырей, то масштабное разрушение прекрасных готических зданий, переплавка средневековых металлических изделий и драгоценностей и разграбление библиотек были актами дозволенного вандализма. Естественно, духовенство впоследствии страдало от упадка духа. Резко уменьшилось число рукоположенных; лишь немногие считали, что Реформация Генриха VIII имела отношение к духовной жизни или Богу. Исчезновение аббатов из Палаты лордов означало, что голос духовенства ослабел, усилив позиции мирян в обеих палатах. Вместе с продажей бывших монастырских земель обычно отчуждались и связанные с ними права поставления на приход; таким образом миряне на местах приобрели большую часть церковного патроната, задав тон для трех последующих столетий. В конечном счете от продажи земель Короны выиграли знать и джентри, в особенности мелкопоместные дворянские семьи. Распределение национального богатства в период между 1535 и 1558 гг. изменилось не в пользу Церкви, но на благо Короны и мирян, а точнее, на благо знати и дворян, но не в пользу Короны. Если взять Норфолк как типичное графство, то изменение в распределении богатства к началу правления Елизаветы заключалось в том, что 4,8% маноров графства принадлежало Короне, 6,5 – составляли епископские или церковные маноры, 11,4 – владели территориальные магнаты Восточной Англии, а 75,4% маноров были приобретены джентри. В 1535 г. Корона имела здесь 2,4% маноров, 17,2% их принадлежали монастырям, 9,4 – находились в руках магнатов, а 64% принадлежали семействам джентри.

Без подготовительного этапа – разрыва с Римом при Генрихе VIII не могло бы быть протестантской реформы в правление Эдуарда VI. Впрочем, данная оценка легко может стать вопросом религиозных пристрастий, а не историческим суждением. Трудно, однако, не считать Генриха грабителем; он вряд ли был творцом. Томас Кромвель сделал все, что было в его силах, порой за спиной короля, чтобы внушить современникам просвещенный идеализм Эразма: елизаветинское церковное устройство многим обязано миролюбивой стороне сложного характера Кромвеля. Но наградой ему стала плаха. Когда Генрих поверил в то, что Кромвель защищает протестантов в Кале, он лишил его своей поддержки и позволил своему заместителю пасть жертвой врагов. А в отсутствие Вулси или Кромвеля, способных сдерживать его, Генрих решился начать войны против Франции и Шотландии, установив тем самым мину замедленного действия, уничтоженную только казнью Марии Стюарт в феврале 1587 г.

Однако если Генрих и обратился к войне и внешней политике в последние годы своего правления, то только потому, что наконец почувствовал себя в безопасности. Кромвель создал систему принуждения, необходимую для того, чтобы защитить верховного главу Церкви от внутренней оппозиции; Джейн Сеймур родила сына – наследника престола Тюдоров; Генрих был взволнован своим браком с Екатериной Говард и наконец привел в порядок доктрину Церкви шестистатейным актом (Act of Six Articles) (1539).

Матримониальные приключения Генриха VIII слишком хорошо известны, чтобы подробно обращаться к ним, однако общий обзор может оказаться полезным. Анна Болейн была уже беременна, когда король на ней женился, а 7 сентября 1533 г. родилась будущая Елизавета I. Генрих был ужасно разочарован, что это не долгожданный сын, а когда в январе 1536 г. у Анны случился выкидыш и плод мужского пола оказался сильно деформированным, король уверовал в то, что Бог проклял его второй брак. Вследствие этого Генрих уничтожил Анну с помощью придворного заговора (май 1536 г.) и заменил ее новой супругой – Джейн Сеймур. Но триумф Джейн, произведшей на свет мальчика – принца Эдуарда, оказался пирровой победой, так как двенадцать дней спустя она умерла от усилий тюдоровских хирургов. Ее преемницей стала Анна Клевская, на которой Генрих

женился в январе 1540 г., чтобы получить союзников в Европе. Однако Анна, нежная, но некрасивая, не подошла ему; развод оказался тем более легким, что брак никогда не был подтвержден физической близостью. Следующей стала Екатерина Говард. Легкомысленная кокетка, она была фрейлиной Анны Клевской, а в июне 1540 г., спустя месяц после заговора, уничтожившего Кромвеля, стала пятой женой короля. Она была казнена в феврале 1542 г. за прелюбодеяние. Наконец, в июле 1543 г. король взял в жены добродушную Екатерину Парр. Дважды овдовевшая, Екатерина была образованной эразмианкой, многое сделавшей для сохранения дела гуманистической реформы в период, предшествовавший ее новому выходу на сцену в правление Эдуарда VI.

Новые военные планы Генриха VIII, только укрепившиеся после того, как он узнал о неверности Екатерины Говард, возродили его юношеские мечты о завоевании Франции. Первые военные кампании короля в 1512 и 1513 гг. по большей части организовывал Вулси; в 1513 г. Генрих лично повел крупную армию из Кале, захватив Теруан и Турне после Битвы шпор (16 августа). Правда, захваченные города было слишком дорого оборонять, и Томас Кромвель в Парламенте назвал их «злобными собачьими конурами», но короля эта победа радовала. Было запланировано новое вторжение, однако союзники Генриха оказались ненадежными, и Вулси заключил англо-французское *entente* (соглашение) (август 1514 г.). Оно распалось после смерти Людовика XII и восшествия на престол Франциска I (1 января 1515 г.). Но в 1518 г. Вулси пришел к новому соглашению с Францией, которое было преобразовано в поразительный европейский мирный договор. Папа, император, Испания, Франция, Англия, Шотландия, Венеция, Флоренция, швейцарцы и ряд других стран объединились в пакте о ненападении, предусматривавшем взаимопомощь в случае военных действий. Одним росчерком пера Вулси сделал Лондон центром Европы, а Генриха VIII ее арбитром. Этот *coup de theatre* (театральный поступок, фр.) был тем более примечательным, что являлся планом папы, который Вулси стащил у него из-под носа. На Поле золотой парчи в 1520 г. Генрих и Франциск соперничали друг с другом во время масштабного ренессансного турнира, восхвалявшегося как восьмое чудо света. В ходе дальнейших кампаний 1522 и 1523 гг. армия Генриха оказалась на расстоянии менее пятидесяти миль от Парижа. Затем ему представился наилучший шанс из всех возможных: союзник Генриха император Карл V разбил и захватил в плен Франциска в сражении при Павии (24 февраля 1525 г.). Но Англия не могла воспользоваться этой удачей из-за истощения финансов. Так что Генрих заключил мир с Францией. А когда началась кампания в поддержку его развода, ему пришлось заняться внутренними делами, и он опасался католического вторжения. Безусловно, Генрих не был в состоянии возобновить военные действия, до тех пор пока не затихли отголоски Благодатного Паломничества.

К 1541 г. Генрих склонялся к возобновлению союза с Испанией против Франции, но был достаточно осмотрителен, чтобы колебаться. Безопасность династии требовала, чтобы, до того как Англия вступит в войну с Францией, у врага не было шансов укрепиться в самой Британии. Это подразумевало усиление английской гегемонии на Британских островах – в Уэльсе, Ирландии и Шотландии. Соответственно Генрих начал – или продолжил – дело английской колонизации, завершенное Актом об объединении с Шотландией (1707).

Союз Англии и Уэльса являлся плодом амбициозных реформ Кромвеля; он был юридически признан Парламентом в 1536 и 1543 гг. Пограничные марки превратились в графства, английские законы и система управления были распространены на Уэльс, а графства и округа теперь посылали двадцать четыре члена Парламента заседать в Вестминстер. Вдобавок обновленный Совет Уэльса и новые Суды большой сессии должны были заниматься обороной региона и его судебной системой. На Уэльс было полностью распространено действие королевских предписаний, а также английских принципов держания земли. Статут 1543 г. предписал, что валлийские обычаи держания и наследования отменяются, а на смену им приходят английские правила. Валлийские обычаи сохранились в удаленных районах до XVII в. и даже позже, однако английские порядки вскоре возобладали. Английский язык вошел в моду, а валлийские народные

промыслы пришли в упадок.

Тюдоровская политика в Ирландии началась с решения Генриха VII о том, что акты, принятые Парламентом в Англии, должны применяться и в Ирландии, а ирландский парламент может издавать законы лишь с предварительного согласия короля Англии. К 1485 г. власть Англии фактически ограничивалась Пейлом (территория вокруг Дублина). Однако в целом до 1534 г. Ирландия оставалась спокойной, хотя гэльскими вождями поддерживалось равновесие сил. Тюдоры правили главным образом при посредничестве англо-ирландский знати, но в 1533 г. возник кризис, когда ирландская политика начала смешиваться с Реформацией. Захваченный врасплох восстанием Килдара (июль 1534 г.), Генрих VIII мог лишь оттягивать время переговорами с восставшими, до тех пор пока не была собрана армия для их подавления. Разгром восставших в августе 1535 г. привел к резкой смене политики – прямому правлению. Ведь целью Кромвеля было ассимилировать Ирландию в единое королевство Англия под контролем рожденного в Англии наместника. Однако такая политика требовала поддержки постоянной армии, подчинявшейся Вестминстеру. После этого Генрих VIII изменил свой титул с «повелителя» (lord) на «короля» Ирландии (июнь 1541 г.). Присвоение королевского титула оправдывалось на том основании, что «из-за отсутствия имени» суверена ирландцы не были столь покорными, «какими они должны быть согласно праву, а также их верности и обязанностям». Однако этот шаг подвигал Англию к возможному полномасштабному завоеванию Ирландии, в случае если вожди восстанут или же если начатая Кромвелем Реформация в Ирландии потерпит неудачу. Этот шаг даже работал против идеи единого государства. Ведь для Ирландии была создана подчиненная сверхструктура: в техническом смысле поздние Тюдоры управляли двумя отдельными королевствами, каждое из которых имело свою собственную бюрократию. Если использовать более поздние идеологические термины, то стало возможным говорить об англо-ирландском национализме, противопоставленном английской или гэльской цивилизации. Наконец, несмотря на конфискацию поместий Килдара и роспуск Генрихом VIII половины ирландских монастырей, доходы от Ирландии были недостаточными, для того чтобы обеспечивать новый королевский статус Короны или ее постоянную армию. А поскольку армию нельзя было вывести, это усиливало доводы в пользу завоевания Ирландии.

Однако основой тюдоровской системы безопасности была необходимость контролировать Шотландию. Яков IV (1488-1513) в 1492 г. возобновил Старый союз (*Auld Alliance*) с Францией и в дальнейшем провоцировал Генриха VII, оказывая поддержку Перкину Уорбеку. Первый Тюдор отказался обращать внимание на шотландское бряцание оружием и в 1502 г. подписал договор о вечном мире с Шотландией, за которым год спустя последовал брак его дочери Маргариты с королем Яковом. Тем не менее вскоре после восшествия на престол Генриха VIII Яков попытался нарушить договор; Генрих был занят кампанией во Франции, но отправил на Север графа Суррейского, и тот наголову разгромил шотландцев при Флоддене 9 сентября 1513 г. Шотландская элита: король, три епископа, одиннадцать графов, пятнадцать лордов и около 10 тыс. простолюдинов – пала в сражении, ставшем запоздалым завершением средневековой агрессии, начатой Эдуардом I и Эдуардом III. Новый шотландский король Яков V был еще младенцем, а интересы Англии представляла его мать, сестра Генриха VIII. Охватившая шотландцев паника имела следствием укрепление связей страны с Францией, что нашло воплощение в регентстве Джона, герцога Олбанского, который представлял интересы Франции и побуждал Франциска I поддержать вторжение в Англию.

Французская угроза стала очевидной, когда повзрослевший Яков V посетил Францию в 1536 г. и женился на Мадлен, дочери Франциска I, а затем вскоре на Марии де Гиз. В 1541 г. Яков согласился встретиться с Генрихом VIII в Йорке, но в высшей степени оскорбил его, так и не явившись. К тому времени Шотландия и в самом деле представляла собой угрозу Генриху VIII, потому что в ее правительстве доминировала французская фракция, возглавляемая кардиналом Битоном, символизировавшим как Старый союз, так и

угрозу контрнаступления папы. В октябре 1542 г. герцог Норфолкский вторгся в Шотландию, поначалу достигнув немногого. Именно контрнаступление шотландцев обернулось для них катастрофой худшей, чем даже Флодден. Двадцать четвертого ноября 1542 г. 3-тысячная английская армия одержала верх над 10 тыс. шотландцев при Солуэй-Мосс – и известие об этом позоре за какой-то месяц убило Якова V. Шотландия оказалась заложницей судьбы Марии Стюарт, младенца, рожденного за шесть дней до смерти Якова. Казалось, молитвы Англии были услышаны.

Тем не менее Генрих VIII и протектор Сомерсет, управлявший Англией в первые годы несовершеннолетия Эдуарда VI, превратили преимущество в угрозу. Была избрана двойственная политика: война с Францией уравновешивалась вторжением в Шотландию, что должно было обезопасить английские тылы. В 1543 г. Генрих VIII использовал пленников, захваченных при Солуэй-Мосс, как ядро английской партии в Шотландии: он организовал смещение Битона и навязал шотландцам Гринвичский договор, который предусматривал объединение корон через брак принца Эдуарда и Марии Стюарт. В конце того же года Генрих вступил в союз с Испанией против Франции, планируя совместное вторжение на следующую весну. Но вторжение, что было вполне предсказуемо, оказалось плохо скоординированным. Генрих отвлекся на захват Булони; император заключил сепаратный мир с Францией в Крепи, оставив английские фланги открытыми. Война продолжалась до июня 1546 г., обойдясь в астрономическую сумму. Затем Франциск I согласился на то, чтобы англичане удерживали Булонь в течение следующих восьми лет, после чего они должны были вернуть ее вместе с новыми дорогостоящими укреплениями. Он также бросил на произвол судьбы шотландцев, косвенным образом признав условия Гринвичского договора. Но это уже не имело значения: «грубое ухаживание» Генриха VIII привело в Шотландии к обратным результатам. Битон уничтожил английскую партию и отверг договор; графа Хертфордского, будущего протектора Сомерсета, послали на Север с 12 тыс. человек. Поход графа Хертфордского, опустошивший пограничные территории и Лотиан, был успешным, но абсолютно нецелесообразным. В частности, разграбление Эдинбурга лишь объединило Шотландию в сопротивлении английскому терроризму. Таким образом, Генрих VIII добился именно того, чего желал избежать, – одновременного конфликта с Францией и с Шотландией. Граф Хертфордский вернулся в Шотландию в 1545 г., но французская партия там усиливалась, даже после того, как в мае 1546 г. Битон был убит группой помещиков (lairds) из Файфа.

Эдуард VI

Смерть Генриха VIII в 1547 г. и протекторат (до 1549 г.) одержимого, вечно колеблющегося графа Хертфордского – герцога Сомерсетского образовали вакуум центральной власти. На местах он сопровождался временной неспособностью властей графств подавлять вспышки насилия и восстания, вызванные главным образом снижением уровня жизни в 40-х годах XVI в. Мятежи и волнения были повсеместным явлением в 1548-1550 гг., за исключением Севера, где, наверное, еще была свежа память о злополучном Благодатном паломничестве. «Порча монеты», призванная помочь оплатить войну с Францией, вызвала галопирующую инфляцию, а резкое падение покупательной способности денег совпало с организацией комиссий по огораживаниям герцогом Сомерсетским и введением налога на овец – политикой, подкреплявшей слухи о том, что протектор поддерживает бедных против богатых. Самые серьезные восстания имели место в Дэвоне и Корнуолле, а также в Восточной Англии; кульминацией их стала настоящая осада Эксетера и Норича восставшими. Уклончивость герцога Сомерсетского и его неспособность покончить с внутренним кризисом помогла графу Уорикскому в его заговоре против протектора в октябре 1549 г.

Однако самым главным промахом герцога Сомерсетского было то, что он продолжал цепляться за исчерпавший себя Гринвичский договор. Его желание реализовать план

Генриха VIII – вытеснить французское влияние в Шотландии английским и добиться объединения корон – превратилось в навязчивую идею. Победа герцога в сражении при Пинки (10 сентября 1547 г.) подавалась как попытка освободить Шотландию от римского духовенства, но шотландской Реформации вряд ли могла помочь политика, еще сильнее сближавшая Шотландию с Францией. В июне 1548 г. в Лейте высадилась 6-тысячная французская армия, и Мария Стюарт была увезена во Францию. В то время как герцог Сомерсетский продолжил угрожать Шотландии, Генрих II Французский объявил Англии войну. Булонь подверглась блокаде, а французские войска в Шотландии были усилены. Затем шотландцы согласились на то, что Мария впоследствии должна выйти замуж за дофина, наследника французского престола. Это условие забило последний гвоздь в гроб герцога Сомерсетского.

Победа заговора графа Уорикского и последовавшая за ней реорганизация Тайного совета завершились к февралю 1550 г. Граф отверг титул протектора; вместо него он предпочел ранг лорда-президента Совета – примечательный выбор, ведь он возрождал должность, по сути исчезнувшую после падения Эдмунда Дадли, отца графа. Посмертная традиция очернила графа Уорикского как злобного интригана – настоящего «макиавеллиста». Однако трудно понять, чем он это заслужил, ведь целесообразность в интересах стабильности была краеугольным камнем тюдоровской политики, известной всем. Преступные интриги графа Уорикского доказываются при помощи трех эпизодов: его изначального заговора против герцога Сомерсетского, последовавшего за ним судебного процесса, завершившегося в январе 1552 г. казнью герцога, и знаменитой попытки изменить порядок наследования престола в пользу невестки графа Уорикского, леди Джейн Грей. Тем не менее только последнее из трех обвинений может быть обосновано по тюдоровским стандартам, но даже его историки рассматривали бы иначе, если бы заговор с целью исключить католичку Марию из претендентов на престолонаследие оказался успешным.

Граф Уорикский, даровавший самому себе титул герцога Нортумберлендского в октябре 1551 г., по сути, сделал похвальную попытку остановить процесс дестабилизации, который был допущен герцогом Сомерсетским или по крайней мере не встретил надлежащих мер с его стороны. Мир внутри страны был восстановлен при помощи силы, включая иностранных наемников; английские финансы приведены в порядок в результате просвещенных реформ и сокращения расходов. А прежде всего была быстро завершена катастрофическая война герцога Сомерсетского с Францией и Шотландией. Герцог Нортумберлендский стремился к миру, невзирая на бесчестье, – унизительная, но предпочтительная альтернатива сражениям. Булонь была сразу возвращена Франции; английские гарнизоны выведены из Шотландии, а Гринвичский договор быстро забыт. Тем самым брак Марии Стюарт и дофина становился неизбежным, но, принимая во внимание возраст [Марии], его заключение было отложено до апреля 1558 г.

Тем временем английская Реформация достигла ключевого момента в своем развитии. После казни Томаса Кромвеля Генрих VIII сам управлял английской церковью: его консерватизм в вопросах вероучения оставался неизменным до конца. Однако герцог Сомерсетский стал протектором как лидер протестантской фракции в Тайном совете, а юный Эдуард VI – в 1547 г. ему было девять лет – таинственным образом также превратился в скороспелого протестантского фанатика. В июле 1547 г. герцог переиздал эразмианские по духу предписания Кромвеля духовенству, за которыми последовала «Книга гомилий», или образцы проповедей, излагавших основы протестантского учения. Четыре месяца спустя он созвал Парламент, и законы Генриха, касавшиеся вероучения, были отменены. Тогда же были запрещены [заупокойные] часовни. Их строили для того, чтобы служить в них мессы по душам их основателей; существование часовен укрепляло веру в чистилище и пользу заупокойных месс, что протестанты отвергали. Таким образом, герцог Сомерсетский оправдывал запрет часовен религиозными мотивами, но совершенно очевидно, что гораздо больше его интересовала их собственность, с помощью которой

можно было финансировать его шотландские амбиции. Затем Тайный совет отправил письмо архиепископу Кранмеру, приказывая убрать все иконы из мест богослужения, так как «иконы не являются необходимыми предметами, и без них церкви Христа благочестиво существовали долгие годы». Гробницы святых вместе с находившимися там драгоценностями и утварью тоже были должным образом конфискованы Короной; статуи и фрески, украшавшие английские приходские церкви, были изуродованы или замазаны белой краской. В 1538 г. Генрих VIII запретил существование гробниц святых, являвшихся центрами паломничеств, в частности св. Томаса Бекета в Кентербери. Как протектор герцог Сомерсетский завершил уже начатый процесс разрушения, удостоверившись, что английская живопись, скульптура, работа по металлу и шитье, связанные с католическим культом, были полностью уничтожены.

Всегда существовала угроза, что протестантская реформа зайдет слишком далеко: главным побудительным мотивом восставших в Корнуолле в 1549 г. было их неприятие первой, ранней «Книги общих молитв» Кранмера. Система лицензирования проповедников перестала работать к сентябрю 1548 г., и герцог Сомерсетский был вынужден временно запретить деятельность всех проповедников, лицензированных или нет, заменив ее чтением официально одобренных гомилий. Протектор, со своей стороны, обещал «окончание всех споров о религии» и «единообразный порядок»; Кранмер также стремился к этому идеалу. Он писал Альберту Харденбергу, главе Реформатской церкви в Бремене:

«Мы желаем насадить в наших церквах истинное учение Бога и никогда не стремились быть изменчивыми и колеблющимися или выражаться двусмысленно, но, напротив, оставив все телесные побуждения, стремимся передать потомству истинную и очевидную форму учения, согласную с правилами Писания. Так что можно будет дать всем народам свидетельство нашего учения, распространенного властью ученых и благочестивых мужей, и все потомство будет иметь пример, которому надлежит следовать. С целью приведения этого важного плана в исполнение мы сочли необходимым искать помощи ученых мужей, которые, сопоставив свои мнения с нашими, покончат со спорами о вероучении и определят весь порядок истинного учения».

Среди протестантских богословов, ответивших на призыв Кранмера, были Джон Нокс из Шотландии, Мартин Буцер из Страсбурга, Ян Лаский из Польши, Петр Мартир Вермильи из Италии и Бернардино Окино, бывший генерал ордена капуцинов, который произвел сенсацию своим обращением в протестантизм в начале 40-х годов XVI в.

Однако протестанты были еще меньше способны достичь согласия, чем католики. Джон Нокс, которому герцог Нортумберлендский неразумно предложил епископство Рочестерское (к счастью, Нокс отказался), оказался главным препятствием; он наслаждался кризисом. Кранмер вскоре понял, что единства можно достичь за счет единообразия, – это был основной урок английской Реформации. Соответственно два издания его «Книги общих молитв» (1549, 1552), воплощавшей чистое учение, основанное на Писании, к чему архиепископ стремился с 1537 г., не просто должны были быть одобрены Парламентом; их применение обязывалось статутами о единообразии. Преимущества, с точки зрения Кранмера, заключались в том, что «Книга общих молитв» была издана по-английски, а второе издание было недвусмысленно протестантским. Недостаток состоял в том, что эти молитвенники были изданы как приложение к статутам о единообразии, так что теперь учение и церемонии английской церкви определялись властью Парламента, а не отдельным законодательным актом ее верховного главы. Эта конституционная поправка знаменовала окончательный триумф мирян над Церковью в эпоху Тюдоров, ведь Елизавета I, разрабатывая религиозные установления 1558-1559 гг., взяла за образец именно молитвенники Кранмера.

Королева Мария

Покровительство, оказанное герцогом Нортумберлендским Ноксу, который в годы

правления Марии находился в изгнании и шокировал Европу теоретическими рассуждениями оправе подданных восстать против правителя-идолопоклонника, показывает, насколько герцог связывал свое будущее с делом протестантизма. Здоровье Эдуарда VI никогда не было крепким, а к концу весны 1553 г. стало ясно, что король умирает. По праву рождения и согласно завещанию Генриха VIII его законной преемницей была католичка Мария, дочь Екатерины Арагонской. Однако неудавшийся путч герцога Нортумберлендского в июле 1553 г. нельзя объяснить случайностью. Факты свидетельствуют о том, что 21 мая герцог связал свою семью с престолом, женив старшего сына на леди Джейн Грей. Джейн была старшей дочерью маркиза Дорсетского и, согласно завещанию Генриха VIII, возможной наследницей престола, после принцесс Марии и Елизаветы. Следующим шагом стал «документ», по которому Эдуард VI лишил сестер наследства и завещал свой престол Джейн и ее наследникам. Эдуард умер 6 июля 1553 г.; четыре дня спустя герцог Нортумберлендский и Совет провозгласили Джейн королевой. Измена герцога кажется доказанной. Однако вполне возможно, что это был заговор Эдуарда. Юный фанатик-протестант ненавидел своих сестер, особенно Марию; черновик «документа» был написан его собственной рукой, и исправления принадлежат ему же. Эдуард был по крайней мере добровольным сообщником герцога.

Джейн Грей правила девять дней. Нокс проповедовал в поддержку ее прав и угрожал возвращением папизма и тиранией, если Мария сможет настоять на своих правах. Однако путч был обречен. Марии позволили бежать во Фрамлингэм, укрепленную твердыню католического семейства Говардов. После того как джентри Восточной Англии провозгласили ее королевой, она двинулась на Юг. Однако Лондон изменил позицию; герцог Нортумберлендский, Джейн и их главные сторонники в конце концов закончили жизнь на плахе.

Тем не менее Мария оказалась на престоле в результате обмана. Дворяне Норфолка были убеждены в законности ее прав на наследие Тюдоров; они убедились в ужасающей глубине ее привязанности к католичеству лишь после того, как она была благополучно возведена на престол в Вестминстере. Но, даже если это так, мы должны иметь в виду пристрастность Джона Фокса и других полемистов-протестантов, писавших в царствование Елизаветы; они желали заставить нас поверить, что Мария не занималась ничем, кроме гонений. Верно то, что Мария сожгла, как минимум, 278 человек, а другие умерли в тюрьмах. Но главные протестантские мученики – епископы Хупер, Ридли, Латимер и архиепископ Кранмер – в равной степени были жертвами откровенной политической мести. Стивен Гардинер, неудачливый консерватор-интриган времен Генриха VIII, обманутый Томасом Кромвелем в 30-х годах, лишенный поддержки короля в 40-х годах XV в. и томившийся в Тауэре в правление Эдуарда, в 1553 г. стал лорд-канцлером; он предъявил к оплате длинный счет. Во- вторых, нам следует помнить, что многих из «мучеников» времен Марии при Генрихе VIII сожгли бы как анабаптистов или лоллардов. По стандартам XVI столетия в царстве террора Марии не было ничего исключительного, помимо того факта, что, как и в случае с Мором, который, будучи лорд-канцлером, преследовал протестантов, королева считала, что выполняет свой долг. Масштаб преследований при Марии тоже был преувеличен, поскольку цифры исходят от предвзято настроенного Фокса, который приводил один и тот же пример дважды, если это оказывалось возможным, и для удобства забыл о том, что отсутствие преследований лолардов при Эдуарде создавало резервный «объем работы».

Истинной целью Марии всегда было примирение Англии с Римом; преследования же были малозначительным аспектом. Поэтому ей было на руку то обстоятельство, что дворяне-землевладельцы, заседавшие в Парламенте, были к тому времени почти совершенно светскими по настрою, потому что они практически без комментариев отменили религиозное законодательство Генриха и Эдуарда и возобновили законы против ереси – а их единственным условием было то, что земли Церкви, отнятые у нее после 1536 г., не будут возвращены. Но Марии нужна была помощь папы; она не могла

справиться одна. В ноябре 1554 г. в Англии высадился кардинал Пол, католический изгнанник, Плантагенет по происхождению; он отпустил королевству грехи и объявил о примирении с папством. Пол, назначенный архиепископом Кентерберийским, начал затем проводить разумные церковные реформы в духе Контрреформации: они охватывали такие сферы, как литургия, поведение духовенства, образование и епископский надзор. Однако подход Пола был визионерским. Он рассматривал людей не как индивидов, но как множество; он ставил дисциплину превыше проповеди и стремился стать «добрым» пастырем, освободившим свою паству от бремени выбора, который она по глупости не способна была сделать сама. Но ереси невозможно было противостоять такими методами. Именуя себя «Полярной звездой» («Pole Star»), Пол считал, что само его присутствие сможет направить заблудшие души. Но ему не было отпущено ни времени, ни денег, необходимых для выполнения этой задачи: трех лет при почти полном отсутствии денег было недостаточно. Церковная машина меняется медленно; образовательный стандарт духовенства невозможно было поднять без увеличения стипендий особенно на Севере.

Тем не менее короткое правление Марии оказалось удивительно успешным в других областях. Были завершены финансовые реформы герцога Нортумберлендского; казначейство возрождено и реорганизовано. Был подготовлен проект чеканки новой монеты, примененный при Елизавете. В 1557 г. была назначена комиссия для расследования того, «почему доходы от таможни и субсидии сильно уменьшились и пришли в упадок». Итогом ее деятельности стала новая «Книга тарифов» (май 1558 г.), которая увеличила поступления от таможни на 75%. Меры такого масштаба не будут предприняты вплоть до правления Якова I, когда Великий контракт 1610 г. привел к катастрофическим результатам.

Но Мария сделала две большие ошибки. Первая из них состояла в том, что она позволила примерно 800 английским протестантам эмигрировать во Франкфурт, Цюрих и Женеву. Ведь эти изгнанники не только объявили безжалостный крестовый поход против Англии, выражавшийся в антикатолической пропаганде и подрывной литературе, которую правительство должно было искоренять или по мере возможности опровергать; по восшествии на престол в 1558 г. Елизаветы, протестантской Деборы, как они считали, они поспешили домой, и некоторые из них были назначены епископами, испытывавшими внутреннюю борьбу между англиканскими обрядами, которые они были обязаны насаждать, и свойственным выходцам из Женевы недоверием к папистским ритуалам и облачениям, которое они так недавно разделяли. Второй ошибкой Марии стал ее испанский брак. Союз с Филиппом, сыном императора Карла V, был ее собственной идеей, возобладавшей в 1554 г. вопреки уговорам советников и Парламента. Филипп получил титул короля-соправителя Марии в течение ее жизни; однако его права в Англии должны были исчезнуть, если бы Мария умерла бездетной, как это и случилось. Но даже эти условия не смягчили противников брака: в 1554 г. планировались четыре одновременных восстания; одно из них, восстание сэра Томаса Уайетта в Кенте, началось раньше срока, в январе. Уайетт повел 3 тыс. человек на Лондон, объявив, что «не стремится причинить вред королеве, но ищет лишь лучшего Совета и советников». Но Уайетт отказался грабить Лондон; он отвел свои войска к Кингстону – фатальный маневр. Его армия была разгромлена, а 100 восставших, включая его самого, были казнены как изменники. Остальные планировавшиеся восстания не состоялись.

Тем не менее опасения Уайетта, что Англия станет пешкой в руках Испании, оправдались. В 1556 г., после отречения Карла V, Филипп стал королем Испании. В течение года он втянул жену в войну с Генрихом II Французским, закончившуюся взятием Кале герцогом Гизом (7 января 1558 г.). Помимо своей важности для торговли шерстью Кале символизировал славные французские кампании Эдуарда Черного Принца и Генриха V: его потеря была не просто неудачей. Когда Мария умерла в ноябре 1558 г., ее никто не оплакивал, а то, что спустя несколько часов после королевы скончался кардинал Пол, было расценено как положительный знак. Генрих II отпраздновал это известие с пением *Te Deum*

и фейерверками, а заключение брака Марии Стюарт с дофином (гибельное последствие агрессии Генриха VIII и герцога Сомерсетского) было ускорено.

Елизавета I

Елизавета I, дочь Генриха VIII и Анны Болейн, взошла на престол 17 ноября 1558 г. Правительница Англии в течение сорока четырех лет, она завоевала репутацию намного превосходящую ее достижения. Совершенно очевидно, что ее собственная пропаганда, культ Глорианы, долголетие королевы, то совпадение, что на ее царствование пришлись творчество Шекспира и разгром Непобедимой армады, вводят нас в заблуждение, заставляя забыть о реальных проблемах ее правления.

Однако, какие бы сказки о ней ни рассказывали, сэр Роберт Наунтон был прав, говоря: «Хотя она и была способна выслушать совет, ее собственного мнения было достаточно для ее решимости, проявлявшейся до самого последнего момента». Она знала, чего хочет, и контролировала свою политику; ее инстинкт власти был безошибочным. Советники пытались Договориться о совместном давлении на королеву в особо важных делах, но им это редко удавалось; Елизавета устраивала сцену, а дело так и оставалось нерешенным. Она откладывала принятие важных решений, могла тянуть годами, если только не поддавалась панике. С другой стороны, действия Елизаветы следует оценивать в контексте ее финансового положения и консерватизма большинства подданных, которые отнюдь не были «новообращенными» протестантами к началу войны с Испанией. Возможно, главной силой Елизаветы было отсутствие заранее сформированных идей; она не была идейным политиком, как сэр Фрэнсис Уолсингэм или граф Лестерский, хотя в том, что касается чутья в практической политике (realpolitik), королева превосходила лорда Берли. Если не считать ее желания отвоевать Кале, выразившегося во французской кампании 1563 г., то Елизавета игнорировала традиционные королевские амбиции. У нее не было стремления к завоеваниям; религиозное рвение сестры было чуждо Елизавете; и несмотря на то что переговоры продолжались вплоть до 1582 г., она избежала династического брака. Хотя вторая половина XVI в. свидетельствовала о том, что в Европе складываются идеологические коалиции, Англия до 80-х годов XVI в. не обладала достаточными ресурсами, чтобы вести открытую войну; вследствие этого уместной была пассивность: ответ на события по мере того, как они совершались, при воздержании от явной инициативы.

Поначалу, однако, главным было религиозное урегулирование. Попытки герцога Нортумберлендского и Марии уладить дестабилизацию 1547-1549 гг. явно противоречили друг другу. Отсюда и коронационный девиз Елизаветы: «согласие». Ее личные убеждения ускользают от понимания, однако королева, возможно, изначально стремилась возродить религиозное законодательство Генриха VIII, восстановить королевскую супрематию, порвать с Римом и разрешить причастие в обеих разновидностях (хлебом и вином), как это делали протестанты, – но не более того. Если так, то Елизавета оказалась игрушкой в руках своего главного советника, Уильяма Сесила, только один раз за все правление. Когда в январе 1559 г. собрался Парламент, Сесил представил на его рассмотрение билли о восстановлении королевской супрематии и полного протестантского богослужения на основе «Книги общих молитв» 1552 г. А когда эти документы столкнулись с оппозицией епископов, назначенных Марией, и консервативных пэров, он устроил западню для католиков. В Вестминстерском аббатстве начался диспут (31 марта), предмет которого был ограничен спором о том, что оправдывается одним лишь Писанием. Когда католики отказались от участия в диспуте, Сесил праздновал пропагандистскую победу: двух епископов даже арестовали. Правда, Елизавета была названа «верховной правительницей» (supreme governor) английской церкви, чтобы свести к минимуму воздействие супрематии. Но когда, наконец, были приняты статуты о супрематии и единообразии, то это произошло без согласия кого-либо из представителей духовенства, что само по себе стало вехой в

конституционной истории. Католические апологеты кричали об «обмане», обвиняя Сесила в том, что он принудил парламентариев «отчасти силой, отчасти страхом». Другой статут вернул Короне те из бывших монастырских земель, которые Мария в ущерб себе передала для восстановления Церкви, а последний из принятых актов укреплял владения Короны за счет епископских земель. Елизаветинские религиозные Уложения были завершены в 1563 г., когда конвокация одобрила Тридцать Девять статей, определив вероучение Англиканской церкви, – они основывались на сорока двух статьях, разработанных Кранмером в правление Эдуарда VI. Наконец, в 1571 г. Уложения усилились еще более, чем это обеспечивал Акт о единообразии когда статут о подписях потребовал от клириков, имеющих бенефиции, признать Тридцать Девять статей.

В конечном счете Англиканская церковь стала столпом елизаветинского государства. Несмотря на все недостатки, структура, которую Джон Джуэл защищал в своей «Апологии английской церкви» (1562), и которой «рассудительный» Ричард Хукер в «Законах церковной политики» (1594-1600) придал рациональность и достоверность, т.е. «Церковь, основанная законом» спасла Англию от религиозных войн, раздиравших в то время другие страны Европы, в частности Францию. Но хотя Уложения означали, что в 1559 г. Англия официально стала протестантской, предстояло еще приложить огромные усилия миссионеров, чтобы завоевать сердца и умы прихожан (особенно в отдаленных графствах и пограничных землях). За пределами Лондона, Юго-Востока, районов Восточной Англии и таких городов, как Бристоль, Ковентри, Колчестер и Ипсвич, на момент восшествия Елизаветы на престол доминировал католицизм: епископы и большинство приходских священников были назначены при Марии, а убежденных протестантов было мало. Елизавета и Сесил унаследовали все негативные и деструктивные элементы антипапской политики Генриха и протестантизма Эдуарда, они не имели адекватных ресурсов для создания Англиканской церкви, хотя было бы неправильно рассматривать их задачу исключительно в конфессиональных рамках. Ведь на той стадии сказывалась сильная инерция тех, кто видел Церковь как богатую корпорацию, которую нужно было лишить доходов, или же как общественно-политический институт, чьи лидеры были местными правителями и чьи праздники характеризовали календарь общины. Вдобавок протестантизм с его вниманием к «благочестивой» проповеди и изучению Библии представлялся ученым вероучением, непривлекательным для неграмотных крестьян, привыкших к устной традиции и символическому ритуализму средневековой Англии.

Упадок католичества в приходах в правление Елизаветы отчасти объяснялся внутренними изменениями, а отчасти успехам убежденных протестантов в продвижении конкурирующего евангелического продукта. Одно из динамических изменений обусловливалось фактором смертности. Ведь постреформационное католическое сообщество в Англии было всем обязано сохранению традиций времени Генриха и Марии и относительно немногим – миссионерской деятельности священников-семинаристов и иезуитов после 1570 г. Более 225 священников, поставленных на приходы при Марии, которые рассматривали себя как католиков и отделялись от Англиканской церкви, активно действовали в Йоркшире и Ланкашире до 1517 г. при поддержке пятой колонны внутри официальной Церкви, все еще пропагандировавшей в пользу Рима. Однако к 1590 г. в живых оставалась едва ли четверть священников эпохи Марии, а к 1603 г. – не более дюжины. Важно не забывать, в каких условиях приходилось работать католикам. Карательные законы становились все более жестокими по мере усиления страхов перед испанским вторжением. В 1584-1585 гг. Парламент постановил, что если священник был рукоположен властью папы после 1559 г., то не требовалось никаких других доказательств, чтобы осудить его за измену. Более того, 123 из 146 священников, казненных после принятия этого акта и до смерти Елизаветы, были осуждены именно на его основании, а не по более ранним законам о государственной измене. Однако именно подъем англиканства, а не угроза преследований успешно свел католичество к статусу меньшинства. Протестантский евангелизм по большей части основывался на проповеди, хотя личные

взгляды Елизаветы и отсутствие ресурсов препятствовали разработке масштабной правительственной программы распространения протестантских проповедников. Успехи зачастую объяснялись добровольными усилиями *пуритан*. Ведь если при Генрихе VIII и Эдуарде VI реформационные импульсы исходили по большей части от правительства, то при Елизавете, напротив, «перводвигатель» протестантского евангелизма находился внизу.

Оскорбительное слово «пуританин» использовалось для обозначения природы и набора мнений, которые консерваторы не одобряли. Оно означало «церковный мятежник» или «горячий» протестант; однако суть пуританизма заключалась в способности «благочестивых» протестантов узнавать друг друга в испорченном и погрязшем в грехе мире. Люди, преданные идее (многие из них изгнанники времен Марии), пуритане стремились устранить порчу и «папистские ритуалы» из Церкви (знак креста при крещении, преклонение колен перед принятием причастия, ношение риз и стихарей, использование органа и т.п.), но Елизавета постоянно отказывалась изменить даже детали установлений. Самое большее, на что она готова была пойти, так это направлять петиции, которые она одобряла, епископам. На деле же, когда пасторы-пуритане переходили грань, от них требовали строгого следования предписанным правилам. «Объявления» архиепископа Паркера (1566), выпущенные в ответ на споры об облачениях клириков и обрядах, подтверждали соответствующие рубрики «Книги общих молитв». А когда Эдмунд Гриндел (архиепископ Кентерберийский в 1576-1583 гг.), разделявший стремление пуритан к Реформации, посмел сказать Елизавете о том, что она подчиняется высшей власти, его отстранили от исполнения обязанностей. Его преемник Джон Уитгифт (1583-1604) требовал, чтобы все духовенство письменно признавало королевскую супрематию, «Книгу общих молитв» и Тридцать Девять статей под страхом быть смещенным.

Однако необходимость вписать Англиканскую церковь в английское национальное сознание стала лишь первым из нескольких испытаний, с которыми пришлось столкнуться правительству. В апреле 1559 г. мир в Като-Камбрези (между Испанией, Францией и Англией) завершил начатую Марией войну с Францией, и Филипп II ненадолго присоединился к числу претендентов на руку Елизаветы. На протяжении 60-х годов XVI в. Испания старалась сохранить дружбу с Англией, не в последнюю очередь для того, чтобы обеспечить себе свободное передвижение по Ла-Маншу к Испанским Нидерландам. Однако католики, папство, Испания и Франция оставались потенциальными врагами Англии: угроза католической коалиции против нее составляла подлинную опасность. К 1569 г. интересы католиков были связаны с интригами, самые невинные из которых были нацелены на признание прав Марии Стюарт как преемницы Елизаветы, а в более опасных формах представляли собой заговоры с целью сместить Елизавету и возвести на престол Марию.

В апреле 1558 г. Мария Стюарт вышла замуж за дофина, а семь месяцев спустя шотландский парламент согласился предложить ему брачную корону в обмен на поддержку шотландской Реформации. Смерть Марии Тюдор развязала новую французскую интервенцию в Шотландии; имели место незначительные столкновения, заслоненные полнокровной протестантской революцией. Когда Джон Нокс вернулся из ссылки в Женеве и в мае 1559 г. начал проповедовать, он поджег бикфордов шнур давно готовившегося взрыва. Муж Марии Стюарт унаследовал французский престол под именем Франциска II в июле 1559 г., но, когда в декабре 1560 г. он умер, шотландская королева была вынуждена вернуться в Эдинбург – она оказалась там к началу августа 1561 г. К тому моменту Елизавета и Сесил вмешались на стороне Нокса: шотландская Реформация стала орудием вытеснения континентального влияния с Британских островов и утверждения гегемонии, к которой стремился Генрих VIII.

Тем временем Елизавета отказывалась выйти замуж или назвать имя своего наследника. Ее упрямство доводило Сесила и Тайный совет до исступления. Сторонники Марии Стюарт, напротив, надеялись, что она унаследует Елизавете в результате католического заговора. Ведь бабушкой Марии была Маргарита, сестра Генриха VIII. Но Мария допустила

ошибки в Шотландии; она настроила против себя как друзей, так и врагов, проиграла сражение при Ленгсайде и в мае 1568 г. бежала в Англию. Елизавета, по сути, отправила ее в тюрьму. Последовала целая серия интриг, в которых амбиции католиков, папства и происпанской группы угрожающе соединились с чаяниями фракций противников Сесила при Дворе. Однако Северное восстание 1569 г., возглавленное разочарованными католиками, графами Нортумберлендским и Уэстморлендским, началось несвоевременно и было легко подавлено. К 1572 г. Елизавета и Сесил прошли второе важное испытание, была сохранена стабильность, а Сесил получил титул лорда Берли.

Северное восстание и заключение Марии Стюарт в тюрьму ознаменовало начало новой фазы в тюдоровской политике. По всей Европе мнения поляризовались по религиозным принципам: возвеличивалась роль Англии как защитника протестантов. Отношения с Испанией ухудшились, после того как Сесил захватил корабли Филиппа II, перевозившие сокровища, по пути в Нидерланды (декабрь 1568 г.). Затем папа Пий V издал буллу *Regnans in Excelsis* (февраль 1510 г.), где провозгласил Елизавету отлученной от Церкви и призвал верных католиков сместить ее. Потом, в 1572 г., произошла резня протестантов в Париже в день Св. Варфоломея, и началось открытое восстание в Нидерландах – оба эти события воспламенили сознание протестантов и побудили англичан добровольно оказывать помощь Нидерландам. Наконец, *entente* (соглашение) Елизаветы с Францией как противовес Испании, дважды достигавшее стадии переговоров о браке, Филипп II рассматривал как враждебное по отношению к себе. Мнение членов Тайного совета об этих предметах разделилось. Но различия были не между про- и антииспанской политикой, а между *realpolitik* и религией. За немногими исключениями, члены Тайного совета объединились против Испании и были убежденными сторонниками дела европейских протестантов. В частности, Берли, граф Суссекский, Лестер и Уолсингэм были согласны относительно общих целей протестантской внешней политики в 70-х и 80-х годах XVI в. Различия между ними касались лишь того, насколько Англия должна быть вовлечена в военные действия. Лестер и Уолсингэм стремились к прямому английскому вмешательству в Нидерландах, но королева и Берли были непреклонны: одна Англия не в состоянии выдержать войну с Испанией.

Однако, когда в 1585 г. война началась, Англия оказалась изолированной. После 1572 г. Елизавета помогала Франции против Испании в Нидерландах, пытаясь примирить конфликтующие политические, торговые и религиозные интересы с минимальными потерями. Она поддерживала Франсуа, герцога Анжуйского, своего наиболее вероятного жениха, брата и наследника Генриха III Французского. Но в июне 1584 г. герцог Анжуйский умер, так и не сумев остановить продвижение испанцев в Нидерландах. А поскольку протестант Генрих Наваррский теперь стал наследником французского престола, во Франции возобновились религиозные войны: придворная партия Гизов вступила в союз с Испанией (секретный договор в Жуанвилле, декабрь 1584 г.). Так что Франция была разделена, а Филипп II процветал. Он аннексировал Португалию (1580) и Азорские острова (1582-1583): его флот превышал флоты Нидерландов и Англии вместе взятые. В этот момент маркиз де Санта-Крус предложил «вторжение в Англию» – Армаду – для свержения Елизаветы. Наблюдатели расходились лишь в мнениях о том, Нидерланды или Англия будут подчинены первыми.

Поворотной точкой стало убийство голландского лидера, Вильгельма Оранского (10 июля 1584 г.). Это вызвало панику среди английских политиков, опасавшихся, что и Елизавета может стать такой же жертвой. В мае 1585 г. Филипп почувствовал себя достаточно уверенным, для того чтобы захватить английские корабли в иберийских портах; Елизавета ответила, предоставив свободу действий графу Лестерскому, вступив в союз с голландскими Генеральными штатами в августе, и отправив графа в Голландию с армией. Но миссия графа провалилась; он умер вскоре после своего бесславного возвращения, в декабре 1587 г. Только сэру Фрэнсису Дрейку и прочим флибустьерам сопутствовал успех. Открытая война началась вслед за казнью Марии Стюарт в феврале 1587 г. Дело в том, что

новые католические заговоры, по крайней мере один из которых предполагал убийство Елизаветы, ужесточили позицию Таиного совета. Елизавета оставалась нерешительной и бездеятельной; Мария предстала перед судом и была осуждена, но в ее жилах текла королевская кровь. Однако Совет больше не мог ждать: приговор был приведен в исполнение. Шотландия метала громы и молнии, но двадцатиоднолетнего Якова VI задобрили субсидиями и ставшей реальной перспективой величайшего из заманчивых призов – восшествия на английский престол. (В любом случае Яков не питал иллюзий относительно испанской поддержки шотландской Реформации.)

Непобедимая армада покинула берега островов Силли 19 июля 1588 г.; ее целью было завоевание Англии, которое само по себе обеспечило бы отвоевание Нидерландов. План Филиппа состоял в том, чтобы добиться контроля над Ла-Маншем, встретиться с герцогом Пармским у побережья Голландии и переправить ударные силы фландрской армии Филиппа в Англию. Основной флот должен был прикрывать переправу герцога, а затем силы, которые перевозила сама Армада, должны были объединиться с его войсками в совместном завоевании Англии. Армадой командовал герцог Медина Сидония; английский флот возглавлял лорд Говард Эффингем, а вторым по рангу был Дрейк. Эффингэм вышел в море на «Королевском ковчеге», построенном в 1581 г. для сэра Уолтера Рэли; Дрейк был капитаном «Возмездия» введенного в строй в 1575 г. В Англии были мобилизованы местные ополчения; отмечены возможные места высадки, а их укрепления усилены. Но, если бы герцог Пармский высадился, его армия уничтожила бы сопротивление англичан: эффективность английских морских сил была решающим фактором.

Разгром Армады произошел почти так, как это представляет традиционная легенда, за исключением романтической истории об игре в шары. Ключом к победе оказалась артиллерия: Армада несла только 19 или 20 больших пушек, а ее 173 пушки средне-крупного и среднего калибра были неэффективными, более того, некоторые из них взорвались при использовании; можно предположить, что их не испытывали. В то время как испанцы имели только 21 кулеврину (железные пушки с большой дальностью действия), у англичан их было 153; у испанцев была 151 полукулеврина, а у англичан – 344. Короче говоря, Эффингем и Дрейк превзошли своих противников в маневренности и пушечной мощи. Разгромленная Армада отплыла на север, к заливу Ферт-оф-Форт, а затем пробралась обратно в Испанию мимо Оркнейских островов и западного побережья Ирландии. В августе 1588 г. протестантская Англия праздновала избавление молитвами и публичным благодарением, Но спасение не было окончательным; никогда впоследствии Елизавета не отправляла в сражение весь свой флот одновременно. Однако хотя последующие поколения похвалялись, что она удерживала Испанию на привязи минимальной ценой, за счет того, что избегала внешних союзов и полагалась на королевский флот и корабли частных лиц, охотившихся за вражескими кораблями, но превосходство морских сражений над войнами на континенте было мифом. Война на море была лишь частью сражения, охватившего всю Западную Европу, – сражения, главными событиями которого были гражданская война во Франции и восстание в Нидерландах. Так как у Елизаветы не было сухопутной армии, денег и человеческих ресурсов, то, чтобы соперничать с Испанией, она должна была помогать Генриху Наваррскому и голландцам. Католическая лига укрепилась в Пикардии, Нормандии и Бретани; эти регионы вместе с Нидерландами стали почти постоянной зоной военных действий. В 1589-1595 гг. Елизавета ежегодно отправляла вспомогательные силы во Францию и в Нидерланды; денежные субсидии, не считая стоимости оснащения и оплаты этих войск, обошлись ей более чем в 1 млн фунтов. По сравнению с этим английские морские операции были героическими эпизодами сомнительной стратегической значимости.

Однако позднее елизаветинская политика со всех точек зрения наносила только ущерб. Ведь цели Генриха Наваррского и его партнеров разошлись, и, когда в июле 1593 г. он обратился в католичество, чтобы спокойно взойти на престол как Генрих IV, он погубил надежды европейской протестантской коалиции. Елизавета, однако, продолжала его

поддерживать, поскольку объединенная Франция воссоздавала баланс сил в Европе, а его долги гарантировали продолжение англо-французского сотрудничества в кратковременной перспективе. Кроме того, королева поссорилась с голландцами из-за их растущей задолженности, стоимости содержания английских гарнизонов и вспомогательных сил. В-третьих, стоимость войны оказалась беспрецедентной в английской истории: даже с парламентскими субсидиями ее можно было оплатить лишь при помощи займов и продажи земель Короны. Наконец, война, по сути, распространилась на Ирландию. Реформация в Ирландии не имела успеха; предпринимались и попытки испанского вторжения, столь же опасные, как Армада. Все это в сочетании с серьезным внутренним восстанием вынудило Тайный совет задуматься о полном завоевании Ирландии, что логически вытекало из принятия Генрихом VIII королевского титула. Елизавета сомневалась – настолько, насколько могла себе позволить. В конце концов в 1599 г. туда был отправлен с большой армией ее фаворит (блистательный, но взбалмошный) граф Эссекский. Однако провал графа превзошел даже неудачу Лестера в Нидерландах. Граф дезертировал со своего поста, пытаясь спасти карьеру благодаря личному обаянию, и был казнен в феврале 1601 г. за то, что возглавил свою партию в отчаянном восстании на улицах Лондона. В Ирландии его сменил лорд Маунтджой, заставивший гэльских вождей подчиниться и в 1601 г. изгнавший вторгшиеся испанские войска. Завоевание Ирландии было завершено к 1603 г. Однако его результаты оказались внутренне противоречивыми: была подтверждена английская гегемония, но сам факт завоевания враждебно настроил местное население и уничтожил надежды на успех ирландской Реформации, а тем самым на достижение культурного единства с Англией.

Впрочем, подобные противоречия были свойственны не только истории Ирландии. В елизаветинском правительстве и обществе неизбывно присутствовала внутренняя напряженность. Хотя английская Дебора и создала Англиканскую церковь, справилась с восстанием, разгромила Армаду и умиротворила Ирландию, но восстановленная и сохраненная таким образом система тюдоровской стабильности оказалась, тем не менее, в состоянии структурного кризиса. Проблемы, бывшие поначалу незначительными, становились все серьезнее по ходу правления, но осторожность и пассивность королевы не давали ей исправить ситуацию вовремя. Создается впечатление, будто одно то усилие, которое потребовалось для создания церковного Уложения (Settlement) 1559 г., исчерпало творческие силы Елизаветы или будто та степень протестантизма, какую она была вынуждена принять, отвратила ее от допущения дальнейших изменений во всех сферах. А возможно, она была просто дочерью своего отца? В любом случае постоянство королевы, которым так восхищались во времена ее юности, с возрастом превратилось в нерешительность, инерцию и даже отчасти в пренебрежение своими обязанностями.

Самой очевидной сферой, где проявился упадок, была сфера управления. Пришли ли елизаветинские институты в упадок во время войны с Испанией? Критика фокусируется на недостатках налогообложения, местного управления и набора в военное ополчение; на «сползании в хаос» в провинциях, вызванном отчужденностью нетитулованных «деревенских» джентльменов от Двора; на росте коррупции в центральных органах управления; на злоупотреблении королевской прерогативой при даровании прибыльных «монополий» или лицензий придворным и их протеже, которые ради выгоды могли приводить в действие ряд статутов; на утверждении, что выгоды от Законов о бедных были незначительными по сравнению с ростом населения и масштабом экономических бедствий 90-х годов.

Действительно, Елизавета и Берли позволили системе налогообложения прийти в упадок. Дело было не только в том, что величина парламентской субсидии не возрастала в соответствии с темпом инфляции, несмотря на высокий уровень правительственных расходов, но и в том, что получаемых наличных средств стало меньше из-за неизменных налоговых описей и распространенного уклонения от их уплаты. Налоговые ставки стали стандартными, а основой их исчисления была декларация налогоплательщика о своем

имуществе, даваемая не под присягой. И если Вулси в правление Генриха VIII пытался облагать налогом наемных работников, то Елизавета в целом оставила эти усилия. Хотя в начале ее правления размер субсидий составлял 140 тыс. фунтов, к концу правления он упал до 80 тыс. фунтов. В Суссексе средняя налоговая ставка семидесяти влиятельных фамилий упала с 61 фунта в 40-х годах XVI в. до 14 фунтов в 20-х годах XVII в., а часть потенциальных налогоплательщиков вообще избегала уплаты. В Суффолке в список налогоплательщиков в 1523 г. было включено 17 тыс. человек, в 1566 г. – только 7700. Правда, Тайный совет приказал членам комиссий по субсидиям удостовериться в том, чтобы оценка проводилась беспристрастно и «в соответствии с намерениями Парламента», а «не с такими ничтожными результатами, как было в обычае до того». Но сам Берли избегал уплаты налогов, несмотря на то что с 1572 г. занимал пост лорда-казначея. Он лицемерно жаловался в Парламенте на неуплату налогов, однако заявлял, что его собственный доход постоянно составляет 133 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, – тогда как его реальный доход достигал приблизительно 4 тыс. фунтов в год. Как признавал лорд Норт, немногие налогоплательщики указывали более одной шестой или одной десятой своего реального богатства, «а многие – в 20, некоторые даже в 30 и более раз меньше, чем они на самом деле были должны, и члены комиссий ничего не могли поделать с этим без присяги». Рассуждая в 1601 г. в Парламенте об исключении из списков мелких налогоплательщиков, Рэли предположил, что если в платежных книгах богатство человека оценивается в 3 фунта в год, то это близко к реальному доходу, а «наши поместья, дающие 30 или 40 фунтов в год по книгам королевы, едва ли сотая часть нашего состояния».

Инициатива, однако, должна была принадлежать Короне. Поразительной чертой елизаветинской стратегии является то, что, в отличие от европейских правителей, которые под давлением войны или угрозы вторжения изобретали новые налоги, Елизавета опиралась на прецедент. Она сопротивлялась фискальным нововведениям, тратя на войну 3% национального дохода Англии, тогда как Филипп II извлекал из Кастилии 10%. После 1589 г. Елизавета взимала многочисленные субсидии, но они подчинялись закону уменьшения собираемой суммы: те же самые немногочисленные плательщики облагались налогами в соответствии с теми же стереотипными ставками, хотя даже покорнейший из них не облагался соразмерно современным ставкам подоходного налога.

Неспособность елизаветинского правительства поддерживать объем субсидий на одном и том же уровне была главной слабостью государства поздних Тюдоров. Однако после себя Елизавета оставила долг на сумму всего 365 тыс. фунтов. Поскольку Мария оставила долг в 300 тыс. фунтов, сравнение (с учетом инфляции) целиком в пользу ее сестры. В течение шести лет Яков I выплатил почти весь долг, кроме 133,5 тыс. фунтов, хотя его собственный дефицит затмил все, что могла предвидеть Елизавета. Она уменьшала зазор между приходом и расходом за счет продажи земель Короны и займов. В период между 1560 и 1574 гг. были проданы земли стоимостью 267,8 тыс. фунтов, а от продажи земель в 1589-1603 гг. было выручено 608 тыс. фунтов. Кроме того, 461,5 тыс. фунтов было взято в долг во время войны с Испанией. Такие меры уменьшили будущие доходы и лишили Корону гарантий для последующих займов. Но многие ли из правителей раннего Нового времени рассматривали долговременную перспективу, особенно ведя войну? Легко обвинять Елизавету в плохом управлении финансами, но мы склонны забывать, что она не несла ответственности перед избирателями.

Необходимо отметить, что при Елизавете резко выросли местные налоги, особенно налог в помощь бедным, на ремонт дорог и мостов, на расходы по содержанию ополчения; эти налоги отчасти компенсировали недостатки национального налогообложения. Хотя данный предмет относительно плохо изучен, ясно, что набор и подготовка ополчения (militia) были дорогостоящим делом и ложились бременем на графства, где мировые судьи вводили дополнительные налоговые ставки, которые собирались констеблями округов (сотен) и приходов. Обучение ополченцев к 80-м годам XVI в. обходилось в крупные суммы; графства отвечали также за обеспечение приходов оружием и амуницией; за оплату

командирам ополчений; за ремонт береговых укреплений и строительство маяков; за снабжение войск, призванных на службу за морем, боеприпасами и амуницией, а также за доставку их в назначенный порт. В Кенте возложенная на графство стоимость военных приготовлений за 1585-1603 гг. превысила 10 тыс. фунтов. Правда, часть «подъемных» денег, нужных для экипировки и доставки войск, можно было затребовать у казначейства, но практически на графства приходилось приблизительно две трети этой суммы. Кроме того, если раньше торговые корабли (за исключением рыбацких судов) традиционно конфисковались в приморских городах и графствах, чтобы увеличить королевский флот в военное время, то в 90-х годах XVI в. Корона стала требовать не только кораблей, но и денег, а рыбаков заставляла служить в королевском флоте или становиться пиратами, что разрушало местную экономику. Но, когда «корабельные деньги» стали взимать во внутренних графствах, например в Западном Ридинге в Йоркшире, это вызвало противодействие, вплоть до того, что оспаривалось право Короны взимать их.

Когда главное внимание елизаветинского правительства привлекали нужды обороны, набора ополчения и финансов, а также связанные с ними институты, опорой системы оставались местные магистраты. Главными служащими были не получавшие платы мировые судьи, число которых увеличилось с менее чем десяти на графство в 1500 г. до сорока или пятидесяти в середине правления Елизаветы и до девяноста к 1603 г. Но главным тюдоровским нововведением в местном управлении оказался институт лейтенантов, ставших постоянными с 1585 г. Если раньше эти назначения были временными и предназначались для того, чтобы подчинить набранных ополченцев одному лицу, то поворотным пунктом стало начало войны с Испанией. Должности лейтенантов были созданы почти во всех графствах Англии и Уэльса, а в результате длительной войны назначенные лейтенанты во многих случаях оставались на своем посту пожизненно. В соответствии со своей должностью лейтенантом становился самый знатный из местных дворян или же член Тайного совета от данного графства, хотя были и некоторые исключения. Согласно возложенным на него обязанностям, он должен был привести оборону вверенного ему округа в наилучшее из возможных состояние, для чего ему позволялось призывать в ополчение всех пригодных для службы за морем или в подготовленных отрядах, вооружать и обучать их, а при необходимости подчинять дисциплине, используя полевой суд. Если необходимо было применять закон военного времени, для этого назначался начальник военной полиции. Наконец, все остальные местные магистраты обязаны были повиноваться лейтенанту и его заместителям.

В целом политика Короны формировалась *ad hoc* (для данного случая) и отражала военные и политические нужды. Но назначения способствовали стабильности по двум причинам. Во-первых, лейтенанты сообщались напрямую с Тайным советом; во-вторых, эта должность связывала военные нужды с аристократическими традициями. Защита королевства от врагов Короны являлась древней обязанностью знати удовлетворявшей их честь и оправдывавшей их привилегии. Но если в военной системе Генриха VII и Генриха VIII знать собирала свои феодальные отряды в качестве полунезависимых территориальных магнатов, то елизаветинские лейтенанты являлись слугами Короны, которых можно было сместить или призвать к ответственности за поведение. А поскольку многие из них были членами Тайного совета, они с большей готовностью откликались на инициативы центрального правительства, нежели мировые судьи. Они обеспечивали постоянный приток информации с мест в Совет, поддерживая двустороннюю коммуникацию между центральным и местным правительствами. Темп работы местных магистратов заметно ускорялся, так как вводились более совершенные документы, отчеты, создавались артиллерийские арсеналы, налаживались новые транспортные связи, наряду с навязанным ополчением для заморской службы набирались подготовленные отряды и заключались сложные договоры относительно отправки людей из одного графства защищать другое.

Однако напряжение военной экономики все усиливалось: в течение последних

восемнадцати лет правления Елизаветы для службы в Нидерландах, Франции, Португалии и Ирландии было набрано 105800 человек. Наибольшее возмущение после 1595 г. вызывал набор на военную службу в Ирландию. В 1600 г. в Честере чуть было не восстала кентская кавалерия, направлявшаяся в Ольстер. Так что давление на графства приводило к провалам в управлении и к оппозиции требованиям центрального правительства, а нарушение торговли, вспышки чумы (которую часто привозили солдаты, возвращавшиеся из-за границы), неурожаи 1596 и 1597 гг. и резкий экономический спад вызывали всеобщее недовольство. Однако мнение о «сползании к хаосу» при Елизавете остается недоказанным. В 90-х годах XVI в. напряженность между Двором и страной не была столь идеологической, как при Карле I, и не являлась чем-то большим, нежели усталость от войны и недовольство фискальным бременем. Даже в 1598-1601 гг. сопротивление официальным требованиям на местах оставалось по большей части пассивным, за исключением прибрежных графств, таких, как Норфолк.

Однако рост коррупции на уровне центрального правительства свидетельствовал об угрозе продажности. В частности, недостаток покровительства со стороны Короны во время долгой войны и заторы в продвижении по службе поощряли торговлю должностями. Коррупция не являлась неизбежной: Генрих VIII повысил плату чиновникам, а более совершенные методы обеспечения и возможность получать дополнительные выплаты деньгами или натурой компенсировали рост стоимости жизни. Так что коррупция распространялась не из-за бедности, а из-за возросшей в 90-х годах XVI в. терпимости к нечестности. С другой стороны, вполне реальной была жесткая конкуренция в поисках покровительства. Если в правление Елизаветы Корона располагала примерно 1200 должностями, достойными положения джентльмена, то и Генрих VIII имел в своем распоряжении столько же должностей, и это в то время, когда честолюбивых дворян было меньше, а плюрализм в занятии должностей – менее выраженным. Кроме того, Реформация покончила с системой, когда многие бюрократы вознаграждались Короной продвижением по службе, как клирики – нон-резиденством. Однако исследования показывают, что в годы правления Елизавета предотвращала худшие злоупотребления, связанные с системой патроната. Она налагала вето на некоторых кандидатов на должности и при этом старалась удостовериться, что ее осмотрительность не подрывалась сговором между соискателями и придворными. Если она подозревала обман, то призывала на помощь свой талант откладывать принятие решения. Тем не менее соперничество при Дворе, особенно в годы войны, создало «черный рынок», на котором продавалось и покупалось влияние. Должностями торговали открыто, но в отличие от подобных продаж со стороны Генриха VII Корона редко получала финансовую выгоду. Вместо этого плата шла придворным, которые оказывали воздействие на выбор королевы: все выгоды Короне ограничивались увеличением стоимости новогодних подарков Елизавете, когда назначения находились в процессе рассмотрения. За не значительный пост предлагали 200 фунтов, а за такие доходные должности, как исполнитель суда по опеке или военный казначей, соискатели предлагали, соперничая друг с другом, от 1000 до 4000 фунтов. Все эти траты были вложениями капитала, так как, если назначение бывало получено, новый владелец должности действовал таким образом, чтобы с лихвой возместить начальное вложение; поэтому система являлась коррумпированной как по тюдоровским, так и по современным стандартам, ведь в жертву частной выгоде приносили общественный интерес.

Действия правительства последних лет царствования Елизаветы вызывали особенно громкий протест в делах, связанных с лицензиями и монополиями. Конфликты 1597 и 1601 гг. вызвали самые жаркие парламентские дебаты тюдоровского периода. Они свидетельствовали о безоговорочном осуждении злоупотреблений со стороны придворных и правительственных чиновников. Некоторые монополии и лицензии действительно являлись настоящими патентами или авторским правом, а другие создавали торговые компании с заморскими базами, обеспечивавшими также консульские услуги торговцам за границей. Но многие монополии создавались просто для того, чтобы обладатели патента

могли завладеть рынком определенных потребительских товаров, или для того, чтобы предоставить им исключительные права, позволяя требовать от производителей или торговцев платы за возможность продолжать свои занятия. Монополии удвоили цену стали; утроили стоимость крахмала; привели к росту цен на импортируемое стекло в четыре раза, а соли – в одиннадцать раз. Придворные взимали плату безнаказанно, поскольку патенты основывались на королевской прерогативе, – и суды общего права не могли наложить на них вето без королевского согласия. Негодование впервые проявилось в Парламенте в 70-х годах XVI в., но настоящий конфликт был вызван тем, что в последние годы правления Елизаветы монополии росли как грибы. Когда молодой юрист Уильям Хейкуилл восклицал: «Уж не сделали ли и хлеб монополией?», Елизавете пришлось лично вмешаться, чтобы нейтрализовать атаку. А в 1601 г. она предотвратила кризис за счет держателей патентов: ее декларация аннулировала двенадцать монополий, осужденных Парламентом, и позволила подданным, интересы которых ущемлялись монополиями, искать возмещения в судах общего права.

Наконец, последним критическим замечанием в адрес правительства последних лет правления Елизаветы является то, что выгоды от Законов о бедных нивелировались ростом населения при Тюдорах и экономическим кризисом 90-х годов. Хотя этот вопрос остается сложным, можно отвергнуть мальтузианский диагноз. Елизаветинское государство получало выгоду от постоянного роста рождаемости, сочетавшегося с ростом продолжительности жизни. В частности, увеличение смертности в 1586-1587 и 1594-1598 гг. не охватывало всей нации в географическом плане. В 1596-1597 гг. смертность возросла на 21 %, ,а в 1597-1598 гг. – еще на 5%. Однако от этого кризиса пострадало меньше приходов, чем во время эпидемии гриппа 1555-1559 гг. Да и позднее, в 1625-1626 и 1638-1639 гг., экономический спад был более выраженным. С другой стороны, цены на сельскохозяйственную продукцию в реальном выражении в 1594-1598 гг. выросли больше, чем в любой другой период до 1615 г., а заработная плата в реальном выражении была ниже, чем когда-либо в 1260-1950 гг. Вероятно, две пятых населения имели доход ниже прожиточного минимума: на холмах Камбрии недоедание граничило с голодом; беспрепятственно распространялись болезни; возросло количество зарегистрированных преступлений против собственности, а тысячи семей были вынуждены полагаться на помощь своих приходов.

Таким образом, в материальном плане Законы о бедных оказались недостаточными. Предполагаемый годовой доход благотворительных учреждений для бедных в 1600 г. составлял 11700 фунтов – 0,25% национального дохода. Однако примерный доход, приносимый налогом на бедных, был меньше. Если эти цифры верны, то ответом был не гром, но едва слышный шепот. Продовольственных бунтов и восстаний, связанных с огораживаниями, было гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. На другой стороне Законы о бедных действовали, как плацебо: «работающие бедняки» были убеждены в том, что представители социальной элиты разделяют их взгляды на общественный порядок и выступают против те же самых «паразитов на теле государства» – главным образом средних слоев.

Пессимизм времени заката Тюдоров отчасти уравновешивается позитивными сдвигами, особенно заметными в домостроительстве. Период с 1570 по 1610 г. формально не образует эпохи, но он, тем не менее, отмечает первую ключевую фазу английской строительной революции. Списки утвержденных завещаний показывают, что в 1530-1569 гг. средний тюдоровский дом состоял из трех комнат. Начиная с 1570 г. и до конца правления Елизаветы в среднестатистическом доме было четыре-пять комнат. В 1610-1642 гг. – во время второй фазы революции – этот показатель возрос до шести комнат и больше. После 1570 г. у процветающего йомена могло быть шесть, семь или восемь комнат; крестьяне могли рассчитывать на две-три комнаты в отличие от однокомнатных коттеджей, повсеместно распространенных в 1500 г. Богатые фермеры надстраивали комнаты над открытым холлом, заменяя большой очаг камином с дымоходом. Более бедные люди

предпочитали пристройки к первому этажу: к существовавшему коттеджу добавлялась кухня или вторая спальня. Кухни часто представляли собой отдельные здания, возможно для того, чтобы снизить риск пожара. Типичная елизаветинская фермерская усадьба может быть описана как «один жилой дом в три этажа, один овин в три этажа, одна кухня в один этаж». Одновременно улучшался и уровень комфортности таких домов. В среднем в тюдоровской Англии до 1570 г. в мебель, кухонную утварь и столовую посуду вкладывали 7 фунтов. В 1570-1603 гг. эта сумма возросла до 10 фунтов 10 шиллингов, а в начале правления Стюартов – до 17 фунтов. В богатых семьях стоимость домашней утвари в период с 1570 по 1610 г. возросла на 250%, а в семьях среднего класса и более бедных этот показатель был даже немного выше. Он перекрывал даже рост инфляции.

Елизаветинские большие поместья, принадлежавшие представителям высших слоев общества, характеризовались новшествами, связанными со стабильностью эпохи Тюдоров и возросшими требованиями к комфорту. Английская архитектура приблизительно после 1580 г. воодушевлялась готическими идеалами рыцарства в той же степени, как и классицизмом Возрождения. Акры стекла и симметрия башен Хардвик-Холл (Дербишир), построенного в 1591-1597 гг. Робертом Смитсоном для Елизаветы, графини Шрусбери, отдавали дань роскоши перпендикулярной готики капеллы Кингс-колледж в Кембридже. Но если елизаветинская готическая архитектура казалась средневековой извне, то целью строителей было повышение стандартов внутреннего пространства. В любом случае неоготические дворы, ворота, рвы, стены, башни и башенки тюдоровской Англии были не утилитарными, а декоративными. Парапеты в Хардвике украшали инициалы *E.S.* (Елизавета Шрусбери), прославлявшие выскочку. Узнаваемой чертой тюдоровских поместий стали кирпичные дымоходы, означавшие, что кухни и служебные помещения соединялись с главным зданием, находясь либо в отдельном крыле, либо в полуподвале. Со временем размещение служб в полуподвале стало общепринятым, и этот план особенно любили в городских домах, построенных на небольших участках. Домашние слуги все чаще перемещались в подземные пещеры, и потребовалось триста лет, чтобы спасти их оттуда.

Однако это не было случайным. Елизаветинское поместье было первым в своем роде сочетанием уединения и домашнего уюта. Большой холл средневекового манора не исчез, но уступил место длинной галерее, увешанной историческими портретами, где можно было вести частную беседу, не отвлекаясь на непрерывные передвижения слуг. Фактически елизаветинские длинные галереи создавались по образцу тех, что были построены ранее в тюдоровских дворцах в том же столетии. Интересным ранним примером является галерея Вулси в Хэмптон-Корт, где в 1527 г. нервно прохаживались Генрих VIII и сэр Томас Мор, впервые обсуждая условия предполагаемого королевского развода. Подобным же образом комнаты, располагавшиеся на первом (цокольном) этаже, заменили большой холл в качестве столовой и гостиной, где семья проводила дневное время – по крайней мере в обычных обстоятельствах. Семья обитала в гостиной на первом этаже и в комнатах второго этажа; слуги работали на обоих этажах и в подвале, а спали на чердаках и в башенках. В результате потребовалось множество лестниц: деревянные сооружения стали архитектурной деталью сами по себе. Наконец, обеспечение подачи чистой воды и улучшенные санитарные приспособления отражали заботу о личном и общественном здоровье в эпоху Ренессанса. В городских домах семьи зачастую прилагали огромные усилия для решения проблемы дренажа, порой уплачивали особый взнос местным властям, а часто оказывали определенные услуги городу при Дворе или в Вестминстере в обмен на неограниченную подачу воды или дренаж.

Усовершенствования в тюдоровском домашнем строительстве дополнялись техническим прогрессом в области изобразительного искусства и музыки. Благодаря своим восхитительным миниатюрам Николас Хиллиард стал самым влиятельным художником елизаветинского двора. Ученик ювелира, Хиллиард завоевал признание своей техникой живописца и как автор портретных миниатюр, схватывавших «изящество движений, остроумие улыбки и эти украдкой брошенные взгляды, которые внезапно сверкают, словно

молния, а затем их сменяет другое выражение». Ключом к этому стилю была интимность, сочетавшаяся с богатством символических аллюзий, что добавляло интеллектуальной глубины портретным миниатюрам-отражениям. В руках Хиллиарда миниатюра становилась чем-то гораздо большим, нежели всего лишь уменьшенной копией холста, – и все благодаря его творческому воображению. Чтобы усовершенствовать технику, которой он научился в Генте и Брюгге, где изображение наносили на тонкий пергамент, а затем наклеивали на карточку, Хиллиард использовал золотую пластинку, полируя ее «маленьким зубом хорька, горностая или другого мелкого зверя». Тем самым создавался убедительный эффект бриллиантового блеска и сделанные Хиллиардом медальоны, украшенные драгоценными камнями, часто носили как талисманы, или же обменивались ими как залогами любви между сувереном и подданным, дамой и рыцарем, Технические приемы Хиллиарда перешли к его ученику, Исааку Оливеру, а затем к Сэмюэлу Куперу, В конце концов миниатюры были вытеснены изобретением фотографии.

Музыка времен Тюдоров вдохновлялась покровительством короля и знати, сохранявшимися литургическими требованиями Церкви и постепенным отказом от строгих тональных, ладовых ограничений Средневековья в пользу более прогрессивных техник сочинения и исполнения. Монархи династии Тюдоров вместе с кардиналом Вулси были выдающимися покровителями музыки, как церковной, так и светской. Опись музыкальных инструментов Генриха VIII показывает, что в Англии присутствовал тот же обширный их набор что и в любой европейской стране, – а сам король предпочитал лютню и орган. Капеллы короля и Вулси соперничали между собой ради того, чтобы нанять лучших органистов и певцов, каких только можно было найти в Англии и Уэльсе. В правление Марии Англия была открыта мощному влиянию фламандской и испанской музыки, а плодотворное воздействие Италии давало себя знать в церковных песнопениях Палестрины и мадригалах флорентийских авторов. Елизавета I держала при себе большую группу придворных музыкантов, приглашенных из Италии, Германии, Франции и самой Англии, Однако главной хранительницей тюдоровских музыкальных талантов была ее королевская капелла, ведь именно в ней сделали карьеру Томас Теллис, Уильям Бёрд и Джон Булл. Протестантская Реформация, к счастью, поощряла, а не отвергала композиторов – церковные предписания времени Эдуарда и Елизаветы оставили литургическую музыку нетронутой, а многие из певцов капеллы тайно оставались католиками, в том числе Бёрд и Булл. Но что на самом деле имело значение, так это развитие техники. Бёрд и Булл постепенно освободились от старых церковных образцов, или древних гамм. Теллис и Бёрд получили лицензию на печатание музыки, что сделало их пионерами печатных нот, хотя и не слишком успешными. Мелодия, гармония и ритм стали такими же важными в музыке, как и однотонный напев и контрапункт, а среди артистов, игравших на клавесине и лютне, процветало искусство импровизации. Эти тенденции предвосхищали достижения музыки XVII в., английской и континентальной, а в конечном итоге – сочинения И.-С.Баха.

Эпоха Тюдоров завершилась на двусмысленной ноте, что ярче всего проявлялось в литературе. Остроумие Эразма и сатирические измышления Мора выражали (хотя и на латыни) интеллектуальное богатство дореформационной Европы. Сэр Томас Элиот, сэр Джон Чик и Роберт Эшем переводили ренессансные идеалы в плоскую, но терпимую английскую прозу. Сэр Томас Уайетт, Генри Говард, граф Суррейский и сэр Филип Сидни возродили английскую лирическую поэзию и сонет как красноречивое и классическое средство выражения творческой силы. Но только Эдмунд Спенсер явил совершенный образец того, чего не хватало английской просодии со времен Чосера. Снова музыка ласкала слух, а родственная связь между ухом и языком была полностью восстановлена. Спенсер достиг безупречного владения ритмом, временем и тоном – его сочинения не были просто «подражанием древним». В частности, гармоничное соединение у него северных, среднеанглийских и южных диалектов допускало словесные модуляции, изменение произношения и залога, сродни руладам лютнистов. Его пасторальный цикл «Пастушеский календарь» (1579) стал вехой в истории английской поэзии, а его мелодичные напевы

воплощали беды и радости пасторальной жизни.

Колин, звук твоих напевов и рулад,
Которые ты отправляешься распевать на обширные холмы,
Услаждает меня больше, чем жаворонок в летний день;
Их эхо заставляет трепетать соседние рощи
И наставляет птиц, что у ручья
Скрываются в кустах от солнечных лучей,
Обрамляя твою песню своим радостным щебетанием
Или смолкая, устыдившись сравнения с твоими сладкими напевами.

Шедевром Спенсера стала его «Королева фей» (1589, 1596), аллегорическая эпическая поэма, в которой удивительно тщательно, на многих уровнях рассматривалось государство конца правления Елизаветы. Форма поэмы была столь же готической, сколь и ренессансной: готическое «возрождение» в архитектуре после 1580 г. как бы нашла свою параллель в последовательности эпизодов поэмы, где детали обретали свое собственное значение, придавая дополнительные украшения внешней симметрии, но не нанося ущерба общему впечатлению. Спенсер объяснял в посвящении, адресованном сэру Уолтеру Рэли: «Моим намерением в целом было отобразить славу в «Королеве фей», однако в частности я изобразил совершеннейшую и славную нашу повелительницу королеву и ее страну – в королевстве фей. Однако в других местах я, напротив, отвожу ее в тень». Иными словами, аллегория Спенсера была отчасти моральной, отчасти фиктивной – здесь нет легкой или прямой расшифровки смысла. Тем не менее аллегория имела одну цель; как «Петр Пахарь» до нее и «Путь паломника» после, «Королева фей» вела читателя по пути, на котором истину можно было отличить от лжи. Амбиции, коррупция, интриги и поглощенность мирскими интересами, свойственные елизаветинской большой политике, соединились в «прекрасной стране фей», облаченные в идиллические одеяния романа и возвеличенные как вымышленное воплощение золотого века Глорианы.

Совершенно очевидно, что Спенсеру не удалось произвести впечатление на елизаветинское правительство. Он сказал Рэли, что его целью было «изобразить джентльмена или знатного дворянина, подчиняющегося узде добродетели и благородства». Но его двусмысленность была весьма глубокой: Спенсер считал свою задачу уже устаревшей. Рыцарство было погублено ренессансной политикой и искусством власти. «Истинное совершенство, благородный рыцарь» эпохи Чосера уступили место тюдоровскому придворному. Золотой век миновал, если он вообще когда-нибудь имел место.

Когда я сравниваю состояние нынешнего времени
С образом мира в древности,
Когда человечество было в расцвете
И блистало первым цветом добродетели,
Я нахожу их столь несхожими между собой,
Как если бы с течением времени,
Как мне кажется, мир перестал соответствовать
Своему определенному началу
И, сбившись однажды, с каждым днем становится все хуже и хуже.

Спенсеровская аллегория в «Королеве фей», без сомнения, была слишком сложной; попытка соединить мирские и идеализированные принципы в одном эпическом повествовании не могла не выйти из-под контроля. Читатель был вынужден разгадывать бесчисленные воплощения Елизаветы – как лунного божества Дианы (или Синтии, или Бельфебы), или же сэра Уолтера Рэли – как Тимея, Марии Стюарт – как Дуэссы, которой

также соответствовала Богословская Ложь, и т.д. Однако неубедительность Спенсера на фоне его поэтической способности услаждать лишь усиливает впечатление о его разочарованности и отчаянии. Нас учат развенчивать миф о Глориане; искусство создало «зеркало под стать природе» и показало «истинный облик времени, его форму и стать».

Другое точное зеркало тюдоровской эпохи держал в своих руках бессмертный Уильям Шекспир. Автор тридцати восьми драматических сочинений – среди них «Гамлет» (1600-1601), «Король Лир» (1605-1606) и «Отелло» (1604), – 154 сонетов (1593-1597), а также «Венеры и Адониса» и «Похищения Лукреции» (1593-1597), Шекспир оказал большее влияние на английскую литературу и европейскую драму, нежели любой другой писатель. Жизненная сила, мощь и искусность его произведений не имеют себе равных ни в одном европейском языке; его гений превосходил Чосера и Теннисона, и это не нужно оправдывать или объяснять. Нам стоит, однако, помнить, что Шекспир не был «интеллектуальным» или «элитарным» писателем, подобно Мильтону или Вольтеру. Его орбита пролегала вокруг Стратфорда и Лондона, а не вокруг Оксфорда и Кембриджа. Его сферой был повседневный мир: жизнь и смерть, деньги, страсть, сцена и кабак – эти темы стали предметом несравненной драмы и поэзии. Богатство его личного опыта является, пожалуй, главной причиной того, что его сочинения имеют столь широкую аудиторию; в них нет и намека на фанатизм или интеллектуальный снобизм.

Тем не менее опыт Шекспира был опытом писателя с европейским кругозором. Приблизительно после 1580 г. европейская литература все больше экспериментировала со способами индивидуального выражения и характеризации, что было связано с современными (modern) способами мыслить. Авторы и создаваемые ими вымышленные персонажи демонстрировали осознание как общего опыта, так и самих себя в качестве носителей уникального личного опыта. «Гамлет» Шекспира и «Доктор Фауст» Кристофера Марло (1592) воплощают драматическое описание личного опыта в елизаветинской литературе. Из двух этих пьес «Гамлет» пошел дальше. Шекспир взял уже известный сюжет и превратил его в шедевр для всех времен. Но «Доктор Фауст» Марло не так уж от него отстал. Оба драматурга больше занимались психологией, чем этикой. Различие состоит в том, что Фауст не преодолевает своего эгоизма и драматизации собственных переживаний, чтобы достичь самоанализа, тогда как субъективная интроспеция Гамлета и его сомнения в себе являются основой его действия.

Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими бесконечными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! В поступках как близок к ангелу! В воззреньях как близок к Богу! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха?

«Гамлет», акт II, сцена II, 323-329
(здесь и далее перевод Б.Пастернака)

Философия неоплатонизма, которая на заре XVI столетия привлекала внимание Джона Колета и его круга, имела дело с объективными восприятиями органов чувств, с природой и истиной, – и это отвечало средневековому умонастроению. Приблизительно восемьдесят лет спустя акцент был перенесен на субъективность и самовыражение, что парадоксальным образом соответствовало кальвинистскому богословию, в котором столь сильно подчеркивалась неизменность предопределенного Богом Слова, что личный поиск благодати должен был опираться на систематический самоанализ. Кальвинизм также заменил средневековую идею рыцарства идеей вечной духовной битвы избранных Богом людей против мирского рабства.

Марло и Шекспир доминировали в елизаветинской драме, хотя и не монополизировали ее. Аллегорические и нравоучительные (моралитé) пьесы XV в. процветали до тех пор, пока их не запретили, особенно в таких провинциальных городах, как Честер, Ковентри и Йорк. Но воплощением Прекрасного Нового Мира был шекспировский театр «Глобус» в Лондоне, где воздействие протестантской Реформации сочеталось с утонченностью

столичной жизни, придавая отличительную форму любимой драме современной Британии. Самовыражение, индивидуальность и монолог стали культурными достижениями, сопоставимыми с распространением образования и грамотности, рождением нонконформизма и ростом космополитических настроений.

Однако меланхолия Гамлета подавляла его самопознание. Он по-прежнему не уверен в своем предназначении и смысле своего существования.

Быть или не быть: вот в чем вопрос.
Достойно ль
Душе терпеть удары и щелчки
Обидчицы судьбы иль лучше встретить
С оружьем море бед и положить
Конец волненьям? Умереть. Забыться.
И все. И знать, что этот сон – предел
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная.

«Гамлет», акт III, сцена I, 56-64

Эти эмоции были бы применимы и к закату тюдоровской Англии. Когда 24 марта 1603 г. колокол прозвонил по Глориане, Елизавета уже утратила волю к жизни; Берли умер за пять лет до этого, и восходило новое поколение придворных, амбициозных и менее разборчивых в средствах. Легко романтизировать или восхвалять такие достижения Тюдоров, как стабильность, экономический рост, Реформация, отражение испанского вторжения, подавление протестантского и католического экстремизма и объединение Британии – наконец достигнутое после смерти Елизаветы. Однако реальность была более неприглядной. Стабильность начала порождать нестабильность вследствие структурного упадка. В 20-х годах XVII в. Англия окажется не в состоянии вести длительную войну, не вызывая внутренних политических конфликтов. Когда позднее Кларендон начал работу над «Историей Восстания и Гражданских войн», он писал: «Мое зрение не настолько остро, как у тех, кто видел, как восстание зарождалось после (если не до) смерти королевы Елизаветы». Он знал, что если мы станем изучать историю от конца к началу, то инерция и неподвижность Елизаветы в 90-х годах XVI столетия в сочетании с ростом «алчности» при Дворе могут быть рассмотрены как препятствие для всеобъемлющей реформы. Но историю нужно изучать последовательно. Поступив так, можно отчетливо увидеть, что «сползание к хаосу» в XVI в. было маловероятным. Елизавета контролировала свою политику; Тайный совет был хорошо организованным институтом; коммуникации с местными властями были хорошо налажены; возник протестантский консенсус. Однако тюдоровское наследие – небольшой размер дохода государства и эндемическая коррупция в центральной бюрократии – в конечном итоге претерпело изменение к лучшему ко времени событий гражданской войны и междуцарствия.

Стюарты (1603-1688)

Джон Моррилл

Стюарты – одна из самых неудачливых английских династий. Карл I был подвергнут суду по обвинению в измене и публично обезглавлен; Яков II, в страхе перед такой же участью, бежал из страны, оставив королевство и трон. Яков I и Карл II мирно скончались в своей постели; однако Якову I не удалось воплотить в жизнь свои надежды и удовлетворить амбиции, в то время как Карл II, хотя ему и сопутствовала удача, был человеком на редкость равнодушным к каким-либо достижениям, он хотел лишь жить спокойной жизнью, впрочем, безуспешно. Самыми значительными событиями эпохи Стюартов стали двадцать лет гражданской войны, революция и попытка установить республиканское правление, которое, как предполагалось, должно было изменить весь ход английской истории; однако результат оказался не таким уж значительным. Короли и полководцы боролись за власть, а между тем в экономике и общественной жизни Англии происходили коренные изменения, которые во многом не были приняты во внимание правительством и не зависели от его воли. В действительности самым заметным изменением в жизни Англии XVII в. явилось снижение уровня рождаемости.

Общество и экономическая жизнь

С начала XVI в., если не ранее, в Англии наблюдался постоянный рост населения. Он продолжался и в первой половине XVII в. Все население Англии в 1600 г. составляло 4,1 млн человек (а население Шотландии, Ирландии и Уэльса, что гораздо менее точно – 1,9 млн). К середине века численность населения достигла своего пика, составив 5,3 млн человек, а население всей Британии выросло приблизительно до 6-7,7 млн человек. Затем численность населения не изменялась и даже понизилась до 4,9 млн человек в Англии и 7,3 млн во всей Британии. Причины роста населения, в целом достаточно стабильного, несмотря на некоторое замедление в результате повторявшихся вспышек эпидемии чумы до 1650 г., остаются загадкой. Согласно последним исследованиям, заслуга в этом принадлежала крепким семейным традициям. После того как эпидемия «черной смерти» закончилась, рост населения Англии, с ее плодородной землей и мягким климатом, благоприятствующим урожаю, возобновился. Каждая семейная пара производила на свет более чем достаточно детей, для того чтобы численность населения оставалась стабильной. Но вместе с тем степень прироста населения оставалась довольно низкой из-за английской традиции поздних браков. Представители всех социальных кругов связывали себя семейными узами в возрасте примерно двадцати пяти лет, и женщина находилась в детородном возрасте 12-15 лет. Причина таких поздних браков, по всей видимости, заключалась в обычае, побуждавшем молодых людей сначала собрать определенную сумму денег, достаточную для того, чтобы начать независимую жизнь до женитьбы. Состоятельные люди учились в университете, проходили правовое обучение, что занимало у них семь лет или даже более; менее состоятельные занимались бытовым обслуживанием.

В конце XVII в. браки заключались в еще более позднем возрасте; возможно, причиной тому была неспособность молодых людей сделать нужные сбережения в короткие сроки. Так или иначе, средний возраст вступавших в брак увеличился более чем на два года и превысил двадцать шесть лет, соответствующим образом сказываясь на рождаемости. Есть сведения о том, что численность семьи намеренно ограничивалась. Были приняты меры к тому, чтобы семьи, имеющие трех или более детей, воздержались от дальнейших зачатий. Например, мать кормила грудью третьего или четвертого ребенка намного дольше, чем первого или второго, с намерением (вполне результативным) понизить свою плодовитость. Широкое распространение получили примитивные способы контрацепции и половое воздержание. Некоторые источники говорят о том, что обычным явлением в среде мелкопоместного дворянства стало безбрачие (отчасти причиной этого послужило развитие

морского флота!). В конце XVII столетия в Южном Уэльсе каждый третий представитель верхушки дворянства воздерживался от вступления в брак, тогда как век назад ранее процент таких людей был весьма незначительным; к тому же среднее количество детей в семье понизилось с пяти до двух с половиной (при высоком уровне детской смертности это означало, что многие фамилии вымерли). Остается неизвестным, было ли это характерно только для дворянства или подобная общая тенденция охватила и другие социальные круги. Так или иначе, данный пример наглядно показывает перемены в демографической ситуации в целом.

Все это незамедлительно сказалось на экономическои, общественной и политической жизни страны. В течение ста лет до 1640 г. объем запасов продовольствия не соответствовал росту населения. Сильная нехватка продовольствия повлекла за собой голод и смерть. По имеющимся сведениям, в конце XVI – начале XVII в. некоторые жители Лондона умерли от голода, а в Камбрии в 20-х годах XVII в. это явление приобрело массовый характер. Затем голод перестает быть серьезной угрозой, по крайней мере в Англии. Этому способствовало развитие сельского хозяйства, средств сообщения, рост займов, а также замедление роста населения. Англии удалось избежать периодической нехватки продуктов и повсеместного голодания – проблем, от которых еще в течение многих лет не могли избавиться страны континентальной Европы.

Важным результатом увеличения населения стал рост цен. За период с 1500 по 1640 г. цены на продовольствие выросли в восемь раз, тогда как заработная плата – менее чем в три раза. Это было тяжелое время для тех, кто не производил продукты питания сам и в количестве, достаточном для того, чтобы прокормить семью и даже продать излишки. Ввиду растущего числа наемных рабочих в данный период можно наблюдать снижение уровня жизни. Значительной части населения, если не большинству, приходилось покупать продукты; это составляло основную часть расходов. Главная задача, стоявшая перед правительством, заключалась в том, чтобы наладить торговлю зерном, организовать стабильные органы власти на местах и утвердить кодекс законов, соответствовавший действовавшему законодательству, чтобы в случае неурожая запасы зерна и других продуктов были доступны по низким ценам.

Рост населения повлиял не только на продовольственные ресурсы, но и на распределении земли. Поскольку в семье, как правило, рождалось несколько сыновей, имущество или делилось между ними (при этом размер наследства каждый раз сокращался), или владение переходило к одному сыну, в то время как другие должны были позаботиться о себе сами. Высокие цены на сельскохозяйственную продукцию оправдывали обработку земли, не входившей ни в чьи владения, но XVII столетии в большинстве районов такой земли осталось мало. Выходом из положения было освоение земли в лесной зоне и в Фенландах, где, однако, климатические условия (морские наводнения и зимние дожди) ограничивали ее использование. Проблема заключалась в том, что осушение болот или вырубка леса требовали определенных финансовых затрат, которые вполне могли не окупить себя, к тому же из-за этого нарушался привычный образ жизни местных жителей. Снова правительство оказалось перед выбором между увеличением сельскохозяйственной продукции и соблюдением интересов тех, кто проживал на данной территории.

В связи с ростом населения усиливалась проблема безработицы. В начале XVII в. широкое распространение получила неполная занятость населения. Сельское хозяйство оставалось основным источником рабочих мест, но работа на полях являлась сезонной, и сотни людей имели возможность трудоустроиться только на полгода. Однако так как работники всегда требовались, а их труд оплачивался дешево, так как производство основывалось по большей части на физической рабочей силе и, наконец, ввиду нехватки сырья развитие «промышленности» происходило в сельских коттеджах и в их служебных постройках. Для одних (особенно это касалось металлообработки и строительства) «мануфактура» являлась главным источником дохода, для других (занятых, например, в

текстильном ремесле) она могла быть как главным, так и второстепенным источником дохода. Текстильная «мануфактура» получила наибольшее развитие. По всей Англии в этой отрасли было занято 200 тыс. рабочих, особенно на юго-западе, на востоке и в районе Пеннинских гор. Однако состояние данной отрасли оставалось крайне неустойчивым из-за высоких цен на продукты, которые ослабляли отечественный рынок, а также из-за войны и конкуренции, которые сокращали зарубежный рынок в начале XVII в. Десятки тысяч семей не могли свести концы с концами. Безденежье делало их особенно уязвимыми перед лицом несправедливости, беспомощности или смерти. Возникло хроническое состояние «неполной занятости» – сложная проблема слишком многих людей ввиду нехватки работы с полной занятостью.

В Элденхэме (Хартфордшир) примерно каждая десятая семья нуждалась в постоянной помощи, а затем каждая четвертая семья стала нуждаться в пособии или в разного рода помощи (дрова либо одежда). Многим семьям, чтобы поддерживать свое существование, приходилось воровать дрова и собирать дикорастущие фрукты и овощи. Иногда им оказывали помощь местные благотворительные общества. Это явление получило название «кустарной экономики». В результате многие мужчины и женщины уезжали в города, прежде всего в Лондон, где легче решать проблемы такого рода. В городах можно было найти случайную, не требовавшую квалификации работу; но во время спада экономики или неурожая исчезала и эта возможность. Высокие цены на продукты уменьшали спрос на остальные товары и, соответственно, доход у людей, занятых в других отраслях. У самых нуждавшихся имелось меньше всего шансов найти работу. Правительство было вынуждено принять меры, чтобы выйти из этого положения. Оно приняло дополнительный свод законов о перемещении граждан, о строительстве домов и о развитии внешней торговли. Таким образом, из-за роста населения у правительства появились новые заботы, которые, очевидно, были не по силам правящей верхушке. Те, кто производил и продавал продукты питания, те, кто, пользуясь охватившим страну голодом, повышал арендную плату и пошлины, и, наконец, те, для кого сложное и нестабильное положение рынка являлось, источником работы (преимущественно юристы), – все эти люди хотели получать по результатам своей деятельности; другие ожидали, что король как-то смягчит результаты коренных перемен. Проводя активную экономическую политику, правительство всегда оказывается между противоборствующими сторонами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что королевская власть потеряла доверие к себе.

Напротив, в конце XVII в. эти проблемы утратили свою актуальность, если не исчезли вовсе. Некоторое снижение роста населения облегчило положение. Большое значение имело повышение производительности сельского хозяйства. Характер и масштабы изменений, происшедших в сельском хозяйстве в XVII в., до сих пор не ясны. Тем не менее не остается сомнений, что начиная с 70-х годов XVII в. Англия, которая до этого закупала зерно, теперь стала его вывозить; правительство учредило специальные премии, для того чтобы избытки не хранились. Такой примечательный поворот событий отчасти объясняется тем, что все большая территория подвергалась вспашке, отчасти – тем, что осваивались новые земли и использовались новые методы орошения. Существенную роль сыграли также новые способы ведения хозяйства, которые заметно подняли урожай. Чередование различных сельскохозяйственных культур по полям и во времени, широкое использование удобрений позволили увеличить урожай зерна и численность поголовья скота. Эти методы преобразования сельского хозяйства, применявшиеся вплоть до начала XIX в., были известны еще в 1660 г.; по большей части они разработаны и испытаны в Нидерландах. Вопрос в том, насколько быстро их взяли на вооружение. В сельском хозяйстве Англии преобладал непреклонный консерватизм, особенно среди йоменов; здравые идеи соседствовали со многими предрассудками; наиболее эффективные методы предполагали значительное усовершенствование пользования землей, а подчас и существенные материальные затраты. В начале XVII в. самые распространенные нововведения были направлены не на повышение урожайности, а на использование излишков, особенно

промышленных культур, таких, как табак, тутовое дерево (для разведения шелкопряда), а также культур для производства красящих веществ. Только когда благодаря снижению численности населения увеличились доходы и понизились цены на зерно, вместо главенствующего стремления пустить в оборот как можно больше товара и земли фермеры стали уделять внимание повышению производительности. Изменились также условия сдачи земли в аренду, что стало приносить большую выгоду владельцам земли. Освоение новых земель тоже оставалось важным условием ведения хозяйства. Так или иначе, вмешательство правительства в торговлю зерном становилось все менее необходимым.

В 1600 г. Англия состояла из ряда экономически вполне самодостаточных регионов. Проблемы с кредитом и распределением затрудняли обмен товарами между регионами. Многие торговые города, в том числе центры графств, были основными местами реализации продукции данного региона. Так было до 1690 г. Англия давно являлась самой крупной свободной торговой зоной в Европе; если бы Корона в то столетие проявила больше заинтересованности, могла бы быть достигнута или приближена полная интеграция Ирландии и Шотландии в единую таможенную зону. Однако этого не произошло вследствие узкого своекорыстия лоббистов в Палате общин, особенно в первое десятилетие и в 60-х годах XVII столетия. В Англии не было места, удаленного от моря более чем на семьдесят пять миль, а в результате развития речного судоходства к 1690 г. осталось мало мест, удаленных от судоходных рек более чем на двадцать миль. Постепенно формировалась единая национальная экономика. Теперь регионам не надо было вести борьбу за выживание, занимаясь производством низкокачественных продуктов на неплодородной почве и при неблагоприятном климате. У каждого из них выделилась своя специализация в зависимости от особенностей почвы и климатических условий, стал осуществляться обмен на излишки продуктов других регионов. Например, в Кенте начало развиваться садоводство.

Подобная ситуация складывалась и в промышленности. Этому способствовала революция в области розничных продаж; начинался век торговли. В торговых городах существовали ряды, где хозяева или торговцы раскладывали товары, которые они вырастили или изготовили. К 1690 г. в большинстве городов, даже самых небольших, имелись магазины в современном понимании этого слова, т.е. это были места, где не только размещали товары данного региона, но и продавали другие необходимые товары, которые привозили из разных мест. Примером тому может служить магазин Уильяма Стаута Согласно хронике, этот торговец в 80-хгодах XVII в. снимал в Ланкастере магазин за 5 фунтов в год. Он ездил в Лондон и Шеффилд и закупал товары общей стоимостью свыше 200 фунтов; платил частично наличными (наследство от отца), частично брал товары в кредит. Вскоре Стаут стал делать закупки по всему миру и привозить в Ланкастер и прилегающие районы самую разнообразную продукцию: сахар из Вест-Индии, табак из Америки, скобяные изделия из Западного Йоркшира. Города становились центрами распределения продукции со всего мира, и люди съезжались в большие города, где выбор был разнообразнее, в то время как малые населенные пункты оставались в стороне от этого процесса. Поэтому в XVII в. рост городов происходил в крупных торговых районах. Численность населения примерно двадцати городов, которая уже составляла в среднем 10 тыс.. человек, еще более возросла, в то время как население других городов уменьшилось. Отдельные центры мануфактур (Бирмингем и Шеффилд – металлообработка, Манчестер и Лидс – текстиль, Четхэм – кораблестроение) стали наиболее крупными городами. Но в число этих двадцати крупнейших городов в 1690 г. входили те же города, что и в 1600 г. Все они располагались на морском побережье или по берегам судоходных рек.

Таким образом, большие города процветали благодаря развитию торговли. Однако многие из них, особенно столицы графств, были не только центрами торговли товарами – они становились также центрами рынка услуг. Магазины и то, что столицы графств являлись местным и административными центрами, в которые постоянно приезжали сотни людей на заседания местных судов, способствовали развитию сферы услуг и отдыха.

Дворяне и преуспевающие землевладельцы приезжали в город по делам или за покупками, за консультацией юриста, врача или агента по продаже недвижимости; они привозили свои семьи и участвовали в общественных мероприятиях: ходили в театры и на концерты. Начинался век курортов и центров отдыха.

В середине XVII столетия в самом большом городе Франции – Париже проживало 350 тыс. человек. Второе и третье места занимали, соответственно, Руан и Лион с населением 80-100 тыс. человек. В Европе было только пять городов с населением более 250 тыс. человек, но больше чем в сотне городов население составляло 50 тысяч. Однако в Англии население Лондона в 1640-1660 гг. намного превышало полмиллиона человек; население же Ньюкасла, Бристоля и Нориджа, которые соперничали за второе место, едва достигало 25 тысяч. Лондон был больше, чем следующие по численности населения 50 городов вместе взятые. Нельзя не прийти к выводу, что Лондон рос за счет других городов. Он полностью контролировал торговлю с заокеанскими странами и – как следствие – первые банковские и финансовые операции; в результате большинство морских путей проходило через Лондон. В XVII в. он был центром торговли «реэкспорта» (ввоз из колоний сырья, например сахара или табака, для обработки и поставки в страны Европы). В Лондоне располагалось правительство, он являлся средоточием законодательной и политической власти. Пока сельскохозяйственные районы Англии жили за счет того, что поставляли продовольствие в столицу, рост других городов замедлился. К 1640 г. 10% всех англичан жили в столице, из них шестая часть прожила там половину жизни. К 1690 г. сто самых богатых жителей Лондона были среди самых богатых жителей Англии. Богатство больше не являлось преимуществом землевладельцев.

Так как товары свободно распространялись по стране, жители могли оставаться на одном и том же месте. До и после гражданской войны более двух третей англичан заканчивали жизнь не там, где они родились. Вместе с тем большинство из них не уезжало далеко, а оставалось в пределах одного графства. Можно выделить два вида миграции. Первый составляли молодые люди, которые уезжали с целью учиться или снять ферму в аренду. Такое переселение в течение всего века оставалось локально ограниченным (кроме приезда людей со всей страны в Лондон на учебу). Во втором случае отправлялись в путь те, кто не мог найти работу; эти люди часто уезжали далеко в надежде устроиться хоть где-нибудь. Такое перемещение населения было характерно скорее для первой половины века, чем для второй, отчасти из-за того, что замедление роста населения и развитие экономики открывали возможность найти работу у себя дома, отчасти вследствие того, что улучшилось отношение к дееспособным безработным, а отчасти в результате принятия жестких законов о поселении, которые препятствовали миграции. В 1662 г. Парламентский акт дал констеблям и надзирателям право налагать взыскания на тех, кто переезжал из прихода в приход в поисках свободной земли для постройки коттеджей.

В XVII столетии впервые в истории Англии больше людей выехало из страны, чем приехало. В течение столетия почти полмиллиона жителей, преимущественно молодые мужчины, эмигрировали через Атлантику. Самая большая группа отправилась в Вест-Индию; другая, также значительная, – в Виргинию и католический Мэриленд, и гораздо меньше людей отправилось в пуританскую Новую Англию. Уровень эмиграции изменялся, и, скорее всего, он достиг своего пика в 50-60-х годах XVII в. Для многих покинувших страну поиски работы и лучшей жизни явились основной причиной отъезда. Однако для достаточно заметного меньшинства превалировала идея свободы от религиозного преследования и надежда на то, что они смогут основать церкви и почитать Бога согласно своей вере. Возросло число тех, кого вывезли насильственным путем в наказание за преступления или просто за бродяжничество (особенно в 50-х годах XVII в.). Помимо переселения за Атлантику определенное число граждан пересекло Ла-Манш и обосновалось в Европе. Очевидно, по большей части это были выходцы из католических семей, которые уезжали из-за своих религиозных убеждений или поступали на военную службу по найму. Сказанное относилось и к младшим сыновьям протестантов. Сотням из

них было суждено вернуться, чтобы участвовать в гражданской войне в Англии. Таким образом, если в XVI в. Англия была известна как пристанище для религиозных эмигрантов, то в следующем веке в Европу и Америку переселялись религиозные эмигранты из Англии. В начале XVII столетия в страну приезжало гораздо меньше людей, чем в последние десятилетия. Значительное число иммигрантов составляли евреи, которые стекались сюда после того, как кромвелевский режим отменил все препятствия к их поселению, а также французские гугеноты, бежавшие от преследований Людовика XIV в 80-х годах XVII в.

Все меньше людей обосновывались далеко от места своего рождения. Однако люди больше ездили по Англии. Число разносчиков, возчиков и других людей, занятых подобным образом, возросло в три-четыре раза. На столько же увеличился объем морской торговли. На дорогах можно было встретить множество мелких торговцев с газетами, трактатами, календарями, сказками и брошюрами, содержавшими народную мудрость, разносчиков с разными безделушками и бродячих актеров. Если раньше пивная противопоставлялась другому общественному центру сельской жизни – приходской церкви, то теперь это заведение скорее стало ее полноправным соперником в деле распространения новостей и формирования народной культуры. В начале XVII в. национальные и региональные власти беспокоились прежде всего о том, чтобы ограничивать и так недостаточное количество ячменя, используемого для производства пива; в конце века пивные привлекали внимание правительства главным образом как потенциальный источник мятежа.

За столетие с 1540 по 1640 г. грань между богатыми и бедными стала более размытой. Самые богатые люди в королевстве получали доход главным образом от ренты и государственной службы, но зарабатывать деньги таким путем было крайне трудно в условиях инфляции: этому мешала традиция долгих сроков аренды и фиксированной платы, а также постоянно меняющаяся «входная плата» – платежи, производимые при передаче арендованных земель в другие руки. Осмотрительные землевладельцы могли справиться с инфляцией, но многие не были осмотрительными. Точно так же для тех, кому фермы или предприятия не приносили достаточного дохода, повышение (или, что хуже, колебание) цен на продукты питания было серьезным ударом, в то время как перегруженность рынка труда и снижение заработной платы создавали большие проблемы для бедняков. Увеличивалось число безземельных работников и крестьян. В наиболее выгодном положении оказались средние слои населения – фермеры и торговцы. Если у них оставались излишки продукции, они могли продать их по повышенным ценам и продолжить производство с помощью дешевой рабочей силы. Они могли также давать в долг своим более бедным соседям (в то время не было ни банков, ни бирж, ни акций, ни строительных обществ) и наживаться на этом. Они все больше вкладывали капитал в землю, предпочитая расширять масштаб своих операций, нежели концентрироваться на повышении производительности труда. Многие из тех, кто преуспел в землепользовании, пополнили ряды мелкопоместного дворянства.

В Англии XVII в. только два класса населения имели «социальный» статус – джентри и пэры. Все остальные имели «экономический» статус и выполняли экономические функции (земледельцы, сапожники, торговцы, юристы и т. д.). По-другому обстояли дела с пэрами и джентри. Они стояли особняком по отношению к иным слоям общества и считались благородным сословием. Пэры и дворяне назывались благородными, остальные – неблагородными или чернью. Такое отношение отчасти основывалось на феодальных и рыцарских традициях, согласно которым король жаловал землю за военную службу. Эти обязанности давно исчезли, но представления о том, что владение землей и «манором» дарует статус и «честь», подкреплялись теперь аристотелевскими идеями об обязанностях гражданина, адаптированными к английским условиям. Дворянин, или аристократ, рождался для того, чтобы управлять. Он был независим и не должен был работать, он получил состояние, не приложив к этому никаких усилий, и не знал нужды; и у него было время, чтобы посвятить себя искусству политики. Он был независим в своих суждениях и

умел принимать решения. Не все дворяне занимали посты, которые требовали таких качеств (мировой судья, шериф, командир ополчения (militia), старший констебль и др.). Но все они имели возможность служить, управлять. Джентльмену полагалось быть гостеприимным, щедрым и справедливым. Он отличался от своего соседа по поместью, йомена, не только богатством, но и мировоззрением. У мелкопоместных дворян (джентри) и йоменов были такие же доходы. Однако они жили разной жизнью: джентльмен сдавал свои земли в аренду, дорого одевался, читал по-латыни; йомен был рабочим фермером, одевался просто и писал по-английски. К 1640 г. насчитывалось примерно 120 пэров и 20 тыс. джентри, т.е. двадцатая часть всего взрослого мужского населения. Из соображений сохранности земли и дохода с нее дворянский титул могли получать только землевладельцы; зажиточному торговцу или ремесленнику, даже если его доход был больше, чем у многих дворян, и он исполнял определенные обязанности в составе местного правительства, в дворянском титуле отказывали. Он должен был работать, от этого зависел его доход. Младшие сыновья дворян, обучавшиеся праву или торговле, свой титул не сохраняли. Однако они приобретали профессии, посредством которых их сыновья могли вернуть его. У богатого купца или юриста была возможность купить поместье и обосноваться в нем в конце жизни.

В конце XVII в. этот порядок вещей изменился. Теперь обстоятельства сложились не в пользу крупных фермеров: они облагались налогами в больших размерах, им приходилось больше платить за труд наемным рабочим, их доход уменьшился; они могли поправить положение, вкладывая значительные суммы в создание более высокоразвитого производства, но у крупных землевладельцев для этого было больше возможностей. Теперь мало кто из йоменов поддавался соблазну стать дворянином, а многие мелкопоместные дворяне прекратили бесплодные попытки делать вид, что они преуспевают. С другой стороны, специалисты в своем деле, торговцы и губернаторы городов все увереннее заявляли о себе как о равных дворянам и в знак уважения получали их титул. Для того чтобы осуществлять это без предварительной покупки земли, понятие знатности было расширено. Такая новоявленная знать обретала все большее уважение и признание, даже среди герольдов. Однако многие дворяне не признавали ее и яростно защищали титул, которым так дорожили. Обесцененному понятию «джентри» они противопоставили другое понятие, которое возвращало им их уникальность и значимость: они стали называть себя сквайрами, а свой круг – «сквайерархией».

За столетие с 1540 по 1640 г. произошло усиление среднего класса общества за счет низов и отчасти за счет верхов. После 1640 г. для бедных съемщиков жилья наступило некоторое облегчение, в то время как возросли затруднения у крупных фермеров и мелких арендаторов. К 1690 г. стали появляться люди, чьи интересы, богатство и власть простирались намного дальше пределов их поместий. Они вкладывали капитал в торговлю, в освоение природных ресурсов страны, а также предоставляли займы правительству, способствовали развитию сельского хозяйства и сдавали землю в аренду. Они проводили в городе не меньше времени, чем в своих поместьях, и чувствовали себя так же свободно в окружении богатой элиты Лондона, как и с сельскими соседями. Они образовали космополитическую культурную элиту, состоявшую из людей очень высокого достатка, включая многих пэров, но не ограничивавшуюся ими. Этот новый феномен был осознан уже в то время и нуждался в обозначении, в общественно признанном наименовании. Эти люди стали называться аристократией (термин, доныне сохраненный главным образом политическими мыслителями, как и термин «демократия», но мало употребляемый при социальном анализе). Изобретение понятия «сквайр» и приспособление слова «аристократ» дают нам достаточно наглядную картину развития общества в конце XVII в. Объединение города и деревни, распространение городских ценностей и веяний, плавное развитие экономики и изменчивость общества – характерные черты того времени. К 1690 г. в Англии сложилась элита, доступ в которую посредством богатства и власти не был ограничен архаичными идеями о привилегиях и культом чистоты рождения, как в большинстве стран

Европы.

Правительство и закон

Правительства Стюартов имели слабое представление об этих структурных изменениях и еще меньше возможностей повлиять на них. Им не хватало средств, чтобы удовлетворить те запросы и оправдать те ожидания, которые были у большинства населения по отношению к королю и у короля по отношению к себе.

В распоряжении королей были ограниченные финансовые и бюрократические ресурсы. Яков I получил в наследство состояние в размере 350 тыс. фунтов стерлингов в год. К концу 30-х годов XVII в. оно возросло до 1 млн фунтов стерлингов в год, а к 80-м годам – до 2 млн фунтов стерлингов. Это значительное увеличение. Следовательно, на протяжении всего XVII в. у Стюартов было достаточно средств на проведение своей политики в мирное время. В течение века государственный доход с королевских земель снижался, пока не стал лишь незначительной частью доходов короля. Теперь доходы в казну поступали главным образом как результат налогов с торговли – таможенных пошлин на ввоз и вывоз товаров из страны и акцизных пошлин, а также налогов на продажу основных потребительских товаров (особенно пива!). Во время гражданской войны и междуцарствия (когда большую часть доходов составляли налоги с имущества) прямое налогообложение сыграло решающую роль в бюджете. В 1603-1640 и 1660-1689 гг. в казну таким образом поступало лишь около 8% всех доходов, определенно меньше, чем в XIV и XVI вв. Отчасти это отражает административные проблемы, которые препятствовали справедливому распределению налогов.

Расцвет торговли, особенно с 1630 г., явился самой существенной причиной значительного роста доходов Короны (намного превышавших инфляцию), которые способствовали тому, что из всех династии Европы у Стюартов было меньше всего долгов. И Яков I, и Карл II не отличались экономностью, они часто с излишней щедростью покупали верность подданных. Однако проблемы Стюартов явственно обозначились уже при Елизавете. Во всей Европе в XVI-XVII вв. правители под угрозой иноземного вторжения создавали новые формы налогообложения, которые впоследствии сохранялись. К такой уловке вынужден был прибегнуть и Вильгельм III в 90-х годах XVII в., когда Англию осаждали деспотичный Людовик XIV и фанатик Яков II. Поскольку Стюарты никогда не оказывались перед лицом настоящей опасности вторжения, у них не было достаточного оправдания жестких денежных нововведений. У Елизаветы I имелась прекрасная возможность для этого в годы Армады, но она была слишком стара, консервативна и занята другими делами. Вместо этого в ходе участия в войне королева стала продавать землю. Хотя в результате положение Якова I и Карла I не стало сложнее, чем можно было бы подумать, это повлекло за собой одно немаловажное последствие: короли стали делать займы.

Стюарты постоянно располагали достаточным доходом и стабильным бюджетом. Они являлись практически единственной династией того времени, всегда готовой платить по долгам; только один раз, в 1670 г., они были вынуждены отложить выплату процентов со ссуды. Однако у них никогда не хватало денег для успешного ведения войн. Ввиду того что в течение всего столетия вплоть до 1689 г. никто не угрожал Англии нападением и не объявлял ей войну, это не являлось серьезной проблемой. Англия вела войны с Испанией (1624-1630), Францией (1627-1630) и Нидерландами (1651-1654, 1665-1670, 1672-1674), но она всегда выступала в качестве агрессора. Нельзя сказать, что те, кому эти войны были выгодны, не достигли своих целей; по причине взаимных уступок никто не проиграл. Борьба за колонии (в Южной Азии, в Африке, в Северной, Центральной и Южной Америке) усиливалась, никто не хотел оставлять свои территории, и освоение новых земель неуклонно продолжалось. Вооруженные конфликты в Европе были признаны бесплодными, они приводили только к истощению военно-морских ресурсов, что, в свою

очередь, препятствовало развитию флота. В 1689 г. британский флот не уступал голландскому и французскому, а за время войн следующих 25 лет он стал самым сильным в Европе. Для страны, которая не могла позволить себе проводить активную внешнюю политику, Англия в течение этого столетия существенно улучшила свое положение в мире.

Королевство не обладало развитой силовой структурой: отсутствовала постоянная армия и полицейская организация. Даже гвардейские полки, охранявшие короля и исполнявшие церемониальные функции, были сформированы уже в период Реставрации. В 1603-1640 гг. количество людей, находившихся на военной службе у короля, исчислялось не тысячами, а десятками. После 1660 г. на постоянной военной службе в Англии состояло уже около 3 тыс. человек и еще больше в Ирландии и Танжере (который перешел к Карлу в качестве все время приносившего беспокойство приданого его португальской жены). Несколько тысяч англичан, служивших в голландской и португальской армии, могли быть вызваны на родину в случае необходимости. Однако в самой Англии присутствие армии не было заметно, и, не считая борьбы с незаконным выращиванием табака на западе страны и периодических облав на еретиков, ее роль сводилась к минимуму вплоть до правления Якова II.

Это не было, конечно, последствием гражданской войны. В самый разгар конфликта, в 1643-1644 гг., на военной службе находилось около 150 тыс. человек (каждый восьмой взрослый мужчина). В конце 40-х годов XVII в. их число сократилось до 25 тысяч. Оно снова возросло до 45 тыс. во время третьей гражданской войны, которая велась против молодого Карла II и шотландцев (1650-1651), затем упало до 10-14 тыс. и оставалось примерно таким же в течение последних лет десятилетия (хотя в отдельные периоды в Шотландии и Ирландии служили, соответственно, от 18 до 40 тыс. человек). Военные гарнизоны находились на всей территории Англии. В Лондоне присутствие военных было весьма заметным, солдаты численностью примерно 3 тыс. человек занимали все общественные места (в том числе собор Св.Павла, неф которого приспособили под казармы). Военные часто вмешивались в дела местной администрации (прежде всего в дела Церкви). В то же время армия была единственным гарантом правительств республиканского меньшинства, а также источником недовольства, которое в течение долгого времени препятствовало принятию идеи цареубийства и революции широкими слоями населения.

На протяжении остальной части столетия главной силой, отражавшей нападения и подавлявшей восстания, была не постоянная, а милиционная армия: недостаточно хорошо подготовленные и вооруженные, подчас весьма плохо организованные оборонительные силы на местах, собранные и возглавляемые представителями местного дворянства, назначенными Короной, но не подчиненными ей. Они участвовали в активных военных действиях или в перестрелках и разделяют лишь часть военных успехов 1642-1645 гг.

В то время полиции не было вообще. Небольшое число преступлений «расследовали» власти. Уголовный суд проводился в результате обвинения, или свидетельства, жертвы либо потерпевшей стороны, представлявшегося на рассмотрение мировым судьям. Аресты производили сельские констебли, простые фермеры или ремесленники, нанимавшиеся на эту службу на год, или шерифы (также служившие по году), в распоряжении которых были низкооплачиваемые помощники. Бунты и беспорядки подавляли милиционные войска, или *posse comitatus* (ополчение графства), призывавшиеся в случае необходимости шерифом.

Королевская власть располагала лишь незначительной вооруженной поддержкой и слабыми административными ресурсами. Общее число чиновников составляло в 1630 г. около 2 тыс. человек, при этом половина относилась к придворным слугам (повара, конюхи и т. д.). «Государственных служащих», которые управляли Англией или, во всяком случае, которым платили за то, чтобы они управляли Англией, насчитывалось меньше 1 тысячи. Поражает малочисленность сотрудников судов и Тайного совета. Объем информации, поступавшей к тем, кто должен был принимать решения, существенно ограничивался нехваткой людей, занимавшихся сбором фактов, равно как и несовершенством системы

поиска и хранения данных. В течение XVII в. государственный аппарат постепенно сливался с военно-морским управлением и финансовыми ведомствами (образовалось министерство финансов, которое отвечало за распределение денежных средств). В результате гражданской войны появилось два нововведения – арабские цифры вместо римских в официальных документах и печатные опросные листы. Хотя Тайный совет увеличился в три раза в период с 1603 по 1640 г. и в два раза при Карле II, эффективность его работы снижалась, а введение подкомиссий Совета по иностранным делам, торговле, колониям и др. не повысило уровень эффективности управления государством, достигнутый при Елизавете.

В Англии XVII в. правительство формировалось как правительство согласия, что означало – при участии Парламента. Более того, чиновники входили в его состав на добровольной и бесплатной основе. Управление графствами находилось в руках приблизительно 3 тыс. наиболее знатных дворян в начале XVII в. и около 5 тыс. – в конце столетия. Их избирала Корона, но ее свобода существенно ограничивалась в каждом графстве выбором примерно пятидесяти из восьмидесяти высших по имущественному положению и репутации семейств. На деле все главы дворянских семейств, за исключением тех, кто был слишком молодым, слишком старым, слишком сумасшедшим или слишком католиком, назначались. В 200 городах с самоуправлением власть принадлежала сообществу из 12-100 человек. В большинстве мест эти люди оставались у власти до конца жизни. Только в 80-х годах XVII в. была предпринята серьезная попытка ограничения прав сельской и городской элиты. Значение участия местной элиты в управлении государством очень велико. Она контролировала налогообложение и сбор налогов; содержание, подготовку и размещение ополчения (militia); исполнение законов в социальной и экономической сферах; суд над большинством преступников, а также единообразие в религиозной сфере. Ее фактическое влияние было сильнее в период Реставрации, чем до войны (Реставрация была триумфом скорее для местной знати, чем для короля или Парламента). Искусство правления в XVII в. заключалось в том, чтобы убедить тех, кто находился у власти в сельской местности и в городах, в наличии общих интересов у них и у короля. По большей части эти общие интересы были налицо. И король, и дворянство находили общий язык в отношении политики; они разделяли сходные взгляды на структуру общества; у них было общее стремление установить в стране порядок и стабильность. Все это побуждало дворян подчиняться королю, даже если им это было не по душе. Как сказал один джентльмен своему другу, который жаловался на то, что он, похоже, должен незаконно собирать налоги в 1625 г., «мы не должны показывать пример непослушания тем, кто ниже нас». Представители местной знати вели бесконечные споры и борьбу за свои интересы. Это касалось процедурных вопросов или почестей, налогообложения, продвижения по службе или затрат на строительство дорог. В таких случаях их могли рассудить король и Тайный совет. Все местные правители нуждались в королевской поддержке для укрепления своего влияния на местах. Тот, кто не брал сторону короля, не мог рассчитывать на такую поддержку. Правительство старалось держать местных правителей на коротком поводке. В 1603-1640 гг. многие из них выполняли свой долг, даже если сами боялись делать то, что от них требовали; после 1660 г. такое же действие оказывала страшная память о гражданской войне. Только когда в 1641 г. Карл I и в 1687 г. Яков II перестали считаться с этими людьми, обладавшими землей, богатством и властью, общность интересов короля и знати была поколеблена.

Не следует недооценивать всю строгость королевского контроля над институтами, формировавшими веру и мнение. Корона не осуществляла полного контроля над школами и университетами, церквями и газетами. Однако учителя, священники, писатели поддерживали королевский авторитет и установленные взгляды на общество и религию. Яркий пример тому – быстрота, с которой распространились идеи архиепископа Лода и его сторонников (которые, как мы увидим, хотели внести изменения в английскую Церковь), особенно в Оксфорде и в Кембридже, где преподаватели передавали свои взгляды целому

поколению студентов. В 80-х годах XVII в. признание божественного права короля было полным; это явилось результатом контроля Короны над ключевыми должностями в университетах. Во время Реставрации граф Кларендон заявил Парламенту, что неудачи Кромвеля в деле управления учебными заведениями и преподавателями – главная причина того, что в 50-х годах XVII столетия. Англиканская церковь процветала, а возвращение короля стало одним из лучших периодов ее существования. Граф принес свои заверения правительству в политической лояльности и религиозной ортодоксальности тех, кто занимал должности преподавателей; очевидно, что в конце XVII столетия это осуществлялось более эффективно, чем в любое другое время. Даже после 1689 г., когда сектантам было предоставлено право религиозных собраний, они не могли открывать свои школы или академии.

Начало правления Стюартов

Итак, у Короны было внушительное, но непрочное преимущество. В том, что политическая система Тюдоров распалась, вызвав гражданскую войну и революцию, а затем и монархия, и Церковь восстановились, заняв предназначенное им место, не было ничего удивительного. Лишь немногие допускали возможность войны в 20-30-х годах XVII столетия, в то время как она была вполне вероятной в 80-90-х годах XVI в. Мало кто верил в 60-70-х годах XVII в., что республиканским идеям и религиозному фанатизму нанесен окончательный удар.

Во время правления Елизаветы существовала тройная угроза гражданской войны: из-за неопределенности в наследовании престола, из-за страстей соперничающих религиозных группировок и из-за скрытого интереса стран континентальной Европы к домашнему англо-ирландскому спору. Все эти крайние опасности исчезли или потеряли свое значение в 20-30-х годах. Стюарты прочно занимали престол по неоспоримому наследственному праву, английские католики были лишены официального статуса и довольствовались тем, что гонения на них сведены к минимуму (с них взимали дискриминационные пошлины и налоги, им запрещалось занимать публичные должности), а попытка пуритан занять главенствующее положение в Церкви путем создания собственных организаций и структур провалилась. Пуританское благочестие и рвение были широко распространены, но его принципиальные характеристики теперь включались в сущностные формы англиканства, в его молитвенные практики и каноны как добавление и пополнение к собственным службам, проповедям и молитвенным собраниям. Сверх того пуритане стремились привнести религиозность в домашний быт, что не отменило, но поддерживало приходский культ. Эти дополнительные формы были для пуритан сутью, а службы по молитвеннику – лишь оболочкой их преданности христианству; однако уровень конфронтации между пуританами и властями понизился, и их готовность создать подпольное движение сопротивления королям-безбожникам сошла на нет. В результате ослабления напряжения и конфликтов у королей на континенте пропал стимул вмешиваться во внутренние дела Англии. Таким образом, в начале XVII в. в Англии не осуществляло угрозы гражданской войны. Более того, ничто не указывает на то, что в стране царило беззаконие и насилие. Напротив, не считая короткого волнения, вызванного попыткой графа Эссекского восстановить свое положение при Дворе, 1569-1642 годы составляют самый долгий период внутреннего мира, которым когда-либо наслаждалась Англия. В 1605-1642 гг. ни один пэр и, пожалуй, ни один джентльмен не были осуждены за измену. За это время казнили только одного пэра (лорда Каслхейвон в 1631 г. за преступление сексуального характера). В целом число судов и казней за измену сокращалось с каждым десятилетием.

Англия в начале правления Стюартов, наверное, самая мирная страна Европы. Больше трупов было на сцене при постановке «Гамлета» или «Тита Андроника», чем в каком-либо вооруженном столкновении за первые сорок лет столетия. Не было слышно о кровавых феодальных распрях, об убийствах, свершаемых череда за чередой соперничающими

группировками. В Англии не было ни разбойников, ни бандитов, ни даже групп вооруженных бродяг, кроме разве что случайных сборищ Moss Troopers («Моховые, болотные, солдаты») на границе с Шотландией. Если в конце XVI в. разногласия между представителями власти графств переходили в драки или вооруженные конфликты (как в Чешире в 70-х и в Ноттингемшире в 90-х годах), то в XVII в. уважение к правосудию предотвращало подобную жестокость.

Англичане известны своей любовью к спорам, но они были готовы подчиняться решениям королевского суда. Судебная система оставалась во многом несовершенной; многие присяжные были пристрастны в своих вердиктах; задержанных запугивали и нарушали их права. Однако число убийств сократилось. В 1628 г. случайный фанатик заколол герцога Бэкингема, но лишь немногие из служащих Короны: лорды-лейтенанты, их заместители, мировые судьи или шерифы – погибали или получали увечья при исполнении служебного долга. Некоторых судебных приставов, отбиравших продукты у тех, кто не платил аренду или налоги, били или изгоняли; но в остальном в первые десятилетия века создавалось полное впечатление законности и порядка, что являлось главной целью властей. Даже бунты (как правило, вызванные нехваткой зерна или огораживанием, лишавшим фермеров и ремесленников возможности хорошо зарабатывать) с каждым десятилетием становились все менее частыми и многочисленными. К тому же они проходили практически без кровопролития и без жертв. Власти вели себя соответствующе: за участие в бунте в Мэлдоне в 1629 г. были казнены четыре человека; это произошло через несколько недель после подавления предыдущего волнения. Представители власти старались воздерживаться от применения силы и избегали вынесения суровых приговоров. Бунты не представляли большой угрозы ни для государства, ни для общественного порядка.

Тот факт, что для многих гражданская война стала неожиданностью, лишь означал, что большинство существенных проблем остались незамеченными. Англия в нарастающей степени теряла управляемость. Если ни экипаж, ни пассажиры самолета не догадываются о возможном столкновении, они не могут предотвратить столкновение. Но самолеты могут разбиваться как по причине технической неисправности, так и из-за ошибки пилота. Причины гражданской войны в Англии слишком сложны, чтобы можно было объяснить их с помощью такого простого сравнения; однако представляется вероятным, что гражданская война была скорее следствием ошибки пилота, чем технической неисправности. Когда наши современники по прошествии столетий оглядываются назад, в прошлое, пытаясь понять причины «Великого мятежа», они полагают, что все началось в 1625 г., с восшествия на престол Карла I. Возможно, эти люди правы.

Яков I, несмотря на серьезные недостатки в характере и суждениях, во всех отношениях преуспел в своем правлении. Он был полной противоположностью королевы Елизаветы. У него сложился четко выраженный, последовательный взгляд на природу монархии и на власть короля, однако он не смог реализовать его на практике. Яков отличался развитым интеллектом, писал работы по управлению государством, участвовал в дебатах с ведущими католическими полемистами на теологические и политические темы, в своих литературных трудах уделял внимание старой, но все еще актуальной проблеме колдовства, а также новой проблеме выращивания табака. Он верил в то, что короли получают власть непосредственно от Бога и должны отвечать за свои поступки только перед ним. Но помимо этого Яков был убежден в том, что связан торжественной клятвой, данной при коронации, согласно которой Яков обязывался править в соответствии с «законами и обычаями королевства». Однако абсолютная королевская власть могла существовать только в теории, а на практике король вынужден был мириться с тем, что предложенные им законы поступали на рассмотрение Парламента, а каждое его действие на политической арене подлежало оценке. Право, данное Богом, могло быть реализовано лишь в рамках закона. Яков отдавал предпочтение словам, нежели делам. У него были некоторые разногласия с Парламентом, или, во всяком случае, с отдельными членами Парламента, но

они по большей части были беспочвенными и носили временный характер. Так, в 1621 г. король объявил членам Палаты общин, что они обязаны ему своими привилегиями, и это привело к спорам относительно происхождения последних. Но Яков добивался всего лишь признания этого факта, ни в коей мере не покушаясь на права членов Палаты. Именно за такую бестактность, такую способность привести весомый довод в неподходящий момент король Франции Генрих IV прозвал Якова I «мудрейшим дураком в христианском мире».

Его основные недостатки были не интеллектуального свойства, а морального и личного. Яков был невыразительной личностью: неопрятный, грубоватый, непоследовательный и суетливый. Казнокрадство и стяжательство, царившие при Дворе, препятствовали беспристрастному и эффективному управлению государством. Из-за скудности королевской казны жалованье находившимся на службе выплачивалось из сомнительных источников. Но при Якове (не при его сыне) положение дошло до предела. Репутация Двора еще сильнее испортилась после ряда скандалов, связанных с преступлениями на сексуальной почве и с убийствами. В 1619 г. в Тауэре одновременно томились бывший лорд-гофмейстер, бывший лорд-казначей, бывший государственный секретарь и бывший командир лейб-гвардейцев, и все за преступления сексуального и финансового характера. В 1618 г. скрытые гомосексуальные наклонности короля проявились в страстном романе с одним молодым придворным из мелкопоместных дворян, который через несколько лет стал герцогом Бэкингемским; он стал первым за это столетие герцогом незнатного происхождения. Герцог взял бразды правления в свои руки при больном Якове, а затем управлял государством при молодом и благонравном Карле I вплоть до своей гибели в 1628 г. Такая репутация дорого стоила королю. Его расточительство явилось причиной серьезных финансовых проблем и лишало его поддержки окружения.

Яков I был королем-мечтателем, он так и не смог воплотить в жизнь свои надежды и достичь поставленных целей. Он мечтал о единстве. Государь надеялся превратить унию корон Англии и Шотландии в более полный союз королевств Британии. Яков хотел полного объединения законов, парламентов, церквей, но ему пришлось довольствоваться лишь объединением на экономической основе, при знанием объединенного гражданства и общего флага. Желанный «союз сердец и умов» так и остался мечтой. Время от времени Яков выдвигал неспешные предложения, требующие неспешного воплощения. Однако они были отвергнуты недалекими и враждебно настроенными представителями местного дворянства в Парламенте. Король стремился также использовать власть и авторитет трех корон Англии, Шотландии и Ирландии, чтобы установить мир и согласие среди христианских государей; эта цель была во многом достигнута при урегулировании ситуации в Прибалтике и Германии на раннем этапе правления; но в последние годы пребывания на троне государь не смог предотвратить Тридцатилетнюю войну и возобновившийся конфликт в Нидерландах. Наконец, он стремился использовать свой статус главы «Католической и Реформированной» церкви и сторонника объединения пресвитерианской шотландской и епископальной английской церквей, чтобы объединить все христианские церкви. Попытки Якова созвать вселенский собор и его призыв к главам всех церквей: католической, православной, лютеранской и кальвинистской – прекратить религиозные распри закончились неудачно из-за начала Тридцатилетней войны. Но у многих они получили значительную поддержку.

Тем не менее во время правления Якова в Англии наблюдалось упрочение политической стабильности, ослабление религиозных конфликтов, мирная обстановка в стране и возраставшее уважение международного сообщества. Его «политика колонизации» в Ольстере, заключавшаяся в выселении ирландцев-католиков и заселении их земель тысячами семей из Англии (многие из тех, кто поселился в районе Лондондерри, были выходцами из Лондона) и (даже в большей степени) из Юго-Западной Шотландии, увенчалась кратковременным успехом, хотя ее печальные последствия мы наблюдаем и по сей день. Король оставил после себя большие долги, плохую репутацию и обязательство вести войну с Испанией без достаточных на то средств.

Яков испортил отношения с Парламентом и не смог принять ряд очень важных мер, которые он выносил на рассмотрение; среди них акт об объединении с Шотландией и тщательно продуманный план, известный как Великий договор, касавшийся увеличения доходов. Он победил в борьбе с Парламентом, которому не удалось ограничить королевскую власть и принять более активное участие в управлении государством. Парламент созывался, когда это было угодно королю, и распускался, когда переставал быть ему полезным. Развитие процедурной стороны дела было незначительным и не опиралось на власть Парламента. В течение правления Якова Парламент заседал меньше месяца каждые полгода, и прямой налог приносил меньше одной десятой всего королевского бюджета. Многие члены Парламента понимали, что существование этого института власти находится под серьезной угрозой. Все осознавали, что реальное упразднение Парламента лишало их не только права, но и возможности противостоять королю. Яков был протестантом и правил страной по ее законам. Некоторым он внушал неприязнь, но недоверие и ненависть к королю испытывали лишь очень немногие. Наследование власти Карлом I, вступившим на престол в 1625 г., было самым мирным и безопасным с 1509-го, а может быть, и с 1307 г.

Между Яковом I и Карлом I такой же разительный контраст, как и между Елизаветой I и Яковом I. Там, где Яков был непринужденным, неряшливым, доступным, Карл представал бесстрастным, чопорным, замкнутым и изворотливым. Он рос маленьким и слабым ребенком в тени уже взрослого старшего брата, который умер от оспы, когда Карлу было двенадцать лет. Низкого роста, заика, Карл был очень нерешительным человеком, старавшимся упростить окружавший мир, убеждая себя в том, что там, где король покажет пример и будет установлен единый для всех порядок, сразу воцарится послушание и умиротворенность. Карл I был одним из тех политиков, которые настолько уверены в правоте собственных доводов и действий, настолько убеждены в собственной добродетели, что они не видят необходимости объяснять своих действий или оправдывать свое поведение перед другими людьми. В официальных кругах он был холоден и неприступен. Там, где Яков много говорил, Карл молчал и словам предпочитал дела. Во многих отношениях он являл собой образ, описанный Яковом в «*Basilikon Doron*».

Управление государством стало осуществляться по-другому. Карл был человеком строгих нравов, и жизнь при дворе соответствовала моральным устоям короля; были пресечены продажность и казнокрадство; в мирные годы после 1629 г. сбалансирован бюджет, упрощен аппарат управления и реорганизован Тайный совет. В целом система управления стала более эффективной. Но это было достигнуто большой ценой. Во многом мешало недопонимание и натянутые отношения с Парламентом. В 1625-1630 гг. Англия участвовала в воине с Испанией (с целью вернуть территории, захваченные у мужа сестры Карла, курфюрста Пфальцского, и в целом поддержать дело протестантов) и с Францией (чтобы принудить Людовика XIII признать условия брачного договора между его сестрой Генриеттой Марией и Карлом I). Парламент поддерживал войну, но у него недоставало средств, чтобы успешно ее завершить. Войска наемников были введены в Германию, но они потерпели неудачу; англичане совершали набеги на французские и испанские береговые укрепления. Однако этим они ничего не добились. Дипломатические усилия и военные приготовления, равно как и финансовые затраты, были обременительными для страны и вызывали сомнения в своей законности.

Однако Карл правил государством, не принимая во внимание чужие мнения и никому ничего не объясняя. К 1629 г. накопился ряд разногласий между Парламентом и королем по поводу внешней политики, денежных средств на ее проведение, получения этих средств с помощью заключения людей в тюрьму, покровительства со стороны короля новому религиозному направлению в рамках Церкви, убеждения и практика которой резко расходились с традициями и убеждениями Англиканской церкви. В 1629 г. страсти и разочарования достигли такой степени, что Карл решил править, не созывая Парламент. Вероятно, он надеялся, что поколение недовольных и протестующих, заполнявших

Парламент, сменится и между королем и Парламентом воцарится прежняя гармония. Как всегда, государь все упрощал. Однако это решение возникло не на пустом месте. У Карла были напряженные и даже враждебные отношения с тремя парламентами 1625-1629 гг. Но они скорее не поддерживали его меры, чем оказывали целенаправленное сопротивление. И они показали бессилие Парламента как института власти. Члены Парламента сильно критиковали политику короля, но не были едины в своей критике. Одних беспокоила религиозная и внешняя политика, других – законность получения денежных средств. У таких людей, как Джон Пим, сэр Эдвард Кок, сэр Томас Уэнтуорт, сэр Джон Элиот, Дадли Диггес (пожалуй, самые яростные критики короля на тех парламентских сессиях), было мало общего, не считая неприязни к герцогу Бэкингемскому и убеждения, что, придя к власти, они смогли бы исправить положение. Они преследовали честолюбивые цели, во-первых, ради преимуществ нахождения у власти; во-вторых, ради возможности проводить собственную политику. Никто не собирался менять институты власти или конституцию. Они не были предреволюционерами, у них не было единой цели, и они не являлись одной командой.

Итак, в 30-х годах XVII в. король правил без Парламента и не имел ни малейшего намерения изменить свое решение. Король собрал значительные средства, достаточные для мирного времени. Он столкнулся только с одной проблемой. Этой проблемой было строительство флота, начиная с 1634 г. – на «корабельные деньги». Велись долгие споры о распределении этих денег; в результате было собрано свыше 90% данного налога, хотя не так скоро, как ожидалось. К 1637 г. Карл достиг апогея своего могущества. Он имел сбалансированный бюджет, проводил результативную социально-экономическую политику, был окружен работоспособными людьми, и его полномочия не подвергались сомнению. В политике была достигнута наивысшая степень согласия в сравнении с предыдущими столетиями.

Однако король многих оттолкнул от себя своей религиозной политикой: его поддержка архиепископа Уильяма Лода воскрешала религиозные страсти 70-80-х годов XVI в. Впрочем, угрозы создания подпольной церкви, подрывавшей деятельность официальной религии, не существовало. Ведь у тех, кто находил религиозные взгляды Лода неприемлемыми, имелась возможность, которой не было у предыдущих поколений: они могли уехать в Новый Свет, что и происходило. Там, свободные от преследований англиканских властей, они преследовали друг друга во имя чистоты протестантской веры.

Тем не менее по двум причинам Лод опасно ослаблял лояльность Короне. Во-первых, учение, которому следовали сторонники архиепископа, а также обряды, поощряемые самим Лодом, были сходны с верой и обрядами Римско-католической церкви. Поскольку сам Лод заявлял, что Римская церковь – это истинная Церковь, несмотря на свою испорченность, складывалось впечатление, что исподволь возвращалось папство, а Англиканскую церковь предали. На самом же деле Лод не стремился менять религиозные обычаи и обряды, он хотел только добиться, чтобы англичане строго следовали написанному в молитвеннике. Молитвенник 1559 г. был не просто обязательным, его было вполне достаточно. Многообразие пуританских традиций и обычаев, описанных в нем, подверглось сокращению. Эти меры вызвали возмущение у пуритан и обеспокоили остальных. Лод совершил попытку вернуть власть и привилегии епископов, церковных судов и приходских священников, покушаясь на богатство и полномочия Церкви. Церковные земли подлежали возвращению, налагался контроль за десятиной и возведением в сан священников, духовенство должно было следить за соблюдением Божьих законов. Самая значительная мера, предпринятая Лодом, – перенесение алтаря в восточную часть церкви, где его поместили на возвышение и огородили. Вместе с этим богато украшенные кафедры, установленные высокопоставленным духовенством, заменили простыми, без украшений. В Доме Божьем священник стоял за алтарем, возвышаясь над прихожанами, в благоговейном трепете сидевшими перед ним. Грешник не мог получить отпущение сразу через слово Божье, для этого нужно было совершить таинство при посредстве святого отца. Только

служители Церкви, свободные от суетных мирских желаний, могли выполнить миссию Церкви. Однако эта программа, осуществляемая Лодом, затрагивала и почти все законные мирские интересы в государстве.

Итак, в 1637 г. Карл находился на вершине могущества. Тем не менее пять лет спустя началась гражданская война. Это случилось из-за ряда роковых ошибок. Еще в 20-х годах XVII в. (если не в 90-х годах XVI в.) король должен был сделать очевидный вывод о том, что система управления как Тюдоров, так и Стюартов плохо подготовлена к ведению успешных войн, независимо от того, поддерживал их Парламент или нет. Это не имело значения: пока в ближайшем будущем никто не собирался воевать с Англией, и Корона получила передышку в условиях улучшающегося экономического климата; высокая инфляция снижалась, внешняя торговля переживала значительный подъем. Карл должен был избегать развязывания ненужной войны. Однако в 1637 г. он начал гражданскую войну со своими шотландскими подданными. Управляя Шотландией из Лондона, Карл, из желания установить единые порядки по всей стране, поставил под вопрос независимость шотландских лордов в сфере юрисдикции и их право на секуляризацию церковных земель, а затем попытался провести в Шотландии религиозные реформы, подобные тем, что проводил в Англии Лод. Вызванное этим недовольство привело к нарушению порядка, а угрозы короля, сменявшиеся частичными уступками, вызвали еще большие проблемы. Через год религиозная политика Карла в Шотландии полностью провалилась, его авторитет в этом регионе был подорван. Тогда он решил добиться своего силой. В 1639 г. и еще раз в 1640 г. король намечал вторжение в Шотландию. В обоих случаях шотландцы мобилизовали свои силы быстрее, основательнее и в большем количестве, чем Карл. Он не хотел принимать предложение Короткого парламента (апрель-май 1640 г.) осуществить поход против шотландцев в ответ на неприятные, но вполне выполнимые уступки (конечно, шотландцы требовали больше); король предпочел положиться на ирландских католиков, а также на католиков горной Шотландии; помимо этого Карл согласился на помощь Испании и папы Римского. Плохая координация, плохое моральное состояние и полное отсутствие настойчивости вынудили Карла отказаться от кампании в 1639 г., вследствие чего шотландцы осенью 1640 г. вступили на территорию Англии и захватили Ньюкасл. Они находились там, пока король не заключил с ними договор, утвержденный английским Парламентом.

Таким образом, у всех недовольных политикой короля появилась уникальная возможность поправить положение: был созван Парламент, который король не мог распустить по своему желанию. Безжалостность, С которой такая возможность была использована, во многом объясняется данным уникальным обстоятельством. За двенадцать месяцев все учреждения и полномочия, с помощью которых Карл поддерживал свое беспарламентское правление, были упразднены. Люди, помогавшие королю управлять государством в 30-х годах, оказались в тюрьме, ссылке или в немилости. Но возвращения к миру и сотрудничеству не произошло. Наоборот, в обстановке возраставшего недоверия и взаимных обвинений все быстрее нарастал кризис. Через два года, к всеобщему замешательству и ужасу, началась гражданская война. Причины, вызвавшие быстрое и бесповоротное падение Карла, стали предметом полемики среди историков. Можно выделить два момента. Во-первых, после того как были проведены крайне необходимые конституционные реформы, явная неблагосклонность Карла, его очевидное стремление при первой возможности прекратить делать уступки, а также его готовность использовать силу побудили лидеров Палаты общин, прежде всего Джона Пима, к рассмотрению более радикальных мер. В 1640 г. почти все без исключения члены Парламента выдвинули программу, согласно которой король лишался той власти и тех полномочий, которые позволяли ему единолично править страной. Никто не намеревался усиливать власть двух палат, просто Парламент настаивал на том, чтобы ему было позволено регулярно собираться и исполнять старинные обязанности: издавать законы, выделять денежные средства, выносить на рассмотрение наиболее важные вопросы и участвовать в принятии

решений. К осени 1641 г. сложилась совсем новая ситуация. Неспособность короля отвечать за собственные действия и как-то изменить положение дала Парламенту право взять на себя полномочия, ранее принадлежавшие королю. А именно: палаты должны были принимать участие в назначении и в отправке в отставку членов Тайного совета, других государственных органов, а также контролировать решения Совета. Удовлетворению подобных требований способствовал тот факт, что Карл пошел на аналогичные уступки в договоре с шотландцами в июле 1641 г.; кроме того, это было необходимо в связи с восстанием в Ирландии в октябре того же года.

Католики, проживавшие на севере Ирландии, опасаясь, что английский Парламент введет новые законы, ущемляющие их права в вероисповедании, решили принять предупредительные меры, чтобы обезоружить протестантов Ольстера, которые могли бы ускорить принятие таких законов. Ненависть, укрепленная сознанием собственной правоты, породила неслыханную жестокость; около 3 тыс. человек (т.е. каждый пятый протестант) были убиты, По сообщениям, дошедшим до Англии, цифры были еще больше, К несчастью для Карла I, повстанцы действовали от его имени и в доказательство предъявили поддельное разрешение. Они распространили слухи о том, что Карл находился в сговоре с ирландскими католиками, вел переговоры с католической Испанией и папой Римским, чтобы те предоставили ему людей и деньги для вторжения в Шотландию в 1640 г.; положение усугубилось с раскрытием вооруженного заговора в Англии и Шотландии с целью распустить Парламент силой. В течение последующих недель Карл только подтвердил это, собрав войска и попытавшись взять под стражу пять членов Палаты общин во время заседания. При сложившихся обстоятельствах не могло быть и речи о том, чтобы доверить Карлу командование армией для подавления ирландцев. Парламент во главе с Джоном Пимом объявил Карла сумасшедшим, человеком, неспособным использовать предоставленные ему полномочия. За полтора года до начала гражданской войны большинство в Палате общин и меньшинство в Палате лордов пришли к такому же убеждению. Когда Карл поднял свое знамя в Ноттингеме и объявил войну собственному народу, вопрос о его состоятельности и доверии к нему был одним из тех, что разделили нацию.

Первой особенностью вспыхнувшей войны было, следовательно, то, что действия Карла I в 1640 -1642 гг. вынудили многих людей занять гораздо более радикальную позицию в' конституционных вопросах, чем та, которую они занимали или намеревались занимать. Но движущие силы конституционного развития были ограничены. В связи с важной и не подлежавшей обсуждению проблемой возник вопрос о доверии королю. Речь шла о командовании вооруженными силами, направленными на подавление ирландских повстанцев. Это привлекло внимание к другому, но взаимосвязанному вопросу о контроле короля над ополчением и о тех, кто его поведет, – о лордах-лейтенантах и их заместителях. Данные конституционные вопросы, а также вопрос подотчетности королевских министров и советников Парламенту послужили поводом к гражданской войне. Но главных участников этих событий беспокоило в первую очередь другое. Несомненно, вопрос о доверии привлек некоторых на сторону палат, но совершенно новые требования, предъявленные Пимом и его соратниками, для многих оказались неприемлемыми, Если отношения короля с папой Римским побуждали одних принять сторону Пима, то последний побуждал других поддержать короля, отпугивая их своим необузданным стремлением поднять волну протеста среди жителей Лондона, чтобы склонить колеблющихся членов обеих палат к поддержке мер, принимавшихся Пимом. Однако на каждого, кто принимал сторону Парламента в 1642 г., приходилось десять человек, которые не могли принять чью-либо сторону; они видели достоинства и недостатки тех и других и продолжали взывать к компромиссу и мирному соглашению. В большинстве графств и городов в течение 1642 г. преобладающие настроения были мирными, граждане придерживались нейтралитета или по крайней мере защищали интересы только своего региона. Таким образом, делались попытки нейтрализовать целые регионы, чтобы враждовавшие группировки могли

договориться мирным путем и чтобы власти на местах могли установить порядок от имени короля или Парламента. Конституционные вопросы, какими бы они ни казались для тех, кто заседал в Вестминстере и кто испытывал на себе как королевскую двуличность, так и политику угроз со стороны лондонских подмастерьев, все же не были достаточной причиной для начала войны.

Однако в 1642 г. решающим оказался другой фактор – религия. Религиозные новшества архиепископа Лода пробудили воинственность пуритан. К 1640 г. значительное число священников, мелкопоместных дворян и особенно зажиточных фермеров и ремесленников решили, что руководство Церковью, с такой легкостью оказавшееся в руках сторонников нововведений и тайных католиков, каковыми они считали последователей Лода, должно смениться. Они требовали упразднения должности епископа, запрещения молитвенника, считавшегося некоторыми из них неугодным Богу, прекращения празднования Рождества и Пасхи, которые они считали «папскими» праздниками, Первоначально большинство в Парламенте выступило за более умеренную реформу – привлечение к ответственности Лода и его последователей и ограничение полномочий епископов. Но шотландцы требовали больших изменений, они настаивали на коренном реформировании Церкви; положение обостряли вспышки иконоборчества. Так как многие из тех, кто выступал против епископов, выступали также против землевладельцев и сбора десятины (и выдвигали претензии на право собственности), защита действовавшей Церкви фактически означала защиту порядка и сохранение существовавшей иерархии в обществе и государстве, равно как и в религии.

Партия роялистов была создана на основе партии англикан, и те, кто поспешил поддержать короля в 1642 г., действовали явно из религиозных побуждений. В то же время сторонники Парламента стремились к свержению действовавшей и созданию новой евангелической церкви, которая уделяла бы больше внимания проповедованию слова Божьего и требованиям моральной и социальной дисциплины. Эта идея получила поддержку со стороны возвратившихся ссыльных из Новой Англии, рассказывавших о своих благочестивых достижениях в тех диких краях. Подобно тому как в Ветхом Завете евреи освободились от рабства в Египте и нашли землю обетованную, так и новый избранный Богом народ – англичане – тоже должен был освободиться от рабства и найти свою землю обетованную, прекрасный новый мир. В то время как большинство англичан колебалось и старалось найти компромисс, меньшинство, страстно захваченное религией, выбрало вооруженную борьбу.

Тот, кто не определился, в конце концов был неизбежно втянут в гражданскую войну. Столкнувшись с возраставшими требованиями и угрозами меньшинства, сумевшего перехватить инициативу, люди встали перед выбором. Многие – возможно, большинство – пошли по пути наименьшего сопротивления и делали то, что от них требовали. Другие мучительно старались принять решение, следуя голосу собственной совести; они уезжали со своими семьями в районы, находившиеся под контролем более достойной, по их мнению, стороны. Но страх перед «папскими» союзниками короля и религиозными фанатиками, поддерживавшими Парламент, для многих делал принятие этого решения невыносимо трудным.

Гражданские войны

Первая гражданская война продолжалась с 1642 по 1646 г. Невозможно назвать точную дату ее начала: страна втягивалась войну постепенно. В январе 1642 г. король выехал из Лондона и отправился в долгий путь по центральным графствам и дальше на север. В апреле он попытался захватить склад военного снаряжения в Гулле (после своего шотландского похода). Но перед ним закрыли ворота, и он вернулся в Йорк. С июня по август Карл и обе палаты давали абсолютно несовместимые инструкции соперничающим группам уполномоченных по подготовке ополчения. Это привело к столкновениям и

демонстрации силы. К концу августа подготовка завершилась, и столкновения стали носить более серьезный характер. Когда 20 августа король поднял свое знамя в Ноттингеме, это означало официальное объявление войны. Все же у обеих сторон оставалась надежда, что удастся провести переговоры или что всего одно сражение между двумя армиями решит конфликт. Однако первое сражение, происшедшее 23 октября в Эджхилле (Уорикшир), затянулось и не решило ничего. Хотя король направился к Лондону и вошел в Брентфорд, численность его войска и снабжение были недостаточными, чтобы отразить атаки противника. Он отступил в Оксфорд, так как настала зима и дороги стали непроходимыми. Только после зимы, отмеченной неустойчивым миром и тщетными переговорами, началась настоящая война. Первые войска были собраны наспех, им платили скудное жалованье. К весне стало ясно, что нужно проводить мобилизацию. В каждом регионе производили набор в армию, были выделены деньги и учрежден административный аппарат для организации армии. Страна оказалась втянутой в войну, и требования войны превратили гражданские волнения в кровавую революцию.

Вероятно, в определенные периоды 1643- 1645 гг. более чем один из десяти взрослых мужчин был поставлен под ружье. Ни одна из сформированных армий не превышала по своей численности 20 тыс. человек, а в самом крупном сражении при Марстон-Муре под Йорком в июне 1644 г. участвовали несколько объединенных армий, насчитывавших вместе меньше 45 тыс. человек. В целом же в летних кампаниях 1643, 1644 и 1645 гг. были готовы принять участие 120-140 тыс. человек. Обе стороны организовывали по регионам «ассоциации» графств, у каждого из которых была своя армия (по крайней мере на бумаге), обязанная защищать графство от вторжения противника. Помимо этого у обеих сторон имелась «действующая армия», на которую возлагались задачи национального характера. При данных обстоятельствах война носила скорее позиционный характер, стороны избегали крупных сражений. Некоторых районов война почти не коснулась (например, Восточной Англии, южного побережья, центральной части Уэльса); в других постоянно происходили сражения, и они переходили из рук в руки (долины Северна и Темзы, а также центральные графства находились в центре военных событий). Тылом Парламента были окрестности Лондона. Близость столицы и обеих палат с их настойчивыми требованиями, равно как и мобилизация тысяч жителей Лондона (безработных и религиозно настроенных), склоняла равнодушных и сомневавшихся принять сторону Парламента. Точно так же авторитет короля был более крепок на территориях, на которых он пребывал: на севере и востоке центральных графств, на полосе от Ланкашира до Оксфордшира. Дальние земли Севера и Запада были изначально нейтральными или смешанными по своим настроениям. Лишь постепенно роялистам удалось одержать верх на этих территориях.

Король обладал рядом преимуществ: личная поддержка богатых людей; организованная система командования, основанная на авторитете короля; более простая цель (захватить Лондон). Однако у Парламента имелись важные долгосрочные преимущества: денежные ресурсы и многочисленная поддержка в Лондоне, имевшая решающее значения для доверия населения; контроль над морскими и торговыми путями и вследствие этого – поддержка серьезных деловых людей, предпочитавших иметь дело с Парламентом, а не с королем; территории менее уязвимые, чем роялистские; а также ограниченная, но важная помощь шотландцев, 20 тыс. которых в 1644 г, вторглись на территорию Англии в обмен на постановление палат установить форму церковного управления, подобную существовавшей в Шотландии.

По всей видимости, Парламент намеревался измотать роялистов затяжной войной. Так и произошло. Исключительно военные факторы не сыграли существенной роли в исходе событий. Обе стороны использовали одну и ту же тактику и оружие; и у тех, и у других было много опытных офицеров, служивших в европейских армиях во время Тридцатилетней войны. В 1645 г. обе стороны реорганизовали свои армии, чтобы соответствовать сложившейся обстановке; король создал отдельные штабы в Бристоле и Оксфорде. Парламент объединил три отдельные армии, в последние месяцы сократившиеся

в размере: армию, слишком многочисленную для поставленной перед ней задачи и проводившую оборонительные операции в Восточной Англии; армию сэра Уильяма Уоллера, потерпевшую неудачу на Юге, и «походную армию» под командованием графа Эссекского. Армию Нового Образца принял под свое командование сэр Томас Ферфакс. Он был человеком со стороны, однако ему отдали предпочтение с целью избежать конфликтов между старшими офицерами в старых армиях. Все члены Парламента были отозваны со своих военных постов и должны были вернуться в Парламент. Назначения на высокие должности происходили более или менее в соответствии со сложившимся старшинством. Первоначальная цель армии Нового Образца вовсе не заключалось в смене курса Парламента на более радикальный, офицеры с радикальными взглядами не составляли в ней большинства. Ключевой задачей Парламента была профессионализация, а не радикализация армии. Позднейшая репутация армии как отличающейся религиозным рвением и предоставляющей возможность карьеры для талантливых людей не являлась характерной чертой при ее создании. Череда значительных побед, начавшихся с Нэзби в июне 1645 г. была вызвана не рвением, а регулярным жалованьем. За последние восемнадцать месяцев войны войска роялистов, которым не платили, просто развалились, в то время как армия Нового Образца была полностью снабжена и выиграла гражданскую войну, истощив противника.

В течение последних двенадцати месяцев войны нарастало народное возмущение против насилия и разрухи, которые она несла с собой. Нейтралистские или «клобменские» восстания фермеров и сельских ремесленников на западе и юго-западе Англии имели целью изгнать одну из сторон или обе стороны из их района, люди требовали мирных переговоров. Поскольку дисциплина в роялистских армиях разложилась, они были главными пострадавшими. Враждебность народных масс по отношению к обеим сторонам сделала победу практически безрезультатной.

Чтобы выиграть эту войну, Парламент обложил народ большими налогами. Прямые налоги составляли 15-20% дохода богатых и людей со средним достатком. Был введен акцизный налог на товары массового потребления, например на пиво (основной напиток, употребляемый мужчинами, женщинами и детьми в том возрасте, когда они еще не пили такие напитки, как чай, кофе и шоколад) и соль (также пользовавшуюся большим спросом). У нескольких тысяч мелкопоместных дворян и у многих тысяч других людей, чья собственность находилась на территории, занятой их противниками, имущество было конфисковано, и их доходы целиком перешли к государству, за исключением лишь жалкой пятой части, оставленной тем, у кого были жены и дети. В конце войны Парламент разрешил наименее активным роялистам («деликвентам») выкупить свои поместья по высокой цене; но самым бескомпромиссным (malignants, «злостным») сторонникам короля возможность возмещения не предоставили, и их земли были проданы на торгах. Все те, чьи владения не отобрали, должны были предоставить кредит королю или Парламенту; отказ от «добровольного» пожертвования приводил к серьезным взысканиям. В довершение ко всему обе стороны возобновили постой войск среди гражданского населения (с малой надеждой на какую-либо компенсацию со стороны властей и плату за проживание). Военные были готовы сами позаботиться о себе, а в случае сопротивления использоватьЬ мушкеты. Случаи грабежа и мародерства являлись редкими, зато солдаты часто воровали и вытаптывали урожай.

Война сильно подорвала экономику. Торговле в верхнем течении Северна мешало то обстоятельство, что роялисты взяли Вустер, а сторонники Парламента – Глостер; в верхнем же течении Темзы роялисты взяли Оксфорд, а сторонники Парламента – Рединг. Кроме того, из-за плохой погоды 40-е годы XVII в. были самыми неурожайными за все столетие. Высокие налоги и высокие цены на продукты сказались на развитии рынка и привели к экономическому спаду. Положение бедняков и людей с достатком ниже среднего было по-настоящему отчаянным. Людям становилось все сложнее вернуться к нормальной жизни.

Чтобы выиграть гражданскую войну, Парламент пошел на расширение даже

произвольных полномочий своих представителей. Для ведения военных действий в Лондоне был учрежден ряд комиссий, следивших за деятельностью подобных комиссий в каждом графстве и региональной ассоциации. Комиссии каждого уровня обладали полномочиями, соответствовавшими принципам обычного права: правом облагать налогом имущество граждан; накладывать арест на имущество, по собственному усмотрению и без ограничений заключать в тюрьму тех, кто препятствовал им, без суда. Исполнявшим эти обязанности гарантировалась неприкосновенность в случае каких-либо действий, направленных против них, и (после середины 1647 г.) эту неприкосновенность узаконила другая парламентская комиссия. Указ комиссии был главнее решений высших судов страны. Таким образом создавались предпосылки для победы в гражданской войне. Однако в 1647-1648 гг. правление Парламента оказалось более тираническим, чем до этого правление короля. Усилились призывы к примирению и Реставрации.

Чтобы выиграть гражданскую войну, Парламент обещал шотландцам реформировать елизаветинскую церковь и построить ее «согласно слову Божьему и примеру лучших реформистских церквей» (шотландцы неверно истолковали эти слова, решив, что речь идет об их Церкви). В 1646 г. реформа была завершена, по крайней мере на бумаге: упразднены епископат, кафедральные соборы, церковные суды, «Книга общих молитв» и календарь (в том числе празднование Рождества и Пасхи). Вместо этого устанавливалась «пресвитерианская» система. Священники и миряне-«старейшины» из групп соседних церквей обязывались ежемесячно собираться для обсуждения общих проблем. Деятельность на приходском уровне, уровне графства и на провинциальном уровне (ассоциации графств) должна была координироваться национальным синодом и Парламентом. Никто не освобождался от власти новой национальной Церкви в большей мере, чем от власти старой Церкви. В основе новой веры лежал новый молитвенник («Руководство для публичного богослужения» – «Directory of Public Worship», – подчеркивающий импровизированный характер молитвы и проповеди слова Божьего), новый катехизис и новые постулаты веры. Духовные лица на каждом уровне были уполномочены исполнять свой моральный долг («исправление нравов») и строго соблюдать новые законы, применяя меры религиозного и светского характера. Однако этот пуританский опыт был обречен на провал. Многие пресвитерианские священники выражали недовольство слишком сильным светским контролем. Недовольство многих других основывалось на том, что отдельные приходы получили очень мало полномочий, в то время как разряды, провинции (собрания на уровне графств и ассоциации графств) и синоды – более чем достаточно. Пуританские доктринальные, литургические и дисциплинарные требования были слишком жесткими, а подчас оказывались просто неприемлемыми. Когда в 1642 г. «пуританское» единство выступило против существовавших порядков, выдвижение одной частной альтернативы вызвало большой раскол. Многие «индепенденты» отказывались принять новые условия и требовали предоставления свободы совести и права создания свободной религиозной организации, независимой от национальной Церкви. Некоторые отказывались платить десятину. Раскол в пуританстве помешал установить пресвитерианскую систему. В то же время подавляющее большинство простых людей резко критиковало эту систему. Четыре поколения людей почитали «Книгу общих молитв» и справляли большие христианские праздники. Они не хотели отказываться от того и другого; к тому же им был не по душе пуританский запрет на обряд причащения без одобрения священника и его самодовольных приспешников, а также без приобретения свидетельства о годности для этого обряда. Таким образом, почти во всей Англии, включая Восточную Англию, запреты на использование «Книги общих молитв» и празднование церковных памятных дат не исполнялись. Священники, пытавшиеся противостоять этому, были изгнаны, и, хотя парламентские комиссии лишали сана каждого пятого представителя духовенства за религиозное, моральное и политическое несоответствие, большинство из тех, кто их заменял, не отличались от своих предшественников. Попытка пуритан внести религиозные изменения не увенчалась

успехом, она лишь прибавила ненависти к творившему произвол Парламенту.

Но если подавляющее большинство людей, в том числе победители, пришли к выводу, что гражданская война ничего не решила, а только способствовала смене власти, то меньшинство, не принимая настоящего положения вещей, было убеждено в том, что необходима более радикальная смена политических институтов. Ведь Бог подверг народ всем этим испытаниям и страданиям во имя высшей цели. Признать бесполезность борьбы, вернуть короля на престол на условиях, которые он принял бы и в 1642 г., означало бы предать Бога и тех, кто погиб и пострадал ради него. Снова причины, поднявшие людей на борьбу, носили религиозный характер. Подобные взгляды были распространены в Лондоне, где действовало много церквей и где экономический кризис давал знать о себе особенно жестко, а также в армии, с ее памятью о страданиях и радостях, где многие солдаты в пылу битвы ощущали в себе присутствие Бога. К тому же нищий Парламент, догадываясь о последствиях, к которым приведут дополнительные налоги, весной 1647 г. вызвал недовольство в рядах армии, попытавшись распустить большую часть вооруженных сил, а остальных послать в Ирландию, при этом не выплатив им задолженность, тянувшуюся с конца войны. Летом 1647 г., а затем осенью 1648 г. большинство в обеих палатах, не найдя другого выхода, согласилось пойти на переговоры с королем, который, в свою очередь, прежде всего на это и рассчитывал.

В обоих случаях армия спасла Парламент от поражения. В августе 1647 г. войска вошли в Лондон, вышвырнули главных «подстрекателей» из Палаты общин и нагнали на остальных страху, чтобы те проголосовали за выплату жалованья и других материальных благ, которые, как они верили, им полагались. Тем самым они отвергли предложение радикальной группировки, основанной в Лондоне и известной как «левеллеры», распустить Долгий парламент, объявить, что все находившиеся у власти не оправдали доверия народа и не могут дальше управлять государством, и провозгласить новую демократическую конституцию. Левеллеры призывали всех свободных англичан подписать «Народное соглашение» и совместно править децентрализованным демократическим государством. Все, кто занимал официальные посты, должны были пойти на этот шаг и отвечать за него перед своими избирателями. Многие права, прежде всего свобода исповедания той формы христианства, которую каждый для себя выбирает, не должны нарушаться никаким парламентом или правительством. Как военных, так и гражданских людей привлекали идеи левеллеров о свободе вероисповедания, их осуждение коррупции, тирании Долгого парламента; офицеры и «агитаторы», избранные из рядовых и сержантов, обсуждали предложения прежде всего на дебатах в Патни, происходивших в церкви этого города и около нее в ноябре 1647 г. Но в результате подавляющее большинство из них пришло к выводу, что политика левеллеров не может удовлетворить насущные требования армии. Вместо этого последняя стала оказывать давление на очищенный Парламент, чтобы тот использовал свои неограниченные полномочия для выполнения их требований.

Итогом стала вторая гражданская война, выразившая протест удаленных районов против централизации и военного господства. Умеренные парламентарии, лидеры графств поднялись против возобновленного угнетения; их возмущение поддержали бывшие роялисты. Наиболее жестокие бои второй гражданской войны происходили в районах, почти не затронутых первой гражданской войной и недостаточно наученных прошлым опытом: в Кенте, Восточной Англии, Южном Уэльсе, Западном и Северном Райдинге. Положение еще более осложнилось попыткой заключения союза короля с шотландцами, которые были недовольны тем, что Парламент не подтвердил соглашение о создании единой Церкви, и настроены, несмотря ни на что, доверять лживым обещаниям Карла. Если бы восстания были согласованы или по крайней мере происходили одновременно, они могли бы быть удачными. Но они произошли одно за другим и одно за другим были подавлены армией. Поражением шотландцев в августе в Престоне вторая гражданская война закончилась.

Она тоже не решила никаких проблем. По-прежнему страна взывала к миру и

соглашению, по-прежнему армия требовала выплаты жалованья, по-прежнему король увиливал и давал пустые обещания. Так же как и в 1647 г., обе палаты видели всю тщетность своих усилий. В начале декабря у них было только два пути: сдаться королю и пригласить его на трон на его условиях, чтобы восстановить порядок и мир; или свергнуть его окончательно и решиться на смелую авантюру, отправившись в неизвестные и не отмеченные на картах конституционные моря. Явное большинство в обеих палатах, равно как и во всей стране, склонялось к первому; меньшинство же, под предводительством командиров армии, предпочитало последнее. Второй раз армия провела чистку Парламента. В ходе так называемой Прайдовой чистки больше половины членов Палаты общин были арестованы или оставили свои должности. Две трети оставшихся бойкотировали буйную Палату. В последовавших затем революционных неделях участвовало менее шестой части членов Парламента, а многие из тех, кто присутствовал, делали это только для того, чтобы смягчить последствия. Решение предать короля суду не поддержал практически никто из тех, кто объявил ему войну в 1642 г.

В январе 1649 г. король был казнен. Его достоинство и сдержанность нанесли сильный пропагандистское поражение его противникам. Публичное обезглавливание в Уайтхолле произошло перед пораженной, но сочувствовавшей толпой. Один из самых бесчестных и лицемерных королей Англии заслужил венец мученика, своим достойным поведением в конце жизни он спас свою репутацию, а его книга, в которой он давал оправдание своим поступкам, *Eikon Basilike* («Королевский образ»), стала бестселлером в последующие десятилетия.

Республика и протекторат

В 1649-1660 гг. Англия была республикой. Это время можно назвать революционным. Многих королей жестоко убивали, но никого до этого не приговаривали к смерти на законных основаниях. Монархия была упразднена, а вместе с ней Палата лордов и Англиканская церковь. Между 1649 и 1659 гг. Англия имела четыре разные конституции и хаос в управлении в 1659-1660 гг. Шотландия была полностью интегрирована в Британию, Ирландия покорена с высокомерием, беспрецедентным даже в ее бурной истории. Это было время больших экспериментов в управлении государством. Тем не менее, многое осталось без изменений. Правовую систему кое-как починили, но в ней узнавалась старая туманная система обычного права, исходившая из исключительных прав духовенства на законодательство; местные органы управления вернулись к старому образцу четырех заседаний в год, вместо того чтобы действительно образовывать местные парламенты. Существующие права собственности были защищены и укреплены, и социальный строй огражден от его радикальных критиков. Что касается национальной Церкви, то ее структуру нельзя признать совершенной. Никого не принуждали принимать это вероисповедание, но десятину для содержания духовенства обязывали платить всех; светская власть и моральный авторитет приходских священников, которыми они обладали со времен Тюдоров, были беспрекословными. Фактически допускалась большая свобода для каждого прихода в делах культа, заветов и обрядов, разрешенные англиканские службы и англиканские праздники негласно и широко практиковались.

По отношению к институтам власти это было десятилетие переменного развития в направлении реставрации монархии. В 1649-1653 гг. Англией правило «охвостье», остаток Долгого парламента, принявшее Прайдову чистку и цареубийство; этому институту принадлежала законодательная и исполнительная власть. Несмотря на попытки некоторых членов Парламента брать пример с собраний Римской республики, «охвостье» не отличалось устойчивостью. Слишком занятое, чтобы предпринимать смелые инициативы и искать долговременные решения, не говоря уже о том, чтобы строить новый Иерусалим, «охвостье» уклонялось от решения проблем. Продав земли королевской семьи, Церкви и роялистов, оно финансировало завоевание Ирландии, в которое входило взятие Дроэды и

Уэксфорда и массовое убийство гражданского населения – действия, не имевшие параллелей в Англии, но расценивавшиеся как ответ на жертвы 1641 г., – а также вторжение в Шотландию, проходившее с меньшими жестокостями. Учреждая внепарламентские финансовые учреждения, ведавшие финансовыми вопросами, и довоенную форму местного управления, «охвостье» получило достаточно сторонников, для того чтобы разгромить роялистов в третьей гражданской войне. С помощью непоследовательных и противоречивых заявлений относительно религии оно усиливало неуверенность людей в их церковных предпочтениях; при этом никто не уходил в отчаянную оппозицию. «Охвостье» даже вступило в войну с голландцами на море; в последующие месяцы захват голландских торговцев обеспечил удвоение объемов британской посреднической торговли. Деморализованная роялистская партия залечивала свои раны и пыталась рассчитаться с долгами; большинство старой парламентской партии неохотно, но выполняло требования правящей партии. Тем не менее позиция «охвостья» была не такой уж крепкой.

К весне 1653 г. армия была готова к переменам. Объясняя победы в Шотландии, Ирландии, а также над Карлом II в битве при Вустере расположением Божьим, ее командиры и прежде всего командующий (с 1649 г.) Оливер Кромвель требовали религиозных реформ, для проведения которых «охвостье» было слишком занято другими делами.

Разногласия между депутатами «охвостья» и военачальниками неумолимо привели к кризису, который в 1647-1648 гг., последние старались проигнорировать. Опасаясь, что в результате свободных выборов образуется правое большинство, Кромвель решил созвать «собрание святых» – правомочное собрание из 140 человек, тщательно отобранных из тех, кто оставался верным благому делу, кто посвящал себя служению божественной цели и чья задача заключалась в том, чтобы создать программу духовного восстановления и политического образования, которое помогло бы людям постичь слово Божье. Вера Кромвеля в то, что 140 человек могут построить праведное общество, была благородной, но наивной. Эти 140 фанатиков Назначенного, или Бербонского, парламента, лишенные лидеров и координации, ссорились в течение пяти месяцев, а затем значительным большинством отдали свою власть обратно в руки лорда-генерала. Искренние попытки Кромвеля уговорить их остаться у власти успехом не увенчались. Одна армия поддерживала республику, могла создавать и упразднять правительство. За управление государством приходилось отвечать армии.

С декабря 1653 г. до своей смерти в сентябре 1658 г. Оливер Кромвель правил Англией в качестве лорда-протектора и главы государства. Согласно двум указам – «Орудие управления» (1653-1657, издан Военным советом) и «Смиренная петиция и совет» (1657-1658, принят Парламентом), Кромвель как глава исполнительной власти должен был управлять государством с помощью Государственного совета. Он был обязан регулярно созывать Парламент. Кромвель находил свое положение сходным с положением Моисея, который вел евреев в Землю обетованную. Английский народ находился в рабстве на египетской земле (монархия Стюартов); люди бежали и перешли Красное море (казнь короля); теперь они пробивались через пустыню (постоянные беды), шли, ведомые столпом огненным (Божественное провидение, которое проявилось в блестящих победах их армии, одержанных с 1656 г. в успешной войне против Испании). Эти люди, так же как и евреи, были непокорными и нетерпеливыми. Иногда их приходилось подгонять к земле обетованной, как в 1655-1656 гг., когда Кромвель ужаснулся равнодушию людей во время неудачного восстания роялистов (участвовало небольшое количество последних, но многие отнеслись к этому событию с сочувствием, и войска не торопились погасить пламя восстания). Затем он установил систему управления, при которой каждый район подчинялся старшему военному командиру. Эти «генерал-майоры» отвечали за безопасность, но могли вмешиваться в каждый аспект местного самоуправления и проводить «реформу нравов». Кромвель пытался вывести нацию в землю обетованную с

помощью политики «залечивания ран и успокоения», преуменьшая значение силы меча и стараясь расширить доступ к управлению страной и разделить власть с местными магистратами и Парламентом.

Если бы Кромвель довольствовался согласием и минимальным уровнем политического одобрения, он мог бы обеспечить себе спокойное и долгое правление. Но он жаждал для нации, со всей убежденностью и рвением, большего отклика в Божьих делах, большей воли к повиновению Его повелениям. Кромвель был ортодоксальным кальвинистом, веря в то, что долгом Божьего избранника является возбуждать во всех людях любовь к Богу и почитание Его, веря в то, что Божественное провидение укажет его народу путь вперед. Необычной была его вера в то, что в этом падшем мире избранные люди рассеяны по церквям. Терпимость Кромвель считал верным способом покончить с возрождением единства Божьего слова и правды. Этот религиозный радикализм сочетался с социальным консерватизмом. Иерархическая структура общества является естественной и правильной, недостатки и несправедливости не свойственны ей, они лишь следствие греха. Изменению подлежало не общество, а поведение человека в нем.

Казнив Карла, Кромвель лишил себя возможности оправдаться собственным прошлым политическим авторитетом; признавая, что воля тех, кто имел право голоса, может вернуть короля, и тем самым отказываясь основывать свою власть на согласии, Кромвель лишал себя доводов в настоящем. Оправдание его поступков становилось делом будущего и держалось на вере в то, что он исполнял волю Бога. Но именно по причине своей веры в эту миссию он непреклонно отрицал гражданские и установленные законом свободы. Чтобы прийти в будущее, обещанное Богом, Кромвель правил страной по своему усмотрению. Случалось, он заключал людей в тюрьму без суда. Когда торговец Джордж Кони отказался платить незаконную таможенную пошлину, Кромвель заключил его и его адвоката под арест, чтобы дело не дошло до суда. Если Парламент отказывал ему в необходимом финансовом обеспечении, он устанавливал новые налоги собственными декретами. Когда люди не ответили на его призыв к духовному возрождению, он создал институт генерал-майоров для проведения работы в этом направлении. Тем не менее мы сталкиваемся с примечательным парадоксом. Кромвеля, цареубийцу, вынужденного главу государства, визионера, второй Парламент просил стать королем Оливером. Ему предложили корону. По иронии судьбы ему сделали это предложение, чтобы ограничить его власть, связать традициями и силой закона. Но поскольку такие ограничения мешали выполнению стоявшей перед ним задачи, поскольку Божественное провидение не предписывало ему восстановить должность, которую Господь упразднил, он отказался от трона.

Во время жизни Кромвеля армия (обладавшая должной военной мощью) и сельское дворянство (имевшее значительный вес в обществе) находились в творческом напряжении. В Кромвеле удивительным образом сочетались сельский помещик и профессиональный солдат, религиозный радикал и социальный консерватор, политический провидец и конституционный ремесленник, личностная харизма и невыносимое самодовольство. Он был одновременно и единственным источником стабильности, и самым большим источником нестабильности режима, который он олицетворял. Если бы Кромвель мог пойти на компромисс, он бы установил правовую республику; если бы в его сердце не было пламенного желания изменить мир, он бы никогда не превратился из овцевода в главу государства. С его смертью наступил конец республики. Его сын не обладал качествами отца и стал жертвой недовольства старших военачальников. Затем между ними тоже началась борьба, а национальное антиналоговое движение усилило раскол в армии. Спустя восемнадцать месяцев после смерти Кромвеля одно из подразделений армии под командованием генерала Монка решило, что ситуацию надо менять. Были проведены свободные выборы, и на престол пригласили Карла II.

Реставрация монархии

Реставрация монархии в лице Карла была безоговорочной. Было объявлено, что его правление началось в момент смерти его отца. Те акты Парламента, на которые его отец дал согласие, остались в силе; все остальные потеряли законную силу (например, все королевские и церковные земли, распроданные при республике, возвратили прежним владельцам, но в то же время роялистам, заплатившим штрафы или выкупившим свои поместья при республиканском законодательстве, компенсации не выплатили). Парламент сохранил те полномочия, которыми он обладал при Елизавете и в начале правления Стюартов (за исключением беззубого закона, требовавшего трехлетнего срока полномочий Парламента, – закона, который Карл II проигнорировал в 1684 г. без протеста со стороны народа). После Долгого парламента и тех, кто во время междуцарствия отрицал власть Парламента так же легко, как это делал Карл I, казалось бессмысленным выстраивать его как противостояние Короне. Акт о реставрации скорее ограничивал королевскую власть, усиливая власть на местах. Карл II согласился на упразднение прерогатив Двора и на ограничение судебной власти Тайного совета (теперь ослабленного и уже неспособного проводить свою политику), на отмену исключительных налогов. Местные дворяне получили большую, чем когда-либо, свободу управления графствами. Более того, проявив поразительную выдержку и смелость, Карл принялся обеспечивать для своего режима как можно более прочный фундамент. Он отказался проявлять особое расположение и доверие к своим друзьям и друзьям отца. На каждом уровне управления соблюдался баланс сил: в Совете, в распределении придворных должностей, в государственном аппарате, в суде, в органах самоуправления. Роялисты и умеренные парламентарии, пережившие период междуцарствия, а также сторонники Кромвеля – все получили места. В самом невыгодном положении оказались ссыльные роялисты. Карл предотвратил попытки парламентариев подвергнуть опале и наказанию врагов монархии. Только те, кто подписал смертный приговор Карлу I, и еще ряд людей были исключены из всеобщего Акта о прощении и забвении (один раздосадованный придворный назвал Реставрацию «актом прощения врагов короля и забвения его друзей»). Требовалось мужество для понимания, что лучше огорчить старых друзей (чтобы они не подвергли короля снова таким же испытаниям), чем огорчить старых врагов. Заговоры против Карла II были немногочисленными и предпринимались только радикальными религиозными сектами. Даже армия численностью менее 3 тыс. человек могла справиться с подобными угрозами.

Карл надеялся достичь взаимопонимания и в церковных установлениях. Он намеревался реставрировать национальную церковь Англии, сделав ее при этом приемлемой для большинства умеренных пуритан. В этих целях он предложил ряду таких умеренных епископский сан и издал временное установление («Декларация Вустер-Хаус») – указ, по которому власть и автономия епископов были сокращены, а спорные обряды и фразы из молитвенника стали не столь обязательными. Кроме того, Карл хотел предоставить свободу религиозных собраний (если не равные права) малочисленному меньшинству, состоявшему из пуритан и католиков, которые не признавали всеобщую национальную церковь. В течение полутора лет он пытался воплотить в жизнь это установление, но потерпел неудачу из-за противостояния радикально настроенного англиканского большинства в «кавалерском» Парламенте, отсутствия должной поддержки и компрометирующего поведения Ричарда Бакстера и других пуританских лидеров. Они отказались от высоких должностей, которые им предлагали, не признавали терпимости и продолжали выдвигать необоснованные требования на конференции, созванной для внесения изменений в молитвенник. Их шотландские коллеги, более гибкие и прагматичные, пришли к приемлемому для большинства своих собратьев соглашению.

В итоге Карл оставил попытки создать всеобщую церковь и подписал Акт о единообразии (Act of Uniformity), который возвращал, целиком и полностью, старую Церковь и обязывал духовенство соблюдать строгие правила. Как следствие, к концу 1662 г. каждый пятый представитель духовенства был изгнан из Церкви, и многие из них стали организовывать тайные религиозные собрания вне Церкви. Карл терпимо относился к

тем, кто не исповедовал англиканскую веру. Хотя в январе 1663 г. его первая попытка не увенчалась успехом, он мог утешиться тем, что изменил традиционные роли. До войны пуритане искали поддержки Парламента против короля, новые же нонконформисты должны были искать поддержки короля против Парламента, что в течение пятнадцати лет укрепляло политическое положение Карла. Тем не менее это было единственным слабым местом в проведении Реставрации. Всеобъемлющее политическое соглашение оказалось противопоставлено нетолерантному религиозному соглашению, касавшемуся узких кругов. Лишь немногие представители местной власти являлись диссентерами, но многие им сочувствовали и не хотели содействовать исполнению обвинительных законов, которые издавал Парламент против их религиозных собраний.

В целом у Карла возникли проблемы не из-за упомянутого установления, а из-за его предпочтений в проведении политики. В каком-то смысле он был ленивым королем. Его юность и ранняя молодость прошли в ожидании возможности взойти на престол, и, когда он вернулся из ссылки, все его цели были достигнуты. Он единственный из Стюартов, кого нельзя назвать мечтателем, он не вынашивал долгосрочных планов. Он мог с легкостью отступать, когда встречал сильное противодействие своей политике. Ему недоставало проницательности, и он не был лишен предубеждений и предпочтений. Он отличался рационализмом, вел светскую жизнь; у него было много любовниц и семнадцать признанных незаконнорожденных детей; он был циником, считавшимся с человеческой природой, интеллектуалом, проявлявшим повышенный, порой даже слишком, интерес к делам Королевского общества, созданного при его вступлении на престол. Но к этому интеллектуальному эмпиризму прибавлялся эмоциональный и духовный мистицизм, унаследованный от родителей. Карл верил, что обладал почти божественными способностями и свойствами (ни один король не прикасался столь часто к больным «королевской болезнью», сопровождающейся отталкивающими опухолями желез и золотушными расстройствами, которые короли, как считалось, обладали способностью излечивать). Помимо этого он был сторонником Римско-католической церкви. Его мать, жена, брат и любимая сестра были католиками, и хотя его *bonhomie* (добродушие) помогало ему легко принимать многие вещи, по-настоящему он был предан только своей семье. Карл знал, что, пока будет в силе католицизм, будет сильна и монархия. Верность католиков своему покровителю не оставляла сомнений. Если король и принимал всерьез какие-либо религиозные установки, то это были законы католичества (что касается его любовниц, то Карл говорил, что он не верит, будто Бог проклянет человека только за то, что тот между делом позволит себе немного удовольствия). Он был сторонником католицизма и дважды проявил свое предпочтение (тайным договором с Францией в 1670 г. и принятием католичества перед смертью). Он был слишком благоразумным политиком, чтобы открыто заявлять о своих убеждениях, кроме как на смертном ложе. Однако его веротерпимые взгляды были очевидны. По этим причинам, а также из-за нескрываемого восхищения короля перед своим кузеном, Людовиком XIV Французским, в Англии росло беспокойство.

В 1660-1661 гг. доходы Карла составляли очень крупную сумму (1,2 млн фунтов стерлингов в год); их источником являлось главным образом косвенное налогообложение. В начале правления ему было недостаточно этих средств из-за неумелого распоряжения деньгами, и в результате он не чувствовал себя свободно в финансовом отношении. У него не было возможности вводить дополнительные налоги, не обращаясь к Парламенту, и он сократил свои расходы. Таким образом, хотя Карл обладал абсолютным правом проведения внешней политики, объявления войны и заключения мира, Парламент мог отказать ему в выделении необходимых средств без объяснения причины.

Эпохе был нужен талантливый администратор и реформатор наподобие Томаса Кромвеля при Генрихе VIII, но такого человека не было. Требовались новые формы принятия политических решений и проведения политики. Совет был слишком многочисленным и плохо организованным для эффективной работы; решения слишком часто принимались на собраниях, устроенных *ad hoc* в покоях короля, и на таких же

собраниях отменялись. Это приводило к полной неопределенности, а подчас даже к панике по поводу того, кто будет держать ответ. Когда Совет был лишен власти, проведение политики предоставили отдельным министрам и ведомствам при отсутствии соответствующей координации между ними. Назначение на должности производилось хаотически. Работа Парламента в равной степени была неэффективной, его представители предъявляли все больше необоснованных требований. Карл, понимая, что парламентарии, избранные в 1661 г., были верными роялистами и оправдывали его доверие, оставлял «кавалерский» Парламент в том же составе в течение восемнадцати лет, созывая его почти ежегодно. Отчасти его неэффективность была обусловлена растущим соперничеством между двумя палатами, особенно из-за требования Палаты лордов взять на себя полномочия упраздненных судов примирительного производства; на ряде заседаний они занимались только этим вопросом. Отчасти причиной плохой работы Парламента было отсутствие программы. Этот орган власти, включавший в себя несколько сотен человек, среди которых не было признанного лидера, в основном проводил время, решая, какие же вопросы выносить на обсуждение. Шестидесятые и семидесятые годы XVII в. ознаменовались борьбой главных министров из числа Палаты лордов за главенство в суде и были отмечены застоем в деятельности обеих палат. Положению Карла ничто не угрожало, ни на родине, ни за границей. Эйфория первых лет правления сменилась своего рода политической депрессией, когда эпидемия чумы, унизительное голландское вторжение, проникшее вплоть до Медуэя во время второй голландской войны (1665-1667) и Большой пожар в Лондоне (1666) подорвали уверенность 1660-1661 гг. в том, что Бог благословит землю, которая взялась за ум.

На политической арене было много неудач: не удалась главная попытка ввести веротерпимость (1672-1673), задерживалась выплата процентов с займов (1672), в Парламенте имелись серьезные разногласия, когда члены «кабального» правительства обвиняли друг друга за их совместный провал (1674-1675). Единственный раз угроза власти короля возникла во время кризиса в 1678-1681 гг. Это началось с разоблачительных показаний Титуса Оутса, Израэля Тонга и других авантюристов относительно папистского заговора с целью убийства Карла и приглашения на трон Якова, его брата-католика. Это была наиболее правдоподобная из множества историй, но в то же время в ней было много придуманного. Таинственная смерть судьи, ведущего это дело, и находка тайной переписки личного секретаря Якова добавили напряжения. В итоге Парламент предпринял полномасштабную попытку провести в связи с этим парламентские слушания о возможности наследования Яковом престола, поколебав таким образом идею Карла о божественном праве короля.

В действительности политические лидеры «движения за Исключение» стремились по меньшей мере подрезать крылья как Карлу, так и Якову. В течение первого года их целью был не Яков, а главный министр Карла, кавалер-англиканин граф Дэнби. Как это ни странно, но очевидно, что граф Шефтсбери, лидер оппозиции, видел в политике Дэнби такую же угрозу вольностям, как и в Якове. Принципы Дэнби были прямо противоположны принципам Шефтсбери. Он разработал новые методы управления Парламентом, централизовал контроль над финансами, нарушил равновесие интересов в органах местного управления в пользу кавалеров-англикан, по всей видимости, был не прочь создать постоянную армию для мирного времени и вступил в союз с голландцами против французов. Шефтсбери, перебежчик во время гражданской войны, член Бербонского парламента, член кромвелевского Государственного совета, а затем служивший при Карле в качестве канцлера казначейства и лорд-канцлера, постоянно выступал за свободу Парламента, децентрализацию, веротерпимость, против постоянной армии и голландцев. Политика Дэнби обеспечивала Карлу II спокойную жизнь, Шефтсбери смотрел на это как на зарождающийся абсолютизм. По сей день существует мнение, что папство и автократическое правление неразрывно связаны, а Дэнби может быть представлен как тайный агент папистов, несмотря на то что он был безупречным англиканином. Только

когда Дэнби был заключен в Тауэр, Шефтсбери обратился к «движению за Исключение», пытаясь решить этим все вопросы. В его намерения входило подвергнуть сомнению теоретическое основание божественного права короля и создать условия для активной политической деятельности и согласия (сохранение «движения за Исключение» после смерти Карла, готовность к тому, что Яков не примет его без борьбы). Чтобы сохранить Исключение, Шефтсбери организовал первую политическую партию в истории Англии. Его «виги» занимались массовой пропагандой, подавали петиции, организовывали демонстрации, координировали кампании во время трех подряд всеобщих выборов (1679-1681).

Они потерпели неудачу. У Карла на руках были все козыри. Виги неизбежно раскололись на два лагеря по поводу вопроса о том, кто будет наследником вместо Якова: Монмут, любимый незаконнорожденный сын короля, или Мария, дочь Якова, протестантка. Почти без исключения виги действовали только законным и мирным путем. Память о гражданской войне была слишком сильной, чтобы решать вопросы, прибегая к насилию. Карл между тем мог использовать свою власть, чтобы созывать и распускать Парламент, когда ему это было нужно, что он и сделал. У него было достаточно сторонников в Палате лордов, которые могли противостоять оппозиции. Подъем в торговле увеличил королевские доходы, и Карл не испытывал финансовых затруднений; его политика уступок, но только не сторонникам Исключения подкупила многих умеренных членов Парламента. Шефтсбери фатально ошибался, полагая, что на Карла можно оказать давление. Он так и не понял, что король будет всегда уступать в вопросах проведения политики, но никогда в вопросах, затрагивающих его принципы. Он бы никогда не отказался от своего божественного права. Самой большой жертвой с его стороны мог оказаться развод с бесплодной королевой (которую он уважал, если не сказать боготворил), повторная женитьба и решение проблемы наследования с помощью супружеского ложа. Это было бы высшим проявлением его политического стиля.

Снова железная выдержка, прагматизм и готовность на все – качества, которые государь продемонстрировал в 1660 г., – помогли ему исправить положение. Нация, измученная трехлетним политическим тупиком, отступила, присмотрелась и последовала за ним. В последние годы Карл умел устранять тех, кто стоял у него на пути, вознаграждать тех, кто поддерживал его, и в результате наслаждаться спокойной жизнью. Он оставил народ под управлением тех и для тех, кто верил в божественное право королей, божественное право английской церкви и в божественное право представителей власти на местах управлять вверенной им территорией. Самодовольство тори-англикан было безграничным, когда они приветствовали на троне Якова II, короля, чьи права они защищали. Этой радости суждено было смениться тяжелым потрясением.

Яков на деле оказался фанатиком. Во время своего правления в Шотландии в 80-х годах XVII в. он был свидетелем жестоких репрессий и угнетения протестантских диссентеров (*conventiclers*). Хуже того, Яков считал себя умеренным. У него не было намерения стать абсолютистским королем по европейскому образцу. Но поскольку подъем в торговле способствовал повышению королевских доходов (и его первый Парламент, собравшийся под угрозой вооруженной борьбы за трон любимого незаконного сына Карла, герцога Монмута, проголосовал за более высокие выплаты), он смог набрать армию численностью 20 тыс. человек. Армия отличалась профессионализмом и нейтральными политическими взглядами ее командиров. Яков дважды предлагал Карлу с помощью своей немногочисленной армии избавиться от причиняющих беспокойство парламентов. Он бы без колебаний направил армию против непокорного собрания, но в его планы не входило правление без Парламента. Действительно, потерпев поражение, он предпринял очень расчетливый шаг – попытался «провести» в Парламент своих сторонников. До начала 1688 г. у Якова не было детей от второго брака, в котором он состоял более десяти лет. Уже в возрасте пятидесяти лет Яков выбрал себе в качестве наследников свою дочь-протестантку Марию и ее мужа-голландца Вильгельма Оранского. Он хотел, чтобы его

собратья по вере пользовались равными религиозными и гражданскими правами. Это означало не только освобождение от всех наказаний и неправоспособности по Законам о наказаниях (штрафы за непослушание англиканского богослужения) и Тест-акту (недопущение католиков к официальным постам и оплачиваемым должностям на королевской службе), но и уравнение католической церкви с англиканской. Это значило установление католической иерархии, диоцезной структуры и выделение публичных мест для проведения служб. В эти требования входило также приспособление университетов под нужды Церкви (возможно, даже превращение, или «восстановление», некоторых колледжей в католические семинарии). Вероятно, это привело бы к освобождению католиков от выплаты десятины и подчинения англиканским судам. Яков искренне верил в то, что, сняв запреты на католическую веру и устранив все религиозные и гражданские неравенства, можно добиться возращения сотен людей к этой вере. Он верил, что предоставление католикам «равного статуса» является гуманной и умеренной программой. Коротко говоря, если определенная позитивная дискриминация была необходимой, чтобы благоприятствовать католикам в назначении на общегосударственные и местные должности, то на деле все это было не более чем исправлением.

Тот факт, что политические сторонники англикан-тори были возмущены, не нуждается в пояснении. Они оказались более верными Церкви, чем выбранному ими королю. Вскоре Яков понял, что Парламент тори-англикан никогда не откажется от антикатолического курса и задержит выполнение королевского указа, с тем чтобы после его смерти посадить на трон протестантского наследника. Тогда он предпринял отчаянную попытку проигнорировать аристократов-тори и создать союз католиков и протестантов-диссентеров. Три четверти мировых судей, как и большинство лордов-лейтенантов, были уволены, Новые люди были более низкого происхождения; чистка, предпринятая Яковом, вызвала более масштабную социальную революцию в местном самоуправлении, чем в 1646-1660 гг. Король отозвал хартии многих городов и реорганизовал систему их управления, отдав власть в руки диссентеров (это было особенно важно, для того чтобы создать в Парламенте симпатизирующее ему большинство). Чтобы склонить диссентеров на свою сторону, была принята Декларация индульгенции (Declaration of Indulgence), предоставлявшая им полную свободу вероисповедания.

Тори-англикане были уязвлены, но они не применяли насилия. Они рассчитывали на то, что все утрясется само собой; Яков умрет, и его сменит Мария, тогда они возьмут свое. Они надеялись, что молчаливая непокорность сделает успех Якова неполным. Семь епископов решили объяснить королю, почему они не под чинились его приказу и не отдали распоряжения священникам прочитать прихожанам Декларацию религиозной терпимости, Вместе с тем они призвали Церковь поддерживать терпимость англикан по отношению к протестантским диссентерам. Яков отдал этих епископов под суд за распространение бунтарских листовок, но даже королевские судьи не согласились с его решением, и епископы были оправданы. Однако самодовольство тори в 1687 г. («Над нашей доктриной «несопротивления» и постоянной пассивной покорностью нельзя смеяться», – писал маркиз Галифакс) сменилось изумлением и страхом в июне 1688 г. с рождением сына и наследника Якова II. Теперь возможность продолжения династии ярых католиков стала реальной.

Ирония заключалась в том, что если для многих англиканских лидеров религия была важнее их политических принципов, то многие диссентеры выдвигали на первый план собственные политические установки. Они не обманывались на тот счет, что Яков использует их для достижения своих целей на данный момент. Поэтому лидеры обеих партий объединились в отчаянной попытке пригласить в Англию Вильгельма Оранского в сопровождении вооруженного отряда для оказания давления на Якова. Возможно, они действительно верили, что их действия вынудят последнего согласиться на унизительные для него условия Вильгельма: отменить указ, формировавший состав Парламента в соответствии с предпочтениями короля, и издать другие указы, возвращающие «свободный» Парламент; объявить войну Франции; создать комиссию по проверке

законности права наследования у принца Уэльского. Лишь немногие хотели присоединиться к вооруженному вторжению Вильгельма, но сторонников того, чтобы хоть пальцем пошевелить и помочь Якову, было еще меньше.

Чего бы ни ожидали те, кто пригласил Вильгельма, сам он был намерен свергнуть Якова с престола. Он пошел на довольно большой риск, оправданный лишь необходимостью использования военных, военно-морских и финансовых ресурсов Британии в борьбе с Людовиком XIV. Но как он рассчитывал получить трон, было не совсем понятно. В течение нескольких недель его могли объявить совместным правителем с Марией, так как Яков переживал полнейший упадок духа. Его армия так и не встретилась с армией Вильгельма. Последний высадился на берег Англии в Торби 5 ноября и двинулся на восток. Яков привел свою армию в Солсбери, где задержался из-за непрекращающегося кровотечения из носа. Поскольку поведение короля становилось все более странным и маниакальным, профессиональные офицеры и военачальники покинули его. Яков отступил к Лондону и сразу же оказался в руках Вильгельма. Но даже тогда его положение не было безнадежным. Ряд неопределенных обещаний позволил ему вернуть расположение большинства пэров и наиболее знатных дворян. Но здравый смысл покинул короля. Он дважды бежал (в первый раз, к досаде Вильгельма, его поймали на побережье Кента рыбаки и с самыми добрыми намерениями отослали обратно). Его побег во Францию и последовавшие затем публичные обещания Людовика XIV оказать ему поддержку в возвращении на престол, а также однозначное заявление Вильгельма о том, что он не будет защищать королевство, пока не разделит трон со своей женой, – все это не оставило политической элите никакого выбора. Почти все виги и многие тори, тщательно все взвесив, решили, что Яков должен оставить трон, который перейдет в руки Вильгельма и Марии. Славную революцию 1688 г. ожидали еще меньше, чем Великое восстание 1642 г.; ее последствия, возможно, имели еще большее значение.

Оказала ли Английская революция какое-либо продолжительное воздействие на власть Короны? Оно было на удивление небольшим. В 80-х годах XVII в. финансовое положение Короны значительно улучшилось, аппарат государственной службы разрастался, хотя его работа все еще не была эффективной, обстоятельства, как никогда ранее, благоприятствовали созданию регулярной армии. Парламенты показали, что не способны одержать над королем победу, налагая ограничения, выдвигая неприемлемые для него условия либо лишая его полномочий, которыми он обладал до этого. Королевские прерогативы в 80-х годах мало отличались от тех, что были в самом начале столетия. Король мог налагать вето на те законы, которые не одобрял; он мог избирательно освобождать отдельных людей от действия законов; мог даровать прощение любому по собственному выбору. Он сам выбирал собственных советников, судей, высших управляющих и мог по своей воле смещать большинство из них. Он не был обязан прислушиваться к чьим бы то ни было советам. Если он и потерял большую часть своих феодальных доходов и полномочия собирать деньги «по собственному усмотрению» (discretionary), парламентские налоги, как бессрочные, так и пожизненные, сполна компенсировали эту потерю.

Единственное действительно значительное ослабление королевской власти связано с законом 1641 г., который запретил те суды и советы, которые частично находились под контролем короля. Самым важным ограничением стало лишение Тайного совета судопроизводственных полномочий. Лишенный зубов, Совет перестал быть исполнительным, активно действующим органом, контролирующим, стимулирующим и руководящим работой местного управления, и стал тем, чем был вначале: местом для общих разговоров, где король мог выслушать совет. По всей видимости, он никогда не функционировал ни при Стюартах, ни при Тюдорах; Яков I позволил фракционности Совета развиваться до уровня Парламента; Карл I не желал слышать никаких альтернативных мнений от группировок Совета. Ему нужны были марионетки, лишь одобряющие его предубеждения. Карл II вершил политику тайно, собирая министров на

краткие встречи в частных резиденциях, чтобы никто не был посвящен в то, что происходит. По разным причинам каждый из этих монархов поощрял рост числа секретных комитетов Совета, включавших людей, которые занимали ключевые должности. Здесь формировалось ядро кабинета министров XVIII в. Другие особые суды по церковным и иным делам, ликвидированные в 1641 г., включали Звездную палату, Высокую комиссию, Запросы (Requests) и – скорее случайно, нежели умышленно, – Региональные советы Севера и марок Уэльса. Карл II был ограничен в деле Реставрации не со стороны джентри в Парламенте, а со стороны джентри в провинциях. Почти все способы, при помощи которых Тюдоры и первые Стюарты могли подчинять непокорные сообщества графств, были исчерпаны. Управление, как никогда ранее, осуществлялось при их активном участии. В 60-х годах XVII в. все налоги, за исключением таможенных пошлин, все церковные законы, такие, как Акт о единообразии (Act of Uniformity), Акт о тайных собраниях (Conventicle Acts) и Пятимильный акт (Five Mile Act), и большинство вопросов безопасности были доверены магистратам джентри без права пересмотра из решений в центральных судах.

Таким образом, упразднение монархии и опыт республиканского правления не оказали большого воздействия. Даже память о публичном суде над Карлом I, его осуждение и обезглавливание не умерили притязаний монархии на власть, право на которую даровано Богом, равно как и не заставило проявлять большее уважение к Парламенту. В конечном счете все поняли, что цареубийство дорого им стоило, поскольку скорее увеличило, чем уменьшило притеснения со стороны короля. Проблема соответствия денежных средств и платежеспособности стала осознаваться яснее; но проблемы сами по себе не усилились и не ослабли. Альтернативой для Англии было либо укрепление центральной исполнительной власти и администрации в ущерб независимости джентри, либо дальнейшее ослабление центра, превращение страны в ряд полуавтономных графств-государств, самоуправляемых, облагаемых заниженными налогами, стагнирующих. Последнего желали сторонники «партий графств», заметные в Парламенте в 20-х годах XVII в., нейтралистские группы времен гражданской войны и многие виги в 70-х и 80-х годах. Этого хотели также и республиканцы, такие, как Джон Мильтон, который восхищался голландской республикой и страстно желал такого же олигархического гражданского гуманистического развития для Англии. Что важнее всего, это составляло идеал таких демократических группировок, как левеллеры, которые хотели, чтобы губернаторы были более подотчетными и чтобы правительство считалось со свободами независимого народа, и поэтому настаивали на передаче власти избираемым на местах мировым судьям и присяжным. Но такие «сельские» (country) идеологии были несовместимы с развитием мировой империи. Экспансия в Вест-Индии и вдоль Восточного побережья Северной Америки (от Каролины до залива Св.Лаврентия), значительные торговые связи с Южной Америкой, Западной Африкой, Индией и Индонезией, даже охрана жизненно важных торговых путей в Южном и Восточном Средиземноморье требовали значительной морской и военной силы. Этого можно было достичь только путем расширения компетенции государства в сфере налогообложения и ведения войны. После 1689 г. от Людовика XIV и изгнанного Якова II исходила двойная угроза восстановления католичества и абсолютизма, но в итоге она была преодолена посредством необходимых конституционных и политических преобразований, как будет показано в следующей главе. Век Стюартов оказался веком неразрешенных противоречий.

Интеллектуальная и религиозная жизнь

Если не для монархии, то по крайней мере для Церкви Англии XVII век стал периодом разочарований. Ко времени Славной революции 1688 г. интеллектуальный, моральный и духовный уровень власти оказался ниже, чем в 1603 г. В начале века англиканство заняло наступательную позицию. Результатом событий 1559 г. стало соглашение, призванное служить различным политическим нуждам; оно сочетало в себе протестантскую доктрину и

католическую практику. Рвение первых поколений пуритан отличалось большей силой, потому что, находясь в изгнании, в которое их отправила Мария, они оказались свидетелями эффективности реформ в Европе. Новое поколение 90-х годов XVI в. и первого десятилетия XVII столетия не знало другой Церкви и полюбило ритмы англиканского литургического года и каденции литургии Кранмера. Работы Джуэла, Хукера и Эндрюса представили Церковь Англии как самую лучшую из Церквей, отмеченную вниманием апостолов и имеющую давнюю историю, начиная с кельтской церкви, от которой она унаследовала больше, чем от раскольнической протестантской церкви, стала выше Римско-католической церкви, раздираемой внутренними противоречиями, и свергла власть римских епископов. Церковь Англии пользовалась репутацией не менее древней Церкви, чем Римская церковь, и она следовала предписаниям Христа с большей точностью. С такими притязаниями пуритане не могли легко смириться.

Стремление пуритан действовать в рамках Церкви все более возрастало. В своем отклике на вступление на престол Якова I они призвали к изменениям исключительно в рамках существующих правил. На конференции в Хэмптон-Корте в 1604 г., встрече епископов и пуритан, проходившей под председательством Якова, тема дискуссии всецело состояла в том, как сделать епископальную национальную церковь более соответствующей статусу евангелической. Пуритане хотели благочестивого государя, который, как император Константин 1200 лет назад, установит порядок в государстве, укрепит и защитит истинную религию. Им были нужны перемены. Даже те 5% населения, которые составляли неподчинившиеся католики, уступили интеллектуальному натиску, выразителем которого было англиканское духовенство. Самые горячие споры в первой четверти века касались обязанности католиков приносить клятву верности, а также отвергать папские притязания на то, чтобы контролировать их политическую лояльность. Аргументы англикан были сильнее, и католики, сохраняя верность своей вере, прекратили политическое сопротивление. «Пороховой заговор» был последним значительным папским заговором. Английское католичество, находившееся под контролем воинствующего дворянства, стало переходить под власть благоразумных пэров и дворян, мирно настроенных и активно шедших на политические уступки.

Протестанты отличались единством и даже согласованностью в действиях, что продолжалось вплоть до Долгого парламента. Пуритане привнесли в Церковь свои традиции, но число отделившихся по этому поводу от Церкви и объединившихся в отдельные группы было крайне невелико. Несколько сотен, может быть, тысяч человек предпочли переселиться в Новую Англию, чтобы не подчиняться той узкой интерпретации англиканской религиозной практики, как того требовал архиепископ Лод. Однако раскола не последовало.

В годы гражданской войны и «междуцарствия» происходил распад не только англиканства, но и английского пуританства. Изменилась структура Церкви Англии (упразднение сана епископа и церковных судов), отменили молитвенник и празднование Рождества и Пасхи, Соборы стали использовать как место для чтения проповедей или вовсе приспособили их под мирские нужды (в качестве бараков, тюрем, торговых рядов). Однако в тысячах приходов, несмотря на запреты, продолжали проводить службы и обряды по старым образцам. Но церковные лидеры не выдержали напряжения, Епископы бежали, прятались, хранили молчание. После их смерти их место никто не занял. К 1660 г. тем из них, кто остался жив, перевалило за семьдесят. Епископы Церкви Англии стали вымирающим видом.

Однако те, кто хотел вместо англиканства сделать ведущей кальвинистскую церковь, как это было в Массачусетсе, в Шотландии или в Женеве, потерпели неудачу. Пресвитерианской системе, разработанной Парламентом, не суждено было воплотиться в жизнь. Гражданская война породила великое множество сект и новых церквей. Баптизм, одна из немногих сильных подпольных церквей до 1640 г., получил широкое распространение через армию. Многие из новых группировок отрицали кальвинистские

представления об избранных, предопределенных к спасению. Они утверждали, что Божья милость доступна всем. Некоторые даже заявляли, что спасение получат все. Такие группы были наиболее распространены в Лондоне и в других больших городах. Самой большой сектой были квакеры, чей миссионерский евангелизм, проповедуемый в сельской местности, завоевал тысячи последователей в 50-х годах XVII в.: отвергая формализацию религии и показной авторитет «наемных священников» в их «домах с колокольнями», квакеры призывали людей искать искру Божью внутри себя, Святой Дух, нисходящий прямо к христианину, минуя Церковь и Священное Писание. Ненависть к формальным церемониям и десятине проявлялась в широкомасштабных акциях пассивного неповиновения. Один из их лидеров, Джеймс Нейлер, в 1656 г. был осужден вторым Парламентом протектората за богохульство. И хотя он избежал смертного приговора, его подвергли ряду жестоких телесных наказаний: члены Парламента не один час размышляли, какую часть тела ему отрезать.

После 1660 г. возврата к былому триумфу уже не было. Во время Реставрации Церковь могла бы вернуться к своим прежним формам существования, но для этого не было ни оснований, ни средств на восстановление общей целостности. Англиканская церковь занимала оборонительную позицию в сочетании с довольно агрессивной политикой. С прекращением деятельности Высокой комиссии и диоцезных судов она потеряла возможность наказывать отступников. Как общественный институт она утратила свое значение. В 1660 г. празднование Пасхи и возвращения Майского дерева носило скорее стихийный характер и состоялось только потому, что эти праздники были тесно связаны с народной культурой. Однако вполне можно было бы оставить эти случаи без внимания. Решение 1662 г. упростить церковную службу стало причиной ухода из Церкви двух тысяч представителей духовенства. Несмотря на попытки пресекать незаконные собрания, баптисты, квакеры и другие приверженцы радикальных взглядов продолжали свою деятельность. Более того, десятки тысяч диссентеров, придерживавшихся умеренных пуританских традиций, в 1662 г. пересмотрели свои взгляды насчет того, входить им в национальную Церковь (хотя им никто этого не предлагал) или сохранить верность чистому почитанию Бога. В 80-х годах XVI в. – первом десятилетии XVII в. они предпочитали «ожидать действий магистрата» и оставаться в рамках Церкви, пока не наступят лучшие времена. В период Реставрации диссентеры все больше склонялись к отделению. В начале XVII в. они закладывали «побольше благочестия в Вавилоне»; теперь же они отказались от такого приспособления и ушли в схизму. Акт о терпимости (Toleration Act), принятый в 1689г., стал официальным признанием религиозного плюрализма. Не имея возможности привлекать к ответственности тех, кто не являлся ее членом, а также привлекать людей в свое лоно, Англиканская церковь как духовная сила оказалась истощенной.

В начале и середине XVII в. большинство интеллектуалов и представителей власти считали, что благочестие, дисциплина и порядок вошли в жизнь английской нации по велению Божьему. Бог ведет Свой народ в землю обетованную, где царит мир и справедливость и где люди любили бы Его и преклонялись перед Ним, что является их обязанностью. Этот взгляд на лучшую жизнь, как ответ на Божий призыв, разделяли Яков и Карл I, Уэнтуорт и Лод, Пим и Кромвель. Все политические документы были проникнуты глубоким убеждением, что Бог творит человеческую историю и что Он виден во всех проявлениях человеческой жизни. Пьесы Шекспира, поэмы Донна, идеи Генри Паркера и молодого Джона Мильтона подтверждают эту точку зрения. Пьесы же Марло составляют исключение, которое подтверждает правило.

Во время «междуцарствия» подобных надежд не осталось. Удар, полученный в результате казни короля, лишил большинство роялистов веры в Божий промысел; еще более сильное ощущение предательства у радикалов (1660) объясняет их последующее политическое бездействие. Им было очень тяжело перенести боль от предательства после столь явного свидетельства Божественного благоволения. Пуритане и их последователи,

наоборот, всецело приняли идею Царства Божьего. Они принимали мир как скопление греха и несовершенства. Сквозь пелену слез каждый должен искать свой покой, основанный на собственном достоинстве. Признание ограниченности возможностей Церкви и государства определяло идеологию конца XVII в. Это видно в личности Карла II, чей желчный взгляд на мир сочетался с глубоким личным мистицизмом, в латитударианстве епископов и официального духовенства, а также в отказе диссентеров следовать нормам национальной Церкви. Некоторые продолжали верить во второе пришествие (сэр Исаак Ньютон наряду с открытием физических законов предсказал, когда это произойдет, опираясь на Апокалипсис), однако большинство придерживалось позиций реализма. Джон Мильтон героически выступал против Бога, который в 40-50-х годах XVII в. вел Свой народ только затем, чтобы предать его в 60-х. «Потерянный рай» рассказывал о Всемогущем Создателе, позволившем человеку оступиться, «Возвращенный рай» – об искушении Христа в пустыне, об ошибочном мирском взгляде на Евангелие. Возможно, республиканцев заманили на ложную тропу. Произведение «Самсон-борец» рассматривает проблему человека, одаренного Богом необыкновенной силой, но так и не сумевшего ею воспользоваться. Точно так же как Самсон увлекся Далилой и лишился своей силы, республиканцы в 50-х годах перевели свое внимание на поиски выгоды и упустили шанс, данный Богом. Но наиболее типичная пуританская работа эпохи Реставрации – это «Путь пилигрима» Беньяна, произведение, обращенное к проблеме поиска мира и спасения для каждого отдельного человека.

Христианство становилось деполитизированным и демистифицированным. Обычные англиканские трактаты конца XVII в. носили такие названия, как «Разумность христианства» и «Христианство без тайн». Если раньше на Бога смотрели как на самую основу природы и жизни, то теперь он стал творцом, запустившим механизм жизни, духом, действующим внутри человека и заставляющим его соблюдать нормы морали. Проповеди подчеркивали важность добрососедства и милосердия. Священники проповедовали, что религиозный долг заключается в том, чтобы жалеть стариков и животных. Идеи об изменении мира волновали их в меньшей степени. Представитель диссентеров Джон Локк, выступавший за религиозную терпимость, смотрел на Церковь как на свободное общество людей, собирающихся вместе для почитания Бога наиболее предпочтительным для них образом. Религия потеряла свое значение, стала чем-то вроде увлечения. Властям не нужно беспокоиться о том, что происходит на частных собраниях. Пуритане предыдущих поколений не могли и представить себе подобное.

Ослабление религиозных чувств, ломка мировоззрения, сказавшаяся на религии в целом, проявились в литературе и науке. Театр эпохи Реставрации отличается от театра эпохи короля Якова не только вульгарностью и тривиальностью, но и мирским характером. Метафизическая поэзия, которая коренилась в религиозном опыте восприятия природы, уступила место религиозной поэзии – либо рассудочной и холодно-рациональной, либо еще более бесплотной и потусторонней.

Обмирщение повлияло также на изобразительное искусство. Загородные резиденции Тюдоров и Стюартов подчеркивали патриархальные христианские ценности, так как они содержали помещения для слуг и общие столовые. Размещение людей за столом могло отражать их социальный статус, но при этом сохранялась свобода общения. К концу XVII в. были построены новые дома с интимными покоями и личными столовыми, в то время как слугам была отведена отдельная территория. Эти дома располагались в огромных парках, окруженных высокими стенами и охраняемых егерями.

В XVII столетии, как и в XVI в., строилось мало церквей. Пожалуй, большая часть новых церквей была построена в Лондоне после Великого пожара 1666 г. Существовал, однако, сильный контраст между яркостью и благочестивой выразительностью церквей и часовен эпохи ранних Стюартов, таких, как в Петерхаусе в Кембридже, и холодным, ясным, рационалистическим духом лондонских церквей Рена. Аллегорические изображения из цветного стекла и темная деревянная обшивка уступили место мрамору. Вместо

изображения усопших в лежачем положении стали устанавливать вертикальные статуи мужчин и женщин, погруженных в раздумья о своем моральном долге.

В изобразительном искусстве на смену контрреформационному стилю Испании, Испанской Италии и Испанских Нидерландов, пышности, соединявшей реальный и сверхъестественный миры, пришло влияние Людовика XIV Французского, наслаждающегося своей расточительностью и потакающего собственным слабостям. В начале XVII в. художники, музыканты и поэты объединились для создания театра масок, который мог бы свести воедино достижения цивилизации и христианские ценности, зрителей, вовлеченных в действие, фантазию и реальность. Театр масок Иниго Джонса и Бена Джонсона произвел такое впечатление на Карла I, что он поверил, будто его подданные скоро проникнутся благочестием и добродетелью и он сможет так же легко добиться порядка и единства в государстве, как и на сцене. Иного рода иллюзия околдовывала в условностях оперы, сходной формы искусства в конце XVII в. Если писатели в начале правления Стюартов обращались к героико-трагической тематике, то писатели конца их правления перешли на привычное нравоучение романа и сатирический эпос Драйдена и позднее Поупа.

Наука эпохи Реставрации также была светской. В 40-50-х годах XVII в. ученые стремились к так называемому «великому восстановлению». Опираясь на идеи Фрэнсиса Бэкона и следуя мысли таких «социальных инженеров-визионеров», как Сэмюэль Хартлиб и изгнанник из Чехии Ян Амос Коменский, пуританские политики ставили перед собой цель продолжить развитие науки и построить Прекрасный новый мир. Человек должен покорить природу. С помощью достижений медицины нужно победить болезни, а развитие сельского хозяйства могло бы покончить с голодом и нуждой. Реформирование системы правосудия и образования способно дать людям возможность спокойно жить при новом порядке. Однако в протестантской эсхатологии была и другая сторона, и в 1660 г. научный Сион, подобно другим Сионам, исчез. Конец XVII столетия в Королевском обществе ознаменовался не планами, а постепенными пополнениями знаний и совершенствованием науки. Принципы точного наблюдения, измерения и индуктивного рассуждения, предложенные Фрэнсисом Бэконом и доработанные французом Рене Декартом, позволили значительно продвинуться в изучении растительного и животного мира. Открытие Гарвеем циркуляции крови, как раз перед гражданской войной, положило начало более глубокому изучению анатомии и физиологии во второй половине века. Произведение Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687) стало основой понимания физических законов на протяжении двух веков, а работы Роберта Бойля по химии и Роберта Гука по геологии дали основу для возникновения новых дисциплин путем проведения опытов и наблюдений. Развитие естественных наук нанесло серьезный удар по старым тайнам. Исследование движения небесных тел разрушило в интеллектуальных кругах веру в астрологию. Вообще, открытие естественных законов на удивление быстро принесло с собой уверенность в том, что всё имеет естественное объяснение. Царство магии, ведьм и колдовства потеряло свою силу с появлением образованных людей. В 40-х годах XVII в. преследование ведьм почти прекратилось. Это произошло не потому, что люди перестали верить в проклятия и колдовство, а потому, что они не могли представить убедительные аргументы скептически настроенным судьям и присяжным заседателям. Однако наука и техника развивались не во всех направлениях. Экономика все еще находилась в зависимости от физических сил человека и используемых в хозяйстве животных. Еще ничего не было сделано для использования пара, не говоря уже о газе и электричестве как об источниках энергии. Добыча минералов и плавление руды натолкнулись на очередные технологические препятствия. Менялись научные взгляды, но экономика оставалась прежней.

Политическая мысль также принимала мирской характер. Томас Гоббс лишил суверенитет его моральной основы. В «Левиафане» (1651) он заменил идею законности как оправдание политической власти идей концентрации власти де-факто, которая

предоставляла защиту подчинявшимся ей субъектам. Макиавелли все так же считался одиозной личностью, но некоторые его идеи звучали все более убедительно и использовались в споре с Робертом Филмером и другими поборниками Стюартов и идеи Богом данного права властвовать.

Таким образом, Английская революция стала поворотным моментом в истории страны. Возможно, она не дала желаемых результатов соперничающим партиям и сделала еще меньше для изменения социальных и политических институтов. Однако она затронула духовные ценности, по крайней мере политической элиты. Век, начало которого прошло под влиянием христианского гуманизма, рыцарства, почтения к древностям, сменился веком прагматизма и индивидуализма. В своем втором «Трактате о государственном правлении» (1690) Джон Локк писал, что «все люди находятся в состоянии абсолютной свободы и могут управлять своими действиями, распоряжаться своими вещами и другими людьми так, как они сочтут нужным, не спрашивая позволения, будучи независимыми от воли другого человека». Идеи, которые хотел донести Локк, можно было воплотить в жизнь, только развенчав прежние идеалы; но их реализация стала возможной лишь в последующие десятилетия.

Восемнадцатый век (1688-1789)
Пол Лэнгфорд

Революция и ее последствия

Историческое значение революции 1688 г. – «Славной революции» в глазах последующих поколений в ходе постоянных переоценок все более изменялось. В XX в. ее важность стала особенно явственно недооцениваться, грозя полностью сойти на нет в глазах современных историков. То, что считалось решающей победой духа либерализма и демократии, высоко чтимой Маколеем и вигами Викторианской эпохи, стало восприниматься всего лишь как консервативная реакция эгоистичной олигархии. В сравнении с революциями нашего времени она выглядит скорее дворцовым переворотом, чем подлинной сменой общественного или политического строя. Возможно, данное впечатление особенно усиливается вследствие того, что в то время считалось одной из самых положительных особенностей этой революции, – практически полного отсутствия физического насилия. В то же время именно этот ее аспект может сильно преувеличиваться. В Шотландии сторонников низложенного короля необходимо было подавить с помощью оружия, что и произошло в 1689 г. В Ирландии все закончилось кровавым побоищем, которое до сих пор занимает важное место в мифах и памяти ирландцев. Конечно, когда с Лондондерри была снята осада и Яков II потерпел решительное поражение в битве у реки Бойн, протестанты Ольстера рассматривали свое спасение как «славное», но вряд ли они считали его бескровным.

То же самое могло произойти и в Англии. Бывший роялист Николас Л'Эстранж свидетельствует, что только случай, смятение в стане друзей Якова II и прежде всего неожиданное поражение короля, не сумевшего поднять штандарт в собственном королевстве, предотвратили гражданскую войну, сравнимую по жестокости с той, что была в середине века. Но, возможно, именно облегчение, которое испытывал Л'Эстранж оттого, что его семья оказалась избавлена от дальнейших жертв во имя Стюартов, дает ключ к пониманию той сравнительной умеренности, с которой с тех пор в Англии стала ассоциироваться революция. Чувство необходимости компромисса, необходимости отступить на шаг от края сохраняло свое значение на протяжении веков, прошедших со времени дебатов в ассамблее, собравшейся в Лондоне в январе 1689 г. Конвент – собрание депутатов обеих палат, – который объявил себя Парламентом, просто приняв соответствующий акт, проявил понятное желание сделать легитимным то, что было явно нелегитимным, следуя, насколько это было возможно, процедурным формам, установленным со времен Реставрации 1660 г. По существу, приоритетом стали скорее поиски основы для согласия, чем опробование того или иного крайнего решения, предлагаемого и той и другой стороной. Вильгельм Оранский был провозглашен королем, а Мария – королевой. Тори во главе с Дэнби предпочли бы либо Марию в качестве единственной королевы, либо ту или иную форму регентства, правления от имени Якова II. Но спаситель дела протестантизма был согласен только на корону, и он ее получил. Тем не менее были предприняты все усилия, для того чтобы скрыть революционный характер происшедшего. Несмотря на то что объявленные незаконными действия Якова II – особенно такие, как попытка опереться на регулярную армию и практика обхождения и приостановки законов, – были формально осуждены, в Билле о правах дело представлено так, будто свергнутый король отрекся, не оставив покинутому королевству иного выбора, кроме как искать защиты у дома Оранских. Несмотря на явную неправдоподобность, это помогло сохранить согласие в рядах большинства представителей правящего класса. Разумеется, имелись исключения. Ряд священнослужителей во главе с Сенкрофтом, архиепископом Кентерберийским, а также двумя из семи епископов, судебный процесс над которыми способствовал подрыву позиций Якова II, отказались принимать даже ту с осторожностью составленную присягу, которую разработал Конвент. Другие, например

тори Ноттингема, испытанные защитники Двора во времена реакции 1681-1687 гг., выступили против концепции законности короля, обязанного своим титулом де-факто решению Парламента, а не де-юре закрепленного божественной волей.

Как бы то ни было, существенная поддержка создания парламентской монархии была получена. Важность этого факта заслоняют не только сознательные попытки избежать излишнего догматизма в 1689 г., но и последовавшая долгая агония старых порядков. Идеи пассивного послушания монарху и непротивления его воле продолжали сохранять влияние; обоснованием им служили хитроумные аргументы, подчеркивавшие провиденциальную природу «Протестантского ветра» 1688 г.*, а также указывавшие, что долгом каждого гражданина является сотрудничество с любой властью, а не капитуляция перед анархией. На протяжении жизни целого поколения эти представления продолжали оказывать влияние на сознание людей, даруя чувство законности гневу и отчаянию тех, кто видел необходимость происшедших событий, но затруднялся примириться со всеми их последствиями. Более того, такие представления проникли в англиканскую ортодоксальность, характерную для сознания людей XVIII в., и помогли сохранить глубинный авторитаризм, который оставался важным элементом политической идеологии в эпоху Американской и Французской революций. Однако, несмотря на все эти оговорки, кардинальный поворот, совершенный в 1688 г., должен рассматриваться как по-настоящему революционный. Билль о правах недвусмысленно отверг право наследования, которое лежало в основе восстановленной системы правления 1660 г., и заменил его волей нации, выраженной через Парламент. Сначала Вильгельм и Мария, затем сестра Марии Анна, а после смерти в 1700 г. сына последней, герцога Глостерского, курфюрсты Ганновера (ведущие происхождение от Якова I по женской линии) – все они были обязаны своим титулом решению имущих классов. В то время когда абсолютизм, как в теории, так и на практике, был на подъеме в западном мире, важность этой трансформации нельзя недооценивать. Виги XVIII-XIX вв. преувеличивали внутреннюю согласованность и полноту теории общественного договора, которая, как считалось, испытала триумф в 1689 г., и недооценивали столкновения, противоречия и конфликты, которые она вызвала. Но они были правы в главном, рассматривая происшедшее как исторический поворот, определивший решительный отказ от целой концепции управления.

Революционеров 1688 г. в первую очередь заботило определение статуса монархии. Сомнительно, однако, что большинство из них могло предвидеть, как их действия скажутся на отношениях Англии с другими державами. Но как раз в этом отношении важность происшедшей революции никем не отрицается и является бесспорной. До 1688 г. политика сменявших друг друга правителей страны: Кромвеля, Карла II и Якова II – была в большой степени профранцузской и антиголландской. После 1688 г. Франция стала более или менее постоянным противником Англии и, несомненно, ее постоянным соперником в борьбе за превосходство в заморских землях. Новым стал и масштаб конфликтов. Во время Девятилетней войны (1688-1697) и Войны за испанское наследство (1702-1713) Британия вела боевые действия как на континенте, так и в колониях, чего не было со времен борьбы елизаветинской Англии с Испанией, а с тех пор стратегия и техническое обеспечение ведения войны сильно усложнились. Интересы части англичан во многом были задеты этими неожиданными, даже непредсказуемыми последствиями революции. В сфере большой стратегии основной задачей страны стало противодействие экспансионистской политике Людовика XIV в Нидерландах, а также предотвращение создания новой мощной империи во главе с Бурбонами, которая объединила бы испанскую и французскую монархии. Можно сказать, что интересы коммерции, которые прежде требовали защиты от голландского экономического проникновения, теперь стали определять необходимость

* Выражение впервые было использовано применительно к шторму, разметавшему Непобедимую армаду во время войны с Испанией в XVI в., а также был назван попутный ветер, который помог Вильгельму Оранскому достичь Англии и успешно высадиться.

агрессивного отпора более грозным конкурентам в лице французов, особенно в борьбе за утверждение прав Британии на участие в торговле с Испанской империей, а то и на часть территории последней. Эти аргументы были положены вигами в основу интервенционистской внешней политики, особенно ярко проявившейся в континентальных кампаниях Вильгельма III и Мальборо. Но эти соображения вряд ли заставили бы многих англичан одобрить гигантские расходы средств и ресурсов, если бы они не затрагивали и династическую проблему. Девятилетняя война неслучайно была названа Войной за английское наследство. Вряд ли Вильгельм высадился бы в английском Торбее в 1688 г., если бы не был уверен, что союз с Англией против Франции логически последует за его собственным вмешательством в английские дела. Однако дипломатическая и военная помощь его новых подданных стала куда более безусловной благодаря опрометчивой поддержке, которую Людовик XIV оказал Якову II. Французское содействие якобитам прекратилось после заключения нелегкого мира в 1697 г. Но четыре года спустя, когда на кону стояло испанское наследство и Европа вновь оказалась на грани войны, именно поддержка Людовиком Стюартов, на этот раз в лице сына Якова – «Старого претендента», снова убедила многих колеблющихся англичан в необходимости вмешательства в конфликт на континенте.

Полный успех английского оружия был одной из самых поразительных особенностей этих войн, особенно ярко он проявился в кампаниях под руководством Мальборо в ходе Войны за испанское наследство. Дело не только в том, что сохранение наследия протестантизма было надежно обеспечено, по крайней мере на тот период. Более удивительной являлась та репутация, которую завоевала страна совсем недавно рассматривавшаяся чуть ли не как содержанка Франции. Триумфы Мальборо при Бленхейме и Рамийи, а также победы Рука в Гибралтаре и Стэнхоупа на Менорке сделали Британию большой силой в континентальной политике, важной державой в Средиземноморье и достойным конкурентом Франции в борьбе за колонии. На заключительном этапе войны, когда военные успехи выглядели не столь впечатляющими в сравнении с ростом государственных расходов, от амбициозных устремлений периода ослепительных побед при Бленхейме пришлось отказаться. Однако, когда в 1713 г. был заключен Утрехтский мир, страна получила достаточно выгод, чтобы закрепить достигнутые успехи, которые позволили французским историкам дипломатии говорить об установлении «английской гегемонии» в Европе.

Не менее важным было влияние войн на внутреннее положение в стране. Военные затраты достигли 150 млн фунтов стерлингов, при том что тогда расходы в мирное время составляли около 2 млн фунтов стерлингов в год. Гигантские расходы требовали соответствующего повышения уровня налогов, что имело широкие политические последствия. В ретроспективе особенно интересным выглядит тот факт, что большая доля расходов, примерно треть, была покрыта за счет заимствований. Суммы такого порядка могли быть получены только при наличии оживленного и гибкого денежного рынка, такого, который сформировался в экономических условиях конца XVII в. Несмотря на то что спад в сельском хозяйстве сильно повлиял на стоимость земли, в 80-х годах XVII в. торговля находилась на подъеме и высвобожденные доходы от вложений питали экономику на протяжении многих лет. Послереволюционное правительство, остро нуждавшееся в наличных средствах и готовившееся занять в долг доходы еще не рожденных поколений налогоплательщиков путем разрешения соревновательной процентной ставки, предложило многообещающие возможности для вложения средств. Финансисты, чья инициатива в конечном итоге привела к созданию в 1694 г. Английского банка, в принципе не изобрели ничего нового. Когда начинаются войны, правительства вынуждены полагаться на займы у предпринимателей. В данном случае новшеством являлась политическая инфраструктура, создание которой обусловливалось очень большими объемами заимствований в тот период. Кредитоспособность нового режима, фактически созданного на парламентском правооснованиии, была бы незначительной без ясного понимания того, что имущие классы в

конечном итоге готовы покрыть расходы. А такое понимание проистекало из ясного осознания со стороны режима, что он должен тесно сотрудничать с этими классами и их представителями. Государственный долг и все, что ему сопутствует, сформировались на основе этой важнейшей связи общих интересов, соединяющей нелегитимную династию, финансистов и налогоплательщиков.

Бремя долга росло от войны к войне, десятилетие за десятилетием. Сменяющим друг друга правительствам становилось все труднее избегать заимствований, и основной функцией увеличивающихся налогов часто являлась просто выплата процентов по долгу. Преимущества такой системы, если не проводить слишком близкие аналогии с современной Европой, очевидны. Политическая стабильность режима, который в противном случае был бы довольно шатким, значительно усилилась. Кроме того, в условиях военного времени средства, поступающие в распоряжении государства, значительно выросли благодаря этому механизму направления частного богатства на общественные расходы. Однако в то время больше внимания обращали на недостатки этой системы. Надежда на то, что государственный долг может быть выплачен и государство избавится от угрозы банкротства, становилась все более призрачной. Обеспокоенность общества, традиционно настроенного неприязненно в отношении налогов в целом и новых форм налогообложения в частности, делала задачу казначейства и Комитета путей и средств (бюджетная комиссия Палаты общин) все более трудной. Однако уже в то время трезво осознавалось по крайней мере одно из поистине бесценных политических преимуществ новой системы. Данное преимущество заключалось в том влиянии, которое имел Парламент, в особенности Палата общин. От его участия зависело очень многое в этом сложном процессе, и Парламент ревниво оберегал свои права в финансовой сфере. Земельный налог – основная гарантия привлечения налогоплательщиков к формированию государственного долга – был не без трудностей утвержден Парламентом сроком на один год. Даже таможенные и акцизные пошлины, устанавливаемые на более долгий период, пролонгировались и обновлялись только после продолжительнейших дебатов и торгов. Понятие «бюджет» – изобретение середины века; тогда, в период первого лорда казначейства Генри Пелэма (1743-1754), этот термин был использован впервые. Однако важнейшие элементы бюджетной системы можно найти уже во время революции, и именно данный аспект событий 1689 г. надежнее, чем что-либо другое, гарантировал центральное место Парламента в конституционном развитии страны. В XVII в. законодательную власть еще можно было рассматривать как несколько абсурдный и, несомненно, раздражающий пережиток средневекового прошлого Англии, иррациональную помеху для эффективной монархической власти, без которой в общем-то вполне возможно обойтись. Теперь же ее будущее было обеспечено; с 1689 г. Парламент каждый год собирался на значительный период времени. В этом смысле революция дала новую жизнь старой проблеме: политики XVIII в. не думали о том, как отделаться от необходимости созывать Парламент или как вовсе избавиться от него, они скорее искали способы манипулирования им. Искусство манипуляции дает ключ к образу действий политиков георгианской эпохи.

В конце XVII в. было невозможно участвовать в политической революции и не задумываться о перспективах или призраках (в зависимости от точки зрения) религиозной революции. В этом отношении значение революции 1688 г. не только в том, что она принесла, но и в том, что ей не удалось сделать. Многие ее современники надеялись на радикальный пересмотр итогов церковного урегулирования 60-х годов. Ходили разговоры о создании по-настоящему всеохватывающей национальной церкви. Для некоторых диссентеров, особенно пресвитериан, шансы на примирение с правящими кругами казались наиболее вероятными со времен конференции во дворце Хэмптон-корт в 1604 г. Однако, как оказалось, их надеждам не суждено было сбыться. Как и в 1662 г., землевладельцы-джентри, поддерживавшие англиканство, не могли допустить ослабления иерархической и епископальной структуры Англиканской церкви. В условиях того времени уже было бы неправильно говорить о наступлении реакции в духе проповедей Уильяма Лода или других

сторонников Высокой церкви. Но признаки настоящего сближения с диссентерами довольно быстро сошли на нет. Вместо этого им предложили наименьшую из возможных в тех условиях уступок, а именно с неохотой дарованную веротерпимость. Акт о терпимости (Toleration Act, 1689) давал протестантам-нонконформистам свободу вероисповедания в местах, разрешенных англиканскими епископами, при условии что они разделяют основные доктрины, изложенные в Тридцати Девяти статьях и санкционированные Актом о единообразии. По сравнению с предложениями, сделанными диссентерам всех направлений Яковом II, такие уступки казались незначительными.

Именно по этим причинам значение Акта о терпимости обычно умаляется. Жестко ограниченные свободы для тех, чьи верования также были весьма твердыми, выглядели недостаточной наградой людям, отвергшим соблазны, предлагаемые Декларацией индульгенции 1672 г., и приветствовавшим Вильгельма Оранского. Но подобные суждения сильно зависят от выбранной точки зрения. Диссентерам, которых энергично преследовали с начала 80-х годов XVII в., Акт о терпимости давал невиданную до тех пор официальную защиту. С точки зрения ревностных христиан, сохранение сути послереставрационного устройства было не менее важным. Молитвенник 1662 г. продолжал оставаться основой богослужебной практики Англиканской церкви вплоть до XX в.; однако в 1689 г. казалось, что он является шаткой платформой для вероучения, без упрочения которого господствующая форма протестантизма могла исчезнуть. Исключительное положение Англиканской церкви парадоксальным образом оказало сильное влияние на сложившуюся в XVIII в. репутацию Англии как «цивилизованного общества в варварском окружении». Национальная церковь, охватывающая большинство населения, за исключением небольшого числа сектантов и католиков, создавала бы совсем другое положение вещей по сравнению с ограниченным религиозным учреждением, сосуществующим с большим количеством инаковерующих. Возможно, именно данное отличие казалось признаком терпимого, плюралистического общества. Признание свободы вероисповедания на законодательном уровне далеко превзошло все достигнутое к тому времени в данном отношении большей частью Европы, и Вольтер указывал на него как на важнейший элемент развития свободного общества. Но ведь и это было во многом одним из следствий революции.

Достижения тех лет имели свою цену, выражавшуюся в социальной напряженности и политических конфликтах, которыми отмечен этот «золотой век». Кризис религиозных установлений, несомненно, представлял собой наиболее яркий признак такой напряженности. Громко звучал призыв: «Церковь в опасности». Хотя ретроспективно можно сомневаться, была ли эта опасность реальной. Веротерпимость; конечно же, нанесла сильный удар тем, кто мечтал возродить Церковь времен архиепископа Лода. Однако развитие веротерпимой теологии и соответствующих настроений в обществе привело к тому, что большинству она казалась достаточно безвредной. Более того, политическая монополия, закрепленная за англиканами актами о присяге и о корпорациях, после революции осталась в неприкосновенности. Однако и здесь имелась своя особенность. Дело в том, что диссентеры могли бросать вызов этой монополии и обходить ее. Готовность многих религиозных диссидентов эпизодически подчиняться догматам официальной церкви, ежегодно причащаясь по англиканскому обряду для подтверждения своего статуса, а в остальное время отправлять культ в собственных молитвенных зданиях служила постоянным источником раздражения для их противников. Не совсем ясно, насколько распространенной была практика непостоянного следования догматам Англиканской церкви, Однако несомненно, что, церкви диссентеров были признаны публично, и теперь двойные стандарты, ясно осознаваемые теми, кто их посещал, стали очевидными для всех. Кроме того, общий климат 1690-х и 1700-х годов провоцировал тревогу и даже истерию у части церковных служителей.

Теологические спекуляции и деистические тенденции много обсуждались, и они вызывали сильные опасения. Книга Джона Толанда «Христианство без тайн», одна из

самых ранних и самых последовательных попыток популяризации «естественной религии» в противовес «религии откровения», вызвала в 1697 г. вихрь полемических споров. В сложившейся ситуации не сильно помогало и то, что многие из наихудших возмутителей спокойствия сами были пастырями официальной церкви. Сэмюэл Кларк, виг-скептик, чьи нападки на догмат о Троице вызвали на его голову ярость собора духовенства в 1712 г., а также БенджаминН Хоудли, возглавлявший одно за другим три епископства, но отрицавший божественную природу как своей службы, так и самой Церкви, являли собой только наиболее яркие примеры еретического духа, которым был отмечен прогресс раннего Просвещения в Англии.

Реакция Высокой церкви на эти тенденции достигла апогея в годы правления Анны, когда присутствие на троне набожной и консервативной в теологических вопросах королевы придало ей дополнительный импульс. Но силу этой реакции определяли скорее другие факторы, в основном связанные с политикой партий. Тори, которые часто называли себя «партией Церкви», сделали основную ставку на апелляцию к чувствам, вызванным церковным кризисом. Они получали широкую эмоциональную поддержку со стороны сквайров-англикан из захолустья, которым порядок, установившийся в результате революции, не принес ничего, кроме вреда. Войны того периода сделали необходимым введение самых высоких прямых налогов начиная с 50-х годов XVII в. Земельный налог в 4 шиллинга с фунта стерлингов лег тяжким бременем на поместья, уже затронутые последствиями депрессии в сельском хозяйстве. Более того, складывалось впечатление, что война, требующая таких жертв, ведется исключительно в интересах противников джентри – купцов, промышленников и прежде всего «денежных людей», проявлявших наибольшую активность в деле развития коммерческой и финансовой сферы Англии периода поздних Стюартов. Казалось, что эти люди, зачастую бывшие религиозными диссентерами, не платят никаких налогов, кроме косвенных, и неизменно поддерживают политику вигов. Стоит заметить, что подчас лишь с трудом можно было усмотреть связь между новой и старой партийными системами. Новые тори периода правления Анны часто происходили из семей пуритан или вигов, как и лидер партии – Роберт Харли.·С другой стороны, «хунта вигов», чья безудержная погоня за местами и властью создала ей незавидную репутацию партии, ставящей собственные интересы выше принципов, очень мало походила на преемницу «сельских вигов» образца 1679 г. В чем, однако, нет сомнения, так это в глубине партийного чувства, которым было отмечено начало XVIII в. Возможно, своего апогея оно достигло в 1710 г., когда виги обвинили богослова доктора Сэчеверела, выступавшего на стороне тори, в проповеди старой доктрины непротивления. Волнения в обществе, которые за этим последовали, обнаружили тот потенциал политической нестабильности, который создала революция. Трехгодичный акт 1694 г. первоначально был предназначен для того, чтобы заставить Корону регулярно собирать Парламент, но для этой цели он в конечном счете не пригодился. Однако, кроме того, он гарантировал проведение частых выборов, что в итоге привело к интенсивному и бесконечному избирательному конфликту: в течение двадцати лет состоялось десять всеобщих выборов, и это намного превзошло все, что было ранее.

Эффективная отмена государственной цензуры после того, как Акт о лицензировании в 1695 г. утратил силу, сделала возможным появление широкого и развивающегося форума для проведения общественных дебатов. Отнюдь не случайно именно те годы стали решающими для формирования атмосферы Граб-стрит (улица в Лондоне, имеющая репутацию литературного и журналистского центра), появления периодической печати и роста по- настоящему широкой политической аудитории. В целом время правления Анны рассматривается историками как фон для установления политической стабильности. Однако современники скорее считали, что ценой ограниченной монархии и финансовой безопасности стал политический хаос.

Возвышение «робинократии»

Передача власти по наследству Ганноверской династии в 1714 г. добавило и без того неспокойной ситуации новое напряжение. Пока была жива Анна, ее можно было, с позиций если не логики, то чувств, рассматривать как истинную представительницу Стюартов, занимавшую трон каком-то смысле от имени династии. Но с прибытием немецкоговорящего курфюрста Ганноверского, всей душой преданного политике вмешательства в зарубежные дела и поддерживающего вигов, стало трудно сохранять такие иллюзии. В 1714 г. проигравшая династия, казалось, могла вернуть все. Многие убеждали Претендента подумать о том, что Лондон стоит мессы; возвратись Яков III в лоно Англиканской церкви, шансы на вторую реставрацию Стюартов значительно усилились бы. Без этой личной жертвы якобитское восстание 1715 г. было обречено выглядеть неудавшейся пародией. Франция после смерти Людовика XIV, случившейся в том же году, была не в состоянии вмешиваться в английские дела. Даже в Шотландии, где находились база и душа восстания, шансы Стюартов не выглядели слишком многообещающими. Уния Англии и Шотландии, заключенная в 1707 г. в атмосфере изрядной спешки, помогла снизить остроту проблемы наследования. Многие шотландцы оплакивали упразднение национального Парламента и потерю независимости. Однако союз был дальновидно создан таким образом, чтобы сохранить шотландские юридические и церковные институты, одновременно предлагая шотландцам реальные коммерческие выгоды от включения в английскую имперскую систему. Учитывая эти обстоятельства, поражение восстания 1715 г. во всех отношениях было предрешено.

Если «Старый претендент» упустил свой шанс, то в некотором смысле то же самое можно сказать и о его более удачном сопернике – Георге I. В конце правления Анны непопулярность войны, предвыборные призывы в духе «Церковь в опасности» и не в последнюю очередь раздражение самой королевы по отношению к «хунте вигов» значительно упрочили позиции тори. Для большинства из них интересы государственной церкви имели первенство по отношению к династии Стюартов. Благоразумная политика равного отношения к обеим партиям, в духе тактики Вильгельма III в 1689 г., могла бы сделать передачу власти в 1714 г. куда более спокойной. Вместо этого Георг I слишком явно демонстрировал свою готовность всецело подчинить интересы Ганноверской династии интересам вигов. 1714-1721 годы знаменуются кампанией по установлению господства вигов, что в итоге оттолкнуло тори, сделало опасность якобитского восстания более серьезной, чем она могла бы быть, а также в целом несло угрозу пересмотра итогов революции. Вначале был принят Семилетний акт (Акт о семилетнем Парламенте), гарантирующий новому правительству вигов, что оно не встретится лицом к лицу с избирателями, до тех пор пока основная часть его работы не будет завершена. Ходили слухи, что по завершении действия этого акта виги отменят все установленные законом ограничения сроков полномочий Парламента, сделав возможным возрождение Долгого парламента или Парламента «на содержании». В это же время, защищаемые тори во времена правления Анны акты о несогласии, о непостоянном следовании догмам и о схизме вначале были приостановлены, а в 1718 г. вовсе отменены. Был разработан Билль об университетах для обеспечения полного контроля Короны над корпорациями и объединениями Оксфорда и Кембриджа с целью превращения этих главных питомников для будущих церковных и профессиональных деятелей в монопольное владение вигов. И наконец, Билль о пэрстве 1719 г. имел целью ограничить количество членов Палаты лордов приблизительно на существующем уровне. Такая мера гарантировала постоянное преобладание вигов в верхней палате вне зависимости от перемены отношения к ним монарха, обеспечивая автоматический контроль над законами, касающимися их интересов. В ходе реализации этой программы проводились систематические чистки: тори изгоняли с должностей лордов-лейтенантов и из коллегий мировых судей в графствах, из вооруженных сил и с гражданской службы на всех уровнях.

Абсолютный успех столь масштабной кампании мог привести к созданию системы,

аналогичной той, что сложилась тогда в Швеции и обрекла эту страну на полвека национального прозябания и грызни аристократических группировок. Он мог создать олигархию, такую же неограниченную, как и абсолютная монархия, которой страшились англичане XVII в. Кроме того, он мог сделать фактически невозможным одно из самых отличительных достижений XVIII в., а именно стабильную, но в то же время гибкую политическую структуру. Но этот успех не был достигнут, во многом вследствие разногласий в стане самих вигов. Их планы осуществлялись сравнительно гладко, пока крупнейшие кланы вигов объединяло стремление сокрушить своих оппонентов в первые годы правления Георга I. Но такой союз оказался недолговечным. Внешняя политика нового короля, без стеснения использовавшего военно-морскую мощь Англии для обеспечения интересов Ганновера на Балтийском море, вызвала сильную напряженность в обществе. Кроме того, среди министров шла все усиливающаяся борьба за влияние. Все это привело к тому, что в 1717 г. виги раскололись, при этом Уолпол и Тауншенд оказались в рядах оппозиции, а Стэнхоуп и Сандерленд стали чувствовать себя при Дворе уютнее, чем когда-либо. Придворная политика также подверглась воздействию кризиса. Сын короля, будущий Георг II, и его жена, принцесса Каролина, ясно выказывали намерение встать на сторону Тауншенда, положив тем самым начало долгой традиции политических интриг наследников трона Ганноверской династии. В этой ситуации оставалось мало надежд на успешное претворение в жизнь грандиозных планов Стэнхоупа по достижению абсолютного господства вигов. В Палате общин именно Уолпол сыграл ведущую роль в провале проекта Билля о пэрстве и в отказе от Билля об университетах. Афера Компании Южных морей разрушила все надежды членов кабинета на сохранение хотя бы небольшой части их прежних достижений.

В ретроспективе афера Компании Южных морей и вызванный ею общий финансовый крах видятся в определенной степени неизбежными. Как представляется, афера стала закономерным итогом того напряженного и взвинченного меркантилизма, который сопровождал торжество духа «денежного интереса» в предшествующие годы. Однако вначале, казалось, было много аргументов в пользу схемы, вызвавшей затем такие потрясения. Вложения в финансовые операции, осуществляемые Английским банком в ходе войн, приносили более чем выгодный доход, и стало очевидным, что среди национальных кредиторов достаточно места для развития конкуренции. Именно министры-тори времен правления Анны содействовали созданию в 1711 г. Компании Южных морей в расчете на появление достойного соперника Английскому банку, имевшему репутацию «банка вигов». Кроме того, мало кто сомневался, что имеющиеся капиталы, не только Сити, но и более мелких держателей, должны более широко и более справедливо участвовать в долговых операциях. Финансовая схема, предложенная Компанией Южных морей в 1719 г., казалась хорошо выверенной для распределения государственного долга, одновременно обещая хорошие условия министерству финансов. Трудности начались не от логических изъянов самой схемы, а оттого, что в нее были вовлечены многочисленные и различные интересы. Директорам компании, особенно той группе, которая начала реализацию проекта, пришлось добиваться более значительной прибыли не только для себя, но и для большого количества придворных, министров и членов Парламента, чья политическая поддержка была важна для обеспечения принятия их предложений. Эту поддержку купили дорогой ценой, если говорить о деньгах, затраченных на создание выгодных условий для тех или иных лиц либо даже на открытые взятки.

Одним словом, множество людей, участвовавших в реализации данной схемы, имели большую заинтересованность в получении быстрой прибыли, что можно было сделать, только взвинчивая цену акций компании выше границ ее реальных инвестиционных возможностей. Такая практика очень сильно зависела от привлекательности торговых операций компании в Южных морях. Англо-испанский договор 1713 г. дал компании монополию на работорговлю и право на освоение значительной доли рынка для европейских товаров в испанских колониях в Америке. В теории перспективы выглядели

многообещающими. На практике же трудности управления торговыми операциями на таком далеком расстоянии из Лондона оказались огромными, и частые конфликты между британским и испанским правительствами отнюдь не способствовали их разрешению. Торговля не могла быстро принести прибыль, и даже при наличии достаточного времени ее размер вряд ли совпал бы с безмерными ожиданиями людей в 1719 г. Но действительное положение вещей было забыто в ходе спекуляционной мании, охватившей многих в первые месяцы 1720 г. Капитализация росла, и новых игроков постоянно побуждали вкладывать средства, позволяя тем из них, кто ранее приобрел доли компании, продавать их с изрядной выгодой. Постоянный приток капитала оправдывал и новые выпуски акций, и увеличивающийся шум по поводу надежности вложений, не говоря уже о все более щедрых вознаграждениях для политиков.

В этой ситуации, сложившейся благодаря продажному режиму, легкомысленности вкладчиков и солидному государственному долгу, случилось то, что должно было произойти. Мыльный пузырь уверенно рос, поощряя новые аферы, основанные на еще более невероятных проектах. Когда доверие было потеряно и пузырь лопнул, последствия оказались катастрофическими, особенно для тех, кто продал значительную часть имущества в виде земли или других объектов собственности, для того чтобы приобрести доли компании по абсурдно высоким ценам. Мало что могло помочь таким пострадавшим, круг которых никоим образом не ограничивался только имущими классами. Парламент поспешил принять закон, жестко ограничивающий деятельность акционерных компаний в будущем, но эта мера напоминала запирание двери конюшни после того, как из нее выбежала лошадь. Для снижения ущерба режиму нужно было предпринять более решительные действия. Король и принц Уэльский публично примирились. Вигов из оппозиции призвали к власти, при этом Тауншенд начал добиваться расположения любовницы короля – герцогини Кендал, а Уолпол – проталкивать через Палату общин решение, призванное по крайней мере защитить государственный долг и спасти лицо Двора.

В выполнении этих задач, создавших Уолполу прочную репутацию «укрывателя» коррупции и обмана в высших сферах, ему помогла в некотором смысле сама серьезность ситуации. Многие тори, вовлеченные в темные спекуляции 1720 г., проявляли не больше энтузиазма по отношению к перспективе публичного скандала, чем их противники-виги. Кроме того, мыльный пузырь Компании Южных морей был частью международного кризиса, дополняя аналогичные скандалы в Париже и Амстердаме. В связи с этим задача переложить определенную часть вины за случившееся на некие обезличенные финансовые силы, не связанные с деятелями Сити или Двора, не казалась невыполнимой. Так или иначе, министры короля, за исключением двух-трех подходящих козлов отпущения, остались безнаказанными за свои преступления. Для Уолпола все это обернулось политическим триумфом, который дополнило неожиданное устранение его соперников. В течение двух лет умерли и Стэнхоуп, и Сандерленд, открыв таким образом новый период доминирования Уолпола в политике, или, как выражались его оппоненты, «робинократии»*.

Разумеется, от современников нельзя было ожидать предвидения того, что впереди их ожидает период сравнительной стабильности. Двадцатые годы XVIII в. стали тревожным временем, не в последнюю очередь из-за обострения таких фундаментальных проблем, как поддержание здоровья населения и даже его выживание. Десятилетие началось не только аферой, оно ознаменовалась также страхами по поводу чумы, которая в то время опустошала юг Франции и без труда могла попасть в Лондон морским путем через Марсель. К счастью, паника оказалась необоснованной: болезнь, периодически опустошавшая Европу начиная с эпидемии «черной смерти», происшедшей почти четыре

---

* Намек на персонажа пьесы Генри Филдинга «Валлийская опера» (позднее переименованной в «Оперу Граб-стрит») по имени Робин, в котором современники видели сатирическое изображение Роберта Уолпола.

века назад, если и не угасла совсем, то начала терять силу. Но в то время это не было очевидным, к тому же никуда не делись менее экзотические и более привычные заболевания, которые оказывали сильное влияние на демографические показатели. Конец 20-х годов в этом отношении стал особенно опустошительным. В первые три года правления Георга II, которое началось в 1727 г., на страну обрушились одна за другой волны оспы и похожего на грипп заболевания, которое современники неопределенно и вразнобой называли то малярией, то лихорадкой. Демографические последствия были весьма серьезными. Медленное и слабое увеличение численности населения, отмечаемое с 70-х годов XVII в., во многом явилось следствием, без всякого сомнения, наихудшего с 80-х годов XVI в. показателя смертности. К 1731 г. общая численность населения Англии составляла примерно 5,2 млн человек, что, вероятно, ниже аналогичного показателя кромвелевской Англии середины 50-х годов XVII в.

Болезненное ощущение, которым наполнен тот период, было не только физиологическим. Алчность, мошенничество и истерия, сопровождавшие аферу Компании Южных морей, в прессе и с церковных кафедр провозглашались главными пороками времени. Роскошь и расточительство рассматривались в качестве причин, моральный упадок и разложение – в качестве последствий. Громкие скандалы, уродовавшие общественную жизнь того времени, казалось, служили ярким подтверждением этой точки зрения. Серия парламентских расследований раскрыла широкое распространение коррупции в верхах. Конфискованная собственность якобита Дервентуотера, как оказалось, продавалась по искусственно заниженным ценам ряду опекунов его имения при попустительстве остальных опекунов. Было доказано, что управляющие и служащие Благотворительной корпорации, призванной оказывать помощь бедным и давать им работу, занимались спекуляциями, присвоением имущества и открытым воровством. В обоих случаях не обошлось без участия видных членов Парламента и сторонников правительства. Еще более сенсационным было обвинение лорд-канцлера, лорда Макклсфилда, в организации продажи судебных должностей.

Даже коллеги по правительству не стали его защищать, когда выяснилось, что этот процветающий вид коммерческого права финансировался за счет поступлений от продажи частного имущества, доверенного попечению лорд-канцлера. То, что стражи справедливости пойманы за руку при нарушении законов, казалось особенно шокирующим в ту эпоху, отмеченную глубоким уважением к праву собственности. Кроме того, общественные преступления легко дополнялись преступлениями частного характера. Преступность, зеркало общества, пусть и кривое, становилась более организованной, более коммерчески ориентированной и более циничной. Джонатан Уайльд, король воров, был типичным представителем своего времени. Основную прибыль он получал, за вознаграждение возвращая владельцам собственность, украденную его собственными подручными. Успех его дела сильно зависел от содействия подкупленных мировых судей и их помощников. Это только один из примеров процветающей преступной экономики. Браконьеры в королевских лесах зачастую были хорошо организованы и являлись постоянными поставщиками лондонского рынка. Контрабандисты южного и восточного побережья придерживались рыночных принципов и нередко расширяли экономические масштабы своей деятельности при содействии официальных лиц и общества в целом. Власти делали отчаянные попытки бороться с этой угрозой. Так, Уайльд в конце концов попал под суд благодаря юридической формальности. Его казнь в 1725 г., тем не менее, обеспечила ему место в народной мифологии. В отношении браконьеров, действовавших в Виндзорском лесу и других владениях, был принят новый закон, драконовский Черный акт 1723 г. Однако, для того чтобы получить статус народных героев, браконьерам пришлось ждать XX в., когда историки начали относиться к ним как к подлинным представителям народной культуры. Что касается контрабандистов, то рост их процветания, казалось, был пропорционален усилиям правительства по их подавлению. В 30-х годах XVIII в., на пике своей активности, они были в состоянии устраивать решительные сражения с драгунами

Георга II, героически служа обществу потребления.

Такой становилась Англия к началу правления Ганноверской династии. В этом отношении аферу Компании Южных морей лучше рассматривать не как финал постреволюционной эпохи Англии, а скорее как эффектную прелюдию к процветанию, вульгарности и торгашескому духу середины XVIII в. Театральная метафора здесь особенно уместна, если учесть, что тот период имеет особое значение в истории исполнительских видов искусства. В 1720-1730 гг. театральная сцена Лондона очень быстро разрасталась, росла и ее политическая роль. До тех пор пока суд не предпринял активных действий для получения в 1737 г. широких цензурных прав, театр служил форумом, наряду с печатью помогавшим развернуть критическую кампанию в отношении того общества, которое родилось во время и после аферы Компании Южных морей. Ничто не выразило этот критический настрой более действенно, чем «Опера нищего» Джона Гея (1728), имевшая большой успех. Неясно, действительно ли это произведение изначально создавалось как политическая сатира, но более важно здесь то, что, по мнению современников, «Опера нищего» таковой в самом деле была. Идея «балладной оперы» хорошо сочеталась с господствующим в то время интересом к иллюзорному и нереальному. Она со всей яркостью изображала двор Георга II как воровскую кухню; мораль правящего класса приравнивалась к морали лондонского дна. Генри Филдинг усилил эту тенденцию своим нелестным сравнением Джонатана Уайльда с сэром Робертом Уолполом. Этой же теме во многом посвящены «Дунсиада» Поупа, «Путешествия Гулливера» Свифта и «Крафтсмен» Болингброка – типичные произведения того замечательного десятилетия расцвета полемической сатиры. Многие ее элементы были уже хорошо известны: поиск убежища в классицизме, обращение к сельским ценностям, пасторальной идиллии и прежде всего непрестанная критика искусственного, интересующегося только деньгами, меркантильного мира начала XVIII в. В этом отношении литературные и журналистские обличения эры Уолпола могут рассматриваться как заключительный и яростный всплеск волны, набиравшей силу многие годы. Но они были явно недостаточными, если дело касалось поиска идей для будущего или конструктивного анализа альтернативных возможностей.

Когда публика на представлении оперы Гея видела в Мэчите сущность политики Уолпола, она ухватывала одну из самых значительных особенностей того периода – если не действительную, то кажущуюся тесную связь между политическим характером ганноверского режима и предполагаемыми болезнями современного общества. За некоторыми исключениями (одним из самых заметных был художник-карикатурист Уильям Хогарт, направлявший свою энергию главным образом на сатирическое изображение нравов), интеллектуальная и художественная элита Лондона проявляла удивительное единодушие в своем восприятии Уолпола в качестве главного злодея. Сложился характерный образ парвеню, норфолкского карьериста, обогатившегося благодаря систематической коррупции (в 1712 г. тори обвинили его в растрате) и поднявшегося на вершины власти благодаря полному отсутствию принципов и всецелой покорности перед господствующими при Дворе взглядами. До 1727 г. зять Уолпола лорд Тауншенд разделял вместе с ним как его влияние, так и непопулярность. Но смерть Георга I и восшествие на престол нового короля привели к тому, что Уолпол остался один под пристальным вниманием со стороны общества. С помощью ловкого манипулирования Георгом II и особенно королевой Каролиной Уолпол к 1730 г. оттеснил от власти всех своих соперников, включая Тауншенда. В результате он вскоре оказался один на таких высотах, которых не достигал никто со времен Дэнби в 70-х голах XVII в. Гегемония Уолпола с неизбежностью вызвала в отношении его личности дружный журналистский огонь со стороны Граб-стрит. Его называли Великаном, Английским колоссом, Человеком-горой. Кроме того, Уолпола изображали как истинного представителя политики обмана: Норфолкский ловкач, Раешник-савояр, Палинур-волшебник, Мерлин-колдун, Хозяин закулисья и т.п. Его мастерство в управлении раздражительным и непредсказуемым

Георгом II, а также установленный им контроль над неуправляемым ранее Парламентом объявлялись в бесчисленных памфлетах и листках искусством настоящего политического фокусника.

С того времени истинной основой успеха Уолпола стало считаться искусное использование влияния и даже подкупа. Стабильность, которой отмечен тот период и которая отделяет его от политического хаоса предыдущих лет, с этой точки зрения представляется естественной кульминацией сил, работающих в пользу этого человека у власти. Усиление влияния правительства в результате войн и в особенности гигантская машина, созданная для управления новой финансовой системой, неизбежно привели к формированию новых патронатных отношений. Кроме того, огромное желание послереволюционных правительств добиться работоспособного большинства в Палате общин давало сильный стимул для использования такого патроната в целях управления Парламентом. Этим объясняется появление значительной по численности и более дисциплинированной «партии двора и казначейства», способной перекинуть мост через давнюю пропасть между монархией и Палатой общин и ознаменовавшей новую эру гармонии между исполнительной и законодательной властями. Это привлекательная теория, однако не все ее положения надежны, а выводы неизбежны. Используемые Уолполом принципы манипулирования отнюдь не отличались новизной. По крайней мере со времен Карла II они применялись сменявшими друг друга министрами для создания и поддержки значительной придворной партии в Палате общин. Непотизм и карьеризм, не говоря уже о широко распространенных проявлениях коррупции, отмечали время правления королевы Анны в той же степени, как и время правления ее наследников. Разумеется, в некотором смысле в мирные годы властвования Уолпола необходимость в масштабной системе патроната снизилась. Правда и то, что и Уолпол, и сменивший его Генри Пелэм были ловкими манипуляторами, сплотившими придворную партию в особенно эффективный инструмент контроля. Но для создания классической парламентской системы в Англии георгианской эпохи было необходимо нечто большее, чем простой патронат.

Это не ставит под сомнение неподражаемые личные таланты Уолпола. Как царедворец он несравненен. Его манипулирование королевой и (отчасти с помощью последней) королем являло собой непревзойденную смесь лести, умасливания и угроз, что ярко описано в мемуарах лорда Харви, имевшего достаточно возможностей наблюдать за всем этим в качестве близкого друга королевы. Но удачливые царедворцы также не были чем-то новым. Более удивительной выглядит комбинация талантов, позволившая Уолполу с таким же мастерством управлять членами Парламента. Его решение остаться в Палате общин после назначения на должность первого министра в данном отношении оказалось в определенной степени решающим. Если ранее министры традиционно перемещались в Палату лордов, то Уолпол счел необходимым остаться в нижней палате, в конечном счете контролирующей финансовые рычаги управления. Как оратор он был довольно груб (что не всегда являет собой недостаток), искусен и очень результативен. Его отличала выдающаяся способность оценивать и проводить в жизнь взгляды типичного сельского джентльмена. Но важнее всего была проводимая им политика, которая кардинально отличалась от узкопартийной программы его более старших коллег-вигов. Желание Уолпола избегать обострения застарелых конфликтов особенно ярко видно в его отношениях с Церковью. Акт о возмещении подтвердил свободу вероисповедания для диссентеров и даже в определенной степени их участие в управлении на местном уровне. Однако серьезные попытки разрушить принцип монополии Англиканской церкви не были предприняты, а отмена актов о присяге и корпорациях произошла только в следующем столетии. О масштабных изменениях в других сферах, таких, как корпорации, университеты, или, наконец, о переменах в самом Парламенте серьезные разговоры также не заводились. Новая политика вигов, направленная на мир с Францией, при Уолполе превратилась в политику мира со всеми, что позволило получить бесценное преимущество низкого

налогообложения. В теории доминирование вигов оставалось таким же неоспоримым, как и прежде. На практике же Уолпол тонко трансформировал базу ганноверского режима. Политика принуждения уступила место политике консенсуса; стремление к установлению монопольной олигархии сменилось менее вызывающим, но в то же время более надежным стремлением к созданию правящей коалиции, открытой для тех, кто готов на словах выразить верность весьма размытым «принципам революции».

Даже без Уолпола ганноверский режим оказал бы в итоге важное влияние на характер проводимой политики. Даже если говорить только о коррупции, главной здесь была не новизна манипуляций Уолпола, а скорее масштаб системы патроната. До 1714 г. неуверенная или непоследовательная политика со стороны Двора делала чрезвычайно сложными расчеты как для выдвиженца-карьериста, так и для его патрона. И торговцам мандатами от небольших городов на вершине избирательной пирамиды, и скромным сборщикам акцизов или муниципальным советникам у ее основания было неясно, где располагаются источники наживы и власти. Неустойчивость партийной политики во времена правления королевы Анны в значительной мере определялась вызванными данным обстоятельством колебаниями. После 1715 г. эта проблема была разрешена более чем для целого поколения с помощью простого и важнейшего фактора общественной жизни. Как Георг I, так и Георг II отказывались назначать тори своими министрами, и, за исключением кратковременной широкой администрации 1743 г., создание которой было обусловлено неустойчивостью, вызванной падением Уолпола, партия тори на протяжении более чем сорока лет оставалась изолированной в политической пустыне. Парадоксальным образом эта опала обеспечила стабильность правительства. Тори при Дворе являлись в первую очередь придворными, хотя перспектива постоянного нахождения в стороне от власти и выгоды многим казалась невыносимой. Однако «виггизм» Уолпола был весьма нетребовательным, и многие выходцы из семей, ранее поддерживавших тори, без труда присягали его принципам. В первую очередь это утверждение верно по отношению к тем, кто в поисках выгоды или инстинктивно тяготел к придворной политике. К 30-м годам XVIII в. избирательные округа Корнуолла, в начале века поделенные между вигами и тори, стали надежным оплотом вигов. В Палате лордов лишь немногие пэры оставались верны своим соратникам-тори в Палате общин, несмотря на то что в 1712 г. под руководством Харлея тори получили в ней большинство. Изменение было не внезапным или ярким, но устойчивым и продолжительным, и множество важных политических имен XVIII столетия было вовлечено в этот процесс, включая семьи Питтов и Фоксов.

Нет сомнений в том, что стабильность политической сцены при Уолполе и Пелэме была главным достижением ганноверского режима; в то же время важно не преувеличивать ее масштаб. Политическая жизнь времен правления Георга II не сводится только к апатии, с которой она часто ассоциируется. В частности, ценой того, что Ганноверская династия идентифицировала себя с политикой вигов, пусть и не с совсем чистым «виггизмом», стало прочное отчуждение со стороны семей несгибаемых «сельских» тори. Эти семьи, хотя из них и редко выходили политики первой величины, поддерживали устойчивость оппозиции и служили важной точкой притяжения для других элементов, потенциально враждебных проводимой политике. Они делали сложной и малоприятной жизнь тем своим соратникам, кто изменял их делу. Например, когда граф Гауэр, один из аристократических лидеров тори, встал на сторону Генри Пелэма, результатом всеобщих выборов 1747 г. стали беспрецедентные по своему накалу беспорядки в родном для Гауэра графстве Стаффордшир. Безусловно, графства были основной базой тори. Фригольдеры с доходом от 40 шиллингов, особенно из графств Центральной и Западной Англии, а также Уэльса, – сельский электорат – оказывали им постоянную и даже растущую поддержку. Кое-где они являлись влиятельной, если не доминирующей силой. Проторийская позиция Англиканской церкви в некоторой степени была размыта неослабевающим финансовым ручейком из лагеря вигов, однако один из важнейших церковных питомников – Оксфордский университет оставался верен джентри-англиканам, к тому же сильный интерес Церкви в

этом деле поддерживался благодаря влиянию кланов тори на внутрицерковные дела. В крупных городах также имелся многообещающий резерв для оппозиции режиму. В частности, в Лондоне, Бристоле, Норвиче и Ньюкасле сохранялась длительная традиция участия масс в политических делах и было много горючего материала, готового воспламениться по призыву тори. Система, выстроенная Уолполом, опиралась на слишком широкий фундамент, чтобы относиться к ней как к узкой олигархии, однако, учитывая то, что значительная часть землевладельцев и духовенства, а также большое количество представителей средних и низших классов находились в оппозиции к ней, стабильность той эпохи является скорее условной, чем реальной.

Довольно естественно, что условия для настоящего кризиса сложились только тогда, когда раскололся сам режим. С начала 30-х годов XVIII в. Уолполу противостоял при Дворе опасный альянс соперников. Возможность проявить себя у них появилась тогда, когда Уолпол выступил со своей известной попыткой расширить акцизную систему. Этот проект был разумен с финансовой точки зрения, но в итоге вызвал глубочайшую и ожесточенную антипатию множества англичан, ненавидевших новые налоги и опасавшихся расширения правительственной бюрократии. Только готовность Уолпола отказаться от предложенного им проекта в 1733 г. и прочная поддержка со стороны Георга II против его недругов при Дворе спасли правительство. Но даже с учетом этого всеобщие выборы 1734 г. выявили широкое недовольство действиями Уолпола и сильно сократили количество мест правящего большинства в Палате общин. Еще более серьезная проблема возникла четыре года спустя. Развернутая за стенами Парламента мощная агитация, требующая решительных действий в отношении Испанской империи в 17381739 гг., была тем более опасной, что ее поддерживал принц Уэльский Фредерик. Сложившийся альянс, состоявший из обозленных тори, недовольных вигов, враждебно настроенных предпринимателей, популярных политиков и наследника трона, был достаточно опасным; в итоге он заставил Уолпола не только ввязаться в войну против своего желания, но и привел его к падению. Проблема возврата к прежнему положению вещей была особенно тревожной; до самой смерти Фредерика в 1751 г. она стояла сначала перед Уолполом, а затем перед Пелэмом.

Даже без учета этих внутренних конфликтов господству вигов угрожала серьезная оппозиция. Якобитская угроза, вероятно, сильно преувеличивалась; сомнительно, чтобы очень многие из тех, кто предлагал тост «за короля на том берегу», стали рисковать своим имуществом или жизнью во имя династии Стюартов. Как бы то ни было, развитие событий поддерживало воодушевление в рядах наиболее преданных якобитов. Во время Войны за австрийское наследство 1740-1748 гг. англичане были вовлечены в боевые действия не только против Испании в колониях, но и против мощной коалиции во главе с Бурбонами на континенте. В ходе этой войны казалось, что Георга II больше заботит защита его любимого курфюршества. Вызванное этим столкновение с интересами страны, прежде всего истраченные британские деньги и британская кровь, пролитая в Германии и Нидерландах, дало политикам-патриотам достаточно поводов для нападок на режим. Задолго до этой войны Уолпол предвидел, что она станет также и борьбой за английское наследство, ведущейся на английской земле, что в итоге оказалось верным. Когда в 1745 г. произошло якобитское вторжение, стал ясен масштаб опасности, которой подвергалась Ганноверская династия. По европейским стандартам британская регулярная армия была крошечной; даже те небольшие и разрозненные силы, которые Молодой претендент в декабре 1745 г. направил прямо в сердце Центральной Англии, оттянули на себя все, что могли противопоставить защитники. О боеспособной милиционной армии, лишенной поддержки тори, давно было забыто; многие сельские джентри в лучшем случае соблюдали мрачный нейтралитет. Жесточайший террор против шотландских горцев, развязанный после того, как якобитская армия была отброшена и окончательно разбита при Каллодене, свидетельствует о том, до какой степени тревога и даже паника охватили власть в Лондоне. В этом отношении, как и в ряде других, кризис 1745 г. служит полезным коррективом к

слишком уж благостному изображению того спокойствия, которое приписывается политической системе, сложившейся во времена господства вигов. Привычная картина политической апатии и аристократического изящества может быть обманчивой. Она совсем не подходит для описания тех хотя и небольших, но в то же время кровавых успехов участников восстания 1745 г., да и сравнительно спокойный период в начале 50-х годов вряд ли служит доказательством ее подлинности.

Так, и Пэлем, чья ловкость помогла стране благополучно, хотя и не без некоторого унижения выйти из войны и чей финансовый гений впоследствии многое сделал для создания более прочной базы государственного долга, как оказалось, мог ошибаться в оценке политического климата. Его Билль о евреях 1753 г., разработанный для смягчения гражданских ограничений в отношении еврейской общины в Британии, вызвал лавину враждебности и нетерпимости со стороны приверженцев Высокой церкви, что в итоге заставило Пелэма отозвать законопроект, прежде чем он мог быть наказан за свою инициативу на всеобщих выборах 1754 г. Кроме того, вылазки якобитов и вызываемые ими страхи далеко не закончились. Еще в 1753 г. Лондон угостили спектаклем публичного повешения одного из якобитов; в ряде аспектов, несомненно, политика XVIII в. была, скажем, более «учтивой», но далеко не всегда.

Промышленность и незанятость

Агония якобитского движения хронологически совпала с уходом со сцены доиндустриального общества. Общепринято, что беспрецедентные по масштабам экономический рост и перемены, названные промышленной революцией, берут начало именно в середине XVIII в. Однако многие современники считали тот период, который в ретроспективе выглядит исходной позицией для промышленного рывка, временем серьезного спада; в связи с чем проблема несовпадения оценок до сих пор остается актуальной. В 1730-1740 гг. цены на сельскохозяйственную продукцию были исключительно низкими; некоторые важные производственные районы, особенно старые центры текстильной промышленности, страдали от высокой безработицы и серьезных беспорядков. Но и здесь можно увидеть многообещающие признаки развития. Низкие цены на продовольствие делали возможным более высокий уровень затрат на потребительские товары, тем самым поощряя развитие новых видов промышленности, особенно в центральных графствах Англии. Если сельское хозяйство зачастую страдало от низких цен, то они же служили определенным стимулом для увеличения производительности, как это произошло, в частности, на востоке Англии. Улучшенные технические приемы многоотраслевого сельскохозяйственного производства, появление которых часто ассоциируется с эпохой Тауншенда, прозванного Брюквой, не принадлежат исключительно тому периоду, но несомненно, что в то время их начали применять более широко. В других секторах также отмечался заметный прогресс. Например, 30-е годы XVIII в. стали свидетелем появления одного из самых выдающихся нововведений в истории транспорта – строительства общегосударственной системы платных дорог. До 1730 г. было основано лишь несколько обществ по строительству и эксплуатации платных дорог (turnpike trusts). Поддержание большинства главных дорог, включая Большую северную дорогу (начиная от Нортгемптоншира) и почти всю Большую западную дорогу, зависело от тех несчастных приходов, в непосредственной близости от которых они были проложены. Английские дороги начала георгианской эпохи, испытывавшие огромное напряжение вследствие быстро растущего объема пассажирских перевозок и еще более обременительных грузоперевозок между главными потребительскими центрами, обоснованно считались национальным позором. Общества платных дорог были хорошим, хотя и не всегда популярным решением этой проблемы, с их помощью значительные местные капиталы направлялись на ремонт и поддержание дорог с помощью тщательно разработанной шкалы сборов за проезд. Расцвет этих обществ приходится на десятилетия середины XVIII в. Они

служили мощным фактором развития той или иной провинции: большая доля новых дорог была построена на севере, а также на западе Центральной Англии. До 70-х годов, когда каналы стали серьезным конкурентом в борьбе за грузоперевозки, платные дороги являли собой по-настоящему общенациональную и сравнительно эффективную транспортную сеть. С их помощью резко снизились затраты времени на поездки. До важных провинциальных центров, таких, как Йорк, Манчестер или Эксетер, в 20-х годах XVIII в. можно было добраться из Лондона не менее чем за три дня пути; к 80-м годам туда можно было попасть в течение немногим более суток. Достигнутое снижение затрат времени почти на всех важных дорогах исчерпало лимит прогресса транспортных технологий той эпохи; они мало менялись почти до 1820 г., когда Макадам и Телфорд открыли огромные неиспользованные резервы для дальнейшего развития.

Создание системы платных дорог вряд ли было бы возможно без значительного роста внутреннего потребления, торговли и капиталов. Однако внутреннее развитие страны отнюдь не случайно совпало с расширением ее проникновения в заморские колонии. И в этом случае представления современников вновь могут ввести в заблуждение. Патриотично настроенные политики того времени продолжали предлагать обществу по сути дела, устаревший образ империи. Колонии по-прежнему рассматривались в основном в качестве ценных источников сырья, мест для размещения избыточного населения и источников пополнения государственного запаса драгоценных металлов. Жемчужиной имперской короны была Вест-Индия с ее сахарными плантациями. Англо-испанская война 1739 г., как и предшествующие ей войны, служила средством проникновения в эльдорадо Южной Америки, манящее своим золотом, серебром и тропическими продуктами. Однако в ретроспективе видно, что именно торговля Британии с заморскими колониями привела к созданию совершенно нового вида империи. Динамично развивающиеся рынки для экспорта возникали за пределами Европы, главным образом в Северной Америке. Производство текстиля, традиционного экспортного продукта, выиграло от этих перемен, но еще более значительный рост был отмечен в новых сферах промышленности, особенно связанных с производством изделий из металла, предметов домашнего обихода, инструментов, оружия и всех видов утвари, одним словом, изделий, именовавшихся тогда «бирмингемскими товарами».

Меркантилистские теории способствовали приспособлению к этим новым тенденциям, однако потребовалось время, чтобы их ясно осознали современники. К 50-м годам XVIII в. пришло понимание всей важности тринадцати американских колоний. И предприниматели, и представители администрации стали обращать все больше внимания на необходимость борьбы с Францией за господство в Северной Атлантике. Смена приоритетов имела важные последствия и внутри страны. Лондон в георгианскую эпоху рос очень быстрыми темпами, обеспечив себе статус самого крупного и динамичного города западного мира. Однако в сравнении с другими английскими городами значение Лондона выглядит не таким уж большим. Обретшие совсем другой масштаб торговые операции с Америкой в значительной степени переместились в новые и развивающиеся порты на западе страны, особенно в Ливерпуль, Бристоль, Глазго и, на короткий, но яркий период коммерческой активности, в Уайтхевен. Соседствующие с этими портами промышленные районы: долина Северна и запад Центральной Англии, Йоркшир и Ланкашир, а также запад Шотландии – способствовали перемещению индустриальной базы страны с юга, востока и запада в направлении севера и графств Центральной Англии.

Этот сдвиг ясно виден при анализе демографических тенденций того периода. После бедствий 20-х годов XVIII в. рост населения снова возобновился, хотя в 30-х годах он был не очень значительным. Неудавшаяся перепись, намечавшаяся на 1750 г., в случае ее проведения, вероятно, показала бы численность населения на уровне 5,8 млн человек, что на полмиллиона больше, чем двадцатью годами ранее. К 1770 г. она составляла около 6,4 млн человек, а к 1790 г. приблизилась к 8 миллионам. По стандартам XIX в. этот показатель роста не особенно впечатляет. В то же время он знаменует поворотную точку в

новейшей демографической истории. Почти то же самое можно сказать о росте промышленности и городов в целом. В конце XVII – начале XVIII в. не было недостатка в важных нововведениях и инициативах. Но между эпохой Абрахама Дарби и эпохой Джозайи Веджвуда лежит целый мир различий. В этом отношении середина века вновь служит водоразделом. Знакомые нам имена гигантов времен начала промышленной революции: Болтона и Уатта, Гарбетта, Аркрайта и самого Веджвуда – заняли свое место в сознании нации в 1760-1770 гг. Именно с начала 60-х годов, в период Семилетней войны, стало заметным то, что происходит, например, в Бирмингеме или Манчестере. Улучшения в жизни городов отражали как экономический рост, так и широкую заинтересованность в подобных переменах. Современники, помнившие времена правления королевы Анны и дожившие до последней четверти XVIII в., называли 1760-1770 гг. временем экстраординарных перемен и усовершенствований в материальной жизни больших и, в меньшей степени, малых городов. Они всегда отмечали перемены в упорядочении застройки, обеспечении порядка и требований гигиены. Приезжавшие тогда в Манчестер и Глазго с восхищением отзывались о просторных площадях, аккуратных рядах домов, магазинов и складов в этих быстрорастущих городах. В сравнении с ними беспорядочный городской пейзаж старых центров, с узкими улицами и деревянными домами, крытыми соломой, казался устаревшим и даже варварским. Ни один уважающий себя город не упустил шанс получить парламентское разрешение на создание у себя комиссии по улучшению, облеченной широкими полномочиями на проведение перестройки. Многие из хорошо сохранившихся до наших дней городов георгианской эпохи обязаны своими чертами именно тому периоду массовой городской реконструкции. Пожалуй, самый яркий пример творческого подхода к городскому планированию располагался к северу от англо-шотландской границы; Новый город Эдинбурга и в настоящее время служит свидетельством энергии тогдашних местных властей. Но и столица не Сильно отставала. Одновременно символическим и практическим актом начавшейся модернизации стало разрушение средневековых ворот Лондонского Сити в 1761 г. При этом ворота Лудгейт менее чем за тридцать лет до этого были тщательно отреставрированы и украшены, чтобы прослужить еще не один век. В расположенном по соседству Вестминстере реализация крупнейшего проекта городской реконструкции началась почти в это же время, в 1762 г. Члены вестминстерской Комиссии по мощению улиц и их помощники из отдельных приходов намеревались преобразить лицо обширного района столицы. В широких масштабах строили и реконструировали канализационную и водопроводную сети. Улицы и тротуары мостили булыжником и камнем, многие впервые. Площади расчищали, приводили в порядок и украшали скульптурами и растениями. Дома получили систематическую нумерацию; старые обозначения, колоритные, но непонятные и даже опасные для прохожих, удаляли. К 80-м годам XVIII в. внешний вид столицы, за исключением трущоб, служил источником гордости ее жителей и предметом восхищения гостей, особенно иностранных.

Перемены не ограничивались только городами. Строй деревенской жизни изменялся с большей постепенностью, однако появились новые формы в самих поземельных отношениях. Самые прославленные свидетельства сельскохозяйственной революции – парламентские акты об огораживании – в своей основной массе приходятся на вторую половину XVIII в. Их экономический эффект зачастую преувеличивается, так как с точки зрения статистики они были менее значительными, чем сравнительно незаметные для стороннего наблюдателя внепарламентские процессы огораживания, продолжавшиеся десятилетиями, а то и веками. Кроме того, они относились преимущественно к ряду районов, располагавшихся на юге и западе, от Йоркшира до Глостершира. Данные акты служат ярким свидетельством того, что стало выгодно ведение сельского хозяйства на ранее малопривлекательных землях, и своим воздействием на деревенский ландшафт эти процессы произвели глубокое впечатление на современников. Ко времени опубликования в 1776 г. «Богатства народов» Адама Смита они внушали уверенность, доходящую чуть ли не

до самодовольства, относительно продолжительности экономического роста. Любопытно, что сам Смит не разделял такой уверенности. Но Смит был ученым, его произведение было скорее теорией, чем результатом практических наблюдений, к тому же основная его часть была задумана до того, как в 1760-1770 гг. стали заметны яркие результаты развития экономики. Его соотечественник Джон Кэмпбелл, чье «Политическое обозрение» («Political Survey», 1774) было безудержным панегириком экономическому прогрессу Британии, в этом отношении является более точным ориентиром.

Усиливающийся темп материального развития оказал неизбежное влияние на характер английского общества. В известной мере его результаты лежали в одной плоскости с тенденциями, вызванными все большим разнообразием коммерческих операций и общим развитием капитализма в предшествующие периоды. Если говорить об общественной структуре, то главным результатом этих перемен стало, если можно так выразиться, растягивание социальной иерархии. Так как богатство распределялось очень неравномерно и так как уровень и характер налогообложения мало делали для перераспределения этого богатства, стандарты жизни росли более резко в середине и на вершине социальной пирамиды, чем у ее основания. В принципе в этом не было ничего нового. В частности, развитие сельского хозяйства на протяжении XVI-XVII вв. уже заметно изменило структуру типичной сельской общины. Огораживания, поглощения, мелиорация земель в целом постепенно превращали деревенское общество, с его мелкими землевладельцами, фригольдерами и йоменами, воспеваемыми поклонниками Старой Англии, в нечто совершенно новое. Зажиточные фермеры-капиталисты, зачастую не землевладельцы, а арендаторы земель, начинали преобладать в сельском мире, в котором все, кто был ниже их по статусу, постепенно становились безземельными наемными рабочими. Общий характер этого процесса часто преувеличивался, так как реальная сфера его охвата сильно зависела от местных условий. Но не вызывает сомнений, что в XVIII в. он ускорился и, что более важно, имел близкий аналог в городе с его развивающейся промышленностью.

В этом смысле Англия XVIII в. становилась все более поляризованным обществом. Более того, разрушительные последствия этой поляризации лежали на поверхности. Возросшая мобильность, не говоря уже о повышении уровня грамотности и улучшении средств коммуникации в целом, делали более очевидными выводы, следовавшие из сравнения между богатством и бедностью. Экстравагантный стиль жизни правящей элиты, жившей в угаре расточительной роскоши, а также более скромный, но в целом оказывающий даже большее социальное воздействие подъем жизненного уровня среднего класса делали очевидным неравенство в условиях экономики, основанной на выгоде и деньгах. Чувство дискомфорта (*malaise*), если это можно так назвать, сильнее всего бросалось в глаза в столице. Условия Лондона, где сохранилось сравнительно мало устойчивых социальных ограничений и традиций, и где крайняя нищета постоянно и близко сталкивалась с зажиточной буржуазностью или даже огромным богатством без всякой для себя выгоды, с неизбежностью давали пищу для морального возмущения и социальной критики, примеры которых можно встретить у Филдинга и Хогарта.

Трудно судить, в какой степени эти тревоги отражали действительное ухудшение условий жизни. До 1750 г. низкие цены на продовольствие в соединении со стабильностью платы за труд, обусловленной сравнительно низким ростом численности населения, вероятно, привели к увеличению реальных доходов бедных слоев общества. Ужасавшая в то время тяга жителей Лондона к джину, а также пристрастие к менее вредному, но столь же критикуемому чаю, позволяют предположить, что в то время население не испытывало недостатка в деньгах. Однако во второй половине столетия для многих людей условия жизни ухудшились. Последовавшие одни за другими недороды и неурожаи, а также периодические кризисы и безработица в промышленности делали жизнь тех, кто составлял основание пирамиды, опасным и мучительным делом. Кроме того, быстрый рост населения и внедрявшиеся механические новшества способствовали удержанию платы за труд на сравнительно низком уровне. Все это привело к тому, что преимущества промышленного

развития не распространялись на простых представителей появляющегося пролетариата.

Восемнадцатый век был более чувствителен к социальным вопросам, чем это подчас считается, однако он не имел легких или исчерпывающих ответов на них. Бедняки отвечали ударом на удар, главным образом используя традиционные средства для защиты прежних экономических порядков. В борьбе против нехватки продовольствия и высоких цен они апеллировали к древним законам, ограничивающим деятельность посредников и монополистов. В борьбе же со снижением платы за труд и механизацией производства они организовывали союзы против своих хозяев, а также клубы, предоставлявшие элементы социальных гарантий. В крайних случаях они регулярно и с большим энтузиазмом бунтовали и поднимали восстания. Это была безнадежная битва, хотя и не без отдельных побед с их стороны. Землевладельцы-джентри в определенной мере сочувствовали распространенному в низах негодованию по отношению к меркантильным предпринимателям. Однако рост специализированного рынка для продукции развивающегося сельского хозяйства, вновь находившегося на подъеме, был так же важен для лендлорда, как и для торговца продовольствием. Схожие процессы шли в рамках устаревшей системы производственных отношений: попытки применять старые законы об ученичестве были неэффективными перед лицом объединенных усилий капиталиста-промышленника и неквалифицированных работников, которые обходили их. Корпорация, которая работала в рамках данных ограничений, просто не могла надеяться на новые капиталовложения и участие в новом производстве. Еще более короткий срок жизни ожидал различные ассоциации. А вот дружеские клубы, созданные исключительно для материальной поддержки своих членов в старости или при болезнях, расширяли сферу своей деятельности. Однако союзы работников (или тред-юнионы) часто подавлялись, даже в тех случаях, когда они выступали против самых вопиющих нарушений со стороны работодателей того времени, таких, как оплата труда товарами в швейном производстве на западе страны. Там где они иногда добивались успеха, например в портняжном деле Лондона или на королевских верфях, это было следствием решимости традиционных и устойчивых профессиональных групп. В большинстве же новых производств промышленники расчищали себе дорогу от всех возможных препятствий.

Крайнее проявление недовольства низших классов в некотором отношении воспринималось со стороны власть имущих наиболее терпимо, они рассматривали его как необходимый, хотя и вызывающий сожаление предохранительный клапан. Меры, предпринимаемые для подавления бунтов, редко бывали слишком строгими, наказания применялись скорее в качестве наглядного примера и в отношении небольшого числа участников. Но и в этом случае они оставались на удивление мягкими, если повод для бунта был вызван крайними обстоятельствами и не привел к серьезным последствиям. Предвыборные беспорядки вообще рассматривались в основном как неизбежное зло на протяжении большей части рассматриваемого периода. В особо буйных городах, таких, как Ковентри, с большим количеством избирателей и активным вовлечением в политическую борьбу даже тех, кто не имел права голоса, беспорядки были предсказуемым событием каждой избирательной кампании. Периодически повторявшиеся голодные бунты, связанные с периодами нехватки продовольствия в середине 50-х и середине 60-х годов XVIII в., также воспринимались как необходимый, хотя и нежелательный аспект деревенского образа жизни. В известных рамках по отношению к таким проявлениям недовольства сохранялась широкая терпимость. Например, разъяренные ткачи шелка из лондонского района Спиталфилдз в 1765 г. устроили нечто вроде полномасштабной осады дома герцога Бедфордского, виновного, по их мнению, в поддержке импорта шелка из Франции. Беспорядки были настолько серьезными, что пришлось задействовать войска, но даже тогда изысканное общество Лондона не видело ничего зазорного в том, чтобы относиться к ним как к интересной выходке, достойной личного наблюдения – со стороны. Но продолжительные беспорядки, разумеется, вызывали более серьезный ответ. Так, к первым бунтам против платных дорог в 30-х годах XVIII в. относились скорее с юмором и

даже с некоторым потворством со стороны определенных представителей имущих классов, которые возмущались введенными сборами за проезд так же сильно, как и их более бедные соотечественники. Но за этим неизбежно последовали показательные приговоры. С 60-х годов появляются первые признаки изменений в отношении к общественным беспорядкам. Продолжительная и сопровождавшаяся большими спорами кампания Джона Уилкса в защиту избирательных прав и свободы печати вызвала ожесточенные уличные манифестации. Последовавшие столкновения с властями под лозунгом «Уилкс и Свобода» имели слишком много политических последствий, чтобы относиться к ним благодушно. Антикатолические беспорядки во главе с Гордоном в 1780 г., которые впервые ввергли Лондон в атмосферу террора, ознаменовали собой важную стадию в дальнейшем развитии этой тенденции. Но только последствия Французской революции в следующем десятилетии привели к полному отказу от традиционной терпимости и сделали народные волнения одним из главных источников страха в сознании имущих классов.

Проблемы, порожденные количественным ростом и обнищанием низших слоев общества, не имели легкого решения. Оказание помощи беднякам в XVIII в. по-прежнему регулировалось елизаветинским Законом о бедных и Актом об оседлости 1662 г. В своих худших проявлениях они могли сделать жизнь неимущего работника и его семьи сравнимой с положением американских рабов или русских крепостных, если не хуже. Помощь бедным могла ограничиваться выдачей минимального количества пропитания со стороны скупых соседей или пребыванием в работном доме, где бедняка оставляли на произвол безжалостному хозяину, выжимавшему прибыль с помощью безжалостной эксплуатации людей, вверенных его попечению. Законы об оседлости предусматривали принудительное проживание в приходе по месту рождения всех тех, кто не проживал в домах стоимостью менее 10 фунтов стерлингов в год, – совсем не маленькая сумма в те годы. На практике эти драконовские нормы были менее жесткими, Помощь бедным составляла основную статью расходов большинства церковных приходов, и к концу XVIII в. она выросла до огромных размеров. Зачастую такая помощь представляла собой систему регулярных выплат пособий и в определенной степени учитывала рост цен и повышение общего уровня жизни. Законы об оседлости исполнялись лишь в ограниченном масштабе. К несчастью, их главными жертвами становились женщины, дети и старики – как раз те, чье содержание ложилось бременем на приход, в котором они проживали. Но даже с учетом этого, ограничения на передвижение во второй половине века на практике были не значительными. Огромный спрос на рабочую силу в промышленности вряд ли мог быть удовлетворен, если ограничения пытались исполнять всерьез.

В этом столетии, как и в любом другом, имущие испытывали мало добрых чувств по отношению к беднякам, Но с большим негодованием они относились к преступности. Общество, основанное на коммерции, давало больше соблазнов и сильнее побуждало к совершению незаконных действий. Яркие проявления преступности, такие, как ограбления на дорогах, и более интересные с социологической точки зрения, такие, как нарушения законов об охоте, традиционно привлекают много внимания. Но преступность в основной своей части была представлена той или иной формой мелкого воровства, посягательства на собственность, что стали считать постоянно возрастающей угрозой, особенно в городских районах. В условиях этой волны преступности, масштабы которой, вне всякого сомнения, преувеличивались, но которая, тем не менее, была достаточно ощутимой, наличных средств для защиты собственности оказалось недостаточно. Городская преступность вызвала необходимость создания эффективных полицейских сил, способных расследовать преступления и выдвигать обвинения против преступников (если, конечно, она не допускала более мягких средств «лечения»!). Но полиция сама по себе тоже представляла опасность, не в последнюю очередь связанную с ее возможным использованием в целях политической опеки. Потенциальная угроза, представленная любой формой организованных сил под командой властей, воспринималась очень серьезно, Мало кто воспринял бы ту мысль, что при содержании минимальной регулярной армии можно было

бы позволить менее знакомой и не менее злой силе занять место полиции, Вследствие этого, если не брать в расчет небольшие и отдельные исключения, например такие, как деятельность братьев Филдинг в Лондоне, значительного улучшения в данной области за столетие достигнуто не было. Наоборот, власти сделали ставку на обычное запугивание, угрозу высылки или смерти даже за сравнительно незначительные нарушения закона. В этот период процветала практика вынесения смертных приговоров за мелкие преступления, против которой гневно выступали реформаторы начала XIX в. Фактически это был единственный способ преградить дорогу потоку преступлений против собственности. Но и он был обречен на неудачу, так как присяжные признавали людей виновными, а судьи выносили приговоры только в отношении тех, чья вина не вызывала сомнений. Число приговоров было небольшим по сравнению с действительным количеством преступлений. Даже после вынесения смертного приговора оставалось много шансов на отсрочку его исполнения по требованию судьи или высокопоставленного покровителя. Таким образом, процесс правосудия неизбежно вовлекался в общий сумбур непоследовательной политики и политических манипуляций, характерных для того времени.

Если бедняки тщетно обращались к государству, то к Церкви они обращались лишь со слабой надеждой. У Церкви XVIII в. была не лучшая репутация в отношении того, что сегодня назвали бы социальной политикой. Было бы трудно ожидать, что Церковь, встроенная в патронатную структуру георгианской эпохи, будет с настойчивостью осуществлять деятельность, вступающую в противоречие с господствующими настроениями. В то же время в целом такая репутация была незаслуженной. Зачастую подвергается забвению весь масштаб благотворительной деятельности в XVIII в. Это объясняется в основном тем, что в подавляющем числе случаев она носила добровольный и неформальный характер. При отсутствии официальных и государственных документов, отражающих направления и содержание благотворительной деятельности, как это было в более позднюю и даже в более раннюю эпохи, она легко может выпасть из поля зрения. Однако документальный материал множества учреждений в области образования, здравоохранения и отдыха поразителен по своему богатству и сохранности. Зачастую благотворительная деятельность была отмечена покровительственным и снисходительным отношением к тем людям, в помощь которым она и предназначалась, хотя одним из ее мотивов являлось желание поставить преграду перед социальной и политической угрозой со стороны неимущих. Но это характерно и для других периодов. В то же время общий масштаб такой деятельности по-прежнему впечатляет. С помощью пожертвований и благотворительных объединений – главных элементов данного движения – строились школы, оснащались больницы, открывались дома призрения, контролировались общества взаимопомощи. И во всем этом принимала активное участие Церковь, или, вернее, церкви. И не в последнюю очередь свою активность в этом процессе проявлял класс, обруганный последующими реформаторами, – сановники Англиканской церкви, ее епископы, архидиаконы, приходские священники и каноники.

Стоит отметить один парадокс в позиции Церкви в XVIII в. Влияние «естественной» религии в начале столетия привело к тому, что основной акцент стали делать скорее на деяния, чем на веру. Христианами считались те, кто вел себя как христиане, и благотворительность являлась наиболее очевидным выражением религиозного благочестия. Однако рациональная религия, какой бы великодушной она ни была, не предлагала достаточного духовного утешения тем, кому недоставало образования или интеллекта, чтобы удовлетвориться рационализмом. Духовная энергия всех основных церквей на глазах слабела под влиянием веротерпимости. Главные направления сектантства, терзаемые теологическими спорами, обусловленными тем вызовом учению о Троице, который был брошен деизмом, явно ослабели в качестве общественной силы, отступив, по крайней мере в тот период, под традиционную защиту городского среднего класса. Церковь в сельских районах продолжала выполнять свою во многом беспорядочную работу, которая, как и всегда, зависела от местопребывания и личной самоотдачи ее священнослужителей. В

городах она слишком зависела от благовоспитанных прихожан из среднего класса, которые могли оказывать поддержку бедным городским приходам и финансировать украшение или ремонт церковных зданий, слишком зависела, чтобы позволить себе отстраниться от них или взывать к их совести, как это делали диссентеры.

Обещать беднякам воздаяние в ином мире за страдания в мире этом было предоставлено непослушной дочери Церкви – методистскому движению. Множество граней и связей методизма Уэсли делает затруднительным составление общего вывода о его значимости. Сам Джон Уэсли был преподавателем Оксфорда, являлся сторонником взглядов Высокой церкви и политики противодействия просвещению. Однако для многих его влияние кажется в некотором роде выражением пуританского духа религиозности XVII в. Его собственное духовное озарение было бурным и отмеченным высочайшей степенью того, что с легкостью можно было бы принять за безрассудство и своеволие. В то же время организация и дисциплина, установленная им в отношении своих последователей, граничила с деспотизмом. В теологическом смысле Уэсли был арминианином, однако кальвинизм также оказал далеко идущее воздействие на методистское движение. Несомненно, что предшественниками Уэсли были кальвинисты, такие, как Гриффит Джонс и Хауэлл Харрис в Уэльсе, а также Джордж Уайтфилд в Англии. Своим противникам эти люди казались опасными и даже подрывными элементами. Проповеди на открытом воздухе могли рассматриваться как дерзкое покушение на монопольное право приходского священства вещать с кафедры; с точки зрения мирских властей, готовность Уэсли донести свои откровения всем званиям и сословиям угрожала спокойствию округи. Однако его политические взгляды были всецело авторитарными и не представляли угрозы социальному порядку. Уэсли и его последователей занимало только одно: полная возможность евангельского спасения для всех, прежде всего для бедных, отверженных общин горняцкой и промышленной Англии, которыми пренебрегали более изысканные вероучения. Успехи Уэсли могут преувеличиваться, так как после его смерти вряд ли осталось более 70 или 80 тыс. убежденных методистов. Однако беспокойство и споры, причиной которых послужила его бурная жизнь и поездки, дают представление о масштабе его воздействия на общество георгианской эпохи. Методистов обвиняли в бесчисленных грехах, многие из которых взаимно несовместимы. Их проповедники объявлялись папистами и пуританами, якобитами и республиканцами; они насиловали жещин и побуждали их отказываться от всех плотских удовольствий; они домогались имущества других людей и отрицали их право владеть земными благами. Многочисленность обвинений против методистов сама по себе делает очевидным то, что Уэсли прикоснулся к чувствительному месту в сознании современников и обнажил смущающий недостаток в их образе веры.

Становление Англии среднего сословия

Впечатление, подтвержденное ранней историей методистского движения, отражает одно из множества важных социальных конфликтов и проблем. Но не стоит придавать излишний контраст общей картине. Прежде всего, в то время было широко распространено мнение, что английское общество смогло избежать наихудших крайностей. На иностранцев производили сильное впечатление именно гибкость и прочность английской социальной ткани, отсутствие в ней напряженности и жесткости. Целый ряд французских путешественников, от Вольтера до аббата Гроли, печатным словом удостоверили отсутствие «каст» в этой стране. Они отмечали ту легкость, с которой тот или иной человек может двигаться вверх и вниз по социальной лестнице. В особенности их одобрение заслужило отсутствие привилегий и преимуществ у аристократов в Англии по сравнению с континентальной Европой. Пэров могла осудить только Палата лордов, но, попав на эшафот, они несли наказание публично, как обыкновенные преступники. Когда лорд Ферреpс был казнен в 1760 г. за убийство слуги, его судьбу часто истолковывали как

убедительное свидетельство того, что закон в Англии не делает различий ни в преступлениях, ни в смерти. Касаясь вопроса менее трагического, но, возможно, имеющего не меньшую важность, Гроли с изумлением узнал, что сбор за проезд на новых платных дорогах уплачивается вне зависимости от положения в обществе и без скидок для знати. Кроме того, ухудшение жизни и голод, угрожавшие городской бедноте, казались куда предпочтительнее условий, в которых проживали французские или немецкие крестьяне. Английский рабочий (хотя необходимо признать, что комментаторы обычно имеют в виду лондонского рабочего), по их словам, имел хорошую оплату, нормально питался и был чрезвычайно независимым и красноречивым. Самым важным из всего этого, возможно, было то особое внимание, которое иностранцы обращали на весьма гибкое определение понятия «джентльмен». Казалось, к каждому, кто одевался как джентльмен, и относились как к джентльмену. Лондонцы из среднего и даже низшего классов подражали моде, манерам и мнениям высшего общества. Именно это, как были уверены наблюдатели, является подлинным признаком общества, в котором все общественные ценности, границы и обычаи уступали дорогу суверенной власти денег. Англия в Европе XVIII в. служила ярчайшим примером плутократического общества.

Сущность этой плутократии служит ключом к пониманию социальной стабильности, которой был отмечен тот период. На поверхности имелось мало признаков того, что базовая структура владения собственностью в то время претерпела кардинальные изменения. В этой сфере не наблюдалось ни впечатляющего притока капиталовложений буржуазии в земельную собственность, ни масштабной экспроприации земли у аристократии или джентри. Постоянно идущий процесс ассимиляции небольших групп из деловой среды и лиц свободных профессий изменял первоначальный состав класса землевладельцев, не оказывая значительного воздействия на его общий характер. Правда, если рассматривать верхушку социальной лестницы XVIII в., то можно видеть усиление и укрепление слоя крупнейших землевладельцев. Но земля была лишь одной из многих форм собственности, и не обязательно самой важной. Даже в начале столетия приоритет земельной собственности начал снижаться. Оценки национального дохода во времена «Славной революции» показывают, что доля сельского хозяйства в нем составляла около половины. Однако соотношение менялось; к 1780 г. оно, вероятно, сократилось до одной трети. Фактически земля сама стала частью общей коммерциализации английской экономики; затраты на ее эксплуатацию и улучшение рассматривались точно так же, как и вложения в акции, торговлю или производство. Было отмечено, что если депрессия в сельском хозяйстве мало влияла на торговлю, то в обратном случае дела обстояли по-другому: спады в торговле оказывали крайне негативное воздействие на цены на землю. Во время войны с Америкой вызванный ею резкий спад во внешней торговле оказал немедленное воздействие на стоимость недвижимости, что привело к серьезным политическим последствиям. Если бы землевладельцы обладали значительной долей неземельной собственности, ситуация была бы совершенной иной. Но у них ее просто не было, несмотря на все их значение в определенных секторах, таких, как владение правами на разработку полезных ископаемых или их роль на рынке государственных ценных бумаг. Движимое имущество в форме промышленного капитала, личного богатства и торговых балансов в подавляющем большинстве случаев принадлежало широким массам среднего класса. Именно от него в первую очередь зависели жизнеспособность и рост национальной экономики, а также социальная гибкость и стабильность общества, которыми так восхищались иностранцы.

Средний класс, или, как его еще называли, «средний слой», конечно, не имел единого социального самосознания, не был он и однородной группой. Между обладавшими огромными торговыми состояниями заправилами больших городов, господствовавшими на рынке капитала, и мелкими торговцами и ремесленниками, представлявшими основную опору коммерческой Англии – новую «нацию лавочников», пролегала значительная дистанция. Эту мысль часто приписывают Наполеону, но на самом деле Адам Смит

высказал ее задолго до него. Кроме того, нельзя сказать, что было много сходства между зажиточным крестьянином, крепко стоящим на ногах фермером-арендатором, которого вскоре удостоят наименования «фермер-джентльмен», и его городским аналогом – предпринимателем, доктором или юристом, которые процветали в обществе времен начала промышленной эры. Тем не менее эти люди имели много общего. Зачастую добившиеся успеха только собственными силами и всегда зависящие от энергичного использования своих талантов, они были настоящими «капиталистами» в том смысле, что вкладывали свой труд и свои доходы в предпринимательскую деятельность, коммерческую или профессиональную. Все вместе они владели, управляли наиболее динамичными сегментами экономики или контролировали их. В сфере политики их верховенство редко оспаривалось в больших и малых городах; даже во многих сельских приходах они чаще представляли правящий класс, чем надменные олигархи или величественные магнаты, казавшиеся такими важными в Уайтхолле или Вестминстере.

Доминирующее влияние этого класса, с его прагматичным отношением к действительности и прямой коммерческой логикой, ощущалось повсеместно. Не в последнюю очередь оно было очевидным в сфере образования, которое в XVIII в. имело жалкую репутацию. Если проанализировать состояние великих учебных заведений времен Тюдоров и Стюартов, классических школ и университетов, то результат будет выглядеть не очень обнадеживающим. Классических школ, которые продолжали энергично выполнять свою задачу – давать образование детям сравнительно скромного происхождения, было немного. Школьные фонды в большинстве случаев были явно недостаточными, для того чтобы покрывать все расходы или избежать корыстолюбия со стороны тех, кто их контролировал. Священники, проводившие в них обучение, зачастую делали все, что в их силах, но и они не могли противостоять расхолаживающему влиянию низкого жалованья и неудовлетворительной поддержки. Университеты Англии создавали впечатление самоуспокоенности и спячки, особенно в сравнении с шотландскими университетами. К северу от англо-шотландской границы научная жизнь была отмечена религиозными спорами и даже фанатизмом. Но она отражала также ту энергию, которую давало ей Шотландское Просвещение. Вклад шотландцев в европейские достижения того времени в таких областях, как философия морали, политическая экономия и медицина, был очень существенным. Английские университеты сильно проигрывали по этому критерию. В их задачу входило, с одной стороны, обучение священнослужителей, а с другой – предоставление широкого образования благородным и имущим сословиям. Именно ее они выполняли даже с большим рвением, чем им обычно приписывалось. Упорядоченная и новаторская программа обучения, предложенная в новых учебных заведениях, таких, как Хертфорд в Оксфорде, или подлинный прогресс, достигнутый в математическом образовании в Кембридже, никоим образом не подтверждает того впечатления, которое создают издания Роулендсона или антиклерикальная пропаганда. Тем не менее они никак не удовлетворяли потребности среднего класса.

Но дело в том, что от них этого и не ждали. Из-за недостатка классических школ и университетов характерные для среднего класса схемы финансирования в виде подписки и членских взносов были направлены на создание большого количества учреждений, дающих практическое, прогрессивное образование, призванное помочь отпрыскам среднего сословия найти место в свободных профессиях и в мире бизнеса. Эти школы зачастую существовали недолгое время, а когда закрывались, оставляли после себя настолько мало следов, что викторианским критикам было легко поверить в то, что эти школы никогда не существовали. Даже самые лучшие школы XVIII в., включая академии диссентеров в Нортгемптоне и Уоррингтоне, в числе других таких же заведений, просуществовали совсем недолго. Но пока они работали, они давали именно то основное, непретенциозное образование, которое было нужно среднему классу.

В результате сложилась подлинная культура среднего класса, с характерной для нее прагматичностью. Если и было Английское Просвещение, то оно существовало, вероятно, в

форме просвещения практического ума. Основное внимание в середине XVIII в. было приковано не к теологическим спорам или к философским размышлениям, а скорее к прикладным технологиям. Общество поощрения искусств, основанное в 1758 г., подходящим образом выражало этот дух. В первые годы деятельности Общества проектом, вызвавшим, наверное, наибольшие споры, стал план по доставке рыбы, пойманной у морского побережья, дорожным путем в Лондон, что нарушало монополию торговцев рыбой, выловленной в Темзе, и резко снизило цены на этот полезный и (как подчеркивалось) питательный продовольственный товар. Несомненно, проект являлся немного эксцентричным, но его цель была исключительно практической. Деятельность Общества поощрения искусств вызывала огромный интерес в стране, но оно было всего лишь самым знаменитым среди множества клубов и ассоциаций, формальных и неформальных, эфемерных и просуществовавших долгое время, которые возникли на основе интереса к научному или псевдонаучному знанию. В провинции этот интерес вызывал не меньше энтузиазма, чем в столице. И вновь стоит отметить, что Личфилдский кружок, связанный с Эразмом Дарвином, а также Лунное общество были только наиболее прославившимися среди множества любительских объединений и отличавшимися наибольшим рвением в этой области. Поток литературы, организации которого они способствовали, также дает представление о росте общественного интереса к научным проблемам. Даже ежемесячные журналы, чьей основной задачей было развлекать, давали информацию о неисчислимом множестве изобретений и научных теориях той эпохи, глубоко увлеченной исследованием материального мира.

Работа и обучение среднего класса требовали развлечений для него же. Восемнадцатый век всегда будет ассоциироваться с увеселениями светского олигархического общества, нашедшими выражение, в частности, в расцвете первого из известнейших своими минеральными источниками городов-курортов. Однако город Бат в георгианскую эпоху был бы всего лишь тенью себя самого без клиентуры из среднего класса. Успех предприятия семьи Вуд, выступившей застройщиком, и «Красавчика» Нэша в качестве первого распорядителя зависел не только от имен великих мира сего, но и от денег среднего слоя. На одного аристократа, о котором сообщалось, что он лечится на водах или посещает ассамблею, приходилось множество тех, кто платил деньги за возможность быть причастным к светской атмосфере, созданной здесь. В этом отношении, как и во многих других, именно неизменная приверженность среднего слоя моде и обычаям высших классов поддерживала коммерческий успех сферы досуга и роскоши, одновременно сохраняя впечатление господства и покровительства аристократической элиты. В любом случае Бат едва ли был уникальным явлением. Курорты с минеральными источниками в конце концов стали как региональным, так и национальным феноменом, предлагая в провинции ряд неплохих имитаций своей более известной модели. Когда Даниель Дефо путешествовал по Англии в начале 20-х годов XVIII в., он обнаружил множество таких городов-курортов. Танбридж, отметил он с изумлением, является городом, в котором «театр и развлечения служат основным видом деятельности». Но у Танбриджа было несколько конкурентов, расположенных вокруг столицы: Эпсом, Далвич, Сиденгем-Уэлс; все они предлагали привлекательные курортные услуги жителям Лондона, желающим поддержать здоровье деревенским воздухом и минеральными солями. В Скалистом краю (живописный холмистый район, расположенный в графствах Дербишир и Стаффордшир), уже в то время ставшем излюбленным местом для предшественников современных туристов, он обнаружил, что в Бакстоне и Мэтлоке спрос со стороны прибывших превышал возможности для их размещения. Бакстон в середине XVIII в. развивался особенно быстро, хотя к 80-м годам его соперничество с Танбриджем за второе место среди городов-курортов после Бата находилось под серьезной угрозой со стороны новичка – Челтнема.

Количество источников минеральных вод, разумеется, было ограниченным, однако сколько угодно было другого ценного продукта морской воды. В данном отношении, как и в случае с минеральными источниками, должная связь здоровья и отдыха была установлена

при сотрудничестве с медиками, которые поспешили засвидетельствовать бесчисленные полезные свойства соленой воды и морского воздуха. Брайтон до 90-х годов не отличался сколько-нибудь значительными размерами. Но создание приморских курортов началось задолго до этого. «Трактат об использовании морской воды при болезнях гланд» доктора Рассела, опубликованный в 1749 г., оказал важное влияние на этот процесс. Город Уэймут, который широко рекламировал высокое содержание минеральных солей в воде Ла-Манша, к 1780 г. уже был процветающим курортом. Маргит и Рамсгит, куда можно было легко попасть из Лондона, начали развиваться даже раньше и выступали с более изощренными и разнообразными предложениями. Город Скарборо на побережье Йоркшира был развит в неменьшей степени. Несомненно, что медицинский компонент в этих предприятиях был важен. Но нетрудно заметить, что главная движущая сила подпитывалась куда более приземленными социальными потребностями. Между светским обществом, с его ритуальным разделением года на сезоны, ориентированным на Двор распорядком дня, и презираемыми этим обществом ярмарками и праздниками низших слоев зияла пустота, которую новые места отдыха заполнили с громадным успехом и выгодой. Преимущественно они предназначались для среднего класса, являя собой городскую жизнь, временно перемещенную в новую обстановку, – буржуазный эквивалент аристократического отъезда в загородную резиденцию. В основе их стремительного развития лежала широко ощущаемая потребность в создании видов отдыха, предназначенных именно для среднего класса. Использование системы вступительных взносов и сборов по подписке гарантировало респектабельность компании и благопристойную атмосферу богатства. Такое гибкое, но в то же время надежное окружение было особенно важно для женщин, которые в некотором смысле больше всех выиграли от установления новых стандартов достатка. Задолго до появления курортов их особенность была в полной мере выражена в том, что Дефо называл «новой модой собираться в ассамблеях». Ассамблеи, где танцевали, играли в карты, проводили чаепития и просто общались, в середине столетия стали повсеместным явлением. Даже во многих небольших городах они брали на себя различные функции, начиная от таких практичных, как брачный рынок, и заканчивая такими случайными, как распространение сельских сплетен. В более крупных городах в зданиях ассамблей могла находить видимое выражение гражданская гордость; в Норидже замечательные театр и зал для ассамблей, построенные в 50-х годах XVIII в., были спроектированы местным архитектором Томасом Айвори. Они были воздвигнуты примерно в то же время, что и новые великолепные диссентерские церкви, – отнюдь не неуместная демонстрация социальной связи между религией и отдыхом. Множество тех, кто чуть ли не ежедневно платил за вход на «рауты» в ассамблее, по воскресеньям направлялись на церковную службу.

Было бы крайне неосторожным шагом насильственным образом подводить под единый знаменатель все разнообразие культурных процессов того сложного времени. Однако мало сомнений в том, что господствующий тон в искусстве середины георгианской эпохи был тесно связан с потребностями многочисленного, богатого и амбициозного среднего класса. Это не было простым отступлением от канонов строгого аристократического классицизма к буржуазному романтизму. Скорее сама классическая традиция продолжала подвергаться интерпретации, как это делалось на протяжении жизни многих поколений со времен Возрождения. Однако в повсеместно распространенных каминах Адама и керамике Веджвуда чувствовался совершенно новый и даже антиаристократический дух. Триумф классицистического искусства был триумфом элиты, данное искусство в первую очередь и предназначалось для элиты. Упорядоченность структуры и формы служила отличительным признаком искусства начала XVIII в., и изощренность его классического содержания служила ключом к его пониманию. Сатиры в духе Горация, написанные Поупом, проекты Берлингтона в стиле Палладио, а также застывшее в своих правильных формах декоративное садоводство, являющееся излюбленным для таких классицистов, как Уильям Кент, принадлежали к одному и тому же миру. Однако двадцать лет спустя лишь немногие

прагматично настроенные представители среднего класса, получившие соответствующее образование, смогли бы по достоинству оценить лингвистические нюансы; еще меньшее число таких людей могло бы соотнести себя с венецианским Возрождением. Наоборот, культурные достижения середины столетия не требовали ни изощренности, ни утонченности. Декоративное садоводство, рекламируемое Уильямом Шенстоуном, и в еще большей степени мода на «естественный» ландшафт, эксплуатируемая Брауном, являли собой разрыв с увлечением классическими имитациями и аллюзиями, которыми было отмечено начало XVIII в. Абсолютно то же самое можно сказать и о новой литературе того времени. О специфически буржуазной природе романа, как в его авантюрной, так и в пуританской форме, уже много сказано. Иногда, как, например, в желчных изображениях распутных аристократов в романах Ричардсона «Памела» и «Кларисса», она выпячена почти в болезненной форме. В других случаях, как в приключенческих рассказах Смоллетта и Филдинга, она принимает форму моралистического интереса к жизни низшего и среднего слоев. Так или иначе, эти тенденции встретились, и в 60-х годах состоялся настоящий триумф сентиментализма, в котором они нашли свое наиболее характерное выражение. Действие «Тристрама Шенди» Лоренса Стерна происходит как во дворцах, так и в гостиных, а сам роман обращается и к плутократам, и к торговцам. Однако широко распространенный энтузиазм по отношению к сентименталистскому направлению не должен заслонять от нас его скрытое значение как выражения ценностей и взглядов среднего класса. Сентиментализм в вымысле довел до совершенства то, что богатство предпринимательской Англии воплощало в реальности, а именно усвоение светскости обществом потребления. Сентиментализм сделал «естественный» вкус, вкус добродетельного человека, вне зависимости от его воспитания и происхождения, настоящим критерием благородства. Он также усилил домашнюю мораль среднего класса, с ее акцентом на семейную жизнь, и приверженность кальвинистским представлениям о добродетели в противовес героическим, но в то же время иерархическим понятиям о личной чести. После смерти Георга II в 1760 г. новые король и королева стали в целом подходящими символами таких идеалов, привнося в светское общество чуть ли не викторианскую атмосферу. Таким образом, они всего лишь честно отражали нравы многих своих подданных. Раньше представители среднего класса просто-напросто подражали тем, кто стоял выше их на социальной лестнице. Теперь в этом не было нужды, по крайней мере в теории. Манеры поведения в «прекрасном новом мире» не нужно было ни у кого занимать, и «человек чувства», как герой одноименной и влиятельной книги Макензи, фактически стоял вне классов.

Если культура среднего класса была сентиментальной, то одновременно она была отмечена определенной обособленностью от остального мира, смягчаемой только стремлением самих художников демонстрировать свою открытость внешним влияниям. Но деятельность законодателей стиля в этом отношении может отчасти вводить в заблуждение. Сэр Джошуа Рейнолдс, признанный маэстро английского искусства периода нового правления, сознательно апеллировал к образам континентальной Европы и видел себя в качестве выразителя более высоких традиций европейского искусства для малообразованной, но отзывчивой публики. Однако у себя на родине он в известном смысле воплотил множество новых тенденций. Рейнолдс, как и его коллеги Хейман и Гейнсборо, зависел от новых богачей в той же мере, как и от более аристократических заказчиков. Кроме того, его влияние четко отражало одновременно и национальную энергию, и стремление к профессиональной организованности, которыми был отмечен тот период. Королевская академия, созданная в 1768 г., на одном уровне являла собой представительную ассоциацию художников, сравнимую с другими профессиональными союзами, которые стали создаваться врачами и юристами. На другом уровне она привела к небывалому подъему мощного национального искусства, о котором говорил Хогарт, так его и не увидевший. Нельзя сказать, что иностранное влияние было незначительным как в этой, так и в иных областях культуры. Ангелика Кауфман была самым популярным декоратором

модного Лондона, Иоганн Зоффани – одним успешнейших портретистов. Но ни один из них не играл той роли, которую иностранцы играли еще в начале века. Среди них не было ни Веррио, доминировавшего в оформительском искусстве, ни Хандела, возвышавшегося над английскими музыкантами, ни Рюсбрака или Рубийяка, определивших пути развития монументальной скульптуры. Их место занял Адамс, украшавший дом англичанина, Берни или Бойс, развивавшие его слух, Уилтон, запечатлевавший его в памяти после смерти.

Вновь обретенная уверенность в себе в области культуры нигде не была такой заметной, как среди живописцев. В скромных попытках Хогарта создать по-настоящему национальную традицию более всего поражает именно его одиночество перед лицом этой великой задачи. Что касается его последователей в рамках английской школы, то тут сильнее всего изумляет та легкость, с которой они без всяких затруднений усваивали европейские приемы, не приобретая при этом чувства неполноценности или подчиненности. В данном отношении Джозеф Райт из Дерби, не самый прославленный, но, возможно, самый новаторский художник середины века, являет собой представительный пример. Он дружил с Эразмом Дарвином, дедом Чарлза Дарвина, и сам был известным врачом, ученым и даже поэтом. Райт успешно занимался исследованиями в области научных экспериментов и открытий, отчасти предназначенных для образовательных нужд. Но он также был искусным мастером светотени, за которого не было бы стыдно самому Караваджо. Как и все, Райт съездил в Италию, но уже после написания своих главных шедевров, а не до того. После его возвращения многим показалось, что он там скорее потерял, а не нашел вдохновение.

Политика протеста

Социальные изменения, которыми была отмечена середина георгианской эпохи в Англии, были глубокими, далеко идущими и оказавшими сильнейшее влияние на будущее развитие страны. Но их непосредственное воздействие на политическую структуру в то время, когда доминировали власть неписаных законов и сила обычая, трудно оценить. Внешне в середине столетия произошло мало перемен в характере политической жизни. Администрации Норта (1770-1782) и Питта Младшего (1783-1801) неизбежно провоцировали сравнения, как в приемах, так и в стратегии, с администрациями Уолпола и Пелэма. Что касается фундаментальных конституционных изменений, то их и в самом деле было немного. В ретроспективе кажется, что пролегает целая вечность между их временем и той лавиной агитации и реформ, которые расшатывали устои *ancien regime* («старого режима») в XIX в. И все же в данном случае внешние про явления были глубоко обманчивыми. Язык, цели, даже механика политики – все это изменилось вместе с осознанием наличия большой, политически активной нации, жившей за стенами узкого мирка Уайтхолла и Вестминстера. Размах и ожесточенность полемической войны, которая велась на страницах газет, листков и памфлетов в 50-х и 60-х годах XVIII в., служат адекватным свидетельством кипучести публичных дебатов и озабоченности политиков, участвующих в них. В этих дебатах один из таких политиков, казалось, занимал особое место. Репутация Питта Старшего такова, что даже спустя два с половиной века трудно взглянуть на него с критических позиций, что требуется в отношении такой влиятельной фигуры. До 1754 г. карьера Питта была далека от безусловного успеха. Младший сын в расточительной и эксцентричной семье, Питт вошел в одно из величайших семейств вигов – Темплстоу и позднее женился на его представительнице. Будучи еще молодым человеком, он сделал себе политическое имя в качестве оратора-патриота, не чурающегося пугающей риторики и безрассуднои горячности. Его антиганноверские выходки во время Войны за австрийское наследство приобрели широкую известность и принесли ему полезную популярность, но в то же время сделали его почти навсегда персоной нон грата у короля. В 1746 г. семейство Пелэм смогло предложить ему государственный пост, который обеспечивал доходы, но не сулил дальнейших перспектив. В качестве генерального

казначея Питт был отстранен от принятия важных политических решений и фактически не мог участвовать в парламентских дебатах. Казалось, что это еще один пример патриота, жертвующего принципами ради продвижения по службе. Но судьба Питта кардинально изменилась благодаря событиям середины 50-х годов. Внезапная смерть Генри Пелэма в 1754 г. даже в то время казалась водоразделом эпохи, ее важность была обозначена не чем иным, как словами короля: «Теперь у меня больше не будет покоя». Преемником Пелэма стал его брат, Ньюкасл, проницательный и опытный министр, нисколько не похожий на ту смехотворную посредственность, каким его изображали в легендах, распространявшихся вигами. Однако в Палате лордов ему было трудно обрести такое же влияние, которое имели его брат или Уолпол. Главным соперником Питта в Палате общин был Генри Фокс, которому недоставало политической смелости и веса, чтобы заменить Пелэма. «Старая гвардия» вигов, доминирующая сила в Парламенте со времен восшествия на престол Ганноверской династии, осталась практически без руководства. Их оппоненты-тори, к тому времени про являвшие все большую тревогу по поводу непрекращающейся опалы и больше не думавшие всерьез о «короле за морем», тоже искали вдохновляющую идею. В состоянии ли был Питт дать то, в чем нуждались и те и другие?

Причиной того, что он сумел это сделать, стал ряд обстоятельств, в особенности международная ситуация. Война за австрийское наследство обозначила основные районы будущих конфликтов, так и не приведя к их решению. Главной доминантой в борьбе за заморские колонии стала теперь не судьба Испанской империи, а мировой по своим масштабам конфликт между Британией и Францией, которые в ту эпоху господства меркантилизма являлись самыми успешными меркантилистскими державами. В Северной Америке французы пытались создать непрерывную цепь подконтрольных себе территорий от Квебека до Луизианы, чтобы лишить английские колонии возможности дальнейшего продвижения в глубь континента. В Вест-Индии не прекращались препирательства из-за производящих сахар спорных островов; то же самое происходило в Западной Африке по поводу торговли рабами и камедью. В Индии раздоры среди местных князей и их слабость в соединении с алчностью французской и английской Ост- Индских компаний привели к весьма неустойчивому положению. Все указывало на необходимость отчаянной и решающей войны для определения судьбы империй. Когда она была объявлена, ее начало оказалось катастрофическим как для Англии, так и для политических соперников Питта. В 1755-1756 гг. неудачные попытки нанести французскому флоту решительное поражение в Атлантике и потеря Менорки на Средиземном море, а в дополнение ко всему безжалостность, с которой был принесен в жертву несчастный адмирал Бинг, дискредитировали, если не растоптали старый режим вигов. Все это привело к возвышению Питта, а с ним, вероятно, и первой Британской империи.

Последующие годы вошли в историю как период исключительной важности и исключительных достижений. Успехи Семилетней войны, обеспечившие решительное поражение Франции в Северной Америке и в Индии, а также устранившие угрозу со стороны Буробонов на всех направлениях, стали важнейшим событием на пути создания империи и сделали Питта самым прославленным и успешным премьер-министром во время войны (war minister) в британской истории. Кроме того, его триумфальная победа над «старой гвардией» политиков, казалось, говорила о появлении качественно нового политика и качественно новой политики, что побудило доктора Джонсона противопоставить Уолпола как «министра, данного королем народу» Питту как «министру, данному народом королю». Однако Питт достиг вершин власти скорее благодаря своей политической проницательности и просто удаче, чем общественному требованию. Предполагаемая массовая поддержка его политики была срежиссирована его друзьями из Лондонского Сити и новыми союзниками-тори, обретенными в провинции. Его первая попытка утвердиться во власти, кабинет Питта – Девоншира 1756-1757 гг., была скоротечной и слабой; вторая попытка, коалиция 1757 г., оказалась гораздо более успешной, отчасти благодаря достигнутому соглашению с Ньюкаслом, отчасти благодаря

поддержке принца Уэльского, будущего короля Георга III. Достигнутая комбинация взаимных интересов и сделок со «старой гвардией» представляла собой такое же циничное политическое маневрирование, каким оно было в исполнении предшественников и оппонентов Питта. Оно очень сильно напоминает то, что Уолпол проделал в 1720 г., когда он и принц Георг (будущий Георг II) угрозами и лестью проложили себе путь ко двору короля.

Сама война также не была тем безусловным успехом Питта, который ему стремились приписывать его сторонники. Фундаментальная стратегия, реализуемая Питтом, находилась в полном противоречии с той патриотической программой, которую он ранее выдвигал. Его приверженность дорогостоящему союзу с Пруссией и щедрое расходование как денежных, так и людских ресурсов Британии на содержание армии в Германии следовали дипломатической стратегии Пелэма и Ньюкасла. Собственный вклад Питта в войну, а именно применение комбинированных войсковых операций на побережье Франции с целью отвлечения французских сил от ведения войны на территории Германии, был его отчаянной попыткой подтвердить репутацию патриота в глазах своих друзей-тори, которые проявляли все большую тревогу по поводу его «ганноверской» политики. В военном отношении его действия были расточительными и большей частью неэффективными. Когда наконец пришла победа, она была достигнута в основном теми силами, которые Питт контролировал в очень малой степени. Французы заплатили высокую цену прежде всего за свою неудачу в сосредоточении ресурсов для морских и колониальных боевых действий. В Индии превосходство, достигнутое британской Ост-Индской компанией, имело локальный масштаб, однако оно стало решающим, особенно когда на чашу весов были брошены таланты Клайва. Слова Питта о Клайве как о «генерале от бога» было риторическим признанием того, что в назначении Клайва нет его заслуги. Даже Вулф, чье героическое вступление в Квебек приковало внимание нации, был только последним из целого ряда командующих, чья деятельность в Северной Америке не приводила к таким же успехам. Однако победа разрешает все проблемы в войне, по крайней мере до тех пор, пока не начинаются переговоры о мире. До 1759 г., названного «чудесным годом» (*annus mirabilis*), когда удача повернулась к Англии лицом как в Вест-Индии, так и в Северной Америке, коалиция Питта и Ньюкасла постоянно балансировала на грани развала. Сторонники Питта среди тори все время говорили о необходимости ухода министра, чья политика внушала им тревогу, в то время как его союзник Ньюкасл неоднократно угрожал уволить его коллегу, тратившего огромные деньги на провальные мероприятия. В 1759 г. эти трудности были преодолены.

Питт не в полной мере заслужил полученное им восхваление за успехи Семилетней войны, но в двух важных отношениях его историческая репутация полностью оправданна. Если популярное мнение о Питте несколько преувеличивает его заслуги, то его роль в изменении характера политической жизни XVIII в. была, без сомнения, очень важной. В середине века ее основа определенно дала трещину. Опала сторонников тори, а также то, что семейства вигов могли контролировать систему патроната лишь в рамках очень узкого круга, не могли продолжаться долго. Питт по крайней мере дал надежду на разрыв со старой политикой, особенно в столице, где он имел по-настоящему широкую поддержку среди имеющих право голоса. Сходным образом как военный лидер он обладал одним важнейшим качеством, которого не было ни у одного из его соперников в то время, качеством, без которого война не могла бы продолжаться, а тем более получить триумфальное завершение. Его политическая смелость, а также уверенность, порой неотличимая от бездумной самонадеянности, давали более компетентным и осторожным людям моральную опору, а вместо с нею силы сражаться и одержать блестящую победу. Вера Питта в собственное лидерство стала ключевым компонентом в определении того, как будет продолжаться война в то время, когда старые лидеры вигов, Ньюкасл и Фокс, со всей очевидностью потеряли самообладание. Если политические лавры в конечном счете достаются тому, кто готов рискнуть всем, то в этом смысле Питт их заслужил.

Какова бы ни была природа достижений Питта, его противоречивая деятельность в те годы явилась подходящим прологом к драме, которая вскоре последовала. Преображенный характер политической жизни в 60-х годов XVIII в. всегда будет ассоциироваться с новым королем – Георгом III, а также с одним из его самых беспокойных подданных, Джоном Уилксом. В том, что связано с королем, эти годы стали в высшей степени травмирующими. Однако все, что делал Георг III, явилось, логической кульминацией тенденций, берущих начало во времена правления его деда. Это особенно верно в отношении его считающегося революционным решения отказаться от старого партийного разделения. Обоснованность такого разделения уже была подорвана успешными попытками принца Уэльского Фредерика и Питта привлечь на свою сторону ряд представителей тори. Отличие ситуации 1760 г. заключалось скорее в интонации, чем в сути, когда с неохотой проявляемая терпимость сменилась гордостью по поводу доступности нового режима для старых тори. При Дворе их приветствовали с распростертыми объятиями, наделяя постами, почестями и званиями. В графствах они возвратились (там, где это им не удалось сделать в предшествующее десятилетие) в коллегии мирового суда. В графствах Центральной Англии состав коллегий вновь стал напоминать поименный список местных сельских джентри, многие из которых были старыми тори, а то и старыми роялистами. Одному из самых грозных тори было обеспечено особое место под солнцем. Доктор Джонсон, литературный гигант эпохи, греющийся в лучах одобрения со стороны нового режима, в 1762 г. был отмечен пенсией от имени лорда Бьюта. В обретенном им новом статусе содержалась доля иронии. В 30-х годах Джонсон выступил с резкой патриотической критикой происпанской политики Уолпола в Карибском бассейне, которая, по его мнению, не обеспечивает британские претензии в этом регионе. Теперь, при новом короле, ему пришлось написать такую же мощную и даже более убедительную работу в защиту предполагаемого Георгом III умиротворения Испании за счет отказа от Фолклендских островов, которые он описывал как «мрачную и угрюмую пустыню, остров, непригодный для человека, со штормами зимой и бесплодный летом». Но на этом, как известно, проблема Фолклендских островов не исчезла из истории британской внешней политики. То, что символизирует успехи Джонсона как отдельной личности, в более удивительной форме выразилось на институциональном уровне в истории Оксфордского университета. На протяжении сорока шести лет это прибежище и святилище сентиментального якобитства прозябало в политической пустыне, тогда как сменяющие друг друга поколения священнослужителей-вигов монополизировали почетные и прибыльные места. Хозяева Церкви начала георгианской эпохи учились либо в Кембридже, либо в оставшихся в незначительном меньшинстве вигских колледжах Оксфорда. При новом правлении никто не сомневался в том, какой из университетов праздновал волнующее возвращение. Как ни странно, Оксфорд дал более чем одного премьер-министра даже для правительств времен первых Георгов. Однако Пелэм сделал очень мало, чтобы предотвратить стремление своего брата покровительствовать в церковных делах Кембриджу, а Питт лишь однажды снизошел до того, чтобы извлечь пользу из якобитских связей в своем родном университете. При Георге III Оксфорд дал еще одного премьер-министра, лорда Норта, который одновременно был канцлером (Chancellor), весьма подходящим образом представляя старинные семьи тори из роялистских графств. Если в возвращении тори ко Двору не было ничего удивительного, то это едва ли можно сказать о других новых мероприятиях Георга III. Правление началось в смутной атмосфере добрых намерений и возвышенных устремлений. Вскоре все утверждения о том, что новый «король-патриот» может попытаться найти возможность усилить свои прерогативы, были опровергнуты. Принятие Акта о престолонаследии (Crown Act), в котором оговаривалось, что судьи больше не должны оставлять свои посты после смерти суверена, как это делалось в прошлом, устранило любые подозрения относительно того, что короли могут использовать свои законные права для устранения юридической верхушки, состоящей из вигов. В то же время Акт о цивильном листе (Civil List Act) предполагал, при условии жесткого контроля, выделение

на королевские нужды 800 тыс. фунтов стерлингов в год. Столько же выделялось и Георгу II, однако в новом законе содержалось важное дополнительное условие, согласно которому любой доход, полученный сверх этого в рамках сборов, предусмотренных цивильным листом, в будущем будет направляться в государственную казну, а не Короне. С учетом инфляции данное условие серьезным образом ограничивало возможности Короны справляться с ростом расходов на нужды Двора и, в чем состоит вся ирония, стало наиболее чувствительной уступкой, сделанной королем во имя патриотизма. В этом видна настоящая преемственность с партией из дворца Лестер-хаус во главе с принцем Уэльским Фредериком – не фантастический план создания нового варианта великодушного деспотизма, а скорее дальнейшее ограничение прав Короны.

Все эти вопросы, однако, были второстепенными по сравнению с самым важным приоритетом нового режима – достижением мира. Старые министры, Питт и Ньюкасл, ушли в отставку; первый сделал это в 1761 г., потому что Георг III и Бьют не стали расширять воину с Испанией, как он предлагал, а второй, в частности, в знак протеста против условий мира, заключенного в следующем году. Но большинство аргументов, приводимых ими, в ретроспективе выглядят легковесными. Мир не мог быть гарантирован без восстановления прав Бурбонов на часть потерянного ими в ходе войны. Возвращение основных островов Французской Вест-Индии и сохранение прав Франции на рыболовство в канадских водах не были чрезмерными уступками, да и Питт с Ньюкаслом при дипломатических обстоятельствах 1762 г. вряд ли могли достичь большего без продолжения воины до последней капли крови. Кроме того, громадные успехи предшествующих лет были достигнуты слишком дорогой ценой в финансовом отношении, что к 1761 г. вызывало широкое беспокойство. Доводы против дальнейшего продолжения войны, постоянно приводимые в газетах и памфлетах и наиболее четко сформулированные в работе Израэля Модуита «Размышления о германской войне», были очень серьезными. Война «до победного конца» (*à outrance*) могла закончиться банкротством. Кроме того, ее цель – продолжение поддержки Фридриха Великого и приобретение некоторых дополнительных колониальных владений – казалась все более сомнительной. Вполне возможно, что Георг III и Бьют, отчасти движимые осознанием того, что эта война, при всей ее победоносности, является не их войной, а также под влиянием необходимости скорейшего мира, уступили больше, чем следовало, особенно в отношении Испании. Но по существу дела мир, заключенный ими, являлся благоразумным и обоснованным шагом, он был горячо одобрен парламентариями и общественным мнением.

Тогда почему в этих условиях новое правление все-таки было таким противоречивым? Возможно, главная причина состоит в том, что новые люди привнесли в свою деятельность, в других отношениях способную принести только пользу, определенную долю личной вражды к старому режиму, что постоянно порождало проблемы. Исполнителем, избранным Георгом III для проведения реформ, стал его бывший наставник, лорд Бьют. Шотландский пэр, он был склонен скорее к интеллектуальным размышлениям и не обладал большим практическим навыком и опытом. Большая часть наставлений, с помощью которых он готовил молодого короля к исполнению его обязанностей, была скорее наивной, чем хитроумной. В них не было ни гигантского заговора против свободы и государственного устройства, ни какой-либо решимости установить новую авторитарную систему. Но не вызывает сомнений, что новый король и его министр испытывали глубокую неприязнь к людям, монополизировавшим власть во времена Георга II, и были готовы, а то и преисполнены решимости освободиться от них и даже унизить их. В Отношении «подлого» Питта, который, как они считали, предал двор принца в 1757 г., культивировалась настоящая ненависть, и с трудом можно представить, как Питт и Бьют могли бы сотрудничать в новых политических условиях. Но Питт страдал манией величия, и с ним мог бы долго иметь дело разве что святой. Однако великие семейства вигов – совсем другое дело. Их положение, вес и унаследованная ответственность могли обратить их в опасных противников. Несомненно, что они вели себя с новым королем с известной мерой

снисходительности, Такие семьи, как Кавендиш, были склонны считать себя делателями королей, для них ганноверские курфюрсты были *primi inter pares* (первыми среди равных). Ньюкасла, после долгих лет на государственной службе, можно было простить за ожидание того, что его советы будут приняты всерьез чванливым и неудачливым шотландским пэром, который был известен главным образом своими бесформенными ногами и покровительством ботаникам. Короче говоря, имелись все причины для осторожности, прежде всего для обеспечения как можно более мягкой смены политики. Это было вполне возможно. Виги из «старой гвардии» хорошо знали, что основное содержание требований Бьюта должно быть удовлетворено. Большинство из них, при отсутствии в их рядах харизматического лидера, были согласны работать под изменившимся руководством. Типичная фигура в этом отношении – лорд Норт, двоюродный брат герцога Ньюкасла, будущий премьер-министр, а во время наступившего нового правления – пассивный наблюдатель при дворе Георга III. Даже высокопоставленные лица, которые считали себя жертвами нового порядка, колебались по поводу объявления ему войны. Хардвик, старейшина юристов-вигов и один из столпов политической системы, сложившейся при Пелэме, стремился лишь сохранить достойные условия для своих друзей и продолжать получать места при Дворе для своей семьи. Учитывая все это, Бьют и Георг III сделал весьма неудачный шаг, оттолкнув Ньюкасла и его друзей, Поступив таким образом под предлогом споров вокруг условий мирного договора весной 1762 г., они породили вражду, одну из самых длительных в британской политике Нового времени.

Возможно, что отдаление старой политической верхушки было бы вполне приемлемой ценой, в случае если бы новые планы удалось реализовать, Но сам Бьют, окружив своего молодого ученика сильными врагами, уже через год предпочел уйти со службы, самонадеянно намереваясь управлять делами с задней скамейки, или, точнее (так как это было очевидно), с черной лестницы. Таким образом, к безрассудному антагонизму со старыми семействами вигов была добавлена легенда о подковерных интригах и влияниях, которая только усилила и вдохновила их оппозицию. Эта оппозиция вигов, а также двусмысленное поведение Бьюта стали основным фоном политической жизни в течение последующих двадцати с лишним лет. В скором времени, в 60-х годах, установилась напоминающая дурной сон цикличность в правительственной нестабильности, так как Георг III искал премьера, который был бы близок ему по духу в личном общении и был бы способен возглавить Парламент. В процессе поиска такой фигуры в качестве претендентов выступали и виги, включая лорда Рокингема, Питта и герцога Графтонского, пока в 1770 г. выбор не остановился на лорде Норте как человеке, способном нести мантию Уолпола и Пелэма. В течение всех этих лет извилистой, разнородной политики над ней нависало «проклятое наследие» (*damnosa hereditas*) непоследовательного, но очень опасного заигрывания Бьюта с властью, подозрений со стороны семейств вигов, а также миф о продолжающихся неблаговидных тайных попытках влияния. Когда Эдмунд Бёрк написал свой исчерпывающий, ставший классическим анализ политической ситуации того периода – «Размышления о причинах существующих недовольств» (1770), именно влияние этих факторов послужило основанием для систематических нападок на Новый Двор и созданную им систему. «Размышления» вошли в историю в качестве авторизованной версии тех событий со стороны партии вигов и стандартного набора проступков Георга III для последующих поколений.

В 60-х годах имелся в наличии другой легковоспламеняющийся материал. После войны наступил серьезный экономический кризис, который ярко продемонстрировал неравномерное распределение экономических благ в эпоху предпринимательства. Данный период отмечен рядом ожесточенных столкновений в сфере промышленности, которые привели к широкому распространению беспорядков в таких городских центрах, как Манчестер и Ньюкасл, угрожавших вылиться в политическое брожение. В сельской местности это были годы плохих урожаев, роста цен и серьезной нехватки продовольствия. В такой атмосфере деятельность Джона Уилкса нашла широкую поддержку. Исторически

сложившаяся репутация Уилкса как добродушного плута до известной степени затушевывает его политическую проницательность и изобретательность. Уилкса создали обстоятельства и оппортунизм. Поводы для недовольства, которые он эксплуатировал, еще десятью годами ранее нашли бы мало отклика. Ордера на задержание по произвольным обвинениям в политических преступлениях, которые вызвали так много споров, когда журналистская деятельность Уилкса вынудила министров Георга III выдать их, широко применялись и прежними правительствами ганноверской эпохи. В свое время их использовали и Питт, и Ньюкасл. Но тогда их применение оправдывали ссылкой на якобитскую угрозу, да и применяли их против преследуемых тори, а не громкоголосых вигов. Сходным образом, когда в 1768 г. Уилкс баллотировался от графства Мидлсекс, ему не позволили занять свое место в Палате общин, для обоснования чего нашлись допустимые прецеденты и адекватные юридические аргументы. Однако выборы в Мидлсексе были выборами в густонаселенном графстве, тесно связанном с лихорадочной политической жизнью столицы; к избирателям Мидлсекса невозможно было относиться как к горстке выборщиков в каком-нибудь гнилом местечке. Три года спустя, когда Уилкс и его друзья потребовали отмены права Палаты общин запрещать публичное освещение своих дебатов, они атаковали старую и ревниво оберегаемую привилегию законодателей. Но защита этой привилегии была безнадежным делом в новых политических усилиях. Поддерживавшие Уилкса радикалы – это типичные мелкие предприниматели, ремесленники и мастеровые. Они представляли собой «средний и низкий слой» в его наиболее концентрированном, ярко выраженном и изменчивом виде. Когда они обратились с жалобами к стране, то нашли поддержку не только среди провинциальных джентльменов, встревоженных угрозой своим избирательным правам, но и среди своих коллег в городах. Средний класс, главный элемент их кампании, не имел единой выработанной политики, и участие в протесте не являлось его излюбленной политической ролью. Но его участие в движении Уилкса, несомненно, свидетельствовало об обретенном им важном месте в политической жизни в эпоху правления Георга III. Однако стоит отметить, что этим обретенным значением его участники были обязаны себе лишь отчасти. Правила политической игры, применявшиеся во времена правления первых Георгов, больше не использовались, какие бы прецеденты они ни предлагали; люди, которые ранее считали их полезными, в новых условиях предпочли от них отказаться. Старые виги, в своей готовности использовать любое оружие мести против Георга III, много сделали для того, чтобы узаконить новый дух массовой оппозиции Двору. Без такого сотрудничества с высокопоставленными и уважаемыми людьми из среды правящего класса народные волнения, связанные с именем Уилкса, имели бы гораздо меньшие последствия.

Восстание и реформа

Первые годы нового правления всегда привлекали внимание своей красочной политической жизнью. Но в некоторых отношениях наиболее яркие перемены того периода касались роли Британии в колониях, осознания ее как империи, которая с неизбежностью возникла после Семилетней войны. Настоящая гегемония в Северной Америке была особенно впечатляющей. Имперские чиновники и министры вначале 60-х годов XVIII в. наслаждались коротким периодом ничем не сдерживаемой изобретательности, планируя новое и светлое будущее для американских колоний. Квебек обещал стать настоящим рогом изобилия (в том, что касается рыбы и мехов). Американские колонии, усиленные приобретениями в Канаде и во Флориде, должны были сформировать огромный и лояльный рынок для британских промышленников, стать долгосрочным источником важных видов сырья и даже (соблазнительная перспектива для обремененной долгами метрополии!) новым источником доходов в казну. Вест-Индия, прочно укорененная в более эффективно управляемую меркантилистскую систему, должна была максимально увеличить прибыли от процветающей работорговли, обеспечить постоянный приток

тропических продуктов и стать ценной базой для торгового проникновения в Испанскую империю. На Востоке вырисовывались еще более умозрительные и захватывающие перспективы. После победы Клайва при Плесси в 1757 г. Британия стала доминирующей европейской державой на индийском субконтиненте. Формально в Индии не было британского территориального присутствия, однако в реальности с того времени Ост-Индская компания была бесповоротно вовлечена в процесс настоящей колонизации. В этом отношении 1765 год, когда Клайв официально принял от имени компании земельную ренту (*diwani*) в Бенгалии, расширив таким образом сферу ее деятельности от простой торговли до политического управления, стал вехой такой же важной, как и сама победа при Плесси, логически из нее вытекая. Эти события изменили британское восприятие Индии. Экзотический характер новых владений и тот факт, что они открыли ранее малоизвестную культуру, сделали впечатление от создания новой империи более мощным. Это впечатление было тогда же выражено Фрэнсисом Хейманом в огромной картине, изображающей Клайва принимающим знаки покорности местных князей (она была выставлена в пантеоне модных развлечений Ранела (Ranelagh) в 1765 г.). Объем импорта азиатских диковин взлетел до небес, и впервые начал формироваться подлинный интерес к индийскому обществу. Другие аспекты новых приобретений на Востоке были менее благородными и трогательными. Во время всеобщих выборов в 1768 г. пресса была переполнена статьями о том, как в ряде избирательных округов появились люди, возвратившиеся домой после службы в Ост-Индской компании и использующие свое якобы неправедным образом полученное богатство, для того чтобы купить дорогу в Парламент. На сцену вышли «набобы». Их влияние неизменно преувеличивалось, так же как их проступки и злодеяния. Кроме того, в сущности, они не отличались от вест-индских плантаторов, «турецких купцов», «денежных людей» и др., чьи нетрадиционно полученные доходы вызывали неприязнь со стороны семейств с менее «разнообразными» доходами. Но их появление с неизбежностью возбудило сильное любопытство, а впоследствии тревогу. Сам Клайв был воплощением алчного набоба; безжалостность и бесстыдство, с которыми он при обретал личное состояние во время службы в компании, казались весьма характерными чертами целого класса людей, рассматривавших империю в качестве средства для быстрого и даже преступного обогащения. Казалось, что в Индии нет преград для соблазнов. Неистовая спекуляция акциями Ост-Индской компании, последовавшая после принятия *diwani*, а затем периодические кризисы в финансовых делах компании и не в последнюю очередь усиливавшийся интерес правительства к ее деятельности – все это в совокупности выставило сложный и зачастую коррумпированный характер политики компании на яркий и нежелательный для нее свет.

В Америке не было набобов, однако экономические и политические проблемы, вызванные стремлением сохранить и расширить Американскую империю, оказались более значительными даже по сравнению с результатами экспансии на Востоке, а их последствия более широкими. Британские министры очень хорошо сознавали потенциальную ценность своих подданных по ту сторону Атлантики, однако они не оценили высокую степень независимого отношения к вмешательству из Лондона, которую обрели тринадцать колоний. Они также не смогли верно оценить способность отдаленного, богатого, обладающего большими ресурсами населения, состоящего примерно из 2,5 млн человек, противостоять и противодействовать имперской власти. Результатом стало десятилетие циклического кризиса в англо-американских отношениях, начиная с Акта о гербовом сборе (Stamp Act), заставившего американцев провозгласить: «Нет налогов без представительства» – в 1765 г., и заканчивая восстанием и войной в 1775 г. Довольно трудно определить, что в конечном счете было предметом спора с британской точки зрения, даже с расстояния двух с лишним веков, отделяющих нас от этих событий. К 1775 г. от большинства целей в отношении Америки, которые ставили перед собой министры после Семилетней войны, они явно или молчаливо отказались. Даже крайние оптимисты в 1775 г. не могли думать, что Америка будет тем, что лорд Рокингем назвал

«золотой доходной жилой». Подавление колоний силой было бы очень дорогостоящим предприятием, а его долговременные последствия – непредсказуемыми. Противники в Европе явно рассматривали Войну за независимость как возможность восстановить баланс сил, который так сильно склонился не в их пользу во время Семилетней войны. Кроме того, были и те, кто оспаривал необходимость войны, опираясь на логические выводы и принципы меркантилизма. «Богатство народов» Адама Смита, опубликованное в том же году, что и Декларация независимости (и примерно в то же время, что и первый том пессимистического исследования Эдуарда Гиббона о закате Римской империи), методично опровергало экономические предпосылки для существования империи. И все-таки, за немногими исключениями в лице радикальных политиков в метрополии и некоторых религиозных диссентеров, англичане решительно поддержали войну против Америки. Ее главный принцип – защита неограниченного суверенитета Парламента – был очень важен в ту великую эпоху его торжества. Знаменитые «Комментарии к законам Англии» Уильяма Блэкстоуна, опубликованные в 1765 г., провозгласили с бескомпромиссной ясностью неограниченную юридическую власть парламентского правления Короны. Конфликт с Америкой – наиболее яркое ее выражение. Однако экономические аргументы, которые выглядят весьма привлекательными в ретроспективе, произвели небольшое впечатление тогда, когда были впервые высказаны. Для большинства англичан единственным жизнеспособным представлением об империи являлся его старый, меркантилистский вариант. Колонии, которые отказывались признать безусловную власть Парламента, были не просто бесполезными, но по-настоящему опасными. Против воззрения, согласно которому империя без прямого контроля хуже, чем полное отсутствие империи, даже умы, наделенные большим воображением, мало что могли возразить. Как представляется, этот конфликт являл собой хронологическое и культурное столкновение. Американцы в глубине души защищали права англичан XVII в. Для них сопротивление гербовому сбору было сродни борьбе Гемпдена со сборами корабельных денег. Суверенитет, который имел приоритет над властью провинциальных ассамблей и местными правами, являлся для них немыслимым. Англичане же, с другой стороны – применяли оружие XVIII в. – верховную власть Парламента, которая входила в одну из самых популярных доктрин столетия, нераздельную и неограниченную власть метрополии в системе меркантилизма. Только сила могла разрешить это противостояние.

С течением времени оно разрешились в пользу новых Соединенных Штатов. Между тем война обернулась бедствием для Британии – худшим, чем что-либо со времен второй войны с Голландией 1665-1667 гг. Она разрослась из восстания в колонии до полномасштабной войны против монархий во главе с Бурбонами (Франции и Испании), привела к враждебным отношениям с Голландией и состоянию «вооруженного нейтралитета» с другими державами. Во время мирных переговоров 1782-1783 гг. Англии удалось кое-что спасти. Хотя тринадцать колоний были потеряны навсегда, блестящая морская победа в Сентесском сражении (Доминиканское морское сражение английского и французского флотов), одержанная адмиралом Родни в 1782 г., отвела угрозу от Британской Вест-Индии и прежде всего спасла Георга III от унижения в связи с возможной потерей наиболее ценимой жемчужины – Ямайки, которую Кромвель завоевал столетием раньше. На Средиземном море попытка Испании вернуть Гибралтар потерпела неудачу. В Индии организованная Уорреном Гастингсом отчаянная оборона завоеваний Клайва отвела угрозу как французского реванша, так и восстания местных князей. Для современников независимость Америки была весьма горькой пилюлей, но б***о***льшая часть империи за пределами тринадцати колоний осталась в неприкосновенности, и по крайней мере удалось избежать полного унижения, которого боялись в самые черные дни войны.

Последствия войны с Америкой для внутренней жизни были, вероятно, даже более важными, чем ее итоги для колониальной системы. Экономические трудности, доставленные рождавшемуся индустриальному обществу мировой войной и сопровождавшей ее блокадой внешней торговли, были колоссальными. В условиях

последовавшей рецессии и рынок акций, и цены на землю упали до угрожающе низкого уровня, невиданного в течение многих лет. Беспрецедентно высокие налоги и быстрый рост государственного долга усилили финансовый кризис И, в свою очередь, породили серьезные экономические проблемы. Были подняты фундаментальные вопросы, касающиеся деятельности правительства, Парламента и политической системы в целом. При последовавшем вслед за тем хаосе довольно консервативно настроенные силы, в которых сельские джентри играли не последнюю роль, начали проводить в рамках организованного движения Ассоциаций 1779-1780 гг. то, что выглядело как открытая атака на конституционное устройство. Ассоциации имели широкую поддержку в графствах, столице и провинциальных городах, и в своих требованиях реформ они зашли дальше кого бы то ни было, за исключением разве что самых неистовых радикалов из лагеря Уилкса. Кристофер Уивилл, клирик и сельский джентльмен из Йоркшира, который очень близко подошел к тому, чтобы возглавить движение в общенациональном масштабе, сам по себе вряд ли являлся таким уж радикалом. Однако его требования об уничтожении «гнилых местечек», расширении избирательного права и введении тайного голосования были почти фантастическими. Кроме того, в рядах Ассоциаций намекали, а ряд столичных агитаторов, таких, как Джон Джебб и майор Картрайт, прямо говорили, что, если Парламент откажется проводить реформу, он должен быть заменен делегатами от графств. Страхи современников по поводу нового феномена оказались чрезмерными. Однако, оглядываясь назад, трудно не поразиться силе и масштабам движения Ассоциаций. Можно сказать, что проведение реформ с его помощью было ближе к осуществлению именно тогда, чем на протяжении последовавших пятьдесят лет, и на пике своей активности в 1780 г. оно достигло небывалого уровня национального консенсуса. В то время даже Палата общин, несмотря на давление заинтересованных кругов в правительстве и вне его, приняла резолюцию, провозглашавшую, что «влияние Короны возросло, растет и должно быть уменьшено». Это послужило сигналом к продолжавшимся почти пять лет жарким политическим спорам, непрерывному идеологическому конфликту.

Почему же в таком случае движение Ассоциаций не смогло выполнить своих обещаний? Когда лорд Норт на короткий период уступил власть вигам в 1782 г., Бёрк и его коллеги протолкнули через Парламент некоторые реформы, отменявшие ряд наиболее известных синекур и обеспечивавшие более тщательный контроль за финансами Короны. Однако парламентская реформа оказалась трудным делом. Даже когда Питт Младший в 1784 г. получил верховную власть и проведение реформы было действительно предложено с правительственной скамьи в Парламенте, будучи поддержано авторитетом премьер-министра, – даже тогда не удалось собрать голоса большинства парламентариев. По большому счету это объясняется самими обстоятельствами рождения движения Ассоциаций. Подлинный энтузиазм в отношении коренных реформ в целом ограничивался кругом интеллигенции и городских слоев. Иногда они могли производить чрезвычайно сильный шум, однако реальная поддержка, даже со стороны городской буржуазии, была не так уж велика. Ассоциации возникли в условиях национального кризиса, когда любая систематическая критика существующих политических порядков выглядела привлекательной. Протест реформаторов против затратной и неэффективной придворной системы казался особенно уместным. Подобный феномен вновь возник тридцать лет спустя, когда огромные расходы на войну с Наполеоном и связанный с ней экономический кризис вызвали схожие протесты. Но эти условия были кратковременными, и заинтересованность в проведении реформ по большей части умерла вместе с ними. К середине 80-х годов все больше ощущалось восстановление коммерции и финансов, не в последнюю очередь благодаря влиянию политики, проводимой Питтом Младшим. Процветание уничтожило стимул для требования реформ эффективнее, чем любой другой аргумент.

Дополнительным следствием этих политических событий стала широкая и усиливающаяся озабоченность по поводу необходимости мер относительно экстремистов.

Фанатически настроенная часть движения за реформы, как казалось, бросает вызов не только коррумпированной политике Двора, но и конституционным рамкам, которые его поддерживали, и даже всему порядку, обеспечивающему власть имущих классов. То, что позднее стало называться школой «прав человека», ясно видно уже в документах раннего движения за реформы. Такие люди, как Ричард Прайс и Джозеф Пристли, по меркам более позднего времени, были настроены довольно умеренно. Но они подвергали сомнению некоторые из наиболее укорененных представлений и общих идей своего времени, и понадобилось совсем немного усилий, для того чтобы разорвать их хрупкий альянс с захолустными джентри и провинциальными предпринимателями. В этом контексте особенно большой ущерб нанесли беспорядки, возглавляемые Гордоном. Реформисты не имели прямых связей с участниками беспорядков, почти неделю державшими в страхе Лондон и вовлеченными в оргию убийств и разрушений весной 1780 г. Их причиной послужили бесчестные религиозные предрассудки, их цель состояла в отмене либеральных мер, облегчавших положение католиков и одобренных при поддержке как правительства, так и оппозиции, в 1778 г. Как и в случае с Биллем о евреях 1754 г., было очевидно, что законодатели могут легко разойтись с настроениями масс. Лидер антипаписто в, лорд Джордж Гордон, называл свое движение Протестантской ассоциацией, и испуганные собственники могли легко прийти к выводу о связи между участниками беспорядков и политическими деятелями из более респектабельных ассоциаций. Можно утверждать, что консервативная реакция, которой отмечена жизнь Англии в последующие годы, берет начало именно в этом эпизоде.

Начало 80-х годов было бурным не только вне стен Парламента: в данный период разыгрался тот же спектакль политической нестабильности, что и в 60-х. В этом заключалась еще одна причина неудачи реформ. До 1782 г. реформисты в Парламенте образовывали две главные группировки вигов – партию лорда Рокингема и партию тех, кто следовал за лордом Шелберном. Родословную двух крыльев виггизма можно проследить со времен Ньюкасла и кланов старых вигов, как в случае с Рокингемом, и Питта Старшего, как в случае с Шелберном. Наиболее многообещающими талантами в обоих лагерях были люди, носившие известные имена. Чарлз Джеймс Фокс, один из наиболее радикальных сторонников Рокингема и самый популярный среди них, являлся сыном того самого Генри Фокса, который был соперником Питта Старшего, а в период нового правления какое-то время служил инструментом в руках лорда Бьюта. В число союзников Шелберна входил молодой Питт – по словам Бёрка, не «щепка от старой колоды», но «колода сама по себе». Оба – настоящие сторонники реформ, оба казались готовыми предложить новый подход в ту уставшую, но оптимистично настроенную эпоху, оба надеялись стать лидерами в борьбе с дискредитированной политикой людей, которые проиграли войну с Америкой. К сожалению, а может быть и с неизбежностью, они были скорее соперниками, чем союзниками, и в сложной, ожесточенной политической борьбе, которая последовала за отставкой лорда Норта в 1782 г., их вражда являлась важнейшим элементом. Ее инициатором выступил Фокс, который стремился установить ни много ни мало полный контроль над кабинетом, монополию на власть, а ее король не выносил, тем более что она могла достаться человеку, который был лично ему неприятен. Оружием Фокса в битве, которая последовала за смертью Рокингема летом 1782 г., стал бесчестный союз со старым противником, Нортом. Это был весьма одиозный и широко осуждаемый альянс, но его цена – контроль над Палатой общин и вследствие этого, как считал Фокс, над правительством – казалась достаточно большой, чтобы не обращать внимания на непоследовательность своих взглядов. Однако в логику Фокса вкралась ошибка. Его правительство, пресловутая коалиция Фокса-Норта, просуществовало недолго. Ему противостоял сам король, который систематически строил интриги с целью его развала, а также Питт, который не хотел никакой зависимости от Фокса и всем сердцем ненавидел Норта. Когда Фокс сам предоставил повод, с помощью которого Питт и король могли обратиться к стране, предложив радикальное преобразование Ост-Индской компании, он тем самым совершил

политическое самоубийство. Георг III проинструктировал Палату лордов, с тем чтобы она проголосовала против Ост-Индского билля, Питт получил власть, и на весну 1784 г. были назначены всеобщие выборы. По поводу их исхода не могло быть споров. Фокс потерпел решительное поражение не только там, где казначейство могло использовать свое влияние, но также и в более крупных, более открытых избирательных округах, где общественное мнение имело значение и где массовая ненависть к нему проявлялась очевидно. Когда улеглась пыль, Питт стал премьер-министром, и это оказался на редкость спокойный срок пребывания в должности, а вигов как следует «урезонили». Более того, реформа, ожидаемый результат ожидаемого союза между Фоксом и Питтом против объединенных сил Георга III и Норта, умерла, вернее, была убита безответственными выходками Фокса, этого «любимца народа».

Возможно, реформа умерла бы в любом случае. Инициировав реформу, которая не могла осуществиться без поддержки короля, и отдав таким образом дань принципам своей молодости, Питт в качестве премьер-министра проявил мало интереса к радикальной политической деятельности. Он действительно был реформатором, но не в вопросах, касающихся устройства Церкви и государства. Многие из требований «экономических реформаторов» по снижению уровня коррупции и расходов Двора Питт поддержал. Кроме того, первые, очень нерешительные шаги по направлению к свободной торговле предпринимались под его руководством, особенно при составлении торгового договора с Францией в 1787 г. Трудные вопросы функционирования империи также решались со смесью осторожности и новизны. Во время кризиса в ходе войны с Америкой ирландцы потребовали от Вестминстера парламентской независимости и после ее получения в 1782 г. смогли установить определенную степень автономии. Питт готов был предоставить Ирландии торговое равенство с метрополией, если бы производители из центральных графств и Ланкашира позволили ему сделать это. Его неудача в данном вопросе оставила англо-ирландские отношения в двусмысленном и неопределенном. Индийский вопрос был решен, по крайней мере в качестве главной проблемы британской политики, после принятия Ост-Индского акта, который наконец дал правительству право решающего голоса в делах компании, если они не касались чисто торговых вопросов. В 1791 г. Канаде, куда устремились поселенцы-лоялисты после войны с Америкой, Канаде, с ее трудноразрешимой «этнической» проблемой в Квебеке, был дан конституционный акт (settlement), который действовал, хотя и не всегда гладко, до 1867 г.

Во многих отношениях власть Питта выглядела очень традиционно. На деле он многим обязан Двору и поддержке со стороны короля. Его триумф в 1784 г. можно было бы рассматривать и как триумф Короны, как при Данби или Сандерленде. Оппозиция Питту также смотрелась традиционно. Фокс сильно зависел от наследника трона, будущего Георга IV, чьи выходки, политические, финансовые и сексуальные, вызывали отчаяние короля, хотя мало чем отличались от поведения любого из прежних престолонаследников. Но в других отношениях Питт и его деятельность отражали перемены прошедших лет. Его административные и экономические реформы заняли свое место среди огромного множества перемен в современных ему подходах, которые легко можно не заметить на фоне политического консерватизма той эпохи. Наиболее успешный продукт просвещенного разума – польза – уже появился на горизонте. Иеремия Бентам и философы-радикалы еще только готовились к прорыву в практическую политику, но тот дух, которым они делились, или который, возможно, воспринимали, был повсюду, так же как и религиозное влияние евангелического учения. Реформы, которые действительно оказали серьезное воздействие в тот период, как раз носили характер тех моральных, гуманитарных, практичных «усовершенствований», которые восхищали евангелический разум. Знаменитая кампания Джона Говарда осуществлялась им в 1770-1780 гг. Его «путешествия открытий», или «кругосветное плавание милосердия», говоря словами Бёрка, послужили мощным стимулом для работы в области тюремной реформы, широко поддержанной многими местными магистратами. В эту эпоху благочестивых устремлений повсеместно стали

появляться воскресные школы, а также возникло широкое движение по учреждению обществ помощи под руководством священнослужителей. Традиционные развлечения низших классов все более попадали под пристальный и неодобрительный взгляд людей, занимающих более высокое положение на социальной лестнице, особенно если, как в случаях с петушиными боями и травлей привязанных быков собаками, они предполагали жестокое обращение с животными. Кроме того, произошло явное изменение отношения к имперской ответственности. Кампания Бёрка против Уоррена Гастингса, спасителя Британской Индии, оказалась недопустимо затянутой и в итоге безуспешной; ход парламентского суда был ниже всякой критики, несмотря на очевидную виновность Гастингса по ряду обвинений. Тем не менее, последний стал жертвой изменившихся стандартов общественной морали. То, что ранее терпели в отношении Клайва, более не заслуживало прощения. Обращение с народами – подданными Короны больше не встречало безразличного отношения в метрополии. Интерес к «нецивилизованным» народам, от краснокожих индейцев до островитян из Южных морей капитана Кука, как и возмущение Бёрка положением более развитых, но в той же мере покоренных азиатов, стал проявлением нового, чуткого, окрашенного романтизмом осознания тяжелой доли жертв империи. Самой заметной мишенью нового отношения стала, разумеется, работорговля. Должны были пройти многие годы, прежде чем кампания, организованная Гренвиллом Шарпом во время зарождения этого движения в 70-х годах и продолженная Уильямом Уилберфорсом в 80-х, добилась успеха. Но у нее были и победы на этом пути, как в случае с Соммерсеттом в 1772 г., когда раб-негр, привезенный в Лондон вест-индским плантатором, был освобожден на основании того, что ни один закон Англии не санкционирует такого «акта владычества, как рабство». Ценность публичной огласки этого решения далеко превосходила его юридическое значение, однако интерес, который оно вызвало, выразил самую главную черту сознания конца XVIII в., с его акцентом на человеческое равенство, религиозное спасение и политический консерватизм. Неслучайно Уилберфорс и его друзья являлись стойкими защитниками Церкви и государства и были совершенно не заинтересованы в осуществлении радикальной политики. Этим они выражали серьезно настроенный, евангелический энтузиазм деловых кругов новой, промышленной Англии. Несмотря на считающийся непредставительным характер политической системы, именно эти круги лучше всего представлял Питт, бывший другом Уилберфорса. Именно их стремление упорно защищать интересы собственности, соединенное с коммерческой напористостью и безграничной моральной ревностностью, определило путь Англии, продолженный Питтом Младшим в эпоху Французской революции.

Революция и власть закона (1789-1851)

Кристофер Харви

Размышления о революциях

В 1881 г. молодой оксфордский историк Арнолд Тойнби прочитал курс лекций о промышленной революции, которую он назвал таким же отдельным важным «периодом» британской истории, как, например, Война Алой и Белой розы. При этом легко может возникнуть вводящее в заблуждение представление об «эпохе двойной революции» – политической во Франции и индустриальной в Британии. Если штурм Бастилии был очевидным фактом, то индустриализация проходила постепенно, да и влияние ее сказывалось не сразу. Перемены можно было уловить только ретроспективно, и британцы никак не увязывали их с «революцией»; одно это слово бросало их в дрожь в отличие от европейцев, познавших революцию непосредственно, с близкого расстояния. Впервые эту метафору применил французский экономист Адольф Бланки, а затем и Карл Маркс, определяя общий характер европейского развития после 1848 г.

Перед историком стоит нелегкая задача – решить, на чем сосредоточить свое внимание: на том, что является важным сейчас, или на том, что было существенным тогда. В первом случае нам придется иметь дело с изменениями в промышленной сфере, с новыми процессами, происходившими в ремесленных мастерских, во втором же – с тем, как медленными темпами теряла влияние доиндустриальная общественная элита, как живучесть религиозных верований испытывалась в условиях быстрого прогресса науки. Лишь где-то около 1830 г. люди наконец начали осознавать значительные и необратимые перемены в производстве, но потребовалось еще двадцать лет, чтобы даже средний класс убедился в их сугубой полезности.

Допустимо ли ограничиться простым перечислением фактов, связанных с подобным поступательным развитием? Теоретически этого, пожалуй, было бы вполне достаточно. Однако эпоха «превосходства факта» была настолько переменчивой и навязчиво индивидуалистичной, что регистрация фактов и их оценка – это две совершенно разные вещи. До 1801 г. в Британии официально не проводилась перепись населения, и вопрос о том, увеличивается или уменьшается численность жителей страны, вызывал горячие споры. Со временем перепись стала важным инструментом социального анализа, предоставляя сведения относительно рода занятий и жилищных условий англичан, однако свое истинное значение перепись приобретала постепенно, проходя различные последовательные фазы, напоминая систематическое поэтапное картографирование страны, проведенное картографической службой в период между 1791г. и 60-ми годами XIX в. Укоренившаяся идеология невмешательства (*laissez-faire*) и недостаточное государственное финансирование негативно повлияли на усилия по сбору статистических данных, а потому меньше товаров и субъектов экономической деятельности подвергалось государственному регулированию или налогообложению. (А вот континентальные автократии, напротив, являлись ревностными собирателями данных о своих небольших индустриальных предприятиях.) Тем временем вокруг некоторых по сути довольно элементарных вопросов продолжают бушевать страсти, и прежде всего не утихают споры о том, была ли индустриализация благом для основной массы людей.

В этом вопросе современные политики уходят от ответа. Современники Тойнби соглашались с Карлом Марксом: капиталистическая индустриализация к 1848 г. не сумела улучшить условия жизни рабочего класса. После 1917 г. Советская Россия, казалось бы, продемонстрировала всему миру приемлемую альтернативу – «плановую индустриализацию». Однако во что она обошлась в смысле человеческих жизней и свободы, скоро стало слишком очевидным, и либеральные экономисты, имея в виду в первую очередь «развивающиеся страны», вновь вернулись к идее индустриализации на основе функционирования свободного рынка. С его помощью британский капитализм,

доказывали они, даже испытывая острую нужду в инвестиционных средствах, смог за сравнительно короткий срок увеличить общую сумму капиталовложений и поднять жизненный уровень населения. Результаты этих жарких дебатов были далеко не однозначными. Не в последнюю очередь они зависели от географического контекста участников, предполагающего, что экономическое развитие Британии напрямую – и далеко не всегда в благоприятном смысле – воздействовало на экономику Ирландии, Индии и южных штатов США.

Помимо проблем со статистикой и контекстом существует и немаловажный вопрос, связанный с осознанием происходящего. В 20-х годах XIX столетия индустриализация как концепция только-только нарождалась. Что бы ни думала правящая элита об экономических доктринах, городские власти и землевладельцы по-прежнему главным считали стабильность, жили и мыслили доиндустриальными ценностями. Но к 1829 г. тенденция к индустриализации внезапно сделалась очевидной. Всего лишь через одиннадцать лет после публикации последнего романа Джейн Остин хриплый новый голос рисовал нам на страницах «Эдинбург ревю» характерные «Признаки времени»: «Мы ворочаем горы, превращаем болота в великолепные шоссе; ничто не может противостоять нам. Мы воюем с суровой природой и с помощью наших всесокрушающих машин выходим всегда победителями, нагруженные добытой прибылью».

Очень ярко и эмоционально суммировал множество тогдашних впечатлений Томас Карлейль. По его словам, это был отход от концепции «героев» в истории государства и замена ее экономической политикой, о чем красочно писал Вальтер Скотт в романе «Уэверли»; это было спланированное фабричное сообщество Роберта Оуэна в Нью-Ланарке – наглядная политика отчаявшихся ткачей, работавших на ручных ткацких станках. Все происходящее вызывало изумление и тревогу у европейцев, посещавших Британию. А всего лишь через несколько месяцев после Нью-Ланарка была создана железная паровая «Ракета» Джорджа Стефенсона.

Но можем ли мы из подобных образов и представлений построить непротиворечивую систему концепций, имеющих отношение как к нам самим, так и к тому периоду времени? Дж.М.Янг, его исследователь-первопроходец в «Портрете эпохи» (1936) показал, что тогдашние деятели «направлялись и вдохновлялись невесомым давлением евангелической дисциплины и почти универсальной верой в прогресс». Но история Янга, «изложенная в беседах людей, имеющих значительный вес в обществе», была историей элитарной; она игнорировала основную массу населения – горняков и фабричных рабочих, ирландских батраков и уличных бродяг Лондона – или же упоминала их в качестве «проблем». Отсутствовало понимание, что мощные движения, как это показал Л.Толстой в романе «Война и мир», возникают в результате индивидуальных решений миллионов простых людей. Лишь немногие англичане, современники французских и русских солдат, изображенных у Толстого, разделяли взгляды своих «высокопоставленных соотечественников», меньшинство видело Церковь изнутри, и, судя по тому, что они читали и писали, у них было мало веры в прогресс. Но как бы то ни было, при всех ограничениях свободы действий решения лиц, удостоенных «нелепой снисходительности последующего поколения», имели важное значение. Остановимся на них более подробно.

По убеждению Э.П.Томпсона, автора этой фразы, существует неразрывный костяк интерпретации – законодательство. Не имеет значения, насколько полным было его соблюдение – а в XVIII в. зачастую очевидна его жестокость, – «власть закона» все же считалась общим достоянием. И это положение сохранялось с наступлением периода индустриализации. В 1832 г. в пользу политических реформ, призванных защитить власть закона от силового произвола, активно выступил молодой депутат Парламента Томас Бабингтон Маколей. «Когда закон сокрушает человека, ему остается только надеяться на силовое решение. Если закон становится его противником, он превращается в ярого врага закона…» Сделайте так, говорил он, чтобы закон охватывал более широкие слои населения, и они проникнутся доверием к системе государственного устройства. Подобная философия

пыталась нейтрализовать «революционные» последствия индустриализации производства и создать платформу для нового политического курса.

Развитие законодательной базы, кроме того, явилось моделью для других социальных и политических перемен. «Самые прекрасные и чудесные законы природы, созданные Богом», упомянутые в оксфордской инаугурационной лекции 1859 г., оказались экономическими, но то же самое можно было бы сказать о юриспруденции или геологии. Основы нравственного поведения личности, технические новшества, само представление о Британии – все это нашло отражение в законодательной базе, приведенной в соответствие с происшедшим поступательным движением.

Некоторые характерные особенности прежней морали: взяточничество, безбожие, пьянство, распутство, увлечение азартными играми – стали со временем восприниматься представителями всех без исключения классов как пережитки прошлого и даже как антисоциальные поступки. Рационалистическое Просвещение, заимствованное из Шотландии или Франции, более дешевые потребительские товары убеждали в том, что человеческая жизнь может быть и продолжительнее, и удобнее. Если Сэмюэл Пепис считал жен подчиненных ему служащих Адмиралтейства своей законной добычей, то не менее влюбчивый Джеймс Босуэлл уже испытывал сильнейшие угрызения совести, чувствуя свою вину перед женой и детьми; это уже было предвестником новых нравственных ценностей, чем бы ни была обусловлена их необходимость: злом, причиняемым коррупцией и рабством, или же волнениями пролетариата, событиями во Франции и гневом Божьим, так живо изображенным Уильямом Блейком.

Доказательство перемен нужно искать в конкретной ситуации. Но улучшилась ли она? Был ли достигнут более высокий уровень? Типична реакция английского путешественника, с удивлением обнаружившего в Венгрии, что местные жители не пользуются на своих водных путях парусными лодками, хотя у мусульманских соседей на Дунае достаточно *dhows* (дау, одномачтовых судов). Не вдаваясь в причины (возможно, в данном случае сказывались материальная заинтересованность гребцов и коннозаводчиков, существовавшее право знати на бесплатный транспорт или же исторически сложившиеся отвращение ко всему турецкому), наш путешественник объяснил увиденное «низменными наклонностями», препятствовавшими реформам и прогрессу.

Ни «прогресс», ни власть закона не являлись неизбежным следствием поступательного движения, а должны были пробивать себе дорогу, преодолевая сопротивление «старых коррупционеров», неприязнь населения внутри страны и мощных конкурентов за рубежом. Прогресс предполагает нравственное совершенствование, а не экономические или политические манипуляции. Носителем новых моральных ценностей можно, например, считать героя книги миссис Крейк «Джон Галифакс, джентльмен» (1857): «Никакие насущные проблемы он не откладывал на потом, стараясь решить их вовремя; его дела были в образцовом порядке. Обязанности выполнялись неукоснительно в течение каждого рабочего дня. Тысяча и одна мелочь, постоянно возникающие при его положении мирового судьи и землевладельца, широкий интерес к движениям того времени, к самой системе неизменно занимали его. Строя отношения с внешним миром и среди ближнего окружения, он был готов трудиться не покладая рук и старался не оставлять без внимания ни одной жалобы. Всякая работа доводилась в срок до логического завершения, добро отличалось, зло исправлялось, по крайней мере, не прощалось».

Власть закона отвечала давним английским традициям, но ее роль в качестве идеологии «эффективного» правительства была четко определена на внутренних приграничных территориях. Преодолевая свою извечную отсталость, шотландцы использовали различные правовые институты как инструменты консолидации земельного капитала, изучения и организации «гражданского общества». В Эдинбурге Адам Смит, Уильям Робертсон, Адам Фергюсон и Дэвид Юм соединили юриспруденцию с экономикой, историей, социологией, философией и создали довольно сложную конструкцию шотландского Просвещения. Такие выдающиеся личности, как Патрик Колкухаун, Джеймс Милль, и сотрудники «Эдинбург

ревю» распространили его ценности на юг Англии. Вклад Ирландии был совсем иным. В своем «Законе» настоятель Свифт писал, что «в Ирландии нет места католикам». Протестантское законодательство, по определению, носило принудительный характер. Неудивительно, что Ирландия познакомилась с первой государственной полицейской службой Британии в 1814 г.

Хотя новые законы помогли в 1799 г. покончить с рабским трудом шотландских шахтеров и рабочих соляных копей, а в 1807 г. – с работорговлей в пределах Британской империи, английские и шотландские сельские батраки и мелкие арендаторы практически ничего не получили, несмотря на их значительную роль в «облагораживании» сельской местности. Закон еще определеннее, чем прежде, служил орудием собственности, перед лицом угрозы нападения из Европы он помог объединить местную правящую элиту и все еще неоднородное по имущественному положению английское общество. Вожди кланов и шотландские лэрды, в 1745 г. тяготевшие к поддерживаемому французами Чарлзу Эдварду, теперь превратились в крупных землевладельцев, у которых уже не было ничего общего с революционерами. Им были одинаково чужды и якобинские, и якобитские идеи. Вместе с тем последующее использование законодательства для достижения национального единения и обеспечения экономических преобразований явилось для всех очень нелегким испытанием.

Индустриальное развитие

В 1815 г. какой-нибудь глубокий старик, еще помнивший охватившую Лондон панику, когда якобиты маршировали по Манчестеру в 1745 г., наверное, несказанно удивился бы перемене, происходившей на международной арене: полным изменением позиций Британии и Франции. И это было не результатом более чем двадцатилетней войны, которая завершилась победой в битве при Ватерлоо, а следствием последовательного индустриального развития и овладения важными рынками сбыта. Континентальная блокада разрушила экономику крупных французских портов, на улицах Бордо проросла трава. Между тем Британия захватила в свои руки около 20% мирового товарообмена и не менее половины торговли промышленными изделиями.

Индустриальное развитие не следовало каким-то заранее намеченным, предсказуемым курсом, твердо гарантировавшим успех. Этот процесс был постепенным и подверженным многим случайностям. Адам Смит с подозрением относился к промышленному производству; даже в 20-х годах XIX в. экономисты сомневались в способности новых технологий поднять общий жизненный уровень. Но в том столетии Британия вполне определенно продвинулась вперед, оправдывая оценку Грегори Кинга (1688), по словам которого рудники, промышленность и строительство давали пятую часть валового национального дохода Англии и Уэльса. (Для всей Британии эта цифра была несколько меньше, так как приходилось учитывать экономически отсталые Шотландию и Ирландию.) По оценкам 1800 г. «промышленность» (manufacturing) Британии приносила 25% национального дохода, а торговля и перевозки – еще 23%. Подобные темпы роста вполне соответствовали и французским возможностям. Британии, однако, помогли выдвинуться вперед качественные изменения, прежде всего в организации сбыта товаров, в технологии производства, в формах государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность, а также внедрение капиталистических способов хозяйствования в аграрном секторе, в котором создавалось 33% национального продукта. Если во Франции революция, расширив права крестьян, сдерживала развитие сельскохозяйственного производства, то в Британии феодальные поместья быстро превратились в процветающие аграрные фермы, как нельзя лучше приспособленные для коммерческого использования.

В 1745 г. Франция по численности населения (21 млн человек) вдвое превосходила Британию. Французская экономика, благодаря королевскому покровительству и государственному контролю, не только выпускала огромное количество разнообразной

продукции, но и применяла технологические новшества, развиваясь так же быстро, как и английская. Однако технология в Британии под влиянием новых требований изменялась быстрее; во Франции же ее развитие сдерживалось как государственным вмешательством, так и стремлением полагаться на традиционные хозяйственные ресурсы. Французы по-прежнему в изобилии заготавливали древесный уголь, в то время как английские производители железных изделий уже пользовались каменным углем. Гигантская суконная промышленность Франции была тесно увязана с индивидуальными крестьянскими хозяйствами; в Британии же система огораживания общественных земель и растущая эффективность аграрного сектора ограничивали распространение домашнего производства, что стало одной из причин строительства крупных промышленных предприятий, которые нуждались для выпуска продукции в водяных или паровых силовых установках. Но самое главное: к 70-м годам XVIII в. Британия уже одержала верх в торговой войне, вытеснив Францию с испанских территорий за океаном, из Индии и Канады, и, даже потеряв колонии в Америке, вскоре снова выправилась благодаря заметному расширению торговли хлопком.

Проведенная в 1801 г. первая официальная перепись населения показала, что в Англии проживает 8,3 млн человек, в Шотландии – 1,63 млн, в Уэльсе – 587 тыс., в Ирландии – 5,22 млн человек. Это позволило покончить со всякими спорами относительно населения, которое с 1750 г. увеличилось примерно на 25%, на 50% превысив средний европейский показатель. Правда, полемика продолжалась, но теперь она касалась причин этого. Смертность среди британцев снизилась где-то перед 1750 г. (как результат улучшения в сфере питания и личной гигиены и ограничения воздействия массовых эпидемий). Это не замедлило сказаться на уровне рождаемости, поскольку большее число выживших детей могло достигнуть продуктивного возраста.

В условиях возросшей производственной активности и заметного сокращения численности семейных ферм дети в Британии стали важным источником дохода. «А ну-ка, парни, даешь детей! – призывал крестьянский писатель Артур Юнг. – Они стоят больше, чем когда-либо раньше». В Ирландии рост населения был обусловлен иными причинами: стремлением землевладельцев получить дополнительную арендную плату, с одной стороны, а с 20-х годов XVIII в. – интенсивным выращиванием картофеля, что в 3 раза увеличило его сбор с каждого земельного участка. Во столько же раз, по мнению землевладельцев, должен возрасти и доход с одного акра земли. В итоге за пятьдесят лет (1780-1831) численность населения Британии повсеместно удвоилась.

Численность населения, млн человек

	1780 г. (оценка)	**1801 г.**	**1830 г.**	**1851 г.**
Англия	7,1	8,3	13,1	16,92
Уэльс	0,43	0,59	0,91	1,06
Шотландия	1,4	1,63	2,37	2,9
Ирландия	4,05	5,22	7,77	6,51
Всего	12,98	15,74	24,15	27,39
Англия, %	54,7	52,7	54,2	61,8

Как показали последние подсчеты, в начале XIX столетия британское сельское хозяйство было не только в 2,5 раза продуктивнее французского, но и превосходило в этом отношении любое другое европейское государство. А это означало, что, несмотря на интенсивный отток населения в города при одновременном увеличении его численности, аграрный сектор был в состоянии обеспечить потребности внутреннего рынка в продуктах питания. В 1801 г. около 30% населения собственно Британии обитали в крупных городах и еще 21% – в городах с населением не менее 10 тыс. жителей; по числу горожан она обогнала все страны европейского севера. Правда, из общего количества таких городов промышленными были менее четверти. Значительно больше людей проживало в морских

портах, при судостроительных верфях и в региональных центрах. Лондон, столица, не имевшая себе равных, насчитывал 1,1 млн человек, или более трети всех горожан страны.

Хотя территориально население было распределено более или менее равномерно и население графств неуклонно росло, на «кельтской окраине» проживала еще почти половина (45%) всех жителей Соединенного Королевства: Дублин (165 тыс. человек) и Эдинбург (83 тыс.) входили вместе с Лондоном в лигу больших городов; Корк и Лимерик были крупнее большинства промышленных городов. Довольно сложная организация региональных центров являлась отражением превалирующей роли местного дворянства, духовенства, фермеров, людей, имеющих специальность, и десятилетиями расширяющейся торговли. Именно торговля, а не промышленность задавала тон в британской экономике. Города континентальной Европы строго контролировались или только-только освобождались от контроля, их торговля носила довольно ограниченный характер и к тому же облагались налогами по сложной и весьма разорительной системе. Средневековые шлагбаумы в небольших немецких городках все еще опускались с наступлением темноты, чтобы «чужаки» не проникли на местные рынки. В Британии, для сравнения, почти не существовало препон для внутренней торговли, и «меркантилистское» правительство всячески поощряло приобретение «богатств путем внешней торговли». В XVIII в. произошли важные перемены. Казавшаяся нескончаемой война в проливе Ла-Манш и размах контрабандных операций, центром которых был островов Мэн, стали причиной смещения торговых маршрутов в северные широты. Ливерпуль богател и развивался на торговле зерном, хлопком и рабами, Глазго – на торговле табаком, полотном, хлопком, а также изделиями машиностроения. Постепенно, налаживая транспортные связи с внутренними территориями и развивая обрабатывающую промышленность, эти города расширили свои функции далеко за рамки обычных перевалочных пунктов.

Торговля и распределение дали важнейший импульс индустриализации. Ни в одном европейском государстве 30% населения не проживало в городах, где его нужно было кормить, одевать и обогревать, ни одно из государств континентальной Европы не контролировало такие гигантские заморские рынки. Общества и объединения, с помощью которых британские купцы успешно справлялись с этими нелегкими задачами и создание которых действующими законами не просто разрешалось, но прямо-таки поощрялось, являлись инструментами, позволявшими всякое улучшение в сфере производительности преобразовывать в прибыль, кредит или в дополнительные инвестиции. Количественно растущий в стране «респектабельный класс» поддерживал внутренний рынок, обеспечивая устойчивый спрос на одежду, кухонную утварь, строительные материалы, посуду; с 1750 по 1800 г. этот спрос возрос на 42%. Между тем экспорт товаров увеличился за этот же срок на целых 200%, причем в основном это происходило после 1780 г.

Наряду с сельским хозяйством доминирующее положение в экономике занимали угольная, металлургическая и текстильная отрасли промышленности. Первые две обеспечивали значительную часть капитального оборудования, инфраструктуру и готовили условия для дальнейшего развития, а текстильная индустрия работала в основном на экспорт: в 1750 г. свыше 50% ее продукции вывозилось за рубеж, в 1800 г. этот показатель уже превысил 60%. Если в 1750 г. доля хлопка в общем объеме готовой продукции была невелика, то в 1810 г. она составляла уже 39%, и это сырье занимало лидирующее положение. Добыча угля за пятьдесят лет, начиная с 1750 г., удвоилась, ибо внедрение в производство паровых насосов позволило разрабатывать более глубокие и богатые пласты, а железные дороги на конной тяге облегчали доставку угля на большие расстояния к водным магистралям. Металлургическая промышленность тоже бурно развивалась: с 1788 по 1806 г. выплавка металла увеличилась на 200%. Это стало возможным благодаря применению в плавильных печах каменного угля вместо древесного и усовершенствованию пудлингования и проката ковкой стали, а также в связи с необходимостью удовлетворять все возрастающие потребности войны. Но движущей силой индустриализации являлась все-таки текстильная промышленность.

Специализированными товарами Англии всегда были шерсть и лен. Доминируя в континентальной Европе, они стали под покровительством правительства шире использоваться, прежде всего в Ирландии и Шотландии. Значение хлопка возросло с переходом на машинное производство, а также с резким увеличением объемов поставок сырья с американского Юга, где процветало рабство. Новые ткацкие машины были довольно примитивными. Однако повышение спроса на текстильные изделия помогло преодолеть сопротивление трудового люда. Механический (летучий) челнок для ручного ткацкого станка Джона Кея, удвоивший выпуск готовой продукции и уничтоженный на первых порах его применения в 30-х годах XVIII в., через сорок лет был охотно принят вместе с прядильной машиной «Дженни» Джеймса Харгривса, управлявшейся вручную, и прядильным станком с водяным приводом Ричарда Аркрайта. Крупные фабрики со станками Аркрайта возникли на обширной территории – от Дербишира до Ланкашира и Шотландии. Пока конкурентная борьба не снизила цены – на две трети между 1784 и 1832 гг., – были нажиты огромные состояния. Умелое использование Аркрайтом запатентованного изобретения принесло ему 200 тыс. фунтов стерлингов и титул баронета. У сэра Роберта Пила, набойщика по ситцу и отца будущего консервативного премьера-тори, к концу его карьеры трудилось 15 тыс. человек. По подсчетам Роберта Оуэна, он и его партнеры получили за период между 1799 и 1829 гг. со своих текстильных фабрик Нью-Ланарка чистой прибыли – после выплаты 5% в виде дивидендов – в размере 300 тыс. фунтов. В течение примерно двадцати лет испытывали определенное улучшение своего материального положения и ткачи, работавшие на ручных ткацких станках. Этот период относительного благополучия закончился для них с внедрением механических ткацких станков и с массовым наплывом на рынок труда ирландских иммигрантов, а также (после 1815 г.) демобилизованных солдат. Судьба ткачей превратилась в одну из самых тяжелых трагедий века.

Технологию обработки хлопка довольно быстро приспособили для изготовления камвольной ткани и, несколько медленнее, для материала из льна и шерсти. Одновременно это дало толчок развитию технического изобретательства и возведению металлических конструкций. Требовались мощные и надежные механизмы, способные приводить в движение тысячи веретен. Ткацкие фабрики – легковоспламеняющиеся сооружения – следовало по возможности обезопасить от пожаров металлическими опорами и перекрытиями. В 1770 г. Аркрайт устанавливал свои преимущественно деревянные станки в Кромфорде с помощью слесарей-монтеров и часовых дел мастеров. Однако скоро проектирование прядильных фабрик и сборка машин превратились в сугубо специализированный вид деятельности с использованием водяных колес мощностью до 150 л.с, сложных прядильных станков (снабженных двигателем гибрида «Дженни» и фрейма, прядущего нить очень тонких «номеров»), а затем и с возрастающим использованием энергии пара.

Свою паровую машину с цилиндром двойного действия Джеймс Уатт запатентовал в 1774 г., а ее вариант с центробежным регулятором – в 1781 г. Уже в 1800 г. ее главными пользователями стали хлопкопрядильные фабрики, ибо она являлась надежным и постоянным источником энергии для прядильных мюль-машин. Изобретение Уатта вскоре дало толчок созданию локомотива (1804) и парохода (1812), развитию станкостроительной промышленности, прежде всего связанной с именем Генри Модсли, сконструировавшего токарно-винторезный станок с механизированным суппортом. Это позволило (вместе с таким прибором, как микрометр) изготавливать детали машинным способом и с абсолютной точностью. С этого момента машины уже могли воспроизводить сами себя, и не было предела их конструктивной сложности. Работа часовщика в XVIII в. больше не требовала какого-то выдающегося таланта – достаточно было обыкновенных знаний основ устройства механизмов.

Система каналов в начале XIX века

Период создания транспортной инфраструктуры был золотым веком инженерного искусства; такие умельцы, как Бриндли, Смитон, Телфорд и Ренни, старались максимально повысить эффективность водного транспорта и лошадиной тяги, а парусные суда усовершенствовали настолько, что они до 80-х годов XIX в. продолжали успешно конкурировать с пароходами. Ужасные сельские дороги ремонтировались и снабжались указателями, некоторые прокладывались заново частными компаниями или, в отдельных случаях, правительством. В 1745 г. нужно было потратить почти две недели, чтобы доехать от Лондона до Эдинбурга, в 1796 г. – только 2,5 дня, а в 1830 г. – около 36 часов в карете или на пароходе. Под воздействием постоянного роста речного судоходства в XVII столетии в Ирландии к 30-м годам следующего века была создана целая сеть шлюзовых

каналов. Но лишь после реализации в 1760-1771 гг. планов герцога Бриджуотерского, задумавшего соединить Манчестер и Ливерпуль каналами с местными залежами каменного угля, стало очевидным важное значение водного транспорта для промышленного развития. Работавший у герцога инженер Бриндли спроектировал «узкий» канал, чтобы предотвратить потерю воды в «сухих» центральных графствах. В мирный период 1764-1772 гг. компании, организованные дворянами, купцами, фабрикантами и банкирами, сумели соединить все главные судоходные реки страны. Подобные частные предприятия могли получать – как в случае с оксфордским каналом – до 30% дивидендов, однако в среднем эта цифра равнялась 8%. Следующий строительный бум в 80-х годах вывел всю систему за приемлемые с коммерческой точки зрения рамки, но Британия имела теперь транспортную сеть, которой не было равных ни в одной стране континентальной Европы, а совместные усилия людей, приверженных прогрессу, помогли преодолеть многие барьеры на пути к сотрудничеству и взаимодействию.

Реформа и религия

Британское правительство не играло и не желало играть большой роли в процессе индустриализации, но, как показали Хлебные законы, принятые в 1815 г., оно не хотело занимать и позицию стороннего наблюдателя, невмешательства (*laissez-faire*) и постоянно придерживалось принципа благоприятствования, в первую очередь промышленным капиталистам и, конечно, крупным землевладельцам, которые зачастую тоже вкладывали капитал в горно-добывающую промышленность, транспорт и в недвижимость. Аксиомы Блэкстоуна и Бёрка гласили: преемственность, разделение властей, взаимопроникновение управления, экономики и общества и прежде всего представление о правительстве как о саморегулирующемся механизме – все это служило дополнением к механизмам классической экономики, научным открытиям и даже к деизму, культивируемому в верхних слоях общества.

Идеальное решение назревших проблем предполагало обновление. Во время Войны за независимость в Америке коррупция и некомпетентность нанесли стране чувствительный урон. Жестокость толпы, ее склонность к насилию (достаточно вспомнить гордоновский мятеж 1780 г.) сделали респектабельных реформаторов более осмотрительными, тем не менее реформы признавались необходимыми. Это отчетливо выразили в своих сочинениях, хотя и по-разному, Адам Смит и Джон Уэсли. Проблема состояла в том, как добиться этого в конституционных рамках. Попытки отдельных общественных движений сделать политику более принципиальной и симметричной лишь обнажили многообразие противоположных интересов и подлинный размах откровенной коррупции. «Обширное гнилое местечко», именуемое Шотландией, где 4 тыс. избирателей (лишь один из 114 жителей мог голосовать, в то время как в Англии правом голоса обладал каждый седьмой гражданин) выбирали 45 парламентариев, получало вознаграждения от своих «менеджеров», семейства Дандас, в виде должностей в Ост-Индской компании или в Адмиралтействе. В Ирландии после 1782 г. ни один католик не мог голосовать на выборах в «свободный» Парламент.

Из-за крайне неравноправного распределения политической власти крупным индустриальным городам для защиты своих интересов приходилось использовать давление влиятельных организаций, например Всеобщей палаты промышленников. В 1801 г. 700 тыс. граждан Йоркшира имели только двух депутатов от графства и 26 депутатов от городов, а в Корнуолле 188 тыс. жителей посылали в Парламент двух человек от графства и 42 депутата от городов. Диссентерам и католикам после 1793 г. было разрешено голосовать, но они не могли заседать в Парламенте. С другой стороны, воздействие депутатов на политику являлось настолько ограниченным, а предвыборная кампания обходилась кандидатам так дорого, что подобное отстранение можно было считать благом. Хотя общая численность квакеров неуклонно уменьшалась, сложные и тесные

межсемейные узы (члены секты не могли вступать в брак с «посторонними» и оставаться после этого в ее рядах) позволяли им контролировать многие компании по всей стране – от чугунолитейных и свинцово-плавильных заводов до крупных банков и железных дорог. Свободомыслящие унитарии, «верившие не более чем в одного Бога», были энергичными проводниками научных знаний и образования в провинции.

Несколько иначе проходило Евангелическое возрождение. Популистское и берущее начало в традиционной Высокой церкви, оно извлекало вдохновение из религиозного наследия XVII в., каким оно представлено у Джона Беньяна и каким его пропагандировал Джон Уэсли, и из благочестивых сочинений, например, Уильяма Лоу. В отличие от «старого диссентерства» и кальвинистского «избранничества» оно подчеркивало, что благодать доступна для всех, кто руководствуется в жизни библейскими заповедями. Оно было респектабельным, но не привилегированным, экуменическим и преисполненным «энтузиазма» (многие из тех, кто стал строгим агностиком и критиком Высокой церкви, начинали как убежденные сторонники евангелистов). Словом, это была вера, противостоящая периоду кризиса, атеистической революции, бездушным отношениям в промышленности, жесткому личному поведению. Питт имел слабость к спиртному, Фокс – к игре, но оба были восприимчивы к особого рода давлению со стороны евангелистов, занимавших высокое положение.

В политическом смысле движение Евангелического возрождения – явление консервативное, однако вскоре оно стало развиваться в различных направлениях. В 1795 г. «Общество методистов», основанное Уэсли, откололось от Англиканской церкви, так как было не согласно с практикуемой процедурой посвящения в духовный сан. Правда, оно продолжало оставаться в партии тори, но другие группы методистов, например примитивисты (отделились в 1811г.), сделались более независимыми и радикальными. Методисты концентрировались в основном на севере страны («подлинная религия Йоркшира»), баптисты и конгрегационалисты преобладали в промышленных городах, где местная элита зачастую примыкала к унитариям или квакерам. Неортодоксальные ценности подробно описала в своем политическом романе «Феликс Холт» (1867) Джордж Элиот: «Какая-то часть населения не считала, что в старой Англии все было как нельзя лучше. Множество мужчин и женщин вполне сознавали, что их правители не придерживались одинаковой с ними религии, могли быть более праведными и, следовательно, могли изменить многое из того, что причиняло людям страдания и делало мир греховнее».

Религиозная революция завершилась в Уэльсе «живой религией». В 1800 г. более 80% местных жителей все еще были приверженцами государственной Церкви. Ее миссионерские усилия в середине XVIII в., «передвижные школы» повысили грамотность (на валлийском языке) и религиозное воодушевление, далеко превзойдя рамки того дела, которое Церковь поддерживала. Образовавшийся местами религиозный вакуум поспешили заполнить методисты кальвинистского толка и другие нонконформисты. В 1851 г. церковь регулярно посещало 80% населения Уэльса. В Шотландии пресвитерианская церковь, руководившая образованием и раздачей пособий беднякам, практически была подчинена законодательной власти. Контролируемая землевладельцами, со своим мирским и либеральным духовенством, она подвергалась все более интенсивным нападкам со стороны не только независимых пресвитерианских общин, но и тех, особенно евангелистов, кто желал наделить властными полномочиями конгрегации. В Ирландии традиции диссентеров поначалу были довольно либеральными; их руководители приравнивали свой правовой статус к положению католиков. События 90-х годов XVIII в. и рецидив евангелистского фундаментализма углубили разногласия между протестантами северо-востока и остальной страной.

Войны за рубежом

Известие о Французской революции вызвало в Британии всеобщее воодушевление. На

худой конец она ослабляла давнего непримиримого врага, но при лучшем исходе в Европе появилось бы еще одно конституционное государство. Чарлз Джеймс Фокс, Джеймс Уатт, Джозеф Пристли, молодой Вордсворт и Колридж – все восторженно приветствовали ее. Революция вдохновила Роберта Бёрнса сочинить стихотворение «*"Scots wha" hae*», явно нацеленное на тогдашнюю ситуацию в Британии. Даже правительство не спешило вторить суровому осуждению Эдмунда Бёрка, содержащемуся в его книге «Размышления о революции во Франции», опубликованной в ноябре 1790 г., пока все выглядело, так как весьма умеренное конституционное движение. Между тем Бёрк выразил именно те чувства, которые обуревали истеблишмент, особенно после того, как Париж в июне 1791 г. явно качнулся влево, отбросив традиционную почтительность и прибегнув к насилию. По мнению правящей элиты Британии, реформы допустимы, но только если они не затрагивают основ существующей политической структуры. В своем произведении Бёрк нападал на Францию и поддержал тезисы Блэкстоуна, выступившего в защиту английской политической системы. Но по-настоящему власти встревожил ответ Томаса Пейна, радикального англоамериканца, содержавшийся в его брошюре «Права человека» (1791-1792), в которой автор высказался за демократические преобразования и свободу личности. Возможно, Бёрк невольно дал толчок тому, чего пытался избежать. Если за шесть месяцев было продано 19 тыс. экземпляров книги «Размышления о революции во Франции», то брошюра «Права человека» разошлась 200-тысячным тиражом – цифра неслыханная для все еще полуграмотного общества. Подобного ажиотажа вокруг печатной полемики не наблюдалось со времен гражданской войны.

Самое большое беспокойство у британского правительства вызывали две вещи: воздействие французских призывов к «самоопределению» на британских союзников в Нидерландах и заразительность революционных идей. Европейские монархии отказались от джентльменских правил ведения войны, практиковавшихся в XVIII в., и с лета 1792г. стали относится к французам как к бешеным псам, которых следует пристрелить. Те, в свою очередь, провозгласили всеобщий крестовый поход под лозунгом «Отечество в опасности». Британские угрозы и предупреждения на дипломатическом и политическом уровне лишь придали больше уверенности тем чересчур оптимистически настроенным революционерам в Париже, которые считали, что война неизбежно приведет к революции в Британии. И вот 1 февраля 1972 г. Франция объявила войну.

Британия была застигнута врасплох, она не была готова к ведению широкомасштабных боевых действий. Численность сухопутных войск составляла 45 тыс. человек, и только каждый десятый военный корабль мог выйти в открытое море. Кроме того, эта война существенно отличалась от прежних англо-французских вооруженных конфликтов. Новая армейская тактика, атакующий революционный порыв, высокое мастерство новых французских командиров – все это с самого начала поставило союзников Британии в Европе в трудное положение. К 1797 г. Австрия капитулировала, и теперь британцы оказались в одиночку лицом к лицу с французской армией Бонапарта.

В начальной стадии войны все внимание правительства было уделено трем вещам: угрозе вторжения, расходам на войну, борьбе с внутренней оппозицией. Французские войска пытались высадиться трижды – один раз в Уэльсе и дважды в Ирландии. В 1797 г. в Пемброкшире они не получили поддержки местного населения, в следующем году отряд под командой генерала Юмбера сошел на берег близ Киллалы в Мейо и, опираясь на местных союзников, сражался две недели, прежде чем был разбит. Правительство Британии надеялось выстоять, укрепив побережье башнями Мартелло, включив в вооруженные силы милицию (внутренние силы самообороны) и распространив действие Закона о милиции на Шотландию и Ирландию. Осуществление этих мероприятий обернулось нескончаемой головной болью для местных чиновников. Поскольку субсидии союзникам к 1795 г. достигли десятков миллионов фунтов, возникла необходимость резко увеличить налоги. Кроме того, правительство действовало чрезвычайно сурово против группировок, выступавших за мир с французами или солидаризировавшихся с ними. В 1793-1794 гг.

«режим террора Питта», при содействии провинциальных магистратов, крупных промышленников, различных патриотических объединений, ликвидировал многие радикальные организации. Особенно жестокими репрессии были в Шотландии, где лорд Браксфилд с брутальным шотландским юмором деспотически отстаивал «самую совершенную из когда-либо созданных конституций».

Сарказм Браксфилда – на слова одной из жертв, что Иисус был реформатором, он ответил: «Дерьмово, что он сделал это. Его ж повесили!»– символизировал конец свойственного высшим классам либерализма в шотландском Просвещении. Тридцать лет открыто продолжавшихся жестких преследований поддерживались шотландскими союзниками Питта из законников – семейством Дандас.

В Ирландии перемены были еще более драматичными. Война побудила Питта в 1793 г. надавить на ирландский Парламент и заставить его наделить католиков правом голоса. Таким путем Питт пытался побудить эту часть ирландцев отказаться от поддержки «безбожных» французов. Однако несектантский радикализм общества «Объединенные ирландцы» быстро усиливался. Ему противостояла созданная в 1798 г. в Ольстере ирландскими ультрапротестантами Оранжистская ложа. Не прекращались и стихийные выступления католического крестьянства, возмущенного привилегированным положением протестантов и подстрекаемого священниками, получившими духовное образование во Франции и пропитанными революционными идеалами. Незадолго до высадки отряда Юмбера в графстве Уиклоу (Ирландия) имела место короткая, но яростная вспышка насилия, отчетливо показавшая полную изоляцию протестантской администрации. В 1800 г. Ирландия последовала примеру Шотландии (1707 г.) и вошла в политический союз с Англией.

За исключением короткого периода в 1801-1803 гг., «война за рубежом» продолжалась до 1815 г. К тому времени Британия израсходовала на военные нужды 1,5 млрд фунтов стерлингов, однако конечные результаты оказались сомнительными и достаточно ограниченными, и скоро война стерлась из народной памяти. Большую часть этого периода Британия походила на военный лагерь: происходили нескончаемые наборы в отряды милиции, и в любой момент каждый шестой взрослый мужчина находился под ружьем. Правда, в сравнении с Францией лишь немногие служили за рубежом, однако потери были все-таки довольно большими – примерно 210 тыс. человек. Между тем Франция переживала демографический спад: за пятьдесят лет (1800-1850) ее население увеличилось на 32%, в то время как в Британии оно за тот же период возросло на 50%. После 1805 г. британское превосходство на море было бесспорным; блокада французских торговых портов нанесла значительный ущерб французской промышленности, зависевшей от их активности.

Как писал Адам Смит, война вносит свои коррективы в обычные потребности работников различных профессий, создавая повышенный спрос на некоторых особо востребованных специалистов. Именно так и было. Процветал не только традиционный район выплавки черного металла на западе центральных графств, но и определенные районы Шотландии и Южного Уэльса, где население прежде захолустного городка Мертир-Тидвил благодаря каналу увеличилось за тридцать лет (1790-1820) в 20 раз; и это район, где самый крупный город середины XVIII в. – Кармартен едва насчитывал 4 тыс. жителей! Морская блокада душила конкурентов, и Британия, всегда игравшая главную роль в международной торговле изделиями текстильной промышленности, достигла того, что ее производители стали одевать французскую армию. Громадные судоверфи Чатема, Портсмута и Девонпорта еще больше расширили свои рабочие площади и стали застрельщиками в деле массового производства. Они существенно улучшили характеристики парусных боевых кораблей, и проявленное при этом новаторство ничуть не уступало перевороту, которое произвело в кораблестроении использование паровых двигателей.

Морской флот высветил многие социальные проблемы, типичные для Британии того

периода. Скверные условия существования моряков спровоцировали в 1797 г. бунты в Спитхеде и Ноуре. Политические требования не выдвигались; при всем накале возмущения мятежники в подавляющем большинстве оставались патриотами. Чтобы справиться с ними, применили испытанный метод кнута и пряника. Точно так же правительство отбило и другие попытки облегчить участь трудового люда. В специальных законах, принятых в 1799 г., профессиональные союзы объявлялись революционными организациями, деятельность которых запрещалась. Правительству удалось также блокировать предложения определить в законодательном порядке минимальные размеры оплаты труда и восстановить прежнюю систему взаимоотношений частных производителей, за которую выступал в основном малый и средний бизнес. Подобные меры, в сочетании с депрессией, вызванной преобладанием инвестиций в государственные ценные бумаги и торговой войной, явились причиной стагнации в 1790-1814 гг. реальной заработной платы. Однако довольно либеральные условия выдачи пособий по бедности, принятые во многих графствах в 90-х годах XVIII в. (так называемая Спинхэмлендская система), безусловно, предотвратили более острые социальные конфликты.

На протяжении почти всей войны Британии удалось избежать непосредственного участия в боевых действиях на континенте. Она предпочитала финансировать различные коалиции, создававшиеся под ее эгидой, сначала против революционной Франции, затем против Наполеона. Это был несколько видоизмененный вариант распространенного в XVIII в. способа ведения войны с помощью наемников. Только однажды британские войска сражались на европейском театре войны – в 1811-1814 гг. на Пиренейском полуострове. Зато впечатляли достижения Британии в других районах земного шара: она заметно укрепила свою власть в Индии и, используя Сингапур как базу, добилась господства над Голландской Ост-Индией, в 1795-1816 гг. покорила Цейлон, отобрала у голландцев Южную Африку и заявила свои права на Египет. Неофициально она утвердила собственную торговую гегемонию в формально испанских колониях Центральной и Южной Америки.

Однако, несмотря на столь крупные победы Британии, более зримый и ощутимый след в Европе оставляла все-таки Франция. Куда бы ни проникали армии Наполеона, они повсюду вводили свои законы, системы мер и весов, формы организации местного управления и прежде всего свой национальный революционный дух. Карта Европы совершенно изменилась. До 1789 г. Британия была частью континентального сообщества. Дэвид Юм и Адам Смит больше чувствовали себя как дома в Париже, чем в Эдинбурге и, пожалуй, даже в Лондоне. После 1815 г. Британию все еще отделяла от европейской жизни солидная дистанция, несмотря на прогресс экономики, который привлекал сотни иностранцев.

В самой стране война и депрессия разделили политические течения на два противоположных лагеря – «революционеров» и «лоялистов». «Режим террора Питта», патриотические объединения, толпы черни, кричащей: «За веру и короля!», заставили демократически настроенных граждан, ранее довольно активных, или вовсе уйти с политической арены, или же объединиться с наиболее угнетенными слоями населения, например с ирландцами и рабочим классом. Носители «якобинских традиций» сделались в такой же мере восприимчивыми к изменениям в экономике и производстве, в какой они были чувствительными к «злу», причиняемому действующим правительством. Диффузная, летучая смесь всего – от анархизма до религиозного милленаризма – продолжает характеризовать рабочее движение, в том числе и чартизм.

Как это ни парадоксально, но неизменно практический подход правящей элиты к решению возникающих проблем и использование репрессий для укрепления государственной власти вызвали к жизни новых, радикально настроенных соперников. Евангелисты, ведомые Уильямом Уилберфорсом и клапхемской сектой, вознамерились наставить верхние слои британского общества на путь истины. Ту же цель поставил перед собой и Иеремия Бентам, богатый адвокат, веривший, что обществом можно управлять с помощью не требующих доказательств, очевидных принципов, как это происходит в экономике. Основным принципом данной теории, именуемой «утилитаризмом», Бентам

считал «обеспечение наибольшего счастья наибольшего числа людей». Непримиримый противник всех идеалов «общественного договора», он выступал против Французской революции и пытался заинтересовать британское правительство своей теорией и предложениями по реформированию законодательной базы и тюрем. Разочарованный кажущимися неудачами, он примкнул к сторонникам демократических реформ и в 1815 г. уже выступал за всеобщее избирательное право. «Философские радикалы» (так стали называть последователей Бентама) предлагали определенные институциональные реформы при сохранении действующей политической системы, а после 1815 г. приобрели сторонников среди умеренных рабочих лидеров. Они же являлись авторами идеи централизации функций государства и теории общественного контроля, которые продолжали оказывать сильное влияние на умы современников.

Согласно концепции Бентама, местные органы власти должны собирать налоги и оперативно управлять в округе соответствующего размера. Надзор над ними должен быть возложен на оплачиваемых из казны инспекторов, подотчетных центральному совету. Это поможет покончить с «извечной коррупцией» и расточительством и повысить ответственность администрации. На самом деле, однако, во всех этих делах тон задавали чиновники. Быть может, Бентам и его сторонники – оба Милля (отец и сын) и Эдвин Чедвик – со временем и приняли бы демократические принципы, но в тот период они соглашались лишь предоставить народным представителям право налагать вето на действия администрации. Неудивительно, что их концепция успешнее всего претворялась в жизнь именно в Британской Индии.

Законодательство приобрело классовый оттенок. Трудящиеся, привыкшие решать в суде вопросы, связанные с производственными травмами, лишались этого права. Кроме того, были заметно ограничены возможности их самостоятельных выступлений. Тревоги богатых собственников обернулись ужесточением до тех пор не очень эффективных санкций. «Сотворение английского рабочего класса», по крайней мере отчасти, явилось реакцией на войну, индустриализацию и репрессии и отражало откровенное возмущение несправедливыми законами. У Уильяма Коббета было мало уважения к «Тингу» («*the Thing*») (негласным объединениям богатых, чтобы эксплуатировать бедных); практически игнорировал его и Роберт Оуэн. Последователи Бентама считали, что привилегированные слои общества руководствуются в своих действиях «низменными интересами». И хотя против существующих правил открыто протестовали только ирландцы, власть закона утвердилась не сразу и с большим трудом. Это стало возможным, пожалуй, только благодаря всплеску новой волны агитации за конституционные изменения, последовавшей за длительным периодом всеобщего ожидания.

Дороги к свободе

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Жните хлеб себе на стол,
Тките ткань для тех, кто гол.
Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

[Из «Мужам Англии» П.Б.Шелли
Перевод *С.Я.Маршака*]

После 1815 г. послевоенному правительству тори пришлось столкнуться с новой группой радикально настроенных литераторов. Колриджа и Вордсворта, приверженцев сил порядка, сменили Шелли и Байрон. Администрация лорда Ливерпула 1812-1827 гг. была в

своей основе буржуазной, включавшей нетитулованных мелкопоместных дворян, сыновей врачей и купцов и даже (в случае с Джорджем Каннингом) сына актрисы. Хотя и заклейменное как реакционное – некоторые его члены таковыми и являлись, – правительство в целом стояло на правоцентристских позициях; оно было довольно либеральным (по мерке европейской Реставрации) для колоний и примирительным у себя дома. Вместе с тем правительству Ливерпула пришлось преодолевать проблемы, связанные с послевоенным спадом производства и волнениями в рабочей среде, погашать военные долги и заботиться об устройстве демобилизованных военнослужащих. Оно получало мало помощи от искусной оппозиции вигов, которая, не стесняясь, терзала его в новых литературных журналах, используя богатые традиции массового протеста – от «нештемпелеванных» газет, издававшихся Генри Хетерингтоном и Ричардом Карлайлом, до буколического радикализма Уильяма Коббета и визионерского милленаризма Уильяма Блейка. Оказывали давление и землевладельцы, которые в соответствии с принятым в 1815 г. Хлебным законом стали получать субсидии под будущий урожай; это, очевидно, отсрочило более чем на десять лет недовольство и волнения среди земледельческого крестьянства. Но все это стало дорого. Еще сильнее, чем в 1811-1812 гг., угрожали нарушить привычный порядок в государстве индустриальные города, где послевоенный спад деловой активности явился причиной широко распространенной безработицы и заметного снижения заработной платы. Самосознание рабочих, в большей степени относительно их производственного положения, чем классовой позиции, неуклонно возрастало с 1800 г., а местные власти, предприниматели и мировые судьи остро ощущали свою изоляцию.

Действительно ли опасения, часто высказываемые этими господами при виде беснующейся толпы якобинцев у своих ворот, и революционные призывы некоторых вождей рабочего класса усугубили угрозу свержения режима, которую все-таки удалось предотвратить? Возможно, те и преуспели бы при согласованных действиях, при наличии общей экономической цели, способной объединить индустриальных рабочих с парламентскими радикалами, т.е. квалифицированными столичными торговцами, и, конечно, если бы правящая верхушка потеряла самообладание. Но практически осуществить переворот было бы очень и очень непросто. Лондон не был «абсолютной» столицей наподобие Парижа; существовало несколько рычагов власти, за которые можно было ухватиться, – лондонские радикалы должны мобилизовать их *en masse* (в целом).

Лондон не сдвинул с места провинцию. Парламентская оппозиция отрицала и осуждала насильственные действия. Министерство внутренних дел, возглавляемое жестоким и решительным виконтом Сидмутом, и его представители на местах сумели подавить сопротивление, но дорогой ценой. Противостояние достигло высшей точки 16 августа 1819 г. в Манчестере, когда местный магистрат приказал арестовать ораторов мощной, но мирной демонстрации сторонников реформ на поле Св.Петра. Солдаты напали на собравшихся, и в итоге одиннадцать человек было убито. Событие получило название «Питерлоо». Весь последующий год был отмечен вспышками насилия, спровоцированными как радикальными элементами, жаждущими мести, так и правительственными агентами, внедренными в реформистское движение. Достаточно вспомнить восстание ткачей в Шотландии и «заговор Кейто-стрит» с целью убийства членов кабинета министров в Лондоне. Власти ответили круто, жестоко и эффективно – виселицами и ссылкой в колонии, однако подобные меры со временем только усилили сопротивление борцов за конституционные права и дискредитировали правящую верхушку.

Между тем правительство с подозрением наблюдало за не сдерживаемой никакими рамками беспредельной индустриализацией. Двигаясь по пути к свободной торговле, периодически сменяемому аппарату управления и к реформе уголовного кодекса, оно все еще ориентировалось на интересы землевладельцев и боялось новых выступлений рабочего класса. Сэр Вальтер Скотт, поддерживавший правительство, очень сожалел о том, что промышленность передислоцировалась в города; по его мнению, в сельских мануфактурах

хозяин «оказывал благотворное влияние на людей, зависящих от него самого и от его благополучия». Вероятно, он при этом думал о Роберте Оуэне и его фабрике в Нью-Ланарке. Пропагандируя идею самоуправляемой индустриальной общины, Оуэн рассчитывал ограничить промышленную экспансию и вновь сделать сельское хозяйство главным работодателем. Его «новый нравственный мир» прекрасно сочетался с представлениями о влиянии, оказываемом на человека социальным строем и утопическими взглядами на способ решения назревших в обществе проблем, получивших распространение после войны.

Сильнейший яд – в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.
Литая сталь вооруженья –
Людского рода униженье.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы.

[Из «Порицаний невинности» У.Блейка
Перевод *С.Я.Маршака*]

Мастеровые не обязательно должны понимать космологию гениального мастера Уильяма Блейка, чтобы по достоинству оценить смысл этого его послания. Многим будущее должно было казаться апокалипсическим, как на гигантских, но необыкновенно детализированных и поучительных живописных полотнах Джона Мартина, которые были в моде в виде гравюр в середине 20-х годов XIX столетия.

Вклад вигов в политические баталии был довольно весомым. Попытка Георга IV добиться в 1820 г. развода вылилась в открытое перемывание в судах грязного белья королевской семьи. Генри Бругэм, один из ведущих авторов «Эдинбург ревю», выступил под аплодисменты публики против короля и министров в защиту королевы Каролины, не очень-то подходящей фигуры на роль мученицы. Затем в августе 1822 г. покончил с собой Кэслри, министр иностранных дел, сумевший дистанцировать Британию от консервативных сил, представленных на Миттерниховых конгрессах. Теперь путь был свободен, и более либеральное крыло правительства Ливерпула могло проявить себя.

Джордж Каннинг, преемник Кэслри на посту министра иностранных дел, выступил, совместно с американским президентом Монро, в 1823 г. гарантом независимости вновь образованных республик Южной Америки и одновременно обеспечил Британии привилегированный доступ на новый гигантский рынок. Два года спустя было отменено антипрофсоюзное законодательство, а в 1826 г. положен конец «управлению» Шотландии семейством Дандас. Правительство герцога Веллингтона приняло в 1829 г. закон, освобождающий католиков от ограничения политических и гражданских прав. Оно было вынуждено учитывать преобладавшее мнение ирландского общества и угрозу национального восстания, когда католику Даниелу О'Коннелу, избранному депутатом от графства Клэр, в 1828 г. было отказано в праве занять свое место в Парламенте из-за того, что он католик.

Итак, оставалось лишь осуществить парламентскую реформу, однако в данном случае вопрос уже касался непосредственно политической роли обеих ведущих партий. Если давление со стороны профсоюзов, шотландских и ирландских организаций можно было смягчить с помощью законодательных уступок, то предполагаемая реформа означала бы победу вигов, усиление их влияния в этом представительном органе со всеми вытекающими отсюда преимуществами. В 1828 г. Веллингтон под давлением своих «крайних» (Ultras) решительно воспротивился переменам, но на следующий год они уже покинули герцога из протеста против принятия закона об эмансипации католиков. Между тем недовольство в стране нарастало. Ситуация обострилась до предела после того, как руководители вигов граф Грей и лорд Джон Рассел победили на выборах, состоявшихся в

связи со смертью Георга IV в 1830 г. Когда Палата лордов отклонила законопроект о реформе, хорошо организованные «политические союзы» провели в ряде городов массовые митинги; взбунтовавшиеся толпы атаковали Ноттингем-Касл и дворец епископа в Бристоле, где собирались лорды – противники реформы. В Мертире за мятежом последовала казнь лидера рабочих Дика Пендерина. В апреле 1832 г. лорды в конце концов дали свое согласие (с перевесом в девять голосов), к великому облегчению правительства Грея, которое иначе показало бы себя довольно консервативным, особенно при подавлении волнений среди сельскохозяйственных рабочих (так называемого мятежа «капитана Свинга») на юге Англии.

Овладение реформой

Несмотря на почти революционный характер агитации за реформу, принятый в 1832 г. закон не внес каких-либо существенных перемен, разве что создал условия для включения в представительные органы потенциально склонных к конфликтам мощных промышленных и коммерческих группировок. Если электорат Шотландии и увеличился с 4579 до 64447 человек (на 1407%), то в Ирландии он возрос всего на 21%; 41 большой город, в том числе Манчестер, Брэдфор и Бирмингем, впервые обрели своих представителей в Парламенте, но среднее количество городских избирателей на одного депутата – а именно они выбирали почти половину депутатов (324 из 658) – оставалось ниже 900 человек. По-прежнему 349 избирателей Бекингема выбирали столько же депутатов, сколько и 4172 жителя города Лидса, обладавших правом голоса. Население Англии (54% населения Британии) продолжало формировать 71% Палаты общин. Как и раньше, действовал принцип «виртуального представления» групповых, а не общенародных интересов, и в Парламенте на протяжении почти полувека опять доминировали землевладельцы.

Некоторые консерваторы серьезно опасались наступления последователей утилитариста Бентама на аристократию и Церковь. Но в Парламенте было мало истинных доктринеров, а реформистский пыл вигов быстро улетучился. Филантропы получили свое в 1833 г. с отменой рабства на территории Британской империи, с введением ограничений на использование детского труда на текстильных фабриках, а также фабричной инспекции. Закон о бедных, принятый в 1834 г., который его автор Эдвин Чедвик считал основой для последовательного экономического воссоздания английского местного самоуправления, не облегчил положения и был ненавистен простому люду, так же как и мрачные работные дома или «бастилии».

«Таймс» тоже резко критиковала новый Закон о бедных, возможно чувствуя, что сторонники философского радикализма зашли слишком далеко. Год 1834-й оказался сопряжен со многими трудностями. Слов нет, Ирландия сохраняла на этот раз спокойствие, и виги искали взаимопонимания с О’Коннелом, которое длилось до конца десятилетия, но «альтернативное общество» все еще формирующегося рабочего класса достигло пика своей активности. Усиление влияния профсоюзов под руководством таких людей, как Джон Догерти, критика со страниц различных «нештемпелеванных» газет, недовольство радикалов реформой избирательной системы, возвращение в политику Роберта Оуэна – все это вместе взятое дало толчок проекту по созданию Большого национального объединенного профсоюза, который, по замыслу его авторов, должен был разрушить капиталистическую систему в ходе «больших национальных каникул» или всеобщей забастовки. Затем общество реорганизуют на кооперативной основе, а базой для оценок в денежном выражении послужат часы полезного труда. В марте правительство предприняло контратаку, избрав в качестве жертв шестерых рабочих Дорсета, так называемых мучеников Толпадла. За короткий период Большой профсоюз провел слишком много некоординированных забастовок и демонстраций протеста. С выходом из него Оуэна в августе профсоюз прекратил свое существование. Шестнадцатого октября сгорело здание Парламента. Если бы это произошло шестью месяцами раньше, пожар, быть может,

показался бы более чем символичным.

Одним из реальных достижений вигов была реформа местного самоуправления. В 1833 г. городские советы в Шотландии стали избирать налогоплательщики, два года спустя реформа коснулась и английских городов. В крупных городах виги и радикалы пожинали богатые плоды своих усилий. Но в правительстве наблюдался глубокий раскол. В ноябре 1834 г. к власти пришли тори во главе с Пилем, которые обещали работать в рамках проводимых реформ. В апреле 1835 г. виги вернулись, однако уже под руководством крайне консервативного Мельбурна. Когда в 1841 г. их вновь сменили тори, Пиль уже более глубоко проникся идеей постепенных преобразований, которую с ним разделял серьезно мыслящий Альберт из Саксен-Кобург-Готской династии, супруг молодой королевы.

Пилю, между прочим, опасность угрожала с двух сторон. Промышленники, встревоженные сокращением прибыли, требовали уменьшения заработной платы и считали, что это вполне можно сделать, если снизить цены на хлеб, который являлся главным продуктом ежедневного рациона трудового люда (в неделю каждый съедал около пяти фунтов). Добиться заметного снижения цены было возможно только при свободном импорте зерна или, иначе говоря, лишь отменив Хлебный закон 1815 г. Радикалы, раздосадованные отступничеством вигов, перехватили инициативу. Ведущими фигурами в Лиге борьбы против хлебного закона, образованной в октябре 1838 г. в Манчестере стали Ричард Кобден, не очень преуспевающий торговец хлопком с заокеанскими интересами, Джон Брайт, квакер и владелец ковровой фабрики в Рочдейле, и Джеймс Уилсон, шотландский журналист, основатель журнала «Экономист» (1843). Лига борьбы против хлебного закона представляла – и частично сама создала – индивидуалистически настроенный средний класс, наделенный деловой хваткой, который немцы назвали (и теперь еще называют) «манчестерским». С помощью петиций, демонстраций, путем мобилизации диссентеров, умелого использования новой почтовой услуги, стоимостью 1 пенни, Лига возбудила у населения неприязнь к аристократии и лично к Пилю.

В вопросах, касающихся государственных финансов, Пиль фактически соблюдал большинство заповедей политической экономии. Таможенные пошлины были резко снижены, Английский банк реорганизован, содействие железнодорожной компании позволило ей иметь независимого руководителя (хотя Уильям Гладстон, возглавлявший тогда министерство торговли, настаивал на полной национализации). Участники Лиги действовали с неистовством отчаявшихся. Они хорошо понимали, что их благополучие тесно связано с постоянно растущим мятежным духом среди наемных работников. Довольно необычный совладелец бумагопрядильной фабрики в Манчестере, молодой немец Фридрих Энгельс, воочию наблюдая, как волны недовольства одна за другой стучали в фабричные стены, предсказывал, что, как только рабочие решат больше не быть товаром, который покупают и продают, вся нынешняя политическая экономия прекратит свое существование. Толчок к подобному развитию событий, по мнению Энгельса, мог бы дать любой особенно глубокий экономический кризис, а политическое оформление рабочего движения нашло выражение в чартизме.

«Политика меня не интересует, но я чартист», – заявил в 1848 г. один из лондонских уборщиков мусора Генри Мейхью, первому исследователю социальных проблем. «Народная хартия» неоднократно вносила в Парламент петиции с требованием осуществления шести пунктов: всеобщего избирательного права (для мужчин), равных избирательный округов, тайного голосования, отмены имущественного ценза для кандидатов в депутаты Парламента, зарплаты депутатам и их ежегодного переизбрания. Эти требования воздействовали на массы с такой же силой, как Французская революция и кампания Дэниела О’Коннела в Ирландии. Однако единство в этом необычайно сложном и в высшей степени локализованном движении было лишь поверхностным и эпизодическим. Внешне оно выглядело сверхдемократическим, но только для мужчин – предложение об избирательном праве для женщин потерпело фиаско. Как организация национального

масштаба, чартизм просуществовал недолго, с 1838 по 1842 г., но его филиалы продолжали проявлять активность на региональном уровне под влиянием местных экономических неурядиц, политических традиций и личных качеств руководителей. Их деление на сторонников «физического» и «морального» воздействия дополнялось по отношению к сформировавшимся партиям, к вопросу об употреблении алкоголя, к проблемам Ирландии, к частной собственности и образованию. В Шотландии и Центральной Англии лидерами были представители малого торгового бизнеса и квалифицированные специалисты. В Йоркшире, с его высоким уровнем безработицы и негативным воздействием нового Закона о бедных, вожаки были настроены чрезвычайно воинственно, однако участвовали в проводимой тори кампании в пользу фабричной реформы. «Приграничные города» промышленного Уэльса пережили множество «коллективных договоров посредством бунтов», а потому неудивительно, что колоссальная демонстрация протеста, состоявшаяся 4 ноября 1839 г. в Ньюпорте, закончилась кровавым столкновением с войсками. Было убито 14 человек, ряд участников шествия суд приговорил к ссылке на каторжные работы в Тасманию, но не к повешению.

Пиль был гуманнее и тактичнее, чем Мельбурн в 1831 г. или Ливерпул в 1819-м, и его политика увенчалась успехом. Экономический подъем 1843-1844 гг. лишил чартизм жизненных сил. Его последнее оживление в 1848 г. отражало скорее агонию Ирландии, чем честолюбивые устремления английских ремесленников, и движение это уже не было монолитным, имело ярко выраженную ирландскую окраску и находилось как бы в стадии экспериментального поиска новых организационных форм. Фергюс О'Коннор выступил с планом учреждения новых сельских поселений, опять возродились идеи Оуэна и социалистов вместе с обветшавшими лозунгами европейских революционеров, многие из которых эмигрировали в Британию. Какой бы привлекательной ни казалось интеллектуальная дружба Джулиана Гарни и Эрнста Джонса с Марксом и Энгельсом, чартизм уже сошел с политической сцены. Чартисты со стажем продолжали проявлять активность по таким отдельным проблемам, как трезвый образ жизни, создание трудовых кооперативов (рочдейлский магазин «Пионер» имеет чартистские корни) и профессиональных союзов. Некоторые из них уехали за рубеж, но многие сделались весьма респектабельными участниками викторианских местных органов самоуправления и новой провинциальной печати.

«Если только не Бог строит города…»

В 1832 г. от эпидемии холеры, завезенной в Европу с Ближнего Востока, умерло около 31 тыс. британцев; в 1833 г. Парламент проголосовал за выделение 30 тыс. фунтов стерлингов на нужды начальной школы, а Джон Кибл проповедовал в Оксфорде на тему о «национальном вероотступничестве». Все эти события совершенно случайно совпали с проводимой в стране политической реформой (Парламент выделял больше денег на содержание конюшен Виндзорского замка, чем на образование), но они в значительной мере определили направление деятельности государства и способы обоснования ранними викторианцами своей социальной позиции.

Холера усугубила проблему чересчур быстрой урбанизации, хотя и в сельской местности она проявляла себя не менее беспощадно. Новые городские кварталы были невелики по площади, но чрезвычайно плотно застроены, густо заселены, и практически все жители добирались до места работы пешком. Использование городской земли соответствовало экономическому статусу жителей. Незначительная кучка собственников – менее 5% общей численности населения в хлопчатобумажных центрах – часто владели 50% городских земельных участков. Люди селились на территориях, свободных от фабрик и заводов, дорог, каналов, а позднее и железных дорог. Результаты, как и следовало ожидать, оказались плачевными: города Британии XIX в. были окутаны плотным облаком дыма и смрада, за проживание в них рабочим и их семьям приходилось платить высокую цену,

если принять во внимание размеры платы за жилье и пагубные последствия для здоровья. За более сносное жилье приходилось выкладывать четверть недельного заработка квалифицированного рабочего, и лишь немногие могли себе это позволить. В подобной ситуации не только разрастались трущобы в старой, центральной части городов (притоны и ночлежки в Лондоне, подвальные жилища в Ливерпуле и Манчестере, «доходные дома» в Шотландии и «китайский квартал» в Мертир-Тидвиле), но земельные магнаты и строительные спекулянты придумали новый тип жилья – сверхтесные («спина к спине») квартиры в Йоркшире: крохотная комната с кухонной нишей или однокомнатный домик. К 1870 г. в таких условиях проживало 70% семей Глазго.

Если с жильем было плохо, то с санитарией и гигиеной дело обстояло еще хуже. Более состоятельные граждане могли сложиться и построить водопровод и канализационную систему, осветить свои улицы, организовать охрану, однако все это лишь ухудшало положение беднейших слоев населения, ибо зачастую содержимое уборных богатых кварталов сбрасывали в водоем, откуда рабочие районы снабжались питьевой водой.

Местью рабочего класса были эпидемии. Окруженные со всех сторон массой бедных слуг и мастеровых, на которых обычно не обращали внимания, богачи внезапно сделались чрезвычайно уязвимыми. У А.К.Тейта, будущего архиепископа Кентерберийского, в 1856 г. из семи детей пятеро умерли от скарлатины. В 1831 г. правительство обязало местных аристократов участвовать в работе временных советов по вопросам здравоохранения, занятых борьбой с холерой. В 1840 г. Эдвин Чедвик, обеспокоенный растущим числом семей, впавших в нищету из-за болезни или потери кормильца, руководил специальной комиссией, исследовавшей санитарные условия жизни трудового населения. Ее отчет был опубликован в 1842 г. Последовавшая за этим агитация в обществе, не говоря уже об опасности новой вспышки эпидемии холеры, вынудили правительство разрешить в 1848 г. муниципальным властям учреждать местные советы по проблемам охраны здоровья населения, подчиненные упомянутой выше комиссии, в которую входил и сам Чедвик. Помимо последователей Бентама были привлечены и другие силы – некоторые чартисты и радикалы, а также, в большом числе, представители партии тори, медики и члены различных благотворительных организаций. К типичным представителям данного движения можно было бы отнести лорда Эшли. Будущий граф Шефтсбери и приверженец Низкой церкви из числа тори – Маколей определил его стиль как «вопль Экзетер-Холла» – обладал умением Уилберфорса манипулировать общественным мнением, обеспечивающим надежный повод для государственного вмешательства. В 40-х и 50-х годах XIX столетия это умение оказалось как нельзя кстати, когда возникла необходимость облегчить участь шахтерам, фабричным рабочим, бедствующим эмигрантам и обитателям городских трущоб. Некоторые доказывали, что административная реформа происходила сама по себе, в силу внутренней динамики, независимо от действий Парламента и идеологических соображений. «Торийская интерпретация истории» (так иногда не совсем справедливо называли этот подход) противопоставляла влияние на ход преобразований со стороны чиновников – «людей, находившихся непосредственно на местах», – и энтузиастов, подобных Эшли, вырабатывавших собственные законы при безразличном отношении Парламента к социальным условиям. Но это далеко не полное объяснение процесса реформирования. Нормы поведения государственных служащих варьировались от департамента к департаменту и проявлялись, кроме того, сугубо индивидуально. Одни были преданы делу вплоть до самопожертвования, другие, поступившие на должность по протекции, выполняли свои обязанности с прохладцей. Энтони Троллоп, один из руководителей почтового управления, по-прежнему находил время дважды в неделю выезжать на охоту и писать романы. В одном из них («Три клерка»), опубликованном в 1857 г., он дает красочную картину провинциальной государственной службы и поведения ее реформаторов.

В этот золотой век «местного самоуправления» и возрастания профессионального уровня главными инициаторами перемен были крупные города и новое поколение врачей,

обучавшихся в основном в Шотландии, которые совершили переход от уровня примитивного хирурга-фармацевта до официального независимого эксперта по медицинским вопросам. Первый начальник медицинско-санитарной службы здравоохранения был назначен в Ливерпуле в 1847 г. Год спустя Лондонский Сити, «квадратная миля» богачей, утвердил на аналогичном посту энергичного доктора Джона Саймона. К 1854 г. должность санитарного врача стала обязательной для всех городских поселений. Наличие службы здравоохранения явилось важным фактором, побуждавшим муниципальные власти не только сооружать водопроводные и канализационные системы, ликвидировать трущобы, но и соблюдать предписания, касавшиеся строительства жилья и жилищных санитарных норм.

Новое индустриальное общество остро поставило вопрос об организации образовательного процесса. Мнения на этот вопрос разделились. Как полагала евангелистка Ханна Мор, для насаждения религии и сохранения порядка в обществе детей следует обучать чтению, но не письму. Адам Смит, с другой стороны, опасался умственной деградации рабочего класса из-за узкой специализации наемного труда, настаивал на передаче в Англии дела образования в ведение государства, как это было сделано в Шотландии после кальвинистской реформации церкви (Kirk). До 1800 г. там существовали школы грамматики, в основном дореформаторские, после – независимые школы и приюты для детей бедняков, которые очень различались по качеству обучения и не могли охватить всю подрастающую молодежь, особенно в новых городских кварталах, или благотворно влиять на их поведение. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. общество, включая и короля Георга III, начало смотреть на образование как на средство профилактики против революции. Этому способствовало внедрение новых, более дешевых и эффективных методов обучения. «Наставническая» система Ланкастера – Белла, при которой старшие ученики сначала учат урок сами и затем наставляют младших, побудила к учреждению в 1808 г. Британско-зарубежного школьного общества, а в 1811 г. – Национального общества. Эти две попытки выйти на общегосударственный уровень совпали с усилением вражды между первоначальными спонсорами идеи – религиозными диссентерами и официальной Церковью. Эта вражда почти столетие превалировала над вопросами качества образования.

Религиозный антагонизм имел место и при реформировании в англиканском духе системы обучения в частных учебных заведениях для мальчиков, хотя проявлялся не столь интенсивно. Плачевное положение со школами в последние годы XVIII в. начало выправляться еще до того, как радикальный сторонник Широкой церкви Томас Арнолд начал карьеру в городе Регби в 1829 г. Его реформы фактически соответствовали консервативному политическому урегулированию 1832 г., но сохранили свое воздействие намного дольше. «Классическое образование» (латинский и греческий языки) преобладало для тех, кто собирался поступать в университет; оно перестало быть лишенным практического смысла, своего рода ритуалом для подрастающих аристократов, а превратилось в стимул соревновательности для молодых людей среднего сословия, желающих стать стипендиатами колледжа или заняться исследовательской работой в университетах Оксфорда и Кембриджа. Они имели цель добиться субсидированного вхождения в профессиональную жизнь, но при этом им выпало выполнить еще одну, более важную функцию: приобщить юношей из коммерческих слоев населения к обновленной разновидности региональной аристократии. К моменту смерти Арнолда в 1842 г. его метод переняли другие частные средние учебные заведения; этому процессу способствовали рост сети железных дорог и необычайно популярная книга Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857).

Модернизация школьного образования послужила примером для последующего поколения реформаторов, многие из которых уже обучались по новому методу. В отличие от утилитаристов у них не было всеобъемлющей, четко разработанной программы, они скорее стремились поставить государственные институты, находящиеся под влиянием аристократии и духовенства, на службу всему обществу. Подобная идея «национализации»

и вытекающего из нее «включения» рабочего класса в «политическое сообщество» была высказана в 1848 г. христианскими социалистами и последователями Ф.Д.Мориса (в том числе и Томом Хьюзом), пытавшимися сделать Англиканскую церковь арбитром между трудом и капиталом. Они не были одиноки. Уильям Эдвард Форстер, молодой, радикально настроенный фабрикант, занимавшийся производством сукна, из Бредфорда, бывший квакер, писал: «Пока не будут сделаны некоторые уступки народным массам, пока все зажиточные слои общества не станут серьезно заботиться о том, чтобы их досыта накормить, волнения в стране неизбежны; по-моему, наиболее действенный способ их предотвращения – сочувственное к трудовому народу отношение среднего сословия, располагающего достаточной силой, чтобы противостоять несправедливости и помогать реализовывать разумные требования».

Жена Форстера приходилась дочерью Арнолду из Регби и сестрой Мэтью Арнолду, поэту и школьному инспектору. «Интеллектуальная аристократия», высокомыслящая и уверенно реформаторская, уже оставляла почву евангелической религии и переключалась на политические акции.

Школьный инспектор Арнолд и большинство политиков принадлежали к так называемой Широкой церкви, т.е. являлись носителями либеральных традиций Англиканской церкви, которая рассматривала себя в качестве партнера государства и считала, что в этих отношениях теологическая доктрина имеет подчиненный характер. Евангелисты особо выделяли религиозно-философские соображения, но их наивная богословская система постепенно разрушалась под воздействием непрерывных акций либералов, которые достигли своего апогея с принятием в 1832 г. парламентской реформы. Священнослужители боялись, что за этим последует всплеск утилитаристских и, следовательно, атеистических настроений. В одной из проповедей в Оксфорде Джон Кибл объявил о духовном противодействии, основанном на апостолических традициях Англиканской церкви. «Трактарианцы», или Оксфордское движение, не противостояли либерализму в области социальных реформ или обрядов «Высокой церкви», – они просто ссылались на давние англиканские обычаи. Через двенадцать лет, в 1845 г., Движение раскололось – отчасти из-за преследования лиц англиканского вероисповедания, тяготевших к евангелизму, отчасти по убеждению, когда некоторые руководители, включая и Джона Генри Ньюмана, решили, что у них нет никаких разногласий с Римом, и «вышли». Вопреки мрачным прогнозам противников Оксфордское движение послужило укреплению позиций Англиканской церкви благодаря энтузиазму таких преданных мирян, как У.Ю.Гладстон, и оказало влияние на религиозное воспитание и архитектуру. Широкая церковь, ориентированная в большей степени на социологический аспект религии, попала в трудное положение, когда выяснилось, что лишь пятая часть англичан посещает ее приходские церкви. Единственная в своем роде перепись верующих, проведенная в 1851 г., показала, что лишь 35% населения Англии бывает на воскресных службах, хотя эта цифра сильно варьирует в зависимости от региона; примерно половина верующих регулярно слушала проповеди священников-диссентеров. В 1848 г. христианские социалисты, приверженцы Широкой церкви, энергично стремились наладить контакт с наемными работниками, но на каждого вновь обращенного усилиями их группового лидера Ф.Д.Мориса приходилось не менее десяти человек, попавших под влияние Чарлза Кингсли, и еще больше тех, кто помогал Дж.М.Ладлоу в профсоюзной работе и Е.В.Нилу в зарождающемся кооперативном движении.

Англиканская церковь располагала по крайней мере богатой традицией, деньгами и широтой маневра, чего не было у нонконформистов. Изолированные друг от друга и обычно воспринимаемые с подозрением правящими кругами, их руководители, и в первую очередь Джобес Бантинг из Методистской Конференции, пытались объединиться на базе консерватизма. Политический радикализм являлся обычно отличительной чертой диссентеров в провинции и среди шахтеров, а также среди городской религиозной элиты – унитариев и квакеров. Особенно заметные перемены произошли в Южном Уэльсе. Лишь в

50-х годах XIX в. после успешной кампании против Хлебного закона, диссентеры начинают показывать свои мускулы: блокируются с Либеральной партией, требуют повышения своего гражданского статуса и – в соответствии с программой «Общества освобождения» – роспуска официальной Церкви. Организованные инакомыслящие стали играть в либеральном движении главную и довольно беспокойную институциональную роль, но для самого движения это приобретение оказалось весьма сомнительным и разорительным, о чем свидетельствовал непрекращавшийся отток состоятельных религиозных нонконформистов, переходивших в лоно Англиканской церкви.

В Шотландии на протяжении десяти лет (1833-1843) шли горячие споры относительно патроната, закончившиеся «Расколом» (Disruption») шотландской церкви и созданием новой независимой «Свободной церкви». Роль Церкви в мирских делах стала быстро снижаться (когда в 1845 г. был утвержден закон о бедных), однако страсти относительно церковной политики продолжали кипеть в шотландском среднем сословии еще до конца столетия.

«Колокола перемен»

Сороковые годы XIX столетия обернулись десятилетним кризисом даже по меркам классической политической экономии. Ведущая роль в Британии по-прежнему принадлежала текстильной промышленности, но рынок сбыта для товаров был ограниченным и испытывал растущую американскую и европейскую конкуренцию. В индустрии повсюду наблюдалась чрезмерная капитализация, внедрение очередной технической новинки сокращало прибыль на капитал, и каждый последующий экономический спад производства оказывался глубже и длительнее предшествующего. Реальная заработная плата увеличивалась слишком медленно, чтобы успешно нейтрализовать негативные последствия сокращения ручного труда и высокой стоимости городской жизни. Для Карла Маркса, следившего за событиями в Британии по письмам своего друга-фабриканта Фридриха Энгельса, все эти явления были составными частями одной общей картины. Капитализм, по его представлениям, обречен погибнуть от собственного перепроизводства; в ходе следующей экономической депрессии, уверял он, низкооплачиваемые трудящиеся дружно поднимутся против капитализма. Здесь он перекликался с мыслями Шелли, который выразил их в стихотворной форме.

Восстаньте ото сна, как львы,
Вас столько ж, как стеблей травы,
Развейте чары темных снов,
Стряхните гнет своих оков,
Вас много – скуден счет врагов!

[Из «Маскарада анархии»
Перевод *К.Бальмонта*]

События 40-х годов как будто подвели Ирландию вплотную к революции. Катастрофические неурожаи картофеля в 1845-846гг. и в 1848 г. подорвали основу роста населения страны. В 1845-1850 гг. от голода умерли около 1 млн человек, примерно 2 миллиона эмигрировали. Бедные ирландские иммигранты, готовые работать за плату намного ниже принятой в Англии, представляли собой взрывоопасный материал. В своей книге «Чартизм» (1839) Карлейль писал: «Всякий, кто снимет статистические очки, увидит… что жизненные условия низшей категории английских рабочих все больше и больше напоминают положение ирландцев, с которыми они конкурируют во всех сферах…»

Сдерживающим фактором служило бурное индустриальное развитие, вбиравшее любые излишки рабочей силы и капитала и преобразовывавшее их в новую, более диверсифицированную экономику. Главным – и психологически наиболее впечатляющим –

инструментом этого развития была железная дорога.

Железные дороги в XIX столетии, 1825–1914 гг.

Примитивные варианты механических средств передвижения использовались уже в начале XVII столетия для доставки угля от места добычи к морским или речным причалам. К 1800 г. в стране существовало, вероятно, не менее 200 миль специальных транспортных путей на конной, построенных по различным проектам. На первых порах направляющие колеи изготовлялись из дерева, затем проложили металлические рельсы: поначалу (с 70-х годов XVIII в.) из чугуна, затем (с 90-х годов XVIII в.) из стали, но без так называемой подошвы. Механизмы на паровой тяге были представлены в двух вариантах: стационарные двигатели низкого давления тянули вагонетки вверх по наклонной поверхности,

«локомотивы» высокого давления сами катились по рельсам. В 1804 г. свою модификацию паровоза, двигающегося по рельсам, продемонстрировал в Уэльсе изобретатель Ричард Тревитик, и вскоре его стали широко применять на северных угольных разработках, где объемы добычи угля в 1800-1825 гг. удвоились. Там работал и Джордж Стефенсон, создатель парового железнодорожного транспорта. К 1830 г. по всей Великобритании, с санкции Парламента, было построено уже 375 миль железных дорог.

Коммерческий ажиотаж середины 20-х годов XIX в., поддерживаемый Ливерпульской и Манчестерской железными дорогами, дал мощный толчок дальнейшему развитию. За десятилетие, начиная с 20-х годов, хлопчатобумажная индустрия почти вдвое увеличила выпуск своей продукции, а население Манчестера выросло на 47%. Снабжение всем необходимым как фабрики, так и возросшего числа жителей сдерживалось монополистической компанией «Бриджуотер канал»; нужен был крупный и сильный конкурент. Предъявляемые к нему требования почти превосходили существовавшие тогда технические возможности. В конце концов – не без давления со стороны соперников – Стефенсону удалось создать в 1830 г. достаточно эффективную модель паровоза. Однако дистанция между получившей первый приз так называемой «Ракетой» и внедренным в промышленное производство локомотивом «Патенти» (1834) была столь же велика, как между той же «Ракетой» и ее довольно неуклюжим, хотя и надежным предшественником «Локомоушн». Принципиальная конструкция паровоза затем практически не менялась на протяжении полувека.

В 30-х годах на развитие железных дорог оказал влияние еще один спекулятивный бум. К 1840 г. около 2400 миль железнодорожных линий связывали Лондон с Бирмингемом, Манчестером и Брайтоном. Некоторые из линий процветали, другие – обремененные чрезмерной капитализацией и различными судебными тяжбами – находились в плачевном состоянии. В дни возникновения первых акционерных компаний действовало совсем немного правил, и репутация предпринимателей, сумевших обменять «бумажки на золото», была очень высокой, как, например, у Джорджа Хадсона, «железнодорожного короля», контролировавшего к 1845 г. треть всей сети железных дорог.

Хадсон обеспечил внушительную прибыль, выплачивая дивиденды от имени функционирующих железнодорожных линий за счет капитала, собранного на строительство новых дорог. Когда ажиотаж 40-х годов, который он помогал поддерживать, наконец прошел, Хадсона в 1848 г. разоблачили, и он бежал за границу. Но прежде чем он это сделал, было построено более 8 тыс. миль железных дорог, которые протянулись от Абердина до Плимута.

Славная эпоха начала железных дорог создала и своих героев; к ним принадлежали: самоучка Стефенсон и его выдающийся сын Роберт, Джозеф Лок, Даниел Гуч и человек энциклопедических знаний по имени Изамбар Кингдом Брунел, чьи гигантские проекты – Великая западная железная дорога (с шириной колеи в 7 футов), первый железный пароход «Великобритания» и громадный «Грейт истерн» (водоизмещением 18 тыс. т) – завораживали широкую публику и приводили в ужас его несчастных финансистов. Это к ним относился вопрос Г.К.Честертона: «Что за племя поэтов стреляло из таких циклопических луков по звездам?» Эти люди – Карлейль называл их «капитанами индустрии» – были более привлекательны, как предприниматели, чем хлопчатобумажные фабриканты, и Сэмюэл Смайлс считал их образцом для тех, кто стремится добиться успеха собственными силами.

Новая транспортная система была создана за менее чем несколько десятков лет, причем без всяких современных технических средств. Землекопы и чернорабочие, которых только в 1848 г. насчитывалось около 250 тыс., снабжаемые пивом и говядиной, проделали колоссальную работу, переместив горы земли, – непременный этап строительства британских железных дорог раннего периода. В 30-х годы XIX в. типичный британский рабочий представлялся в виде несчастного фабричного невольника или голодающего ткача. В 50-х это был уже мускулистый трудящийся, руками которого за полгода поднялся ввысь

знаменитый Хрустальный дворец и который, доставленный морским транспортом в Крым, помог армейским частям проложить там железную дорогу и возвести военные лагеря. Нужно, однако, отметить, что железнодорожное строительство стоило огромных затрат: лишь в одном 1849 году сюда было инвестировано 224,6 млн фунтов стерлингов. Но выручка в том же году еще оставалась на низком уровне и составила 11,4 млн фунтов. Правда, в 1859 г. она поднялась до 24,4 млн фунтов, тем не менее железные дороги всегда оставались умеренным, хотя и надежным объектом вложения капитала; но были и компании, не дотягивавшие даже до такого уровня. До 1852 г. они получали больше прибыли от пассажирских, а не от грузовых перевозок. Поэтому были предприняты усилия по устранению этого дисбаланса путем систематической скупки конкурирующих компаний – владельцы каналов, будучи избалованы сверхприбылями, опасались резкого снижения доходов в результате соперничества. К середине 50-х годов стратегические водные магистрали оказались в руках железнодорожных компаний, и грузовые потоки пошли в основном сухопутными путями. К тому моменту сговор капиталистов наиболее динамично развивающихся индустриальных центров (о чем предостерегал Адам Смит) стал фактом.

Политика и дипломатия: годы правления Пальмерстона

Быстрое развитие сети железных дорог совпало по времени с драматическими переменами в политике. Урожаи 1842-1844 гг. оказались очень хорошими, зерна было в избытке, и цены на него держались на низком уровне. Затем непогода уничтожила посевы 1845 г., а болезни нанесли серьезный урон ирландскому картофелю. Казалось, что предсказания Лиги борьбы против хлебного закона сбываются. Пиль попытался поставить в правительстве вопрос о введении свободной торговли зерном, однако потерпел неудачу и подал в отставку, но вернулся, когда вигам не удалось сформировать кабинет министров. В феврале 1846 г. он предложил пакет мер, предусматривающих отмену на три года импортных пошлин на зерно. Пиль думал, что заручился – или надеялся заручиться – поддержкой большинства своих сторонников путем выделения субсидий для финансирования местной полиции и обеспечения выполнения Закона о бедных. Однако его партия переживала глубокий раскол, и лишь незначительное меньшинство поддержало Пиля, когда он был подвергнут резкой критике за использование силы для усмирения ирландцев в мае. На последовавших выборах на пост премьер-министра вернулся Рассел, сформировавший кабинет вигов, и с данного момента виги, а позднее либералы господствовали на политической сцене Британии. Сильно ослабленная переходом влиятельных приверженцев Пиля – включая Гладстона, Абердина и сэра Джеймса Грэхема, – в лагерь вигов, партия тори продолжала действовать под руководством бывших вигов – лорда Дерби и лорда Бентинка, а также экзотического экс-радикала Бенджамина Дизраэли. Партия тори продолжала быть достаточно сплоченной, но в течение последующих тридцати лет находилась у власти лишь пять лет.

Партийная активность концентрировалась в двух новых клубах Сент-Джеймса – «Реформ» и «Карлтон» (тори), основанных в 1832 г., но сформулировать политику, охватывающую широкий спектр интересов – от левых до правых – означало бы применить критерии более поздней эпохи. Национальных партийных организаций, как и их программ, еще не было. Публичные выступления были редкостью. Партийные лидеры – главным образом вельможи из вигов – обычно накануне выборов, проходивших каждые семь лет, делали туманные намеки, касающиеся политики, ближайшим друзьям или родственникам. Предлагаемые кандидаты выезжали в свои избирательные округа, выпускали обращения, вербовали сторонников среди местной влиятельной элиты и соглашались выставлять себя на выборы, если только были уверены в солидной поддержке.

Огромные расходы делали выборы с участием соперничающих кандидатов скорее исключением, чем правилом. Территориальная аристократия чувствовала себя безраздельным хозяином в «карманных местечках». Для какого-нибудь фермера или

лавочника проголосовать открыто, скажем, против ставленника местного могущественного клана было равносильно самоубийству. В графствах доминировали большие и богатые семьи. Средние города являлись более открытыми, но обходились недешево: уровень коррупции их выборщиков хорошо описан Диккенсом в «Посмертных записках Пиквикского клуба». Недавно получившие право избирать своих представителей в Парламент, крупные города могли иногда выбирать хотя и бедных, но активных депутатов (например, Маколей от Лидса), однако и там чаще предпочитали местных влиятельных предпринимателей, которые обычно покрывали большую часть расходов на предвыборную кампанию из собственного кармана. Некоторые особенности выборов сохранились до наших дней: Англия, как правило, по-прежнему консервативнее «кельтской окраины».

Хотя короткое правление Веллингтона (в 1834 г.) было последним случаем, когда герцог сделался премьер-министром, главной силой в государстве оставалась земельная аристократия, одинаково представленная в обеих партиях – вигов и тори. Многие лица этого сословия оказались причисленными к нему лишь недавно. И Пиль, и Гладстон, окончившие Оксфордский университет с дипломом первой степени по двум специальностям, происходили из семей провинциальных промышленников и торговцев. Особенно стремительным был взлет Бенджамина Дизраэли, искателя приключений и писателя, члена религиозной общины, члены которой только в 1860 г. обрели полные гражданские права.

Министры мало уделяли внимания внутренним делам, занимаясь главным образом вопросами внешней политики и военного строительства, на что выделялось не менее одной трети всех бюджетных средств. Между тем с 1815 г. в армии и во флоте никаких существенных изменений не произошло. Военно-морское министерство купило в 1822 г. свой первый пароход – буксир «Манки». В 1828 г. с большой неохотой было приобретено еще несколько подобных судов. По мнению руководителей Адмиралтейства, «использование пара – это смертельный удар по превосходству Империи на море». Потому что расположенные по бокам гребные колеса не оставляют места для мощных бортовых орудий. И верфи в Давенпорте еще в 1848 г. продолжали спускать на воду трехпалубные парусники, хотя успешные испытания гребных винтов на малых судах предрекали скорую кончину парусного флота. Старая армия из 130 тыс. долгослужащих солдат и офицеров – 42% ирландцев и 14% шотландцев, – плохо оплачиваемая и скверно обеспечиваемая всем необходимым, поддерживала мир и спокойствие в Ирландии и обширных колониях. В бесчисленных небольших военных кампаниях армия расширяла сферу влияния и торговли Британской империи в Индии и в Китае («Опиумная война» 1839-1842 гг.), правда, уже в интересах свободных торговцев, а не хиреющих компаний, организованных на основании правительственных хартий.

Устранение Великобритании от европейских дел отразилось на ее внешней политике. После разгрома Наполеона консервативные лидеры континентальной Европы, прежде всего русский царь Александр I, попытались создать систему взаимного сотрудничества путем проведения регулярных конгрессов представителей великих держав. Но даже в 1814 г. британские дипломаты предпочитали обеспечивать безопасность традиционными методами сохранения баланса сил, даже если это означало восстановление былой мощи Франции в качестве противовеса России. В 1814-1848 гг. большую часть этого периода существовал невыражаемый открыто, молчаливый англо-французский *entente*, который лишь в 1830 г. претерпел некоторые потрясения, когда католическая Бельгия отделилась от Голландии и какой-то момент казалось, что она попадет во французскую сферу влияния. Ситуация благополучно разрешилась после официального объявления Бельгией своего нейтралитета и с приходом к власти королевской семьи, имевшей тесные связи с Британией. Все это гарантировалось Лондонским договором (1839), нарушение которого Германией в августе 1914 г. положило конец длительному периоду мира.

Другие проблемы, осложнявшие отношения между Британией и Францией, решались труднее, поскольку они были так или иначе связаны с неуклонным ослаблением

Оттоманской империи, которую англичане всячески старались сохранить в качестве буферного государства против Австрии и России на Балканах. Главным действующим лицом в этот период был, несомненно, Пальмерстон. Он пришел во внешнюю политику довольно поздно, в 1830 г., в возрасте сорока шести лет, но, обосновавшись в мрачном здании министерства иностранных дел на Уайтхолле, провел там последующие тридцать лет. Интересно, что даже в разгар дипломатической деятельности Пальмерстона число его штатных сотрудников не превышало сорок пять человек. Агрессивный патриот, он отличался выдержкой и хладнокровием и был, в определенных рамках, даже либерален. В 1847 г., однако, самым известным в Европе британским политиком был не Пальмерстон, а Кобден, апостол фритредеров. Его чествовали во всех столицах, и его гостеприимные хозяева были уверены: консервативные монархии обречены и либерализм скоро восторжествует.

В начале 1848 г. Маркс и Энгельс написали в Лондоне «Манифест Коммунистической партии», предсказывая от имени небольшой группы немецких социалистов европейскую революцию под руководством пролетариата наиболее развитых капиталистических стран. Двадцать четвертого февраля 1848 г. Париж восстал против короля Луи Филиппа, затем поднялись Берлин, Вена и народы Италии, однако Британия за ними не последовала. Правда, короткая паника все-таки возникла, когда чартисты 14 апреля внесли в Лондон свою великую петицию. Были приведены к присяге 10 тыс. констеблей, лояльность которых не вызывала сомнений. Чартистов вытеснили с городской площади Кеннингтон-коммон, а их петицию о всеобщем избирательном праве (для мужчин) Парламент просто высмеял.

Но эти выступления в Европе не были повторением событий 1793 г. Республиканское правительство Парижа, стремившееся сохранить добрососедские отношения с Британией, действовало жестко против собственных радикалов и не пыталось экспортировать революцию. Пальмерстон тоже не хотел изменения баланса сил, но был сторонником конституционных режимов и вывода австрийских войск из Италии. Умеренные идеи не получили распространения, и Британия не могла гарантировать сохранность достигнутого либералами. Поддержка крестьянства, купленная ценой земельной реформы, в сочетании с помощью России, сокрушившей Венгрию и позволившей Австрии действовать в других местах по своему усмотрению, привели «старые режимы» *(anciens régimes)* снова к власти. Однако теперь Австрия была сильно ослаблена, а Россия заняла в Восточной Европе внушающее опасение господствующее положение.

Объединение

Отмена Хлебного закона, умелые действия правительства в трудных условиях 1848 г. и быстрое расширение сети железных дорог благоприятно повлияли на развитие экономической ситуации. Дополнительный положительный эффект дал также новый политический консенсус. Притязания аграрного сектора удалось удержать в пределах допустимого; вместе с тем эффективность фермерского хозяйства помогла справиться с иностранной конкуренцией. В то же время английская буржуазия поняла, что ей выгодно сотрудничать со старой элитой в сдерживании промышленных рабочих и пойти последним на некоторые уступки для предотвращения революционного взрыва. В сравнении с текстильной промышленностью железные дороги, пароходные и телеграфные компании казались необыкновенно преуспевающими, притягивали к себе внимание широкой публики и служили хорошей рекламой в пользу индустриализации. Функционально они сводили в единое целое сельское хозяйство, торговлю и промышленность.

В 50-х годах XIX в. закон «объединил» рабочий класс или по крайней мере его наиболее квалифицированных представителей. Профессиональные союзы «новой модели» – например, машиностроителей или мебельщиков – требовали уже не твердого государственного вмешательства, а лишь улучшения качества коллективных договоров. И

действовали они не с помощью уличных демонстраций, а путем нажима на депутатов Парламента обеих партий. Принятые ими процедуры и символика не хотели иметь ничего общего с клятвами и мистикой старинных квазитайных обществ, новые тред-юнионы постоянно подчеркивали свой вполне легальный статус и всячески отстаивали собственное привилегированное положение верхушки рабочего класса.

Экономическая и социальная теории развивались в сторону идеи «объединения». Прежняя классическая политэкономия была и подрывной, и пессимистической. Одно из ее направлений, руководимое Марксом, таковым и осталось. Однако Джон Стюарт Милль в «Системе логики» (1840) и в «Политической экономии» (1848) объединил утилитаризм с реформизмом и симпатией к целям умеренных лидеров рабочего класса. Милль с удивлением обнаружил, что «Система логики» с ее обширными заимствованиями из трудов французских социологов Сен-Симона и Огюста Конта стала настольной книгой в старых университетах, приходивших в себя после потрясений, вызванных Оксфордским движением. Однако сам «святой рационализма», воодушевленный английскими поэтами-романтиками, пошел еще дальше и постарался сделать свой гибрид из утилитаризма, индивидуализма и реформистского «социализма» приемлемым для реформаторов правящей верхушки, которые пропагандировали его в литературных обозрениях, столь популярных в середине XIX в.

В глазах кандидатов на политическое объединение «власть закона» не была безусловной. Еще сам А.В.Дайси, применивший это выражение к форме правления XIX столетия, писал в 60-х годах: «Джона Смита *как* Джона Смита в чем-то ограничить нельзя, но Джона Смита *как* ремесленника – можно». Однако он считал, что расширение избирательного права устранит со временем это неравенство, что в самом деле и произошло.

Так кто же, в конце концов, остался «вне закона»? Ирландцы чувствовали себя глубоко обиженными. «Отвергайте унию», – завещал О'Коннел новому поколению патриотов. В то время как католический средний класс, подобно шотландцам, стремился найти для себя нишу в британском истеблишменте, ирландские националисты под влиянием голода сделались более агрессивными и в будущем могли рассчитывать только на помощь своих соотечественников, эмигрировавших в Америку. Поселенцы в колониях, возможно, гордились тем, что перенесли на новую почву привычные британские институты, но, как хорошо понимали чиновники министерства колоний, в представлениях переселенцев о законности не было место правам коренного населения. Священники Высокой и Низкой церквей были недовольны, когда суды подтверждали справедливость туманных, и общих формулировок Широкой церкви, но поделать ничего не могли, зато измененные ими контуры викторианских городов и практика благочестия производили неизгладимое впечатление.

Представители интеллигенции восприняли идею политической и социальной эволюции задолго до появления книги Дарвина «Происхождение видов» в 1859 г. (как у Теннисона: «Свобода постепенно ширится от прецедента к прецеденту»). Восхваление Томасом Карлейлем, далеко не либералом, принципа опоры на собственные силы и его сочинения по этике придали концепции индивидуализма почти религиозную окраску. Джон Стюарт Милль сделался знаменем Либеральной партии викторианского периода. Его эксцентричность проявлялась только в одном: он мечтал охватить «объединением» другую, женскую половину человечества, которая пребывала вне политики, но чье социальное и правовое положение в обществе начало заметно улучшаться уже в 50-х годах XIX столетия. Определить однозначно двух других обеспокоенных интеллектуалов не так-то просто. В книге «Современные живописцы», ставшей сенсацией 1843 г., выпускник Оксфордского университета Джон Рёскин сочетал преклонение перед аристократией с ниспровергающими взглядами на экономику и окружающую среду. Конечно, его непосредственное политическое воздействие было минимальным по сравнению с влиянием, например, Роберта Оуэна. Но никто так страстно и энергично не обличал слабость законов и неравенство, как Чарлз Диккенс, и никого так не тревожили последствия революции и

беззакония, как его. «Министерство околичностей» из романа «Крошка Доррит», Тайт Барнакль и Джарндайс уравновешиваются Слекбриджем, мадам Дефардж и Билли Сайксом. И прав был Дайси, поставивший Диккенса рядом с Шефтсбери в деле создания общественного мнения в пользу «положительного» реформирования законодательства.

У воинственных диссентеров и старых радикалов было собственное миропонимание, сильно отличающееся от взглядов истеблишмента, но их щупальца дотягивались и до представителей властей. В 40-х годах XIX в. средний класс зачитывался так называемыми индустриальными романами, например «Сибиллой» Дизраэли. Встревоженные и заинтригованные условиями жизни больших городов, они пытались персонифицировать свои проблемы и привести их в согласие с индивидуалистической моралью. Но миссис Гаскелл в «Мэри Бартон» и Чарлз Кингсли в «Олтоне Локке» не могли им в этом посодействовать; для наиболее мужественных людей был один выход – эмиграция. Едкая сатира Диккенса на Манчестер («Тяжелые времена») утрачивает свою остроту, когда наступает необходимость изобразить лучшее будущее для жителей Коктауна.

Лишь у немногих жителей Коктауна имелось время и деньги читать о том, что литераторы думают об их доле, и очень мало было известно, какие книги они вообще читали, хотя, разумеется, нельзя отрицать терпимого отношения среднего класса к радикалам от литературы. Генри Мейхью, первый исследователь социальных проблем для «Морнинг кроникл», продолжил в 60-х годах традиции Коббета и Хазлитта, а вот Диккенс, происходивший из той же богемной среды, ушел в сторону. Как мы знаем, «рабочая аристократия» из профессиональных союзов читала в соответствии с пожеланиями своих высоких покровителей; верующие держали под рукой Библию и «Путь пилигрима». Но как обстояло дело с «грубиянами», с «кабацким обществом»? Народные традиции сохранились и развивались среди рыбаков, ткачей, на сельскохозяйственных фермах. В одной книге XIX в. американский профессор обнаружил две трети самых известных английских баллад, по-прежнему исполнявшихся на северо-востоке Шотландии, где еще более плебейские, так называемые лачужные баллады служили средством распространения информации о фермерах среди пахарей и кучеров и где Общество конюхов представляло собой примитивную форму профсоюза.

В романе «Кроме Господа» (1853), о юных годах политического радикала, Джойс Кэри приводит своего героя, Честера Ниммо, в ярмарочную театральную палатку. Труппа актеров играет мелодраму «Мария Мартен, или Убийство в Ред-Барне». Действие основано на реальном событии, происшедшем в 1830 г. накануне мятежа «капитана Свинга». Свою реакцию на игру Ниммо описывает следующим образом: «Драма, которую мы смотрели и которую уже видали миллионы, повествовала о жесточайших обидах, причиняемых богатыми множеству бедняков. На протяжении всего спектакля были использованы любые возможности, чтобы показать целомудрие, благородство и беззащитность бедняков и необузданную жестокость, бессердечие и разнузданность богатых».

Тонко чувствующий особенности исторической эпохи, Кэри, видимо, уловил подспудное недовольство и огорчение, достаточно глубоко запрятанные под внешней респектабельностью официальной рабочей политики, для которой, однако, политическое «объединение», аккуратные ряды приемлемых в санитарном отношении жилищ для трудящегося населения, пышные церкви и воскресные парки не могут служить утешением.

Век либерализма (1851-1914)

Х.К.Д.Мэттью

Свободный рынок: растущая индустриализация экономики

Всемирная выставка 1851 г. ознаменовала господство Соединенного Королевства на мировом рынке, хотя многие экспонаты, привезенные с континента, и особенно из германских государств, давали английским производителям серьезный повод задуматься об уровне своей технологии. Выставка, проходившая под патронатом Двора и организованная английской аристократией, отражала приверженность Британии экономическому прогрессу, а следовательно, идеям либерализма. В народе ее встретили с энтузиазмом. Для многих обывателей посещение выставки было сопряжено с первой в жизни поездкой на целый день в Лондон на специально организованных для этой цели поездах, доставлявших гостей из разных уголков страны, – утомительной, но такой восхитительной! Успех выставки поразил современников. Данные о количестве посетителей каждый день публиковались в прессе. К ее завершению число проданных билетов перевалило за 6 миллионов, а в один из дней «сверкающий свод прозрачного стекла» – так называли Хрустальный дворец, сооруженный для выставки Джозефом Пакстоном в Гайд-парке, – посетили более 109 тыс. человек. В результате была получена значительная прибыль, которая пошла на строительство музеев в Южном Кенсингтоне. Толпы посетителей вели себя весьма достойно и были настроены монархически. Представители правящего класса могли поздравить себя: нервозная, готовая взорваться атмосфера 40-х годов XIX в. уступала место более спокойным 50-м, а 60-е стали годами очевидного самодовольства. В уличной песенке, текст которой продавали на выставке, проглядывает довольно любопытная смесь уверенности в себе мастерового, интернационализма, свойственного свободному рынку, и монархического шовинизма, смесь, которая определила характер британской общественной жизни до конца столетия.

Верно, что величайшее достояние Англии
Есть честный работяга…
Как славно видеть тысячи людей
Из разных стран и разных убеждений,
Что дружески здесь встретились,
Как дети одного могущественного сюзерена.
Пусть будет их союз священен,
Пусть окровавленная сталь Войны уступит место
Оливковой ветви Мира.

Но, чу! Гремят фанфары,
К нам Виктория идет.
Пусть царствование ее продлится долго –
Вот наш первый тост!
Я верю, что всем сердцем его поддержит каждый,
И еще хочу я предложить –
Выпьем за радость и благоденствие всех ее друзей,
А недругам ее достанется позор.

Тональность баллад, подобных этой, как нельзя лучше объясняет причины популярности Генри Темпла, лорда Пальмерстона. Когда коалиционное правительство лорда Абердина (1852) сначала неосмотрительно ввязалось в Крымскую войну с Россией (1854-1856), а затем распалось, стало ясно, насколько неумело велась им эта военная кампания; вот тогда на руинах павшего правительства возник Пальмерстон в качестве премьер-министра.

Возглавив либеральную коалицию, он занимал этот пост до самой смерти в октябре 1865 г. всего с одним небольшим перерывом. Пальмерстон был настоящим воплощением напыщенной самоуверенности Британии, единственной мировой державы того времени, умудряясь соединять в одном лице аристократа, реформатора, фритредера, интернационалиста и шовиниста.

Перепись 1851 г. дала более детальный статистический анализ общества, которое так наглядно выразило себя во время Всемирной выставки. Два главных факта привлекли внимание общественности. Впервые на основной территории Соединенного Королевства жителей городов, пусть зачастую совсем небольших, было больше, чем населения сельской местности. Это составило разительный контраст с ситуацией в прошлом и положением дел в любой другой стране. Движение за свободную торговлю не столько предшествовало, сколько сопровождало развитие британской экономики в области производства, транспорта и индустрии услуг, для которых необходима городская среда. Мечта либеральных тори 20-х годов XIX в. о равновесии в экономике между сельским хозяйством и промышленностью оказалась забытой вместе с наступлением фритреда (free trade). Сельское хозяйство оставалось самой большой отраслью экономики, причем в 50-60-х годах заметно выросли его уровень и производительность. Однако рост населения происходил в городах, и наемные работники переезжали туда, покидая деревню. Когда в 70-х годах XIX в. в связи с освоением североамериканских прерий разразился кризис в сельском хозяйстве, защитить его было уже практически некому. Так называемое «Восстание нивы» (Revolt of the Field) 70-х годов представляло собой разрозненные волнения среди батраков, пытавшихся протестовать против снижения оплаты их труда, в то время как фермеры и магистраты использовали солдат на уборке урожая. В 50-х годах XIX столетия Британия – особенно Северная и Центральная Англия, Южный Уэльс и Южная Шотландия, – управляемая, по выражению Адама Смита, «невидимой рукой» мирового рынка, а вовсе не разумными политическими решениями, была, таким образом, обречена нестись по крутым дорогам международного капитализма. На этом пути ездоки видели только подъемы и спуски, не ведая, что ждет их впереди как первопроходцев. Нация горожан не имела прецедентов в мировой истории; возможно, именно поэтому англичане так долго цеплялись за деревенский образ жизни и сельские традиции.

Второй факт, зарегистрированный переписью 1851 г. и привлекший всеобщее внимание, относился к религии. Впервые во время переписи была сделана попытка оценить религиозность британцев или ее отсутствие. Естественно, собрать такие данные было непросто, но основной акцент оказался очевидным и поразительным: отнюдь не все жители Англии и Уэльса ходили в церковь, причем англичане составляли лишь незначительное большинство среди верующих. Общее население Великобритании составляло тогда 17927609 человек, из них англичан было 5292551 человек, католиков – 383630, протестантов-диссентеров – 4536265 человек.

Из общего числа тех, кто мог бы посещать церковь, более 5,25 млн человек оставались дома. Результаты переписи стали настоящим триумфом для неангликан. Их требования о расширении прав на участие в политической жизни теперь получили поддержку со стороны самого мощного аргумента Викторианской эпохи, того самого, о котором говорил герой Чарлза Диккенса, ланкаширский фабрикант мистер Грэдгринд, – со стороны факта.

Англия середины XIX в. становилась, таким образом, все более городской, возможно, все более неверующей и наверняка все менее англиканской. Политика средневикторианского периода отражала эти тенденции, каждая из которых была ориентирована на либерализм.

Между 1847 и 1868 гг. тори (вернее, сторонники протекционизма, оставшиеся в партии после раскола 1846 г.) потерпели поражение в шести избирательных кампаниях подряд (в 1847, 1852, 1857, 1859, 1865 и 1868 гг.). Тори проиграли выборы, это понятно, однако труднее определить победителя. Правительства большинства опирались на поддержку четырех основных групп: вигов, радикалов, либералов и пилитов (последователей сэра

Роберта Пиля, объединившихся в 1846 г.). Такая коалиция постоянно сталкивалась с угрозой распада. Классическая модель политических событий средневикторианского периода была следующей: сначала формировалось коалиционное правительство при участии представителей всех четырех или большинства упомянутых выше групп; после торга и компромиссов наступал момент, когда дальнейшая совместная работа становилась невозможной, и правительство уходило в отставку, не распуская Парламент. Затем тори формировали правительство меньшинства. Тем временем другие неторийские партии и группы разрешали свои разногласия, наносили поражение тори, инициировали роспуск Парламента, побеждали на всеобщих выборах и возвращались к власти. Представленная общая модель иллюстрирует приход правительств меньшинства (Дерби – Дизраэли) в 1852, 1858-1859 и 1866-1868 гг.

Политическая система, существовавшая с 1846 по 1868 г., отодвигала, таким образом, тори от вершин власти, хотя позволяла им время от времени формировать кабинеты меньшинства. В тот же период коалиция большинства, впервые созданная лордом Абердином в 1852 г., постепенно превращалась в либеральную партию. Ее начали так называть еще в 60-х годах, хотя даже тогда партия оставалась все еще фракционной и подверженной распаду. Руководящие посты в правительстве, как правило, занимали виги, пилиты и лорд Пальмерстон. В значительной степени они держались у власти благодаря общему молчаливому согласию. В 40-х годах XIX в. «Лига борьбы против хлебных законов» продемонстрировала бурный рост политических амбиций буржуазии, и стало ясно, что для сохранения прежней политической системы нужно, чтобы она соответствовала интересам среднего класса. Серия государственных бюджетов, внесенных канцлером казначейства пилитом Уильямом Юартом Гладстоном в 1853-1855 и 1859-1865 гг., серьезно учитывала эти интересы в фискальной области. Промышленный класс требовал свободной торговли, и Гладстон ее обеспечил.

Конечно, свободная торговля означает нечто гораздо большее, чем просто отмену протекционистских тарифов. «Фритредерство», или *laissez-faire,* представляли собой понятия, содержащие целую философию политической, социальной и экономической организации общественной жизни. В «Принципах политической экономии» Джона Стюарта Милля, впервые опубликованных в 1848 г. и ставших настоящим руководством по либерализму средневикторианского периода, так кратко излагался его смысл: *«Laissez-faire* должно стать общей практикой: всякое отступление от него является безусловным злом, если только не продиктовано стремлением к великому добру». Предполагалось, что государство должно оставаться в стороне. Разделение государства и общества, с точки зрения Милля и его последователей, основано на убеждении, что личность может и должна быть независимой. Индивидуализм, самоуважение, уверенность в своих силах и создание на добровольной основе обществ сотрудничества – вот главные принципы либерализма середины Викторианской эпохи. Таким образом, экономике следовало быть саморегулирующейся, а личности, будь она производителем или потребителем, сжимающей в руках томик Сэмюэла Смайлса «Помоги себе сам» (1859), следовало самой выбирать способ существования в ней.

Широко известные работы социальных эволюционистов также повлияли на развитие указанных взглядов на индивидуализм. Труд Чарлза Дарвина «О происхождении видов» (1859) не прозвучал громом среди ясного неба, он естественным образом вписался в целый ряд работ по эволюции, во многом превзойдя их. Концепция эволюции, а следовательно, и прогресса пронизывала образ жизни и идеи Викторианской эпохи на всех уровнях – личном, национальном и даже глобальном. Поскольку эволюция управляется научными законами (такой взгляд обычно называют «позитивизмом»), долг человека – открыть и подчиниться этим законам, а не мешать им. Из этого вытекает, что большинство позитивистов были твердыми сторонниками *laissez-faire,* например Уолтер Бейджхот, редактор влиятельного еженедельника «Экономист», и Герберт Спенсер, автор многих работ по социологии.

Поскольку личность должна вести продуктивный образ жизни, она нуждается в знаниях и профессиональной подготовке; т.е. доступность знаний и свобода мнений становятся основой либерального общества. Моральный выбор основан на информации. Содержание романов Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), где самоанализ и саморазвитие существуют в контексте человеческого взаимопонимания, и ее собственная жизнь явились свидетельствами того, через какие испытания на пути к освобождению пришлось пройти личности в обществе середины Викторианской эпохи.

Отмена в 1855 и 1861 гг. так называемых «налогов на знание» (гербовых сборов с газет, а также акцизного и таможенного налогов на бумагу) стала характерной чертой либерального законодательства, которая оказалась особенно ценной. В результате аннулирования этих налогов возник феномен – свободная пресса не только в столице, но и в провинции, что воплощало и гарантировало существование либеральной Британии. В 50-х и 60-х годах XIX в. возникло множество ежедневных и воскресных газет в основном либерального направления, особенно в провинции. К 1863 г. в Великобритании было примерно 1000 газет, причем большинство из них появилось совсем недавно. Например, в Йоркшире в 1867 г. из 86 местных газет 66 были основаны после 1853 г. Газета «Дейли телеграф», дешевое издание, которое начали заново выпускать в Лондоне в 1855 г., стала флагманом либеральной прессы. Ее тираж в 1871 г. равнялся почти 200 тыс. экземпляров, что далеко превосходило тираж газеты «Таймс». Новая провинциальная пресса равнялась на «Дейли телеграф» и заимствовала ее напористый, полный энтузиазма тон. Характерным примером может служить редакционная статья, комментирующая визит Гладстона на верфи Ньюкасла: «Срывая политическую незабудку для лорда Дерби (лидера тори) и протягивая ее со словами: «А это вам на память», мы говорим, что дикие заблуждения и безумства протекционизма не следует забывать просто потому, что они прощены… Наконец, после десяти лет почетного служения, мы навеки водрузили Свободную торговлю на священный пьедестал, украсив ее зеленым лавровым венком и дав ей в руки договор с Францией (заключенный в 1860 г.) как символ будущих завоеваний».

К 60-м годам свобода торговли, что в прямом смысле означало отсутствие протекционистских тарифов, стала стержнем британской политики – столь же незыблемым, как порядок наследования в протестантской традиции. Триумф классиков политэкономии был совершенно полным, а основной догмат их учения стал общепринятым политическим принципом, который решился бы отрицать только самый упрямый и откровенный ретроград. Лидеры консервативной оппозиции (тори) быстро сообразили: когда их партия станет партией большинства, придется признать, что, как сказал Дизраэли, протекционизм «не только умер, но и проклят». Бюджеты, которые предлагали в то время тори, были безупречно фритредерскими, как и те, что принимали либералы.

В области, не относящейся к фискальной политике, всеобщего согласия по поводу принципов фритредерства не было. В 50-60-х годах XIX в. группы давления в либеральном движении инициировали принятие целого ряда законов, противоречащих фритреду: о запрете государственных церквей; об отмене обязательных налогов в пользу Церкви; об отмене религиозного экзамена при поступлении в Оксфорд, Кембридж и на государственную службу; о снятии ограничений на передачу и использование земельных участков, а также о ликвидации права на получение государственной должности по протекции. Кроме того, в 60-х годах в избирательных округах началось всеобщее движение за продолжение парламентских реформ, и многие, хотя и не все, либеральные парламентарии его поддержали. В подобных случаях Либеральная партия действовала еще не как партия в современном смысле слова, а скорее как довольно свободная коалиция сложных и переплетающихся союзов, для которых самым главным была приверженность свободе торговли. Внутри этой коалиции гнездилось множество разных реформаторских идей, особенно в области религии. Значительное оживление религиозных движений, характерное для 60-х годов XIX в., привело в Либеральную партию новых активистов, которые благодаря ей смогли высказывать свои мнения и способствовать тем самым ее

успеху. Среди них были католики, нонконформисты и даже атеисты, присоединившиеся к этому движению за прогресс, поскольку их всех объединяло враждебное отношение к англиканству и идее государственной церкви. Нонконформизм в течение всего этого времени, вероятно, являлся одним из главных мотивов голосования за либералов. Парадокс, однако, состоял в том, что вся верхушка либеральной коалиции была как на подбор англиканской, хотя и умеренного, реформаторского толка. Поэтому между руководством партии и активистами в ее рядах постоянно возникали серьезные трения по поводу темпов проведения реформ. В целом верхушка – лорд Пальмерстон, лорд Джон Рассел, Гладстон – поддерживала умеренные реформы, призванные в конечном счете укрепить Англиканскую церковь, тогда как радикально настроенные рядовые члены партии стремились к постепенному отделению Англиканской церкви от государства. В результате обе эти группы смогли договориться о некоторых ограниченных мерах, таких, как отмена обязательных налогов в пользу Церкви, но не пришли к соглашению по поводу главной цели политики партии. Когда Англиканская церковь в 1869 г. перестала быть государственной церковью в Ирландии, это стало самым большим успехом либералов на пути реформ.

Весьма важным было появление в рядах Либеральной партии передовых представителей рабочего класса, особенно на уровне избирательных округов. В 30-х – начале 40-х годов XIX столетия шесть пунктов чартистов включали требования, которые в политической ситуации того времени не могли быть приняты правящими классами. Но к концу 50-х годов радикальное движение за конституционную реформу, часто возглавляемое бывшими чартистами, выдвигало требования только об изменении избирательного права и, как максимум, о предоставлении права голоса мужчинам – главам семейств. Политическим лидерам обеих партий, но особенно Либеральной, было совсем нетрудно пойти навстречу подобным требованиям. У них были свои причины желать изменения системы. Некоторые тори хотели перемен, потому что после провала 1847 г. они поняли, что в рамках существующей системы им не выиграть всеобщие выборы. Некоторые либералы, включая Гладстона и лорда Джона Рассела, стремились расширить избирательные права, чтобы дать голос городским ремесленникам либеральных взглядов, поскольку те были несгибаемыми индивидуалистами и поддержали бы либеральную программу экономии и реформ. Некоторые радикалы, среди них Джон Брайт, надеялись посредством предоставления права голоса главам семейств сделать базу либерализма более полнокровной, хотя даже они прямо указывали на то, что считают невозможным предоставить избирательное право «подонкам общества» (нищим, безработным, «расточителям», людям, у которых вообще не было собственности). Некоторые либералы, вроде Роберта Лоу, высказывавшие вполне радикальные идеи в отношении обычного законодательства, тем не менее не верили в перемены, ведущие к «власти демоса», так как боялись, что «образованный класс» будет им поглощен. Многие тори, например будущий лорд Солсбери, опасались, что предоставление права голоса главам семейств приведет к атаке на собственность в виде повышения прямых налогов, например налога на доходы. Ряд вигов вообще не видели необходимости менять избирательную систему, при которой большинство в Парламенте получали противники тори.

Взгляды последних разделял Пальмерстон, убедительно победивший на выборах 1865 г., без каких-либо обещаний реформировать избирательную систему. Он умер той же осенью, и ему на смену пришел Рассел, ставший премьер-министром. Вместе с Гладстоном он провел через Парламент весьма умеренный билль о реформе, затронувшей в основном городское население. Его правительство пало поскольку часть партии отказалась поддержать премьер-министра из-за того, что законопроект означал слишком много, а другая часть потому, что он означал слишком мало. После этого пришедшее к власти в третий раз правительство меньшинства Дерби – Дизраэли предложило собственный билль для городов, изменив таким образом своему обычному антиреформаторству. Между тем необходимость какой-то реформы была очевидной. Пока либералы начинали свою

обычную перегруппировку, Дизраэли неожиданно объявил, что принимает поправку по поводу права голоса для каждого главы семейства и этот билль прошел, причем в куда более расширительной трактовке чем тот, что был предложен Расселом – Гладстоном годом раньше. Избирательной системе 1832 г. пришел конец – были установлены новые параметры проведения выборов в городах, просуществовавшие до 1918 г. Для сельских жителей аналогичные критерии избирательного права были гарантированы в 1884-1885 гг.

В чрезвычайно непростой ситуации 1868 г. либералы выиграли всеобщие выборы с подавляющим перевесом в 112 голосов, подтвердив, казалось бы, свое положение доминирующей партии, которого они добились в 1865 г. Но реформа избирательной системы 1867 г. фактически изменила правила политической игры таким образом, что снова сделала возможным приход к власти правительства консервативного большинства. Правительство тори, возглавляемое Дизраэли и пришедшее к власти в 1874 г., не сделало, однако, ни одной серьезной попытки пересмотреть главные достижения либеральных правительств за последние тридцать лет, особенно те, которые затрагивали суть свободы торговли.

Кульминация указанного процесса реформирования пришлась на первые годы правительства Гладстона (1868-1874): к 1874 г. многие требования либералов середины XIX в. были выполнены. Кроме отделения Церкви от государства в Ирландии в 60-х – начале 70-х годов либералы отменили обязательные церковные налоги, «налоги на знания», религиозные экзамены при поступлении в Оксфорд и Кембридж, а также покупку патентов на должности в армии. Ими были приняты законы о земле в Ирландии и об образовании в Англии и Шотландии. При поступлении на государственную службу теперь нужно было сдавать экзамен. Путем введения положения об ограниченной ответственности либералы создали для инвесторов более безопасную среду капиталовложений. И все это сочеталось с фритредерской финансовой политикой, полной подотчетностью правительства и сокращением бюджетных расходов.

Если не принимать в расчет обычные политические дрязги и торг, то эти огромные реформаторские преобразования не встретили серьезного противодействия. Даже господство Англиканской церкви было значительно ограничено, хотя в первой половине XIX в. именно защита англиканства во всей его полноте была центральной объединяющей идеей для тори: то, что в 30-х годах XIX в. казалось лишь мечтой радикалов, в 70-х стало реальностью, причем почти без открытой борьбы. Даже козырная карта консерваторов – неизбираемая Палата лордов – была использована весьма ограниченно: на время отложили отмену налогов на печать, ликвидацию сбора в пользу Церкви, введение тайного голосования и отмену религиозного экзамена в университетах. Имущие и трудящиеся классы вместе принялись за великую расчистку на палубах либерального государственного корабля.

Наступление эры «свободной торговли» совпало с экономическим бумом, который продолжался с начала 50-х до начала 70-х годов XIX в. Современники считали, что именно она стала причиной экономического процветания, но специалисты в области экономической истории со скепсисом относятся к этому утверждению. Снятие таможенных барьеров, вероятно, оказало только косвенное влияние на британскую экономику, зато «свобода торговли» в широком смысле этого слова, т.е. приверженность нации экономическому прогрессу, оказала огромное влияние на рост предпринимательского энтузиазма, который, казалось, разделяли все классы общества. Если судить по цифрам, то в середине века экономический подъем еще не был особенно впечатляющим, и его сопровождала незначительная инфляция. Тем не менее этот подъем оказался чрезвычайно важным, поскольку он показал, что так называемый вопрос о «положении в Англии», который так бурно обсуждали в 20-50-х годах XIX в., может быть разрешен – и был разрешен – с помощью рыночных механизмов в рамках существующей социально-политической структуры общества. Даже волнения в Ланкашире, вызванные «хлопковым голодом» 60-х годов, когда из-за Гражданской войны в США хлопкопрядильные фабрики

были отрезаны от традиционных источников сырья – плантаций американского Юга, не потребовали серьезной политической реакции. Местной инициативы и добровольных пожертвований, как с удовлетворением полагали имущие классы, было вполне достаточно, чтобы разрешить проблему без прямого участия Вестминстера в судьбе пострадавших рабочих Ланкастера (хотя в действительности важную роль сыграли и кредиты, выделенные им государством).

В период между 50-ми – 70-ми годами XIX в. Британия превосходила любую другую страну по многообразию и объему производимых товаров и услуг. Ее мощная добывающая промышленность обеспечивала страну главным сырьем эпохи раннего индустриализма – углем и железом, укрепляя мировое доминирование Британии по этим двум показателям, поскольку страны континента вынуждены были импортировать английский уголь и железо, чтобы обеспечить собственную индустриализацию. С неутомимой энергией производственный сектор британской экономики снабжал мировой рынок бесчисленными товарами, начиная с кораблей, паровых турбин и текстиля вплоть до предметов повседневного спроса, которые украшали не только викторианские жилища. Британские корабли, перевозившие экспортные товары, если можно так сказать, «викторианизировали» весь мир, торгующий с Британией. Подобная хозяйственная активность опиралась на крепкую валюту и банковскую систему, которая, несмотря на некоторые недостатки, сохраняла стабильность и начиная с 70-х годов играла все более важную роль в экономике.

Изменения в составе населения: город и деревня

В результате экономического подъема к 1870 г. возникли нация и экономика, по большей части индустриальная и городская. Хотя в 1851 г. многие думали, что рост городов вскоре приостановится, он стал еще более интенсивным. К 1901 г. только пятая часть населения Англии и Уэльса жила в сельской местности, т.е. 80% жителей были горожанами, что гораздо больше, чем в любой другой стране Европы того времени, и ситуация оставалось такой вплоть до 70-х годов XX в. К 1901 г. в Великобритании насчитывалось 74 города с населением свыше 50 тыс. человек, а Лондон (который викторианцы называли «метрополис») увеличил количество жителей с 2,3 млн в 1851 г. до 4,5 млн в 1911 г. (если считать вместе с пригородами – то до 7,3 млн человек). Причем самый быстрый рост был отмечен не в прежних центрах промышленной революции, вроде Ливерпуля и Манчестера, а в небольших городках типа Селфорда, расположенных вокруг одного индустриального центра. Теоретик городского планирования поздневикторианского периода Патрик Геддес называл процессы объединения нескольких городов, образующих одно большое урбанистическое пространство, «конурбациями». В Британии к 1911 г. существовало уже семь подобных городских регионов, в то время как в остальных европейских странах их было не более двух. К ним относились: Большой Лондон (7,3 млн человек), Юго-Восточный Ланкашир (2,1 млн), Западный Мидленд (1,6 млн), Западный Йоркшир (1,5млн), Мерсисайд (1,2 млн), Тайнсайд (0,8 млн) и Центральный Клайдсайд (около 1,5 млн человек) – и все это в стране с населением всего в 40 млн человек. Некоторые города выросли за полстолетия буквально из ничего, например, Миддлсбро, город угля и стали с населением 120 тыс. человек. В большинстве таких «конурбаций» весьма значительную часть жителей составляли выходцы из Ирландии, среди которых больше, чем где-либо еще, были популярны идеи «оранжевых и зеленых». В конце XIX столетия в Лондоне и Лидсе образовались довольно большие еврейские общины, состоявшие из жертв «депопуляции сельских районов» некоторых восточно-европейских стран, такой же жестокой, как картофельный голод в Ирландии.

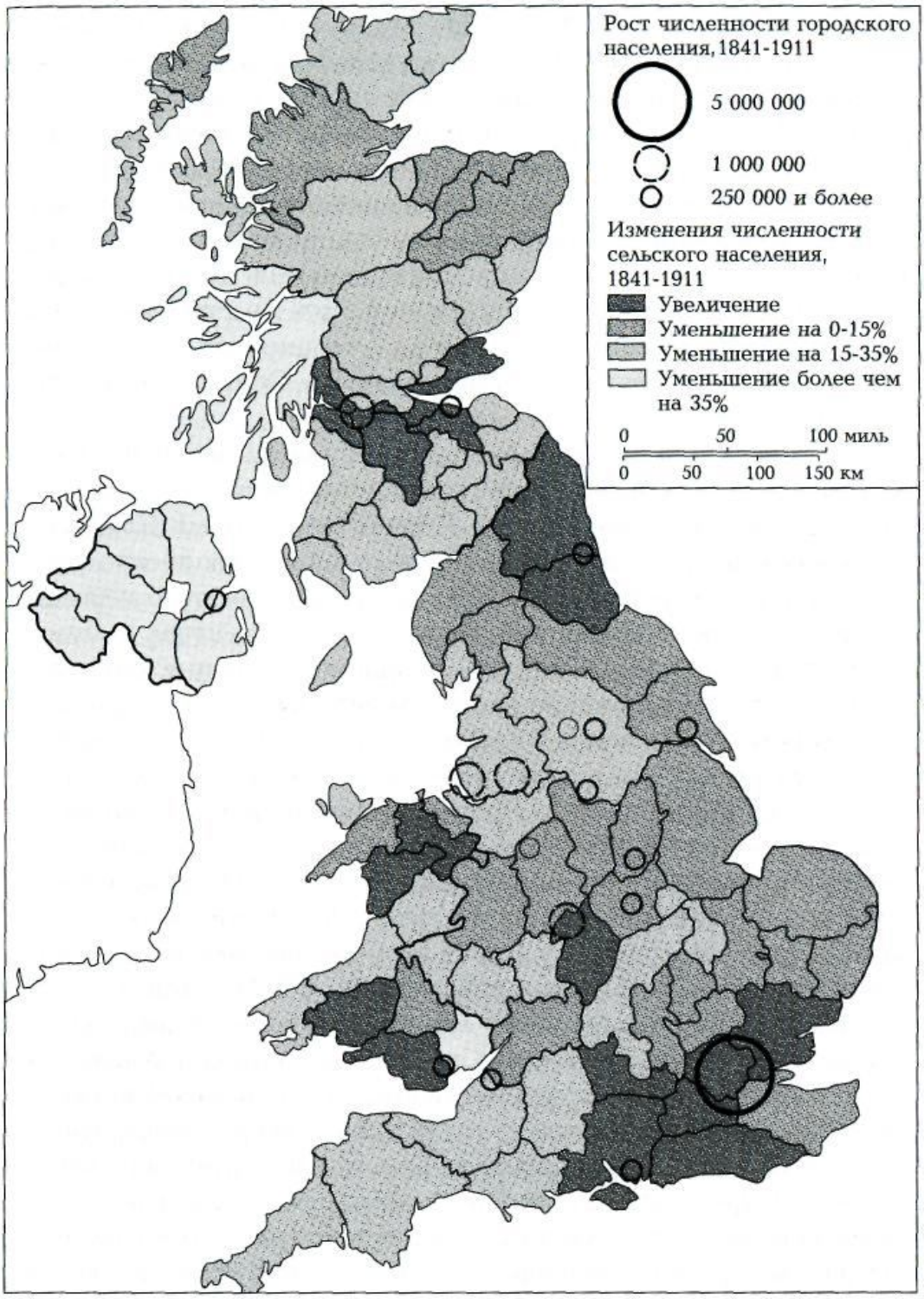
В XX в. аналогичный стремительный рост городов являлся характерной чертой слаборазвитых стран, но в XIX в. этот феномен не имел прецедента. Найти какие-то общие черты во внешнем облике городов того времени довольно трудно, поскольку их архитектурные стили и стандарты строительства существенно различались. Каменные,

практически несокрушимые дома Глазго, маленькие, тесно прижатые друг к другу домики шахтерских поселков, нередко выстроенные из плохого кирпича, и красивые загородные коттеджи мелкой и средней буржуазии – эти разные строения объединяло только одно: как правило, их чаще арендовали, а не покупали, хотя количество владельцев к концу XIX в. выросло. Одни города, построенные под наблюдением муниципальных советов в соответствии с хорошо составленным градостроительным планом, имели парки, библиотеки, концертные залы и бани; другие целиком отдавались на произвол частных застройщиков-спекулянтов.

Главной особенностью растущих городов являлись железные дороги, благодаря которым впервые возникла единая национальная экономика. Они изменили внешний облик городов, пространство в центре заняли вокзалы и сортировочные станции; железные дороги обеспечили недорогой проезд из предместий и позволили состоятельным людям жить за городом. Вместе с тем они покрыли все вокруг ужасной копотью. Отличительной особенностью викторианских городов были грязь и шум: грязь – от поездов, фабричных труб, домашних печей и лошадей; шум – от повозок и экипажей, громыхающих по булыжным мостовым. Когда в начале XX в. автомобили постепенно стали заменять лошадей, все сразу заметили, насколько тише и чище стало в центрах городов. Но шум, грязь и плохое жилье – привычное дело в то время, поэтому настойчивые требования улучшить условия городской жизни возникли далеко не сразу. Для большинства викторианцев производство оправдывало всё. Такой взгляд нашел полное отражение в книге леди Белл Флоранс «На заводе» – классическом исследовании образцового промышленного города Мидлсбро, главным занятием жителей которого было производство железа: «Отсутствие романтического прошлого и великих традиций не помешало Мидлсбро, стремительно выросшему до гигантских размеров, приобрести достоинство иного рода – достоинство силы способности высоко вознестись, не опираясь на историческую основу, без помощи пьедестала Времени… И хотя в нем не найдешь прелести и обаяния старины, зато промышленные города обладают своеобразной привлекательностью и красотой… Высокие трубы, огромные, неуклюжие сушильные печи и домны, кажущиеся в дымной зимней полутьме башнями и горными вершинами… На этот железоделательный город нужно любоваться ночью и в сумерки, днем он окутан дымом, ночью – освещен столбами пламени».

За двадцать лет, минувшие после всемирной выставки, динамичное развитие городов, вызванное отчасти тем оборудованием, которое было на ней показано, отразилось и на деревне. Большие затраты на удобрения и дренаж почвы, новые строения и машинное оборудование, например косилки и молотилки, а также шоссе, связавшие фермы с железными дорогами, – все то, что называлось «интенсивным земледелием», опровергало утверждение, что свобода торговли означает конец деревенскому существованию. Произошла серьезная модернизация сельского хозяйства, причем во всех отношениях, включая мораль. Возникли даже сомнения, останется ли деревня оплотом традиционной религии, поскольку многие там обратились к нонконформизму, а некоторые даже к материализму.

Новое поколение сельских жителей, энергичное и напористое перехватило те доходы, на которые ранее сонно и размеренно жило деревенское общество, описанное Энтони Троллопом в романах о Барсетшире. В 1868 г. 80% всех продуктов питания, потребляемых в Соединенном Королевстве, по-прежнему производилось в Британии. Однако несмотря на интенсивное земледелие, многие сельские районы, особенно в Ирландии и Шотландии, оставались катастрофически недокапитализированными. Соха и ручная веялка все еще служили обычными орудиями труда на севере и западе горной Шотландии даже в начале XX в.



Рост городского населения, 1841–1911 гг.

17 *

В 70-х гг. XIX в. случилось несколько неурожаев подряд. Ситуация усугубилась в результате освоения североамериканских прерий; доставка продовольствия из этого региона, а также шерсти из других заморских территорий стала быстрой и дешевой, что привело к «великой депрессии». Только производство молока, сена и соломы выдерживало

зарубежную конкуренцию. Особенно значительно упали цены на зерно – основной продукт восточной части страны. Однако фермеры, особенно мелкие, не сумели быстро понять, что это не временные изменения, и не перестроились на удовлетворение возросшего спроса на молочные продукты. Животноводческий Запад страны меньше пострадал во время кризиса.

По мере роста городов значение сельского хозяйства в экономике уменьшилось, и кризис ускорил этот процесс: 1851 г. на долю сельского хозяйства приходилось 20,3% национального дохода, а в 1901 г. – всего 6,4%. Основную часть продовольствия и сельскохозяйственного сырья, например шерсти, Британия импортировала – факт, имевший большое стратегическое значение. Требования защитить сельское хозяйство не получили широкой поддержки даже внутри партии тори – во всяком случае, не до такой степени, чтобы внести изменения в фискальную систему фритреда. Некоторые либеральные сторонники земельной реформы, для которых протекционизм был исключен в принципе, считали небольшие землевладения решением проблемы (кампания 1885 г. проходила под лозунгом «три акра и корова»). Комиссия по мелким фермам для Шотландского нагорья (1886) созданная специально, чтобы объединить мелких арендаторов и освободить их от вмешательства лендлордов, оказалась единственным заметным достижением в этой области, хотя и весьма значимым по своим результатам, как показали дальнейшие события.

Более высокая оплата труда в городах за меньший рабочий день, механизация сельского хозяйства в 50-60-х годах, депрессия в последней четверти XIX в. – все это привело к значительному сокращению численности населения в деревнях. Великий исход направлялся в шотландские и английские города, в угледобывающие районы (особенно в Уэльс), в колонии и в армию. В период между 1861 и 1901 гг. количество работников-мужчин в сельской местности сократилось более чем на 40%. Число переселившихся в города женщин оказалось ниже, поскольку им не так просто было найти там занятие. За счет этого образовался значительный дисбаланс между мужской и женской частями населением, хотя многие незамужние женщины тоже шли работать в города домашней прислугой, в чем им помогали такие агентства по занятости, как Общество взаимопомощи для девушек.

Деревня чувствовала себя деморализованной и забытой, но принимала свою судьбу с равнодушием, свойственным любому обществу, находящемуся в состоянии упадка. Романы Томаса Харди были созданы именно в период между 1872-1896 гг., т.е. как раз во время депрессии в сельском хозяйстве. Они с удивительной точностью передают ощущение беспомощности деревенского общества перед далекими и неподвластными ему силами, управляющими судьбами всех обитателей села. Хотя Харди рассказывал в исторических по форме романах о деревенских традициях и обычаях, которых уже не существовало, его сочинения звучали вполне современно. Торговец зерном Майкл Хенчард, герой романа «Мэр Кестербриджа», разорился, потому что не сумел приспособиться к новым методам торговли. Вот как Харди описывает его состояние в момент финансового банкротства: «Размышляя, он все более приходил к заключению, что против него работает какая-то сила». Все романы уэссекского цикла описывают «всеобщую драму страдания» как распад цивилизации. В 1895 г. Харди, говоря о своих романах, так характеризовал происходящее: «Корень зла заключается в том, что крестьянина, постоянного жителя деревни, бывшего хранителем местных традиций и нравов, сменил более или менее временный наемный работник, что нарушило непрерывное течение местной истории, сыграв роковую роль в деле сохранения легенд, фольклора, традиционных межсоциальных отношений и ни на кого не похожих личностей. Для всего этого нужно, чтобы люди поколение за поколением были привязаны к земле на одном и том же месте». К счастью, такие фольклористы, собиратели народных песен и танцев, как Сесил Шарп и Марджори Кеннеди-Фрейзер, записали и сохранили для нас некоторую часть наследия деревенской жизни Британии, прежде чем она исчезла без следа.

Разрыву с сельскими традициями способствовали Уайтхолл и Вестминстер. Меры в области образования – например закон об образовании в Шотландии 1872 г. – был

направлен на то, чтобы побудить жителей Шотландии и Ирландии, говоривших на гэльских языках, и жителей Уэльса, говоривших на валлийском, перейти на английский, а также на то, чтобы подготовить крестьян к городской жизни. В период между 1850 и 1900 гг. изменения в жизни села и в образовательной политике нанесли этим языкам сокрушительный, а в Шотландии – почти смертельный удар. Однако в 1889 г. активность на местах в Уэльсе защитила преподавание на валлийском языке в школах.

В некоторых районах между городом и деревней постоянно происходила интенсивная миграция жителей: обычно рабочие уходили в деревню на сбор урожая, а обитатели небольших городов не упускали случая побраконьерничать в окружающих лесах. Часть рабочих, особенно шахтеры, жили в деревнях рядом с полями и вересковыми пустошами и в свободное время устраивали собачьи бега и гоняли голубей, т.е. предавались развлечениям, имевшим тогда сельский привкус. Средний класс покупал дома за городом, пользуясь низкими ценами на землю. Для тех представителей имущих классов, у кого был острый финансовый нюх, деревня стала дорогой «игровой площадкой», местом проведения уик-энда. Но для большинства жителей больших городов она превратилась в отдаленную, даже опасную местность, населенную странными людьми с устаревшими выговором, одеждой и манерами. В комедии Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» (1895) верно схвачен этот надменный столичный тон:

Леди Брекнел. …Земля теперь не приносит ни дохода, ни удовольствия. Она дает человеку положение и мешает его сохранить. Вот и все, что можно сказать о земле.

Джек. У меня есть дом в деревне с участком земли, конечно, что-то около полутора тысяч акров, полагаю. Но мой доход от него не зависит. Насколько я знаю, браконьеры – это единственные люди, которые хоть что-то получают с этой земли.

Леди Брекнел. Дом в деревне! …Надеюсь, у вас есть дом в городе? Такая простая и неиспорченная натура, как моя Гвендолин, не может жить в деревне!

Но, несмотря на это, воображение жителей города продолжало рисовать картины счастливого деревенского прошлого. К какому бы социальному слою горожанин ни относился, он хотел иметь дом с садиком и, если была возможность, арендовал участок земли. Тем самым создавалась иллюзия сельской жизни в городе, оставляя за скобками реальные трудности деревенского быта. Архитектура и планирование городов также отразили эту тоску по сельской жизни, ярким выражением которой стал проект Борнвилла для квакеров – владельцев фирмы «Кэдбери» и движение «Город-сад» в конце XIX в.

Массы и классы: городской рабочий

Нет ничего странного в том, что урбанизация и упадок деревни оказали глубокое влияние на все классы населения Британии. Еще в первой половине XIX в. больше всего на свете имущие классы боялись возникновения революционного рабочего класса или классов. Самое поразительное, что во второй половине века этот класс так и не сформировался. Большинство наемных рабочих того времени не оставили по себе практически никакой памяти, кроме плодов своего труда: обстоятельства их частной жизни, стремления, надежды, верования, предпочтения, привычки и увлечения– все это по большей части оказалось утеряно. В колониях трудолюбивые и квалифицированные чиновники империи составляли детальные доклады об указанных аспектах существования местных народов, быт которых поражал их воображение. Однако у себя дома систематическое изучение обычаев и образа жизни британских городских низов начались только в самом конце XIX в. Впечатляющий труд Генри Мейхью «Лондонские рабочие и бедняки: энциклопедия условий жизни и заработков тех, кто желает работать, тех, кто не может работать, и тех, кто не желает работать» вышел в 1861-1862 гг. и явился в этой области первым, хотя и несистематизированным исследованием. К тому же за ним никто не последовал. Однако нам достоверно известно, что картина жизни бедных слоев была довольно сложной и поливариантной, причем в ней большую роль зачастую играли религия

и местные обычаи.

Тем временем уровень жизни некоторых слоев трудящихся начал быстро расти. Между 1860 и 1914 гг. реальная заработная плата удвоилась. Во время бума 1868-1874 гг. она росла особенно быстрыми темпами, а между 1880-1896 гг. реальная заработная плата увеличилась почти на 45%. К 80-м годам у многих рабочих впервые в XIX в. возникла возможность для отдыха. У них появились деньги (хотя совсем немного) на что-то кроме еды, одежды и квартплаты. Самое удивительное – несмотря на эти свободные деньги, рождаемость в семьях рабочих не выросла, а упала. То же произошло и в семьях состоятельного класса еще раньше, начиная с 70-х годов. Таким образом, эта тенденция среди трудящихся явилась зеркальным отражением ситуации в преуспевающей части общества. Характерно, что свободные деньги тратились не на то, чтобы в семье появились новые дети. Такое неожиданное и беспрецедентное развитие событий опровергало предсказание классических политэкономистов, от Мальтуса до Маркса, утверждавших, что из-за «железного закона заработной платы» рабочий класс обречен получать только прожиточный минимум, поскольку любой излишек будет поглощаться новыми детьми. Контроль над рождаемостью открыл британскому рабочему путь к относительному благосостоянию начиная с 80-х годов XIX в. Теперь трудно сказать, как и почему это произошло. Женщины и мужчины вступали в брак позднее, чем раньше, к тому же они, видимо, использовали еще довольно ненадежные противозачаточные средства, которые получили распространение с 70-х годов. Поэтому женщины, вероятно, регулярно делали аборты.

В те времена термин «трудящиеся классы» (викторианцы почти всегда использовали его во множественном числе) применялся в отношении довольно широкого круга людей. В обзоре Чарлза Бута «Жизнь и труд населения Лондона», начатом в конце 80-х годов XIX в., мы находим шесть категорий трудящихся: «высокооплачиваемые рабочие», «рабочие, регулярно получающие среднюю зарплату», «регулярно получающие небольшую зарплату», «имеющие временные заработки», «не имеющие постоянного места работы» и те, кого Бут назвал «низший класс». «Рабочие, регулярно получающие среднюю зарплату» вошли в самую большую группу – практически она равнялась остальным пяти вместе взятым. Мужчины и женщины этой группы заметно сократили состав своих семей, их реальная зарплата увеличилась, и, кроме того, они стали осознавать важность своей роли в экономике.

Растущее благосостояние рабочих со средним заработком заставляло их вступать в профсоюзы, чтобы защитить свои сбережения, а также добиваться повышения зарплаты и улучшения условий труда. В середине столетия профсоюзы были еще довольно узкими цеховыми объединениями, члены которых ревниво оберегали свое завоеванное тяжким трудом привилегированное положение среди наемных рабочих. Оно достигалось благодаря длительному ученичеству, получению высокой квалификации или выполнению ответственной работы на машинах. Постоянно растущий спрос на квалифицированную рабочую силу только усиливал влияние и укреплялся статус этих цеховых профсоюзов, а технические новшества, например строительство судов из металла, не уменьшали, а увеличивали их значимость. Но в 70-х и особенно 80-х годах ряды профсоюзов стали расширяться за счет вступления в них трудящихся, занятых на постоянной основе. Такое положение стало возможным благодаря выросшим стандартам жизни, так как членство в профсоюзе было делом дорогим. Цель профсоюзов заключалась не только в переговорах об увеличении заработной платы, они были связаны с обществами взаимопомощи, а часто и сами выступали как общества взаимной поддержки, которые выплачивали пособия своим членам. Особенно важным для рабочего человека с чувством собственного достоинства было пособие на погребение, дававшее возможность избежать унизительных похорон, оплаченных работным домом. Многие профсоюзы предоставляли также пособие по болезни и безработице, поскольку государство не оказывало содействия жертвам временных неурядиц и уж тем более не помогало тем, кто не мог работать постоянно, если не принимать во внимание работные дома как последнее прибежище для несчастных.

С точки зрения наблюдателя, жившего после 1945 г., деятельность профсоюзов развивалась тогда довольно странно. В течение двадцати лет после 1874 г. состояние экономики характеризовалось значительной дефляцией – т.е. цены (и до некоторой степени зарплата) падали. Но для тех, кто имел постоянную работу, реальная оплата труда при этом росла. С этим не могли примириться тред-юнионисты – человеку трудно поверить в то, что хозяин понижает тебе зарплату, а живешь ты все-таки лучше, чем раньше. Поэтому новые профсоюзы были настроены на борьбу за сохранение заработной платы рабочих. В этом движении практически не было идеологии, кроме идеи солидарности. Социалисты играли некоторую роль в самых известных забастовках того времени: на спичечной фабрике «Брайант энд Мэ» в 1888 г. и в лондонских доках в 1889 г. (последняя известна как «забастовка за докерский шестипенсовик»). Обе акции привлекли большое внимание среднего класса, поскольку произошли в Лондоне под самым носом у радикалов. Но эти забастовки нельзя назвать типичными: в лондонских доках действия рабочих возглавлял не профсоюз, поскольку он был создан после завершения забастовки; да и роль в них «социалистов», таких, как Джон Бёрнс, не стоит преувеличивать. Люди, возглавлявшие профсоюзы, были в большинстве своем последовательными сторонниками Гладстона. Работы Карла Маркса, помимо узкого круга адептов, были никому не известны, хотя он провел в Англии большую часть сознательной жизни. Труды социалистов, увидевшие свет в 80-х годах XIX в., читали очень немногие. Упорное сопротивление, с которым в рабочей среде встречали социалистические идеи, вызывало отчаяние интеллектуалов, принадлежавших к среднему классу.

Профсоюзы стали организациями, деятельность которых отражала выросшее самосознание рабочего класса, а совместно проведенный досуг, особенно мужчинами – главами семейств, подпитывал затем чувство классовой солидарности. В любом промышленном городе, от Портсмута до Абердина, любимым развлечением мужчин, почти без исключений, стал футбол, который был придуман в частных школах и университетских любительских клубах, но превратился к середине 80-х годов в профессиональную игру. В последней четверти XIX в. любой уважающий себя промышленный город имел свой футбольный клуб. Некоторые команды отражали существующий религиозный раскол, например католический «Селтик» и протестантский «Рейнджерс» в Глазго, католический «Эвертон» и протестантский «Ливерпуль» в Мерсисайде. Футбол поддерживал местный патриотизм и помогал болельщикам осознать себя частью целого, что удавалось далеко не всем политическим функционерам. Он был продуктом высокоорганизованного урбанистического общества: регулярность и сложность графика проведения игр за Кубок (начиная с 1871 г.) и за первенство Лиги (с 1888 г.) требовали от зрителей постоянного и непосредственного интереса, а также свободных денег, чтобы каждую неделю покупать входные билеты, а возможно, и оплачивать проезд в другие города, если команды играли на выезде. Подобные игры собирали огромные массы людей, способные к самоорганизации. Они отражали настроения дисциплинированной рабочей силы, готовой платить за то, чтобы следить, как другие играют за клуб, организованный местными бизнесменами. Необходимость для городского рабочего постоянно следить за играми в течение всего футбольного сезона давала ему более широкую временную перспективу, чем-то напоминавшую зависимость его сельских собратьев от климатических периодов.

Однако возросшую в то же время популярность крикета, игры длительной, уникальной и требующей социальной интегрированности, объяснить гораздо труднее. Соревнования между графствами по крикету стали проводить с 1873 г. Увлечение этой игрой объясняется, видимо, тем, что индивидуализм в обществе сохранился, невзирая на индустриализацию и разделение труда. Удивительные достижения на площадках для крикета доктора Грейса из Глостершира, который царил среди игроков и ставил рекорды во всех компонентах этой игры, непревзойденные до сих пор, сделали его почти таким же национальным героем, как Фред Арчер, жокей, побеждавший на скачках в 1874-1886 гг. У Грейса была большая борода, которую часто изображали на карикатурах; из-за этой бороды его часто путали с

лордом Солсбери – что, вероятнее всего, шло на пользу последнему.

В прошлые времена путешествия были связаны для рабочего только с отчаянной попыткой найти новое место работы или жилье. Но, начиная с 80-х годов XIX в., они сделались формой отдыха. В официальные нерабочие дни многие стали выезжать на море, самостоятельно или с организованной экскурсией, причем делали это почти каждый год. Такие курорты, как Блэкпул, Моркам, Скарборо, Саутенд-он-Си, Истбурн, Портобелло, возникли и выросли на волне этого спроса. Поскольку рабочий класс почти всегда проводил время в этих городах, для него «пляжный отдых» предполагал пирс, развлечения на набережной и купальные кабины, в дополнение к отелям, пансионам и магазинам. Радикалы и социалисты в 90-е годы сделали попытку разнообразить эту традицию, организуя туристические и велосипедные клубы для совместных поездок за город, но туда вступали скорее представители низших слоев среднего класса, нежели рабочие.

Распространение массовых газет и средств ускоренной коммуникации, охвативших благодаря электрическому телеграфу всю страну, способствовало появлению еще одного вида отдыха, любимого трудящимися, – тотализатора, в котором ставили на лошадей, и футбольного тотализатора, действующего через почту. Такое развлечение обещало выигрыш в виде кубышки с золотом, а значит, отдых мог приносить доход, хотя на деле этого практически никогда не происходило.

Постепенно самая преуспевающая часть рабочих начала приобщаться к благосостоянию, которое полвека назад промышленная революция подарила имущему классу. Их питание несколько улучшилось: к обычному хлебу, картошке и пиву добавились мясо, молоко и овощи. Качество жилья немного повысилось; люди и их жилища стали чище, поскольку мыло подешевело и стало общедоступным. Квартиру, которую постоянно снимала семья рабочего, теперь украшали книги, фотографии и даже всякие занятные предметы мебели. Целью жизни многих стала респектабельность, т.е. деньги, потраченные на то, чтобы продемонстрировать солидность, уверенность в завтрашнем дне, а также интересы, не ограниченные еженедельным заработком. Продажа в кредит стимулировала такие цели и поглощала основную часть сбережений.

Повышение уровня жизни занятого населения имело большое значение, но его следует рассматривать в перспективе. Всю вторую половину XIX в. каждые десять лет происходили всплески экономических неурядиц. Многие тогдашние аналитики полагали, что с середины 70-х до середины 90-х годов продолжалась «великая депрессия», и доходы постоянно падали. Как мы уже выяснили, такое утверждение, несомненно, справедливо по отношению к сельскому хозяйству, но по отношению к промышленности в целом это было скорее временем реорганизации, чем депрессии. Хотя для работающего человека такая реорганизация всегда означала обнищание. Именно в 80-х годах слово «безработица» получило в английском языке сегодняшнее значение.

Религия, в смысле посещения церкви, не играла в жизни городского рабочего почти никакой роли. В 1896 г. священник Англиканской церкви А.Ф.Виннингтон-Инграм писал: «Нельзя сказать, что Церковь потеряла большие города, – ее там никогда не было». Протестантские церкви, как Англиканская, так и нонконформистские, не сумели убедить сельскохозяйственных рабочих продолжать посещать храмы, после того как они переезжали в город. Несмотря на благотворительную деятельность и воскресные школы, дававшие возможность получить образование, им не удалось привлечь к себе и большинство тех, кто был рожден в городе. Миссионерская деятельность Армии спасения и других подобных ей организаций тоже не принесла результатов. В 1902-1903 гг. только 19% лондонцев регулярно посещали церковь, и в основном они являлись представителями социальных верхов. Вероятнее всего, эта цифра была больше в провинциальных центрах и значительно выше – в маленьких городках. Только среди католиков встречалось много рабочих – национальная ирландская идея и католицизм составляли единое целое в деятельности данной Церкви, и этой идее были посвящены религиозные социальные организации и клубы.

Нельзя сказать, что трудящиеся классы совершенно не вспоминали о религии. «Обряды перехода» (особенно свадьбы и похороны) оставались популярными, даже когда появились такие же гражданские церемонии. К тому же те, кто не ходил в церковь, не проявляли по отношению к ней враждебности, если только религиозность не принимала откровенно папистские или ритуальные формы и была обусловлена трениями в отношениях между ирландскими эмигрантами и местными общинами. Скорее рабочие не любили Англиканскую церковь за то, что она была связана с правящим имущим классом. Отказ от посещений церкви в обществе, где верхи активно пропагандировали ее, являлся знаком протеста либо равнодушия.

Клерки и коммерсанты – нижний слой среднего класса

Вторая половина XIX в. стала для среднего класса золотым веком развития. Еще в 1851 г. эта социальная группа была довольно малочисленной и легко определяемой: врачи, учителя, юристы, бизнесмены, банкиры, владельцы магазинов и т.п. Между ними и рабочим классом существовала глубокая пропасть. Но в конце века картина усложнилась. Возникла большая промежуточная группа, которую можно было бы назвать нижним слоем среднего класса. Она появилась благодаря изменениям в экономике, поскольку сектор услуг значительно вырос и стал многообразнее. Британия превращалась не только в промышленную, но и в коммерческую державу, возникала целая армия «белых воротничков» – людей, которые трудились в розничной и оптовой торговле, банках, бухгалтериях, рекламных фирмах. Управление фабриками перестало быть наследственным семейным занятием и перешло в руки нового класса профессиональных менеджеров. Промышленная бюрократия стремительно росла. Число государственных служб, местных и центральных, быстро увеличивалось, по мере того как государство расходовало на них все больше денег, особенно на систему образования, созданную законом от 1870 г. В магазинах, офисах и на телефонных станциях появились новые рабочие места для женщин. Перемены серьезно затронули Лондон, где возникла целая армия людей, получивших образование в политехнических колледжах и работающих в Сити. Эти люди приезжали в Лондон по железной дороге или по новой подземной дороге с бывших окраин, а часто даже из соседних городов, вроде Кройдона, которые очень разрослись в 80-х годах, превратившись в нечто подобное спальным районам для клерков из Сити. Рост населения, живущего за пределами городского центра, стал характерным новшеством жизни горожан во второй половине XIX в. Аккуратные ряды домиков, построенных стена к стене или стоящих отдельно, с маленькими садиками, расположенными перед ними и позади, свидетельствовали об осуществлении стремления к процветанию этого нового социального слоя.

Век либерализма стал для семей, населявших подобные окраины, временем преуспеяния. Либерализм требовал от них личных достижений, и они старались как могли. Эти люди ценили достоинство, респектабельность, конкуренцию, деловитость и целеустремленность. Они уважали достижения, успех и деньги. Не будучи уверены в собственном социальном положении, они охотно слушали тех, кто был убежден в своем праве командовать, – они уважали иерархию. В этом ее представители коренным образом отличались от либералов 50-х годов, которые были твердыми индивидуалистами, так как на них еще оказывали влияние дух «старой доброй» доиндустриальной эпохи и объединительные лозунги XVII в. Поиски новым социальным слоем своего места в структуре общества превратил консерваторов в партию, у которой была твердая опора в городах. В небольших населенных пунктах, таких, как центры рыночной торговли Уэльса и Шотландии, где существовала давняя традиция нонконформизма, люди, принадлежавшие к этому слою, стали занимать ведущие позиции. Там благодаря приобретенной уверенности в себе и традиционному нонконформизму они оставались либералами. Но в больших городах они выступали за сотрудничество с аристократией и верхним слоем среднего класса, предлагая им

содействие в обмен на признание и статус.

В 1896 г. братьями Хармсворт была основана газета «Дейли мейл», которая благодаря весьма эффективной системе распространения нанесла сокрушительный удар по провинциальной прессе. «Дейли мейл» стала основной газетой нижнего слоя среднего класса. Сначала либерал-империалистическая по духу, она во время Англо-бурской войны перешла на сторону юнионистов. Как презрительно высказался о газете лорд Солсбери, «ее делают посыльные для посыльных».

Имущие классы

Верхний слой среднего класса включал две группы. Первая – представители статусных профессий: врачи, юристы, священники государственной церкви, служащие, занимавшие крупные административные посты. Они оканчивали одни и те же университеты, а в еще большей мере одни и те же частные школы. Во многих городах они стали жить более комфортно, чем в первой половине XIX в., так как строили себе роскошные виллы за городом. Благодаря тому что их дети учились в привилегированных школах-интернатах, у этой группы возросло чувство национальной значимости, а связи с местными сообществами, наоборот, ослабели. Мировоззрение представителей этих профессий определял дух Томаса Арнолда из Регби (в интерпретации его последователей). В школах их обучали греческому, латыни и древней истории; их мораль определялась Широкой Англиканской церковью; беспрестанные игры на свежем воздухе (регби – зимой, крикет и легкая атлетика – летом) призваны были «подготовить их к жизни» и не давать бездельничать. В результате сформировался характер представителей статусных профессий – весьма достойный, но неяркий. Они видели свое предназначение в управлении империей, пренебрегая нуждами индустриального государства.

Подобное мировоззрение до некоторой степени оказывало влияние и на другую группу верхнего слоя среднего класса, занятую в промышленном производстве. Вместо того чтобы с малых лет приучать своих отпрысков к семейному делу, фабриканты все чаще посылали детей в учебные заведения, предназначенные для представителей статусных профессий. В то время как будущие немецкие промышленники изучали точные науки и бухгалтерский учет, дети владельцев хлопкопрядильных фабрик и кораблестроительных верфей Англии учили греческий и играли в регби. Юноши, получившие подобное образование, редко выказывали интерес к жизни заводов, поэтому сохранять дух предпринимательства, который являлся основным двигателем прогресса в первой половине XIX в., становилось все труднее. Сыновьям промышленников больше по душе была коммерция, чем производство, и они шли в растущий банковский сектор, где фабричный пот и кровь превращались в стерильные колонки цифр.

Британская экономика все более и более полагалась на компетентность этих людей. Возник колоссальный дефицит внешнеторгового баланса (он составил в 1851 г. 27 млн фунтов стерлингов, а к 1911 г. – 134 млн). Но его покрывала так называемая «невидимая прибыль» от банковских операций, страхования, морских перевозок и доход, получаемый от капитала, вложенного за границей. Доход в сфере услуг (24 млн фунтов стерлингов в 1851 г. и 152 млн – в 1911 г.), а также дивиденды от заморских капиталовложений (12 млн в 1851 г. и 188 млн – в 1911 г.) стали жизненно важными элементами британского процветания. Его главной опорой был средний класс, который имел преимущественно опыт управления деньгами, но не людьми или продукцией.

Все эти важные изменения в британской социальной и экономической жизни происходили не по плану, а так же стихийно, как до того развивалась индустриализация. Они явились ее последствиями в двух аспектах. Поскольку Британия как «мастерская мира» продавала товары за границу, она стимулировала экономическое развитие других стран, где отчаянно не хватало собственных капиталов. Международная конкуренция и депрессия в некоторых секторах английской экономики в 80-х годах снизили норму

прибыли в сфере производства, и тогда «невидимая рука» указала путь развития в области банковских услуг.

Однако не следует преувеличивать значимость этой тенденции или ее новизну. Для Англии всегда было традиционным переплетение интересов земельных собственников, промышленников и коммерсантов, в результате чего аристократия не стала обособленной кастой, как на континенте, а фабрикант мог занять высокое положение в обществе. Некоторые пользовались такой возможностью; другие, особенно нонконформисты, к этому не стремились. Промышленность и фабриканты всегда были мощной силой в Британии, Однако государства фабрикантов, со страхом ожидаемого «монархией среднего класса», в первой половине XIX в. так и не случилось, поскольку аристократия отчасти нейтрализовала политическое и социальное влияние коммерсантов, включив их в свой состав.

Средний класс исповедовал протестантство, и весьма активно. Его представители занимали довольно высокие посты в иерархии Англиканской церкви и в университетах. Реформы, последовавшие за докладом комиссии Норткота – Тревельяна 1854 г., ввели сдачу профессиональных экзаменов на получение поста на гражданской службе, поэтому университеты теперь обслуживали в основном интересы представителей среднего класса. С 70-х годов респектабельность, необходимость содержать приличный дом, оплачивать прислугу, школу и университет заставили буржуазные семьи ограничить количество детей, т.е. у них это произошло, как уже говорилось, раньше, чем в среде трудящихся.

Женщины, принадлежавшие к среднему классу, тоже стремились к сокращению размеров семьи, так как у них появились новые возможности в жизни помимо воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Они могли уделять больше времени благотворительности, работать в церкви, принимать участие в местной политике, заниматься искусством, особенно музыкой. С большим трудом некоторые из них добились возможности посещать университет (им разрешили ходить на лекции и сдавать экзамены без получения степени). В конце 70-х годов в Оксфорде, Кембридже и Лондоне открылись женские колледжи. Профессиональные занятия для женщин были закрыты, только некоторым удалось стать врачами. Лучшее, чего могла добиться женщина в профессиональной карьере, – это должность медицинской сестры в престижной клинике.

Пышность и церемониал

Аристократия и джентри только отчасти ощутили на себе перемены, происшедшие во время правления королевы Виктории. Из трех больших социальных классов Британии они, вероятно, изменились меньше всех. Как заметила социалистка Беатрис Уэбб, аристократия представляла собой «удивительно крепкую субстанцию». Аристократы по-прежнему обладали значительной политической властью, обеспечивая парламентариями обе партии в Вестминстере. Они занимали высшие должности в империи, возглавляли местное самоуправление и служили офицерами в армии – флот был демократичнее. В период аграрного развития 1850-1870 гг. аристократия и джентри обогатились, а во время депрессии сельского хозяйства много потеряли. Однако часть этих потерь удалось компенсировать за счет умелых вложений в городскую земельную собственность, к тому же стремительное расширение территорий городов обогатило владельцев участков, расположенных на окраинах или неподалеку, хотя цена пахотных земель постоянно снижалась. Британская аристократия всегда принимала участие в индустриализации экономики, особенно в строительстве шахт, каналов и железных дорог. И сейчас она ловко сумела подняться на гребне новой волны коммерческой экспансии – для придания солидности правлениям многих банков и страховых компаний в них заседали лорды. Аристократы разумно укрепляли свое семейное состояние выгодными браками с представительницами молодой финансовой олигархии США. Самый известный пример тому – женитьба девятого герцога Мальборо на Консуэло Вандербильт. Таким образом,

несмотря на спад в сельском хозяйстве, в собственности аристократов были сохранены замечательные загородные поместья. Но они стали скорее любимыми игрушками, чем источником обогащения, и отношение к ним сложилось соответствующее. Популярные газеты и журналы создавали в сознании городского обывателя образ аристократа как человека, постоянно предающегося развлечениям: светские женщины и мужчины бывали на скачках, охотились, стреляли и ловили рыбу в своих поместьях, играли в азартные игры и посещали столичные балы и театры. В стране, где проведение свободного времени становилось все важнее для множества людей, такой образ аристократии не отталкивал, а привлекал. Ведущую роль здесь играл королевский двор. Серьезность, с которой принц Альберт относился к придворной жизни на юге страны, была скопирована с присущей шотландцам обстоятельностью на севере, где они начали решительно развивать курортное дело. То, как Виктория и Альберт занимались замком Балморал в Шотландии, как они афишировали свою любовь к сельской жизни и фольклору, а также покровительство, которое они оказывали популярному художнику сэру Эдвину Лендсиру, любившему изображать деревенские сцены, сделало Шотландию респектабельным местом отдыха. Следом за ней вошли в моду север и запад Англии, а также Уэльс, где болота и горы весьма напоминали шотландские. Королевский двор оказывал покровительство романтизму в литературе и искусстве, хотя это художественное течение в то время уже вступило в период упадка. В результате Двор восстановил былую репутацию романтизма, а искусство демонстрировало торжество городской цивилизации над дикой природой. Картина Лендсира «Царь горной долины», одно из самых известных и часто воспроизводимых полотен Викторианской эпохи, изображает оленя. Но перед зрителем вовсе не царь, обозревающий свои владения, а несчастное животное, взятое на мушку охотничьего ружья, – для него не осталось ни одного уголка, где можно было бы спрятаться; природа окончательно покорилась человеку.

Жизнь Виктории и Альберта в Балморале был приятна и не лишена благородства: они неоднократно подчеркивали свой долг перед крестьянами. Но сын Виктории, Эдуард, принц Уэльский, который унаследовал ее трон, просто предавался удовольствиям. Целая серия связанных с принцем скандалов беспокоила его мать, но давала пищу прессе, поскольку благодаря этим скандалам ее тиражи росли. Эдуарда окружали богатые друзья, которые являлись самим воплощением плутократии, вроде сэра Томаса Липтона, нажившего состояние на розничной торговле бакалейными товарами. В период после Регентства на образ жизни аристократии большое влияние оказывали движение евангелического возрождения и трактарианизм. Поэтому дендизм лорда Пальмерстона в 50-60-х годах XIX в. казался вызывающим и неуместным. Но такая сдержанность поведения уступила место хвастливому потребительству и общему падению морали. Некоторые аристократы, например лорд Солсбери, премьер-министр от партии тори, продолжали жить просто и религиозно, несмотря на царившую вокруг роскошь. Но Солсбери, последний премьер, носивший бороду, в конце своего правления, в 90-х годах, превратился в анахронизм. Артур Бальфур, его племянник и преемник на посту главы правительства, считался свободомыслящим человеком. Вместе с Эдуардом VII они символизировали новую моду в обществе – один был религиозным скептиком, другой открыто предавался сибаритству.

Несмотря на такую разницу в образе жизни Виктории и ее сына Эдуарда, монархия процветала при обоих правителях, вокруг которых вращался Двор и светское общество. В течение всего своего долгого царствования (1837-1901), Виктория ревностно охраняла устои монархии, полагая, что консервативное правительство обеспечивает их сохранность лучше всего. Но когда после смерти Альберта в 1861 г. она стала надолго удаляться от дел, общество было этим недовольно, в результате чего возникло серьезное республиканское движение, получившее дополнительный стимул для развития благодаря Парижской коммуне. Либеральная партия умело использовала его в начале 70-х годов. Именно отсутствие и бездействие монарха, а не его поступки стали причиной массового

недовольства. В стремительно менявшемся обществе, влиятельные слои которого испытывали глубокое уважение к иерархии, монархия казалась чем-то постоянным, олицетворением преемственности, семейных уз и религии, особенно благодаря тому, как она преподносилась средствами массовой информации с их растущим влиянием. В своем классическом труде «Английская конституция» (1867) Уолтер Бейджхот писал: «Англичанин уважает общество, которое можно назвать *театральным действом*… где апофеозом пьесы является королева». Монархия придавала власти легитимность – «обычно скрытую покровом тайны, ее иногда демонстрировали как пышное зрелище», как, например, во время торжественного празднования юбилеев царствования в 1887 и 1897 гг. Сама нескрываемая обыкновенность королевы Виктории как человека, ее постоянно упоминаемые страдания (о ней писали как о «виндзорской вдове», мужественно продолжающей выполнять свои обязанности), даже тот факт, что она была уже пожилой женщиной и часто болела, подчеркивали контраст между хрупкостью человеческого существования и величием института монархии, что только укрепляло уважение подданных к последнему.

Монархия воспринималась как вневременное воплощение лучших качеств, присущих доиндустриальному общественному порядку. В условиях все возрастающего урбанизма она компенсировала промышленную революцию. Чем более городской становилась Британия, тем пышнее, церемониальнее и популярнее становилась монархия, поскольку она воплощала ценности, которые стояли в стороне от конкурентного эгалитаризма капиталистического общества.

«Большие изменения в нравах»

Если исключить Ирландию, то британскому обществу в период между 1850 и 1890 гг. был присущ удивительный порядок и сбалансированность, особенно принимая во внимание напряженность, обычно сопровождающую изменения в производственной и социальной сферах. Хотя политические беспорядки время от времени случались, но они оставались редким явлением и не вызывали широкого общественного резонанса. Случаи нарушения закона в форме воровства или актов насилия сократились в абсолютной и относительной пропорции, что опровергало утвердившееся мнение касательно индустриализации и урбанизации, которые якобы неизбежно ведут к увеличению преступности. В статистике преступлений за 1901 г. отмечалось, что начиная с 1840 г., «мы наблюдаем большие перемены в нравах: обмен ударами, со словами или без них, сменился обменом одними словами; модели поведения представителей разных классов сблизились; дух беззакония пошел на убыль». Общество того времени демонстрировало способность к самоуправлению и полагалось в этом на добровольные организации: Церковь, группы взаимопомощи и разветвленную сеть благотворительных обществ, которые заботились о тех, кто был обделен в духовном и физическом смысле. Но к началу 60-х годов стало ясно, что в очень важной области образования, возможностей Церкви недостаточно, чтобы обеспечить систему начального обучения, адекватную нуждам индустриального государства. Поэтому в 70 г. правительство либералов издало Акт, учреждавший комитеты по образованию, в обязанность которых входило строить школы там, где не было церковных. Однако вплоть до 1880 г. начальное образование не было обязательным, а до 1891 г. еще и платным. Местная инициатива, особенно в Лондоне и некоторых промышленных городах Севера, соединила начальное образование с техническим, и его могли получить не только подростки, но и взрослые. Однако поскольку содержание обучения определялось членами локальных комитетов по образованию, то оно часто бывало бессистемным и не шло ни в какое сравнение с немецкими образцами. В Манчестере и Бирмингеме, крупных промышленных городах, появились новые университеты, которые перестали ориентироваться на классическое образование, характерное для Оксфорда и Кембриджа. Но современники воспринимали такую заботу правительства об образовании скорее как одно

из исключений, сформулированных Миллем, а не как свидетельство того, что государство начало принимать на себя ответственность за социальные нужды.

«Вилла тори» – возрождение консерваторов

Реформы избирательной системы 1867 и 1884 гг. повысили численность электората с 20 до 60% мужского населения в городах и до 70% – в сельской местности, что поставило перед политиками новые проблемы. Право голоса для домовладельцев увеличило количество голосующих, но не превратилось во всеобщее избирательное право, даже для мужчин. Кроме того, голосование стало тайным, в то время как раньше указывался голос каждого избирателя.

Либеральная коалиция, привыкшая всегда выигрывать всеобщие выборы, встала перед вопросом: способна ли их аморфная структура неформальных союзов побеждать и в дальнейшем? Эта проблема проявилась со всей очевидностью, когда первое правительство Гладстона в привычном стиле для либералов развалилось в 1873-1874 гг., а затем, нарушая традицию, проиграло выборы и впервые с 1846 г. уступило власть тори. Реакция либералов была двоякой. В некоторых районах, в основном с городским населением, например в Бирмингеме, где главной политической фигурой являлся Джозеф Чемберлен, была введена закрытая система «кокусов». Кокус представлял собой самоназначенную группу местных нотаблей, как правило бизнесменов нонконформистских убеждений, критически настроенных к верхушке либеральной партии за излишнюю осторожность и аристократизм. Национальная либеральная федерация, образованная в 1877 г., сделала попытку объединить различные кокусы хотя бы на бюрократической основе. С другой стороны, руководство Либеральной партии, состоявшее главным образом из аристократов, отреагировало на такое развитие событий с беспокойством. Объединяющей фигурой для обеих групп стал У.Ю.Гладстон, сын торговца зерном шотландского происхождения, но при этом выпускник Итона и колледжа Крайст-Чёрч в Оксфорде. Гладстон был по убеждениям твердым англиканином, испытывавшим, однако, под конец своей политической карьеры симпатию к взглядам нонконформистов. Благодаря такому сочетанию он оказался способным апеллировать к викторианцам самых разных убеждений. За спиной Гладстона стоял не кокус; он опирался скорее на национальные, а не на местные источники власти. Поверх лидеров местных организаций Гладстон обращался к либералам всей страны, и его основным оружием стал памфлет и политические выступления. Только что возникшая сеть общенациональных и периферийных газет, соединенных между собой телеграфом, впервые в истории позволила проводить общенациональные дискуссии: уже на следующее утро после произнесения политической речи ее текст можно было прочесть за завтраком в любом семействе среднего достатка. Этот новый метод Гладстону удалось использовать во время всеобщих выборов 1868 г. Он сумел вызвать всенародное возмущение, когда правительство Дизраэли ответило бездействием на резню христиан, организованную турками в Болгарии в 1876 г. Аналогично с помощью газет он инициировал кампанию против моральных и финансовых злоупотреблений имперского правительства консерваторов в 1879-1880гг. (так называемая Мидлотианская кампания). Выработка общей «платформы» стала распространенной формой политической борьбы в поздневикторианский период: Гладстон внедрил этот вид политической дискуссии, и все его современники, как либералы, так и тори, были вынуждены принимать в ней участие.

Реформа избирательной системы 1867 г. предоставила тори новые возможности. Привыкшие и почти смирившиеся с постоянными проигрышами, они начали побеждать. В 1867 г. был организован Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций, а в 1870-м начал действовать его центральный офис, занимавшиеся координацией предвыборной стратегии. Целью тори стал электорат, живущий в небольших городах. Чтобы завоевать политическую власть, им нужно было теперь опираться не только на сельских избирателей, но и на жителей растущих городов и пригородов. И тори с

успехом добились своего в 70-х и 80-х годах. Под руководством Дизраэли они одержали убедительную победу во всеобщих выборах 1874 г., а после смерти Дизраэли в 1881 г., стали доминирующей партией, возглавляемой лордом Солсбери. Им удалось достичь цели, связав свою иерархическую, аристократическую и проангликанскую партию с устремлениями широких средних слоев больших городов. Тори превратились в партию защиты собственности и патриотизма. Дизраэли понял, что политический успех зависит не только от самой политики, но и от того, как ее преподнести. В своих знаменитых речах, произнесенных в Ланкашире и в Хрустальном дворце в 1872 г., он характеризовал либералов как непатриотов, обвинив их в том, что они угрожают собственности и главным общенациональным институтам, предают имперские интересы Британии в мире. Чтобы создать положительный образ тори и привлечь к себе тех представителей рабочего класса, которые только недавно получили право голоса, он отстаивал политику социальных реформ. Темы его речей, особенно патриотических, были быстро подхвачены другими консервативными деятелями. Они послужили прототипом большинства предвыборных выступлений тори даже в последующем столетии.

Первые годы правления консерваторов (1874-1880) были отмечены настоящим бумом реформ, автором которых был главным образом министр внутренних дел Р.А.Кросс. Предложенные им законы касались жилищных условий ремесленников, здравоохранения, обществ взаимопомощи, загрязнения рек, продажи продуктов питания и лекарств, торгового судоходства, профсоюзов, фабрик, лицензирования производства напитков и образования. Многие из этих реформ были подготовлены еще раньше и носили сильный отпечаток идей либералов-пилитов, которые влияли и на правительство Гладстона. Но они затрагивали интересы скорее среднего класса, чем рабочих. К тому же реформы носили не обязательный, а рекомендательный характер, отчего их результат оказался ограниченным и не таким, как ожидалось (например, из 87 городов Англии и Уэльса только 10 решили воплотить в жизнь Акт о жилье для ремесленников). Тем не менее для мифологии Консервативной партии эти реформы были очень важны. Они показали, что тори вполне способны решать проблемы городов и что они создали основу для воплощения в жизнь «торийской модели» демократии. По сравнению с тем, какие решения городских проблем предлагали немецкие консерваторы, реформы тори играли объединительную, примиряющую и конструктивную роль.

Но главной целью тори было укрепление своих позиций среди городского среднего класса – поддержка рабочих являлась только приятным дополнением. Выдуманный ими жупел непатриотичных либералов имел успех лишь отчасти. Тори претендовали на звание партии компетентного империализма, но события в Южной Африке и Афганистане в конце 70-х годов XIX в., а также огромные военные расходы серьезно подорвали их репутацию. Трудно было сочетать политику империализма и экономное отношение к финансам, главную добродетель, почитаемую средним классом. Это противоречие было умело вскрыто Гладстоном в одной из его мидлотианских речей.

Тори проиграли выборы 1880 г., и отчасти виной тому был Гладстон, а отчасти – падение спроса на потребительские товары в том же году. Правление Гладстона в 1880-1885 гг. явилось низшей точкой либерализма – партия находилась в кризисе, кабинет разделился. Предсказания тори относительно имперской политики подтвердились: нерешительность и отсутствие твердой линии привели к целой серии катастроф, кульминацией которых стала гибель генерала Чарлза Гордона в Хартуме в 1885 г. Поскольку либералы слишком хорошо знали о нежелании колониальных властей расширять свои имперские обязательства, они решили отвоевать «новую электоральную территорию», при этом громко выражая свои сожаления по данному поводу. Таким образом они оттолкнули от себя обе группы электората: антиимпериалисты полагали, что либералы переусердствовали, а сторонники империализма винили их в отсутствии решительных действий. Во внутренней политике проведению дальнейших реформ мешало стремление Гладстона контролировать и снижать расходы. В разительном отличии от периода 1868-

1874 гг. их единственным большим достижением стала избирательная реформа 1884 г., когда право голоса получили сельскохозяйственные рабочие. Предполагалось, что эти новые голоса, полученные в деревне, отойдут либералам, но лорд Солсбери использовал право вето, принадлежащее Палате лордов, чтобы добиться выгодных уступок. Новый билль о перераспределении избирательных территориальных единиц очертил границы городских округов самым выгодным для тори образом. Используя либеральные реформы, консерваторы сумели создать такую структуру одномандатных городских и пригородных округов, где жили представители среднего класса, которая с тех пор является основой их политических успехов.

В результате либералы теперь все больше зависели от «кельтских окраин», т.е. от парламентских представителей Ирландии, Шотландии, Уэльса. Так заботы и приоритеты упомянутых трех частей страны выдвинулись в центр сцены британской имперской политики.

Ирландия, Шотландия, Уэльс: тщетные попытки добиться гомруля

Того, что «ирландская проблема» существует, никто не отрицал, но что она собой представляет, все понимали по-разному. Дизраэли верно изобразил тон имперского недоумения по этому поводу: «Мне бы хотелось, чтобы вышел какой-нибудь политический деятель и объяснил смысл ирландского вопроса. Одни говорят, он материальный, другие – духовный. Сегодня толкуют об отсутствии аристократии, завтра – об отсутствии железных дорог. То все дело в Папе Римском, то – в картофеле».

Производство в Ирландии было в основном сельскохозяйственным и контролировалось главным образом протестантами, которые, несмотря на распространенное ошибочное мнение, жили на своих земельных участках или неподалеку от них. Во время бума 50-60-х годов XIX в. ирландское сельское хозяйство переживало период подъема и подверглось некоторой модернизации, но в сравнении с Англией оно оставалось недостаточно капитализированным. Ирландия не инвестировала собственные средства и не могла привлечь капитал из Англии. Ее экономика не была в состоянии обеспечить местное население работой, и люди начали уезжать из страны. В Англии не осталось ни одного города, большого или маленького, в котором не было бы ирландской общины. С 1841 по 1925 г. происходила большая эмиграция за океан: 4,75 млн человек переехало в США, 70 тыс. – в Канаду и более 370 тыс. – в Австралию. Ирландское движение фениев за независимость в 60-х годах XIX в. было порождением восстания 1798 г., результатом неудачных попыток Даниела О'Коннела в 30-х и 40-х отменить Акт об унии 1800 г. и катастрофического голода 1845-1846 гг. Фении попытались поднять восстания в США, Канаде и самой Ирландии. В 1867 г. они потрясли Англию серией взрывов бомб, в частности в лондонской тюрьме Клеркенвелл, где погибли сотни невинных людей. Движение фениев ни в коем случае не отражало стремления всего ирландского народа, но существовала опасность, что такое может произойти. Поэтому либеральные политики, особенно Гладстон, решились на уступки. Отделением Англиканской церкви от государства в Ирландии в 1869 г., проведением Акта о земле в 1870 г. и неудавшейся реформой образования в 1873 г. (ее отвергли сами ирландцы) Вестминстер хотел продемонстрировать, что он способен дать ирландцам то, к чему они стремятся. Но подобных реформ было недостаточно. Ассоциация Айзека Батта по созданию собственного ирландского правительства расширяла влияние, в то время как Либеральная партия, которая до того главенствовала в ирландской политике, теряла популярность. Депрессия в сельском хозяйстве, длившаяся с 70-х по 90-е годы, еще более обострила ситуацию. Чарлз Стюарт Парнелл, который был, как и Батт, протестантом, возглавил партию гомруля в 1877 г. и сохранял за собой этот пост до 1890 г., когда его политическая карьера закончилась из-за скандального развода. Парнелл был сторонником жесткой линии и без смущения и колебаний использовал любую политическую ситуацию, но даже его обошла

Земельная лига, требовавшая права собственности на землю для крестьян. Парнелл довольно сомнительным путем стал президентом этой лиги в 1879 г. Она возникла в результате слияния «физической силы» фениев и «морального духа» парнелитов, став народным фронтом под знаменем националистического католицизма. Лига вела длительную кампанию против сгона крестьян с их участков во время «Земельной войны» 1879-1882 гг. и сельскохозяйственной депрессии, применяя насилие и бойкот против инициаторов. Сам термин «бойкот» произошел от имени капитана Чарлза Бойкотта, который морально не выдержал угрозы общественного и экономического остракизма. Волна насилия в Ирландии и убийство лорда Фредерика Кавендиша, статс-секретаря по делам Ирландии и племянника жены Гладстона, шокировали имущие классы Англии, которые, как мы знаем, уже отвыкли от насилия в обществе.

Правительство Гладстона отреагировало на кризис применением силы в сочетании с уступками, например Актом о земле 1881г., который значительно расширял права крестьян, но не давал им права собственности на землю. Партия гомруля усилила свои позиции в Ирландии, чему особенно способствовала избирательная реформа 1884 г. На выборах в декабре 1885 г. она получила 86 мест в Парламенте, благодаря чему в Весминстере возникло политическое равновесие между либералами и тори.

Гладстон разрубил гордиев узел, выступив в защиту гомруля. Но его попытка договориться с лордом Солсбери о компромиссе между двумя партиями по этому вопросу была отвергнута. Решение Гладстона полностью соответствовало основному ходу мыслей либералов, но время, когда оно было принято, диктовалось политической необходимостью. Впоследствии только один раз, в 1906 г., либеральная партия пришла к власти, не опираясь на поддержку членов Парламента – сторонников гомруля. Большинство либералов поддерживало передачу власти местным органам и признавало право наций «на справедливую борьбу за свободу», как заявил Гладстон. В 1886 г. трудно было отрицать, что Ирландия доказала свое право называться такой нацией. Оставался вопрос, признать Ирландию или сокрушить ее. Вполне умеренный билль о гомруле, предложенный Гладстоном в 1886 г., не предоставлял ей независимость, но противники этого закона считали, что, несмотря на уверения Парнелла, билль приведет Ирландию в долгосрочной перспективе к ее обретению. Кроме того, билль не давал никакой гарантии, что протестантское население, живущее в основном в Белфасте, промышленной столице Ольстера, не попадет в подчиненное положение.

Все эти события привели к серьезному кризису в британской политике. Летом 1886 г. во время обсуждения билля о гомруле Либеральная партия раскололась: 93 члена Парламента, в основном виги во главе с лордом Хартингтоном, а также некоторые радикалы под руководством Джозефа Чемберлена, голосовали вместе с тори против. В результате либеральное правительство пало, и наступил двадцатилетний период правления консерваторов (или юнионистов, поскольку так назывались члены коалиции противников гомруля). К либерал-юнионистам (т.е. перебежчиков из лагеря либералов) присоединилась значительная часть либеральных газет и практически вся земельная аристократия, которая, как правило, оплачивала все расходы партии на избирательную кампанию. Такая потеря и денег, и влияния оказалась важнее потери голосов перебежчиков и нанесла либералам главный удар, хотя и в Палате лордов они составляли отныне явное меньшинство.

Раскол 1886 г. ослабил партию, но Гладстон сохранил контроль над ней и над Национальной либеральной федерацией. Ему удалось даже укрепить там свои позиции после совещания в Ньюкасле в 1891 г., когда он принял радикальную программу ассоциации. Таким образом, гомруль крепко связал либерализм с именем Гладстона. До 1886 г. ирландский вопрос блокировал принятие менее значимых мер, и тогда гомруль был не только необходим, но и правилен. После 1886 г. осуществление гомруля стало невозможным из-за Палаты лордов. То есть гомруль одновременно побуждал либералов защищать правое дело, но обрекал на десятилетия поражений!

Вполне естественно, что события в Ирландии повлияли на Шотландию и Уэльс. Там

отделение Церкви от государства тоже стало предметом политической дискуссии, и прошли кампании по земельному вопросу. Но в Шотландии и Уэльсе обошлось без насилия, характерного для многих областей Ирландии, хотя на острове Скай для подавления выступлений мелких фермеров в 1882 г. были использованы войска. Некоторые либералы в обеих частях странах выдвинули лозунг «Гомруль повсюду!». Это движение, подогреваемое общим культурным ренессансом Шотландии, Уэльса и Ирландии, в конце XIX в. оказывало большое влияние на Либеральную партию. Однако в Шотландии и Уэльсе, в отличие от Ирландии, ей удалось взять под контроль националистические настроения, отчасти благодаря тому, что растущий промышленный сектор экономики Шотландии и развитие угледобывающей промышленности в Южном Уэльсе связали эти земли с Британской империей куда прочнее, чем экономику Ирландии. В Южной Шотландии и Южном Уэльсе либерал-империализм одержал верх над национализмом.

Либеральная партия была расколота и, несмотря на предпринятые попытки в конце 80-х годов, так и не сумела объединиться. Позиции тори укрепились. Они не были крайними реакционерами. Хотя в свое время лорд Солсбери резко возражал против либеральных реформ 50-70-х годов, придя к власти, он не делал попыток их пересмотреть. Союз тори с либерал-юнионистами держался не на совместных действиях, а на недопущении определенной политики. Поэтому для периода гегемонии юнионистов в 1886-1905 гг. характерно отсутствие серьезных законодательных инициатив, хотя некоторые билли все же были одобрены: в 1888 г. созданы выборные Советы графств, в 1890 г. приняты меры по улучшению жилищных условий рабочих, а в 1902 г. одобрен Акт об образовании, который открыл путь для создания системы средних школ. Городской электорат, на который рассчитывали тори, хотел, чтобы государственный либерализм 50-60-х годов XIX в. продолжался без либеральных дополнений в виде гомруля. Он отверг либерализм Гладстона не потому, что тот отвернулся от завоеваний свободной торговли, а потому, что либералы слишком далеко ушли от целей того периода. Антигладстонианская коалиция целиком держалась на противодействии гомрулю, и благодаря ему либералы оказались в оппозиции. Когда в начале XX в. противники гомруля попытались пойти дальше, их коалиция немедленно стала терять избирателей. Общая приверженность Либеральной партии гомрулю способствовала этому. Короткое правление либерального правительства меньшинства в 1892-1895 гг. (оно стало последним правительством Гладстона; после его отставки в 1894 г. премьер-министром в нем являлся Розбери) было отмечено попытками принять второй билль о гомруле. Получив одобрение в Палате общин, законопроект провалился в Палате лордов. Либералы привлекли на свою сторону незначительное большинство от английских графств, Шотландии, Уэльса и Ирландии, ноне смогли ни удержать его, ни повторить попытку. Юнионисты одержали убедительную победу в 1895 г., закрепив ее результаты в 1900 г. на волне временных успехов в Англо-бурской войне при проведении так называемых «выборов цвета хаки».

Империалисты поневоле?

Отрицательное отношение юнионистов к гомрулю всегда имело имперскую подоплеку: имперскую власть нельзя девальвировать. Обстоятельства принятия в 1800 г. Акта об унии ясно показали важную стратегическую роль Ирландии, которую гомруль грозил поставить под сомнение. В последней трети XIX в. проблемы империи все чаще оказывались в центре общественного внимания, поэтому мы должны рассмотреть их воздействие на международные позиции Британии.

В целом британцы не особенно стремились к расширению своих имперских владений, и политические группы, ратовавшие за экспансию, не пользовались ни популярностью у населения, ни политическим влиянием. В тех местах, где белые поселенцы жили уже долгое время, было успешно осуществлено разделение власти, примером чему служат Акт 1867 г. о доминионе Канада и Акт 1900 г. об Австралийском Союзе. Однако последние

сорок лет XIX столетия стали свидетелями аннексии обширных территорий в Африке, на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. В 1851 г. Британия была центром мировой торговли и главным морском перевозчиком. Она оставалась им, даже когда ее лидерство в сфере производства товаров в конце 70-х годов пошло на убыль. Поэтому британские интересы распространялись на регионы, где шла торговля, при этом формально британские колониальные власти могли там и не присутствовать. Неформальный империализм, таким образом, предшествовал официальным захватам, что делает далеким от истины известное изречение: «За флагом следует торговля». Почти всегда дела обстояли наоборот. Романы Джозефа Конрада прекрасно иллюстрируют эту ситуацию: в любом, самом отдаленном уголке планеты можно было найти представителя Британии, занимающегося ввозом керосина и вывозом местных продуктов.

Первыми европейцами в Восточной и Центральной Африке были чаще всего миссионеры, такие, как Дэвид Ливингстон, которые проповедовали Евангелие, лечили страждущих и осуждали бесчеловечность торговли рабами на континенте. Экспедиция по спасению Ливингстона в 1871 г., организованная и умело разрекламированная Г.М.Стэнли, составила одну из великолепных приключенческих историй времен королевы Виктории. Именно такие рассказы усиливали интерес к «черному континенту».

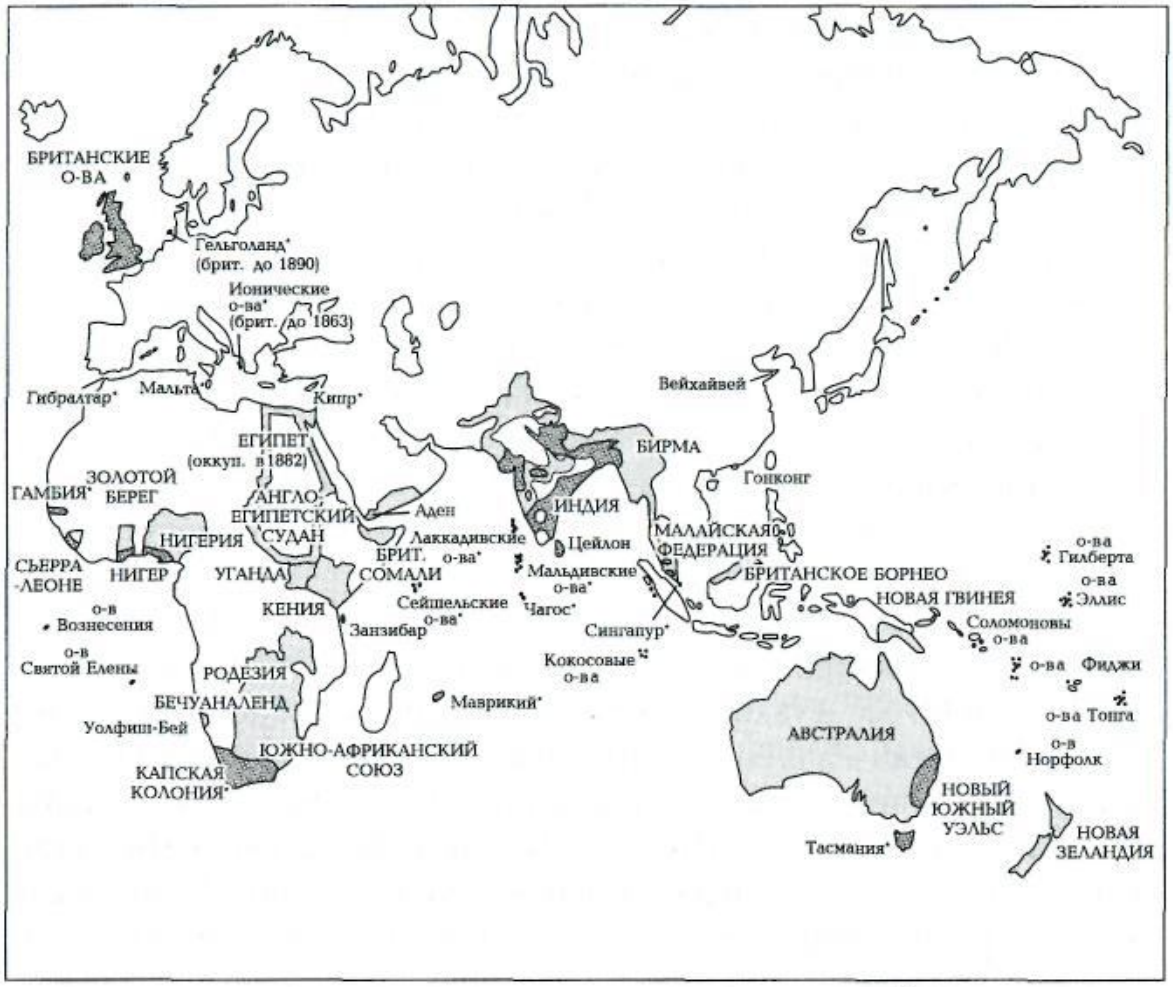
Кое-где британское торговое проникновение поддерживалось силой оружия. Ярким примером тому служила монополия индийского правительства на торговлю опиумом и целая серия «опиумных войн», в результате которых Китаю было навязано неограниченное британское торговое присутствие. Кульминацией этих позорных империалистических захватов стал Тяньцзиньский договор 1858 г., показавший, что в данном случае война была не случайным последствием местного кризиса, а инструментом последовательно проводимой политики. Для того чтобы дать возможность правительству постепенно проникнуть в страну, использовались торговые компании, получившие государственные гарантии на право заниматься коммерцией и управлять данной территорией. Так попали впоследствии под британское владычество Нигерия, Восточная Африка и Родезия. Когда же фирма оказывалась банкротом, что происходило довольно часто, правительству ничего не оставалось, как принять на себя обязанности по ее управлению (например, Британская южноафриканская компания Сесила Родса, которая до 1920 г. ни разу не выплачивала дивидендов, перешла к государству в 1923 г.).

Центром этой огромной и преимущественно неформальной торговой сети была Индия, «главная жемчужина имперской короны», уже не приносящая прежних доходов, но по-прежнему воспринимаемая британцами как основа безопасности их владений вне Европы. После восстания сипаев в 1857-1858 гг. была ликвидирована прежняя Ост-Индская компания, а ее владения перешли непосредственно под управление британской администрации. В 1876 г. по желанию королевы в Вестминстере был принят Акт о провозглашении Виктории «императрицей Индии».

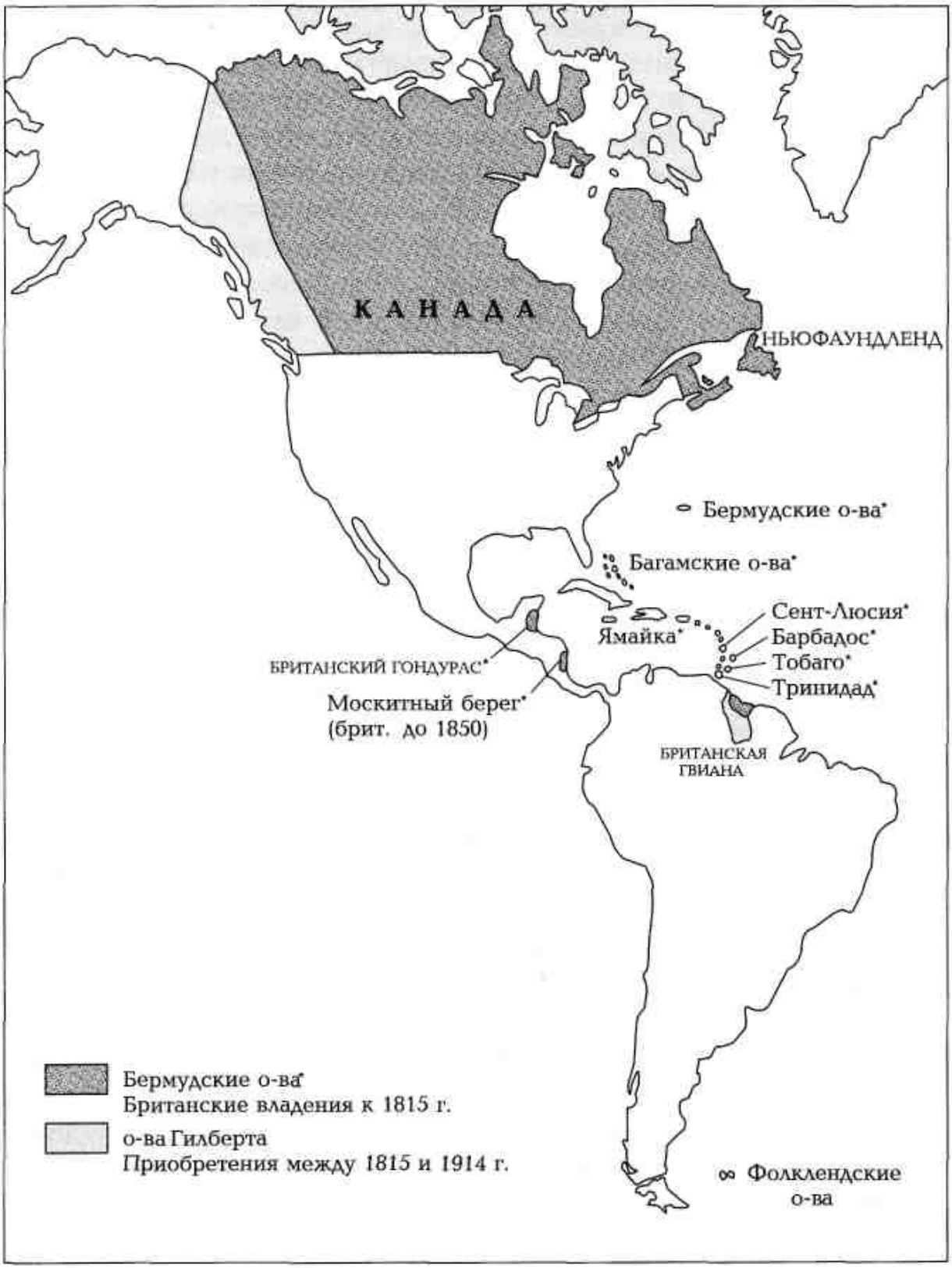
Для охраны Индии и путей, ведущих к этому субконтиненту, был произведен ряд захватов. Нападению подверглись находящиеся в непосредственной близости Бирма и Малайя, причем аннексии были инспирированы из Калькутты правительством Индии, которое систематически проводило в жизнь собственную имперскую программу, причем делало это с присущей ему последовательностью, сильно отличающейся от рискованных методов Лондона. Под британский контроль подпали Египет и Судан, поскольку они располагались на путях к Индии. Отчасти вся экспансия в Восточной и Южной Африке диктовалась соображениями, связанными с Индией. Конечно, это весьма упрощенная картина, поскольку каждый конкретный захват имел довольно сложную подоплеку. Самые запутанные ситуации возникли вокруг Египта и Южной Африки, поэтому о них нужно сказать отдельно.

Через Восточное Средиземноморье тоже пролегал путь в Индию, следовательно, этот район постоянно находился в центре британских интересов, особенно в связи с Россией. Между 1854 и 1856 г. англичане и французы при некотором участии Пьемонта и Сардинии

послали значительный флот и вооруженные силы для поддержки Турции. Крымская война имела довольно сложный комплекс причин, но главной было противостояние России и обширной, но слабой Оттоманской империи. Однако Англия и Франция, «самые передовые» страны Европы, показали себя в этой войне против «отсталой» России не самым лучшим образом, а иногда просто неумело. К тому же снабжение больших армий по морю на значительном расстоянии создавало множество непредвиденных проблем. Газетные сообщения с места событий, передаваемые по телеграфу, рассказывали о тяготах, переживаемых солдатами, и отчетливо рисовали все проблемы и парадоксы войны, ведущейся либеральным государством. Они же сделали знаменитой «леди со светильником» – Флоренс Найтингейл. Военные действия состояли практически из серии осад, завершавшихся большой кровью, как это было в Крыму или в районе Карса, расположенного в азиатской Турции. В этом они стали предтечей войны 1914-1918 гг. Однако Турцию удалось защитить и таким образом спасти от развала всю Оттоманскую империю, частью которой был Египет.



Предполагалось, что Турция будет реформирована и станет современным либеральным государством. Но этого не произошло. В 70-х годах XIX в. она снова оказалась на грани распада и вновь подверглась атаке со стороны России. Правительство Дизраэли по-прежнему проводило крымскую политику сохранения целостности Турции. Оппозиция под руководством Гладстона утверждала, что такая политика бессмысленна и необходимо разделить «европейскую Турцию» на отдельные христианские государства. «Европейский концерт» на Берлинском конгрессе 1878 г. достиг соглашения по этому вопросу, и Дизраэли вернулся в Лондон, привезя с собой «почетный мир» и остров Кипр, который считался важным стратегическим объектом в Восточном Средиземноморье, но оказался непригодным для использования в качестве военно-морской базы.



Расширение Британской империи, 1815–1914 гг.

Вместе с ослаблением Турции возрастала самостоятельность Египта. На его территории началось строительство Суэцкого канала, открытого в 1870 г., и таким образом Египет приобрел большое значение для Британии и для ее связей с Индией. Приток капитала в

Египет в связи со строительством канала дестабилизировал его социально и политически. В 1875 г. Дизраэли выкупил у хедива основную часть акций компании, управлявшей каналом. Поэтому, когда Египет оказался на грани банкротства и произошла попытка военного переворота, Британия не могла оставить без внимания эти события, так как в данном регионе у нее имелся не только стратегический, но и прямой финансовый интерес. После провала усилий отыскать хоть какую-то альтернативу Гладстону в 1882 г. вопреки желанию пришлось пойти на оккупацию Египта, чтобы защитить интересы кредиторов Суэцкого канала. Англичане оставались там вплоть до 1954 г., хотя формально Египет никогда не был колонией и имел тот же статус, что и теоретически независимые княжества Индии. Затем, в результате кампаний 80-х и 90-х годов, был покорен мятежный Судан, и Махди, убийца генерала Гордона в 1885 г., был безжалостно уничтожен Китченером в битве при Омдурмане в 1898 г. Таким образом, ослабление Турции сделало Британию главной действующей силой в Восточном Средиземноморье и Северо-Восточной Африке.

Ситуация в Южной Африке была во многом похожа на вышеописанную, но осложнялась присутствием буров. Капская колония была оккупирована в 1795 г., чтобы обезопасить путь в Индию. Но положение оставалось нестабильным, так как буры в 30-х годах XIX в. переселились в глубь континента и угрожали оттуда Капской колонии. Было предложено несколько планов по созданию федерации с участием буров. В 1877 г. правительство Дизраэли вынудило их принять идею конфедерации, пользуясь тем, что они в то время были ослаблены войной с зулусами. Полная некомпетентность британских военачальников, отличавшая все их военные операции в Южной Африке, привела к поражению и гибели 800 английских солдат при Исандлване. Это стало единственным случаем в истории колониальных войн, когда копья победили ружья. Конечно, победа оказалась временной, и зулусы были разгромлены при Улунди в 1879 г. Тогда буры решили вернуть себе независимость. Война была недолгой, и после того, как бурам удалось одержать верх над небольшой группой британских солдат в сражении при Маюбе-Хилл в 1881 г. – этой военной операции пропаганда приписала из ряда вон выходящее значение, совершенно не соответствующее истине, – было подписано расплывчатое соглашение. По нему Трансвааль и Оранжевое свободное государство получили независимость, но под британским сюзеренитетом. Однако растущий объем добычи алмазов и открытие месторождений золота в Трансваале в 1886 г. изменили ситуацию. С финансовой точки зрения теперь Южная Африка в полном смысле слова стала главной драгоценностью империи. Приток капитала, направляемый людьми, подобными Сесилу Родсу, разрушил сельскохозяйственную экономику буров, так же как это произошло в Египте. Трансвааль, подобно Египту, оказался на грани банкротства, но буры под руководством Пауля Крюгера сохраняли жесткий политический контроль над страной. Сподвижник Родса, доктор Джемсон, попытался организовать мятеж уитлендеров (британцев, живших в Трансваале, но не имевших политических прав), который провалился в 1896 г. Новый Верховный комиссар Альфред Милнер решил восстановить британское правление в бурских республиках и с помощью военных действий сокрушить Крюгера. Он спровоцировал Крюгера на то, чтобы в 1899 г. атаковать Капскую колонию, и началась маленькая, «ограниченная» война (как о ней тогда думали). Но буры были обеспечены немецким оружием, а британцы, привыкшие вести колониальные войны против туземцев, не знавших военной дисциплины и не имевших современного вооружения, оказались в беспомощном положении. Они потерпели ряд поражений, прежде чем в 1900 г. заняли несколько бурских городов за счет превосходящей силы оружия.

Казалось, война окончена, и Чемберлен, министр по делам колоний, убедил Солсбери начать избирательную кампанию, которая получила наименование «выборы цвета хаки». В результате победили юнионисты. Но буры отказались признать поражение и начали тревожить британцев партизанскими вылазками. Английские войска в ответ на это стали жечь фермы буров, вырубать заросли и систематически сгонять бурские семьи в «концентрационные лагеря». Высокая смертность в этих лагерях вызвала протесты

общественности в Британии. «Когда война перестает быть войной?» – спрашивал сэр Генри Кемпбелл-Баннерман, который сменил Розбери на посту лидера либералов. И сам себе отвечал: «Когда она ведется такими варварскими методами, как в Южной Африке». В 1902 г. начались мирные переговоры. Это значило, что Милнеру так и не удалось уничтожить социальную и политическую структуру государства африканеров.

Реакция fin-de-siècle: новый взгляд на государство

Англо-бурская война оказалась чрезвычайно дорогостоящей, на нее было потрачено больше, чем на все другие британские имперские подвиги XIX в. Победить буров так и не удалось, зато рухнула гладстонианская система государственного финансирования, и правительственные расходы поднялись на новую высоту, с которой они более никогда не опускались. Война ясно и без прикрас показала всему народу те проблемы, которые уже давно занимали интеллигенцию. Империя сохранила силу и единство – белые колонии с готовностью посылали на помощь свои войска, – но у нее также выявилось множество слабых мест. Она была слишком велика и неуправляема. Британский флот лишился своего неоспоримого превосходства – теперь ему угрожал французский флот (совместно с немецким, итальянским, американским и японским). Политика «блестящей изоляции» становилась опасной. Еще в 1870-1890 гг. казалось, что самым очевидным врагом Британии была Франция, а Германия – вероятным союзником. Но план модернизации германского военного флота, принятый в 1898 г., требование «места под солнцем» для Германии, сопровождавшееся поддержкой Крюгера во время англо-бурской кампании, превратили Германию в потенциальную угрозу. Подобные настроения отразились в классическом шпионском романе Эрскина Чилдерса «Загадка песков» (1903). Безопасный морской путь по Индийскому и Тихому океанам был гарантирован англо-японским договором 1902 г. За этой первой попыткой ограничить имперские притязания последовали другие соглашения (*Ententes*), разрешавшие противоречия между Британией и Францией в Северной Африке (1904) и между Россией и Британией по поводу Персии (1907). Таким образом, Англо-бурская война изменила внешнеполитический курс страны. Хотя формально в соглашениях говорилось о территориях вне Европы, их истинное значение касалось отношений между европейскими державами, которые в ту пору становились все напряженнее. Хотя эти договоренности и не были союзами, они до некоторой степени склоняли Британию на сторону франко-русского альянса против Германии и Австрии. Правда, еще не вполне было ясно, до какой именно степени.

Озабоченность по поводу безопасности в мире после бурской войны заставила общественное мнение Британии задуматься о прочности ее экономического положения, так как от него зависела мощь страны. Подавляющее превосходство британской экономики 50-х годов XIX в. ушло в прошлое. США, Германия, Франция и Россия стали большими индустриальными державами, причем Америка и Германия в некоторых секторах экономики уже превосходили Британию, которая стала теперь одной из многих, утратив положение первопроходца. Но ее общество и правительство продолжали вести себя так, будто все оставалось по-прежнему. Либеральное государство 50-х и 60-х годов, с его принципами свободной торговли, минимальных правительственных расходов, автономностью и саморегуляцией экономики, продолжало функционировать, охраняемое кабинетами консерваторов почти столь же тщательно, как и либералов. Расходы центрального правительства на душу населения в 1851 г. составляли 2 фунта стерлингов, в 1891 г. они достигли всего 2,5 фунта (к 1913 г. увеличились до 4 фунтов). В 80-х и 90-х годах такая ситуация подвергалась критике, а Англо-бурская война только подтвердила правильность критики.

Медленное развитие событий во время Крымской войны 1850-х гг. дало повод говорить о некомпетентности правящей элиты. Военные неудачи в Южной Африке и слабая подготовка солдат заставили имущие классы требовать изменений в экономическом,

социальном и даже политическом устройстве страны.

Но прежде чем говорить о различных школах, критиковавших традиционный английский либерализм, нужно отметить огромное влияние социал-дарвинизма. Раньше позитивисты были горячими сторонниками *laissez-faire.* Однако в 80-90-х годах XIX в. социал-дарвинизм приобрел новые формы. Принцип «выживает сильнейший», который раньше относили к рыночной конкуренции между отдельными людьми, теперь стали применять к соревнованию между государствами. Это резко сократило число его участников, но поставило новые вопросы, которые были порождены эпохой империализма: не проще ли изучать поведение «рас», чем несметного числа индивидуумов, и могут ли «передовые расы» управлять собственным развитием, изменяя свою политическую, социальную и даже генетическую организацию? Подобная концепция, ставшая результатом соединения английской науки об эволюции и немецкой органической теории общества, оказала мощное воздействие на современную философскую мысль. О «расах» говорили все реформаторы, несмотря на политические разногласия, от сторонника правых идей – поэта Редьярда Киплинга, философов и новых либералов Дж.А.Хобсона и Л.Г.Хобхауса, – до Дж.Б.Шоу, которого считают писателем и драматургом, придерживавшимся левых взглядов. Популярная интерпретация социал-дарвинизма очень легко превратилась в теорию расового превосходства, связанную с империализмом. Она подогревалась сообщениями прессы о победах во множестве колониальных конфликтов. Репортажи в газетах сообщали о личных подвигах и предприимчивости англичан, о «деяниях на благо Империи», забывая упомянуть об огромной разнице в технической оснащенности между хорошо обученными европейскими армиями, вооруженными ружьями, а начиная с 90-х годов и пулеметами, и туземными воинами, основным вооружением которых были копья и в лучшем случае мушкеты.

Классическое либеральное государство времен королевы Виктории подвергалось критике с трех основных направлений: во-первых, со стороны консерваторов и юнионистов, считавших, что их политическое лидерство чрезмерно ограничено канонами финансово-бюджетной политики Пиля – Гладстона; во-вторых, со стороны либералов, полагавших, что либерализм должен двигаться дальше, навстречу вызовам времени; в-третьих, со стороны социалистов, которые, хотя бы на первый взгляд, стремились к полному изменению государственного устройства. В результате соединения всех трех элементов появился лозунг «национальной эффективности». Он указывал на стремление так употребить государственную власть, чтобы утвердить «имперскую расу» для достойного ответа на вызовы окружающего мира.

Государство, проповедовавшее свободу торговли, всегда подвергалось нападкам. Во второй половине XIX в. самым влиятельным его критиком был Джон Рёскин, искусствовед и социальный мыслитель, чьи политические взгляды с трудом поддаются определению. Его мощная проза атаковала эстетику индустриального общества, например, в работе «Последнему, что и первому» (1862), но позиция Рёскина оставалась внесистемной. Его эстетические идеи были подхвачены «Братством прерафаэлитов», группой художников, писателей и мастеров-ремесленников, чьи взгляды особенно ярко выразились в творениях Уильяма Морриса. Прерафаэлиты превозносили ценности доиндустриальной Англии, мифической страны ремесленников и довольных жизнью крестьян, земли романтизма. Это художественное течение оказало сильное влияние на дизайн и архитектуру жилищ, что получило воплощение в «английском стиле» домов Нормана Шоу, а в самом конце XIX столетия – в творчестве Латьенса. Им отмечены самые впечатляющие сооружения в новых пригородах. Именно образы Уильяма Морриса породили надолго его переживший социалистический идеал – самодостаточное общество честных и равноправных йоменов. Моррис не восставал против индустриального общества, он его игнорировал.

Идеи прерафаэлитов, их критика буржуазной морали была подхвачена эстетами 80-х и 90-х годов XIX в. Среди них выделялся острослов и драматург Оскар Уайльд. Причиной крушения Уайльда, как и его современника, ирландца Парнелла, стало публичное

разоблачение его сексуальных наклонностей. Весьма примечательное эссе Уайльда «Душа человеческая при социализме» является примером связи эстетизма и индивидуалистического, но не коллективного социализма.

Начиная с 1884 г. социалистическое движение дополнилось Фабианским обществом, возникшим в Лондоне. Его членами были такие последовательные сторонники социальной эволюции, как Сидней и Беатрис Уэбб, Джордж Бернард Шоу, Герберт Дж.Уэллс. Позднее к ним присоединился Рамсей Макдональд. Либеральный экономический порядок, с точки зрения фабианцев, был не то чтобы несправедливым, но неэффективным и затратным. Они считали, что экономика и рынок рабочей силы, централизованно управляемые с помощью высокопрофессиональных специалистов, преодолеют эту неэффективность и уничтожат такие побочные продукты цикличности экономического развития, как безработица и нищета. По их мнению, эта цель могла быть достигнута законодательными мерами без революций (отсюда название – Фабианское, – данное по имени римского полководца, чьей тактике оно подражало). Возможно, главным вкладом фабианцев в социалистическое движение было то, что они помогли британским левым по-новому взглянуть на понятие «прогресс», которое в 80-х годах сузилось из-за постоянной борьбы вокруг гомруля. Фабианское общество адресовало свои идеи интеллигенции, они не пытались стать всенародным движением.

Тем временем недовольство либерализмом гладстонианского толка приобрело всеобщий характер. Шахтер из Айршира Кейр Харди стал выразителем мнения, согласно которому рабочий класс, объединенный в профсоюзы, должен иметь своих представителей в Палате общин, где члены Парламента в то время работали бесплатно. Харди был избран в Парламент от Вест-Хема в 1892 г., а до этого, в 1888 г., участвовал в создании Парламентской рабочей партии Шотландии и основал в Бредфорде Независимую рабочую партию (НРП) в 1893 г. НРП считала себя социалистической, но не сумела создать организацию, пользующуюся всенародной поддержкой. Она разделяла антиимпериалистическую риторику либералов, поддерживала лозунг «Гомруль повсюду!» и призывала к национализации. Социал-демократическая федерация Гайндмана более энергично проповедовала идеологию, близкую к марксистской, но в весьма малой степени получила поддержку в народе.

Старый либерализм, новый либерализм, лейборизм и налоговая реформа

Все эти новые движения имели ограниченное влияние. Либералы по-прежнему оставались главной «левой» партией (это слово впервые вошло в британский политический обиход в 80-х годах XIX столетия). Тем не менее новые идеи витали в воздухе, и либералы, почувствовав угрозу своему положению, с большей активностью сосредоточились на современных проблемах. В последние два десятилетия XIX в. они приняли достойное участие в интеллектуальных дискуссиях. Всегда будучи партией, призывавшей к земельным реформам, либералы с энтузиазмом подхватили мысли, изложенные в работе американца Генри Джорджа «Прогресс и нищета» (1880). Отвечая обобщенно на вопрос: «Почему в условиях накопления богатств существует нищета?», Джордж отвечал: потому что землевладелец получает ренту, а рабочий человек не имеет свободного доступа к земле ни в городе, ни в деревне. Решением проблемы могло бы стать радикальное и эффективное изменение налогообложения земли путем введения единого налога. Эта тема стала главной для радикалов в период до начала Первой мировой войны, а также после ее завершения.

«Почему мы сидим и спокойно смотрим на ужасное состояние дел, которое даже хуже прежнего положения женщин и детей, проживавших в шахтерских и фабричных поселках?» – вопрошал Арнолд Тойнби, либерально-христианский историк и радикал. Он и Т.Х.Грин своим радикализмом оказали большое влияние на умы в 70-х и 80-х годах XIX в. Последователи Тойнби, такие, как Кенон Барнетт, основатель Тойнби-холла в Восточном Лондоне в 1884 г., способствовали тому, что интеллигенция (часто руководствуясь

религиозными мотивами) стала изучать реальные проблемы рабочих и, кроме того, осознала, что эти проблемы невозможно разрешить усилиями отдельных людей. «Передовые радикалы» начали требовать от правительства активизации участия государства в экономике и большего «позитивного либерализма», направленного на то, чтобы каждый человек, будь то мужчина или женщина, имел возможность развивать свои способности. Для этого требовались деньги, и либералы считали, что их следует получить, увеличив прямое налогообложение, в частности введя налог на наследство и прогрессивный подоходный налог. Таким образом, одновременно с перераспределением богатства происходило бы увеличение доходов государства. Важный шаг в этом направлении сделало в 1892-1895 гг. правительство либерального меньшинства, которое оплатило социальные реформы и расходы по содержанию флота из денег, полученных от впервые введенного налога на наследство. Это движение, получившее наименование «новый либерализм», было попыткой оправдать систему свободного рынка, сделав ее справедливой. Оно ставило целью усовершенствовать, а не свергнуть капитализм. Самым лучшим пропагандистом «нового либерализма» явился Дж.А.Хобсон, осуждавший «аморальный» капитализм и надеявшийся обратить либеральную партию, в свою веру, с тем чтобы она сохранила популярность среди народа и вовлекла в свои ряды городской рабочий класс. Это помогло бы избежать ситуации, сложившейся в Германии, где рабочие сформировали на классовой основе свою собственную марксистскую партию, отвергавшую законность немецкого государства. Политическая необходимость, в свою очередь, требовала от Либеральной партии изменения политики. После того как правительство приняло ряд враждебных профсоюзам решений, в результате которых они лишились права пикетирования и были вынуждены возмещать предпринимателям убытки, понесенные во время забастовок (как это случилось в знаменитом деле Таффской долины 1900-1901 гг.), некоторые быстрорастущие профсоюзы присоединились к НРП и образовали в 1900 г. Комитет рабочего представительства (Labour Representation Committee). Разделенные после Англо-бурской войны на три течения, либералы были в то время настолько слабы, что ничем не могли помочь профсоюзам, которые до того придерживались либеральной ориентации. Секретарь Комитета рабочего представительства Рамсей Макдональд в феврале 1903 г., начал переговоры с либералами, чтобы объединиться для предвыборной борьбы, не дробить прогрессивный электорат и не допустить победы юнионистов. Были достигнуты договоренности на местном уровне, в результате которых у кандидатов-лейбористов появился реальный шанс быть избранными.

Подобное соглашение между двумя левыми партиями показало, что у них есть широкое пространство для достижения договоренности: Лейбористская партия (Labour Party) – так стал назваться Комитет с 1906 г. – была частью «партии прогресса», во всяком случае в то время, и она разделяла стремление к реформам и приверженность свободе торговли.

Юнионисты (так стала называться коалиция тори и либерал-юнионистов, когда в 1895 г. Джозеф Чемберлен и лорд Хартингтон, лидеры либерал-юнионистов, вошли в кабинет лорда Солсбери) хотели оставить британское политическое устройство в неизменном виде. Многие из них стремились сохранить закрепленные в нем фискальные установления и оставались фритредерами. Лорд Солсбери, несмотря на подавляющее большинство в обеих палатах Парламента, не оказал поддержки политике протекционизма. Однако империалистическая фракция внутри его собственной партии полагала, что протекционизм становится насущной необходимостью. При этом приводились три главных довода. Первый: благодаря государственной поддержке развивающейся промышленности успех американской и немецкой экономики стал очевидностью. Кроме того, характерные для современности высокотехнологичные производства, такие, как химическое, электротехническое, автомобилестроение, требуют государственного содействия. Без него, без некоторого уровня планирования и более тесного взаимодействия между промышленностью и образованием, т.е. без того, что требует вмешательства государства, Британия не выдержит конкуренции. Второй: Имперский таможенный союз, подобный

немецкому *Zollverein* начала XIX в., объединил бы экономику империи. Внутри него на долю Британии пришлась бы обрабатывающая промышленность, а на долю колоний – добыча сырья. Третий довод: консерваторы считали, что единственной альтернативой прямому налогообложению являются пошлины, в том числе на продукты питания, которые дадут возможность найти средства на проведение социальных реформ, необходимые «имперской расе», чтобы выдержать жесткую конкуренцию, ожидающую ее в будущем. И в 1903 г. Джозеф Чемберлен, который был в то время еще министром колоний, начал кампанию за тарифную реформу, чем озадачил премьера Артура Бальфура, который за год до этого сменил на данном посту своего дядю, лорда Солсбери. Несмотря на то что кампания за тарифную реформу была прекрасно организована и профинансирована, она привела к расколу партии юнионистов (молодой Уинстон Черчилль был среди немногих членов Парламента, покинувших ее ряды). Как показала серия дополнительных голосований избирателей и всеобщие выборы 1906 г., электорат тоже ее не принял: либералы, а вместе с ними и 29 лейбористов победили с огромным большинством. В 80-х и 90-х годах XIX в. Британия отвернулась от гомруля, но не от фритредерства. Традиция открытого рынка и дешевых продуктов, унаследованная от Пиля – Гладстона, перевешивала другие соображения. Эффектный лозунг либералов: «Большая буханка и маленький кусочек» – сыграл свою роль.

Победа либералов на выборах 1906 г. была результатом воздействия негативных факторов: враждебного отношения избирателей к тарифной реформе, неприятия нонконформистами Акта об образовании 1902 г., внесенного правительством Бальфура (ряды нонконформистов в это время значительно пополнились благодаря возрождению в народе религиозного чувства), и общего недовольства имперской политикой юнионистов. Самое главное – атмосфера в стране изменилась. Еще немало оставалось сторонников «старого либерализма» и «старого торизма», но либеральное государство времен королевы Виктории подвергалось резкой критике и справа, и слева, и со стороны самих либералов.

Начало века было отмечено спорами по поводу того, когда он начался – 1 января 1900 или 1901 г., а также распространением различных технических новшеств, которые вошли в употребление еще в 90-х годах XIX в., но из-за недоработок не находили широкого спроса. Это электрическое освещение и телефоны в домах состоятельных людей, пишущие машинки, граммофоны, автомобили, а позднее радио и аэропланы. В Колне (графство Ланкашир) было построено первое в мире здание, специально предназначенное для показа кинофильмов. Совершенно неожиданно оказалось, что викторианский период и все связанные с ним заботы остались где-то в далеком прошлом. Смерть трех самых известных людей той эпохи: Гладстона в 1898 г., самой королевы Виктории в 1901 г. и Солсбери в 1903 г. – стала логическим ее завершением.

Эдвардианская эпоха: скрытый кризис государства

Переоценка государства XIX в. началась с появления целой серии социальных исследований 1890-х и 1900-х годов, посвященных рынку труда и условиям жизни трудящихся, таких, как «Жизнь и труд населения Лондона» Чарлза Бута (это произведение выходило с 1889 по 1903 г. в четырех выпусках и составило 33 тома), а также «Нищета: исследование условий городской жизни» Сибома Раунтри (1901). Бут и Раунтри впервые сделали попытку дать определение понятию «нищета» как социальному феномену (в отличие от Закона о бедных, который трактовал пауперизм как правовую категорию). Раунтри обнаружил, что 27% жителей Йорка проживали в ситуации «первичной или вторичной нищеты», по его определению. Конечно, начиная с 80-х годов XIX в., уровень жизни рабочих вырос, но исследования показали, что значительная часть населения по-прежнему живет «в нищете» (относительное определение) или на грани экономической катастрофы. Такое положение вещей резко контрастировало с роскошью плутократии, о которой говорилось выше, королевского двора и аристократии.

Сведения о том, что 30% населения бедствует, поразили современников. Однако из этих же цифр следовало, что 70% живут в достатке, что было бы немыслимо в дни царствования «железного закона оплаты труда», т.е. в середине XIX в. Еще в 60-х годах Гладстон, будучи канцлером казначейства, признал, что экономика функционирует, порождая «огромную массу нищих». Викторианцы понимали, что живут, видя, с одной стороны, изобилие, а с другой – страдание, хотя почти не говорили об этом вслух и не знали, как этому помочь. Мэтью Арнолд в работе «Культура и анархия» (1869) писал о том, что в лондонском Ист-Энде «скучилась огромная неуправляемая масса несчастных, опустившихся людей». Реакция современников принимала форму частной благотворительности, направленной на облегчение участи либо индивидов, лично им известных, либо той категории, которая называлась «достойные бедняки», например разорившихся дворян. Систематические исследования, проведенные в начале XX в., не только встревожили общественное мнение картиной обеднения «имперской расы», но и показали, что эту проблему можно и нужно решить. Ведь до той поры, пока объем задачи не определен, за ее разрешение нельзя браться. Альфред Маршалл, ведущий экономист фритредерства, заметил по этому поводу: «Если проблему 1834 г. можно определить как проблему пауперизма, то в 1893 г. она стала проблемой бедности». Он имел в виду, что проблему бедности можно оценить и решить.

Когда после смерти Кемпбелл-Банермана в 1908 г. Асквит стал премьер-министром, правительство либералов 1905-1907 гг. сделало первую попытку как-то найти решение этих вопросов. Были введены бесплатные школьные завтраки (1907 г.) и пенсии по старости в соответствии с планом, разработанным в 1908 г. Асквитом еще до того, как он стал премьер-министром, и проведенным через Палату общин Дэвидом Ллойд Джорджем, его преемником на посту канцлера казначейства. В 1909 г. был принят Акт о развитии, предвосхищавший кейнсианское дефицитное финансирование, созданы биржи труда. По инициативе Уинстона Черчилля и Ллойд Джорджа проведен закон о страховании рабочих (Билль о национальном страховании 1911 г.), по которому для некоторых категорий трудящихся предусматривались обязательные выплаты со стороны государства, предпринимателя и самого наемного рабочего, чтобы из этих сумм выдавать пособие на случай болезни или потери работы. Подобные шаги, а также множество других мер стали первыми законодательными вехами на пути к современному государству всеобщего благосостояния. В их основе лежало отрицание викторианского принципа, согласно которому только личной честностью и усердием можно добиться скромного достатка. Реформы означали признание того, что капитализм расточителен, неэффективен и причиняет страдания, невзирая на достоинства людей, а также что одной только воли недостаточно для достижения успеха. Тем не менее это были реформы, проводимые фритредерами, которые верили, что после небольших изменений и ликвидации отдельных несправедливостей капитализм можно сделать «справедливым».

Хотя эти преобразования были весьма дорогостоящими, их поддержало значительное большинство населения. Разногласия вызывали пути нахождения денег на их осуществление, поскольку в то же время нужно было изыскать средства на строительство дредноутов для военного флота, чтобы достойно противостоять немецкой морской экспансии. Сторонники тарифной реформы настаивали на введении протекционных косвенных налогов, либералы же инициировали расширение прямого налогообложения. Бюджет 1909 г., предложенный Ллойд Джорджем, довел решение этой давней проблемы до решающей стадии, обложив «суперналогом» доходы богачей и сделав попытку ввести эффективный налог на землю. Бальфур вместе с юнионистами использовали Палату лордов, чтобы отклонить такой бюджет.

Это явилось кульминацией деятельности Палаты лордов по срыву законодательной работы либералов – Билль о гомруле 1893 г. и целый ряд предложений 1906-1908 гг. оказались либо сильно изменены, либо отвергнуты целиком. Отклонение бюджета (что традиционно было прерогативой Палаты общин) ударило по основному принципу британского представительного правления. Юнионисты утверждали, что законодательные

финансовые инициативы либералов покушаются на социальные устои, хотя, как известно, налоги всегда шли на решение общественных задач. В результате двух всеобщих выборов 1910 г. либералы в Парламенте попали в зависимость от поддержки ирландцев и лейбористов, но при этом они все равно составляли большинство против лордов. Руководство юнионистов, хотя и не все члены партии, признало свое поражение: парламентский акт 1911 г. ограничил право вето Палаты лордов двумя годами.

Великая политическая баталия началась по поводу главного социального вопроса: на кого падет основное бремя налогов – на богачей, в результате введения «суперналога», или на бедняков, если будут применены пошлины на ввоз продуктов. В процессе его решения возникли проблемы конституционного устройства. Либералы по требованию своих ирландских сторонников предложили на рассмотрение Парламента третий закон о гомруле, который был принят Актом Парламента в 1914 г. вместе с решением об отделении Англиканской церкви от государства в Уэльсе, хотя действие этого закона было приостановлено на время Первой мировой войны.

Юнионистам против воли, но пришлось примириться с бюджетом либералов, однако принять гомруль было выше их сил. С молчаливой поддержки своего нового лидера, Эндрю Бонар Лоу, который сменил лорда Бальфура в 1911 г., они в полном смысле взяли на вооружение лозунг Рандольфа Черчилля 1886 г.: «Ольстер будет сражаться, и Ольстер будет прав!» В Северную Ирландию направлялось оружие, по большей части немецкое, причем никакой уверенности в том, что армия сохранит верность правительству, не было. Электорат Соединенного Королевства уже три раза отказывал юнионистам в праве на власть, но они все равно сумели в 1914 г. подвести Ирландию к самому краю гражданской войны. И это несмотря на то, что либералы хотя и с опозданием, но пошли на значительные уступки в вопросе об Ольстере. Начало Первой мировой войны помешало потомкам узнать, готовы ли были юнионисты переступить эту черту.

Период истории Британии времен короля Эдуарда оказался весьма беспокойным для политиков. Возрождение либерализма и готовность либералов заняться многими вопросами, которые давно откладывались или игнорировались, нанесли болезненный удар юнионистам, считавшим себя единственными настоящими руководителями нации.

Хотя упадок старый элиты являлся главной проблемой того времени, в обществе возникли новые силы и активные движения. Еще в 1867 г. Дж.С.Милль попытался внести в Билль об избирательной реформе изменения, дающие женщинам право голоса. С тех пор в обществе многое изменилось: часть женщин получила право голоса на местных выборах и на выборах в синод Англиканской церкви, теперь они могли избираться в местные и школьные советы, а также в благотворительные общества помощи бедным. Однако исполнять роль помощника священника, доктора или члена Парламента, работать в должности секретаря благотворительного общества, где председателем, как правило, был мужчина, или сдавать университетские экзамены без получения диплома, иными словами, продолжать делать на общественном поприще лишь то немногое, что было позволено женщине в 70-80-х годах XIX в., теперь стало явно недостаточно. Отсутствие возможности принять участие в парламентских выборах воспринималось уже как поражение в правах. Кампания за женское равноправие стала борьбой за новое понимание гражданских прав в целом. Национальный союз обществ за женское равноправие, организованный миссис Фосетт в 1897 г., объединил целый ряд давно существовавших организаций. Союз представлял собой организацию безупречно либерального направления и делал заметные успехи. Однако вскоре его оттеснил на второй план Социальный и политический союз женщин (СПСЖ), образованный в 1903 г. мисс С.Панкхерст. СПСЖ проповедовал насильственные меры, направленные против собственности и некоторых политиков, и приветствовал тюремное заключение и голодные забастовки своих членов, что приводило к тяжелым испытаниям, а иногда и к их смерти. Теперь трудно сказать, чего больше, пользы или вреда, принес СПСЖ борьбе за равноправие женщин. С одной стороны, он привлек к женскому вопросу общественное внимание, но с другой – насильственные методы

оттолкнули от него многих потенциальных сторонников в Парламенте, в частности премьер-министра Асквита, и в результате борьба была временно проиграна. Несмотря на объединенную поддержку Либеральной и Лейбористской партий, а также некоторых представителей партии юнионистов, к 1914 г. никаких законодательных решений по этому вопросу принято не было.

В годы правления Эдуарда VII заметно выросло профсоюзное движение. Если в 1901 г. насчитывалось 2 млн членов профсоюзов, то в 1913 г. их стало 4,1 миллиона. После 1908 г. рост цен и отсутствие прибавки к зарплатам заставили молодое профсоюзное движение показать свою силу. В период между 1910 и 1912 гг. произошел ряд крупных забастовок, а в 1911-м – первая всеобщая стачка железнодорожников, которую канцлер казначейства Ллойд Джордж сумел довольно ловко «спустить на тормозах», – что тоже стало в своем роде прецедентом. Вступить в Лейбористскую партию мог только член профсоюза, к тому же многие профсоюзы присоединились к ней в качестве коллективных членов (в частности, присоединение профсоюза горняков, который прежде поддерживал либералов, стало для лейбористов настоящим триумфом). В результате партия быстро набирала силу. Как следствие бурных идеологических дебатов, в основном утопических по содержанию (значительное число породивших их идей было почерпнуто у Уильяма Морриса), возникла целая сеть местных отделений, у которых совсем не было средств для воплощения этих идей. Лейбористская партия довольно уверенно прошла в Палату общин, хотя и небольшим числом – договоренность с либералами принесла им 30 мест в Парламенте после выборов 1906 г. Такой скромный успех никого не удивил, ведь в промышленных районах, где у лейбористов могло быть больше всего сторонников, 60% мужчин не имели права голоса. В тот период группа лейбористов в Палате общин видела свою задачу в отстаивании интересов тред-юнионов, и она добилась изменения первоначального варианта либерального Закона о конфликтах в промышленности 1906 г., чтобы предотвратить ущемление интересов профсоюзов. Закон был принят для разрешения спора, возникшего вследствие дела Таффской долины. Однако лейбористы высказывали мнение не только по разным социальным проблемам, но и по внешнеполитическим вопросам. Медлительность Вестминстера заставляла многих профсоюзных деятелей, особенно представителей уэльских шахтеров, обратиться к синдикализму, т.е. к практике «прямого воздействия» тред-юнионов на Парламент и весь государственный механизм для обеспечения рабочего контроля.

Само существование и успешная деятельность Лейбористской партии, неразрывно связанной с ростом и проблемами профсоюзного движения, наглядно показывали ее социальное и интеллектуальное отличие от либералов. Солидарность лейбористов основывалась на культурном и социальном родстве, на общности труда и отдыха рабочих, на их восприятии себя как отдельного класса. Это не было отчуждением от имущих классов, но рабочие чувствовали, что они другие. Либералы только укрепили их в таком убеждении, поскольку не приняли рабочих в качестве своих кандидатов в Парламент. Несмотря на согласие по многим политическим вопросам, члены Либеральной ассоциации, как правило представители среднего класса, игравшие главную роль в избирательных округах, никогда бы не согласились проголосовать за кандидата, который, по их понятиям, может входить в дом только через черный ход для слуг.

«Лету в Англии конец»

Перед обновленным либерализмом эдвардианского периода стояло множество проблем. Но два первых либеральных правительства нового века сумели приступить к их решению динамично и изобретательно. Они во многом разрешили кризис вокруг фискальной политики, социального обеспечения, социализма и милитаризма (хотя Ирландия представляла собой исключение), в то время как на континенте к 1914 г. некоторые страны оказались из-за этих проблем в политическом тупике. Правление либералов пришло к

концу не из-за внутренних раздоров, а из-за внешней политики. Мы уже отмечали ранее двойственность политики лорда Лэнсдауна и сэра Эдварда Грея, министров иностранных дел, соответственно, в правительствах Бальфура и либералов, относительно европейских *Entente.* В системе равновесия государств Европы Британия безоговорочно склонялась на сторону франко-русского союза, но открыто этого не выражала. Секретные военные переговоры между Британией и Францией после 1905 г. только усилили данную тенденцию. Будучи крупнейшей державой, Британия, тем не менее, почти не оказывало прямого влияния на положение дел в Европе. Экспедиционный корпус, созданный Р.Б.Холденом в результате военных реформ, предназначался для действий на континенте, но был совсем небольшим по сравнению» с огромными армиями, которые набирали европейские страны по обязательной воинской повинности. Германия просто не принимала его в расчет и в конце концов за это поплатилась. Поскольку концепция «европейского концерта» постепенно уступала место националистическим притязаниям, Британия тоже самоустранилась. Грей избегал подписывать какие-либо официальные соглашения, хотя сам был настроен резко антигермански. Но к 1910 г. стало ясно, что если у Британии будет противник в Европе, то им станет Германия. Враждебность между двумя странами особенно усилилась после серии инцидентов в Северной Африке, на Балканах, в Турции, а также в результате развертывания немецкой военно-морской программы, несмотря на все попытки Британии в ходе переговоров 1911-1912 гг. добиться соглашения по ограничению флотов. Враждебность начала принимать культурные, а не только дипломатические и военные формы. Если раньше британцы испытывали по отношению к достижениям Германии уважение, смешанное с озабоченностью, то в 90-х годах XIX в. оно сменилось тревогой и страхом.

После того что произошло на Балканах и в Центральной Европе в июне-июле 1914 г., события быстро покатились к войне, и Германия решила, что настал ее час утвердить свое господство в мире. Британия в той ситуации практически не оказывала влияния на ситуацию. Она меньше всех других крупных европейских держав, за исключением, может быть, России, выигрывала в результате войны. И если бы немцы не оккупировали Бельгию, трудно сказать, вступил бы кабинет либералов в войну или нет. Однако немцы пренебрегли традиционной заинтересованностью Британии в обеспечении стратегического положения Нидерландов, а также тем, что они вместе с англичанами в 1870 г. гарантировали Бельгии независимость и соблюдали договор во все время Франко-прусской войны. Нападение на Бельгию решило дело, и Асквит, которого поддержало правительство, кроме двух лиц, подавших в отставку, – Джона Морли и Джона Бёрнса, вступил в войну. Он сделал это с тяжелым сердцем. Политическое руководство Британии вовсе не разделяло легкомысленное убеждение толпы, жаждавшей войны, что она должна «завершиться к Рождеству».

К войне на континенте Британия была подготовлена крайне плохо не только психологически, но и чисто физически. Ведение боевых действий на суше, например в Крыму или Южной Африке, считалось делом профессионалов и небольшого числа добровольцев. Военная доблесть ценилась в среде аристократов, джентри и становилась все популярнее в привилегированных школах, но на остальное население страны она не производила впечатления. Попытки правых милитаризовать общество провалились, несмотря на то что в 50-х годах XIX в. была создана милиционная армия, а потом и другие военизированные объединения – Стрелков и Волонтеров, вплоть до Национальной лиги воинской повинности лорда Робертса в 1900 г. Празднование дня Трафальгарской битвы, ежегодного военного праздника, показывало, что народ понимает войну только в виде оборонительных действий на море; тогда это называлось «политика синего моря». Кроме некоторых сельских районов, выражение «пойти в солдаты» или «получать королевский шиллинг» означало для простых людей, что человек потерял всякую надежду и махнул на себя рукой в период безработицы или какой-то катастрофы личного характера. Британская публика любила военные оркестры и яркую униформу, она видела в них развлечение, а не

предвестников войны. Помпезность и склонность к домоседству были стилем британского образа жизни. В эдвардианскую эпоху государственные военные заказы на вооружение и строительство кораблей поглощали значительные суммы, они играли довольно большую роль в экономике северо-востока страны. Однако военные соображения почти не влияли ни на государственные умы, ни на сознание народа, в то время как на континенте приближающаяся война уже стала главной составляющей политической, социальной и экономической жизни. Первая индустриальная нация мира показала замечательный пример построения либеральной капиталистической демократии в условиях свободной торговли и мира. Но вторник 4 августа 1914 г. положил конец этому успешному эксперименту. Повторяя вслед за Киплингом, можно сказать:

Слышен в поле шепоток – год готовит свой оброк,
Поседел стогов венец,
Кличут: «Эй, сюда идите! Пчел уж нету – посмотрите!
Лету Англии конец»*.

[*Редьярд Киплинг*. Длинная дорожка]

* Перевод *Е.Карпинской*. – Примерный эквивалент русской пословицы «Сколько веревочке не виться, а конец у нее есть».

Двадцатый век (1914-2000)

Кеннет О.Морган

Первая мировая война

На ежегодном банкете в Мэншн-холле, который давал лорд-мэр Лондона 17 июля 1914 г., министр финансов Дэвид Ллойд Джордж произнес гневную речь, предупреждая о тревожной ситуации, сложившейся в британском обществе. Внутри страны «тройной альянс» шахтеров, железнодорожников и транспортных рабочих угрожал объединенной стачкой в защиту требований железнодорожников о 48-часовой рабочей неделе и признании их профсоюза, что могло привести к параличу всей промышленности. На другом берегу Ирландского моря Ирландия находилась на грани гражданской войны, и уже более 200 тыс. человек со стороны протестантского Ольстера и католического юга стали под ружье. Многовековая сага ирландского национализма, того и гляди, могла закончиться кровавой развязкой. За морями волнения на национальной почве происходили в Индии и Египте. Значительно ближе, в Юго-Восточной Европе, возобновились беспорядки националистов на Балканах, где 28 июня 1914 г. в Сараеве, в Боснии, произошло убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника престолов Австрии и Венгрии.

В самой Британии накануне мировой войны в связи с внутренними противоречиями создалась угроза утвердившейся либеральной демократии, с чем существующие законы и общественные институты, казалось, не в силах были справиться. И все же, как уже не раз происходило в прошлом, перед лицом военной опасности эти противоречия были улажены с невероятной быстротой. Нацию сплотило чувство единой цели. В течение первых недель после того, как Британия 4 августа объявила о вступлении в войну, в отдельных случаях наблюдались проявления паники. Лишь благодаря решительным действиям Министерства финансов и Банка Англии удалось сохранить доверие к национальной валюте. Промышленность и торговля с трудом пытались отвечать на требования военного времени, что шло вразрез с их основным принципом – «веди бизнес как обычно».

Первые военные неудачи, которые постигли британские экспедиционные войска, наскоро собранные и отправленные во Фландрию и Францию, были почти катастрофическими. Войска потерпели тяжелое поражение на Ипре и в беспорядке, неся большие потери, отступили от Монса. Их боевая мощь оказалась подорванной с самого начала, поскольку от них осталось всего три корпуса. Только упорное сопротивление французов на реке Марне остановило стремительное продвижение германских войск на Париж и помешало быстрой победе немцев и их союзников австрийцев в сложившейся военной обстановке.

Однако после первых поражений народ Британии и его лидеры настроились на продолжительную войну. На время военных действий было отложено решение такого жизненно важного вопроса, как предоставление гомруля Ирландии. Политические партии объявили длительное перемирие. Утихли беспорядки в промышленности, бушевавшие летом 1914 г. Британский конгресс тред-юнионов (БКТ) даже опередил предпринимателей, провозгласив патриотические лозунги, соответствующие духу времени. Воцарилось спокойствие довольно своеобразного толка – его причиной стало широкое, хотя отнюдь не всеобщее признание справедливости этой войны со стороны Британии и ее союзников. Для того чтобы либеральное общество с этим согласилось, требовалось некое понятное для большинства людей объяснение ее целей. И такое объяснение предоставил Ллойд Джордж, который еще совсем недавно был решительным противником Англо-бурской войны 1899 г. в Южной Африке и самым левым членом либерального правительства Асквита. В первые недели Ллойд Джордж хранил подозрительное молчание. Но затем 19 сентября 1914 г., во время своей эмоциональной речи перед огромной аудиторией в Куинз-холле, где собрались его соотечественники-валлийцы, он безоговорочно высказался за войну до победного конца. При этом Ллойд Джордж выступал с высоких моральных позиций (или по крайней

мере претендовал на это). Он говорил, что война ведется для защиты принципов либерализма и свободы «малых народов», таких, как Бельгия, беззастенчиво захваченная Германией, а также Сербия и Черногория, чьей независимости угрожала Австро-Венгрия. В том, что война идет за правое дело, не сомневались не только духовные лидеры всех христианских церквей, но, по его мнению, ее поддержали бы все герои либерального пантеона, начиная с Чарлза Джеймса Фокса и до Уильяма Гладстона. По понятным причинам войну одобрили «малые нации» внутри самой Британии – шотландцы и валлийцы.

Четыре страшных военных года практически не разрушили это общее согласие по поводу справедливости войны. Хотя, конечно, со временем многое изменилось, особенно после принятия в мае 1916 г. непопулярного решения о всеобщей воинской повинности. Фактически к 1917 г. дала себя знать усталость от войны, что проявилось в растущей активности организованного рабочего класса и во влиянии мессианского призыва большевистской революции в России. Конечно, общее согласие в обществе достигалось теперь с помощью иногда тонких, а иногда грубых манипуляций со стороны прессы, цензурных запретов и распространения легенд о «злодействах гуннов» (все это, разумеется, при одобрении со стороны правительства). Радикальные или антивоенные критики подвергались преследованиям. Но, несмотря на это, такие организации, как христианское пацифистское «Братство против всеобщей воинской повинности» и Союз демократического контроля, целью которого было добиться мира путем переговоров, к 1917 г. начали оказывать некоторое влияние на общественное мнение. Призыв к миру лорда Лансдауна (29 ноября 1917 г.) также произвел сильное впечатление на британцев. Тем не менее свидетельства тех лет говорят о том, что широкие массы продолжали верить в необходимость и справедливость войны и в то, что ее нужно вести до полной победы над немцами, невзирая на имевшиеся потери. Набор добровольцев в армию проходил с энтузиазмом; более того, он куда успешнее пополнял ряды войск, направлявшихся во Францию в 1914-1916 гг., чем позднее это делал обязательный призыв. Длительное военное противостояние на суше и на море, начавшееся с безнадежной ситуации на Западном фронте осенью 1914 г. и окончившееся прорывом объединенных сил союзников в августе-сентябре 1918 г., народ переносил с выдержкой и вынужденным смирением.

Эти тяжелые годы оказали глубокое психологическое и моральное воздействие на память и мировоззрение британцев. Они запечатлелись в литературе целого поколения. Но кроме того, они способствовали формированию острой реакции населения на угрозу извне, давшую себя знать даже через двадцать лет после окончания этой Великой войны (Great War). Военные действия на Западном фронте представляли собой долгую и изнурительную схватку между хорошо укрепившимися противниками, засевшими в противоположных окопах и лишенными возможности применить тактику ударов мобильными силами, столь драматично использованную во время Франко-прусской войны 1870 г. Все четыре года во Франции как будто бы мало что происходило. Время от времени британские войска пытались перехватить инициативу, что неизменно заканчивалось огромными потерями. Нация, жившая около ста лет в состоянии почти непрерывного мира, с трудом осознавала объем этих потерь. Наступление при Лоосе в сентябре 1915 г. было отбито. Еще более неудачным оказалось наступление на Сомме, которое завершилось тяжелым поражением: 60 тыс. солдат погибли только в первый день, а всего британские войска потеряли около 420 тыс. человек. Но самым ужасным стало поражение при Пашендале в августе-сентябре 1917 г., когда были ранены или погибли 300 тыс. английских солдат, многие из которых утонули в болотах Фландрии под проливными дождями. Ни кавалерия, ни механические изобретения, получившие известность как «танки», не играли никакой роли в той военной кампании. То же можно сказать и о только что появившихся военных аэропланах. Как и во многих других случаях, фатальными оказались и классовые предрассудки, разделявшие командный состав и рядовых солдат, что мешало им понимать друг друга. В результате всего этого в течение нескольких месяцев ударные силы британцев потеряли всякую

жизнеспособность. В марте и апреле 1918 г. английские войска отчаянно старались остановить наступление немцев на амьенском секторе фронта. И только после того, как главнокомандующий сэр Дуглас Хейг в августе добился окончательного прорыва фронта, стало ясно, что война постепенно идет к завершению. Тем временем попытки развязать узел на Западном фронте путем стратегических передвижений на востоке, на периферии войны, поддержанные среди прочих Ллойд Джорджем и Уинстоном Черчиллем, также привели к очередным поражениям. Военный поход на Дарданеллы летом 1915 г., без сомнения, стал примером плохого командования и обернулся огромными потерями. Годом позже подобным же провалом завершились боевые действия в районе Салоник. Операция на Дарданеллах, в частности, нанесла значительный ущерб политической репутации Уинстона Черчилля, и прошли годы, прежде чем он смог ее восстановить. Даже на море, где по традиции считалось, что Британия превосходит всех, в главном сражении, происшедшем в июне 1916 г. недалеко от полуострова Ютландия между немецким и английским флотами, последнему не удалось нанести германским военно-морским силам решительного поражения; это была в лучшем случае ничья. В результате неумело проведенного боя британский флот потерял три линейных крейсера, три обычных крейсера и восемь эсминцев.

Позднее антивоенная пропаганда описывала, как простой народ выражал свое возмущение по отношению к тем сухопутным и морским командирам, на которых лежала ответственность за ужасные катастрофы на всех театрах военных действий. Такие «поэты военного времени», как Уилфред Оуэн и Исаак Розенберг (погибшие в сражениях) и Зигфрид Сэссун и Роберт Грейвс (оставшиеся в живых), особенно сильно потрясенные бойней при Пашендале, были убеждены, что после происходящего все люди должны отвергнуть саму идею войны. Ведь в результате была уничтожена добрая половина целого поколения молодых людей. Одна только статистика военных лет: 750 тыс. убитых, 2,5 млн раненых, многие из которых остались калеками, – заставляла верить, что народ отвернется от милитаризма. В известной степени так и было, но большая часть людей того времени воспринимали происходящее иначе. Действительно, главнокомандующий Западным фронтом сэр Джон Френч в конце 1915 г. был отстранен от должности, но его преемник, угрюмый и неразговорчивый шотландец Хейг, постепенно приобрел в глазах британцев репутацию смелого и прямого человека и стал чрезвычайно популярной фигурой. Внушительный военный мемориал, созданный сэром Эдвином Латьенсом и посвященный британцам, погибшим при Типвале, вполне соответствует духу тех лет. Другие флотские и сухопутные командующие, например адмирал Битти и генерал Алленби (который в 1917-1918 гг. блестяще провел военный рейд из Египта через Палестину в Сирию, чтобы уничтожить турок, бывших тогда верными союзниками немцев), стали почти народными героями. Окопы воспринимались как символ суровой, но неизбежной доли военных. Знаменитая карикатура Брюса Барнфазера, изображавшая его героя, «старика Билла», который говорит своему товарищу: «Если ты знаешь дыру получше, отправляйся туда», воплощала народное отношение к ужасам окопной войны – терпение, окрашенное легким юмором. Когда же после отчаянных усилий и благодаря огромной военной и финансовой помощи со стороны Соединенных Штатов британские и французские войска прорвали немецкие оборонительные рубежи и дошли до границ самой Германии, накануне заключения перемирия от 11 ноября 1918 г. массовый военный энтузиазм достиг своего апогея. Казалось, в Британии скоро может возникнуть новый милитаристский культ, неведомый жителям Британских островов со времен герцога Мальборо и королевы Анны.

Главным фактором популярности войны – впоследствии этот же фактор стал причиной ее сильнейшей непопулярности – было вовлечение в нее всего населения, а также всей социальной и экономической структуры общества. В 1915-1916 гг., после затянувшегося осознания реальности, произошла промышленная и социальная трансформация государства, возник беспрецедентный механизм государственного и коллективистского контроля. Все силы производства и распределения в промышленности и сельском

хозяйстве были брошены на удовлетворение нужд огромной военной машины. Центром стало новое Министерство военного снабжения, контроль за которым с мая 1915 г. осуществлял Ллойд Джордж. Данное ведомство создавалось для бесперебойного обеспечения армии оружием и боеприпасами и стало главным двигателем гигантской машины, которая через энергичных посредников («толкачей») вносила воодушевление в работу всей промышленности. Оно оказало огромное влияние на такие разные сферы, как социальное обеспечение, жилищная политика и положение женщин. Угольные шахты, железные дороги, торговые и иные морские перевозки были взяты под государственный контроль. Прежние довоенные установки неограниченной свободы (*laissez-faire*), включая и священный принцип свободы торговли – отброшены или на время забыты. Традиционная система отношений в промышленности в равной степени пересмотрена. Так называемое Казначейское соглашение от марта 1915 г., заключенное между правительством и тред-юнионами (горняки не принимали в нем участия), запрещало проведение забастовок, но гарантировало соблюдение коллективных договоров между предпринимателями и профсоюзами, а также, негласно, предоставляло профсоюзным лидерам право доступа к правительству.

Естественно, это соглашение не могло обеспечить всеобщего мира в промышленности даже в годы войны. Большие разногласия возникали в угледобывающей отрасли; например, в июле 1915 г. Федерация шахтеров Южного Уэльса официально и с успехом провела забастовку. Министерство военного снабжения проводило политику «разбавления», в связи с которой на машиностроительных заводах работу, требовавшую высокой квалификации, могли выполнять и малоквалифицированные рабочие (в частности, женщины). Ставилось под контроль и движение рабочей силы на военных предприятиях, что вызывало всеобщее недовольство и волнения, особенно в Клайдсайде. Официально не признанная деятельность цеховых старост (шоп-стюартов) в Шотландии, а также в Шеффилде в 1916-1917 гг. говорит о том, что «общее согласие» военного времени было достаточно поверхностным и далеко не всеобщим. Однако война обеспечила профсоюзы продолжительным корпоративным статусом, и не только их: предприниматели тоже объединились – в Федерацию британской промышленности. Оказалось, что возможна новая, органически спланированная система производственных отношений. Показателен тот факт, что крупные промышленники: сэр Эрик Геддес, сэр Джозеф Маклей, лорд Девонпорт и лорд Рондда – вошли в состав ключевых департаментов центрального управления. Это указывало на изменения в отношениях между политическим и промышленным руководством страны. Либеральная Англия времен Эдуарда VII превращалась в корпоративное государство, которое несколько позже будет названо «Великобритания Лимитед».

Влияние Великой войны сказалось на очень обширной сфере социальной и культурной жизни. Рамсей Макдональд, член левого крыла Лейбористской партии и противник войны, иронически заметил, что настоятельные потребности военного времени сделали социальные реформы более радикальными успешнее, чем вся борьба профсоюзов и прогрессивных интеллигентов за предыдущие полстолетия. Открылись новые горизонты для деятельности правительства. Узкопрофессиональная технократическая и бюрократическая элита, правившая страной в годы мира, пополнилась новыми людьми. Административный и управленческий класс значительно вырос в своей численности. Социальные реформаторы – Уильям Беверидж, Сибом Ровантри и даже социалистка Беатрис Уэбб превратились во влиятельные и уважаемые фигуры в системе управления, особенно после того, как в декабре 1916 г. Ллойд Джордж сменил Асквита на посту премьер-министра. Зарплаты выросли. Улучшились условия труда. Принятый в 1917 г. Закон о производстве зерна оживил британское сельское хозяйство и вдохнул надежду в фермеров-землевладельцев и их наемных рабочих. Были приняты меры по совершенствованию системы технического и общего образования; в 1918 г. с помощью закона, предложенного Г.А.Л.Фишером и сделавшего бесплатное начальное образование общедоступным, правительство попыталось предоставить каждому возможность поэтапно

получить начальное, среднее, а затем и высшее образование. В результате проведенных правительством исследований (причем одно из них проходило под руководством такого известного консерватора, как лорд Солсбери) были разработаны схемы государственного субсидирования строительства жилья. До 1914 г., в эпоху нового либерализма, этим почти никто не занимался. Были определены принципы субсидирования муниципального жилья, необходимого для обеспечения наемными квартирами сотен тысяч рабочих семей и для уничтожения трущоб в городах и старых промышленных районах.

Больше внимания стали уделять и здравоохранению. Горькая ирония заключалась в том, что война, унесшая колоссальное число человеческих жизней, привела к тому, что в стране улучшилось медицинское обслуживание, возросла забота о детях, стариках и кормящих матерях, появились такие новые учреждения, как Совет по медицинскому исследованию. В конце 1918 г. правительство взяло на вооружение идею создать новое Министерство здравоохранения, которое должно было взять на себя координацию работы учреждений здравоохранения и социального страхования, заменив Департамент местного самоуправления.

Опыт войны положительным образом отразился на жизни еще одной важной части населения страны (более того, на части, составлявшей теперь большинство) – наступила эпоха женской эмансипации. Годы войны в этом отношении оказались благотворными для женщин Британии. Тысячи из них служили во фронтовых частях, многие работали в полевых госпиталях. Пример медицинской сестры Эдит Кейвелл, замученной немцами за то, что она помогала британским и французским военнопленным бежать из лагерей Бельгии, значительно повысил авторитет женщин в обществе. В самой Великобритании руководительницы движения суфражисток, такие, как миссис Эммелин Панкхерст и ее старшая дочь Кристабель (в отличие от младшей дочери, социалистки Сильвии), помогали правительству проводить набор добровольцев. В более широком плане перед женщинами открылись новые возможности трудиться на церковном и административном поприще, работать на оборонных и машиностроительных предприятиях и во многих других сферах, которые раньше предназначались исключительно для мужчин. Даже большая вседозволенность, сопровождающая обстановку войны, помогала обрушить многовековые барьеры, ограничивавшие жизнь британских женщин. Теперь трудно было подыскать убедительные аргументы против того, что женщины вправе обрести все гражданские права. Акт о народном представительстве 1918 г. предоставил право голоса женщинам от 30 лет и старше. Это показалось почти издевкой. Долгая и горькая история предрассудков и ограничений разрешилась чем-то вроде подачки. Здесь, как и в других случаях, подчеркивая позитивные, прогрессивные последствия войны, под прикрытием процесса «реконструкции» (сомнительное определение), который, как подразумевалось, начался после наступления мира, правительство делало попытки, возможно неосознанные, продлить и усилить общее согласие (консенсус) военного времени.

Великая война стала временем существенных и бурных перемен и для британской политики. В ее начале Палата общин, как и раньше, являлась ареной противостояния либералов и консерваторов (или юнионистов). Но для Либеральной партии война обернулась катастрофой. Отчасти так произошло из-за вызванных войною серьезных ограничений личных и гражданских свобод, отчасти из-за того, что многие либералы сохранили довольно двусмысленное отношение к самой сущности войны. Когда в мае 1915 г. либеральное правительство Асквита превратилось в трехстороннюю коалицию, это стало еще одной стадией падения либерализма. С этого времени неумелое и апатичное руководство Асквита проходило на фоне обострения внутрипартийных противоречий по поводу введения всеобщей воинской повинности. Ллойд Джордж и Черчилль предложили ввести такую повинность как выражение общей приверженности «войне до победного конца». Сторонники традиционного либерализма – Джон Саймон и Реджинальд Маккенна колебались. Сам Асквит пребывал в смятении. В конце концов, воинскую повинность ввели для всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Но критика поведения Асквита и всех

либералов в целом продолжала нарастать.

Кризис наступил в декабре 1916 г. Он был вызван не только постоянным недовольством просчетами правительства на фронте, но и его неспособностью решить ирландский вопрос и уладить трудовые конфликты в самой стране. Период между 1 и 9 декабря 1916 г. стал свидетелем сложнейших, почти византийских политических интриг, по поводу которых, подобно средневековым схоластам, до сих пор спорят современные историки. Объединившись с руководителями юнионистов, Э.Бонаром Лоу и ирландцем сэром Эдвардом Карсоном, Ллойд Джордж предложил Асквиту учредить высший Военный комитет, который должен был заниматься делами войны. Прошло несколько дней колебаний, и Асквит отказался. Тогда Ллойд Джордж подал в отставку и после преодоления острых внутрипартийных противоречий между 4 и 9 декабря стал премьер-министром, возглавив правительство межпартийной коалиции. В нее входили не только все юнионисты, но и лейбористы (большинство их Национального исполкома), а кроме того, половина представителей Либеральной партии в Палате общин. Таким образом, в период между декабрем 1916 г. и ноябрем 1918 г. Ллойд Джордж создал для себя положение, по неуязвимости схожее с полупрезидентским. Он возглавлял высший Военный кабинет, у которого за спиной стоял новый исполнительный аппарат и целый «цветник» помощников и личных секретарей. Эта вертикаль опиралась на мощную машину централизованной власти. Триумф Ллойд Джорджа помог выиграть войну, но для Либеральной партии он закончился полным разгромом. Партия была расколота, ее основы подорваны, а парламентская фракция разобщена, а потому неэффективна. Либералы в значительной степени оказались деморализовaными, потеряли поддержку прессы и интеллектуальных кругов. Новый либерализм, вдохновивший столько реформ до 1914 г., теперь выдохся. Когда в ноябре 1918 г. война закончилась, либералы оказались разделенными на ослабленные группы и тоже напоминали жертву страшной войны.

Совершенно неожиданно место либералов заняли лейбористы. Начало войны тоже внесло раскол в их ряды. В отличие от руководителей профсоюзов, демонстрировавших свой патриотизм, Макдональд и другие представители левого социалистического крыла высказались против вступления в войну. В результате Р.Макдональду пришлось уйти с поста руководителя парламентской фракции Лейбористской партии. Во время войны тоже возникали проблемы, разобщавшие лейбористов, например поддержать или нет всеобщую воинскую повинность (а возможно, и гражданскую повинность в промышленности), работать или не работать под руководством Ллойд Джорджа. Однако если рассматривать долгосрочные последствия, то война существенно усилила партию лейбористов. Тред-юнионы, от которых партия зависела, значительно окрепли в годы военных испытаний. К началу 1919 г. число членов профсоюзов почти удвоилось и насчитывало 8 млн человек. Революция в России, а также антивоенный радикализм в последние два года войны дали партии новый стимул в ее развитии. При этом лейбористы одновременно и работали в правительстве, и исполняли роль официальной оппозиции. Партия на редкость умело использовала внутренние трудности либералов. В 1918 г. после избирательной реформы количество электората увеличилось с 8 до более 21 млн человек. Число избирателей из рабочих заметно выросло, и в итоге усилилась поляризация политических процессов на классовой почве. Партийная конституция (устав) 1918 г. поставила перед лейбористами новые социалистические цели и, что еще важнее, реорганизовала избирательные округа и штаб-квартиру, где прежде доминировали профсоюзы. Наступление Лейбористской партии стало мощным политическим следствием войны, хотя и непредвиденным.

Реальные преимущества получили и консерваторы. Война подтолкнула процесс, в результате которого они стали партией большинства. Консерваторы объявляли себя патриотами, и призыв к войне их объединил, несмотря на расхождения по вопросу о таможенных тарифах и по другим проблемам, существовавшим до 1914 г. Они в большей степени стали защитниками интересов бизнеса и промышленников и превратились в партию городов и пригородов, перестав быть партией сквайров. В конце войны

консерваторов возглавляли такие новые деятели, ориентированные на интересы бизнеса, как Стэнли Болдуин и Невил Чемберлен. Поэтому Консервативная партия, как и Лейбористская, нацелилась на разрушение политической системы времен короля Эдуарда VII. Когда 11 ноября 1918 г. война закончилась, Ллойд Джордж полностью завладел руководством страны. Поддерживавшие его отдельные группы Коалиционных либералов вступили в соглашение с консерваторами, чтобы на выборах противостоять «пацифистам» из антиправительственных либералов и «большевикам» из партии лейбористов. Наступала эра правых.

Годы войны способствовали и другим переменам. Война во всех смыслах была для Британии войной имперской, в ней сражались за империю, короля и родину. Во многом ее удалось выиграть благодаря военной и другого рода поддержке со стороны Австралии, Новой Зеландии, Канады, Южной Африки и Индии. День Анзака (солдата австралийского или новозеландского армейского корпуса), учрежденного в память о событиях в заливе Сувла около полуострова Галлиполи, стал трагической и почитаемой датой в истории Австралии. В 1917 г. Ллойд Джордж созвал Имперский военный кабинет премьер-министров, чтобы помочь правительству метрополии. Такой крупный государственный имперский деятель, как Ян Смэтс из Южной Африки, был приглашен для участия в принятии решений британского кабинета. В торговле имперские преференции становились реальностью. Никогда еще мистическое воздействие имперской идеи не казалось таким мощным. Ведущий архитектор того времени Эдвин Латьенс в молодости принадлежал к течению в искусстве, которое вдохновлял Уильям Моррис. Теперь, вместе с Гербертом Бейкером, он обратил свой талант на возведение новых, помпезных зданий Нью-Дели. Над ними как символ непоколебимой власти должны были возвышаться огромная по своим размерам резиденция вице-короля Индии и административные здания.

Во время войны имперская идея укрепилась как никогда прежде. Секретные договоры, подписанные в военные годы, предусматривали, что в мирное время система подмандатных территорий и другие изощренные договоренности сделают владения Британии еще обширнее, чем прежде, добавив к ним новые пространства на Ближнем Вое токе вплоть до Персидского залива. Границы Британской империи на удивление быстро раздвигались благодаря операциям, проведенным авантюристами-одиночками вроде «Лоуренса Аравийского», и манящей перспективе овладения богатейшими нефтяными месторождениями Месопотамии и Ближнего Востока.

А между тем сохранение империи становилось все менее реальным. Задолго до 1914 г. было ясно, что проведение эффективной имперской политики ограничено финансовыми и военными факторами; особенно это касалось Индии, где росло движение Индийского национального конгресса. Появились и новые обстоятельства – все более успешными становились национальные восстания против британского правления. Ирландию, в отличие от Уэльса, который во время правления Ллойд Джорджа отличался безмерным патриотизмом, охватили антиколониальные волнения. Хотя казалось, что апрельское Пасхальное восстание 1916 г. под предводительством нескольких республиканцев и сторонников Шинн фейн потерпело поражение, на деле, в связи с жесткой реакцией правительства Асквита, уже к середине 1918 г. партия Шинн фейн и близкие ей по убеждениям республиканцы привлекли на свою сторону почти все 26 южных графств. Таких ветеранов движения за гомруль, как Джон Диллон, сменили новые радикалы-националисты – Майкл Коллинз и Имон де Валера. В конце войны юг Ирландии фактически находился в состоянии военного положения – он не подчинился закону об обязательном воинском призыве и был близок к восстанию против Короны и власти протестантов (или того, что от нее осталось). Долгая борьба ирландского национально-освободительного движения, которая в период между Даниелом О'Коннелом 40-х годов XIX в., Чарлзом Стюартом Парнеллом 80-х и Джоном Редмондом после 1900 г. протекала в мирном конституционном русле, теперь, как представлялось, подошла к новому взрывоопасному рубежу. Вывод напрашивался следующий: политический и социальный

консенсус военного времени, и так довольно хрупкий в Клайдсайде и шахтерских районах Уэльса, на Южную Ирландию вообще не распространялся. Более того, под мощным влиянием ирландского республиканизма пробивала себе дорогу новая волна национального протеста против ограничений имперского правления. Индийцы и египтяне также привлекли к себе внимание. В результате войны Британия внутренне сплотилась, но стала и более изолированной. Ее власть в имперских владениях постепенно ослабевала под влиянием огромных перемен, происходивших в послевоенном мире.

Двадцатые годы

После того, как мир был восстановлен, казалось, ничего не изменилось. Триумфальная победа Ллойд Джорджа на выборах в декабре 1918 г. показала, что патриотизм и единство военных лет распространились и на мирное время. Выборы назвали «купонными», поскольку кандидатам, поддерживавшим правящую коалицию, выдавали что-то вроде верительных грамот. Премьер-министр почти единогласно был провозглашен «человеком, который выиграл войну» и стал самой влиятельной политической фигурой со времен Оливера Кромвеля. Вердикт электората оказался убедительным: 526 представителей (из них 136 либералов, остальные – юнионисты) поддержали коалицию и только 57 лейбористов и 26 независимых либералов были против. Но если рассмотреть эти результаты повнимательнее, можно прийти к другим выводам. У Лейбористской партии в Парламенте насчитывалось только 57 представителей, но за ними стояли 2,5 млн избирателей. И было очевидно, что вскоре лейбористы добьются большего успеха на выборах. В Ирландии, на юге Шинн фейн получила 73 места из 81. Ее представители покинули Вестминстер и организовали в Дублине собственный неофициальный парламент. Тем не менее мандат премьер-министра и его партнеров по правительству военного времени казался совершенно неоспоримым.

Кроме того, выборы как будто бы подтверждали, что социально-экономическая ситуация в стране во многих отношениях быстро восстанавливается. Многие контролирующие органы и аппарат государственного коллективного руководства военного времени исчезли, будто их и не было. Основные отрасли промышленности – железные дороги, предприятия транспорта и даже шахты – вернули их прежним хозяевам, хотя их владельцев ненавидели в народе больше всех остальных капиталистов. Правительство вело последовательную финансовую политику возвращения к золотому стандарту. Это влекло за собой дефляцию и постоянное сокращение выпуска бумажных денег, которых было много напечатано во время войны. Казалось, Лондон, классовая система и частнособственнический капитализм продолжают править бал. Чтобы показать, что теперь это капитализм с человеческим лицом, в 1919-1920 гг. правительство начало лихорадочную реформаторскую деятельность. В ходе избирательной кампании Ллойд Джордж больше выдвигал себя как социального реформатора, создающего «страну, подходящую для героев», чем напоминал о своих шовинистских намерениях повесить кайзера или «придавить немцев так, чтобы они и пикнуть не могли». Затем последовала кратковременная, но бурная деятельность по усовершенствованию систем образования и здравоохранения, были увеличены пенсии и создана система страхования на случай безработицы. Но самой впечатляющей стала программа строительства жилья, затеянная министром-либералом доктором Кристофером Аддисоном при вынужденной поддержке Министерства финансов. В период между 1919 и 1922 гг. на государственные деньги было построено более 200 тыс. домов, что положило начало хотя и ограниченной, но своевременной кампании по преодолению самой тяжелой социальной проблемы в стране.

Однако очень скоро пришло горькое осознание того, что жизнь еще очень далека от нормы и восстановить ее в том привычном виде, в каком она протекала до 1914 г., будет нелегко. После потери многих заграничных рынков и продажи заморских инвестиций для покрытия военных расходов возникли новые, не требующие отлагательства экономические

проблемы. Самая угрожающая из них – огромный рост национального долга – постоянно обсуждалась на первых полосах газет. В 1914 г. его непогашенная часть равнялась 706 млн фунтов стерлингов, а шесть лет спустя она выросла до 7875 миллионов. В результате начали раздаваться страстные призывы к «экономии», прекращению «пустых» расходов на государственные нужды и к необходимости вернуться к сбалансированному бюджету и твердой валюте, пострадавшей от стремительной инфляции 1918-1919 гг.

И в политике дела обстояли отнюдь не благополучно. Коалиция Ллойд Джорджа пришла к власти при неблагоприятных обстоятельствах – «купонные» выборы 1918 г. проходили в обстановке секретности, поэтому право нового правительства на власть начали подвергать сомнению. Более того, поскольку правительство являлось коалиционным, внутри него постоянно возникали разногласия и напряженность между либеральным премьер-министром и его консервативными коллегами по поводу внутренней, внешней и имперской политики. Сам Ллойд Джордж вел себя подобно олимпийскому богу, восседающему где-то на международных мирных конференциях и не имеющему дела с Палатой общин. Он был премьер-министром без партии, беззаботным авантюристом в отношении своих финансовых и сексуальных связей. Все это не вызывало ни доверия, ни симпатии. Таким образом, единение нации, характерное для первого периода после прекращения военных действий, вскоре исчезло и сменилось новыми конфликтами.

Коалиция оказалась перед лицом целой серии вызовов, что постепенно подрывало ее право на власть. Возникли новые политические модели, которые оказывали влияние на британскую историю все последующие двадцать лет. С левого фланга на Ллойд Джорджа нападали либералы, жестко критикуя его за пренебрежение к старым священным принципам свободной торговли. Политика, проводимая им в Ирландии, вызывала еще большее возмущение. В 1919-1921 гг. правительство вело войну против Ирландской республиканской армии (ИРА), используя политику возмездия и прибегая к помощи дополнительных подразделений, нанятых на деньги Короны. Эти наемники, которые должны были поддерживать армию и полицию, совершили в Ирландии немало кровавых злодеяний. В декабре 1921 г. Ллойд Джордж, по натуре умелый переговорщик, сумел заключить мир с лидерами Шинн фейн – Артуром Гриффитом и Коллинзом. В январе 1922 г. было создано Ирландское свободное государство, в состав которого вошли 26 католических графств, а 6 протестантских графств Ольстера на северо-востоке остались в составе Соединенного Королевства. Но такой крутой разворот в политике оказался слишком запоздалым, чтобы восстановить доброе имя Ллойд Джорджа в представлении либералов.

Среди лейбористов и профсоюзных деятелей премьер-министр полностью утратил репутацию защитника трудового народа, которую он долгое время имел. В 1919-1921 гг. его правительство для подавления общенациональных забастовок шахтеров, железнодорожников и других трудящихся (даже полицейских), применяло самые суровые меры, включая чрезвычайные и используя войска в качестве штрейкбрехеров. Кроме того, правительство не смогло предотвратить рост массовой безработицы, которая охватила более миллиона рабочих и оказала губительное воздействие на старые индустриальные районы. Случаи, когда правительство шло на прямой обман горняков, например игнорирование доклада Сэнки, в котором предлагалось в 1919 г. национализировать шахты, или дальнейший подрыв единства «тройственного союза» профсоюзов, для того чтобы вновь нарушить планы шахтеров в «Черную пятницу» (15 апреля 1921 г.), глубоко врезались в память рабочего класса. Правительство, избранное для того, чтобы укрепить национальную солидарность и социальное единство, сделало классовые различия еще глубже, чем прежде. Коалицию атаковали не только слева, все чаще на нее нападали справа. Консерваторы жаждали возвращения к независимой партийной политике, чтобы освободиться от авантюр деспотичного премьер-министра и его последователей. Несмотря на то что коалиция просуществовала почти четыре года, она находилась в очень трудной ситуации. А Ллойд Джордж как премьер-министр оказался в безвыходном положении.

Кроме того в стране усиливалось разочарование результатами мирных договоров и всей «версальской системой». Мир, подписанный в 1919 г., становился все менее популярным, поскольку был достигнут с помощью секретных соглашений, заключенных Британией с союзниками в ходе войны, и содержал несправедливые требования, предъявленные побежденной Германии и касающиеся финансовых репараций и территориальных уступок. Лучше всех эти настроения выразил в книге «Экономические последствия мира» (1919) экономист Дж.М.Кейнс. Труд этого советника Казначейства по финансовым вопросам, который в знак протеста подал в отставку во время работы Парижской мирной конференции, быстро стал бестселлером по обе стороны Атлантики. В книге убедительно доказывалось, что репарации, наложенные на Германию, приведут к ее финансовому краху, что, в свою очередь, ослабит всю экономику Европы. Кейнс ярко рассказал о лихорадочной и коррумпированной атмосфере, в которой версальские миротворцы заключали тайные сделки. Ллойд Джорджа он называл «человеком без корней». Попытки премьер-министра выступать на различных международных конференциях в роли миротворца Европы перестали приносить ему популярность. Британия больше не желала, по меткому выражению Бонар Лоу, быть «мировым полицейским». Пусть империя стала больше, чем прежде, но ей не следовало связывать себя обязательствами в Европе. Иначе страну постигнет новая трагедия, как это случилось в августе 1914 г. Окончательный удар коалиции Ллойд Джорджа нанесли события октября 1922 г., когда Британия едва не вступила в войну с Турцией по поводу греческих земель в Малой Азии и защиты Проливов. И консерваторы, и левые восстали против нового разжигания шовинистических настроений. Опора правительства на правых оказалась несостоятельной. Девятнадцатого октября 1922 г. Ллойд Джордж ушел в отставку и остаток своей жизни провел как политический изгой.

В стране существовало два вида оппозиции правительству Ллойд Джорджа. Главными фигурами здесь были Макдональд и Стэнли Болдуин, которые немало сделали для свержения коалиции в октябре 1922 г. Макдональд, питавший иллюзии в отношении построения «прекрасного нового мира» и интернационалист утопического толка, стал ярким выразителем взглядов растущей Лейбористской партии, которая во время выборов 1922 и 1923 гг. быстро увеличивала количество мест в Парламенте. Он умудрялся соответствовать интересам социалистического Клайдсайда и социальным традициям лондонского истеблишмента. Другой, более влиятельной фигурой являлся Болдуин, пользовавшийся доверием консерваторов из респектабельного среднего класса городских предместий и ортодоксальных патриотов. Всех их беспокоили политические эксперименты Ллойд Джорджа и авантюризм его послевоенной внешней политики. Болдуин занимал пост премьер-министра в 1923-1924,1924-1929 и 1935-1937 гг. и показал себя самым подходящим лидером для Британии, стремившейся к возвращению спокойствия и социального мира.

В других сферах общественной жизни тоже происходили постоянные потрясения и перевороты. Многое, что казалось в предвоенный период незыблемым, теперь стремительно менялось. В Уэльсе и Шотландии появились не очень влиятельные движения представителей интеллигенции, которые, как предполагалось, угрожали единству Соединенного Королевства. По ирландскому образцу были образованы две небольшие националистические партии: Плайд Кимру (*Plaid Cymru*) в 1925 г. в Уэльсе и Национальная партия Шотландии в 1928 г. Однако свою роль им предстояло сыграть лишь в отдаленном будущем.

Благодаря тому что довоенные гиганты: Редьярд Киплинг, Томас Харди, Эдвард Элгар и Латьенс – были еще живы и продолжали творить в искусстве, литературе, музыке и архитектуре, влияния авангардистских течений, которые стали выразителями «модернизма» и протеста, еще не чувствовалось. Но главные работы писателей-романтистов Джеймса Джойса и Д.Г.Лоуренса были уже написаны. Однако все созданное Лоуренсом после «Влюбленных женщин», увидевших свет в 1920 г., где еще слышалось

эхо военных лет, казалось довольно невыразительным. Творения интеллектуалов и художников, принадлежавших к Блумсберийской группе, отличались новаторством. В частности, романы Вирджинии Вулф, для которых характерны тонкое описание человеческих характеров и необычная свободная форма изложения, стали свидетельством живучести модернизма в литературе. Более ортодоксальный роман «Поездка в Индию» (1924) Э.М.Форстера – писателя, не входившего в Блумсберийскую группу, но связанного с ней, излагал взгляды автора на взаимодействие западной и восточной культуры и описывал закат кичливого, с его точки зрения, либерального гуманизма. Самым значительным и новаторским явлением в английской поэзии стала поэма «Бесплодная земля» (1922) Т.С.Элиота с ее тревожными ритмами и образами. Произведение пронизывает настроение христианского смирения и тихой меланхолии, что точно отражало один из влиятельных аспектов культуры 20-х годов.

Для театра этот период не стал особенно плодотворным, если не считать пьесу Бернарда Шоу «Святая Иоанна», в которой автор выразил свои глубокие философские воззрения. Для искусства и архитектуры те годы тоже не были отмечены ничем выдающимся. Такие художники, как Бен Николсон, все еще находились в поисках своего стиля, другие, вроде Пола Нэша, топтались на месте. В живописи только Блумсберийская группа выдвинула несколько бунтарей, таких, как художественный критик и покровитель искусств Роджер Фрай, художники Дункан Грант и Ванесса Белл, которые пытались разбить застывшие формы реалистического изобразительного искусства.

Деятельность Блумсберийской группы, объединившей писателей, художников, а также такие известные фигуры, как экономист Дж.М.Кейнс, публицист Литтон Стрэчи, их философ и наставник Д.Э.Мур, стала отражением многих сильных и слабых сторон культуры 20-х годов. Блумсберийцы искренне стремились сделать открытия модернистских поэтов и художников-сюрреалистов континентальной Европы достоянием британской культуры. Сочетание культа нового и борьбы с предрассудками особенно ярко выразилось в сатирах Стрэчи на выдающихся личностей викторианского периода, включая королеву. Негативной чертой их деятельности было культивирование врожденного, почти племенного родства между художественными натурами, и со временем блумсберийцы превратились в закрытый анклав с некоторыми династическими традициями. Писатели 30-х годов критиковали группу за то, что она превратилась в новую культурную элиту. Они нападали на блумсберийцев, обвиняя их в увлечении чистой эстетикой в ущерб моральным проблемам и критикуя за пренебрежительное отношение к политическим и общественным вопросам. Возможно, именно деятельность Блумсберийской группы способствовала дальнейшему расколу искусства на искусство для избранных и на искусство для масс.

Течения в искусстве, выразившие бунтарские и свободолюбивые настроения, отражали запросы социальных движений того времени. Женщины, получившие частичное право голоса в 1918 г., а затем окончательно и полностью в 1928-м, теперь могли пользоваться самыми различными свободами: курить, посещать развлекательные учреждения, например кинотеатры, вести куда более открытую и не скованную условностями «сексуальную жизнь», носить одежду менее однообразную и строгую. Однако воспетая в мемуарах «веселая молодежь» 20-х годов, для которой как бы специально писал сатиры и пьесы Ноэл Коуард, была весьма ограничена в своем мировоззрении. Обычно ее представители принадлежали к среднему или высшему слою общества и воспитывались в частных школах, а затем в университетах Оксфорда и Кембриджа. В частности, Оксфорд ассоциировался со свободным культурным самовыражением, окрашенным некоторой склонностью к декадентству или нигилизму (или к тому и другому вместе). В 30-х годах этот университет (ошибочно) стали отождествлять с антивоенным протестом. Вообще, старые университеты значительно меньше влияли на общество, чем им позднее приписали легенды, но они успешно вписывались в движение, полное экспериментов и стремившееся к созданию нового, менее структурированного мира, оторванного от традиций.

В послевоенный период прежние законодатели морали, казалось бы, утрачивали

влияние. Особенно это касалось церквей, которые стали одной из жертв войны. Исключением была католическая церковь с ее твердыми ирландскими последователями.

Нонконформистские церкви, чьи моральные установки во времена королевы Виктории служили путеводной звездой для многих британцев, теперь переживали период уменьшения паствы, сокращения финансовых фондов и падения авторитета. Даже в таких традиционных оплотах нонконформизма, как северные графства и Уэльс, все меньше людей посещало богослужения. Да и какими карами могли напугать пуритане и адвентисты седьмого дня тех, кто был свидетелем войны? Англиканская церковь, сохранившая государственный статус, тоже с большим трудом справлялась после войны с ролью национальной церкви. Архиепископы Ранделл Дэвидсон и Космо Лэнг продолжали говорить о прежнем единстве и дисциплине, но их призывы все реже доходили до верующих.

Формально Британия признавалась христианской страной. Высшие англиканские иерархи, крепко связанные с Короной и земельной аристократией, по-прежнему пользовались почетом и уважением. Воскресенье проходило в атмосфере унылого спокойствия: не ходили поезда, были закрыты магазины и театры, а в Шотландии и Уэльсе не работали пабы. Ревизия текстов англиканского молитвенника в 1927-1928 гг. стала предметом бурного общественного обсуждения. Возобновились столкновения между англокатолическим и евангелическим крыльями государственной церкви. И, как показывали религиозные программы новой радиостанции Би-би-си, религия все еще ассоциировалась с ценностями среднего класса: семьей, общиной, невоинственной формой патриотизма. Существовала также связь религии с империей, что особенно сказалось на молодежных движениях, таких, как бой-скауты и «церковные бригады». Война породила некую мирскую религиозность, которую символически выразил архитектор Латьенс в Кенотафе, обелиске, сооруженном в Уайтхолле в память о погибших в мировой войне, а также в ежегодном ритуале Поминального воскресенья. Однако, несмотря на все попытки напомнить людям о религиозном наследии, доставшемся от предков, воздействие христианства на умы, особенно представителей послевоенного поколения и тех, кто прошел войну, шло на убыль.

Неспособность церквей существенно влиять на ход событий со своей драматичностью проявилась в дни Всеобщей стачки профсоюзов 1926 г. Промышленный спад, имевший место в том году, повлек за собой растущую безработицу, социальную озлобленность и стал причиной самого острого в истории Британии классового конфликта. Уже миновали масштабные забастовки 1919-1921 гг. Премьер-министр Болдуин воззвал: «Господи, дай Мир нашему времени!» Но в самой развитой отрасли промышленности того периода, горнодобывающей, копилось напряжение из-за снижения зарплат, увольнений, падения уровня жизни шахтерских семей. В апреле 1926 г. правительство отказалось возобновить субсидии добывающей отрасли. Второго мая Болдуин прервал переговоры с делегацией Британского конгресса тред-юнионов. Этот инцидент послужил поводом для начала Всеобщей стачки. На девять дней (3-12 мая) жизнь в Британии остановилась. Никогда еще потенциальная экономическая мощь профсоюзов, способных бросить вызов правительству и всему конституционному порядку, не выражалась с такой силой. В этой ситуации призывы Церкви к примирению оказались слабыми и бесполезными.

Фактически Всеобщая стачка проходила вполне миролюбиво. Не предпринималось никаких действий против штрейкбрехеров (среди них оказалось немало студентов Оксфорда и Кембриджа, бросивших ради этого свои занятия), которые сели за руль автобусов и пытались иными способами заменить бастующих. Не было актов насилия ни со стороны полиции и войск, ни против них. Но, несмотря на то что рабочие промышленных районов Йоркшира, Кумбрии, Тайнсайда, Южного Уэльса и Шотландии держались твердо, 12 мая Британский конгресс тред-юнионов прекратил забастовку, а некоторые группы рабочих ключевых отраслей экономики (например, машиностроители) вообще не собирались бастовать. Для профсоюзов такой поворот дела оказался тяжелым поражением,

особенно для шахтеров, которые еще несколько трудных месяцев продолжали стачку. Классовая война в Британии вылилась в короткую и бескровную схватку. Для среднего класса, наблюдавшего за ней со стороны, она стала безболезненным и даже забавным происшествием.

Однако очевидно, что разделение общества, выявленное и усилившееся в результате Всеобщей стачки, явилось мощным фактором, который препятствовал консолидации нации на протяжении более двадцати лет после этого события. В среде британских шахтеров память о триумфе и предательстве 1926 г. дожила до всеобщей забастовки горняков 1984-1985 гг. В условиях 1926 г. Всеобщая стачка могла показаться провалом, происшедшим из-за трусости профсоюзов, а также хорошей подготовки и решительных действий правительства (особенно со стороны некоторых министров, в частности Черчилля, бывшего тогда министром финансов). Однако «Великий год», как впоследствии назвал 1926 г. один шахтер Уэльса, показал исключительную преданность рабочих Британии классовой солидарности. Причем это касалось не только тех, кто трудился на предприятиях старых отраслей: горно-добывающей, сталелитейной и кораблестроительной, но и «полуквалифицированных» работников, занятых в сравнительно новых отраслях, обслуживающих транспорт, железные дороги и другие виды перевозок. Хотя дело не дошло до насилия, классовая вражда в стране проявила себя в полном объеме. Среди рабочих укрепилось подозрительное отношение к якобы нейтральной позиции полиции и гражданской службы. Даже новая радиостанция Би-би-си не осталась вне подозрений, хотя она изо всех сил старалась сохранить независимость вопреки давлению государства. В шахтерских районах, как следствие Всеобщей стачки, рабочие стали жертвой произвола, владельцев шахт, которые урезали зарплаты и делали все возможное, чтобы подорвать влияние Федерации горняков, выражавшей интересы своих членов. Но если прежние лидеры шахтерских тред-юнионов, вроде демагога Артура Кука, старались не вступать в конфликты, то новые люди, пришедшие им на смену в профсоюзе и Лейбористской партии, уже не хотели приспосабливаться к социальной системе, которая так несправедливо распределяла материальные блага и возможности и так надругалась над единством военных лет. Пока Британия с трудом плелась, преодолевая депрессию, память о Всеобщей стачке и классовом протесте оставалась живой.

В конце 20-х ситуация в стране обрела стабильность и сохранялась в таком состоянии до 40-х годов. Численность населения продолжала расти, хотя медленнее прежнего: по данным переписи, в 1911 г. она составляла 40831 тыс. человек, в 1921-м – 42769тыс. и в 1931-м – 44795 тыс. человек. Однако молодые писатели, такие, как Джордж Оруэлл, почувствовали и отразили растущие противоречия внутри страны. Для центральных и южных графств 20-е годы были временем спокойствия и процветания. Хотя программу жилищного строительства Аддисона в 1919-1921 гг. не удалось воплотить, на ее основе Невил Чемберлен разработал схемы прямого субсидирования строительства частных домов для среднего класса, в результате чего появилось множество новых загородных поселков. После войны заметно увеличилось число людей, лелеявших мечты достичь благосостояния среднего класса: иметь собственный дом, благополучную семью, возможность интересно проводить свободное время и приобретать домашнюю технику вроде пылесоса фирмы «Гувер». К 1930 г. в Британии насчитывалось более 1 млн личных автомобилей, и самой популярной маркой была «Бейби», производимая на заводах Герберта Остина.

Распространение радиовещания благодаря Би-би-си принесло в каждый дом развлекательные и обучающие передачи. Для тех, кто принадлежал к социальному слою мелких служащих, менеджеров, школьных учителей, квалифицированных рабочих, а также к категориям управленцев, называемых «белыми воротничками», и к группе профессионалов, сильно выросшей в период между 1880 и 1918 гг., 20-е годы были неплохим временем. Цены постепенно снижались, кредит на приобретение дома выдавали на льготных условиях, для досуга оставалось достаточно времени. Как грибы после дождя, возникали предприятия, использующие передовые технологии, например новые

автомобилестроительные заводы Герберта Остина в Лонгбридже (Центральная Англия) или Уильяма Морриса в Коли около Оксфорда. Вокруг них возникали благоустроенные кварталы пригородов. Для людей, населявших эти районы, банальные ценности, которые воплощал в своей политике премьер Болдуин, любитель природы и сторонник принципа «безопасность прежде всего», казались весьма привлекательными, особенно после тревог, пережитых во время войны и Всеобщей стачки.

Но для других районов Британии этот период стал временем отчаяния и разочарования. Так, например, после короткого возрождения, связанного с войной, сельское хозяйство погрузилось в депрессию. Число деревенских жителей неуклонно сокращалось, особенно в результате механизации процесса выращивания зерна, на котором специализировалась Южная Англия. Цены на сельхозпродукты фермеров падали, уровень их доходов снижался, небольшие города, расположенные в сельской местности от Горной Шотландии до Корнуолла, нищали. На первый взгляд могло показаться, что традиционный облик британской деревни не изменился. «Зеленая революция» 1918-1926 гг. значительно увеличила число мелких землевладельцев, что было существенным изменением в землевладении и чего не наблюдалось со времен Нормандского завоевания. Но под этим внешним благополучием скрывалась массовая задолженность, заложенные земли и просроченные банковские кредиты – угасание, находившееся в резком контрасте с жизнью городов, причем контраст этот постоянно усиливался. Если принять во внимание, что тема деревни в британской литературе всегда была отправной, такая ситуация не могла не иметь серьезных культурных и социальных последствий.

В старых индустриальных районах: на севере и северо-востоке Англии, в промышленном Южном Уэльсе, в Клайдсайдском поясе Центральной Шотландии и за Ирландским морем, в трущобах Белфаста, нарастало отчаяние. В 20-х годах было много написано о бедности и тесноте, в которых жили рабочие, а также о разрушении окружающей среды в старых промышленных городах, от которого пострадали Ярроу, Виган, Мертил-Тидвил. Наряду со сведениями о сырых жилищах и антисанитарных условиях, плохих школах и общественных службах приводили ужасающие цифры детской заболеваемости и смертности, частые случаи заболевания туберкулезом у взрослых, легочных болезней у шахтеров, физических немощей стариков. В индустриальных районах севера Англии, Уэльса и Шотландии продолжительность жизни была значительно ниже, чем в городах и на курортах юго-восточной и западной части Центральной Англии. Двадцатые годы стали свидетелями все расширяющейся социальной пропасти. Этот процесс усугублялся постоянно растущей безработицей в таких старых отраслях индустрии, как сталелитейная, кораблестроительная и угледобывающая, которые испытывали недостаток капиталовложений. Несмотря на острую критику со стороны Кейнса, Черчилль, тогдашний министр финансов, в 1925 г. взял курс на возвращение к золотому стандарту на довоенном уровне, что было поддержано самыми ортодоксальными экономистами и бизнесменами. Такой курс требовал пересмотра экспортной политики в отношении угля и стали, а значит, предполагал рост безработицы среди тех, кто их производил. Что касается качества, образования и медицинского обслуживания, а также посещения библиотек, плавательных бассейнов и общественных парков, то тут социальный контраст был еще очевиднее. В стране, где безмятежно правил Болдуин, наступила эра «безопасности прежде всего». Сопровождавшая ее секуляризация вылилась в утверждение новой религии – «религии неравенства» (как говорил в одной из своих знаменитых лекций, опубликованных в 1929 г., социалист и историк-экономист Р.Г.Тони). Две трети совокупного национального богатства принадлежало 400 тысячам человек (менее 1% населения), различия в качестве жизни разных слоев британского общества были колоссальными.

Однако такое растущее социальное неравенство, как ни удивительно, не вызывало в то время ни бунта, ни протеста. Отчасти это объяснялось обстановкой дружеской солидарности, в которой жили рабочие, где даже в годы депрессии существовали

собственные ценности, своя культура и даже развлечения. Примечательные черты того времени: рабочие клубы и читальни, неизменная солидарность шахтерских сообществ, рабочие хоры и духовые оркестры, кредиты, которые жителям рабочих поселков предоставляли кооперативы, – все это кажется теперь таким далеким и слегка напоминает содержание мыльной оперы типа «Улица Коронации». Но наличие подобных фактов доказывает, что даже в мрачные годы депрессии рабочий класс сохранял силу и оптимизм. Правящий класс всячески поддерживал массовые развлечения, считая их отличным болеутоляющим средством, помогающим укрепить чувство патриотизма. Традиции «хлеба и зрелищ» брали свое начало от викторианского мюзик-холла, и многие его звезды, например Джордж Роби (который, кстати, отказался от рыцарского звания), все еще были популярны. Однако на место мюзик-холла вскоре пришел кинематограф, немой, а потом звуковой, и тогда Чарли Чаплин и Мэри Пикфорд стали любимцами залов.

Но помимо стойкости и чувства собственного достоинства, присущих британскому рабочему классу, были и другие обстоятельства, благодаря которым страна оставалась единой и жила в мире. В частности, речь идет о деятельности правительства в то время, хотя о ней не принято отзываться похвально. Например, важной вехой стала отмена Закона о бедных, которой добился Чемберлен в бытность свою министром здравоохранения (1924-1929). Рабочие в матерчатых кепках, посещающие футбольные матчи, и новый средний класс, живущий в пригородных поселках и претендующий на новый стиль жизни, были объединены неким подобием общих патриотических ценностей и такими символическими фигурами, как, например, повсеместно популярный король Георг V или внушавший спокойную уверенность в завтрашнем дне премьер Болдуин. Прилив национальной гордости вызвала Имперская выставка 1925 г., организованная на территории стадиона Уимблдон. Героем 20-х годов был и Джек Гоббс, лучший игрок в крикет, выступавший за Суррей и Англию. Его спортивные успехи затмили даже достижения легендарного В.Дж.Грейса. Скромный, религиозный человек, образцовый семьянин, не бравший в рот ни капли спиртного, Гоббс являлся воплощением честного мастерового, преданного Родине и Короне. Он был профессиональным игроком в крикет, но позволял выигрывать любителям – «джентльменам» из частных школ (которые выходили на игровое поле совсем через другие ворота). Будучи отличным крикетистом, он, тем не менее, без жалоб и возражений принимал любое решение судьи, даже если оно его разочаровывало или было несправедливым. Добрый и всегда спокойный, Джек Гоббс представлял собой живой образец для общества, стремящегося сохранить традицию в бурлящих волнах меняющегося послевоенного мира.

Тридцатые годы

Конец 20-х был окутан туманом, в котором смешались ностальгия по прошлому и новые идеи. Богатство и помпезность высшего общества и королевского двора продолжали поражать воображение. Изображения на сигаретных этикетках и на обложках журналов превозносили достоинства светских знаменитостей вроде стареющего чайного магната «Томми» Липтона или хозяйки салона леди Лондондерри. В стране царили знаменитости прежних лет. Элгар оставался автором дворцовой музыки до 1934 г., Киплинг творил до 1936 г. Харди умер в 1928 г. в преклонном возрасте, окруженный почетом. Реализация уже упомянутого принципа «безопасность прежде всего» допускала только самые осторожные формы новаторства. Его политическим выразителем в конце 20-х годов стал лидер лейбористов Макдональд, который и был призван к тому, чтобы сформировать второе лейбористское правительство 1929 г. В прошлом противник войны 1914-1918 гг., во время Всеобщей стачки Макдональд был фигурой, пытавшейся примирить противостоящие стороны; затем он же искоренял социалистический экстремизм и закончил завсегдатаем светских салонов. Короче говоря, Макдональд представлял собой политического деятеля, вполне удобного, для того чтобы аристократия заключила его в свои объятия.

Превратившись в «лицензированного» бунтаря, он был вполне безопасен для общества, жаждущего скромных и подконтрольных перемен. К тому времени Ллойд Джордж превратился в уже забытого политического ветерана, а Черчилль, из-за своей твердолобой позиции в отношении самоуправления Индии, что противоречило политике основной части консервативной партии, остался в изоляции. В связи с этим именно Макдональду суждено было стать надежным проводником на пути к апокалипсису.

Правление второго правительства лейбористов оказалось просто бедственным, но в основном по причинам, от него и не зависящим. В мире не существовало правительства, способного предотвратить крушение американской биржи в октябре 1929 г. и последовавшее за ним нарушение торгового оборота и занятости. Очевидно и то, что лейбористы не сумели предложить ни социалистических, ни каких-либо иных мер, чтобы предотвратить растущую со страшной скоростью безработицу, которая к концу 1932 г. достигла своего пика охватив около 3 млн человек. Хотя во второй половине 30-х годов безработица начала постепенно снижаться, застой в промышленности и социальная деградация, затронувшая многие слои общества, продолжались. Помимо перепроизводства и снижения потребления, т.е. того, что обусловливало кризис во всем мире, существовали и чисто британские его причины. В структуре промышленного производства страны слишком большую роль играли традиционные отрасли, которые давно находились на спаде: угледобывающая, сталелитейная, текстильная и судостроительная. Для этих отраслей были характерны низкие капиталовложения, раздутые штаты и плохое управление. Последнее коренилось в самой культуре Британии, где предпочтение десятилетиями отдавалось возвышенным гуманитарным дисциплинам и джентльменским доблестям, а не обучению навыкам управления и ведения бизнеса.

До 1935 г. никаких признаков оздоровления экономики не наблюдалось. Британская публика уже притерпелась к социальным бедам и без сочувствия относилась к безнадежному положению и отчаянию шахтеров, «голодным маршам» и демонстрациям безработных, к тяжкой и безысходной «жизни на пособие».

Были люди, которые понимали необходимость новой политики, способной пробудить нацию и оживить экономику, способной повернуть развитие страны в другом направлении. Левоцентристской позиции все 30-е годы придерживался Ллойд Джордж, понимавший неизбежность «Нового курса» по американскому образцу. Но этого стареющего пророка мало кто слушал. Крайне левые предлагали свои панацеи: от идей коллективизма Социалистической лиги, впоследствии подхваченных Книжным клубом левых, до чистого сектантства типа коммунистической партии. Сидней и Беатриса Уэбб предпочитали видеть будущее в развитии Советской России. Крайне правый сэр Освальд Мосли сначала примкнул к консерваторам, потом к лейбористам, а затем попытался создать британский вариант фашизма с примесью корпоративного планирования и антисемитизма. Ветераны социализма, писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс, предлагали различные варианты плановой научной утопии. Но самые популярные решения искали в традиционной британской практике политических комбинаций.

В августе 1931г. лейбористское правительство Макдональда оказалось в очень трудном положении. Критический момент наступил, когда фунт зашатался и одновременно в мае был опубликован доклад, в котором правительство обвиняли в чрезмерных расходах и несбалансированности бюджета, что якобы стало причиной промышленного коллапса. От правительства потребовали снижения расходов на социальное обеспечение, в частности на пособия, от которых зависело само существование безработных. В кабинете произошел раскол: одни приняли сторону банкиров, другие – Британского конгресса тред-юнионов. Двадцать третьего августа Макдональд подал в отставку.

На следующее утро вместо ожидаемого нового правительства консерваторов-либералов оказалось, что Макдональд остается премьером нового «Национального правительства», откуда были исключены почти все его коллеги по Лейбористской партии. После последовавших всеобщих выборов, состоявшихся в октябре, это правительство (которое

только что отказалось от золотого стандарта и девальвировало фунт стерлингов) вернулось к власти при поддержке 556 парламентариев. Представительство лейбористов сократилось до 51 человека, причем почти все их прежние министры были забаллотированы избирателями при голосовании.

«Национальное правительство» задавало тон в политике все 30-е годы. Его номинальный глава Макдональд, не вызывавший ничего, кроме сочувствия, постепенно исчезал с политической сцены. Болдуин продержался до 1937 г. Он все же сумел использовать политические и тактические приемы, чтобы в 1935 г. провести через Парламент законопроект, предоставивший Индии большее самоуправление. Подобным же образом ему удалось перехитрить Эдуарда VIII, когда этот некоронованный король, попирая установленные правила, пытался сохранить за собой трон и жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон. Но основной движущей силой правительства стали новые консерваторы-технократы, освободившиеся от стереотипов сельской жизни викторианского периода. Главным среди них был Чемберлен, наследник знаменитой династии из Бирмингема, сделавшийся заметной фигурой сначала в политической жизни страны, а потом и Европы. В начале 30-х он добился некоторого подъема в экономике путем крупных вложений в жилищное строительство и в производство предметов длительного пользования, а также способствуя притоку капитала в развитые промышленные зоны на востоке Центральной Англии и юге страны. Эмиграция из таких старых регионов, как Южный Уэльс, Дарем, Камберленд и Шотландия уравновешивалась ростом центров легкой индустрии и окружающих из рабочих предместий. У правительства выработался особый управленческий стиль регулирования – британская золотая середина в экономической политике. Для фермеров вводили квоты на производство молочных и других продуктов и предусматривали правила по их сбыту. Для жителей городов и пригородов улучшали транспортную систему (лондонская подземка – хороший тому пример), расширяли сеть газового и электрического снабжения. Вводилось в строй дешевое жилье.

На конференции 1932 г. в Оттаве пришел конец веку свободной торговли. Была введена новая система тарифов и так называемые имперские преференции, просуществовавшие до 70-х годов. Влияние таких тарифов на британскую экономику оказалось противоречивым. В некотором выигрыше оказалась только объединенная в картели гигантская стальная индустрия. Избиратели не замедлили высказать свою благодарность. На всеобщих выборах 1935 г. большинство голосов получило прежнее «Национальное правительство», теперь почти целиком консервативное. Этому кабинету консерваторов-управленцев чемберленовского толка широкая поддержка оказывалась до той поры, пока в конце 30-х среди них не произошел новый раскол по вопросам внешней политики.

Экономическая политика «Национального правительства» недвусмысленно строилась на классовом и региональном разделе страны. Для защиты старых промышленных районов были разработаны специальные планы. В обиходе такие районы, как индустриальная Шотландия, северо-восток Англии, Камбрия, Йоркшир, Ланкашир и Южный Уэльс, назывались депрессивными. Они существовали изолировано от остальной части Королевства, и о бедах проживающего там населения в Лондоне и Бирмингеме узнавали, только если там появлялись беженцы оттуда, чтобы участвовать в «голодном марше» или просить милостыню у сограждан, стоящих в очереди за театральными билетами.

По иронии судьбы сообщества людей, живущих в депрессивных районах, оказались замкнутыми в некой самоподдерживающейся модели: производство там сокращалось, а значит, сокращалась облагаемая налогом прибыль. В результате ухудшались условия жизни и ветшало оборудование, т.е. упадок производства ускорялся. На общественное мнение сильнейшее впечатление произвел марш безработных из Ярроу в Лондон.

Среди самых сильных произведений литературы того времени можно упомянуть довольно двусмысленную сагу Джорджа Оруэлла «Дорога к пирсу Вигана», трогательный роман Уолтера Гринвуда «Любовь на пособие», а также драматические повествования Льюиса Джонса «Кумарди» и «Мы живы» – о жизни уэльских шахтерских деревень. Они

рассказывали о мучительных последствиях нищеты, которая явилась результатом государственной политики и повлияла на социальную и культурную жизнь страны. При этом мало что делалось, чтобы устранить причину этих бедствий, кроме отдельных благотворительных акций со стороны квакеров и других идеалистов. Правительство оказывало некоторую поддержку областям, пораженным депрессией, направляя туда специальные комиссии, но не предпринимало никаких серьезных усилий, чтобы перестроить промышленное производство на основе новой региональной политики. Томас Джонс однажды не без иронии предложил превратить эти районы в археологический музей на открытом воздухе, а жителей вывезти на поездах в Дагнем и Хоунсло, чтобы они занялись там чем-то полезным. И все же некоторые нововведения были предприняты, и появились промышленные зоны, где благодаря низкой кредитной ставке и инвестиционным грантам были созданы благоприятные условия для групп предпринимателей, желавших начать здесь бизнес. Так, центром производственной активности в 30-х годах стал город Слау в Бакингемшире. Его ужасающий архитектурный облик стал предметом острой сатиры со стороны Джона Бечемена. Но в целом ограничения, наложенные Министерством финансов и Банком Англии, в сочетании с нежеланием правительства принимать срочные меры оставили районы, производившие важнейшую продукцию, без поддержки. Только после того, как в 1935 г. вышла Белая книга по обороне и началось перевооружение армии, в результате которого стали развиваться машиностроение и самолетостроение, безработица заметно сократилась.

Однако основная причина того, почему индустриальным районам, терзаемым депрессией, не оказывалась поддержка, заключалась в том, что они были сравнительно невелики и изолированны. Большинство населения Британии считало, что жизнь после завершения войны стала вполне сносной и даже во многом благополучной. Тридцатые годы характеризовались низкой инфляцией, возможностью приобрести дешевое жилье и растущим разнообразием предложений на рынке. В период между 1933 и 1937 гг. ежегодно возводилось около 345 тыс. домов. Продолжало процветать автомобилестроение, электротехнические, химические и текстильные предприятия. В центре Англии быстро росли и богатели такие города, как Лестер и Ковентри. Радости жизни становились более доступными. Профессиональные футболисты клуба «Арсенал», принадлежавшего Герберту Чапмену, зарабатывали немного, зато в их меню входило шампанское и бифштексы. Линии лондонской подземки доходили в северном направлении до Кокфостерса на границе с Хертфордширом, а на западе до Уксбриджа на границе с Бекингемширом, что показывает, насколько расширилась система обслуживания и насколько далеко расселилось население, причисляющее себя к «белым воротничкам». В загородных поселках вроде Хендона, Харроу и Кингсбери возникали торговые центры, кинотеатры и футбольные поля. Хаотично расположенные, несколько обособленные дома среднего класса протянулись вдоль всех основных магистралей и даже углубились довольно далеко в сельскую местность, поскольку их еще не сдерживал экологический контроль. Впрочем, такой контроль, призванный сохранить зеленый пояс вокруг городов, уже существовал. Западные авеню, проходящие вне Лондона, стали ассоциироваться с безудержным разрастанием промышленных и жилых кварталов, с беспорядочно расположенными фабриками, сооруженными в псевдоисторическом стиле (последующие поколения по непонятной причине стали считать их памятниками стиля модерн). Отсутствие социальных перемен в Британии, несмотря на безработицу и депрессию, объяснялось не только недостатком экономической возможности и политической воли у населения пострадавших индустриальных районов. Все больше и больше британцев получали возможность наслаждаться радостями жизни в пригородных поселках, почти не ощущая при этом тяжести кризисных лет.

Британия продемонстрировала удивительную стабильность, и этим она сильно отличалась от континентальной Европы, где тоталитарные режимы захватили власть в Германии, Италии и Австрии, а республики во Франции и в Испании находились в

состоянии политического разброда. Социальная и культурная иерархия Британии сохранилась почти без изменений. Авторитет Парламента, судов и чрезмерно расслоенной системы образования оставался весьма высоким. На вершине образовательной системы по-прежнему находились Оксфорд и Кембридж; как и раньше, они представляли собой заповедник для выпускников частных школ. Монархия сохранила уважение подданных, тонко реагируя на внедрение демократических взглядов в массовое сознание. Например, король Георг V ежегодно присутствовал на финале розыгрыша Кубка по футболу на стадионе Уэмбли, где собирался рабочий класс. Празднование серебряного юбилея короля в 1935 г. стало поводом для всенародного ликования. Даже непродолжительный кризис, связанный с отречением Эдуарда VIII, не нанес институту монархии серьезного ущерба. Британцы жили в удобной изоляции от бурлящего страстями континента, населенного непонятными для них народами, до которых им не было никакого дела.

Тридцатые годы оказались для литературы и искусства на удивление плодотворным творческим периодом. Главной фигурой в поэзии оставался Элиот, американец по происхождению и консервативный англокатолик по убеждениям. Его «Четыре квартета» начали выходить в 1930 г. и продолжали появляться даже во время войны. Сам Элиот все больше склонялся к мысли, что драма ближе ему по духу, и в 1935 г. создал «Убийство в соборе» – о страдальческой участи Томаса Бекета. Но наиболее влиятельные писатели этого периода резко критиковали отход от жизни и отчуждение, свойственное, по их мнению, группе Блумсбери в 20-х годах. Молодые поэты У.Г.Оден, Стивен Спендер, Сесил Дей-Льюис и Луи Макнейс отразили в своем творчестве политические бури того времени. Ярким воплощением таких литературных настроений в литературе стала знаменитая поэма Одена «Испания» (1937), на которую его вдохновила недолгое участие в гражданской войне. Примечателен тот факт, что все эти молодые поэты если не стали коммунистами, то сильно увлекались своего рода неомарксизмом. Напротив, самые талантливые молодые писатели-прозаики того периода, Ивлин Во и Грэм Грин, будучи людьми совершенно разных политических взглядов, обратились в католичество.

Английская музыка изменилась мало. Мастер королевской музыки Элгар умер в 1934 г., но после осенне-меланхолического концерта для скрипки, написанного в 1919 г., мало что создал. Романтические мелодии Густава Хольста и Фредерика Делиуса с трудом соперничали с экспериментальными опусами последователей Игоря Стравинского и Арнольда Шёнберга, предлагавших атональную и даже неструктурированную музыку. Музыкальные поэмы Арнольда Бакса и Ральфа Воана Вильямса, написанные с использованием современных композиционных приемов, но при этом глубоко английские по мелодике и темам, показали, что современность можно сочетать с национальной традицией.

Для изобразительного искусства – и в живописи, и в скульптуре – 30-е годы стали временем больших взлетов и новаторства. Работы Генри Мура, сына йоркширского шахтера и ученика Джейкоба Эпстайна, вдохнули жизнь в английскую скульптуру. Еще одним первооткрывателем в этой области стала жена художника Бена Николсона – Барбара Хепуорт. Для живописи того времени характерно необычное разнообразие – рядом с деревенскими полотнами Стэнли Спенсера, наполненными христианской символикой, успешно сосуществовали картины Нэша, который увлекался французским сюрреализмом. В результате того, что в архитектуре и дизайне тоже наступила долгожданная пора новаторства, британские города стали значительно лучше выглядеть. Такого не было со времени процветания Нормана Шоу, Чарлза Войси и Чарлза Ренни Макинтоша, творивших до 1914 г. Британская архитектура продемонстрировала много интересных находок и настоящее чувство освобождения от старых установок. Это проявилось и во впечатляющих фрагментах общественных зданий, созданных под влиянием Вальтера Гропиуса и немецкой школы «Баухауз», и в элементах ар нуво и ар деко, украсивших фабричные корпуса и здания кинотеатров «Одеон», и даже в привлекающем взор оформлении таких обычных, но важных сооружений, как станции лондонского метро, построенных по проектам Франка

Пика и Чарлза Холдена. В области, доступной для широкого круга людей, тоже наметился заметный культурный прогресс, хотя и не культурная революция, – оживилась Королевская академия и такие фестивали популярного искусства, как лондонские *proms* сэра Генри Вуда, проводимые в Альберт-холле.

Если не считать промышленных районов, пораженных депрессией, Британия 30-х годов выглядела как страна, вполне довольная собой и испытавшая подъем творческих замыслов во многих областях культуры. Это настроение резко изменилось в 1937 г., но не из-за внутреннего разлада или переоценки ценностей, а под влиянием событий, происходивших за рубежом. Внутренняя стабильность 20-х и 30-х годов зиждилась на неизменности британской внешней политики. Общество реагировало на предложение Кейнса в 1919 г., и его недоверие стало причиной свержения Ллойд Джорджа в 1922 г. Правые не желали ввязываться в военные авантюры за границей, а левые считали, что условия мира, подписанного в 1919 г., были жесткими и не заслуживают морального оправдания, так как они не ставили целью достижение гармоничного мира, а являлись продуктом империалистической конкуренции. В 20-х годах в Британии предполагали, что в течение еще десяти лет никаких больших войн не случится. В связи с этим британский оборонительный потенциал был ослаблен, что не вызывало протеста общественности. Особенно пострадал военный флот: Черчилль, будучи министром финансов, значительно урезал средства на его содержание. Новая, внушительная по своим размерам, только что достроенная морская база в Сингапуре уже казалась анахронизмом. Британия продолжала оказывать военную поддержку индийским раджам, но постепенно Лондон сумел договориться с Махатмой Ганди и Индийским национальным конгрессом, и в результате военный гарнизон на субконтиненте был сокращен с 57 тыс. человек в 1925 г. до 51 тыс. в 1938 г. Таким же образом постепенно начали налаживаться нормальные отношения с Ирландским свободным государством, и в 1936 г. были подписаны соглашения и практически ликвидированы ирландские долги Британии. Это свело к минимуму возможность военного или военно-морского конфликта с этой страной.

Даже приход к власти Гитлера, ставшего канцлером Германии в январе 1933 г., не вывел общественность Британии из пассивного состояния. За исключением представителя профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих Эрнеста Бевина, лейбористское движение было настроено пацифистски. Рабочие вообще не хотели голосовать за расходы на вооружение, планируемые консервативным в своей основе «Национальным правительством». Среди левых социалистов встречались сторонники Народного фронта, как, например, сэр Стаффорд Криппс, который настаивал на необходимости союза с СССР и утверждал, что только социализм способен разрешить международные противоречия.

Консерваторы, в свою очередь, не желали никаких авантюр во внешней политике, особенно после того, как Болдуин заверил народ, что в будущей войне оборона будет невозможна, поскольку определяющими в ее ведении станут военно-воздушные силы. Бомбардировщик, с его точки зрения, остановить нельзя. Консерваторы мало что сделали, когда потребовалось поддержать авторитет Лиги Наций при разрешении конфликтов в Маньчжурии (1931) и Абиссинии (1935). Среди правых появились люди, говорившие об общности Великобритании и гитлеровской Германии, якобы объединенных тевтонским происхождением и идеями антикоммунизма. Такие, в частности, встречались среди газетных магнатов. Группа подобных политиков и журналистов нашла приют в особняке лорда и леди Астор в Кливдене, на берегу Темзы близ Марло. Широко распространилось мнение, что именно эти люди оказывают влияние на поведение Министерства иностранных дел, настраивая данное ведомство в нужном им политическом направлении.

Когда пришла пора действовать, общество оказалось к этому не готово. В начале 1936 г. Гитлер, нарушив версальские договоренности, вступил в Рейнские земли. Дать военный отпор этой акции призывали свое правительство только несколько политических деятелей, и среди них пребывавший в изоляции, непопулярный тогда Черчилль. Еще раньше, когда Италия захватила Абиссинию, британская публика хотя и неохотно, но одобрила политику

умиротворения, проводимую Министерством иностранных дел. В действительности итальянцам позволили оккупировать древнюю империю Африканского Рога при минимальной экономической и военной вовлеченности Британии. Официально много говорилось о поддержке Лиги Наций и о духе коллективной безопасности, но на этом все и заканчивалось. Сэра Сэмюэла Хора, министра иностранных дел, принесли в жертву общественному мнению и отправили в отставку после событий в Абиссинии. Но было очевидно, что политика умиротворения Бенито Муссолини являлась результатом коллективного решения кабинета. Правительственные документы, с которыми теперь можно ознакомиться, подтверждают данный факт. К тому же Хор через несколько месяцев вернулся в правительство, что не вызвало практически никаких возражений. В Испании, где демократически избранное левое республиканское правительство подверглось нападению со стороны правых националистов под предводительством генерала Франко, мятежникам была оказана поддержка со стороны Италии и Германии поставками вооружений. В это же время Британия продолжала твердо следовать принципу невмешательства, хотя такая политика в конечном итоге привела к падению демократии в Испании. В октябре 1937 г. к власти пришел авторитетный политический деятель Н.Чемберлен, который, в отличие от пассивного сторонника умиротворения – Болдуина, был убежден в необходимости активного поиска компромисса с фашистскими диктаторами. Этот факт отразил растущее настроение в поддержку политики невмешательства в дела стран Европы. Такие важные государственные фигуры, как сэр Хорас Вильсон и сэр Невил Гендерсон, посол Великобритании в Германии, много способствовали утверждению подобных настроений.

Однако на разных уровнях общественное мнение начало меняться. Одновременно и правительство стало подумывать о том, что необходимо перестроить национальную оборону, особенно воздушную. Начиная с 1935 г. в процессе модернизации были созданы новые военно-воздушные силы на базе истребителей и радиолокационные установки для защиты воздушного пространства, где использовались новейшие технологии. В коридорах власти время от времени стали слышаться голоса ученых, таких, как Генри Тизард и его соперник Фредерик Линдемаун. Невзирая на давление со стороны Министерства финансов, которое беспокоилось о состоянии платежного баланса, к 1937 г. программа перевооружения шла полным ходом. Теперь уже известно, что неофициально были достигнуты финансовые договоренности с Соединенными Штатами, без помощи которых Британия, все еще находившаяся в трудном экономическом положении, не справилась бы с выполнением военной программы.

На общественное мнение сильно повлияли события гражданской войны в Испании. Не только поэт Оден и писатель Оруэлл, но многие рабочие, движимые чувством интернационализма, пошли сражаться добровольцами в Интернациональную бригаду. Кроме того, еврейские беженцы из Германии донесли до британской общественности правду о гитлеровском режиме и разгуле антисемитизма. Даже такие профсоюзные лидеры, как Бевин и Уолтер Сирин, представители левого крыла лейборизма, резко осудили неопацифистов из числа руководителей Лейбористской партии за то, что они отказали в помощи оружием профсоюзам и рабочим группам Германии и Австрии, которых затем уничтожил фашистский режим. Чемберлену становилось все труднее балансировать между политическими силами, которые придерживались разной позиции. К тому же для премьер-министра он был недостаточно гибким.

Когда Германия в 1938 г. захватила Австрию и начала угрожать Чехословакии под предлогом защиты судетских немцев, живших на западной границе Чехии, британское национальное сознание оказалось в кризисной ситуации. Чемберлен со своей стороны проявил решительность. На переговорах в Берхтесгадене, Бад-Годесберге, а затем в Мюнхене в 1938 г. он пришел к соглашению с Гитлером. Все свелось к тому, что британский премьер-министр позволил немцам аннексировать Судеты, когда они этого захотят, без всякого военного вмешательства со стороны Британии и Франции. На короткое

время показалось, что такая политика уступок отражает настроение общества. Чемберлен вернулся с переговоров как триумфатор и объявил, что в годы его правления в стране будет мир. Но подобному уклонению от ответственности больше не существовало оправдания. Тем, кто утверждает, что Чемберлен старался выиграть время и дать возможность Британии лучше подготовиться к военному противостоянию с Германией, нужно заглянуть в протоколы заседаний кабинета и обнаружить, что в них нет ничего подтверждающего это суждение. Критические выступлениям Черчилля, его соратников и особенно демарш Идена, подавшего в отставку из Министерства иностранных дел в знак протеста против внешней политики Чемберлена, теперь значительно больше отвечали чувствам британцев. Когда же в конце 1938 г. стало ясно, что в соответствии с мюнхенским соглашением демократия в Чехословакии принесена в жертву немецкой военной агрессии, весь народ был охвачен гневом. Чемберлен, который несколько месяцев назад казался неприступной скалой, самым влиятельным политиком после Ллойд Джорджа в 1916 г., неожиданно был дискредитирован. Процесс перевооружения ускорился, и начались переговоры с профсоюзами машиностроительных отраслей по поводу выпуска военного снаряжения и самолетов.

Когда в марте 1939 г. Гитлер захватил Прагу, произошел взрыв народного возмущения. Под его давлением Чемберлену пришлось принять на себя обязательство защищать Польшу в случае нападения на нее немцев, хотя эта страна, расположенная в Восточной Европе, находится достаточно далеко от Британии. При этом никакой гарантии, что СССР возьмет на себя защиту польских восточных границ, не существовало. Долгий период, тянувшийся больше ста лет, в течение которого Британия практически не вмешивалась в дела континентальной Европы после завершения войны на Пиренейском полуострове в 1812 г., неожиданно закончился. Общественное мнение заставило правительство действовать. Была предпринята официальная попытка договориться с Советским Союзом, но дела шли настолько медленно, что последний предпочел подписать в августе1939 г. пакт с Германией. В течение лета утвердилась решимость противостоять немецкой агрессии объединенными силами всей страны и империи.

Первого сентября 1939 г. Гитлер сделал роковой шаг и оккупировал Польшу. После нескольких отчаянных попыток добиться хоть какого-нибудь компромисса Чемберлен выступил по радио 3 сентября и заявил, что Британия объявляет войну Германии. В стране не нашлось никого, кто выразил бы несогласие. Даже в очень небольшой по численности Коммунистической партии Великобритании многие руководители разделяли антифашистские взгляды и не одобряли официальную линию Москвы. В Палате общин в поддержку новой правительственной стратегии выступил Артур Гринвуд, член Лейбористской партии, который говорил «от имени Англии» и, как показали последующие события, от имени Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии и всех доминионов.

В последние годы политика умиротворения вызывала много разногласий, и чем дальше, тем острее и непримиримее они становились. Самоуспокоенность, характерная для начала 30-х годов, была забыта. Между «Национальным правительством» и Лейбористской партией постоянно происходили столкновения по поводу возрастающей безработицы, пособий для безработных и проверки нуждаемости в целях правомерности этих выплат, а также связанных с ними злоупотреблений. Правые тоже были расколоты на «сторонников Мюнхена»: Чемберлена, Саймона, сэра Сэмюэла Хора и их последователей – и на критиковавших их националистов, возглавляемых Черчиллем, который объявил политику умиротворения трусливой и позорной. События в Чехословакии, несмотря на удаленность, произвели такое впечатление, что объединили правых и левых, чего не произошло после событий в Испании или Абиссинии. Внутренние и внешнеполитические противоречия слились в один бурлящий поток. Творец процветания 30-х годов, кумир среднего класса – жителей городских предместий, самая известная фигура уходящего десятилетия, Чемберлен неожиданно превратился в символ всеми ненавидимого, прогнившего политического строя. В ходе острой полемики 1940 г. два блестящих журналиста-радикала – Майкл Фут и Фрэнк

Оуэн объявили его «главным виновником» происшедших событий. Эта общественная дискуссия стала, пожалуй, самой впечатляющей со времен Джона Уилкса.

Под руководством человека, подобного Чемберлену, любому обществу было бы трудно объединиться ради общего дела. Но Британии это удалось, так же как и в августе 1914-го. Когда в 1939 г. разразилась война, единодушие охватило всю страну и все классы. Снова, как в 1914 г., войну представляли себе как поход за освобождение угнетенных народов и рас, что соответствовало истине в большей степени, чем в 1914-м. Средний и рабочий классы, капиталист и рабочий, социалист и консерватор понимали смысл войны по-разному или, вернее, определяли в ней разные приоритеты. Но необходимость ее понимали все, и это создало новый базис для общего согласия (консенсуса). Как и двадцать лет назад, среди волнений и тягот Великой войны Британия обрела чувство единения и общенациональной цели.

Вторая мировая война

Настроение общества в начале Второй мировой войны было заметно спокойнее, чем в августе 1914 г. Не слышались страстные призывы ни от сторонников милитаризма, ни от пацифистов, как это случалось совсем недавно, Отчасти такое положение объяснялось довольно любопытной особенностью первого периода военных действий вплоть до апреля 1940 г., получившего название «странной войны», Всем казалось, что сражения происходят так далеко, что интерес к ним носил чисто академический характер. Эта необычная, непонятная для многих стадия войны хорошо описана в романе Ивлина Во «Не жалейте флагов». Повсюду проходили учения по противовоздушной обороне, в парках были вырыты окопы, в воздухе висели аэростаты заграждения, на зданиях размещалась зенитная артиллерия. Мужчины, женщины и дети получили 38 млн. противогазов. Сотни тысяч школьников были эвакуированы из больших городов в более безопасные сельские районы (хотя позднее многие из них потихоньку вернулись домой). Карточки на продукты, одежду, бензин и другие необходимые вещи быстро стали обычным делом. Сначала война не была богата событиями, и народ по старой традиции радовался победам британского флота, одержанным далеко от Британских островов. Например, такое произошло, когда в 1939 г. три британских судна в морском рукаве реки Плейт, недалеко от бухты Монтевидео, загнали в безвыходную ситуацию немецкий линкор «Граф Шпее».

Неопределенность общественного настроения являлась отражением двусмысленного положения самого правительства. Хотя кабинет подвергся реорганизации – в него был включен Черчилль, как это случилось с его возвращением в Министерство военно-морского флота в 1914 г., но в целом верховный орган власти остался тем же «Национальным правительством», что и в момент своего формирования в 1931 г. Профсоюзы в особенности относились к нему с глубоким недоверием, поскольку во главе кабинета стоял их старый противник и классовый враг Чемберлен. Однако в апреле 1940 г, «холодная война» начала разогреваться. Немцы оккупировали Норвегию, нанеся поражение британским морским и сухопутным силам, расквартированным в Нарвике. Вскоре пали Нидерланды и Бельгия, а французские войска в беспорядке отступали. Теперь над Британскими островами нависла непосредственная угроза.

Политический порядок 30-х годов больше не мог продолжаться. Седьмого-восьмого мая 1940 г. в Палате общин произошел судьбоносный раскол, и восемьдесят представителей от партии консерваторов подняли бунт против Чемберлена. Через два дня он подал в отставку, и премьер-министром военного времени стал Черчилль. В новое правительство вошли также лейбористы и либералы. Смена премьера, в отличие от декабря 1916 г., обошлась в целом без тайных интриг, поскольку Черчилля поддерживали и пресса, и Парламент. К тому же заметно большую лояльность проявило командование сухопутных, морских и военно-воздушных сил, чего никогда не было во времена Ллойд Джорджа.

Как никто из его современников, Черчилль воплотил в себе традиционный дух

патриотизма. Война придала его карьере новый импульс и обнаружила новые способности. В этот «звездный час» для его страны вдохновенные речи Черчилля по радио и в Палате общин помогли нации раскрыть новые возможности и мобилизоваться. Он умел даже унизительное военное поражение при Дюнкерке представить как триумф британской изобретательности и решимости. Когда в середине июня Франция была оккупирована немецкими войсками, территориальная неуязвимость Британии оказалась под такой угрозой, какой она не подвергалась со времен Наполеона в 1804 г. Нация осталась один на один с врагом.

Степень готовности Британии к обороне в сухопутном и морском отношениях оставалась весьма сомнительной. В тылу помимо мобилизованных резервистов существовали еще отряды местной самообороны, которые состояли из гражданских лиц и которые впоследствии не без юмора были названы «стариковской армией» любителей вносить путаницу. К счастью, ее боевой дух так и не был подвергнут испытанию. Настоящая битва происходила в воздухе, где благодаря усилиям газетного магната, а теперь министра авиационной промышленности лорда Бивербрука количество истребителей типа «Спитфайер» и «Харрикейн» резко возросло. Начиная с середины августа немецкие военно-воздушные силы волна за волной атаковали сначала аэродромы и военные заводы, а затем, в 1941 г., принялись за Лондон, Ковентри, Плимут, Ливерпуль, Гулль, Суонси, а также другие города и морские порты. Но, несмотря на страшные бомбардировки, граждане не утратили мужества, а оборонительные сооружения почти чудом устояли. В августе-октябре 1941 г. легендарные пилоты «Спитфайеров» и «Харрикейнов», которых называли «избранными» (среди них было много поляков, чехов и канадцев), приняли на себя тяжелый удар *Luftwaffe*. К Рождеству опасность внезапного вторжения на Острова миновала, хотя воздушные налеты на Лондон и другие города продолжались. Популярность Черчилля чрезвычайно возросла, а с ней и чувство всенародного единства. Дюнкерк и битва за Англию в небе породили тысячи легенд, толки о глубинном изоляционизме Британии и ни на чем не основанное ощущение самодостаточности. В результате после войны идея европейского единства была встречена британцами холодно. Они прекрасно понимали, что из всех воюющих западных демократических стран им одним удалось избежать оккупации, как, впрочем, удавалось всегда начиная с 1066 г. В том, что происходившее в 1940 г. британцы назвали «звездным часом», отразились гордость и энтузиазм, рожденные в момент высшего исторического напряжения.

Впоследствии военные события на суше, а особенно на море и в воздухе оказали огромное влияние на международный и имперский статус Великобритании. Вначале война казалась традиционным европейским конфликтом, в ходе которого речь шла о защите национальной безопасности и балансе сил на Западе. Поэтому, чтобы защитить Ла-Манш и прикрыть его с Запада, значительная часть британского военного флота была размещена в Северном море и в Северной Атлантике. Однако можно считать, что эта фаза войны пришла к завершению уже летом 1941 г., когда планы Германии относительно оккупации Британии (хотя Гитлер всегда испытывал сомнения по этому поводу) или нанесения ей серьезного ущерба путем воздушных атак *Luftwaffe* – были сорваны. Непосредственная угроза Британским островам миновала, и британскому торговому флоту благодаря соглашению с США по ленд-лизу (начиная с 1941 г.) удалось наладить поставки продовольствия и сырья населению в течение всей войны, хотя немецкие подводные лодки еще долго продолжали топить английские корабли. Черчилль не спускал глаз с портов нейтральной Ирландии и ее премьер-министра де Валеры, настроенного антибритански. Даже разрушения и угроза человеческим жизням в Юго-Восточной Англии, вызванные ударами управляемых ракет «Фау-l» и «Фау-2» с военных баз в Нидерландах летом и осенью в 1944 г., не смогли нанести серьезного ущерба безопасности страны в целом.

Уже в конце 1940 г. в ведении войны появились имперские мотивы. Сначала целью военных операций являлось спасение Западной и Центральной Европы от агрессии германского фашизма, но затем усилия были направлены на сохранение Британского

Содружества и империи в том виде, в каком она существовала много лет. Белые доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Канада и, после некоторого колебания, Южная Африка – сразу начали оказывать помощь метрополии сырьем и другими средствами для усиления британского флота. От Индии и Египта были получены большие кредиты, так называемые «стерлинговые авуары», из-за которых после войны британское правительство имело множество неприятностей, но во время военных действий они помогли Британии расплатиться за поставки, а также отчасти возместить ущерб от потери заморских активов и снижения «невидимой» прибыли морских перевозок.

Когда в июне 1941 г. в войну вступил Советский Союз и особенно в декабре 1941 г. – после присоединения к союзникам Соединенных Штатов в результате нападения Японии на американский флот в Пёрл-Харборе – стало ясно, что война приобрела характер мировой и сражениями охвачены все континенты и океаны, а следовательно, гигантская структура Британской империи находится под смертельной угрозой.

Основные военные усилия на море, на суше и в воздухе Британия направила на сохранение традиционных связей на Ближнем Востоке, где центром был Суэцкий канал, а также баз в Персидском заливе и вокруг богатейших нефтяных месторождений. Когда итальянцы в 1940 г. вступили в войну на стороне Германии, британские войска с успехом сражались с ними в Абиссинии и Сомали. Но еще больше сил было брошено на защиту Египта и побережья Северной Африки. В 1941 г. британские войска под командованием генерала сэра Арчибальда Уэйвелла захватили всю Киренаику и двинулись на Триполи, но позднее были вынуждены отступить назад, к Египту. Сдача Тобрука в начале 1942 г. привела к серьезному политическому кризису в Великобритании, и даже положение Черчилля оказалось под угрозой.

Во второй половине 1942 г. основные военные действия осуществлялись британской 8-й армией под командованием сначала генерала Клода Аучинлака, а затем Бернарда Монтгомери с целью остановить продвижение немцев на Каир и Суэц. Окончательный прорыв Монтгомери в ноябре 1942 г. при Эль-Аламейне позволил английским войскам пересечь территорию современной Ливии, дойти до Триполи, а затем до Туниса. Там Монтгомери соединился с американскими частями под командованием генерала Омара Брэдли, которые высадились в Алжире и двигались в восточном направлении. Последующие совместные операции, такие, как высадка на Сицилии и продолжительный марш через Италию (с берегового плацдарма в Анцио и до самых Альп), имели целью сохранить важные для империи стратегические коммуникации и обеспечить контроль над Восточным Средиземноморьем. Те, кто считал, что необходимо открыть второй фронт во Франции в 1943 г., чтобы помочь Красной армии, боровшейся с немцами на оккупированной ими российской территории, с гневом и возмущением смотрели на концентрацию сил в районе Средиземного моря. Но Черчилль настоял на своем плане. В 1944 г. английские войска высадились в Греции – не только для того, чтобы изгнать оттуда немцев, но и для подавления действовавшего там левого движения ЭЛАС.

На Дальнем Востоке тоже потребовалось приложить отчаянные усилия, чтобы не допустить разрушения империи. Японские войска завоевали Китай, Индокитай и дошли до голландских колоний в Ост-Индии, захватив все американские военные базы на Филиппинах. Это заставило Черчилля сменить приоритеты и выдвинуть Дальний Восток с его подступами к индийскому субконтиненту на первое место в военной стратегии. Здесь англичане понесли огромные потери. В декабре 1941 г. японские бомбы и торпеды потопили линкоры «Принц Уэльский» (*Prince of Wales*) и «Отпор» (*Repulse*). Затем японцы стремительно двинулись через Малайю и 15 февраля захватили Сингапур, взяв в плен 80 тыс. солдат, уроженцев Британии и стран империи. Эта катастрофа стала результатом серьезных просчетов как со стороны командующего, генерала Персиваля, так и самого Черчилля, который недооценил военную силу Японии. Выступая в Палате общин, премьер-министр назвал происшедшее «самой ужасной капитуляцией во всей истории Британии». Поражение стало важной вехой в процессе распада империи. Например, с тех пор

Австралия и Новая Зеландия искали защиты на Тихом океане скорее у Соединенных Штатов, чем у метрополии.

Однако в дальнейшем подобных поражений не последовало. Продвижение японцев на Бирму было остановлено силами «чиндитов»* под командованием Орда Уингейта, о котором много писали и говорили. В результате британское правление в Индии устояло, несмотря на угрозу изнутри, со стороны партии Индийский национальный конгресс, и со стороны Японии, напавшей на Бирму. К концу 1944 г., невзирая на потерю Малайи, Сингапура и Гонконга, положение Великобритании в Тихоокеанском и Восточноазиатском регионе оставалось прочным, хотя и зависело от американской сухопутной и военно-морской помощи.

В июне 1944 г. центр тяжести военных действий снова переместился в Европу: союзные войска под командованием генерала Дуайта Эйзенхауэра и генерала Монтгомери начали освобождение Франции с плацдарма в Нормандии. Военные историки до сих пор спорят по поводу военной тактики Великобритании в завершающий период войны. Особенно много противоречий вызывают промедления в продвижении через Северную Францию и Нидерланды. Высадка десанта в Арнеме закончилась поражением. Но все равно это была стремительная и триумфальная кампания. Девятого мая 1945 г. именно Монтгомери принял официальную безоговорочную капитуляцию германских войск в Люнебург-Хит. Несколькими днями раньше Гитлер покончил с собой. После двух атомных бомбардировок, разрушивших города Хиросима и Нагасаки и унесших жизни 110 тыс. человек, Япония тоже сдалась.

Эта война не породила ни сомнений в ее необходимости, ни восторженного джингоизма, как Великая война 1914-1918 гг., но она укрепила национальное самосознание. Главным было то, что в течение шести лет, пока длилась Вторая мировая война, погибло меньше британцев, чем за четыре года изнурительного окопного противостояния 1914-1918 гг. За шесть лет было убито 270 тыс. военнослужащих и 60 тыс. мирных жителей погибло в результате воздушных налетов немецкой авиации. Военные действия происходили далеко от Британских островов и носили эпизодический характер. Кроме того, они велись более эффективно благодаря хорошей технической оснащенности. Даже такие ветераны движения за мир, как философ Бертран Рассел, считали эту войну почти «оправданной». Но многие жизненно важные вопросы, касающиеся внешнеполитической роли Британии, оставались без ответа. Несмотря на то что Англия вернула себе контроль над Гонконгом, Сараваком, Малайей и Сингапуром в Азии, а также над Британским Сомали в Африке, имперская система на Дальнем и Ближнем Востоке подверглась тяжелому испытанию. На всех конференциях военного времени и на Потсдамской конференции июля-августа 1945 г. американцы старались ускорить процесс деколонизации, что заставило Черчилля сказать однажды, что он не затем стал первым министром короля и вел кровавую войну в течение шести лет, чтобы председательствовать на похоронах Британской империи. Но события опередили его замыслы.

Воздействие войны на внутреннюю жизнь страны было тоже огромным. Как и во время прошлой войны, в образе жизни и структуре населения Британии произошли большие перемены: вся социальная и экономическая жизнь была централизована и поставлена под государственный контроль. Но в отличие от 1914-1918 гг. бюрократический аппарат работал более эффективно, поэтому предполагалось, что он будет функционировать таким же образом и в послевоенный период. Итогом войны стало осознание необходимости равенства людей, осознание, какого Британия не знала за всю свою предшествующую историю. Писателю Оруэллу даже показалось, что произошла социальная революция, о чем он написал в своем произведении «Лев и Единорог». Карточная система, противогазы, удостоверения личности и другие меры военного времени выпали на долю каждого в равной степени и создали ощущение справедливости для всех. Все вместе страдали от

---

* Специальные войска, действовавшие за линией фронта.

воздушных налетов. Огромное впечатление оказала на детей Лондона, Бирмингема, Ливерпуля и других городов эвакуация в сельскую местность Англии и Уэльса. Впервые представителям разных слоев населения, никогда не встречавшимся прежде, пришлось столкнуться нос к носу, хотя это не значило, что они поняли или полюбили друг друга. Эвакуация дала возможность значительно улучшить питание и медицинское обслуживание детей, живших в городских трущобах, что положительно сказалось на их физическом и умственном развитии. Что же касается их родителей, то после страшного упадка 30-х годов война обеспечила им полную занятость. Равенство военных лет дало надежду на возможность социального планирования, хотя связь между людьми, работавшими на заводе или в шахте, и лондонскими бюрократами, отнюдь не сидящими за чертежными досками или проводящими время на совещаниях, была очевидной и хорошо отлаженной. В результате ощущение единства и равенства в принесении жертв, возникшее в годы войны, породило новые требования к публичным политикам. У всего населения, в том числе у военных, созрело убеждение, что на этот раз лозунг превращения Британии в «страну, достойную своих героев» не должен быть забыт и отброшен, как это случилось после 1918 г. Такое настроение британцев нашло точное отражение на страницах иллюстрированного журнала «Пикчер пост», издаваемого во время войны Томом Хопкинсоном, в газете «Дейли миррор» и в популярных радиопередачах, которые вел йоркширец Дж.Б.Пристали, чей природный радикализм напоминал стиль Уильяма Кобетта.

Самым известным документом, также отражающим запросы людей того времени, стал доклад Уильяма Генри Бевериджа, обнародованный в ноябре 1942 г. Сам Беверидж был экономистом строго академического толка, но в своем докладе он предложил современную схему системы социального обеспечения, в которой предусматривались пособия по беременности и на детей, страхование на случай болезни и безработицы, пенсии по старости и вспомоществование на похороны, финансируемые из доходов от налогообложения. Восторженная реакция публики на этот доклад сделала совсем нехаризматичного Бевериджа знаменитостью, и он получил прозвище Народный Уильям. Такая реакция показала, что социальные вопросы останутся в центре внимания общественности и после войны, а среди них приоритетным станет бесплатное национальное здравоохранение. Доклад Барлоу, в действительности увидевший свет еще в 1940 г., предложил полную реконструкцию экономики районов, пострадавших от депрессии. В результате в 1945 г. был принят Акт о распределении промышленности, и, хотя и с большим опозданием, пошел процесс экономического восстановления таких регионов, как северо-восток Англии и Южный Уэльс, где началась диверсификация и модернизация их инфраструктуры. Доклад Утвотта, сделанный в 1942 г., предложил новый, динамичный подход к городскому строительству. В нем предусматривалось сохранение «зеленого пояса» вокруг городов, меры по контролю за использованием земли и создание новых городских поселков для жителей переполненных старых городов. В основе всех этих планов, выношенных во время войны, лежало намерение добиться полной занятости населения, о чем упоминалось и в бюджете 1943 г., и в Белой книге правительства 1944 г. Было решено, что трагедия 30-х годов, которая привела к застою, бессмысленной трате человеческих и экономических ресурсов и разобщению людей, не должна повториться. Деятели, некогда возглавлявшие демонстрации безработных, теперь работали в правительстве. Среди них – Эллен Уилкинсон (Красная Эллен), член Парламента от Ярроу, в свое время принимавшая участие в организации «голодного марша» 1936 г.

Эта мода на социальные нововведения подкреплялась изменением фискальной политики с упором на антициклические меры, управление спросом и бюджет, учитывающий трудовые ресурсы страны. Подобные новшества были подержаны даже такими традиционалистами, как министры финансов военного времени Кингсли Вуд и сэр Джон Андерсен. Сам Кейнс работал в то время в Министерстве финансов и оказывал большое влияние на группу экономистов, работавшую в кабинете министров. Некогда он резко критиковал послевоенную внутреннюю политику 1919 г., а теперь стал ключевой фигурой

не только при определении бюджетной политики внутри страны, но и при заключении международных финансовых договоренностей, в частности при попытке создать благоприятные условия для международной торговли путем принятия Бреттон-Вудской валютной системы. Люди, придерживавшиеся прежде весьма традиционных взглядов, в новой обстановке предлагали самые радикальные меры, например: национализацию основных отраслей индустрии и Банка Англии; введение налога на наследуемый капитал; создание сети государственных медицинских учреждений, где весь персонал получал бы установленную зарплату. Все это провоцировало постоянные столкновения в коалиционном кабинете между министрами – консерваторами и министрами – лейбористами, которые сопровождались снайперским огнем с задних скамеек, где сидели такие флибустьеры, как непоколебимый Эммануэль Шинвел, еврей из Глазго, и блестящий оратор Эньюрин Бивен, бывший шахтер из Уэльса. Впечатляющие социальные и интеллектуальные дискуссии, происходившие под покровительством лидера военного времени Черчилля, значительно больше отвечали духу времени и интересовали публику, чем споры о «реконструкции» 1917-1918 гг.

Война возродила в литературе и искусстве интерес к традиционным ценностям. Но что показательно, литературное творчество не ощутило такого подъема, как в 1914-1918 гг. Ничего похожего на поколение «военных поэтов» не появилось. Художники-баталисты получали государственные дотации для изображения на полотне немецких воздушных налетов и других событий военного времени. Среди них можно упомянуть самых известных: Мура, Джона Пайпера и Грэма Сазерленда.

Любопытно отметить, что музыка, особенно под покровительством Совета по поддержке музыки и других искусств, получила в это время мощный стимул для своего развития. Леди Мира Гесс с успехом давала дневные фортепьянные концерты, что показывало возросший интерес публики к музыкальному искусству. Такие композиторы, как Майкл Типпетт (пацифист по убеждениям, написавший трогательное и очень гуманное по своей сути произведение «Дитя нашего времени») и Бенджамин Бриттен откликнулись на события замечательными творениями. Опера Бриттена «Питер Граймс», впервые исполненная в июне 1945 г., вдохнула новую жизнь в английское оперное искусство, которое все еще черпало идеи из легких по жанру произведений Гилберта и Салливана пятидесятилетней давности. Во время войны кино наконец было признано новой формой искусства. Фильмы на военную тему, такие, как «Где мы служим» и «Короткая встреча», говорили о разлуках, утратах и жертвах, наполняя киноиндустрию, с обычным для нее сильным уклоном в коммерцию, творческим и реалистическим содержанием.

Однако, по мнению публики, из всех средств массовой информации главную роль в распространении культуры играло радио Би-би-си. В те времена самыми известными эстрадными артистами и комментаторами были комик Томми Хендли, популярная певица Вера Линн, военные корреспонденты Ричард Димблби и Винфорд Воган Томас. В обстановке, когда население остро воспринимало непривычные социальные и интеллектуальные новшества, Би-би-си играло роль умиротворяющей силы, провозглашая преданность Богу, королю и семье, а также верность национальному наследию. Шесть лет военных испытаний показали, что именно это и нужно было народу.

Все большее беспокойство вызывало и состояние образования простого народа. С 1918 г. британская образовательная система не претерпела практически никаких изменений, хотя ее развитие в 1922 г. было приостановлено комитетом, возглавляемым сэром Э.Гемесом, который существенно сократил финансирование этой общественной службы. Основная часть рабочих вообще не получала среднего образования, а вплоть до 1939 г. число учащихся, посещавших университеты и другие высшие учебные заведения, по международным стандартам оставалось чрезвычайно небольшим. Причем все студенты являлись выходцами из богатых семей или семей среднего класса. Исключение составлял только Уэльс. В 1944 г. был принят закон Батлера о реорганизации системы образования, который стал еще одним важным социальным завоеванием военного времени. Закон

заложил основы для новой, общедоступной системы среднего образования, разделив ее, как Цезарь Галлию, на три части: среднюю современную школу, классическую (grammar) и техническую. Этот акт оживил классическую школу и подготовил почву для будущих крупных вложений в строительство школьных зданий и приобретение для них нового оборудования. Таким образом было обеспечено широкое распространение грамотности и высокая степень социальной и профессиональной мобильности. В послевоенный период наступила эра молодежи, закончившей классическую школу; в то же время стандарты образования в «современных» («modern») школах, которые заканчивало менее удачливое большинство, все время подвергались критике.

После Первой мировой войны официальные круги провозгласили возврат к традиционным ценностям и идеям, но среди рабочих и интеллектуальной элиты популярными были социальные реформы и даже революционные идеи. Во время Второй мировой войны между устремлениями и реальностью стало значительно меньше расхождений. Жажда перемен у народа и молчаливое признание руководящей верхушкой того, что предвоенное общество было несправедливым и социально разделенным, оказались созвучны друг другу и превратились в один из самых главных результатов войны для британцев. Важным аспектом этих изменений явилось то, что профсоюзы, в отличие от периода, последовавшего после 1918 г., перестали играть роль аутсайдеров. Бевин, пользовавшийся большим авторитетом и возглавлявший профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих, стал одной из самых влиятельных фигур в правительстве, после того как в мае 1940 г. Черчилль назначил его министром труда. Под его руководством профсоюзы начали работать с правительством над проблемой урегулирования трудовых отношений, улучшения условий труда в промышленности и над выработкой стратегии экономического планирования, чего раньше никогда не бывало. Ситрин, занимавший пост генерального секретаря Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), практически стал еще одним членом правительства.

Нельзя сказать, что во время войны не было забастовок: в 1942 г. бастовали горняки в Кенте, в 1941 г. имели место стачки ремесленников Клайда, в 1942-1943 гг. – Южного Уэльса. Но на фоне складывающегося национального консенсуса эти стачки казались довольно незначительными. К концу войны, в 1945 г., БКТ обнародовал новый список общественных приоритетов, в который были включены национализация главных отраслей промышленности и коммунальных услуг, обеспечение полной занятости населения, создание государства всеобщего благосостояния в том виде, в каком оно было представлено в докладе Бевериджа. Здесь фигурировала возникшая в военные годы эгалитарная финансовая политика, исходящая их требования «справедливость для всех».

Это стремление к переменам было характерно для всех слоев общества, причем к нему активно примешивался политический радикализм. В период между 1940-1945 гг. Британия «полевела» больше, чем когда-либо в своей истории. В правительстве Черчилля четко прослеживается деятельность министров-лейбористов, оказывавших воздействие на внутреннюю политику. Уже упомянутый Бевин, заместитель премьер-министра Клемент Эттли, министр внутренних дел Герберт Моррисон, Гринвуд, Хью Далтон и др. стали известными политическими деятелями и пользовались доверием народа. На них надеялись, как надеются на талисман, и верили, что после окончания войны наступит период реконструкции. Реформистами были и министры-консерваторы, например Батлер, автор закона об образовании. Их убеждения совпадали со взглядами новых сторонников государственного планирования, среди которых встречались не только теоретики либеральных ценностей, такие, как Кейнс и Беверидж, но и совершенно аполитичные технократы.

Стало ясно, что в радикалов превратились все: и те, кто исполняет государственные обязанности в Вестминстере и Уайтхолле, и остальная публика, что было зафиксировано результатами опросов Института Гэллапа и опубликовано в газетах. Причем этим данным современники не придавали особого значения, так как опросы общественного мнения были

еще непривычной формой социологического исследования, к тому же пришедшей из-за океана. На дополнительных выборах в некоторых случаях удавалось выиграть Христианской социалистической партии всеобщего благосостояния, имевшей нечеткую политическую платформу. Народ с энтузиазмом приветствовал Красную армию, особенно популярную после победы под Сталинградом и наступления на Берлин. Поговаривали, что в британской армии даже получили распространение новые левые идеи, которые обсуждали в воинских частях и специальных информационных кружках. Солдаты, несшие службу в пустыне или на Дальнем Востоке, посылали домой гневные письма, в которых говорилось, что после войны они намерены добиваться улучшения своей жизни.

По мере того как война близилась к завершению, мысль о послевоенной реконструкции все глубже укоренялась в сознании людей. В 1918 г. многие задуманные проекты оказались слабо разработанными и, попав в руки Министерства финансов, были забыты. Но на этот раз сама война являлась действительно народной. Идеи были четко выражены, поддерживались общим демократическим порывом и имели научную основу. Как только война закончилась, результат этих умонастроений стал очевиден при довольно драматических обстоятельствах. В мае 1945 г., через несколько дней после победы над Германией, когда военные действия против Японии на Дальнем Востоке еще продолжались, коалиционное правительство Черчилля неожиданно распалось. Глава Лейбористской партии, отвечая на пожелания рядовых ее членов, настоял на том, чтобы министры-лейбористы, к огромному разочарованию Черчилля, покинули кабинет. Всеобщие выборы были назначены на июль.

Повторить «купонные выборы» 1918 г. теперь было нереально. Возможно, Кейнс оказался тогда не совсем прав, утверждая, что чистоту тех выборов подпортили истерические выкрики типа «повесим кайзера», хотя отчасти так оно и было. Общая патриотическая экзальтация ноября-декабря 1918 г. сослужила в то время плохую службу духовному состоянию народа. Настроение, присущее британцам в июне-июле 1945 г., было куда более трезвым. Население сосредоточилось на проблемах жилья, здравоохранения, полной занятости и возрождения промышленности, т.е. гораздо больше интересовалось послевоенным социальным переустройством, чем внешней и имперской политикой. Поэтому престиж и власть Черчилля, который во время войны пользовался огромным уважением, теперь были не только не нужны партии консерваторов, но даже мешали ей.

К всеобщему изумлению, в результате таких умонастроений произошло беспрецедентное изменение в распределении голосов избирателей между партиями, какого страна не видела с 1906 г. Лейбористы выиграли 203 новых мандата, получив в целом 394 места в Парламенте против 210, доставшихся консерваторам. Отнюдь не яркий, немногословный лидер лейбористов К.Эттли вдруг оказался на Даунинг-стрит, 10, во главе правительства, избранного подавляющим большинством. Рядом с ним заняли места его опытные коллеги: Бевин, назначенный на пост министра иностранных дел, Моррисон, заместитель премьер-министра, Далтон, министр финансов, и сэр Стаффорд Криппс во главе Министерства торговли. Так прореагировали британцы на изменившуюся во время войны общественную атмосферу. Кроме того, это был их приговор по тем делам, что вызывали горечь в 30-е годы – о мюнхенском договоре, об Испании, о Ярроу и о «голодных маршах», – с запозданием приведенный в исполнение. Британия – редкий момент в ее истории! – являла собой картину разобщенности и нарушения преемственности. И левые министры, и сам электорат пребывали в состоянии одновременно восторга и недоумения. Новый министр-лейборист Джеймс Гриффитс в неподдельном изумлении вопрошал по этому поводу: «И что же дальше?

Послевоенный период

Однако в действительности преемственность никто не нарушал, просто одна фаза развития следовала за другой. В течение шести лет правления, с 1945 по 1951 г.,

лейбористское правительство пользовалось поддержкой населения, хотя бывали и периоды неприятия. Лейбористы сумели создать новый тип консенсуса – социал-демократическую модель, которая базировалась на смешанной экономике и государстве всеобщего благосостояния, обеспечила достаточно благополучный переход Британии через трудные годы послевоенной трансформации и сохранилась в своей основе в течение жизни еще одного поколения и даже дольше. Только в конце 70-х годов, когда возник совсем новый политический и экономический климат, наследию Эттли был брошен решительный вызов. Но до тех пор баланс между нововведениями и стабильностью, достигнутый в послевоенные годы, как будто бы устраивал всех.

Безусловно, правительству Эттли удалось воплотить большую программу реформ. Основные отрасли промышленности и ведомства перешли в государственную собственность, среди них: угольная промышленность, железные и автомобильные дороги, гражданская авиация, газ, электричество, телеграф, радиовещание и даже Банк Англии. Всего в общественную собственность перешло 20% национальной индустрии. Теперь свободные от контроля общественности корпоративные группы капиталистов были заменены столь же недоступными для надзора корпоративными группами бюрократов. Только в ходе национализации предприятий металлургической промышленности в 1948-1949 гг. выявились разногласия в правительстве по поводу основных условий обобществления, как они определялись в манифесте лейбористов 1945 г.

Сфера социального обеспечения, финансируемая государством и символизирующая «государство всеобщего благосостояния» тоже расширилась. Национальная служба здравоохранения, введенная Бивеном в 1946 г. и начавшая работать в июле 1948 г., стала самым впечатляющим и одновременно самым противоречивым нововведением. По поводу ее реформирования кипело немало споров, и именно она вызвала сопротивление врачей, которые с тревогой следили за попытками превратить их в государственных служащих, работающих за зарплату и лишенных частной практики. Однако общественное единодушие в поддержку социальных преобразований, возникшее после войны, было достаточно сильным, что позволило провести закон через Парламент и воплотить в жизнь бесплатное медицинское обслуживание, доступное всем гражданам. Следующей мерой, о которой еще во время войны писал в своем докладе Беверидж, стало введение в 1946 г. всеобщей системы социального страхования. Снова началось строительство муниципального жилья, финансируемое государством, в результате чего к 1952 г. появилось больше миллиона новых или временных квартир. Были увеличены пенсии по старости, пособия на детей, а также срок обязательного школьного образования.

Не надо думать, что эти меры встретили всеобщее одобрение, как сейчас часто пишут. Правительство вынуждено было пойти на многие уступки. Бивену даже пришлось разрешить врачам иметь частную практику и оставить «платные койки» В национализированных больницах, продемонстрировав пример чисто английского компромисса.

В среднем образовании частные учебные заведения процветали наряду с государственными средними (грамматическими) школами. На всем протяжении правления социалистов после 1945 г. частные школы, такие, как Итон, существующие на благотворительные средства, развивались как никогда бурно, поскольку их положение защищало Управление налоговых сборов. Строительство бесплатного жилья тоже вскоре сошло на нет, поскольку необходимо было поощрять строительство домов на продажу в соответствии с принципом «демократия на основе частной собственности».

Тем не менее, со всеми этими ограничениями, государство всеобщего благосостояния получило широкую поддержку, и еще примерно двадцать лет оно воспринималось как обязательный атрибут сбалансированного общества, с сочувствием относящегося к человеку. Несмотря на министерский скандал, приведший к отставке Эньюрина Бивена и двух других министров, на различные обвинения в его адрес и благодаря все той же общественной поддержке государство всеобщего благосостояния пережило все эти

трудности без особого ущерба для себя. Сохранилась и приверженность всеобщей занятости, а также региональной политике, вдохнувшей новую жизнь в прежде разоренные районы, такие, как индустриальные долины Уэльса, Дарем, Камберленд и центральный промышленный пояс Шотландии. Учитывая все эти положительные моменты проводимых реформ, профсоюзные деятели готовы были примириться с замораживанием заработной платы, девальвацией фунта стерлингов и другими испытаниями. Их преданность своему правительству оказалась сильнее пережитых трудностей.

Впоследствии об этом периоде стали говорить как о времени, когда кругом царила бедность и мрак. И в некотором смысле это справедливо. После войны Британия оказалась перед необходимостью выплаты огромного внешнего долга. Постоянная нехватка сырья и основных продуктов питания усугублялась отсутствием долларов, что вело к острому дисбалансу в торговле с Северной Америкой. Случались моменты паники на бирже, например, при падении курса фунта стерлингов и трудностях его последующего обмена на другую валюту в июле 1947 г. или после принятия решения о девальвации фунта по отношению к доллару в сентябре 1949 г. Бывали трудности с платежным балансом, как во время войны в Корее в июле-августе 1951 г. Карточки на продукты, одежду, бензин и другие необходимые вещи сохранялись до 1954 г. Контроль и планирование осуществлялись бюрократами в Уайтхолле, которых успешно обходили дельцы «черного рынка». Все это было привычными реалиями того времени.

Однако для большинства рабочих, составлявших основную часть населения страны, период, начавшийся в 1945 г., был самым лучшим после поздневикторианского расцвета. По сравнению с 1938 г. зарплаты выросли на 30%. Повысился уровень жизни, появилась гарантированная занятость, улучшились условия окружающей среды и качество обучения. Самые популярные развлечения: футбол, крикет, а также кино и танцы – стали общедоступными, как и проведение других видов досуга. Такие футбольные стадионы, как Хайбери, Вилла Парк и Олд Траффорд, каждую неделю собирали более 60 тыс. болельщиков (тогда еще вполне мирно настроенных).

Уже на исходе своего правления, в 1951 г., лейбористское правительство решило отметить столетие Всемирной выставки, организовав Фестиваль Британии. Многим желчным критикам казалось, что в обстановке экономических трудностей и не вызывавших оптимизма делах в колониях не время заниматься общенациональными праздниками. Но Фестиваль прошел с триумфом. Помимо интересных праздничных мероприятий благодаря Фестивалю были расчищены заброшенные территории на южном берегу Темзы и стал прекрасно виден новый Фестиваль-холл, возведенный Робертом Мэттью для проведения концертов и художественных выставок. Фестиваль дал выход творческим силам архитекторов, скульпторов и дизайнеров, показал дремавшие технические и производственные возможности британцев. В Баттерси на берегу Темзы разместилась ярмарка с ее необузданным весельем и разнообразными аттракционами. Праздник стал свидетельством того, что культура народа Британии жива и здравствует, что англичане сохранили душевное здоровье и берегут свое наследие.

Оптимистический настрой Фестиваля Британии был сохранен консерваторами и после 1951 г. Премьер-министры Черчилль, Энтони Иден, Гарольд Макмиллан и сэр Алек Дуглас-Хьюм, сменявшие друг друга между 1951 и 1964 гг., пока страной правили консерваторы, тоже придерживались политики социального мира. Профсоюзам предоставили возможность дальше развивать свою деятельность и вести переговоры с предпринимателями о заключении коллективных договоров, чему в годы войны придавалось особое значение. Имели место несколько крупных забастовок, но не было насильственных действий даже в Северной Ирландии. «Государство всеобщего благосостояния» укрепилось с относительно небольшим пересмотром своих основных положений. Всеобщая занятость по-прежнему считалась важным приоритетом, более того, предполагалось, что управление спросом по методу Кейнса даст возможность сохранить ее навсегда. Центристская политика того времени нашла воплощение в символическом

названии – «мистер Батскелл», – что означало соединение первого слога имени консервативного деятеля Батлера и второго слога имени лидера лейбористов – Хью Гейтскелла.

Когда в 1959-1960 гг. безработица снова подняла голову, правительство консерваторов занялось вмешательством в региональную политику так же энергично, как это делали его предшественники-лейбористы. Карикатурист «Вики» из одной левой газеты назвал премьер-министра Гарольда Макмиллана «Супермаком» («мак» – одно из обращений к шотландцам) с заметной долей восхищения. Таким образом, в период между 1951 и 1964 гг. не было значительных отступлений от консенсуса, достигнутого под руководством Эттли. Когда в 1964 г. к власти снова пришли лейбористы, избранные с небольшим перевесом (в 1966 г. их переизбрали уже значительным большинством голосов), они не внесли существенных изменений в политическую и социальную структуру общества последних двадцати лет.

Гармония в политике дала возможность заниматься экспериментами и новациями в искусстве. В 50-х годах, после бесплодных 40-х, увидели свет многие произведения выдающихся писателей: Джойс Кэри, Лоренса Даррелла, Ангуса Уилсона и Айрис Мёрдок. И английская драма переживала в это время период возрождения: появились разнообразные пьесы, от авангардных Сэмюэла Беккета и Гарольда Пинтера до написанных в духе социального реализма Дона Осборна. Его произведение «Оглянись во гневе» было поставлено в театре «Ройял корт», являвшемся тогда оплотом радикализма и расположенном на Слоун-сквер. Пьеса произвела фурор в обществе тем, что с презрением отвергала все социальные перемены, происшедшие в Британии с 1945 г. Так родился романтический и двусмысленный образ «сердитого молодого человека». Колин Уилсон в своем «Аутсайдере» сумел показать альтернативу отчужденному интеллектуалу.

Поэзия тоже переживала период подъема, в основном благодаря Дилану Томасу, выходцу из Уэльса, который умер от алкоголизма в 1953 г. в Нью-Йорке. И в Северной Ирландии наметился свой «Ольстерский Ренессанс». На другом берегу Атлантики, в Соединенных Штатах, на Бродвее царили британские драматурги и актеры. Возникала иллюзия, что Британия, несмотря на экономическую слабость и техническую отсталость, способна играть роль культурной Греции при американском Риме.

Британская музыка также оживилась. Бриттен активно творил в опере и симфонической музыке; композиторы старшего поколения, такие, как Уильям Уолтон, переживали творческий подъем. Особенно примечательно то, что музыка и музицирование перестали быть искусством для посвященных, уделом представителей среднего класса. Появилось множество школьных оркестров и любительских музыкальных групп. Повсюду начали возникать музыкальные фестивали, и одним из первых и самым значительным среди них стал фестиваль в Эдинбурге, организованный еще в 1947 г. Весьма важную роль во всем этом играл государственный Совет по искусствам, хотя его деятельность и влияние вызывали немало возражений.

Только в области архитектуры и градостроительства наблюдался застой. Так называемые «новые города» являли собой примеры мрачного сталинского однообразия, несмотря на то что улицы городов типа Мильтон Кейнса своей строгой и простой планировкой напоминали градостроительные планы Римской империи. Восстановление более старых городов, разрушенных воздушными налетами, происходило без учета их особенностей, как это было в Манчестере, Суонси и в центре Лондона, вокруг собора Св.Павла. Уродливые плоские небоскребы изменяли облик города, новые строения гражданских ведомств и здания университетов казались мрачными и непривлекательными. В концепции «зеркальное стекло» не было ничего хорошего, от нее страдало оформление и крупных современных городских центров, и более старых городков с их кафедральными соборами.

Для мира искусств Би-би-си была настоящим проводником новых идей, особенно ее программы по радио, в меньшей степени – по телевидению. Начиная с 1946 г. Третья программа радио стала мощным стимулом развития музыкальной культуры и драматургии.

Телевидение превратилось во всенародный феномен только после 1950 г., и, несмотря на все свои недостатки, оно сыграло полезную общественную роль – помогло нации увидеть себя со стороны. Независимое телевидение, существующее на средства, получаемые от рекламы, появилось в 1954 г. Би-би-си заботилась и об интересах тех, кто был в меньшинстве: интеллигенции, людей, говорящих на валлийском языке, выходцев из Азии и других «цветных» иммигрантов.

Кино постепенно стало превращаться в средство художественного эксперимента. Его позиции укрепил массовый зритель, которого привлекали низкие цены и непринужденная атмосфера, царившая во время киносеансов. Кроме того, кино тогда не имело конкуренции со стороны телевидения. Самую интересную кинопродукцию 40-х годов выпускала «Илинг студио», которая делала комедии на традиционные английские сюжеты, пересказывая их с мягким юмором и благодушием. Такие фильмы, как «Паспорт в Пимлико», «Добрые сердца и венцы», и другие из этого жанра служили доказательством преемственности, продолжающей существовать в британском обществе. Куда менее интересными были киноленты, отражающие классовый характер британского общества и повествующие о жизни рабочего класса в сентиментальном, снисходительном тоне; их герои напоминали театральных зрителей из Уэст-Энда. Иностранцы в этих фильмах изображались либо подозрительными субъектами, либо комичными персонажами (так же они были описаны и в детских книжках Энид Блайтон, которых много выходило в то время). Образ доброго деревенского «бобби»-полицейского, существующий с незапамятных времен, получил сентиментальное воплощение в фильме «Синяя лампа» и телевизионном сериале «Диксон из Док-Грин».

В конце 50-х новая волна, захватившая кинематограф Франции, Италии, до некоторой степени Америки, оказала позитивное влияние и на кино Британии. Целая серия реалистических, с актуальными сюжетами фильмов, часто со столь же социально острыми комментариями свидетельствовала об определенном сдвиге в области культуры. Популярные кинофильмы «Вкус меда» или «Субботний вечер, воскресное утро», в которых ценности, присущие рабочему классу, и человеческие отношения подверглись всестороннему осмыслению, доказали, что британская киноиндустрия достигла новой глубины в передаче человеческих чувств. Если же посмотреть на это шире, становится очевидным, что и в переходный период истории Британия сумела обеспечить свою безопасность и сохранить стабильность.

Такая стабильность внутри страны поддерживалась спокойствием внешнеполитической ситуации. В 1945 г. Британия все еще входила в число великих держав и была одним из членов Большой тройки на международных конференциях. Кроме того, она упрочила свою позицию, изготовив собственные атомную и водородную бомбы. Этот статус удавалось сохранять вплоть до подписания Договора о запрещении испытаний атомного оружия в 1963 г. в Москве; к тому времени совокупный экономический упадок страны стал неизбежным. У Британии была мощная оборонная система, собственное (с некоторыми оговорками) ядерное оружие, своя стерлинговая зона и особые стратегические, торговые и финансовые связи со все еще огромной, хотя и распадающейся империей. В области медицины, физики и химии Британия по-прежнему играла выдающуюся роль, подтверждение чему – международное признание и вручение Нобелевской премии Александеру Флемингу и Хоуарду Флори, изобретателям пенициллина, а также исследователю в области молекулярной биологии Фрэнсису Крику и его американскому коллеге Джеймсу Уотсону, открывшим ДНК.

Однако в целом международную позицию Британии послевоенного периода можно характеризовать как постепенное и неизбежное отступление с имперских территорий. Этот непрекращающийся процесс сохранялся даже во время правления такого твердого империалиста, как Черчилль. Когда правительство Эттли предоставило самоуправление Индии, Пакистану, Бирме и Цейлону (Шри-Ланке) в 1947-1948 гг., это стало ключевым моментом в отказе от имперской власти. Британия недвусмысленно подтвердила свою

военную и финансовую неспособность, а самое главное, нежелание удерживать владения в отдаленных землях силой. В 50-х годах процесс деколонизации ускорился, и независимость получили территории в Западной и Восточной Африке, а также Кения и Кипр, где не обошлось без кровавых столкновений с силами местных националистов. В Южной Африке в результате распада Центральноафриканской федерации в 1963 г. независимость получила Северная Родезия (Замбия) и Ньясаленд (Малави).

К началу 60-х годов у Британии осталась только горстка раскиданных по всему миру территорий, находившихся под ее непосредственным управлением: Британский Гондурас, небольшие острова в Карибском бассейне, Фолклендские острова, Гибралтар, Гонконг, Аден, Фиджи и еще несколько форпостов. Особой ностальгии по былому имперскому величию уже не чувствовалось. День империи исчез из календарей государственных школ, чиновники дружно вернулись домой из Индии, а король перестал называться императором Индии.

В октябре 1956 г., после того как египтяне объявили, что Суэцкий канал, жизненно важная водная магистраль, будет национализирован, премьер-министр Иден совершенно неожиданно вступил в тайный сговор с Францией и Израилем. Повсюду в мире, даже в США, общественное мнение обратилось против Британии. Под угрозой оказался фунт стерлингов, поставки нефти прекратились, ООН осудила агрессию, и британским войскам пришлось с позором уйти из Египта. Хотя общественный гнев длился недолго, голоса, защищавшие старую империалистическую политику, тоже стали относительно тише. На всеобщих выборах 1959 г. консерваторы одержали убедительную победу. Их главным аргументом было то, что они обеспечили процветание страны, или, как говорил Макмиман, «Вам некогда еще не жилось так хорошо!»

Американский политик Дэниел Мойнихен отмечал, что Британия завоевала высокий авторитет в афро-азиатском мире благодаря тому, что она освободила огромную часть населения Третьего мира, избежав взаимного озлобления, чего не удалось сделать ни Франции в Алжире, ни Голландии в Индонезии, ни бельгийцам в Конго. Мир, который прежде прислушивался к либеральным речам Иеремия Бентама, Давида Рикардо, Джона Стюарта Милля и Уильяма Гладстона, теперь внимал социал-демократическим проповедям Ласки и Тоуни, представлявших Лондонскую экономическую школу, наставлениям журнала «Нью стейтсмен» и даже находившимся в оппозиции лейбористам.

В постимперский период Британия искала свое место в мире, а ее роль в международных делах стала довольно неопределенной. Взаимоотношения со странами, входящими в Британское Содружество, приобрели формальный характер, хотя в них присутствовал весьма важный практический аспект, например операции в стерлинговой зоне и имперские преференции в отношении продуктов, ввозимых из стран Содружества, в частности масла и мяса. Однако все большее значение приобретали отношения с Америкой, то «кислые», то «сладкие». Начиная с 1949 г., после образования НАТО, связи США и Великобритании приобрели стратегический и геополитический характер. Вскоре в Юго-Восточной Азии возникла и еще одна организация, СЕАТО, членами которой стали обе страны. Вне зависимости от того, кто правил в Лондоне – лейбористы или консерваторы, британская и американская политика шли рука об руку.

Британцы считали эти «особые отношения» между англоговорящими народами равными с той и другой стороны и гордились ими. Но на практике выходило, что Британии постоянно приходилось делать невероятные усилия для сохранения иллюзии независимости. Британия и Америка вели общую (если не сказать одну и ту же) политику во время войны в Корее, по отношению к коммунистическому Китаю (правда, официально Великобритания его признала), на Ближнем Востоке, а главное, в Европе, где они совместно противостояли русской угрозе. Редкие попытки бунта, как в случае с Суэцким каналом, быстро подавлялись. В результате соглашения, подписанного в 1962 г. в Нассау, американцы поставили Великобритании подводные лодки «Поларис» в качестве средства устрашения, что привело к еще большей оборонной и экономической зависимости от США.

Тем временем на домашнем фронте начиная с 1947 г. постоянно делались попытки политического и экономического объединения с Западной Европой. Сначала, когда сразу после войны впервые возникла эта идея, британское правительство проявляло к ней подозрительность, если не открытую враждебность. В оправдание такой позиции говорилось о связи с Содружеством, об особых отношениях с Соединенными Штатами, отличительных особенностях британской конституции и законодательной системы, автономности британского социалистического планирования. Что еще важнее, большая часть британского народа считала западноевропейцев непонятными иностранцами, с которыми благодаря проливу Ла-Манш их мало что связывало. Первая попытка консервативного правительства Макмиллана в 1963 г. присоединиться к европейскому Общему рынку встретила отпор со стороны президента Франции де Голля, как, впрочем, и вторая, сделанная в 1967 г. лейбористским правительством Вильсона. Однако нельзя сказать, что эта неудача огорчила британцев, для которых вступление в этот враждебный союз означало подорожание продуктов питания, ослабление связей со странами Содружества и угрозу национальному суверенитету. Со своей стороны евроэнтузиасты выступали против широко распространенного общественного мнения.

Дело в том, что для этого островного, во многом еще самодостаточного общества самым главным было удовлетворение потребительских запросов. Однако экономисты, эти предсказатели грядущего времени, уже отмечали под внешним благополучием замедление темпов роста и падение производства. Социологи обнаруживали глубоко укоренившееся неравенство и классовые барьеры, мешающие модернизации «застойного общества». Но отношение самих британцев к своим национальным институтам и обычаям было отмечено большим самодовольством. Им казалось, что жизнь в настоящем становится лучше. При падении уровня рождаемости семья уменьшалась и ее благосостояние улучшалось. Дома обставлялись лучшей мебелью. Семья все чаще могла приобрести машину, купить дом в кредит под небольшой процент и каждое лето ездить на отдых за границу, в Испанию, Францию, Италию.

К тому же все эти радости перестали быть уделом одного только среднего класса, жившего в предместьях городов. Представители рабочего класса тоже получили возможность летать на отдых на солнечное побережье Средиземноморья и благодаря более высоким зарплатам и более короткому рабочему дню выбрать для проведения досуга паб или клуб. При всем этом рабочая молодежь стала излюбленным предметом социологических исследований, а ее эксцентричный образ жизни и приверженность дорогостоящей поп-культуре – объектом осуждения. Герой спортивных хроник, – длинноволосый Джордж Бест, игравший за Северную Ирландию и «Манчестер юнайтед», имел мало общего с Джеком Гоббсом, героем 20-х годов. В начале 60-х потрясающий музыкальный успех «Битлз», молодой Ливерпульской четверки, сделал Британию предвестником общества вседозволенности, в котором отсутствует запрет на алкоголь и наркотики, носят чрезмерно короткие юбки, а на секс нет практически никаких ограничений. Победа английской футбольной команды в чемпионате на Кубок мира в 1966 г. возвысила молодых агрессивных игроков до патриотов страны.

Гедонистические взгляды премьер-министра Макмиллана и интеллигентная терпимость лейбористского министра внутренних дел Роя Дженкинса помогли реформаторам из среднего класса осуществить и другие социальные изменения в обществе. Различные сексуальные отклонения, например гомосексуализм и т.д., теперь значительно меньше преследовались законом. Аборты, противозачаточные таблетки и другие легкодоступные средства давали возможность, не задумываясь, предаваться сексуальным удовольствиям. Разводов становилось все больше, и число семей с одним родителем увеличивалось. Культ молодости, казалось, захватил всю страну, причем его стимулировала заокеанская социальная программа президента Кеннеди «Новые рубежи». В британских университетах учились представители самых разных культур. Растущее число студентов из рабочих семей, вырванных из привычной среды, смешивалось с более агрессивными молодыми людьми из

среднего класса, что только усиливало этот культ. В период между 1963 и 1973 гг. возникло много новых университетов, а старые сильно расширились. «Много не значит хорошо», – говорили скептики. Другие считали, что образовательный потенциал Британии не исчерпан, поскольку в каждой возрастной группе только 5% людей получили высшее образование какого-либо рода. Поскольку британская экономика обеспечивала средства к существованию, то мыслящая университетская молодежь обратила свою энергию на организацию новых «крестовых походов».

Кампания за ядерное разоружение, проходившая в конце 50-х, была данью молодежному идеализму выходцев из средних классов. Но некоторое время она угрожала подорвать шансы лейбористов выиграть выборы и прийти к власти. Позднее, в 60-х, та же энергия вылилась в протест против войны во Вьетнаме, которую вели Соединенные Штаты Америки. Однако студенческие волнения, бушевавшие в Университете Беркли и в Сорбонне, в Британии только вспыхнули на территории университетов, но вскоре по неясным обстоятельствам прекратились.

У всех этих движений были разные причины для недовольства. Кажущееся всеобщее удовлетворение скрывало глубоко укоренившиеся противоречия. Во время первого премьерства Вильсона (1964-1970) бунтовали разные группы населения. Молодые не желали принимать ценности общества потребления и конформизма, видя, что экология разрушается, а миру, в котором они живут, грозит уничтожение от страшного оружия. Молодежь Уэльса и Шотландии подняла такую волну националистических протестов, какая до недавнего времени была характерна только для регионов, населенных басками в Испании, или для франкоговорящего Квебека в Канаде. Экономический подъем 50-х годов в Шотландии и Уэльсе чувствовался значительно слабее, чем в Англии. Назначение министров по делам Шотландии, а позднее (в 1964 г.) и Уэльса едва ли могло удовлетворить растущие национальные амбиции. Шотландских националистов возмущало, и справедливо, что даже титул Елизаветы II по отношению к их стране звучал иначе, чем для Англии. В Уэльсе дело усугублялось тем, что древнему валлийскому языку и культуре грозила гибель под напором англоязычной массовой культуры. Вслед за победой валлийских националистов, выигравших дополнительные выборы в Кармартене в 1966 г., прошла волна гражданского неповиновения (сопровождавшаяся даже несколькими взрывами бомб) в защиту валлийского языка. Удачным ходом со стороны приверженцев укрепления Соединенного Королевства – юнионистов – было наделение в 1969 г. наследника престола принца Чарлза титулом принца Уэльского. В Шотландии националисты захватили администрацию города Гамильтон и несколько муниципалитетов. Новая волна антианглийских настроений охватила население Горной и Низинной Шотландии.

Куда менее конституционными и мирными были требования «цветных» меньшинств, более миллиона которых начиная с 50-х годов перебрались в Британию из Индии, Пакистана, Западной Африки и Вест-Индии. В дополнение к тому, что они жили в ветхих домах, время от времени подвергались расовой дискриминации при приеме на работу, а иногда и при столкновениях с полицией, в старых городских районах, где они проживали, их окружала расовая нетерпимость. Ситуацию подогревали подстрекательские речи крайне правого консерватора Инока Пауэлла, игравшего роль современной Кассандры. Согласно его предсказанию в недалеком будущем «реки крови» потекут по улицам британских городов, как это было во время расовых волнений в США.

Серьезное беспокойство вызывала и Северная Ирландия, где искусственно созданное государство, находившееся под контролем протестантского большинства начиная с 1920 г., переживало состояние разброда. Католическое меньшинство со своей стороны, организовало мощное, с явным националистическим оттенком, движение за гражданские права. Все попытки наладить нормальное религиозное и межнациональное сосуществование проваливались. Чтобы обеспечить порядок, в Белфаст и Лондондерри пришлось ввести войска. Волна террористических атак и взрывов бомб в английских

городах обозначила начало новой, зловещей стадии в вековой борьбе ирландских националистов в лице Ирландской республиканской армии (ИРА) и партии Шинн фейн за освобождение. В конце 60-х годов, когда различные меньшинства бунтовали от Брикстона до Белфаста, стало очевидно, что британскому либеральному консенсусу приходит конец, как это уже было в 1910-1914 гг.

До того момента, благодаря постоянно растущему уровню жизни всего населения, общественное устройство страны оставалось практически неизменным. Но в 60-х к новой социальной напряженности добавились экономические трудности. В это нелегкое время Британию бросало из одной финансовой ямы в другую, кризисы платежного баланса случались все чаще, фунт лихорадило. Девальвация фунта стерлингов в 1967 г. не принесла длительного эффекта. Инфляция начала заметно расти, особенно в начале 70-х годов, когда консервативное правительство Эдварда Хита, введенное в заблуждение теорией Кейнса, опрометчиво увеличило денежную эмиссию. Вопреки всем предсказаниям кейнсианских экономистов растущая инфляция сопровождалась увеличением безработицы.

Сначала эта беда коснулась только старых промышленных районов северо-востока, Шотландии и Южного Уэльса. В двух последних подъем национализма был во многом вызван закрытием шахт, заводов и увольнением рабочих. К 1973 г. стало ясно, что проблемы Британии имеют далеко идущие последствия. Способность нации обеспечивать свое благосостояние пришла в глубокий упадок, близкий к катастрофе; одновременно сократилась и доля Британии в мировом производстве и торговле. Казалось, что страна готова сменить Турцию в роли «больного человека Европы».

В ответ на снижение уровня жизни профсоюзы сплотили ряды, создав мощный индустриальный кулак. Число членов тред-юнионов быстро росло и достигло своего пика в 1979 г., когда их насчитывалось свыше 13 млн человек. Забастовки шли одна за другой, особенно часто они происходили на угольных шахтах. Общенациональная стачка горняков была организована в феврале 1972 г. и закончилась их полной победой. Правительству Хита пришлось на себе испытать способность шахтеров останавливать производство и подачу энергии по всей стране, несмотря на сворачивание горнодобывающей промышленности, начавшееся в 50-х годах. Еще одна забастовка горняков в феврале 1974 г. заставила правительство объявить о выборах под девизом: «Кто правит Британией?» И ответ оказался неожиданным – произошел небольшой сдвиг в сторону лейбористов, и правительство пало. Снова все требования шахтеров были удовлетворены, их заработная плата опять стала весьма высокой.

Растущая волна протестов, нежелание мириться с традиционными порядками, консолидированная мощь профсоюзов, выступающих против сворачивания производства, – на таком мрачном фоне после короткого знакомства с «обществом изобилия» Британия лицом к лицу встретилась с незнакомым ей новым мировым порядком.

От семидесятых к девяностым

В 70-х годах Британия находилась в состоянии тяжелой, запущенной болезни, для которой требовалось макроэкономическое и социальное лечение. Продолжавшийся экономический упадок был не только относительным – если сравнивать с экономикой других развитых стран, но и абсолютным – если посмотреть на предыдущие экономические показатели самой Британии. Положение усугублялось резким изменением ситуации с энергоресурсами в 1973-1974 гг., когда все западные страны пострадали от четырехкратного увеличения цен на ближневосточную нефть. Однако это подтолкнуло Британию на путь развития ее собственных ресурсов и заставило начать разработку нефтяных запасов, а также природного газа в Северном море.

Благодаря развитой сети атомных- и гидроэлектростанций, а также большим запасам угля Британия во многих отношениях была лучше подготовлена к преодолению трудностей, связанных с энергоресурсами, чем многие ее конкуренты. Но повышение цен

на нефть неизбежно повлекло за собой такую инфляцию, какой не было с 1919 г. До 1975 г. ее подстегивало и давление профсоюзов, которые требовали увеличения зарплат до 30%. Инфляция в стране держалась на очень высоком уровне, достигнув в 1980 г. 20%, и только в 1982-1983 гг. она стала управляемой и снизилась почти наполовину. К осени 1987 г. темпы инфляции упали до 4%, чему способствовало ограничение денежной эмиссии, снижение темпов роста заработной платы и относительное падение цен на многие предметы потребления.

Из-за повышения цен, увеличения зарплаты и роста себестоимости продукции безработица снова выросла и превратилась в страшный бич. К 1980 г. в стране было уже более 2 млн безработных впервые с 30-х годов. После того как сократились государственные инвестиции и денежная эмиссия, к весне 1983 г. это число составило свыше 3 млн человек. В течение последующих трех лет данная цифра не только не снизилась, но даже иногда увеличивалась. Только в 1987 г. в результате возобновления экономического роста число безработных несколько пошло на спад. Казалось, в сердцевине экономики страны кроется какая-то червоточина, из-за которой сотни тысяч молодых людей, даже подростков, были обречены годами существовать на пособия, в то время как сфера социального обеспечения постоянно сворачивалась.

Свидетельства упадка наблюдались во всех сферах, хотя население продолжало увеличиваться: с 50 млн в 1951 г. до более чем 56 млн в 1961-м; в период между 1975-1978 гг. отмечалось падение его численности. В результате спада экономики рождаемость резко снизилась, и основную часть населения стали составлять пожилые люди, что увеличило нагрузку на социальные службы, целиком зависящие от средств, которые создают своим трудом работающие люди.

Все эти обстоятельства разрушали социальное устройство страны. Безудержная инфляция 1974-1975 гг. возникла в результате с трудом реализуемого так называемого «социального контракта» с профсоюзами, с которыми в 1975-1978 гг. лейбористские правительства сначала Вильсона, потом Дж.Каллагэна постоянно вели переговоры. Профсоюзы согласились умерить свои требования о повышении зарплаты в ответ на обещание правительства учитывать их пожелания, в частности в отношении сохранения рабочих мест. И до самой так называемой «зимы недовольства» 1978/79 года серьезных забастовок действительно не было, но затем прошла целая волна стачек, в которых принимали участие все рабочие коммунальных служб, вплоть до муниципальных служащих похоронных бюро. Это помогло консерваторам победить на всеобщих выборах.

Впоследствии профсоюзы продолжили проводить демонстрации «за право на труд», протестуя против снижения государственных затрат на социальные нужды и против растущей безработицы. От нее страдали не только традиционно уязвимые районы, такие, как Шотландия, Мерсисайд и северо-восток, но и прежде благополучные графства на западе Центральной Англии, где безработица охватила более 20% населения. Навсегда закрылись огромные сталелитейные предприятия – «Консетт», «Корби», а позднее и «Рейвенскрейг». Качество жизни ухудшалось из-за того, что государство все меньше расходовало на здравоохранение, образование (в том числе и на университеты), а также на поддержку искусства и охрану окружающей среды. Теперь Британия представляла собой классический пример кейнсианской «стагфляции» – промышленного спада и высокой инфляции одновременно.

Семидесятые годы стали свидетелями того, как экономические неурядицы оказывают дестабилизирующее воздействие на общество. Обострились уже существующие социальные, общинные и этнические проблемы. Особенно тяжелая ситуация складывалась в Северной Ирландии, где и без того глубоко укоренившаяся межнациональная и религиозная вражда между католиками и протестантами усугубилась из-за самых высоких показателей безработицы во всем Соединенном Королевстве. В течение 70-х положение в Северной Ирландии становилось все напряженнее. Движение за гражданские права добилось успеха, в результате чего господствующее положение старых юнионистов

оказалось потесненным. Стормонт, автономный парламент Северной Ирландии, завершил свое существование в 1972 г., и Вестминстер ввел прямое правление из Лондона. ИРА возобновила насильственные действия, а параллельно зазвучали агрессивные демагогические речи преподобного Яна Пейсли против католицизма.

Ликвидация Стормонта отнюдь не способствовала установлению мира между общинами католиков и протестантов. Дороги постоянно патрулировались войсками. На южной границе между Ольстером и Ирландской Республикой, откуда ИРА получала деньги и оружие, происходили постоянные инциденты. В конце концов насилие, которое до того ограничивалось территорией Северной Ирландии, распространилось и на другой берег моря в виде взрывов бомб в английских городах и даже покушений на политических деятелей. Один из родственников королевы – известный государственный деятель и адмирал лорд Маунтбеттен погиб на своей яхте в результате взрыва бомбы, подложенной ИРА.

Впервые с 1922 г. была сделана попытка предоставить правительству в Дублине возможность напрямую принять участие в делах Северной Ирландии. Между британским премьер-министром Маргарет Тэтчер и ирландским премьером правительства партии Фине Гэл, Гарретом Фицджеральдом, в ноябре 1985 г. в Хиллсборо было подписано англо-ирландское соглашение. Это привело к бурным протестам со стороны юнионистов Ольстера, которые начали бойкотировать решения Вестминстера. До настоящего всеирландского единства на этом несчастном острове было еще очень далеко. Вековая межнациональная междоусобица продолжалась. Оружие одинаково свободно было доступно и протестантам, и католикам. Постоянные террористические акты ИРА, среди которых был даже обстрел из миномета резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит в феврале 1991 г., довели до сознания общественности серьезность положения.

В других точках напряженности страсти не так кипели, но они тоже доставляли беспокойство. Шотландские и валлийские националисты продолжали выступления, но при этом придерживались конституционных форм. После того как в 1979 г. процесс передачи части полномочий Парламента местному органу («деволюция») провалился, кельтский национализм, казалось, отступил, но политический и культурный конфликт в Уэльсе продолжался. Валлийский язык по-прежнему находил страстных защитников, причем особенно яростные из них грозили прибегнуть в качестве протеста к голодовке вплоть до смерти. В Уэльсе местные жители иногда сжигали деревенские коттеджи, принадлежавшие англичанам. В Шотландии сторонники деволюции продолжали борьбу, которая подогревалась экономическим спадом, характерным для 80-х годов. Однако Уэльс и Шотландия оставались мирными сообществами, значительно меньше терзаемыми националистическими муками, чем их кельтские собратья за Ирландским морем.

Большую тревогу вызывали волнения среди чернокожего населения, живущего по большей части в своеобразных гетто – бедных районах больших городов. Время от времени беспорядки происходили в лондонском районе Ноттинг-Хилл и в районе Сен-Пол в Бристоле. Летом 1981 г. даже показалось, что в Британии повторяются ужасы расовых волнений Америки: беспорядки, чинимые чернокожей молодежью в районе Ливерпуля – Токстете и в Брикстоне в Южном Лондоне, длились довольно долго, причем эти события постоянно показывали по телевидению, что способствовало их раздуванию. Еще одна вспышка насилия произошла в Северном Лондоне, в районе Тоттенхем, где чернокожая молодежь убила полицейского. Недоверие, существовавшее между иммигрантами и полицейскими, было одной из причин этих событий. На фоне безработицы, особенно острой среди чернокожей молодежи и при весьма распространенной, хотя и неофициальной дискриминации на работе, при найме жилья и при предоставлении социальной помощи, межрасовые отношения становились причиной для постоянно растущей тревоги.

Помимо всего перечисленного были и другие поводы для беспокойства. Некоторые выступления профсоюзов, например демонстрации против работы на заводе «Грунвик» в Северном Лондоне, принимали настолько устрашающие формы, что это выходило далеко

за пределы обычного протеста. Футбольные матчи и другие спортивные события стали сопровождаться бессмысленными хулиганскими выходками со стороны зрителей-подростков. Традиционная британская выдержанность и стабильность попала под постоянный обстрел с самых разных сторон. Один американский конгрессмен мрачно заметил, что Британия становится такой же «неуправляемой, как Чили» (для самих американцев это тоже было неприятным сравнением).

Конечно, такие выводы являлись беспочвенным преувеличением. Не много найдется стран, где высокую безработицу, растущую инфляцию и урезание расходов на общественные нужды переносили бы с таким самообладанием, как в Британии. Вопреки тому что ко многим институтам, прежде считавшимся почти священными, теперь относились без исторически заслуженного уважения (в Оксфорде устраивали сидячие забастовки; полиция, судьи, церковные деятели и футбольные судьи перестали быть авторитетами; даже члены королевской семьи публично подвергались критике), тем не менее в широком смысле общие институционные устои и жизненный уклад сохранялись неизменными. Однако не было сомнений, что трений и причин для разногласий накопилось столько, что веками испытанные санкции и ограничения перестали работать и требовали пересмотра, для того чтобы британская цивилизация имела шансы выжить.

В эти беспокойные времена отношения Британии с внешним миром подверглись пересмотру. Их по-прежнему во многом определяла психология населения, связанная с островной изоляцией, как это часто бывало с 1918 г. Официальный союз с американцами в рамках НАТО сохранялся, но так и не стал настоящей привязанностью. Более того, временное оживление движения за ядерное разоружение в конце 70-х годов, которое было на редкость мирным, показало, что общественность весьма встревожена накоплением арсенала смертоносного оружия, без которого этот союз немыслим. Появление крылатых ракет только увеличило беспокойство. После длительных дипломатических сражений в 1973 г. Британия вступила в европейский Общий рынок.

Референдум, проведенный в 1975 г., показал, что подавляющее большинство населения, почти две трети, поддерживают вступление Британии в Общий рынок. Но «Европа» привлекала британцев в основном в неполитическом контексте. Ни отпуска, проведенные на континенте, ни популярность европейских машин и продуктов питания, ни европейский футбол не заставили англичан сильнее полюбить своих соседей по ту сторону Ла-Манша. После 1975 г. их отношение к Общему рынку характеризовалось недоверием и даже некоторой враждебностью. Опросы общественного мнения постоянно фиксировали отрицательное отношение к вступлению в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Да и вряд ли организация, представлявшая собой огромного анонимного бюрократического монстра, не ограниченного никакими демократическими процедурами, размещенного где-то далеко в Брюсселе и Страсбурге, могла завоевать любовь такого независимого народа, как британцы. Со времен закона 1846 г., отменившего пошлины на ввозимое зерно («хлебные законы»), поступавшее в основном из стран империи, люди привыкли к дешевым продуктам питания и решительно отвергали связь с Общим рынком, его высокими ценами на продовольствие, горами масла и озерами вина. Англичане равно не желали быть ни европейцами, ни атлантистами.

Но в конце 80-х появились признаки того, что британцы начали понемногу осознавать, что членство в Европейском сообществе приносит экономические выгоды, и отрицательное отношение к Европе стало ослабевать. Во время выборной кампании в июне 1987 г. Лейбористская партия уже не настаивала на выходе Британии из ЕЭС, особенно после того, как к власти во Франции, в Испании и Греции пришли социалисты. В 1986 г. Маргарет Тэтчер и президент Франции Франсуа Миттеран подписали соглашение о строительстве скоростного железнодорожного тоннеля под Ла-Маншем. Этот тоннель, впервые пущенный в эксплуатацию в конце 1993 г., показал решительный, хотя и неполный поворот Британии от политики изоляционизма.

Следующим важным шагом стало вступление Британии в 1986 г. в единый европейский

рынок. Затем, после длительных споров внутри кабинета министров, в октябре 1990 г. Тэтчер была вынуждена согласиться на введение в стране механизма контроля курса валют Европейского экономического сообщества. Тем не менее экономические и политические отношения с Европой стали причиной глубоких противоречий и в партии консерваторов, и в правительстве. В результате М.Тэтчер после одиннадцати лет правления страной в ноябре 1990 г. была вынуждена уйти с поста премьер-министра.

Связи со странами Британского Содружества были все еще крепкими, и королева формально являлась его главой. Но эти связи становились все менее осязаемыми. Более того, они вызывали скорее раздражение, чем удовлетворение, как в случаях с чернокожими иммигрантами, устраивающими беспорядки в британских городах, или с вопросом, как реагировать на апартеид в Южной Африке. Соглашение с Китаем 1989 г. о прекращении британского присутствия в Гонконге по истечении восьми лет означало безоговорочный отказ от роли мировой державы.

Уход Британии из стран империи происходил постепенно, не задевая чувств народа. Экономическая и военная слабость метрополии заставляла совершать это отступление весьма осторожно. Самой трудной оказалась проблема Южной Родезии, расположенной по соседству с Южной Африкой с ее режимом апартеида. Сохранение правления белого поселенческого меньшинства могло привести там к расовому кризису, чреватому войной. В результате решительной смены политики консервативное правительство Маргарет Тэтчер, проигнорировав протесты белых поселенцев, в декабре 1979 г. предоставило Родезии (переименованной в Зимбабве) полное самоуправление. Парламент и народ восторженно приветствовали этот акт. Дух Киплинга и Сесила Родса был окончательно искоренен. Казалось, призрак империи никогда больше не побеспокоит душу британца.

Затем совершенно неожиданно в конце марта 1982 г. далекие пустынные Фолклендские острова были захвачены аргентинцами, которые настойчиво именовали их Мальвинскими. Под влиянием общественного возмущения британское правительство среагировало очень энергично. Два оставшихся авианосца, несколько военных кораблей, множество истребителей и 10 тыс. солдат были собраны в экспедиционный корпус и отправлены за 8 тыс. миль, в бурные моря Южной Атлантики. Как результат стремительной и успешной кампании, осуществить которую во многом помогла американская техническая поддержка, острова были возвращены Британии, и 14 июня английский флаг уже снова развевался над главным городом островов – Порт-Стэнли.

Война за Фолькленды была чрезвычайно популярной; тех же, кто был с ней не согласен, включая участников Движения за ядерное разоружение, просто не хотели слушать. Однако возврат этих далеких и практически бесполезных островов, о которых до конфликта британцы ничего не знали, кроме некоторых впечатлений, полученных при знакомстве с почтовыми марками, не в состоянии был оживить мистическое имперское величие. Как до, так и после войны никто не стремился применить военную силу или воздействовать финансами на ситуацию в Южной Атлантике. Единственное, что продемонстрировал эпизод с Фолклендами, – это растущее чувство неудовлетворения островным изоляционизмом, которое было распространено среди британцев. Вопреки международному скепсису, Британия все еще могла подтвердить свой статус великой державы и показать военное, морское и техническое превосходство над военной диктатурой, захватившей власть в Аргентинской Республике. Национальная гордость британского населения была удовлетворена.

Но вспышка ура-патриотизма после Фолклендов была недолгой. И Британии снова пришлось вернуться к знакомым внутренним неприятностям: забастовкам, экономическому упадку, социальному недовольству. Особенно ярким событием стала забастовка горняков в марте 1984 г., продолжавшаяся целый год и сопровождавшаяся бурными стычками между пикетами бастующих и полицией. Но сам Национальный союз горняков не был единым, и экономически эффективные шахты графств Центральной Англии продолжали работу. В результате Союз потерпел сокрушительное поражение, и многие шахты были закрыты.

Легендарные времена, когда горняки могли заставить правительство подчиниться, как это случалось после Первой мировой войны, уже миновали, поскольку британская энергетика больше не зависела целиком и полностью от угля. В ее распоряжении были нефть, газ, электричество и атомная энергия. Но вслед за горняками забастовали «белые воротнички» и работники общественных служб. Особенно долго длились переговоры со школьными учителями, что нанесло серьезный урон школам Англии и Уэльса в 1985-1987 гг.

В начале 80-х все эти проблемы усугублялись правительством консерваторов под руководством Маргарет Тэтчер, поскольку оно было, пожалуй, самым правым правительством XX столетия. Одновременно Лейбористская партия, вдохновляемая одним из своих популярных деятелей – Тони Бенном, точно так же далеко ушла влево, пропагандируя среди рядовых членов партии самый ортодоксальный социализм. Казалось, от консенсуса не осталось и следа. По этому поводу часто вспоминали цитату из Уильяма Йитса: «У лучших нет никаких убеждений, а худшие полны самой страстной веры». Кое-кто стал искать себе убежище в новой политической партии, которую сформировали диссиденты-лейбористы правого толка. Это была социал-демократическая партия, отстаивающая кейнсианский экономический центризм, европейскую интеграцию и ядерное сдерживание. Примечательно, что, несмотря на повальный экономический фатализм, всеобщие выборы июня 1983 г. стали для Тэтчер и консервативной партии настоящим триумфом. Консерваторы получили 397 мест против 209, доставшихся лейбористам, которые были тогда в упадке, 17 мест получили либералы и только 6 – социал-демократы.

Снова появился страх, что разумные, уравновешенные решения будут сметены сторонниками крайностей, но эти страхи несколько улеглись благодаря обнадеживающему развитию событий. Экономика постепенно выправлялась. Частично это было результатом благоприятных изменений в обеспечении Британии энергоресурсами – началом добычи нефти в Северном море, что сделало положение страны в области энергетики уникально сильным. Платежный баланс неожиданно и довольно надолго (вплоть до 1986 г.) стал положительным. Кроме того, обрабатывающая промышленность перестала быть определяющей для британской экономики. Чудеса технологии, связанные с переработкой нефти, электроникой, аэрокосмической программой, появлением самолетов «Конкорд», строительством моста через реку Хамбер, началом движения скоростных поездов, функционированием тоннеля под Ла-Маншем и, наконец, с утверждением эпохи компьютеров, со всей очевидностью доказывали, что творческий потенциал нации не исчерпан.

В середине 80-х появилось много признаков того, что былое благоденствие возвращается, по меньшей мере для Южной Англии, части центральных графств и особенно Восточной Англии, где экономический рост был весьма заметен в таких городах, как Суиндон и Бейсингсток. Британская экономика развивалась бурными темпами, достигнув в начале 1987 г. прироста 4%, чему благоприятствовало снижение курса фунта стерлингов и стоимости некоторых импортных товаров. Но этот прогресс зависел не от традиционно развитой обрабатывающей промышленности, которая продолжала сильно отставать от уровня производства, существовавшего до 70-х годов. Определяющими стали финансовые услуги, кредиты, капиталовложения и потребительский бум.

Примечательным событием стал так называемый Большой взрыв (Big Bang) на Лондонской бирже 27 октября 1986 г., когда привычная картина суетливой толпы множества джобберов (биржевых маклеров), толкущихся на ярусе Лондонской фондовой биржи, сменилась сложной, почти невидимой работой дилеров, имеющих дело с биржевой компьютерной сетью. В этом событии нашел отражение международный размах рынка ценных бумаг, который неожиданно способствовал восстановлению давно заброшенных районов вокруг лондонского Ист-Энда. Появился новый социальный феномен, получивший прозвище «яппи» (yappi): молодой профессионал, настроенный на карьерный рост, работающий на бирже, в инвестиционном или торговом банке. Об этом феномене много

говорили и часто его осуждали.

Для большинства граждан Британии после кризиса 70-х и начала 80-х жизнь стала легче. Число частных домов продолжало расти, и к концу 1987 г. уже две трети населения страны жило в собственных жилищах. Чрезвычайно распространенным стало владение акциями благодаря политике правительства, направленной на приватизацию государственных предприятий, таких, как системы телекоммуникаций, «Бритиш гэс», «Бритиш петролеум», аэропорты (в конце 80-х за ними последовали системы водо- и электроснабжения). Напротив, уважение к профсоюзам среди общественности стало падать, а одновременно уменьшилось и число их членов – если в 1980 г. в профсоюзах состояло 13 млн человек, то в 1987 г. – 9 млн, а к 1999 г. число членов сократилось до 6 млн человек.

Культурная жизнь страны в то время была отнюдь не бесплодной и отличалась активностью. Британские писатели и драматурги оставили достойные внимания произведения, ведущие британские архитекторы – Джеймс Стирлинг, Норман Фостер и Ричард Роджерс (создатель Центра Помпиду в Париже) обрели мировую известность. Музыкальная жизнь Британии 80-х годов расцвела, как никогда прежде, а Лондон стал общепризнанной музыкальной столицей мира. Новые оперные театры и оркестры возникли в Лидсе, Кардиффе и других городах. Еженедельные литературные журналы по-прежнему сохраняли высокий уровень. Би-би-си тоже оставалась главной вещательной корпорацией страны, несмотря на постоянные разногласия с правительством Тэтчер, упадок морали и сокращение ассигнований. Университеты продолжали вести успешные исследования в сфере искусств, фундаментальной и прикладной науки, в том числе в области медицины, вопреки сокращению финансирования, которое правительство ввело с 1981 г.

Американский комментатор Бернард Носситер однажды сказал, что в Британии экономический упадок и безработица конца 70-х включали в себя некую позитивную тенденцию: стремление британского среднего класса и квалифицированных рабочих использовать свободное время как можно более творчески и таким образом выразить свой протест против засилья массового производства, выбирая свободу от унылого автоматизированного труда. Это, конечно, слишком оптимистический взгляд на ситуацию, который не учитывает отсталые трудовые навыки рабочих и устарелые способы управления производством, надолго сковавшие не только экономику страны, но и все общество.

Кроме того, отставание в технологической области и в предпринимательстве стало угрожать самим основам британской культуры. В середине 80-х годов началась «утечка мозгов», отъезд молодых талантливых ученых за океан, что сильно озадачило британские университеты и научно-исследовательские институты. Через двести лет после промышленной революции Британия на удивление неохотно шла на модернизацию и поддержку собственного научного потенциала. Но, несмотря на очевидные слабости, страна по-прежнему обладала необходимыми талантами, чтобы преодолевать общественные и социальные потрясения, а также относительное отставание в промышленности, как в прежние времена она справлялась с тяготами торгового и международного лидерства.

Все происходящее вдохнуло новую жизнь в партию консерваторов, возглавляемую Маргарет Тэтчер. На всеобщих выборах в июне 1987 г., несмотря на активную предвыборную кампанию лейбористов под предводительством нового лидера Нила Киннока, консерваторы с легкостью победили и получили 375 мест в Парламенте против 219 мест, доставшихся лейбористам. Слабеющий и распадающийся альянс либералов – социал-демократов получил всего 22 места. Тэтчер стала первым премьер-министром после лорда Ливерпула в 1812-1827 гг., выигравшим выборы три раза подряд, что, безусловно, было выдающимся событием. Главной темой своей предвыборной кампании консерваторы сделали восстановление национального благосостояния, не забывая при этом подчеркивать свою роль надежных защитников национальной безопасности. Политика лейбористов, направленная на одностороннее ядерное разоружение, не пользовалась широкой поддержкой. В процветающей Южной Англии эта партия казалась устаревшей,

раздробленной и вообще несостоятельной.

Однако, с другой стороны, результаты выборов продемонстрировали региональную разделенность страны. Консерваторы со значительным перевесом победили на Юге и в Центральной Англии, но в промышленных городах Севера они утратили свои позиции. В Уэльсе лейбористы увеличили число своих сторонников на 5%, а в Шотландии – на 7,5%. Пошли разговоры о социальном разделе страны, где преуспевающий самодовольный Юг противопоставлялся отсталому, загнивающему Северу с его вечной безработицей, запущенными городами и неработающими коммунальными службами. «Две нации», описанные Бенджамином Дизраэли еще в 40-х годов XIX в., продолжали существовать и больше века спустя.

Британия 80-х годов XX в. представляла собой пример хрупкого сосуществования элементов распада и стабильности. Силы разрушения проявлялись в беспорядках в Северной Ирландии, в негативных тенденциях в сфере промышленности, напоминали о себе самим существованием городских гетто для чернокожих. Политическому консенсусу был брошен вызов неомарксистами из левого крыла Лейбористской партии, возглавляемого Бенном, несговорчивыми расистами из квазифашистского Национального фронта, а также независимой высокомерной позицией некоторых социал-демократов. Изменения претерпели все традиционные отношения: между родителями и детьми, женами-феминистками и их мужьями, между рабочими и работодателями, с одной стороны, и рабочими и лидерами профсоюзов – с другой, между учащимися и преподавателями, гражданами и блюстителями закона и порядка. Вот характерный заголовок книги, вышедшей в 1979 г.: «Британия умирает?» По контрасту с происходящим британская стабильность нередко находила выражение в почти религиозном трепете перед старинными обычаями и в почтении к предкам, в благоговейном отношении к королевской семье или в довольно сомнительном преклонении перед «наследием», которое чаще всего являлось по своей сути избирательным и сентиментальным прочтением британской истории.

Нестабильность в обществе усилилась и из-за неожиданных поворотов в политике правительства Тэтчер, происшедших после выборов 1987 г. Большая часть 80-х годов была периодом триумфа для «тэтчеризма». Для него символами веры являлись монетаризм, приватизация и главенство рыночных механизмов; «тэтчеризм» бросил вызов таким институтам, как Церковь, университеты и местное самоуправление. Центральной и непобедимой фигурой все это время оставалась сама премьер-министр. Но затем, в последние три года десятилетия, перед «тэтчеризмом» возникли серьезные трудности. Во внутренней политике некоторые самые радикальные меры, предложенные правительством, были встречены в стране решительным отпором. Попытка внедрить рыночные механизмы в систему образования, а особенно в национальную систему здравоохранения вызвали общественное недовольство. Предложение заменить налог на домохозяйство подушным налогом привело к взрыву возмущения почти всей нации. В конце концов, восстали же свободолюбивые англичане под предводительством Уота Тайлера против подушного налога в 1381 г.! Память об этом еще жила в народных преданиях. Гораздо более серьезные последствия имело необдуманное решение начать в 1989 г. введение подушного налога с Шотландии. Этот шаг оттолкнул от консерваторов профессионалов и средний класс шотландского общества. В Эдинбурге состоялся многопартийный Конституционный съезд, предложивший передать властные полномочия от британского Парламента в Вестминстере Парламенту Шотландии с правом самостоятельного определения налогов.

Но самым серьезным ударом стала очевидная утрата доверия к возрождению экономики. Политика снижения налогов, взятая на вооружение министром финансов Найджелом Лоусоном, привела к беспрецедентному дефициту платежного баланса, который составил 20 млрд фунтов стерлингов. Резко увеличилось число безработных, и давление на фунт возросло. Более того, победе над инфляцией, которой так гордилось правительство, теперь угрожал потребительский кредит и покупательский бум. Банковская учетная ставка взлетела до 15% и ударила по карману каждого владельца дома, купленного в кредит. Из-за

острого несогласия с премьер-министром по поводу европейской политики Лоусон подал в отставку, чем еще более усугубил ситуацию.

Популярность Маргарет Тэтчер начала падать. Ее властная манера и склонность к единоличному лидерству теперь стали восприниматься как помеха. Ее репутация «сильного» руководителя в международных делах, заслуженная в период войны за Фолкленды, пошатнулась, особенно после бесконечных скандалов по поводу вступления в зону единой европейской валюты. В то же время Лейбористская партия в полном соответствии с «новым реализмом» Киннока стала заметно более умеренной, а значит, у нее появился реальный шанс победить на выборах. Лейбористы перестали заявлять о массовой национализации и об одностороннем ядерном разоружении, а также о своем враждебном отношении к Европе. В результате они отвергли и позицию крайне левых сторонников Бенна, оставшихся в партии в незначительном меньшинстве. Летом 1990 г. стало казаться, что в британской политике скоро наступят большие перемены.

И действительно, осенью перемены произошли. Столкнувшись с отставкой нескольких министров своего кабинета, потерей консерваторами парламентских мест на дополнительных выборах, с трудностями в европейской политике и в решении внутренних экономических проблем, Тэтчер, чего не было прежде, лишилась поддержки своих коллег по партии и электората. В ноябре того же года Майкл Хезелтайн, один из министров, вышедших из состава правительства, бросил ей вызов, претендуя на пост лидера партии (а значит, и главы правительства). И несмотря на то что Тэтчер выиграла первый тур голосования, получив 204 голоса против 152, отданных за Хезелтайна, оппозиция внутри ее собственной партии заставила Тэтчер подать в отставку. Точно так же, как когда-то Ллойд Джорджа в 1922 г. и Чемберлена в 1940 г., в отставку ее отправили не избиратели, а консерваторы-«заднескамеечники», т.е. рядовые парламентарии, сидящие на задних скамьях. После второго тура голосования победу одержал Джон Мейджор, малоизвестный министр финансов, человек умеренных взглядов. Став премьер-министром, он повел нацию через переходный период от бурного «тэтчеризма» к более спокойному социальному и политическому порядку.

Навстречу новому тысячелетию

Уход Маргарет Тэтчер в 1990 г. стал таким же важным событием, как в свое время отставка Ллойд Джорджа в 1922 г. И как в случае с Ллойд Джорджем, за отставкой Тэтчер последовал период затишья. Мейджор говорил, что нация «пришла в согласие с самой собой». В качестве примирительного жеста он ввел в правительство главного противника Тэтчер – Хезелтайна, и на какое-то время в стране наступило спокойствие. Непопулярный подушный налог был предан забвению. «Война в заливе» в феврале 1991 г., где британские вооруженные силы и реактивные истребители активно помогали американцам и силам коалиции изгнать войска Саддама Хусейна из Кувейта, способствовала повышению популярности правительства, и если говорить о «фолклендском факторе» в данном случае было бы неуместно, то все равно это был выигрышный шаг со стороны консерваторов.

Кроме того, Дж.Мейджору удалось продвинуться в преодолении внутрипартийных противоречий по поводу отношений с Европой. На переговорах о заключении Маастрихтского договора в декабре 1991 г., который дал новый импульс развитию европейской интеграции, включая введение с 1999 г. общеевропейской валюты, правительство Британии сумело добиться дипломатического успеха. Было отвоевано право страны на выбор – участвовать ли в будущем европейском валютном союзе и соблюдать ли Социальную главу Маастрихтского договора, касающуюся прав рабочих и установления минимальной заработной платы. Таким образом, единство консерваторов на первый взгляд было обеспечено.

Но главные трудности, характерные для последнего периода правления Тэтчер, преодолеть не удалось. В частности, экономика оставалась в состоянии упадка. Причем на

этот раз больше всех пострадал средний класс Центральной Англии, на долю которого достались возросшая безработица, повышение процентов по кредиту, акции без фиксированного дивиденда, падение цен на недвижимость. Новая приватизация железных дорог тоже привела к весьма противоречивым последствиям.

Из-за проблем, обрушившихся на тех, кто был главной опорой правящей партии, и бесконечных трудностей в отношениях с Европой всем казалось, что на всеобщих выборах в апреле 1992 г. консерваторы наконец проиграют лейбористам. Во всяком случае, это явствовало из опросов общественного мнения. Но вышло по-другому. Джон Мейджор, который вел себя как простой, честный гражданин, чуждый ухищрений, неожиданно победил. Консерваторы получили 336 мест в Парламенте против 271 места, доставшегося лейбористам, и 20 мест, отошедших либеральным демократам. Правительству удалось завоевать поддержку «человека из Эссекса» – квалифицированного и полуквалифицированного рабочего-патриота, читающего газету «Сан» и живущего в новых городах типа Бесилдона. В процентном отношении консерваторы получили даже большую поддержку электората, чем предполагалось: за них проголосовало 41,85% избирателей, в то время как за лейбористов – 34,16%. Общее количество голосов, отданных за консерваторов, насчитывало 14 млн. 200 тыс., самый высокий показатель за всю историю. Выходило, что избиратели не слишком доверяли либо лейбористам, либо экономической компетентности их лидера Нила Киннока. Они думали, что лейбористы по-прежнему остаются партией, представляющей интересы определенного класса, и принадлежат скорее умирающему прошлому, а не благополучному будущему. Консерваторы победили на четвертых выборах подряд – лучший результат со времен победы вигов-либералов в XIX столетии, что произошло после отмены «хлебных законов». Казалось, впереди у них долгий период спокойного правления.

Но на деле консерваторов ожидал долгий период разногласий, разделяющий и травмирующий партию. Крушение началось с «Черной среды» 16 сентября 1992 г., которая нанесла такой удар, что от него не смогли оправиться ни партия, ни премьер-министр. В результате интенсивного давления на стерлинг Британии пришлось отказаться от механизма контроля курса валют Европейского союза и девальвировать фунт относительно всех основных валют. Для Мейджора и министра финансов Нормана Ламонта это стало сокрушительным поражением, подорвавшим веру избирателей в способность консерваторов компетентно управлять экономикой страны. Согласно опросам общественного мнения, их популярность резко упала. Лейбористы вырвались вперед и время от времени опережали консерваторов на 30%, причем ситуация в этом отношении не менялась все последующие четыре с половиной года. И было мало надежды на то, что правительство сможет вернуть доверие своих граждан.

Для избирателей наступившее экономическое возрождение обернулось сокращением финансирования общественных служб и повышением налогов. В 1993 г. Кеннет Кларк сменил Ламонта на посту министра финансов, и постепенно дела стали налаживаться. Был предпринят ряд непопулярных мер. Приватизация промышленности и коммунальных служб, флагман «тэтчеризма», уже потеряла свою привлекательность. Народ видел, что поезда на железных дорогах, принадлежащих частным владельцам, ходят не по расписанию, приватизация служб водоснабжения привела к перебоям с водой во время засушливых летних месяцев, а заработная плата управляющих компаниями значительно выросла.

Правда, был достигнут некоторый прогресс в Северной Ирландии. В конце 1993 г. в результате переговоров на Даунинг-стрит Мейджор достиг договоренности с премьер-министром Ирландии. В следующем году партия Шинн фейн объявила о прекращении военных действий, длившемся почти два года. Мир вернулся на улицы Белфаста, и британское военное присутствие на территории Ирландии сократилось. Однако ненадежное перемирие было в один миг нарушено взрывами на пристани Восточного Лондона в феврале 1996 г. Политическая пропасть, разделявшая протестантов и националистов-

католиков, оставалась такой же широкой, как во времена раздела Ирландии в 1922 г. Мейджору, подобно всем его предшественникам, не удалось преодолеть религиозную разобщенность и враждебность общин Северной Ирландии, унаследованную от предков.

Кроме того, партия консерваторов не преуспела в налаживании отношений с Европой. Маастрихтский договор 1991 г. не стал основой для установления гармоничных связей с партнерами по Евросоюзу, а послужил настоящей бомбой замедленного действия, которая неотвратимо привела правящую партию к поражению на выборах. Начиная с 50-х годов консерваторы под руководством Макмиллана и Хита всегда считались проевропейской партией, в то время как лейбористы относились к Европе враждебно. Теперь они поменялись местами. Лейбористы были убеждены, что Британия должна занять ведущее место в Европе и принять условия Социальной главы Маастрихтского договора по установлению минимального размера заработной платы, что горячо поддержали профсоюзы. Консерваторы же все больше заражались евроскептицизмом и еврофобией, характерными для правительства Тэтчер последнего периода, что затем превратилась в своего рода безумие.

Однако теперь антиевропейские настроения вызывались не пением имперских сирен, а угрозой национальной независимости Британии. Маастрихтский договор стал предметом широкого обсуждения, поскольку он угрожал верховной власти Короны в Парламенте, настаивал на присоединении к европейской сверхдержаве и вступлении в зону евро, уничтожающего историческое главенство фунта стерлингов. В кабинете консерваторов точно так же не было единства по европейским вопросам, как когда-то, в 1903-1905 гг., не было единства по вопросам реформы тарифов и сохранения империи. Джон Мейджор проявлял такую же нерешительность и беспомощность, как тогда Артур Бальфур, а, как известно, в 1906 г. это закончилось полным поражением консерваторов на выборах.

Год за годом в Палате общин кипели бои между разными фракциями консерваторов по поводу Маастрихта и отношений с Европой в целом. Раздробленность партии привела к большим потерям на дополнительных и местных выборах, и стало казаться, что на уровне рядовых членов организация близка к вымиранию. На выборах в Европарламент в июне 1994 г. лейбористы получили 64 места, консерваторы – 18, а либерал-демократы – 2. Затем дела пошли еще хуже. Развернулись дебаты по поводу обеспечения населения продовольствием. Говорили, что политика Брюсселя угрожает производству в стране телятины, ягнятины и ловле рыбы в британских территориальных водах. Но самое худшее началось с эпидемии губчатой энцефалопатии, новой болезни, поразившей скот; кроме того, погибло несколько человек, и возникла реальная угроза здоровью самого широкого круга людей. Европейский союз под влиянием Германии запретил экспорт английской говядины на континент. Все это произошло по вине правительства Тэтчер, отменившего контроль за кормами. Конечным же результатом явилось массовое возмущение британских фермеров-животноводов, консерваторов-«заднескамеечников» и всех противников объединения с Европой вообще. Летом 1996 г. возрождение антигерманских настроений достигло такого накала, какого страна не знала с 50-х годов. Желтая пресса, особенно газета «Сан», принадлежащая Мёрдоку, раздувала ксенофобию. Запрет на экспорт британской говядины продолжался. Мейджор, подстрекаемый бессмысленной критикой из рядов еврофобов, в мае 1995 г. ушел в отставку с поста руководителя партии, но на выборах нового лидера консерваторов с легкостью победил бросившего ему вызов представителя правых Джона Редвуда. Тем не менее этот эпизод послужил только еще одним подтверждением политической слабости Мейджора.

Настроения разочарования и цинизма, наблюдавшиеся в обществе в середине 90-х годов, подогревались, возможно, больше самим стилем жизни, чем политикой. Правительство тонуло в болоте сексуальных и финансовых скандалов, что сильно напоминало обстановку начала 60-х годов, когда тоже довольно долго продолжалось однопартийное правление. Уже подзабытое слово «аморальная» в применении к политической жизни стало для общества определяющим. Такие настроения раздувались желтой прессой, обрушившейся

на Мейджора и его правительство. Несколько не самых важных министров подали в отставку из-за того, что оказались замешаны в сексуальных скандалах. Даже в век моральной вседозволенности подобное поведение считалось политически неприемлемым, особенно для партии, неосмотрительно провозгласившей приверженность «семейным ценностям». Встав в позу моралистов и объявив, что «пора вернуться к основам», консерваторы оказались в двусмысленном положении и подготовили свое падение.

Кроме того, выявилось и еще нечто похуже – немало скрытых связей между миром бизнеса и финансов и политиками-консерваторами, что давало повод предполагать существование в Вестминстере глубоко укоренившейся коррупции. Министры и парламентарии-«заднескамеечники» негласно получали деньги от частных фирм и лоббистов-посредников. Последовал ряд министерских отставок.

Серьезные моральные проблемы существовали и в отдельных аспектах политики. Официальное расследование Скотта обвинило кабинет министров в сознательном введении в заблуждение Парламента по вопросу о продаже оружия Ираку вплоть до 1991 г. (которое затем было использовано против британских солдат во время «войны в заливе»). Комитет Нолана осудил существующие нормы общественной жизни и призвал к большей прозрачности в политике.

По американским стандартам или даже по стандартам итальянской политики подобные нарушения могли показаться незначительными. Но для Британии, где искоренение коррупции началось еще в конце XVIII в., эти разоблачения произвели впечатление шока. Само правительство казалось если не коррумпированным, то по крайней мере проявляющим равнодушие к подобным фактам, а Мейджор, его глава, – либо не знающим о том, что происходит, либо не придающим этому значения.

Атмосфера, в которой происходило падение престижа консерваторов и распространение «аморальности», сделала середину 90-х годов временем всеобщего разочарования. Критические труды, подобные «Государству, в котором мы живем» (1995) Уилла Хаттона, осуждали социальное неравенство, централизацию власти и говорили об исчезновение чувства общественного единения в эпоху пост-«тэтчеризма». Хаттон призывал возродить гражданственность и республиканскую солидарность. Многие общественные институты стали объектом критики, даже монархия, не знавшая подобных нападок со времен регентства. Народное осуждение обитателей Дворца подогревалось скандалами внутри королевской семьи, такими, как разъезд, а затем и развод принца Чарлза и принцессы Дианы. Критике подвергались богатство и стиль жизни королевы, а также ее нежелание адаптироваться к современности. Даже пожар в Виндзорском замке стал поводом для массовой критики, поскольку для ликвидации ущерба были использованы общественные фонды. Елизавета II, выступая с рождественским посланием в конце 1992 г., назвала уходящий год *annus horribilis* («ужасный год», лат.). Некоторую популярность начали приобретать республиканские идеи, особенно среди молодежи.

После скандала с пенсионным фондом Роберта Максвелла и неприятностей, постигших страховую компанию Ллойда, даже Лондонский Сити перестал пользоваться прежним доверием. Процесс над «бирмингемской шестеркой» показал, что в уголовном судопроизводстве возможны такие случаи, как превышение полномочий полицией и оказание давления на свидетелей. Министерство внутренних дел обвиняли в покушениях на гражданские свободы и в применении политической мотивации при трактовке законов.

Глубокое негодование многих граждан вызывало и состояние британского общества. С одной стороны, корпорация Докланда в восточной части Лондона на берегу реки возводила элегантную постмодернистскую по своему архитектурному стилю блоковую башню, окруженную экологически чистым парком, а с другой – прямо на Стрэнде, в центре города, под открытым небом ночевали бездомные молодые люди. Колоссальное неравенство в богатстве, доходах, образе жизни и состоянии здоровья становилось все очевиднее. Давно забытые болезни, вроде туберкулеза, начали распространяться среди бедных слоев населения, не говоря уже о новых, еще более страшных недугах, таких, как СПИД.

Существовали и другие источники нестабильности, например распад семьи. Каждая третья британская семья разводилась, и количество разводов в Великобритании достигло самого высокого в Европейском союзе уровня, обогнав даже Скандинавию. В районах типа Мерсисайда среди молодежи царила безработица, много беспокойств доставляли состояние жилья и наркомания, распространенная в городских кварталах. Фильм «На игле», снятый по роману эдинбургского писателя Ирвина Уэлша, точно обрисовал эту картину. Британское общество казалось духовно обнищавшим и социально разобщенным.

Однако во многих отношениях такая картина грешит преувеличением. Несмотря на все проблемы, Британия времен Мейджора процветала, а большинство граждан были вполне довольны жизнью. Хотя случай с убийством Стивена Лоуренса произвел удручающее впечатление и показал, что среди полицейских живы расовые предрассудки, в целом ситуация для национальных меньшинств изменилась к лучшему по сравнению с расовыми беспорядками, происходившими в период правления Тэтчер. Доходы семей возросли, так как большинство женщин, как одиноких, так и замужних, теперь работали. Число домашней прислуги (няни и гувернантки), впервые со времен короля Эдуарда, заметно выросло. Количество молодежи, поступающей в университеты, значительно увеличилось: треть представителей каждой возрастной группы поступала в эти учебные заведения. Большое распространение получило вечернее или заочное, а также дополнительное образование. Продолжительность жизни постоянно росла и достигла показателя 77 лет для женщин. Пенсионные накопления нередко позволяли пожилым людям уходить на пенсию раньше положенного срока и гарантировали им обеспеченную старость.

Отдых за границей стал обычным делом, чему способствовало открытие в 1994 г. тоннеля под Ла-Маншем для автомобильного и железнодорожного транспорта. Огромное большинство семей пользовалось центральным отоплением, микроволновыми печами, видеокамерами и персональными компьютерами. Информационные технологии, включая Интернет и цифровые услуги, позволили многим людям работать, не выходя из дому, и предоставили все возрастающий доступ к знаниям. К 2000 г. в стране насчитывалось 25 млн мобильных телефонов.

Большое оживление наступило в таких городах, как Глазго, Кардифф, Ньюкасл и Лидс, где появлялись все новые пабы, а также кафе и рестораны с самой разнообразной кухней. Огромной популярностью пользовалась национальная лотерея, собиравшая большие суммы на благотворительные цели. Возросшее благосостояние отразилось в активном проведении досуга. Особой любовью пользовался футбол, который получал значительные деньги от телевизионных трансляций и приглашал иностранных игроков с континента и из Латинской Америки. Весьма важным было и то, что успехи чернокожих футболистов, атлетов и игроков в крикет помогали преодолевать расовые предрассудки.

Британская культурная жизнь оставалась по-прежнему весьма активной. Лондон сохранял свое значение как литературный центр. Архитекторы Норманн Фостер и Ричард Роджерс получили международное признание. При этом весьма символично, что по проекту Фостера былпере строен берлинский *Reichstag,* открывшийся для обозрения в конце 1999 г. Особенно расцвел талантами английский кинематограф. Большие многозальные кинотеатры привлекали множество любителей кино, среди которых популярностью пользовались самые различные фильмы – от исторических драм, например «Безумие короля Георга» (производство телевизионного Канала 4) до комедий типа «Мужского стриптиза» (1997), в котором рассказывалась история шести молодых безработных из Шеффилда, решивших зарабатывать на жизнь стриптизом. Пресса постоянно сообщала об успехах британского искусства и поп-музыки. Появление таких поп-звезд, как «Спайс-гёрлз», свидетельствовало не только об утверждении «власти женщин» (girl power), но и о возникновении некоего эрзац-патриотизма. Пошли разговоры о «крутой» Британии, а также о лидерстве Англии на рынке моды, как это было во времена расцвета «Битлз» и «свингующих шестидесятых». В период 1995-1997 гг. экономика начала возрождаться вместе с ростом экспорта, но при этом наблюдатели отмечали отсутствие у

людей видимого удовлетворения происходящим. Общественное настроение казалось на удивление мрачным.

Причиной общей разочарованности стала политическая ситуация в стране. Тем не менее именно политика принесла надежду на возрождение. Партия лейбористов, которая совсем недавно, казалось, была обречена на вечную оппозицию как символ старого социализма и профсоюзных беспорядков, теперь неожиданно превратилась в партию будущего. Ее преображение началось еще при Кинноке, который отказался от левых убеждений. Его преемник, Джон Смит, продолжил процесс модернизации, ослабив власть профсоюзов и отстаивая на партийных конференциях при голосовании резолюций правило «один человек – один голос».

Однако настоящие перемены произошли после смерти Смита в 1994 г. Его преемником стал сорокадвухлетний Тони Блэр, выпускник частной школы адвокат, получивший образование в Оксфорде. Блэр отбросил старую идеологию и начал решительное обновление партии. Новый лидер производил приятное впечатление своей молодостью и стремлением к новшествам, благодаря этому он сумел стать самым успешным политиком в современной британской истории. Он говорил не о лейборизме, а о «новом лейборизме» и взывал не столько к старому рабочему классу, составлявшему когда-то основной электорат лейбористов, а к владельцам домов, купленных в кредит, к среднему классу Центральной Англии. Его языком был язык британского патриотизма, и он размахивал национальным флагом Соединенного Королевства. Британию Блэр провозгласил молодой страной, и, чтобы держать Лейбористскую партию «в курсе» новых идей и укрепить свое положение лидера, он сумел использовать весь сложный аппарат современных коммуникационных технологий. В Палате общин Блэр подшучивал над Мейджором, заявляя: «Вы следуете за своей партией, а я свою возглавляю».

«Новый лейборизм» был куда более открытым, чем прежний. Блэр повел диалог с лидерами Британской конфедерации промышленников и обхаживал желтую прессу, принадлежащую магнату Мёрдоку, которая так злословила раньше по поводу лейбористов. Он даже положительно оценивал достижения Тэтчер в области приватизации национализированных предприятий, увеличении числа собственников жилья и обуздании всесилия профсоюзов. Его образцом явно был не старый лейборизм, существовавший целый век от Кайра Харди до Каллагэна, но так называемый «рыночный социализм» австралийских лейбористов или, может быть, американской Демократической партии, руководимой Биллом Клинтоном.

В результате получилась на удивление нетрадиционная Лейбористская партия, которая отвергала государственное планирование, национализацию, без разбору раздаваемые пособия, перераспределение доходов и связи с профсоюзами, что было характерно для партии Эттли в 1945 г. В начале 1995 г. Блэр возглавил успешно завершившуюся кампанию среди лейбористов за отмену четвертой статьи Устава партии, в которой говорилось о ее приверженности политике национализации. Вдохновляемый неудачами тори и большим преимуществом лейбористов в опросах общественного мнения, он стал ведущей фигурой в британской политике.

Результат не замедлил сказаться на всеобщих выборах 1997 г. На этот раз опросы общественного мнения не подвели. Консерваторы потерпели полный крах, худший даже по сравнению с 1945 или 1906 г. Пожалуй, этот разгром оказался самым тяжелым с того времени, когда герцог Веллингтон в 1832 г. воспротивился введению великой реформы избирательной системы. 10,9% голосов избирателей были потеряны консерваторами и завоеваны лейбористами, которые получили 419 мест в Парламенте против 165 мест, доставшихся консерваторам. Сорок шесть мест выиграли либералы, для которых этот показатель был наилучшим с 20-х годов XX в. Пять министров кабинета потерпели неудачу в собственных округах; в Англии городские предместья в массовом порядке отдавали голоса лейбористам, не исключая округ Финчли, где баллотировалась сама Тэтчер. Все главные города страны проголосовали за лейбористов, а Шотландия и Уэльс не выбрали

вообще ни одного консерватора.

Еще одной примечательной особенностью этих выборов стало избрание в Парламент не менее 120 женщин, причем более 100 из них были членами Лейбористской партии и принадлежали к среднему классу, в то время как тред-юнионистский элемент в партии в значительной степень был ослаблен. Подобный переворот в настроении избирателей, какой не часто случался в британской истории, объяснялся несколько запоздалой реакцией на долгое правление консерваторов и раздражением, накопившимся со времен Маргарет Тэтчер, попытавшейся десять лет назад ввести подушный налог. Тони Блэр в свои сорок четыре года стал самым молодым премьером со времен королевы Виктории и сумел воспользоваться предоставленной ему властью.

Приход к власти лейбористов произошел на удивление гладко, поскольку экономическая ситуация в стране за последнее время быстро улучшалась. Впервые в истории лейбористское правительство не было поставлено перед лицом финансового кризиса, и экономическая стабильность с того времени ничем не нарушалась. Гордон Браун, новый министр финансов, вел себя очень осторожно и следовал своим предвыборным обещаниям – сохранить налоговую политику консерваторов и не превышать лимит государственных расходов. Отныне процентную ставку определял независимый комитет Банка Англии, а не политики правящей партии. Индекс стоимости акций поднялся с показателя 4300 в мае 1997-го до 6000 в конце 2000 г. В течение длительного времени во внутренней политике царил дух благоразумной сдержанности, даже консерватизма, особенно в том, что касалось сокращения некоторой части системы социального обеспечения, чтобы ослабить ее зависимость от государства и внедрить этический принцип «вознаграждение за труд». При этом протесты со стороны многих левых лейбористов были отброшены. Уровень обеспечения службы здравоохранения поначалу стала причиной серьезных противоречий, пока летом 2000 г. не произошло новое повышение ассигнований на ее нужды. Правительство, занимавшее левоцентристскую позицию, проводило политику, предусматривающую, с одной стороны, установление дружеских отношений с бизнесом, твердое соблюдение законности и порядка, внесение первых взносов за университетское образование, а с другой – налоговые скидки для семей, увеличение детских пособий и минимальной заработной платы (первоначально составлявшей 3,6 фунта в час), что указывало на частичное перераспределение расходов в обществе и попытку решения социальных задач.

В отношении Европы новое правительство было настроено более позитивно, чем его предшественники. Однако Блэр ничуть не больше Мейджора стремился присоединиться к единой европейской валюте. Его симпатии были в равной степени трансатлантическими и европейскими, и по поводу вступления в зону евро было решено провести референдум после следующих всеобщих выборов.

В Северной Ирландии долгий период насильственных действий наконец завершился политическим прорывом. В Страстную пятницу, в апреле 1998 г., представители Шинн фейн и лидеры юнионистов сели за стол переговоров. Они достигли соглашения по поводу создания в Белфасте выборной ассамблеи из 108 членов, подобной той, что была предложена для Шотландии, а также по поводу образования совместно с Ирландской Республикой Совета министров с представителями из Дублина и Белфаста для рассмотрения проблем безопасности и других вопросов. Кроме того, было решено учредить британско-ирландский Совет двух островов. Со времени разделения Ирландии в 1922 г. это стало самой успешной попыткой сближения между ольстерскими политиками, а для Блэра – одним из самых больших дипломатических достижений. В результате референдума, состоявшегося в Северной Ирландии месяц спустя, это соглашение было принято. Его поддержали более 71% населения (включая большинство протестантов). Несмотря на провал попытки организовать сдачу оружия со стороны групп, осуществлявших террористические акты, в ноябре 1999 г. Североирландская ассамблея начала работу. Министры – представители от Шинн фейн работали в ней под руководством лидера

юнионистов Дэвида Тримбла. Эта «историческая» инициатива, как ее тогда называли, начала, тем не менее, буксовать, когда работа Ассамблеи была приостановлена из-за внутренних разногласий. Ее деятельность возобновилась летом 2000 г., но атмосфера в Северной Ирландии оставалась очень напряженной, особенно во время так называемого «сезона маршей» протестантов, проходивших через католические кварталы. Мирный процесс застопорился.

Североирландское соглашение, которое могло стать предвестником британского федерализма, соответствовало другим, весьма радикальным мерам лейбористского правительства, начавшего проводить конституционные реформы и проголосовавшего за удаление из Палаты лордов наследственных пэров. В результате к концу 2000 г. в верхней палате осталось всего 92 лорда. Британия приняла на себя обязательства по введению европейского законодательства, касающегося прав человека и осуществила довольно скромные меры по расширению свободы информации. Куда более значительным событием стало проведение в сентябре 1997 г. референдумов в Шотландии и Уэльсе по передаче власти местным органам (деволюция). Шотландия подавляющим большинством проголосовала за шотландский парламент в Эдинбурге с правом самостоятельного установления налогов. В Уэльсе, напротив, проголосовали за создание выборной ассамблеи весьма незначительным большинством голосов (0,3%) при очень невысокой явке населения. Подобный исход мог стать драматическим событием для централизованного управления Соединенным Королевством в том виде, в каком оно осуществлялось начиная с 1707 г., когда был принят Акт о союзе Англии и Шотландии. Находились люди, которые полагали, что королевство больше уже не будет «Соединенным». Более того, избрание Парламента Шотландии летом 1999 г. на основе измененного пропорционального представительства и появление там коалиционного правительства лейбористов и либеральных демократов с сильным националистическим уклоном наряду с участием Британии во все более интегрированном Европейском союзе предрекали в дальнейшем большие перемены. Плюрализм во внутренней политике и интеграция в Европу могли привести к возникновению довольно свободной структуры, в которой роль закона, Парламента и кабинета министров претерпела бы значительные изменения, и создались бы совершенно новые представления о британских национальных особенностях (идентичности). Только немногие отреагировали на такую перспективу яростной вспышкой английского национализма. Большинство приняло грядущие перемены с традиционным хладнокровием, понимая их необходимость в постимперском мире с его информационной революцией и глобальной экономикой.

В январе 2000 г. британцы радостно встретили наступление нового тысячелетия. Правительство Тони Блэра прочно находилось у власти, и настроение в обществе было куда более мирным, чем все десять лет после ухода Маргарет Тэтчер с поста премьер-министра. Экономика развивалась; общество успокоилось (до некоторой степени даже в Северной Ирландии); в области гендерного равенства были достигнуты новые успехи; этнические меньшинства все больше становились частью общества; шотландцы и в меньшей степени валлийцы были заняты созданием собственных органов власти. Казалось, Британия, хотя бы на этот момент, определила для себя нужный стиль руководства, благодаря которому она чувствовала себя комфортно.

Конечно, давали себя знать огромные изменения, происшедшие за последние десятилетия. Постоянно трансформировались и теряли прежнюю строгую структурность взаимоотношения между классами, полами и поколениями, перемены не обошли стороной и такие краеугольные камни общества, как брак, семья и родительский долг. Официальное исследование, проведенное в июле 2000 г., показало, что за последние тридцать лет неравенство в обеспеченности, стиле жизни и в прочих возможностях ничуть не сократилось. Британия по-прежнему осталась классовым обществом. В том, что касается получения образования и дальнейшей карьеры, между детьми из состоятельных семей профессионалов и детьми неквалифицированных рабочих, как и раньше, пролегала

глубокая пропасть. Девочки-подростки из рабочих семей значительно чаще становились незамужними матерями, чем шли учиться в высшие учебные заведения.

Общественные институты, имеющие давнюю историю, с большим трудом справлялись с современными реалиями. Церковь Англии (Англиканская церковь) с огромным трудом приспосабливалась к секулярному веку; такие вопросы, как рукоположение женщин в сан священника, добавили ей беспокойства. В 2000 г. только сравнительно небольшая часть населения пожилого возраста регулярно посещала ее храмы. Нонконформистское мировоззрение превратилось в пережиток эпохи викторианства; в Уэльсе из-за накопившихся долгов у разных деноминаций их церковные здания просто разваливались. Католическая церковь с ее прихожанами-ирландцами постоянно терпела нападки из-за своего отношения к абортам. Только на самых дальних островах Западной Шотландии кальвинисты по-прежнему почитали воскресенье как День Господень (Lords's Day), но для всей остальной Британии воскресенье стало днем походов по магазинам, прогулок на автомобилях, посещений кино и футбола.

Монархия стала одной из главных жертв общественного смятения, наблюдавшегося в последнее время. Распространялись слухи, что принц Чарлз может не унаследовать трон после его матери, королевы Елизаветы II. Но 31 августа 1997 г., когда принцесса Диана, бывшая жена принца Чарлза, погибла в автомобильной катастрофе в Париже, реакция общественности оказалась неожиданной. На похоронах принцессы в Вестминстерском аббатстве люди искренне скорбели. Для них принцесса Диана была одновременно блистательной звездой шоу-бизнеса, воспеваемой желтой прессой, и своего рода аутсайдером в высшем обществе, так как она проявляла искреннее сочувствие к таким социальным изгоями, как больные СПИДом, бездомные, одинокие матери и выходцы из Азии. Ее похороны способствовали возрождению любви к монархии, хотя проявлялось это чувство не так почтительно и серьезно, как раньше. Столетний юбилей королевы Елизаветы, королевы-матери, состоявшийся в августе 2000 г., продемонстрировал взрыв народной любви, на которую некоторые члены королевской семьи могли рассчитывать. Референдум, проведенный в Австралии по поводу введения там республики, провалился, а республика в Британии по-прежнему казалась делом отдаленного будущего.

В какой-то степени Тони Блэр занял место принцессы Дианы, только он был не «свечой на ветру», как о ней говорили на похоронах, а скорее маяком власти. Несмотря на мрачные предсказания прессы, опросы общественного мнения констатировали в народе приверженность существующему обществу, не часто встречающуюся в современном западном мире. Никто особенно не хотел эмигрировать. Правда, прежний энтузиазм по отношению к «новому лейборизму» весной и летом 2000 г. несколько угас, и, судя по опросам, популярность лидера консерваторов Уильяма Хага немного продвинулась вверх. Начались жалобы на государственное обеспечение, здравоохранение и особенно на работу железнодорожного транспорта, возникло беспокойство по поводу состояния окружающей среды, в частности из-за появления генно модифицированных растений, по поводу различных про явлений молодежной культуры, требований чернокожих сообществ, а также экономического неравенства между Севером и Югом. Но все это были проблемы, возникшие внутри существующего социального порядка, и Британия, в отличие от многих стран на европейском континенте, не демонстрировала признаков зарождения расистского течения «новых правых».

В связи с празднованием нового тысячелетия 1 января 2000 г. в Гринвиче на берегу Темзы, недалеко от архитектурных шедевров Иниго Джонса и Кристофера Рена, был сооружен огромный пластиковый купол. Он стал наследником великой Всемирной выставки 1851 г. и Фестиваля Британии 1951 г., хотя и пользовался значительно меньшей популярностью, чем его предшественники полвека назад. В нем не чувствовалось ни в***и***дения прошлого, ни связи с историей, к тому же пресса отнеслась к сооружению весьма враждебно. Некоторые другие проекты, посвященные новому тысячелетию, тоже оказались неудачными. Например, пешеходный мост около собора Св.Павла пришлось закрыть через

день после открытия из соображений безопасности. Были воплощены и проекты, которые финансировались из средств, полученных от национальной лотереи, и которые показали, что среди британских архитекторов и инженеров, как и прежде, немало талантов. Таким был, в частности, стадион для игры в регби в Кардиффе и футуристический по своему стилю подвесной мост над рекой Тайн в Гейтсхеде, где предметом восхищения уже была гигантская скульптура под названием «Ангел Севера». Благодаря празднованию нового тысячелетия открылся целый ряд великолепных художественных галерей, часто в совершенно неожиданных местах, например в Уолсолле или галерея Лори в Сэлфорде. Очень много и похвально отзывались о новом Национальном музее в Эдинбурге. В Лондоне, на берегу Темзы, напротив здания Парламента, было сооружено гигантское колесо обозрения под названием «Глаз тысячелетия», которое пользовалось большой популярностью. Галерея Тейт, имеющая богатое собрание западноевропейской живописи и скульптуры конца XIX-XX в., была открыта в перестроенном здании бывшей электростанции в Бэнксайде. Это сооружение стало настоящим триумфом изобретательности и воображения (хотя строили его швейцарские архитекторы) и совершенно преобразило южный берег Темзы. На другой стороне реки был отреставрирован и открыт для посещений Сомерсет-хаус, архитектурный шедевр, созданный в 70-х годах XVIII в. Уильямом Чеймберсом. Такая обширная программа обновления архитектурного облика города придала Лондону динамизм, который обычно ассоциировался с Парижем и Нью-Йорком.

В период между 1914 и 2000 гг. Британия пережила целый ряд бурных изменений, причем весьма болезненных. Но при этом ее общество сохранило все признаки узнаваемости. Вопреки двум мировым войнам, массовой безработице 30-х, социальным волнениям 70-х и 80-х лицо Британии осталось прежним, как Сноудония или Эгдон Хит Томаса Гарди, – игра света или рисунок на поверхности кажутся новыми, но геологическое строение не изменилось. В 2000 г., как и в 1914-м, в людях сохранилось чувство привязанности к месту. Они по-прежнему любят свой Лондон (который в мае 2000 г. получил своего собственного избранного мэра левой ориентации, Кена Ливингстона), свой «Север» или Тайнсайд, Восточную Англию или Корнуолл, а кто-то ощущает особую национальную принадлежность к Шотландии или Уэльсу. Возможно, в результате передачи части властных полномочий парламенту Шотландии и ассамблее Уэльса (за которыми, видимо, последует дальнейшая децентрализация Англии, что естественно в контексте европейской региональной политики), это врожденное чувство местной общности может даже усилиться.

Население страны, может быть, в большей степени, чем прежде, сохранило свои особенности, разнообразие и индивидуальность. В обществе, состоящем по преимуществу из городского (а точнее, пригородного) населения, люди, живущие в сельской местности, сберегли острое ощущение своих особых потребностей и своей общности. Более того, это ощущение начало принимать жесткие формы выражения в виде так называемого Альянса людей, живущих в сельской местности, которые обеспокоены «правом на бродяжничество» в сельских районах и возможным запретом на охоту на лис. Британское общество в начале нового тысячелетия во многом осталось обществом соседей, где каждый занимается своим хобби, ухаживает за любимым садом и развлекается, в основном дома. Телевизионные сериалы часто пользуются успехом, потому что события в них происходят в идеализированном кругу людей, посещающих один и тот же паб, например, на Коронейшн-стрит в Сэлфорде или на Альберт-сквер в лондонском Ист-Энде. Несмотря на риторику «новых лейбористов», говорящих о «молодой стране», британцы сохранили чувство общего прошлого, хотя о британской истории в школьной программе теперь много спорят, а в Куполе тысячелетия (Millennium Dome) ее вообще проигнорировали. Британскую историю в ее настоящем придется радикально переосмыслить в плане ее плюрализма, поликультурности, принимая во внимание кельтское самоопределение, американизированную молодежную культуру, иммиграцию из стран Содружества и

членство в Европейском союзе.

Народная традиция проглядывает в бесчисленных местных праздниках, в культуре старинных кафедральных городов и курортных местечек, в уэльском национальном ежегодном фестивале бардов, *eisteddfod,* в Хайлендских играх и многонациональном карнавале, уже тридцать лет происходящем в лондонском Ноттинг-Хилле. Древнее соперничество между знаменитыми футбольными клубами (с ирландским оттенком в Глазго) по-прежнему живо, несмотря на то что почти все игроки в настоящем – иностранцы. Ощущение истории воплощено в таких общественных институтах, как монархия, Парламент и старые университеты. Что-то подобное, но как более глубокое чувство, выражающееся в общей решимости, появляется в годы войны или в ответ на внешнюю угрозу. Средства массовой информации, исторические кино- и телевизионные фильмы пробуждают мистическое осознание древней общности. Неслучайно самым популярным кинодраматургом 90-х годов была Джейн Остин. По опросам общественного мнения, проведенным в январе 2000 г., Уильям Шекспир был признан Человеком тысячелетия.

Невзирая на десятилетия тяжких потрясений, британское общество осталось органичным, сравнительно мирным и сохранило способность к обновлению. Иногда в нем возникают глубокие, даже непримиримые противоречия. Так, в сентябре 2000 г. общественность требовала увеличить расходы на образование, здравоохранение и охрану окружающей среды и одновременно протестовала против высоких налогов на бензин. Неуязвимое до тех пор правительство Блэра испытало серьезное потрясение, хотя планируемая вторая акция протеста в Ярроу была отменена, так как она показалась актом неуважения к памяти первого марша безработных из Ярроу на Лондон в 1936 г. Тем не менее формы протеста, характерные для британцев, являются свидетельством их внутренней воспитанности. Британцев отличает терпимое отношение к человеческим странностям, включая такую область, как сексуальные склонности, а также отрицательное отношение к насилию над человеком и единообразию независимо от того, навязывается ли оно Уайтхоллом или Брюсселем. О «Дереве свободы» по-прежнему заботятся группы защитников окружающей среды и гражданских свобод. Поборники прав иммигрантов и политических беженцев стали естественными наследниками дела левеллеров и Тома Пейна.

Как и раньше, во времена процветания и могущества страны, в начале нового тысячелетия ценности, которым служат британцы, укрепились и стали еще очевиднее. Таким же образом они смогут утверждаться и в следующих столетиях.